

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2020. № 458. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 458. September

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robayov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekhaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Байбатырова А.А. Дискурсивные стратегии и тактики структурирования методологии исследования в англоязычных научных статьях.....	5
Жиронкина Е.С. Инфантильное сознание и его нарративное воплощение в романе Джонатана Литтелла «Благовоительницы».....	16
Колмогорова А.В. Эмоционально нейтральные интернет-тексты: в поисках специфики.....	22
Коняева Ю.М., Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Речевая этикетность сетевого общения: семантика и прагматика номинаций пользователей.....	32
Кравинская Ю.Ю., Полховская Е.В. Специфика постколониального текста переселенческих обществ Австралии и Новой Зеландии: сравнительный аспект.....	41
Пахомова А.С. Литературная репутация М.А. Кузмина: Канон, рецепция, стратегия.....	51

ФИЛОСОФИЯ

Бурмистров С.Л. Об одной интеркультурной параллели в понимании природы языка: Гумбольдт, Эмерсон, Бхартрихари.....	60
Желнин А.И. Био-онтологический статус старения: атавизм или адаптация?.....	72
Савин А.Э. Истоки интерпретации и критики философских основ ленинизма в западном марксизме.....	79
Целищев В.В. Интенциональность: от философской логики к метаматематике.....	85

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии.....	90
Калашникова К.Н. Визуальная коммуникация в городском пространстве Новосибирска: дифференциация и восприятие.....	101
Кулагина Н.В. Удовлетворенность жителей малых российских городов качеством своей жизни (на примере Пермского края).....	110
Щербинина Н.Г., Севостьянов А.В. Позиционирование университетского города: соотношение смыслового и визуального аспектов бренда.....	116

ИСТОРИЯ

Афанасьев А.Л. Общества трезвости в Екатеринбург и Екатеринбургском уезде Пермской губернии в 1907–1914 гг.	124
Аюшеева М.В. Антирелигиозная печатная пропаганда в Буреспублике (на примере журнала «Эрдэм ба Шажан»).....	130
Загваздин Е.П. К истории Преображенского (Абалакского) погоста в XVII в.	136
Захарова Н.В. Грамотность взрослых в США, 1992–2014 гг.: результаты национальных и международных тестирований.....	144
Миронюк С.А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917–1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона «Сибирь» от 20 декабря 1919 г.).....	153

CONTENTS

PHILOLOGY

Baibatyrova A.A. Rhetorical Moves and Steps of Structuring Methodology in the English Language-Based Research Articles.....	5
Zhironkina E.S. Infantile Consciousness and Its Narrative Incarnation in Jonathan Littell's Novel <i>Les Bienveillantes</i>	16
Kolmogorova A.V. The Specificity of Emotionally Neutral Internet Texts.....	22
Konyaeva Yu.M., Prokofeva N.A., Shcheglova E.A. Speech Etiquette in Network Communication: Semantics and Pragmatics of Users' Nominations.....	32
Kravinskaya Yu.Yu., Polkhovskaya E.V. The Specificity of Postcolonial Text of Settler Societies in Australia and New Zealand: A Comparative Aspect.....	41
Pakhomova A.S. Mikhail Kuzmin's Literary Reputation: Canon, Reception, Strategy.....	51

PHILOSOPHY

Burmistrov S.L. On One Intercultural Parallel in the Philosophy of Language: Humboldt, Emerson, Bhartrhari.....	60
Zhelnin A.I. The Bio-Ontological Status of Aging: Atavism or Adaptation?.....	72
Savin A.E. Origins of the Interpretation and Criticism of Philosophical Foundations of Leninism in Western Marxism.....	79
Tselishchev V.V. Intensionality: From Philosophical Logic to Metamathematics.....	85

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Bahriev B.Kh., Rustamova L.R. Soft Power of a Military Organization: NATO's Public Diplomacy in Central Asia.....	90
Kalashnikova K.N. Visual Communication in the Urban Space of Novosibirsk: Differentiation and Perception.....	101
Kulagina N.V. Satisfaction of Small Russian Cities' Residents with the Quality of Their Lives: A Case Study of Perm Krai.....	110
Shcherbinina N.G., Sevostianov A.V. Positioning of a University City: The Correlation of the Semantic and Visual Aspects of the Brand.....	116

HISTORY

Afanasev A.L. Temperance Societies in Yekaterinburg and Yekaterinburg Uyezd of Perm Governorate in 1907–1914.....	124
Ayusheeva M.V. Anti-Religious Printed Propaganda in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic: A Case Study of the <i>Erdem ba Shazhan</i> Magazine.....	130
Zagvazdin E.P. The History of the Transfiguration (Abalak) Churchyard in the 17th Century.....	136
Zakharova N.V. Adult Literacy in the USA, 1992–2014: Results of National and International Assessments.....	144
Mironyuk S.A. The Control Over the Trans-Siberian Railway as a Motive for Britain's Participation in an Allied Intervention in the Far East and Siberia in 1917–1919 and Its Role in the Operation (Based on the Memorandum "Siberia" by George Nathaniel Curzon (December 20, 1919)).....	153

Сарычева Т.В. Распространение физической культуры как части советской культуры в среде трудящейся молодежи Западной Сибири в период индустриализации и коллективизации (1930-е гг.)	160	Sarycheva T.V. Physical Culture as Part of the Soviet Culture of the Working Youth in Western Siberia in the Period of Industrialization and Collectivization (1930s)	160
Хаминин Д.В., Сорокин А.Н. Рожденные революцией: профессиональное сообщество историков Азиатской России в тисках Гражданской войны	168	Khaminov D.V., Sorokin A.N. Born by the Revolution: The Professional Community of Historians of Asian Russia in the Grip of the Civil War	168
Шевцов В.В. Деятельность редактора-цензора в «Томских губернских ведомостях» в 1907–1908 гг.	177	Shevtsov V.V. Activities of the Censor-Editor in <i>Tomskie Gubernskie Vedomosti</i> in 1907–1908	177

ПЕДАГОГИКА

Большой А.В., Загrevский О.И. Вариативное распределение нагрузки по основным группам упражнений в соревновательном мезоцикле тяжелоатлетов высокой квалификации	185	Bolshoy A.V., Zagrevsky O.I. Variable Load Distribution for the Main Groups of Exercises in the Competitive Mesocycle of Highly Qualified Weightlifters	185
Маховиков А.Б., Вахнина Е.Г., Курта И.В. Межличностное восприятие студентов-первокурсников и преподавателей в связи с удовлетворенностью обучением по дисциплине	194	Makhovikov A.B., Vakhnina E.G., Kurta I.V. First-Year Students' and Teachers' Interpersonal Perception in Connection with Satisfaction with Training in the Discipline	194
Миронов А.О., Ларкина К.Д., Петрина З.И. Методика развития способности к равновесиям у юных гимнасток	205	Mironov A.O., Larkina K.D., Petrina Z.I. Methods of Developing the Ability to Balance in Young Gymnasts	205
Можаяева Г.В., Маслова Д.А., Кабанова Т.В., Яковлева К.И. Исследование эффективности моделей сопровождения массовых открытых онлайн-курсов	211	Mozhaeva G.V., Maslova D.A., Kabanova T.V., Yakovleva K.I. A Study of the Effectiveness of Massive Open Online Courses Support Models	211
Обдалова О.А., Левашкина З.Н. Нарративно-коммуникативная технология обучения иностранному языку: определение сущности и особенностей	223	Obdalova O.A., Levashkina Z.N. The Narrative-Communicative Technology of Foreign Language Teaching: Definition and Peculiarities	223

ПРАВО

Имекова М.П. Экологическое саморегулирование субъектов предпринимательской деятельности в России: постановка вопроса	233	Imekova M.P. Environmental Self-Regulation of Business Entities in Russia: The Statement of the Problem	233
Исаева А.А. Право на религиозную автономию и прецедентная практика Европейского суда по правам человека	239	Isaeva A.A. The Right to Religious Autonomy and the Case-Law of the European Court of Human Rights	239
Михеева И.В., Логинова А.С., Пронина Н.В. Режим перемещения культурных ценностей в ЕАЭС	250	Mikheeva I.V., Loginova A.S., Pronina N.V. Regime for the Movement of Cultural Property in the EAEU	250
Ящук Т.Ф. От истории русского права к истории государства и права СССР: трансформация науки и учебной дисциплины в 1917–1940-е гг.	261	Yashchuk T.F. From the History of Russian Law to the History of State and Law of the USSR: The Transformation of the Science and the Academic Discipline in 1917–1940s	261
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	270	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	270

PEDAGOGICS

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

А.А. Байбатырова

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ

Данное исследование предлагает расширенную классификацию стратегий и тактик структурирования Методологии 40 англоязычных научных статей, основанную на коммуникативно-семантических функциях идентифицированных текстовых сегментов. Квантитативный метод анализа позволил выявить как более, так и менее конвенциональные тактики, которые представляют дискурсивные единицы, позволяющие современным ученым целенаправленно и убедительно продвигать свои исследования в научный мир в условиях сильной конкуренции.

Ключевые слова: методология; стратегия; тактика; структурирование; частотность.

Введение

«Методология» является одной из ключевых разделов экспериментальной научной статьи, состоящей из Введения, Методологии, Результатов, Обсуждения и Заключения (схема IMRD в английском варианте). В то же время Методология остается одной из малоизученных глав: до сих пор не сформулированы ее коммуникативно-прагматические функции и не достаточно хорошо изучена ее метадискурсивная риторика. К примеру, Дж.М.-Х. Лим отмечает, что поскольку авторы Методологии стремятся получить положительную оценку проведенного исследования со стороны адресатов, то необходимо изучить и понять, как они используют повторяющиеся модели описания анализа данных [1. Р. 35]. Что касается коммуникативной функции Методологии, считается, что она связывает авторское исследование с уже установившейся областью знаний и укрепившейся методологической традицией [Р. С. 92]. По мнению М. Каргил и Р. О'Коннора, цель Методологии заключается в предоставлении необходимой информации о проведенных процедурах анализа для установления достоверности будущих результатов. Эта информация необходима для того, чтобы адресаты могли оценить исследование и выявить, отражают ли его результаты утверждения авторов. Методология должна содержать информацию о методах, которые могут быть воспроизведены другими учеными для подтверждения их надежности [3. Р. 35]. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Методология имеет прямое отношение к результатам исследования, так как отвечает за их достоверность. Следовательно, ее композиционно-смысловая структура должна быть организована логично, целостно и связно. Кроме того, ее риторика должна быть представлена ясным научным языком. Эффективное построение риторики текста становится ключевой задачей для оптимизации научного общения.

Необходимо упомянуть, что данная глава не всегда озаглавляется как «Методология», что также упоминается в литературе, посвященной исследованиям научных статей по лингвистике [4]. В статьях по математике она может отсутствовать, так как описание методологических процедур присутствует в других

главах [5]. Согласно нашему исследованию, данная глава именуется преимущественно Methodology, (Present) Study, Method(s), Research Method и Material and Procedures. В данном исследовании выбран термин «Методология», который подразумевает как теоретико-методологическую концепцию ученого, так и материалы, средства, инструменты и участников исследования. Методология является центром, вокруг которого организуется пропозициональное содержание и структура всех разделов научной статьи [6. Р. 394].

Предшествующие исследованию структуры Методологии в целом идентифицировали типичные стратегии и тактики, предпринимаемые авторами для продвижения всей научной статьи. Однако представленные модели различаются по частотности и важности стратегий (moves) и тактик (steps) в различных областях знаний: менеджмента [7], биохимии [8], инженерии [9], биологии [10]. В основе упомянутых классификаций дискурсивных стратегий и тактик лежали различные критерии, что вело к непоследовательности и несогласованности в описаниях данного раздела. В результате одни действия вошли в список стратегий, тогда как другие были представлены как тактики. Кроме того, в одних работах одни и те же действия выступают как стратегии, в других – как тактики.

Современные исследования стратегий как дискурсивных единиц структурирования научных текстов в значительной степени основываются на анализе корпуса текстов. Корпусные исследования структуры текстов считаются наиболее достоверными, так как на основе большого количества данных они позволяют выявлять как наиболее типичные, так и наименее конвенциональные стратегии и тактики, их функции и языковые средства выражения [11]. Корпусный подход расширяет и методологические возможности дискурсивного анализа, демонстрируя, что «единичный текст есть часть серийной дискурсивной практики» [12. С. 143].

Кроме того, корпусный подход позволяет выявить обязательные и универсальные стратегии письма, используемые в различных научных дисциплинах. К примеру, такой анализ был проведен на материале 900 текстов из 30 дисциплин (1 423 131 слов). Представленная модель Методологии «Точность и Досто-

верность» состоит из трех стратегий и шестнадцати тактик [2]. Важность корпусного подхода для охвата множества дисциплин подчеркивается также М. Пиком, который, изучив риторико-коммуникативную структуру 288 методологий из восьми областей знаний, установил междисциплинарные различия в наличии некоторых стратегий и частотности их проявления [13].

Ученые подчеркивают, что концептуальные характеристики различных областей знаний определенно влияют на организацию этой главы и усложняют создание универсальной модели ее структуры. Дж.М.-Х. Лим отмечает, что очень сложно составить всеобщую универсальную модель Методологии, так как специализированный характер содержания и разнообразие представленных знаний в различных дисциплинах, несомненно, влияют на ее структурирование. Следовательно, некоторые тактики письма, выявленные в одних дисциплинах, могут отсутствовать в других [7].

Дискурсивные стратегии и тактики являются реализацией основной прагматической цели авторов – убеждения адресатов в достоверности и надежности выполненного исследования. Они являются ключевыми элементами научной аргументации и достижения одобрения и солидарности со стороны академического сообщества [14]. Академическое сообщество, к которым причисляются коллеги-ученые, журнальные рецензенты рукописей статей, а также начинающие ученые предъявляют определенные требования, которые обязательно учитываются авторами при создании научного текста.

Информация в статье отражает научную картину мира, основанную на специфических особенностях исследуемой области знания, однако представленную с точки зрения автора текста. Рассуждая об образе истории в текстах, В.Е. Чернявская ставит вопрос: насколько объективно языковые средства ее представляют, «выступая посредниками между исследователем и реальными фактами» [15. С. 76]. Эта информация имеет социальную значимость, так как адресована читателям с определенным фондом знаний. Для создания необходимой реальности в тексте ученые организуют его содержание согласно дискурсивным стратегиям [16, 17]. Дискурсивные стратегии структурирования Методологии демонстрируют прагматическую направленность коммуникации на убеждение реципиентов в надежности проводимых процедур исследования. Этим и объясняется тот факт, что в современных Методологиях авторы не только очень подробно описывают использованные методы и средства, но и объясняют и оценивают их надежность и эффективность. В связи с этим можно прийти к заключению, что все стратегии и тактики конструирования текста являются способом продвижения всего исследования [18] и позиционирования автора как компетентного ученого [19].

Цель данной работы – выявить наиболее конвенциональные стратегии и тактики структурирования Методологии в англоязычных статьях и продемонстрировать ее сложную организацию и многоступенчатую логику аргументации. Можно предположить, что самые частотные тактики являются конвенцио-

нальными ключевыми элементами авторской аргументации и продвижения всей методологии исследования.

Методология исследования

Материалом исследования послужили 40 разделов «Методология» научных статей, опубликованных в журналах с высоким индексом цитирования (English for Academic Purposes (EAP), English for Specific Purposes (ESP), Discourse Studies (DS) и Written Communication (WC)) в период с 2005 по 2018 г., с общей суммой 38 986 слов. Интерес к этим журналам объясняется не только в связи с их высоким импакт-фактором, но и тем, что авторы многих анализируемых статей сами исследуют риторику научных текстов, анализируют характеристики различных типов дискурса, т.е. являются экспертными теоретиками и практиками письменной речи. В связи с этим их статьи представили особый интерес для понимания того, как эти эксперты-профессионалы структурируют тексты и актуализируют персуазивность своего дискурса.

Данная работа основывалась на концепции анализа риторики научного письма «Создай исследовательское пространство», которая позволяет выявить стратегии и тактики структурирования научного текста [16, 17]. Согласно этой концепции, стратегия (move) представляет собой дискурсивную единицу, выполняющую соответствующую коммуникативную функцию [17. Р. 228–229], тогда как тактика (step) является текстовым элементом, реализующим эту стратегию [11. Р. 24]. Р. Холмс также соотносит стратегию с сегментом текста, сформированным на основе определенной коммуникативной функции [20]. К примеру, текстовый фрагмент «Методология, как ключевой раздел статьи, не достаточно изучена в существующей научной литературе» выполняет коммуникативную функцию «указание на пробелы в изучении темы в предшествующей литературе» (Тактика 4 в данном исследовании).

Научная статья предстала как особый жанр, которому свойственны свои законы письма: структурно-композиционные модели и соответствующие языковые единицы, представляющие знания в текстовой форме. Последующие изыскания развили и разнообразили жанровые исследования глав научных статей: Аннотации [21–24], Введения [25–28], Результаты, Обсуждения и Заключение [29–35].

Согласно целям данного исследования, в анализируемых статьях были выделены дискурсивные сегменты, отражающие действия авторов по убедительному представлению научного знания посредством эффективной организации структуры текста и последовательности логических шагов. Важно отметить, что выявление коммуникативных функций каждого сегмента текста основывалось на пропозициональном содержании и языковых средствах его выражения. Таким образом, сегментирование текстов происходило на основе коммуникативно-семантических и языковых показателей развития методологии исследования.

Все идентифицированные сегменты были классифицированы в категории согласно их коммуникативным функциям, затем распределены как стратегии и тактики научного письма. Каждая категория была зашифрована под определенную тактику и внесена в соответствующую группу стратегий. Как показывает анализированный корпус Методологий, стратегии и тактики имеют циклический характер, несколько раз повторяясь по ходу текста. В таблице представлены все идентифицированные стратегии и тактики, проявившиеся хотя бы один раз в одном тексте, что выражено в проценте частотности. Тем не менее авторы текстов неоднократно пользуются многими выделенными стратегиями и тактиками для убедительного представления исследовательской части работы.

Таким образом, процедура анализа Методологий включает несколько этапов. Во-первых, на основе пропозиционального содержания и коммуникативных функций выделены сегменты текстов, которые классифицированы в единицы анализа: стратегии и тактики. Стратегии показывают коммуникативное намерение, тогда как тактики реализуют их в действии с определенной функцией. Более того, к этим текстовым сегментам был применен дискурсивный анализ – «инструмент описания транстекстовых структур и их глубинной связности, интертекстуальности, интердискурсивности» [36. С. 85]. Во-вторых, для выявления их частотности был применен количественный метод и составлена наиболее вероятностная модель дискурса Методологий, так как в данном исследовании представлены репрезентативные образцы выделенных кате-

горий. Сочетание количественного метода и качественного дискурсивного анализа позволяет увидеть реальные черты текстов и достичь довольно высокой степени вероятности и доказательности полученных результатов. Вопрос доказательности представляется ключевым при анализе текстовой структуры и выявлении дискурсивных процессов [37]. Многократное чтение и анализ образцов текстов позволили провести проверку надежности процедур, а также совершенствовать шифрование, именованное, классификацию и анализ идентифицированных стратегий и тактик.

Обсуждение результатов исследования

Классификация стратегий и тактик

В целом, несмотря на сравнительно схожие коммуникативные стратегии и тактики структурирования Методологий, идентифицированные в немногочисленных исследованиях, их количество, частотность и классификации значительно различаются в зависимости от условностей и стандартов научного письма, принятых в различных дисциплинах [2, 7–9]. В данной работе на основе изученного фактического материала составлена модель стратегий и тактик, отличающаяся своей структурой и включением новых тактик, не выявленных в предыдущих исследованиях [2, 7–9, 38]. Анализ 40 Методологий позволил выделить три основных блока стратегий, включающих множество тактик, которые были подробно описаны и включены в данную модельную схему (таблица).

Т а б л и ц а

Стратегии и тактики структурирования Методологии и их частотность

Стратегии и тактики	Частотность стратегий и тактик, %
Стратегия 1. Теоретико-методологическое обоснование исследования	
Т 1. Описание структуры главы «Методология»	7,5
Т 2. Ссылка на предшествующую литературу	100
Т 3. Предоставление общей информации по теме	55
Т 4. Указание на пробелы в изучении темы в предшествующей литературе	12,5
Т 5. Описание теоретико-методологической базы исследования	75
Т 6. Определение понятий или терминов	32,5
Т 7. Описание цели и / или задач	52,5
Т 8. Формулирование гипотезы	10
Т 9. Указание на значимость исследования	20
Стратегия 2. Описание исследования	
Т 1. Описание процедур анализа материала	70
Т 2. Обоснование процедур анализа данных	50
Т 3. Проверка надежности процедур анализа	15
Т 4. Указание на сложность проведения анализа	10
Т 5. Указание на новизну или авторский вклад в исследование темы	15
Т 6. Указание на недостатки исследования	10
Т 7. Сообщение предварительных результатов	12,5
Т 8. Интерпретация предварительных результатов	10
Т 9. Сравнение предварительных результатов с результатами в других исследованиях	12,5
Т 10. Ссылка на примеры, таблицы, рисунки, приложения или другие разделы статьи	100
Стратегия 3. Представление материалов и участников	
Т 1. Представление данных	87,5
Т 2. Представление источников данных	95
Т 3. Описание процедур выборки данных	40
Т 4. Представление участников исследования	35
Т 5. Описание места проведения исследования	12,5
Т 6. Описание инструментов исследования	35

Необходимо подчеркнуть, что порядковые номера стратегий и тактик не обязательно отражают органи-

зационную последовательность, так как они циклически повторяются в рамках всей Методологии. Типич-

ными циклами оказались *материалы*→*процедуры анализа данных*, с помощью которых описываются материалы (любые тексты, к примеру, статьи), их источники (журналы или другие корпусные базы, интервьюируемые участники эксперимента), обработка и анализ данных (языковые единицы). Таким образом, последовательность стратегий и тактик не имеет линейную структуру. К сожалению, описание всех тактик не может быть представлено здесь в связи с ограничениями объема статьи. Однако самые частотные описаны выборочно.

Стратегия 1. Теоретико-методологическое обоснование исследования. Данная стратегия демонстрирует научно-теоретическую основу исследования. Авторы создают научное пространство для собственного экспериментального исследования. Кроме того, адресаты получают информацию о том, какие методологические концепции послужат основой для анализа данных. Как показал наш корпус, в каждой из изученных Методологий присутствовала эта стратегия, реализованная одной или несколькими тактиками.

Т 2. Ссылка на предшествующую литературу. Во всех Методологиях используется эта тактика, что говорит о ее обязательности, выраженной в стопроцентном показателе. Авторы ссылаются на другие источники литературы с помощью цитирования при необходимости подкрепления методологических аспектов исследования точками зрения авторитетных ученых. Кроме того, цитирование указывает на степень компетентности авторов в методологии исследования, а также в целом на их знания истории развития темы и умения находить неизученные аспекты области исследования. В действительности функции цитирования разнообразны [39, 40]. Интересно, что Е.А. Баженова использует понятие «чужая речь» и отмечает, что ее основной функцией является «выражение преемственной связи нового знания и предшествующего» [41. С. 90]. Непосредственно в отношении Методологии Е. Котос и другие отмечают, что ссылка на источники интегрирует авторскую методологию исследования в научное пространство предшествующей литературы [2. Р. 97].

Эта точка зрения подтверждается нашим корпусом текстов. Также ссылка используется для определения точек зрения на частные вопросы, которые могут быть ключевыми для дальнейшего исследования. Авторы стремятся внести ясность в интерпретацию тех или иных понятий или терминов.

(1) Both Explanations and Critiques require students "to demonstrate/develop understanding of the object of study," while Critiques also focus on "the ability to evaluate and/or assess [its] significance" (Nesi & Gardner, 2012, p. 37). (Staples et al., WC, 2016).

Более того, изученный корпус показал небольшое количество самоцитирования, особенно в статьях, написанных признанными учеными. Такие ссылки указывают на то, что данное исследование является продолжением предыдущей работы или же упоминанием своих концепций, получивших развитие в данной статье.

(2) In the present research, the researcher used the same methods and definitions and drew on an existing

framework of discussion sections developed in previous research in Applied Linguistics (Basturkmen, 2009) to examine discussions in the Dentistry articles. (Basturkmen, EAP, 2012).

Самоцитирование является важным способом демонстрации доказательств достижений ученых и надежности их исследований [42. Р. 214]. Ученые проводят свои изыскания в рамках определенных традиций, установившихся в областях знаний и контексте социальной коммуникации. Следовательно, самоцитирование позволяет авторам провести связь между своими достижениями и результатами исследований в научном сообществе. Кроме того, оно показывает, что авторы статей обладают некоторым опытом научной деятельности, и повышает доверие других ученых в отношении их достигнутых результатов.

Т 3. Предоставление общей информации по теме. Данная тактика включает соответствующую информацию методологического, эмпирического, теоретико-практического характера по теме исследования. Авторы, таким образом, не только показывают свою осведомленность в изучаемой теме, но и указывают, что их исследование является частью научно-практической традиции. Здесь авторы могут упомянуть достижения в изучении темы, вклад определенных теоретиков и практиков (к примеру, педагогов), а также выводы из предыдущих изысканий. В данном случае цитирование других источников не обязательная тактика, а скорее вероятностная. К примеру:

(3) The earliest mention of a literary abstract I found was in the May 1968 issue of PMLA ("For Members Only section"), which contains the MLA "Guidelines for abstracting scholarly articles" (p. 459). The guide instructs authors to submit informative abstracts for the MLA abstract system, except for cases when an indicative abstract is the only option, and contains explicit content and style related instructions. However, unlike most journals in other disciplines, PMLA does not provide specifications on abstracts for its authors today because, as the editors of PMLA explained, abstracts vary relative to the article content (e-mail communication). (Tankó, EAP, 2017).

Т 5. Описание теоретико-методологической базы исследования. Данной тактикой авторы подробно описывают выбранный ими подход к анализу материала, который может быть известным, общепринятым, или же узко авторским нововведением. К тому же исследования могут комбинировать несколько методов, что нашло отражение в большинстве анализируемых Методологий.

(4) To examine the impact of discipline, we use the disciplinary groups identified by Nesi and Gardner (2012) for the BAWE corpus (Arts and Humanities, Social Sciences, Life Sciences, and Physical Sciences). These disciplinary groups were identified by the creators for the over 30 disciplines represented in the corpus (Gardner & Nesi, 2013; Nesi & Gardner, 2012). For efficiency and for the sake of comparison, we grouped the texts from Life and Physical Sciences together to represent science writing as has been done in other recent studies (e.g., Biber & Gray, 2016). (Staples et al., WC, 2016).

(5) *Moves and steps identified and described in the literature (particularly Dudley-Evans, 1994; Swales & Feak, 1994; Weissberg & Buker, 1990) were taken as the starting point for analysis, but where part of the text seemed to have a purpose different from anything already identified in the literature, a new move or step was proposed.* (Bunton, EAP, 2005).

Т 7. Описание цели и / или задач. Несмотря на обычное указание на цель и задачи в разделе «Введение», часто включающем несколько подразделов, такие случаи также были идентифицированы в Методологии, что позволяет думать о намерении авторов конкретизировать объект изучения.

(6) *...this study will examine the ways in which writers position their studies in the discipline by looking at the communicative purpose of the strategies used.* (Sheldon, EAP, 2011).

Специальное упоминание цели и задач фокусирует внимание адресатов на поставленных проблемах, важных для решения в предпринятом исследовании. В некоторых Методологиях задачи расписаны в форме вопросов, к которым необходимо найти ответы. Так, в примере (7) авторами намечена цель, включающая две задачи, которые, в свою очередь, преследуют другую цель, подразумевающую решение еще двух задач. Вопросительная форма постановки задач позволяет ученым ясно представить цели исследования, благодаря чему адресаты могут увидеть глубину и последовательность авторских действий. Такая тактика усиливает аргументацию авторов и повышает доверие к исследованию со стороны научного сообщества.

(7) *The study assumes a section- and move-specific approach to the analysis of citation in research texts. It seeks to answer two groups of research questions about the citations found in the Results and the Discussion sections of 40 articles published in two IS journals. The first group of questions is:*

1. *What types of epistemic entities and what types of existing knowledge about these entities are referred to through citations in the sections?* 2. *What roles do the types of knowledge referred to in Question 1 in relation to the specific move contexts in which the citations occur?*

Answers to the above two questions aim to generate evidence that can be used to establish a functional-semantic typology to classify the citations found in the Results and the Discussion sections of the corpus. The second group of questions aims to examine the distribution of the types of the citations represented in the typology across the two Results and the Discussion sections:

3. *How do the types of citations distribute across the Results and the Discussion sections of the journals?* 4. *Is there any cross-journal difference in the distribution of the above types of citations?* (Kwan, Chan, EAP, 2014).

Стратегия 2. Описание исследования. Данная стратегия является обязательной, так как с ее помощью ученые представляют свое исследование, а именно процедуры анализа фактического материала. Эти результаты совпадают с итогами исследования Е. Котос и ее коллег, которые также выявили стопроцентный показатель частотности этой стратегии [2. Р. 99]. Ученые упоминают использованные методы, которые можно в целом классифицировать как

количественные и качественные. Первые направлены на идентификацию частотности проявления изучаемых характеристик с помощью суммирования, подсчетов и выведения процентных показателей. Качественные методы имеют отношение к традиционным методам, например к дискурсивному анализу текстов. Многие авторы прибегают к комбинированию обоих методов, что повышает уровень надежности исследования.

Т 1. Описание процедур анализа данных. Будучи одной из конвенциональных тактик (70%), является самой частотной, что совпадает с результатами других исследований [2, 8]. Т 1 Демонстрирует, как авторы представляют анализ фактического материала. Коммуникативной функцией Т 1 является описание шагов, предпринятых авторами при анализе полученных данных. Такие описания, как правило, представлены в нескольких абзацах или подразделах, что неудивительно, так как они составляют суть всего исследования. Процедуры анализа могут состоять из нескольких шагов, предполагающих комплекс сложных действий, направленных на окончательную цель. Обычно авторы описывают весь процесс с выбора иллюстративного материала, его деление на отрезки, сегменты, семантические единицы как результат множества чтений и анализа. Затем авторы описывают процесс классификации единиц и дальнейшее моделирование в целом, любые процедуры в зависимости от целей исследования. Необходимо отметить, что ученые очень подробно описывают весь аналитический процесс, что объясняется их желанием показать адресатам достоверность и надежность исследования.

(8) *Each RS was divided into smaller units with reference to (i) linguistic clues (used in texts to indicate internal boundaries) and (ii) more obvious markers like typographic features* (Connor and Mauranen, 1999; Connor et al., 1995; Mauranen, 1993). *Attention was then shifted to an analysis of segments that provide leads to research results in subordinate clauses, as such segments, if any, would generally be embedded in segments with different communicative functions. After the rhetorical function of result pavements had been identified and counted, a linguistic analysis was conducted, focusing the stylistic structures used recurrently in the sample...* (Lim, DS, 2011).

(9) *After the phrase-frames were condensed, they were grouped and analyzed for theme and function. Exploratory analysis through concordancing was used to identify the frames further... Finally, a more practical unified list of common condensed patterns was constructed to highlight some of the most prominent fillers and extensions.* (Cunningham, EAP, 2017).

Т 2. Обоснование процедур анализа данных. Описание процедур также сопровождается объяснением, почему авторы считают эти действия правильными или необходимыми. Обоснование позволяет адресатам понять, чем руководствуется автор при совершении тех или иных действий, и оценить их убедительность.

(10) *In this system, both sentences below will be analyzed as containing one case of citations being employed to compare the reported findings with previous findings although in the first sentence only one citation is given,*

while, in the second, two citations are given. Although this could be argued to lead to misleading results in terms of number of references used, this method of calculation does better capture the number of places in a text writers deem it important to make an intertextual link to previous discourse or simply "when a citation is called for" (White, 2004:107). (Samraj, EAP, 2012).

Т 10. Ссылка на примеры, таблицы, рисунки, приложения или другие разделы статьи. Данная тактика получила наивысший уровень частотности (100%), что можно объяснить включением множества категорий в данную группу. Авторы пользуются этой тактикой с целью указания на результаты выборки или подсчета данных, списки источников или же примеры иллюстративного материала. В этой связи статистические данные, текстовые образцы или графические показатели частотности являются составной частью авторской аргументации в пользу достижения достоверности предъявляемой информации. Кроме того, в табличном варианте могут быть представлены модели анализа данных, освещенных в предшествующей литературе. Умение авторов схематично представить изученный материал свидетельствует о их способности обобщать полученную информацию и представлять ее в сжатом виде. Кроме того, это важно с точки зрения экономии пространства для демонстрации не менее значимой информации – авторской интерпретации полученных данных. Что касается ссылок на другие разделы статьи, то здесь речь идет об авторском указании на части статьи, в которых освещен определенный аспект исследования. Этот прием необходим для адресатов, так как он позволяет им быстро найти информацию, распределенную по всей статье. Таким образом, авторы регулируют восприятие информации адресатами на основе указания важных пунктов статьи.

(11) Finally, a total of 206 and 13 types of meta-discourse markers were found in F-LOB (see Table 1). Those potential metadiscourse markers markers that are not used metadiscursively in F-LOB are displayed in Appendix 1. (Zhang, DS, 2016).

(12) The grammatical complexity analysis was conducted based on a wide range of grammatical features that have been identified in previous empirical research on register variation (see discussion in the Introduction) and specifically, features included in the study of developing grammatical complexity (Biber et al., 2014). (Staples et al., WC, 2016).

Стратегия 3. Представление материалов и участников исследования. Коммуникативной функцией этой стратегии является представление материалов и участников исследования, составляющих основу исследовательской работы. Их характеристики позволяют адресатам узнать степень фундаментальности и достоверности проводимых исследований, что может повлиять на оценку работы научным сообществом. Неудивительно, что такие аспекты исследования, как материалы и участники, выделены как стратегия или тактика всеми вышеупомянутыми учеными (см. Введение), анализирующими Методологию статей из различных областей знаний. Эта стратегия объединяет в себе

также множество тактик, оправданных целями исследования.

Т 1. Представление данных. Данная тактика описывает и обосновывает количественные и / или качественные характеристики фактического материала, к примеру, корпуса слов или текстов. Это особенно значимо для адресатов, так как они получают достоверную информацию.

(13) The corpus consists of 25 research articles in English, written by presumed native speakers (on the basis of author name). Each text has been assigned a number, E1 through E25 (see Appendix A). (Dahl, WC, 2009).

(14) Overall, Iraqi abstracts in the corpus are shorter than U.S.-based abstracts (with less than 200 words on average for all four disciplines)... Of the 675 Iraqi abstracts, 53% have at least two authors (compared to 34% for U.S.-based abstracts). (Friginal, Mustafa, EAP, 2017).

Т 2. Представление источников данных. Данная тактика имеет высокий уровень частотности (95%), только два текста из журналов за 2005 г. не содержали информацию об источниках данных. Источниками данных послужили различные журналы и корпуса текстов из различных локальных университетских и международных ресурсов, также как и участники интервью или экспериментов. Их упоминание важно в связи с указанием надежности анализируемого материала, который непосредственно связан с целями исследования. Традиционно авторы отмечают количественные и качественные характеристики (например, рейтинг журналов, область знаний, уровень образования и культурно-языковые особенности участников исследования); описывают источники и обосновывают их выбором тем, что они имеют довольно высокий уровень по своим качественным характеристикам. Последнее обычно подтверждается указаниями рейтинга цитируемости журналов, уровня университетских достижений и т.д.

(15) A total of 30 article abstracts were selected from three journals in the areas of applied linguistics and educational technology: 10 from The Modern Language Journal (MLJ), 10 from TESOL Quarterly (TQ) in the field of applied linguistics and 10 from Computers & Education (CE) in the field of educational technology. These three journals were chosen as they have impact factors according to Journal Citation Reports (2005) and they are all related to the broad field of teaching and learning. (Pho, DS, 2008).

Обоснованием выбора того или иного источника данных могут быть различные причины, например, престижность журнала в определенной области знаний и наличие большой аудитории читателей. Также новизна данных играет огромную роль, что выражается в указании на годы публикации.

(16) This 500,000-word corpus of scholarly writing comprises recent research articles published in a key domain-specific journal – Community Dental Health – between 2010 and 2012. This journal is selected because it is accessible in electronic form, licensed by our institute's library, and conforms to standard American and British English. Most importantly, it is a key journal publishing on a wide spectrum of public health issues in

dentistry that are highly relevant to the ED course. There are four issues in each year with ten research articles per issue. A total of 156 research articles were selected during the period of 2010–2012. (Crosthwaite et al., ESP, 2017).

Частотность стратегий и тактик

В целом все тактики, относящиеся к трем стратегиям, были идентифицированы в корпусе изученных Методологий. Однако фактический материал показывает различную частотность тактик, отражающую модель структурирования Методологии, характерную данному корпусу текстов. Можно утверждать, что наиболее частотные тактики проецируют основу модели, тогда как менее частотные ее дополняют и варьируют. Они должны «убедить читателя в достоверности создаваемых или излагаемых автором научных знаний» [43. С. 37].

Стратегия 1 включает 9 тактик, большинство из которых демонстрирует высокую степень частотности в рамках изученного корпуса текстов и используется авторами несколько раз в одном тексте. Самой частотной тактикой является «ссылка к предшествующей литературе» (100%), что значительно отличается от результатов исследования Е. Котос и ее коллег (37,7%). Тем не менее они также подтверждают, что эта тактика присутствует во всех исследованных ими текстах [2. С. 99–100]. Различие в результатах можно объяснить тем, что в их работе материалом для анализа послужили статьи из различных областей знаний, в том числе и естественных наук, где в Методологии обычно реже ссылаются на литературу, которую уже упоминали во Введении. В работе Котос и других авторов также отмечается, что в Методологиях по экономике, метеорологии и региональному планированию мало пользуются Стратегией 1 [2. Р. 101]. Корпус текстов в данной работе включает только гуманитарные дисциплины – лингвистику и образование, где цитирование источников является доминирующим средством обоснования и аргументации ученых. Второй частотной тактикой Стратегии 1 является «представление общей информации по теме» (55%), в исследовании Е. Котос и ее коллег она также вторая по частотности [2. Р. 101]. Авторы прибегают к этим двум тактикам для того, чтобы напомнить адресатам важную информацию по теме, которую они более подробно рассматривали во Введении. Эта информация позволяет авторам развивать дальнейшую аргументацию по методологическим вопросам, а также убеждает адресатов в том, что их работа является частью и продолжением опыта и научного наследия предыдущих исследований. Авторы содержательно обогащают свою методологическую базу, чтобы создать солидную основу для анализа фактического материала и обоснования своих действий.

Наименее частотными оказались «формулирование гипотезы» (10%) и «указание на пробелы в изучении темы в предшествующей литературе» (12,5%), которые чаще встречаются во Введении, чем и объясняется такой низкий процент. Однако данный небольшой корпус текстов показывает, что даже в Ме-

тодологии авторы могут выразить гипотезу или предположение по определенным частным аспектам исследования. «Указание на пробелы в исследовании темы в предшествующей литературе» на самом деле имеет высокую частотность во Введении и составляет ключевую тактику при обосновании актуальности темы и придании значимости всему исследованию. Присутствие этой тактики в Методологии объясняется стремлением авторов подчеркнуть необходимость изучения выделенного ими аспекта темы.

Стратегия 2, включающая 10 тактик, является самой значимой для всего исследования, так как содержит действия, представляющие процедуры исследования фактического материала, и, следовательно, является обязательной для продвижения всей научной статьи. Авторы описывают ключевые потенциально воспроизводимые методы анализа, необходимые для понимания того, как рождается новое знание. В этой стратегии наиболее частотными по сравнению с другими ожидаемо представляются тактики «описание процедур анализа» (70%) и «обоснование процедур анализа данных» (50%), так как именно они отражают всю суть исследовательского процесса и предваряют результаты. В литературе также подчеркивается цикличность «описания процедур анализа» [9], что еще раз подтверждает важность этой тактики для усиления надежности и достоверности всего исследовательского процесса. Тактика «обоснование процедур» также важный элемент авторского убедительного дискурса, поскольку она порождает доверие адресатов в действия авторов. Авторы обосновывают, с какой целью они проводили ту или иную процедуру при изучении данных. Самой частотной оказалась тактика «ссылка на примеры, таблицы, рисунки, приложения или другие разделы статьи» (100%), которая позволяет авторам подтверждать свои идеи наглядно, масштабно и схематично. Такие ссылки обладают доказательной силой, так как адресаты могут увидеть результаты количественного анализа, выраженного в цифрах и графиках, фрагменты текстовых данных, изображения. Авторы также ориентируют адресатов в тексте, ссылаясь на тот или иной отрезок или главу, в некотором смысле демонстрируя, что Методология является частью статьи и составляет с ней одно целое. Большое количество таблиц и графиков, идентифицированных в нашем корпусе, объясняется преобладающим методом, использованным в анализируемых статьях. В 90% статей был идентифицирован один главный метод – количественный, который направлен на подтверждение аргументов авторов с помощью статистических показателей, демонстрирующих частотность тех или иных признаков. Данный метод надежен для обеспечения объективности и доказательности авторских аргументов. Таким способом авторы могут достичь поддержки и одобрения со стороны научного сообщества.

Остальные тактики Стратегии 2 показали наименее частотные проявления в исследованных текстах, что может быть обосновано их стандартной реализацией в других главах статьи. К примеру, тактики, связанные с результатами, конвенционально представлены в главах «Результаты» и «Обсуждение». Тактики

«указание на новизну или авторский вклад в исследование темы» и «указание на недостатки исследования» обычно с высокой частотностью проявляются в главах «Результаты», «Обсуждение» и «Заключение». Тем не менее упомянутые сравнительно редкие тактики, как показывает анализ, значимы для авторов, так как они повторяют их в нескольких главах. Повторение тактик позволяет авторам быть более убедительными, усиливая надежность и достоверность предлагаемого знания. Авторы пытаются заострить внимание адресатов на этих утверждениях, чтобы показать, что несмотря на отмеченные незначительные недостатки их выполненная работа является существенным вкладом в изучение темы. В целом Стратегия 2 отличается разнообразием тактик по сравнению с двумя другими, что может указывать на стремление авторов усилить продвижение своего исследования посредством дополнительных шагов, традиционно используемых в других главах.

Стратегия 3, объединяющая 6 тактик, также значима и конвенциональна, так как имеет отношение к материалам, средствам, инструментам и участникам научного исследования. Важность этой стратегии также подчеркивается другими учеными [9]. Согласно показателям в таблице, для реализации этой стратегии важны две тактики – «представление данных» (87%) и «представление источников данных» (95%), которые стандартно открывают главу «Методология» и аргументируют авторский выбор материалов. Также существенны тактики «описание процедур выборки данных» (40%), «представление участников исследования» (35%) и «описание инструментов исследования» (40%), которые демонстрируют достаточно высокий уровень частотности, так как они непосредственно связаны с исследованием. Высокий процент частотности всех тактик свидетельствует о том, что они значимы, стандартны и цикличны. Исключение составила одна тактика – «описание места проведения исследования» (12,5%), которая больше свойственна экспериментальным исследованиям педагогического или опросного характера, которых было меньше в исследуемом корпусе. К тому же выбор статей с более дискурсивным уклоном тематики также повлиял на низкий процент проявления этой тактики в данном корпусе текстов.

Как уже подчеркивалось, все выделенные тактики цикличны, т.е. могут повторяться несколько раз в тексте, что говорит о нелинейной структуре изученных Методологий. Все предыдущие исследования Методологии, упомянутые выше, также выявили эту особенность организации текстов. Анализ показал, что большинство Методологий разбивается на подразделы, озаглавленные Методы, Корпус, Анализ, благодаря чему стратегии и тактики более эксплицитны. Обычно Методологии начинаются с описания данных и источников этих данных. Далее авторы обосновывают выбор источников данных. Таким образом, авторы начинают со Стратегии 3. Затем авторы приводят теоретико-методологическое обоснование исследования (Стратегия 1) и подкрепляют свои утверждения цитированием необходимых источников. Немаловажную роль играют тактики «определение понятий или терминов» и «описание цели и / или задач», ясно

демонстрирующие понятийный аппарат исследования и вопросы, на которые авторы намерены ответить в процессе исследования. Как правило, процедуры анализа и их обоснование (Стратегия 2) составляют финальную часть Методологии и подкрепляются цитированием других точек зрения.

Все тексты показали очень подробное описание методологии исследования, доказательством чего служит большое количество выделенных тактик. Статьи последних лет не ограничиваются просто перечислением средств, материалов и методов, а иллюстрируют обширное описание всех деталей исследования, часто распределенное в нескольких подразделах. В целом Методология занимает в среднем 20% всего текста статьи, что подчеркивает ее значимость. Вся информация представлена целостно, связно и последовательно для конструирования когерентной структуры текста.

Но для восприятия и понимания читателей эти тексты довольно сложны, так как содержат большое количество детальной информации, которую может сбалансировать именно правильное структурирование текста. Авторы, понимая, что адресаты должны продвигать глубокую мыслительную работу при чтении текстов, стремятся облегчить их труд с помощью четких языковых маркеров когезии текста и авторского метадискурса.

Такая адресованность авторского дискурса является ключевым показателем англоязычных научных текстов. Это обусловлено преимущественно тем, что в условиях сильной конкуренции авторы стремятся получить одобрение результатов исследования и внимание как со стороны читателей, так и журнальных рецензентов рукописи статьи, предвосхитить их ожидания и максимально соответствовать требованиям.

По мнению М.Н. Кожинной, «читатель незримо присутствует при порождении текста, и автор реагирует на его возможные (предполагаемые) реакции специальными средствами, особым построением речи, в конечном счете, вероятно, всем строем, всей организацией текста» [44. С. 121]. Для достижения одобрения со стороны научного сообщества авторы должны убедить адресатов в эффективности предпринятых исследовательских тактик, а «убеждение связано прежде всего с коммуникативно-прагматической функцией научного творчества, с “обращенностью” автора на предполагаемого читателя» [45. С. 50]. Убеждение является основной целью аргументации, которая вплетена в композиционную структуру изученных англоязычных статей. В связи с тем, что научные статьи являются формой воздействия на адресатов, стратегии и тактики выполняют функцию аргументации.

Заключение

Анализ показал, что многие выделенные тактики совпадают с итогами исследования в [2]. Тем не менее данная работа внесла определенный вклад в изучение коммуникативной структуры Методологии, поскольку выделены новые тактики, такие как «указание на пробелы в изучении темы в предшествующей литера-

туре», «формулирование гипотезы», «указание на значимость исследования», «проверка надежности процедур анализа», «указание на сложность проведения анализа», «указание на новизну или авторский вклад в исследование темы», «указание на недостатки исследования», не идентифицированные в предыдущей крайне малочисленной литературе. Кроме того, классификация стратегий и распределение в них тактик значительно отличается от представленных ранее моделей структурирования Методологий. Это обосновывается особой риторической структурой анализируемых текстов, которые отражают концептуально-организационную особенность структурирования знания в области лингвистики и образования.

Появление новых тактик и увеличение их численности дает возможность предполагать, что современные

ученые предпринимают значительные усилия для убедительной аргументации в условиях сильной конкуренции в научном мире. Эти усилия связаны не только с самим процессом исследования, но и его описанием и обоснованием на уровне текста – письменного речевого произведения. Научная статья не есть сухой отчет, это письменное аргументированное произведение.

Все выводы, сделанные в этой работе, имеют отношение только к исследованному материалу и не претендуют на обобщение. Тем не менее, даже 40 текстов позволили увидеть основные стратегии и тактики представления и продвижения методологии исследования. Предложенная модель Методологии может быть в дальнейшем разработана более детально с привлечением расширенного корпуса текстов, что является целью будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lim J.M.-H. Explicit and implicit justifications of experimental procedures in language education: pedagogical implications of studying expert writers' communicative resources // *Journal of English for Academic Purposes*. 2019. Vol. 37. P. 34–51.
2. Cotos E., Huffman S., Link S. A move/step model for methods sections: demonstrating Rigour and Credibility // *English for Specific Purposes*. 2017. Vol. 46. P. 90–106.
3. Cargill M., O'Connor P. Writing scientific research articles: Strategies and steps. Hoboken, N. J. : Wiley-Blackwell, 2009.
4. Yang R., Allison R. Research articles in applied linguistics: structures from a functional perspective // *English for Specific Purposes*. 2004. Vol. 23. P. 264–279.
5. Graves H., Moghadassi S., Hashim A. Mathematics is the method: Exploring the macro-organizational structure of research articles in mathematics // *Discourse Studies*. 2013. Vol. 15, № 4. P. 421–438.
6. Smagorinsky P. The method section as conceptual epicenter in constructing social science research reports // *Written Communication*. 2008. Vol. 25, № 3. P. 389–411.
7. Lim J.M.-H. Method sections of management research articles: A pedagogically motivated qualitative study // *English for Specific Purposes*. 2006. Vol. 25. P. 282–309.
8. Kanoksilapatham B. Rhetorical moves in biochemistry research articles // Biber D., Connor U., Upton T. (ed.). *Discourse on the Move: using corpus analysis to describe discourse structure*. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2007. P. 73–119.
9. Kanoksilapatham B. Distinguishing textual features characterizing structural variation in research articles across three engineering sub-discipline corpora // *English for Specific Purposes*. 2015. Vol. 37. P. 74–86.
10. Martinez I. Aspects of theme in the method and discussion sections of biology journal articles in English // *Journal of English for Academic Purposes*. 2003. Vol. 2. P. 103–123.
11. Biber D., Connor U., Upton T. *Discourse on the Move: using corpus analysis to describe discourse structure*. Amsterdam : John Benjamins, 2007.
12. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 50. С. 135–148.
13. Peacock M. The structure of the Methods section in research articles across eight disciplines // *Asian ESP Journal*. 2011. Vol. 7, № 2. P. 99–124.
14. Hyland K. Stance and Engagement: a model of interaction in academic discourse // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7, № 2. P. 39–63.
15. Чернявская В.Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016. № 3. С. 76–87.
16. Swales J. *Genre analysis. English in academic and research settings*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
17. Swales J. *Research genres: exploration and applications*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
18. Lindeberg A.-Ch. *Promotion and Politeness: conflicting scholarly rhetoric in three disciplines*. Albo; Finland : Albo Akademi University Press, 2004.
19. Hyland K., Guinda C.S. *Stance and voice in academic genres*. Hyland. New York : Palgrave Macmillan, 2012.
20. Holmes R. Genre analysis and the social sciences: an investigation of the structure of research article discussion sections in three disciplines // *English for Specific Purposes*. 1997. Vol. 16, № 4. P. 321–337.
21. Martin-Martin P. A genre analysis of English and Spanish research paper abstracts in experimental social sciences // *English for Specific Purposes*. 2002. Vol. 22, № 1. P. 25–43.
22. Lores R. On RA abstracts: From rhetorical structure to thematic organization // *English for Specific Purposes*. 2004. Vol. 23, № 3. P. 280–302.
23. Pho Ph.D. Research article abstracts in applied linguistics and educational technology: a study of linguistic realizations of rhetorical structure and authorial stance // *Discourse Studies*. 2008. Vol. 10, № 2. P. 231–250.
24. Tanko G. Literary research article abstracts: an analysis of rhetorical moves and their linguistic realizations // *Journal of English for Academic Purposes*. 2017. Vol. 27. P. 42–55.
25. Samraj B. Introductions in research articles: variations across disciplines // *English for Specific Purposes*. 2002. Vol. 21. № 1. P. 1–17.
26. Ozturk I. The textual organization of research article introductions in applied linguistics: variability within a single discipline // *English for Specific Purposes*. 2008. Vol. 26, № 1. P. 25–38.
27. Loi C.K. Research article introductions in Chinese and English: a comparative genre-based study // *Journal of English for Academic Purposes*. 2010. Vol. 9, № 4. P. 267–279.
28. Sheldon E. Rhetorical differences in RA introductions written by English L1 and L2 and Castilian Spanish L1 writers // *Journal of English for Academic Purposes*. 2011. Vol. 10. P. 238–251.
29. Peacock M. Communicative moves in the discussion section of research articles // *System*. 2002. Vol. 30, № 4. P. 479–497.
30. Yang R., Allison R. Research articles in applied linguistics: moving from results to conclusions // *English for Specific Purposes*. 2003. Vol. 22. P. 265–385.
31. Basturkmen H. Commenting on results in published research articles and masters dissertations in Language Teaching // *Journal of English for Academic Purposes*. 2009. Vol. 8. P. 241–251.
32. Basturkmen H. A genre-based investigation of discussion sections of research articles in Dentistry and disciplinary variation // *Journal of English for Academic Purposes*. 2012. Vol. 11. P. 134–144.

33. Lim J.M.-H. Commenting on research results in applied linguistics and education: a comparative genre-based investigation // *Journal of English for Academic Purposes*. 2010. Vol. 94, № 4. P. 280–294.
34. Lim J.M.-H. 'Paving the way for research findings': writers' rhetorical choices in education and applied linguistics // *Discourse Studies*. 2011. Vol. 13, № 6. P. 725–749.
35. Moreno A., Swales J. M. Strengthening move analysis methodology towards bridging the function-form gap // *English for Specific Purposes*. 2018. Vol. 50. P. 40–63.
36. Чернявская Е.В. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2017. Т. 9, № 4. С. 83–93.
37. Беляева Л.Н., Чернявская В.Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. С. 77–84.
38. Nwogu K.N. The medical research paper: structure and functions // *English for Specific Purposes*. 1997. Vol. 16. P. 119–138.
39. Samraj B. Form and functions in discussion sections of master's theses and research articles // *Journal of English for Academic Purposes*. 2013. Vol. 12. P. 299–310.
40. Kwan B.S.Ch., Chan H. An investigation of source use in the results and the closing sections of empirical articles in Information Systems: In search of a functional-semantic citation typology for pedagogical purposes // *Journal of English for Academic Purposes*. 2014. Vol. 14. P. 29–47.
41. Баженова Е.А. Способы экспликации и функции чужой речи в научном тексте // *Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте*. Пермь : Пермский государственный университет. 1988. С. 83–92.
42. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // *English for Specific Purposes*. 2001. Vol. 20. P. 207–226.
43. Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста. Астрахань : Изд-во АГТУ, 2003.
44. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики : избранные труды. 2-е изд. М. : Флинта, 2015.
45. Данилевская Н.В. Познавательная оценка как гносеологическая основа «рождения» и выражения нового знания в научном дискурсе // *Текст–Дискурс–Стиль. Коммуникация в экономике. Сборник научных статей*. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 42–62.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 апреля 2020 г.

Rhetorical Moves and Steps of Structuring Methodology in the English Language-Based Research Articles

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/458/1

Aigul A. Baibatyrova, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: baibatyrova2017@gmail.com / baibatyrova.a@yandex.kz

Keywords: methodology; move; step; structuring; frequency.

This article analyzes the moves and steps which show the descriptions of investigative activities in the research article Methodology section. Forty Methodologies have been chosen from the high impact-factor journals: *Journal of English for Academic Purposes*, *English for Specific Purposes*, *Discourse Studies* and *Written Communication*. Based on the communicative and semantic functions of text segments which structure the rhetoric of the Methodology section, this investigation has revealed three moves and a plethora of steps, including the new ones, not identified in the previous literature. The qualitative analysis enabled the author to thoroughly describe their functions. The quantitative method was used to define the frequency of the steps and delineate the more and less conventional ones. In sum, all the steps were identified in all the methodologies analyzed but they showed different frequency occurrences. Move 1 comprises nine steps. The step 'referencing previous works' is the most frequent. Move 2 turned out to be obligatory; it includes ten steps with a large discrepancy between the frequency occurrences of the two steps and the other eight ones. Move 3 is actualized through six steps, which also show divergent frequency occurrences. As a contribution, there have been revealed seven new steps (with a low occurrence rate though), not identified in the previous studies: 'indicating a gap', 'presenting a hypothesis', 'stating the implications', 'stating the reliability of research procedures', 'mentioning the complexity of analysis', 'stating the author's contribution', 'acknowledging limitations'. Besides, the taxonomy of moves and the classification of the steps within them substantially differ from the patterns presented in the previous studies. This can be justified by the specific rhetorical structure of the analyzed Methodologies, which reflect a specific conceptual content and organizational peculiarities of structuring knowledge in the fields of linguistics and education. For an adequate understanding of information, an article should be constructed in a consistent way and have clear linguistic features. Writers employ different moves and steps of text structuring and devices of producing a communicative effect on readers. Currently, using various moves and steps for text structuring, writers undertake considerable pragmatic acts to persuasively argue and augment the acceptability of their methodological descriptions in a strongly competitive academic community.

REFERENCES

1. Lim, J.M.-H. (2019) Explicit and implicit justifications of experimental procedures in language education: pedagogical implications of studying expert writers' communicative resources. *Journal of English for Academic Purposes*. 37. pp. 34–51.
2. Cotos, E., Huffman, S. & Link, S. (2017) A move/step model for methods sections: Demonstrating Rigour and Credibility. *English for Specific Purposes*. 46. pp. 90–106.
3. Cargill, M. & O'Connor, P. (2009) *Writing scientific research articles: strategies and steps*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
4. Yang, R. & Allison, R. (2004) Research articles in applied linguistics: structures from a functional perspective. *English for Specific Purposes*. 23. pp. 264–279.
5. Graves, H., Moghadassi, S., & Hashim, A. (2013) Mathematics is the method: exploring the macro-organizational structure of research articles in mathematics. *Discourse Studies*. 15 (4). pp. 421–438.
6. Smagorinsky, P. (2008) The method section as conceptual epicenter in constructing social science research reports. *Written Communication*. 25(3). pp. 389–411.
7. Lim, J.M.-H. (2006) Method sections of management research articles: a pedagogically motivated qualitative study. *English for Specific Purposes*. 25. pp. 282–309.
8. Kanoksilapatham, B. (2007) Rhetorical moves in biochemistry research articles. In: Biber, D., Connor, U. & Upton, T. (eds) *Discourse on the Move: Using Corpus Analysis to Describe Discourse Structure*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. pp. 73–119.
9. Kanoksilapatham, B. (2015) Distinguishing textual features characterizing structural variation in research articles across three engineering sub-discipline corpora. *English for Specific Purposes*. 37. pp. 74–86.
10. Martinez, I. (2003) Aspects of theme in the method and discussion sections of biology journal articles in English. *Journal of English for Academic Purposes*. 2. pp. 103–123.

11. Biber, D., Connor, U., Upton, T. (eds) (2007) *Discourse on the Move: Using Corpus Analysis to Describe Discourse Structure*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
12. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 135–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9
13. Peacock, M. (2011) The structure of the Methods section in research articles across eight disciplines. *Asian ESP Journal*. 7(2). pp. 99–124.
14. Hyland, K. (2005) Stance and Engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*. 7(2). pp. 39–63.
15. Chernyavskaya, V.E. (2016) Historical past as a textual reality: Linguistic approach in historical narrative and its methodological implementation. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3. pp. 76–87. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/41/7
16. Swales, J. (1990) *Genre Analysis. English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Swales, J. (2004) *Research Genres: Exploration and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Lindeberg, A.-Ch. (2004) *Promotion and Politeness: Conflicting Scholarly Rhetoric in Three Disciplines*. Albo, Finland: Albo Akademi University Press.
19. Hyland, K. & Guinda, C.S. (eds) (2012) *Stance and Voice in Academic Genres*. NY: Palgrave Macmillan.
20. Holmes, R. (1997) Genre analysis and the social sciences: An investigation of the structure of research article discussion sections in three disciplines. *English for Specific Purposes*. 16(4). pp. 321–337.
21. Martin-Martin, P. (2002) A genre analysis of English and Spanish research paper abstracts in experimental social sciences. *English for Specific Purposes*. 22(1). pp. 25–43.
22. Lores, R. (2004) On RA abstracts: From rhetorical structure to thematic organization. *English for Specific Purposes*. 23(3). pp. 280–302.
23. Pho, Ph.D. (2008) Research article abstracts in applied linguistics and educational technology: A study of linguistic realizations of rhetorical structure and authorial stance. *Discourse Studies*. 10(2). pp. 231–250.
24. Tanko, G. (2017) Literary research article abstracts: An analysis of rhetorical moves and their linguistic realizations. *Journal of English for Academic Purposes*. 27. pp. 42–55.
25. Samraj, B. (2002) Introductions in research articles: Variations across disciplines. *English for Specific Purposes*. 21(1). pp. 1–17.
26. Ozturk, I. (2008) The textual organization of research article introductions in applied linguistics: Variability within a single discipline. *English for Specific Purposes*. 26(1). pp. 25–38.
27. Loi, C.K. (2010) Research article introductions in Chinese and English: A comparative genre-based study. *Journal of English for Academic Purposes*. 9(4). pp. 267–279.
28. Sheldon, E. (2011) Rhetorical differences in RA introductions written by English L1 and L2 and Castilian Spanish L1 writers. *Journal of English for Academic Purposes*. 10. pp. 238–251.
29. Peacock, M. (2002) Communicative moves in the discussion section of research articles. *System*. 30(4). pp. 479–497.
30. Yang, R. & Allison, R. (2003) Research articles in applied linguistics: moving from results to conclusions. *English for Specific Purposes*. 22. pp. 265–385.
31. Basturkmen, H. (2009) Commenting on results in published research articles and masters dissertations in Language Teaching. *Journal of English for Academic Purposes*. 8. pp. 241–251.
32. Basturkmen, H. (2012) A genre-based investigation of discussion sections of research articles in Dentistry and disciplinary variation. *Journal of English for Academic Purposes*. 11. pp. 134–144.
33. Lim, J.M.-H. (2010) Commenting on research results in applied linguistics and education: a comparative genre-based investigation. *Journal of English for Academic Purposes*. 9(4). pp. 280–294.
34. Lim, J.M.-H. (2011) 'Paving the way for research findings': Writers' rhetorical choices in education and applied linguistics. *Discourse studies*. 13(6). pp. 725–749.
35. Moreno, A. & Swales, J.M. (2018) Strengthening move analysis methodology towards bridging the function-form gap. *English for Specific Purposes*. 50. pp. 40–63.
36. Chernyavskaya, V.E. (2017) Operationalization of context in discourse analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 9(4). pp. 83–93. (In Russian).
37. Belyaeva, L.N. & Chernyavskaya, V.E. (2016) Evidence-based linguistics: Methods in cognitive paradigm. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 77–84. (In Russian).
38. Nwogu, K.N. (1997) The medical research paper: Structure and functions. *English for Specific Purposes*. 16. pp. 119–138.
39. Samraj, B. (2013) Form and functions in discussion sections of master's theses and research articles. *Journal of English for Academic Purposes*. 12. pp. 299–310.
40. Kwan, B.S.Ch. & Chan, H. (2014) An investigation of source use in the results and the closing sections of empirical articles in Information Systems: in search of a functional-semantic citation typology for pedagogical purposes. *Journal of English for Academic Purposes*. 14. pp. 29–47.
41. Bazhenova, E.A. (1988) Sposoby eksplikatsii i funktsii chuzhoy rechi v nauchnom tekste [Methods of explication and functions of the other's speech in a scientific text]. In: *Funktsional'nye raznovidnosti rechi v kommunikativnom aspekte* [Functional varieties of speech in the communicative aspect]. Perm: Perm State University. pp. 83–92.
42. Hyland, K. (2001) Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles. *English for Specific Purposes*. 20. pp. 207–226.
43. Drozdova, T.V. (2003) *Problemy ponimaniya nauchnogo teksta* [Problems of understanding the scientific text]. Astrakhan: Astrakhan State Technical University.
44. Kozhina, M.N. (2015) *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noy stilistiki: izbrannye trudy* [Speech studies. The theory of functional stylistics: Selected works]. 2nd ed. Moscow: Flinta.
45. Danilevskaya, N.V. (2003) Poznavatel'naya otsenka kak gnoseologicheskaya osnova "rozhdeniya" i vyrazheniya novogo znaniya v nauchnom disкурсе [Cognitive assessment as an epistemological basis of "birth" and expression of new knowledge in scientific discourse]. In: Chernyavskaya, V.E. et al. *Tekst–Diskurs–Stil'. Kommunikatsiya v ekonomike* [Text–Discourse–Style. Communication in economics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. pp. 42–62.

Received: 06 April 2020

Е.С. Жиронкина

ИНФАНТИЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО НАРРАТИВНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РОМАНЕ ДЖОНАТАНА ЛИТТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»

Рассматривается специфика нарративной организации романа Джонатана Литтелла «Благоволительницы». Установлено, что основообразующей характеристикой личности героя-рассказчика является инфантильность. Эта особенность повествователя обуславливает специфику поведения и восприятия героя и, как следствие, особенности нарратива, что позволяет читателю воспринимать события войны с точки зрения человека, оказавшегося в ситуации необходимости и отсутствия выбора.

Ключевые слова: Д. Литтелл; «Благоволительницы»; инфантильное сознание; Холокост; герой-нарратор.

Джонатан Литтелл признается одним из немногих писателей, предложивших опыт художественного осмысления войны с точки зрения палача. Бывший военный преступник, ведущий повествование от первого лица, провозглашает мысль о том, что потенциальным убийцей может быть любой человек. До выхода в свет романа «Благоволительницы» (2006) подобную нарративную организацию имели произведения французских авторов Робера Мерля («La mort est mon métier»), Мишеля Турнье («Le Roi des Aulnes») и британской писательницы Гитта Серени («Into That Darkness»). Прототипами героев произведений Р. Мерля и Г. Серени стали военные преступники Рудольф Хёсс, основатель и комендант лагеря смерти Освенцим, и Франц Штангль, комендант концентрационных лагерей Собибор и Трешлинка [1]. В романе Мишеля Турнье фигурирует вымышленный персонаж, Абель Тиффож: он вербует крестьянских детей в ряды нацистов.

Эти три произведения выстроены по законам поведенческого дискурса: так, герои Мерля и Серени раскаиваются в своих преступлениях, а герой Турнье «искупает» свою вину, спасая еврейского ребенка ценой собственной жизни [2]. В отличие от нарраторов вышеназванных романов, герой-повествователь в произведении Литтелла не только не признает собственную вину, но и взваливает груз ответственности на читателя: «Если вы родились в стране или в эпоху, когда никто не только не убивает вашу жену и детей, но и не требует от вас убивать чужих жён и детей, благословите бога и ступайте с миром. Но уясните себе раз и навсегда: вам, вероятно, повезло больше, чем мне, но вы ничем не лучше» [3. С. 25]. Такая стратегия повествования позволяет считать роман Литтелла новаторским среди других произведений, посвященных событиям Холокоста и выстроенных от имени нацистских преступников.

Неудивительно, что его роман, помимо хвалебной критики и двух престижных французских премий (Гран-при Французской академии и Гонкуровской премии), получил ряд негативных отзывов: писателя упрекали в «банализации памяти об истреблении евреев», в «отрицании исключительности» нацистского преступления [11]. В частности, режиссер фильма «Шоа» Клод Ланцманн писал, что «настойчивость в описании психологических и физиологических проблем рассказчика может заставить нас забыть о глав-

ном, а именно о том, что он сотрудничает с преступной организацией» (цит. по: [4. Р. 15]) (здесь и далее перевод мой. – Е.Ж.). По утверждению Жюли Делорм, такие претензии к автору обусловлены тем, что «читатель не готов услышать голос палача, так как последний наделен рядом негативных характеристик, клише <...> которые граничат, главным образом, с молчанием» [5. Р. 34]. Однако в настоящее время как в литературном творчестве, так и в общественной мысли предпринимаются попытки переосмысления устоявшихся форм памяти о войне. Так, Александр Эткинд утверждает: «Те, кто сейчас определяет культурные репрезентации нацистского Холокоста или сталинского террора, принадлежат к третьему поколению после катастрофы <...> В Европе после Холокоста процесс горя охватывает потомков как жертв, так и преступников: поколения уходят, и взаимная ненависть сменяется соучастием в горе... совместное горе имеет примирительный, космополитичный потенциал» [6. С. 40].

Обратим внимание на то, что внимание исследователей романа «Благоволительницы» сосредоточено на главном герое – офицере СД Максимилиане Ауэ. В центре литературоведческой рефлексии находится преимущественно образ героя-нарратора: он анализируется посредством соотношения с персонажами древнегреческой трагедии (Орест, Эдип), зачастую – с применением психоаналитического инструментария. Этой проблематике посвящены статьи Владимира Трубецкого [7], Патрис Имбо [8], Жюли Делорм [5]. Однако вопрос о том, каким образом события войны преломляются через опосредующее звено – сознание главного героя, – представляется неразработанным. В настоящем исследовании предпринимается попытка объяснить, какой взгляд на события Второй мировой войны моделируется в романе «Благоволительницы», а также – каким образом специфика этого взгляда характеризует главного героя.

Центральной характеристикой героя-нарратора мы будем считать его инфантильность. Впервые понятие инфантильности в качестве характеристики главного героя применила Полин де Толосани [9]. Однако это свойство нарратора не было раскрыто исследователем подробно: инфантильность Максимилиана Ауэ рассматривалась только в качестве причины его вуайеристских наклонностей, но не как фактор, фундирующий нарративные особенности романа.

С нашей же точки зрения, инфантильность героя-нарратора обуславливает парадигму его поведения и восприятия, следствием чего, в свою очередь, является специфическая манера изложения событий Холокоста: рассказчик говорит о них напрямую и безоценочно, не проявляя эмпатии и переводя рассказ на разговор о личных проблемах.

Несмотря на то, что принимающий участие в еврейских акциях герой литтелловского романа и рассказчик, повествующий об этих событиях, фактически являются одним и тем же лицом, их голоса не совпадают. Герой олицетворяет события и поступки, рассказчик – образно-языковую стратегию их описания. Мы можем предположить, что герой романа Литтелла является носителем *остранённого* сознания. По В. Шкловскому, остранение представляет собой прием, позволяющий создать «особое восприятие предмета», его «виденье», а не «узнавание» [10. С. 13]. Инфантилизацию повествования можно считать типичным проявлением приема остранения, так как она предполагает не осмысленный взгляд на события войны и Холокоста, но описание их в обыденном ключе. Об инфантилизации речи героя свидетельствуют и элементы косноязычия в его речи: «Я вынул свой пистолет и направился к куче: юноша выл от боли, я нацелил дуло ему в голову и нажал на спуск, но пистолет не выстрелил: я забыл поднять предохранитель, потом я снял его, и пуля попала юноше прямо в лоб, он вздрогнул и затих» [3. С. 114].

Герой романа Литтелла является объектом оценки со стороны рассказчика. Неслучайно в семичастном хронотопе романа «Благоволительницы» выделяются два временных плана: настоящего, в котором герой-рассказчик начинает писать книгу, и прошлого, где он, будучи молодым, вступает в ряды СД и участвует в «окончательном решении еврейского вопроса». Если в настоящем времени зрелый герой настаивает на своем единстве с другими людьми («Уж поверьте: я такой же как вы!» [3. С. 28]), то участвующий в событиях войны молодой Максимилиан Ауэ культивирует собственную исключительность (см. [11]). Обнаружение этого контраста позволяет нам определить модальность слова героя как инфантильную (в рамках его участия в военных действиях). Именно она лежит в основе непосредственного, еще не рефлексированного им восприятия событий войны и геноцида.

Аналогичный нарративный прием лежит в основе романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1849 г.). Поэтому роман «Благоволительницы» оказывается прочно связан с традициями романа-воспитания, обращаясь к образу «становящегося человека». Характеризуя эту жанровую разновидность романа, М.М. Бахтин пишет: «Сам герой, его характер становится переменной величиной... Изменение самого героя приобретает сюжетное значение» [12. С. 329].

Обратимся к анализу проявлений инфантильности Максимилиана Ауэ. Первое, на что обращают внимание исследователи, характеризуя образ героя, – его взаимоотношения со своей семьей. Характер Ауэ моделируется в романе в инверсии с психоаналитической теорией: герой не может преодолеть ненависти к

своей матери, любит только свою сестру и отказывается верить в гибель отца. Такое отступление от классической теории психоанализа связано с признанием рассказчиком того, что он «предпочел бы быть женщиной». Александр Пятигорский в статье «“Другой” и “свое” как понятия литературной философии» утверждает, что «роман самосознания объективно отрицает род <...> Самосознание... всегда актуализируется как отделенное не только от другого в настоящем, но и от любой прошлой истории» [13. С. 407]. Герой «Благоволительниц», напротив, не может избавиться от ненависти к своей матери, оставить попытки вновь «обрести» отца и простить своей сестре замужество, считая его предательством. Более того, каждое событие Холокоста, которому он является свидетелем, провоцирует его на воспоминания о семье. Это свидетельствует о том, что Ауэ не способен разорвать связь со своим родом и оставить позади собственное детство.

Показательным фактом в истории героя является то, что после войны он, несмотря на гомосексуальность, все же женится и обзаводится потомством – «без всякой охоты» [3. С. 18], но ради выгоды. А. Пятигорский утверждает: «Род в романе самосознания отрицается и субъективно. Это проявляется на уровне элементарного сюжетного действия в том, что герой не продолжается в потомстве, – род умирает с ним или в нем. Отделенный от деторождения эрос либо трансформируется (не сублимируется!) в энергию аскезы, либо находит свою реализацию в гомосексуализме...» [13. С. 407]. Таким образом, Ауэ оказывается неспособным осознать себя: он «мимикрирует» под «обычного» человека из чувства страха и желания собственного комфорта, что также говорит о его незрелости.

Инфантильность ведет и к отсутствию эмпатии: «Он [герой] остается в плену этого полиморфного извращения ребенка, будучи неспособным установить границы для удовлетворения своих желаний, что проявляется в отрицании другого» [14. Р. 187]. Ауэ не внятна боль другого человека, так как он сосредоточен на собственном состоянии и переживаниях, отчего в его нарративе возникают шокирующие сравнения и ассоциации. Например, необходимость ходить по телам убитых и умирающих в расстрельном рве вызывает у него воспоминания о туалете, кишасщем тараканами. Рассказчик сообщает: «Это было ужасно, меня пронизывало невыносимое отвращение, как в тот вечер в Испании, в сортире, полном тараканов...» [3. С. 114]. В работе «Силы ужаса. Эссе об отвращении» Юлия Кристева утверждает: «Труп... высшая степень отвращения. Это смерть, попирающая жизнь. Отвратительное. Оно отброшено, но с ним невозможно расстаться и от него невозможно защититься так, как от объекта <...> Таким образом, вовсе не отсутствие чистоты или здоровья порождает отвратительное, но отвратительное – это то, что взрывает самоидентичность, систему, порядок» [15. С. 39].

Напомним, что в эпизоде с изображением расстрела в Бабьем Яре Ауэ впервые участвует в экзекуциях непосредственно. Припоминание самой пугающей и отвратительной сцены из детства нарратора здесь

неслучайно: Ауэ переживает убийство как противостественное событие. В отличие от солдат СС, для которых проявление жестокости к евреям – следствие «чудовищной жалости, не нашедшей другого способа выражения и превратившейся в ярость» [3. С. 129], для Ауэ ужас, порожденный необходимостью участвовать в расстрелах, заменяется на неприятные воспоминания из детства.

Инфантильность героя подтверждается также рядом его поступков. Судьбоносное решение вступить в СД Ауэ принимает вовсе не из идеологических соображений: его положительный ответ продиктован стремлением избежать уголовного наказания за гомосексуализм. При этом герой-рассказчик не слушает аргументов офицера, уговаривающего его вступить в СД: «Я слушал его вполуха <...> Я мечтал только об одном – попасть в туалет» [3. С. 71]. Этот пассаж говорит о том, что физический дискомфорт становится определяющим для принятия решения, которое полностью изменит жизнь рассказчика.

Сосредоточенность Ауэ на физическом комфорте также мешает ему проявлять сострадание к расстреливаемым евреям. Он говорит: «Некоторые евреи пытались заговорить с полицейскими, но украинцы окриками и ударами загоняли их обратно в толпу. Дул пронизывающий ветер, я мерз и очень жалел, что не взял с собой пуловер» [3. С. 111]. Неслучайно отсутствие у героя сочувствия к жертвам трансформируется в болезненное состояние: его здоровье постоянно ухудшается, его все чаще тошнит.

Исследуя поэтику Гоголя, В. Подорога утверждает: «...сама личность, особенно там, где естественность работы органов питания и дефекации нарушается, неизбежно регрессирует к инфантильным уровням, к оставленному далеко позади предыдущему опыту» [16. С. 265]. Философ также обращает внимание на прямую связь органов пищеварения и «вышей точки» пищеварительной системы – рта. Неслучайно французский филолог Ив Буассело использует понятия «логорея» (от греч. *logos* и фр. *diarrhée*) для характеристики повествования Максимилиана Ауэ [17. Р. 284]. Бесконечный словесный поток нарратора, кроме того, не скован никакими ограничениями языка: ни цензурой, ни культурным запретом на выражение половых пристрастий и естественных отправления организма, ни идеологическими табу, связанными с выбором слов для обозначения истребления еврейского народа (напомним, что повествователь говорит напрямую и безоценочно).

В работе «Феноменология тела» Валерий Подорога говорит о становлении языка ребенка, утверждая, что ребенок подвергается языковой репрессии, он вынужден «использовать при создании собственного языка код запретительной речи» [18. С. 75]. В отличие от ничем не сковываемого речевого потока молодого героя, речь «взрослого» Ауэ спустя десятки лет категорически меняется: он избегает прямо говорить об экзекуциях и использовать слова, напрямую отсылающие к событиям геноцида, постепенно, через эвфемизацию высказываний, подводя читателя к пониманию своей роли в событиях войны и своей сексуальной идентичности. Вышеприведенные факты говорят

о том, что Максимилиан Ауэ переживает становление самосознания только спустя многие годы, и во многом оно обусловлено трагическим опытом войны. Именно поэтому он и решается написать книгу, обращаясь к событиям, произошедшим с ним в период войны.

Претерпевает метаморфозы и психическое состояние героя. Это проявляется, например, в фанатичном отношении Ауэ к чистоте (он ругает своего помощника Ханику за, как ему кажется, недостаточно тщательно выстиранную одежду), отражается и в сновидениях, каждое из которых он описывает самым подробным образом. Происходящее герой воспринимает через сны, детские воспоминания и мечты, в иллюзорной реальности которых он и пытается скрыться. Даже когда Ауэ оказывается в расстрельном рве, его фантазмы указывают на нежелание принимать собственную ответственность за убийства: «вдруг моя рука отделилась от тела и поплыла над оврагом, стремя по сторонам...» [3. С. 115].

Сновидения героя-рассказчика – еще один способ характеристики его сознания. Как утверждает М.М. Бахтин, «сновидения... в эпосе... пророческие, побуждающие или предостерегающие – не выводят человека за пределы его судьбы и характера, не разрушают его целостности» [19. С. 132]. Так, в одном из своих снов воплощенный в бже-кальмаре Ауэ, желая, чтобы все покинули его город, колотит щупальцами медлящих жителей и гневается, когда назначенный им служащий просит их эвакуироваться: «...я видел в его уловках страшное унижение, ведь настоящей причиной была моя Воля, и чужестранцы должны убраться вон, потому что я того желаю, а не потому что им задурили головы» [3. С. 133]. Примечательно то, что в указанном сне отражаются не только события изгнания евреев из Германии, но и бессилие главного героя, его желание остаться одному и сосредоточенность на себе.

Фамилия рассказчика представляет собой анаграмму французского слова *eau* («Ауе» – фр. *eau* (вода)). Как отмечает Эдит Перри, «Ауэ – будто нечистая вода, на что указывает беспорядок букв, составляющих его фамилию» [20. Р. 134]. Неслучайно в следующей сцене романа события происходят под непрекращающимся проливным дождем: наличие водной стихии не только указывает на связь предшествующего сновидения с реальностью, но и является символом благоволящей герою стихии. Однако он оказывается неспособным проявить свою власть: судьбу санитаря Грева, убившего унтерштурмфюрера Отта, решает вовсе не высший по званию гауптштурмфюрер Ауэ, а человек в звании шарфюрера, что на несколько ступеней ниже в военной иерархии СС. Шарфюрер позволяет Греву сбежать, изгоняет из отряда. Таким образом, сон Ауэ также является характеризующим его личностью: он показывает несостоятельность героя как руководителя.

Проявление инфантильности можно также заметить в отношении Ауэ к своим служебным обязанностям офицера связи. Получив задание подготовить фотоотчет об экзекуциях, герой увлеченно делает фотоальбом. Нарратор сообщает: «Выполняя данное мне

поручение, я решил, что лучше вместо бессистемных фотографий представить документальный альбом. <...> Я подобрал еще и черно-белые снимки, потом на хорошей бумаге, раздобытой в администрации 29-го армейского корпуса, переписал наши рапорты об операции. Штабной служащий каллиграфическим почерком вывел красивые подписи под карточками и оформил титульный лист: “Большая операция в Киеве” – заглавными буквами, “Отчеты и документы”, а также даты – маленькими... (переплетчик) сшил отчеты и страницы с фотографиями под обложкой из черной кожи, изъятый из конфискованного у евреев добра, и украсил ее эмблемой зондеркоманды-4а блестящей чеканки» [3. С. 119]. Ауэ проводит скрупулезную работу, систематизирует фотографии, продумывает оформление альбома. Представляется, что манипуляции героя-рассказчика сопоставимы с коллекционированием. По мнению Жана Бодрийяра, коллекционирование представляет собой модель обладания [21. С. 97]. Морис Реймс утверждает: «Для ребенка это зачаточный способ освоения внешнего мира – расстановка, классификация, манипуляция. Активная фаза коллекционерства бывает... у детей семи-двенадцати лет <...> В общем, во всех случаях она четко соотносится с сексуальным состоянием субъекта; коллекционерство выступает как мощный компенсаторный фактор в критические фазы сексуальной эволюции» (Цит. по: [21. С. 97]). Напомним, что герой романа испытывает влечение к своей сестре и переживает разрушение собственной семьи. Документальный фотоальбом с изображениями расстрелов еврейского народа отсылает к жанру семейного альбома. Подобная пародия на семейный альбом не только воспроизводит переживания Ауэ о несовершенстве собственной семьи, но и в очередной раз доказывает невозможность принятия им скорби другого.

Обратимся к финальной сцене романа. Максимилиан Ауэ, убив своего приятеля Томаса Хаузера, спасшего ему жизнь, а ранее завербовавшего в СД, переодевается в его одежду и забирает документы Клеменса – детектива, расследовавшего смерть его матери и отца. Переодевание и подмена документов в данном случае представляет собой буквальную попытку изменить личность и скрыться от правосудия, однако в то же время герой отчетливо понимает неосуществимость преодоления мук совести. Он сообщает: «Я остался один на один с умирающим гипопотамом, страусами и трупами, один на один со временем, печалью, горькими воспоминаниями, жестокостью своего существования и грядущей смертью. Мой след взяли Благоволительницы» [3. С. 778].

Примечательно то, что события в данной сцене происходят в разрушенном зоопарке в момент взятия Тиргартена советскими войсками. В.В. Мароши, изучавший топос зверинца в литературе XIX в., писал, что bestiарий ассоциировался с дисциплинарным пространством, а появление данного топоса в русской литературе первой половины XX в. связано с выражением антигосударственных настроений и революцией [22]. Подобная трактовка применима и к аналогичному топосу в романе «Благоволительницы».

Зоопарк символизирует окончание войны, освобождение европейских государств от диктатуры фашизма, но вместе с тем и указывает на растерянность инфантильного героя, для которого самостоятельное существование кажется невозможным. Так как топос зоопарка также тесно связан с категорией детскости, умершие и покидающие зоопарк животные – символ окончания «детства» инфантильного героя. Рассказчик говорит: «Русские прошли мимо. Навстречу мне по аллее семеня слоненок, за ним три шимпанзе и оцелот. Они обогнули мертвецов и, не замедляя хода, перебежали мостик, бросив меня одного» [3. С. 778].

Вышеперечисленные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что инфантильность – это то свойство главного героя, которое является определяющим качеством его личности, оно определяет и поведение героя и специфику нарратива рассказчика. Ауэ неспособен «отделиться» от своей семьи, что провоцирует его на убийство матери, постоянные фантазии о своей сестре и воспоминания о детстве. Эта неспособность кажется тем более навязчивой, что на детские воспоминания героя наталкивают эпизоды страшных событий еврейского геноцида. Даже в такой ситуации Ауэ «предпочитает» говорить о себе. Неспособность к «отрицанию рода» ведет к отрицанию другого. Ауэ-герой лишен эмпатии к расстреливаемым, что отражается и в повествованиях Ауэ-нарратора: об убийствах он говорит подробно, детально, используя сравнения, однако совершенно безоценочно. Своим переживаниям, связанным с телом, рассказчик уделяет преувеличенно большое внимание, его повествование при этом предельно физиологично и не скованно языковыми запретами. Для инфантильного героя признание вины невозможно: оно заменяется амнезией (герой не помнит, что убил своих мать и отца), фантазмами (его рука, плывущая над расстрельным рвом) и сновидениями (Ауэ, воплощенный в божьей-кальмаре). Подтверждением этого качества героя является также то, что в финале он предпочитает притвориться другим человеком, дабы избежать наказания за свои поступки. Однако спустя десятки лет герой преодолевает инфантилизм своего видения: свидетельством этого и является решение создать роман.

Необходимо отметить, что «Благоволительницы» – не единственный роман о войне, в котором в качестве главного героя выведен носитель инфантильного сознания: таковым, например, является герой романа Луи Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи», принимающий неосознанное решение присоединиться к воюющим. Однако роман Литтелла показывает современному читателю человека, уверенного в своей исключительности, но при этом не-исключительного, такого же, как все («Уж поверьте мне: я такой же, как и вы!» [3. С. 28]). Инфантилизм героя-нарратора обеспечивает роману эффект достоверного изображения войны. Выделенные особенности романа позволяют говорить о том, что современная литература предпринимает попытку осмысления положения человека на войне вне границ и клише, разделяющих две «стороны баррикад» (победителей и проигравших).

ЛИТЕРАТУРА

1. Suleiman S. When the Perpetrator Becomes a Reliable Witness of the Holocaust : On Jonathan Littell's *Les Bienveillantes* // *New German Critique*. 2009. Vol. 36, № 1. P. 1–19.
2. Турнье М. Лесной царь : роман / пер с фр. И. Волевича, А. Давыдова. М. : Амфора, 2004. 206 с.
3. Литтелл Д. Благовоительницы : роман / [пер. с фр. И. Мельникова]. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 800 с.
4. Laurent T. La réception des *Bienveillantes* dans les milieux intellectuels français en 2006 // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 11–18.
5. Delorme J. *Les Bienveillantes*: une parole qui donne la voix au bourreau // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 31–46.
6. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М. : НЛО, 2018. 328 с.
7. Troubetzkoy W. «Frères humains...»: *Les Bienveillantes*, une histoire de familles // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 19–30.
8. Imbaud P. À propos des *Bienveillantes*. Variations autour de la perversion // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 185–196.
9. Tholozany de P. Le «curieux exercice»: voyeurisme et conscience du meurtre dans *Les Bienveillantes* // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 197–212.
10. Шкловский В. Искусство как прием // *О теории прозы*. М. : Федерация, 1929. 265 с.
11. Зенкин С. Джонатан Литтелл как русский писатель // *Иностранная литература*. 2008. № 12. С. 200–211.
12. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
13. Пятигорский А.М. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии. // *Непрекращаемый разговор*. СПб. : Азбука-классика, 2004. 432 с.
14. Bocage-Lefevbre D. La connaissance du narrateur // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 103–124.
15. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб. : Алетейя, 2003. 248 с.
16. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы в двух томах. М. : Культурная революция Логос, 2006. Т. 1. 379 с.
17. Boisseleau Y. *Les Bienveillantes*: une position ironique // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 277–298.
18. Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию (материалы лекционных курсов 1992–1994 годов). М. : Ad Marginem, 1995. 340 с.
19. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Языки славянской культуры, 2002. 341 с.
20. Perry E. Rêves et fantasmes dans *Les Bienveillantes* // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 125–140.
21. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопроводит. ст. С. Зенкина. М. : Рудомино, 2001. 224 с.
22. Мароши В.В. Топосы зверинца и зоосада в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв // *Культура и текст*. 2014. № 2 (17). С. 155–173.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 апреля 2020 г.

Infantile Consciousness and Its Narrative Incarnation in Jonathan Littell's Novel *Les Bienveillantes*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 16–21.

DOI: 10.17223/15617793/458/2

Evgeniya S. Zhironkina, Ural Federal University (Yekaterinsburg, Russian Federation). E-mail: PastorJoseph@yandex.ru

Keywords: Jonathan Littell; *Les Bienveillantes*; infantile consciousness; Holocaust; hero-narrator.

The article examines the narrative organization of Jonathan Littell's novel *Les Bienveillantes* [The Kindly Ones], dedicated to the events of World War II and offering the experience of an artistic understanding of the Holocaust. Maximilien Aue, the protagonist and narrator of *Les Bienveillantes*, is an ex-officer of the SS and SD. The author of the article attempts to explain how his personality traits influence the specifics of the novel's narrative. She shows that Aue's important characteristic is infantility; this feature determines his behavior, perception, and, as a consequence, the specifics of the narrative. In the analysis of the novel, the author uses narratological methodology. She studies aspects illustrating manifestations of Aue's infantility: relationship with his family, joining the ranks of the SD, direct participation in the extermination of the Jewish people and performance of official duties; transformation of his mental state; his behavior in situations that threaten his freedom. The author shows that Aue is unable to break the infantile relationship with his family: the narrative contains his childhood memories and his thoughts about his family as part of the story of the tragic events of the Holocaust. The author reveals that Aue's involvement in service to the Third Reich is unconscious: his decision to join the SD is not based on ideological reasons, but on the fear of criminal punishment and the physical discomfort he experiences. When completing errands, Aue pursues his own interests rather than official duties (in particular, he compiles a photo album with executions instead of a formalized report). Metamorphoses of Aue's mental state also testify to his infantile consciousness. The author analyzes dreams and fantasies that indicate Aue's immaturity. His dreams perform a characterological function in the novel: they show his failure as a leader. Aue's lack of empathy shows in his inability to sympathize with the victims of the genocide; it determines the speech features of his story such as the neutral narration about the executions, shocking comparisons and associations, the physiological nature of the narrative language. Aue's infantility also leads to his inability to take responsibility for his actions; his self-consciousness develops many years later. Aue's maturity shows in the recognition of his own non-exclusivity and in the intention to write a novel—to return to his experience of participating in Jewish actions. The choice of a bearer of infantile consciousness as the narrating protagonist in *Les Bienveillantes* indicates that modern literature is attempting to comprehend the situation of a person embroiled in hostilities, in the situation of no choice.

REFERENCES

1. Suleiman, S. (2009) When the Perpetrator Becomes a Reliable Witness of the Holocaust: On Jonathan Littell's *Les Bienveillantes*. *New German Critique*. 36 (1). pp. 1–19.
2. Tournier, M. (2004) *Lesnoy tsar': roman* [Forest King: A Novel]. Translated from French by I. Volevich, A. Davydov. Moscow: Amfora.
3. Littell, D. (2014) *Blagovolitel' nitsy: roman* [The Kindly Ones: A Novel]. Translated from French by I. Mel'nikov. Moscow: Ad Marginem Press.

4. Laurent, T. (2010) La réception des Bienveillantes dans les milieux intellectuels français en 2006. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 11–18.
5. Delorme, J. (2010) Les Bienveillantes: une parole qui donne la voix au bourreau. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 31–46.
6. Etkind, A. (2018) *Krivoie gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied]. Moscow: NLO.
7. Troubetzkoy, W. (2010) “Frères humains...”: Les Bienveillantes, une histoire de familles. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 19–30.
8. Imbaud, P. (2010) À propos des Bienveillantes. Variations autour de la perversion. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 185–196.
9. de Tholozany, P. (2010) Le “curieux exercice”: voyeurisme et conscience du meurtre dans Les Bienveillantes. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 197–212.
10. Shklovskiy, V. (1929) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Federatsiya. pp. 7–23.
11. Zenkin, S. (2008) Dzhonatan Littell kak russkiy pisatel' [Jonathan Littell as a Russian writer]. *Inostrannaya literatura*. 12. pp. 200–211.
12. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: In 7 Volumes]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
13. Pyatigorskiy, A.M. (2004) *Neprekrashchaemyy razgovor* [An Uninterrupted Conversation]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. pp. 187–190.
14. Bocage-Lefebvre, D. (2010) La connaissance du narrateur. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 103–124.
15. Kristeva, J. (2003) *Sily uzhasa: esse ob otrashchenii* [Powers of Horror; An Essay on Abjection]. Translated from English. Saint Petersburg: Aleteyya.
16. Podoroga, V.A. (2006) *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury v dvukh tomakh* [Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature in two volumes]. Vol. 1. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Logos.
17. Boisseleau, Y. (2010) Les Bienveillantes: une position ironique. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 277–298.
18. Podoroga, V.A. (1995) *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu (materialy lektsionnykh kursov 1992–1994 godov)* [Phenomenology of the Body. Introduction to Philosophical Anthropology (Materials of Lecture Courses, 1992–1994)]. Moscow: Ad Marginem.
19. Bakhtin, M.M. (2002) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Perry, E. (2010) Rêves et fantasmes dans Les Bienveillantes. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 125–140.
21. Baudrillard, J. (2001) *Sistema veshchey* [The System of Objects]. Translated from French by pp. Zenkin. Moscow: Rudomino.
22. Maroshi, V.V. (2014) The Topoi of a Menagerie and a Zoo in the Russian Literature of the Second Half of 19th – Early 20th Centuries. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*. 2 (17). pp. 155–173.

Received: 07 April 2020

А.В. Колмогорова

ЭМОЦИОНАЛЬНО НЕЙТРАЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЫ: В ПОИСКАХ СПЕЦИФИКИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций “Куб Лёвхейма”» № 19-012-00205).

Рассматривается специфика эмоционально нейтральных интернет-текстов. По результатам анализа двух подкорпусов – вики-текстов и текстов из паблика «Подслушано» в ВКонтакте, размеченных ассессорами как нейтральные, делается вывод о том, что в интернет-коммуникации категория эмоциональной нейтральности представляет собой континуум, верхнюю границу которого очерчивают информационно-справочные тексты, а нижнюю – тексты жанра «интернет-откровение». Однако и для тех, и для других существует ряд общих вербальных «маркеров нейтральности».

Ключевые слова: интернет-тексты; сентимент-анализ; эмоционально нейтральные тексты; корпусные методы в лингвистике; вики-тексты.

1. Введение

Современная коммуникация в интернете характеризуется в исследовательской литературе как дискурсивное пространство новой чувствительности [1], которая призвана освободить человека цифровой эры от переживаний, связанных с насильем и эксплуатацией, вернув ему интерес к собственным инстинктивным экзистенциальным ощущениям [2. Р. 54]. Однако слоган «ты то, чем ты делишься» [3. С. 46], став основой идеологии новых медиа, породил волну так называемого киберэкзбиционизма [4], в том числе и эмоционального. Гипертрофированная резкость оценок и откровенность эмоций, став неременной характеристикой интернет-коммуникации, спровоцировали желание социальных стейкхолдеров параметризовать чувства и эмоции в интернете в целях их последующего мониторинга. Возникла исследовательская парадигма сентимент-анализа [5], а затем – эмоционального анализа текстовых данных [6].

Выполняемый исследовательской группой проект находится в рамках последнего из упомянутых направлений. Цель проекта – разработка компьютерного классификатора, способного автоматически определять ведущую эмоцию, вербализованную в интернет-тексте на русском языке.

За основу была взята восьмичленная классификация эмоций, предложенная шведским исследователем Г. Лёвхеймом [7], так называемый «куб Лёвхейма». Семь эмоций в данной классификации имеют двойную номинацию, где первая часть является обозначением слабой степени выраженности эмоционального состояния, а вторая – самой сильной (исключение составляет эмоция удивления): Интерес / Возбуждение; Удовольствие / Радость; Удивление; Страдание / Тоска; Гнев / Ярость; Страх / Ужас; Презрение / Отвращение; Стыд / Унижение.

На первом этапе проекта определены морфологические, синтаксические, лексические и семантические группы вербальных маркеров текстов, принадлежащих восьми эмоциональным классам [8]. Однако опыт организации эмоциональной разметки корпуса

текстов с помощью группы ассессоров, а также тестирование пилотной версии классификатора продемонстрировали необходимость создания 9-го класса текстов – нейтрального.

Серия исследовательских вопросов, раскрываемых в той части исследования, результаты которой будут изложены в данной публикации, сформулирована следующим образом: имеют ли нейтральные тексты свою собственную языковую специфику относительно эмоциональных текстов? зависит ли эта специфика от жанра интернет-текста? насколько «далеко» отстоят тексты, оцениваемые информантами как нейтральные, от тех, которые ими же классифицируются как эмоциональные?

В попытке ответить на поставленные вопросы мы последовательно рассмотрим материал и методы исследования (п. 2), три аспекта категории нейтральности, нашедшие отражение в лингвистических штудиях, – нейтральность стилистическая, оценочная и эмоциональная (п. 3); проведем корпусный лингвистический анализ двух подкорпусов нейтральных текстов разной жанровой принадлежности и сравним полученные результаты с теми, что были получены при анализе эмоционально окрашенных текстов (п. 4); наконец, сделаем вывод о наличии / отсутствии собственных дискриминантных черт у класса нейтральных текстов, зависимости этих черт от жанра текстов и о специфике категории нейтральности в интернет-коммуникации.

2. Материал и методы

Цель данной публикации – описать результаты исследования, направленного на выявление вербальных маркеров эмоционально нейтральных текстов.

Материалом исследования послужили три корпуса интернет-текстов: тексты из Википедии, рассматриваемые а priori как эмоционально нейтральные и составившие корпус данных в объеме 136 184 токенов (далее – НТ а priori); тексты из пабликов «Карамель», «Подслушано», «Палата № 6» русскоязычной социальной сети «ВКонтакте», размеченные ассессорами

как нейтральные в процессе эмоциональной разметки датасета эмоциональных текстов – корпус а posteriori нейтральных текстов (далее – НТ а posteriori); наконец, 8 подкорпусов эмоциональных текстов (далее – ЭТ) из указанных выше пабликов в объеме 1 092 327 токенов, которые служат фоном для контрастивного описания специфики нейтральных текстов.

Выбор Википедии в качестве источника данных для класса НТ а priori обусловлен принадлежностью текстов к информационному дискурсу, предполагающему стремление авторов текстов избегать оценочности. Так, по словам В.В. Дементьева, «Википедия старается избегать давать оценки – любые» [9. С. 241]. Кроме того, исследователи отмечают, что в Википедии образовалась критическая среда для развития коллективного мышления постнеклассического идеала рациональности [10].

Нейтральные тексты а posteriori были отобраны по итогам процедуры ассессмента, проведенной на одной из краудсорсинговых платформ. Зарегистрированным на данной платформе 2 тыс. информантам было предложено разметить 3 920 текстовых фрагментов объемом от 80 до 120 слов, т.е. по 490 образцов из восьми эмоциональных классов текстов, согласно восьми базовым эмоциям, выделенным Г. Лёвхеймом.

Упомянутые 8 классов текстов были первоначально сформированы путем сплошной выборки постов со страниц проектов «Подслушано», «Карамель», «Палата № 6» русскоязычной социальной сети ВКонтакте. Выборка производилась по хештегам, содержащим вербализованную отсылку к соответствующему эмоциональному состоянию (например, #_фуу – эмоция отвращения или #Грустненько) или номинацию ситуации, обычно вызывающей определенную эмоцию (#Предательство или #Одиночество). Общий объем выборки составил 15 тыс. текстов, из которых затем случайным образом были отобраны уже упомянутые 3 920 текстов.

В процессе аннотирования информанты должны были разметить тексты, пользуясь шкалой и инструкцией.

Инструкция: *Внимательно прочитайте текст. Если необходимо, прочитайте его несколько раз. Какие эмоции автор выражает в тексте? На каждой из шкал поставьте отметку ближе к той эмоции, которая сильнее выражена в тексте. Поставьте отметку настолько близко, насколько очевидна и сильна эта эмоция в тексте. Например, один шаг от центра – оттенок эмоции присутствует, но выражен слабо; три шага – если эмоция явно присутствует; пять шагов – если эмоция, без сомнения, доминирует. Если в тексте нет эмоций, обозначенных на шкале, оставьте отметку в среднем положении.*

Далее информантам предлагалось 4 шкалы, между полюсами которых можно было ставить отметку-маркер: Грусть – Радость, Гнев – Отвращение, Стыд – Оживление, Страх – Удивление. Такое конструирование шкал было обусловлено моделью эмоций «Куб Лёвхейма», согласно которой данные эмоции на биохимическом уровне формируют оппозиции. Так, например, Грусть «запускается» при условии низкого уровня гормонов серотонина и дофамина в крови че-

ловека, в то время как Радость иницируется высоким уровнем этих нейротрансмитеров.

В результате проведенной аннотации мы получили ограниченный 412 фрагментами, но, тем не менее, показательный корпус текстов, размеченный информантами как «нейтральные тексты», объемом 14 тыс. токенов.

Подчеркнем, что в предварительную выборку данные тексты были включены как «эмоциональные», но информанты расценили их как нейтральные.

Для анализа мы намеренно взяли два корпуса интернет-текстов разной жанровой принадлежности: а priori нейтральные тексты из Википедии и а posteriori нейтральные тексты из паблика «Подслушано». Первые репрезентируют информационный жанр «справочная информация», а вторые – жанр «интернет-откровение» [11]. Предполагается, что необходимо выделить, с одной стороны, такие дискриминантные черты нейтральных текстов, которые не зависят от жанра, а с другой – посмотреть, зависят ли вообще маркеры нейтральности от жанра.

В качестве ведущего используется метод корпусного лингвистического анализа, предполагающий исследование коллокаций, ключевых слов, конструкций, окружения исследуемой единицы, а также использование квантитативных методов [12. С. 20]. Технологический базис исследования составил корпусный менеджер Sketch Engine – поисковая система для работы с данными корпуса, получения статистической информации и предоставления пользователю результатов в удобной форме [13. С. 141]. Помимо множества функций, статистических методов, поддержки большого количества языков и удобного интерфейса, корпусные менеджеры позволяют исследователю работать с большими собственными коллекциями данных, которые предварительно индексируют для ускорения процесса поиска.

Объектом анализа является категория эмоционально нейтральных текстов, а предметом – их дискриминантные черты. Последние понимаются как такие доступные параметризации характеристики группы текстов, которые отличают ее от других групп текстов. В нашем проекте дискриминантные черты текстов каждого из эмоциональных классов используются в качестве дополнительных факторов для формирования функций-предикторов в процессе машинного обучения по прецедентам, которое проходит компьютерный классификатор текстов на основе размеченной выборки.

3. О понятии нейтральности в лингвистике

Понятие нейтральности в лингвистике далеко неоднозначно. В целом следует констатировать, что для лингвистов категория нейтральности (будь то в стилистике, семантике или этиологии) практически всегда является точкой отсчета для описания какого-то иного объекта, качества или характеристики: стилистического значения лексемы, степени экспрессивности или оценочности конструкции, выраженности эмоционального концепта. Однако практически никогда нейтральность не рассматривалась как самостоя-

тельный объект исследования. Тем не менее есть определенная доля истины в известном афоризме – «чтобы быть эксцентричным, надо знать, где находится центр». Рассмотрим специфику трактовки категории нейтральности в трех аспектах: стилистическая нейтральность, оценочная нейтральность и эмоциональная нейтральность.

3.1. Стилистическая нейтральность

В традициях стилистики нейтральность текста или составляющих его единиц трактуется в самом общем смысле как их «невыведенность», создающая фон для появления у некоторой единицы или совокупности единиц некоторой стилистической окраски или стилистического значения.

Так, М.В. Панов отмечает [14. С. 179], что только окрашенные единицы создают стилистическую характерность текстов, – «нейтральные же единицы, встречающиеся в любом тексте (курсив наш. – А.К.), не могут быть носителями характерности», однако первые проявляют свою характерность, только находясь в сочетании со вторыми.

Р.Г. Пиотровский сужает границы нейтральных текстов, специфицируя их невыведенность новым ограничением – это должны быть некие типовые, стереотипные контексты, где лексические единицы встречаются в своем привычном окружении, поскольку «даже наиболее стилистически нейтральные слова, словосочетания и грамматические конструкции при перенесении их в другую речевую среду становятся стилистически окрашенными» [15. С. 22].

Эти «обычность» и «невыведенность» являются в том числе следствием соблюдения в нейтральных текстах базовых норм языка, предопределяющих отсутствие каких бы то ни было препятствий к их пониманию [16. С. 275]. И наоборот, всякое нарушение норм языка, согласно стилистике отклонений [17], трактуется его носителем – реципиентом некоторого текста как «отклонение», уже этим привлекает к себе внимание читателя, становясь «выделенным», а значит, приобретая стилистическую окраску.

Невыведенность, типизированность контекста и стереотипность ситуации употребления, нормативность, отсутствие проблем понимания – основные признаки нейтрального текста, рассмотренного в стилистической перспективе.

3.2. Оценочная нейтральность

Оценка, по мнению Н.Д. Арутюновой, является результатом соотнесения человеком мира реального и его идеализированной самим же человеком модели [18. С. 182–183], что порождает «разнообразные иллюкативные силы» – «оценочное высказывание стремится повлиять на адресата, а через него и на ход практической жизни». Следовательно, оценка находится в зоне прагматики языкового знака. Рассматривая ее в лексикографическом аспекте, Ю.Д. Апресян [19. С. 66–69] выделял два типа информации, составляющей данную зону: 1) культурные коннотации и семантические ассоциации, фиксирующие отношение

национально-лингво-культурного коллектива к обозначаемой словом сущности; 2) «модальную рамку», отражающую оценку описываемой конкретной ситуации говорящим или слушающим.

И.В. Арнольд связывает оба вида прагматической информации с понятием потенциальных или импликационных сем [20], которые могут быть актуализированы в контексте, но могут и оставаться в латентном состоянии. Во втором случае лексема может, по видимому, приниматься за нейтрально-оценочную.

Таким образом, к нейтрально-оценочным языковым единицам принято относить лексемы, либо не имеющие в данном национально-лингво-культурном коллективе специфических культурных коннотаций, либо употребленные в таком контексте, который не актуализирует эти семы, а также в случае, если в контексте данные лексемы не имеют специфической модальной рамки, позволяющей увидеть через нее индивидуальное восприятие говорящим / слушающим описываемой ситуации.

Соответственно, нейтрально-оценочные тексты – это тексты, которые не создают контекстных условий для актуализации какой бы то ни было оценки (ни социальной, ни индивидуальной) описываемой в них ситуации, минимизируя тем самым прагматическую направленность речевого произведения.

3.3. Эмоциональная нейтральность

Наконец, третий аспект – собственно эмоциональная нейтральность. Эмоции долгое время не включались в число объектов лингвистического анализа, поскольку с «легкой руки» Э. Сепира считалось, что, хотя языковые символы и соотносились, возможно, когда-то с эмоциями, сейчас эта связь «уже непосредственно не просматривается» [21. С. 263]. Однако, когда появилась отдельная отрасль лингвистики – эмотиология, сконцентрировавшаяся на изучении проявления эмоциональности в языке, обнаружилась противоположная тенденция – стали высказываться мнения о том, что «весь язык эмотивен», что «не существует эмотивно нейтральной лексики» [22. С. 25].

Тем не менее о возможности существования эмоционально нейтральных текстов писал уже Ш. Балли в начале XX в. Он отмечал, что во всяком акте рече-производства говорящий «придает своим мыслям либо объективную, рассудочную форму, максимально соответствующую действительности, либо чаще всего вкладывает в выражение в самых различных дозах эмоциональные элементы» – индивидуальные чувства, часто претерпевающие влияние чувств социальных [23. С. 29].

В языковых сообществах сложились определенные жанровые формы, которые тяготеют к «объективации интеллектуальной сферы духовной жизни человека» [23. С. 29]. Это в первую очередь жанры информативного дискурса [24]: научный текст (монография, статья, доклад), информационно-справочные тексты (словари, энциклопедии, справочники).

С распространением интернет-дискурса корпусы текстов с так называемым нейтральным сентиментом (тональностью) также формируются и на основе по-

стов в социальных сетях, отзывов о товаре или услуге на интернет-платформах. Это происходит в рамках достаточно новых парадигм анализа, использующих технологический потенциал компьютерной и математической лингвистики.

Первое направление известно как извлечение мнений (opinion mining) [25, 26]. Оно также включает анализ тональности (sentiment analysis), где под тональностью понимается эмоционально-оценочное отношение к объекту оценки (товару или услуге), выраженное в тексте [27, 28]. Оно может быть позитивным, негативным или нейтральным. Текст считается нейтрально окрашенным, если он не содержит эмоциональной составляющей [29. С. 152]. Тональность в рамках такого подхода определяется либо по словарям тональностей, либо на основе вероятностных статистических моделей, выстраиваемых при помощи технологии машинного обучения. Если используется технология машинного обучения по прецедентам, то для тренировки алгоритма привлекается обучающая выборка, в которой каждый текстовый фрагмент имеет «эмоциональную этикетку», приписанную ему информантами-ассессорами.

Второе направление – эмоциональный анализ текстов. Его объектом является уже конкретная эмоция, вербализованная в тексте: страх, радость, гнев и др. Но в качестве нейтральных, как и в первом случае, рассматриваются тексты, не содержащие эмоциональной составляющей.

Источником знаний, позволяющих квалифицировать некоторые тексты как эмоционально нейтральные, как в первом, так и во втором случае выступают статистические модели, выстраиваемые компьютерной системой самостоятельно (машинное обучение без учителя), либо с опорой на разметку, предварительно проведенную информантами (машинное обучение с учителем). Кроме того, существенно повысить точность классификации может подача «на вход» алгоритма

неких дискриминантных черт (в англоязычной терминологии – features) класса нейтральных текстов, выделяющих его среди других и способных выступить в качестве основы функций-предикторов, определяющих работу программы-классификатора.

Проведенный анализ теоретической литературы позволил сформулировать рабочую гипотезу, предопределяющую алгоритм последующей работы по поиску дискриминантных черт класса нейтральных текстов: вербальная специфика НТ может быть маркирована 1) соответствием стилистической норме (отсутствие обсценизмов); 2) невыраженностью модальной рамки высказывания, что скажется на функционировании маркеров чужого слова, функционировании слов-дейктиков, а также частотных предикатах; 3) отсутствием или статистической нерелевантностью «вокабуляра эмоций».

4. Корпусный анализ нейтральных выборок на фоне эмоциональной выборки

4.1. Сниженная и оценочная лексика

Проведенный анализ частотности четырех наиболее употребительных обсценизмов в трех подкорпусах показал отсутствие подобных лексем (что в вики-текстах ожидаемо), поскольку у ресурса есть команда модераторов с правом блокировки пользователей и удаления записей, к тому же это публичный ресурс.

Однако результаты анализа подкорпуса текстов из социальной сети ВКонтакте, оцененных информантами как нейтральные, продемонстрировали, что, когда речь идет об интернет-текстах, несоответствие стилистической норме не означает автоматическую не-нейтральность текста – в данном подкорпусе обсценизмы есть, хотя значения их частотности в большинстве случаев ниже, чем в эмоциональных текстах. В табл. 1 указана частотность четырех наиболее распространенных обсценизмов.

Таблица 1

Относительная частотность обсценизмов в трех подкорпусах

Подкорпус / частотность наречия в ipm (items per million)	Обсценизм № 1	Обсценизм № 2	Обсценизм № 3	Обсценизм № 4
НТ a priori	0	0	0	0
НТ a posteriori	260	0	43	130
ЭТ	708	68	72	79

Что касается оценочных прилагательных, то в каждом подкорпусе их доля в списке 50 наиболее частотных прилагательных также отличается: НТ a posteriori – 18 из 50 (*красивый, счастливый, нужный, хороший, огромный, страшный, крутой, любимый* и т.д.), НТ a priori – 3 из 50 (*хороший, настоящий, основной*) и ЭТ – 24 из 50 (*хороший, счастливый, отвратительный, прекрасный, жуткий*, и т.д.).

4.2. Способы передачи «чужого слова»

Первая категория вербальных маркеров, верифицированная на материале НТ, – это категория ксенопоказателей. Термин был введен Н.Д. Арутюновой [30] для

обозначения частиц *де*, *мол*, *дескать* как знаков чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира. Воспроизведение говорящим речи «другого», несущее груз двойной субъективности, выполняет функцию нивелирования социальной ответственности говорящего за передаваемое сообщение в его диктумном или модусном аспекте, что позволяет отнести анализируемые частицы к категории показателей «субъективной цитации» [31].

Как показал анализ, *де* и *дескать* не используются ни в ЭТ, ни НТ, по-видимому, тому виной оттенок книжности, который для них характерен. Что касается ксенопоказателя *мол*, то если в восьми эмоциональных подкорпусах он входит в число частотных слу-

жебных слов в диапазоне рангов от 13 до 64, то в обоих нейтральных подкорпусах (НТ а posteriori и а priori) нет ни одного употребления данной единицы.

Уже имеющиеся у коллектива результаты свидетельствуют [32] о том, что ЭТ чувствительны к ксенопоказателям. По-видимому, эмоциональность часто объективируется путем апелляции к чужому слову, а нейтральность – ее отсутствием.

4.3. Глагольность и бытийность

Сравнение частотности глагольных форм в девяти подкорпусах показало, что в корпусах НТ значительно меньше глаголов, чем в ЭТ (табл. 2).

Таблица 2

Значения относительной частотности глаголов в подкорпусах ЭТ и НТ

Подкорпус	ЭТ	НТ а posteriori	НТ а priori
Частоты в ipm	от 137 613 до 160 123	101 907	84 061

Среди глаголов обоих подкорпусов самым частотным является глагол *быть*.

Предварительный интерпретативный анализ корпусов НТ а posteriori позволил сформулировать предположение о том, что внимание нарратора в данных текстах сосредоточено, по-видимому, не на своем эмоциональном состоянии, а на некоторой наблюдаемой ситуации, в которой третьи лица, возможно, испытывают некоторые эмоции, но нарратор о них может только догадываться и эмпатично им сопереживать, однако это не его личные чувства. В [33] подобное явление названо эмотивной тональностью объектного типа. Глагол *быть* в нейтральных текстах в «Подслушано» используется в имперфективном и перфективном стативном употреблении [34]. Сравните примеры текстов (орфография и пунктуация пользователей ВКонтакте сохранены).

1. Когда мне было лет 6 мы жили в р-не рядом с роцей. У нас во дворе часто гуляла пожилая женщина со взрослым сыном. Это сейчас я понимаю, что он был умственно-отсталым, а тогда всем детям во дворе он казался просто интересным и странным взрослым и конечно мы не считали его опасным. Как-то его заметили гуляющим уже без матери, а потом перестали встречать на улице его вовсе. И вот однажды наша ровесница пропала. Ее не могли найти целый день. А вечером кто-то увидел этого парня, бредущего за руку с пропавшей малышкой в сторону роцы. Оказалось, что целый день они были в его квартире где он «знакомил» ее со своей мамой, которая лежала мертвая на кровати уже 3 недели. Умерла она своей смертью. Наверное он искал замену, чтобы было с кем гулять (корпус НТ а posteriori).

Нарратор никак не эксплицирует свое эмоциональное состояние, хотя тот факт, что процитированный пост был изначально помещен редакторами публика под хештегом #Одиночество, имплицитно эмоцию грусти, эмпатически, возможно, переживаемую автором поста, но не замеченную менее эмпатичным ассессором, оценившим его как НТ.

В нейтральных же вики-текстах (НТ а priori) глагол *быть* используется преимущественно в конструкциях с глаголами в пассивном залоге для констатации фактивной информации, например:

2. В 1922 г. уезды преобразовали в округа. 11 октября 1923 г., согласно постановлению ВЦИК, в административное деление Крымской АССР были внесены изменения, в результате которых округа были ликвидированы, основной административной единицей стал Джанкойский район и село включили в его состав (НТ а priori).

4.4. Дейктики

В подкорпусах ЭТ и НТ проведен анализ значений меры семантической близости МІ (коэффициент взаимной информации) глагола *быть* и четырех дейктиков: *я, он, она, они*. Мера МІ относится к точечным оценкам силы ассоциации. Она сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми (при случайном появлении слов в контексте) по формуле

$$MI(n, c) = \log_2 \frac{f(n, c)}{f(n) \cdot f(c)},$$

где n – ключевое слово; c – коллокат; $f(n, c)$ – частота встречаемости ключевого слова n в паре с коллокатом c ; $f(n)$, $f(c)$ – абсолютные (независимые) частоты ключевого слова n и коллоката c в корпусе (тексте) [35].

Оказалось, что значение МІ для *быть* и указанных дейктиков в НТ а priori нулевое, это означает, что их совместная встречаемость статистически не значима, она случайна. Кроме того, частотность каждого из указанных местоимений в сочетании с *быть* не превышает 200 ipm, что является чрезвычайно низким показателем по сравнению с другими подкорпусами.

В подкорпусе НТ а posteriori ситуация кардинально иная.

На рис. 1 показаны в сравнении значения МІ по восьми подкорпусам ЭТ и НТ а posteriori: значения данного коэффициента выше всего в подкорпусе НТ а posteriori, но если для *я+быть* этот рост незначителен, то для *он+быть* и *они+быть* скачок значений более выражен. Иначе говоря, «неслучайность» сочетания *быть* с местоимениями 3-го лица в корпусе НТ выше, чем в подкорпусах ЭТ.

Таким образом, наблюдается значимое расхождение в функционировании местоимений-дейктиков в связке с глаголом *быть* в корпусах НТ а posteriori и а priori: в одном они тесно и статистически неслучайно связаны, в другом – практически не употребляются вместе, хотя сам глагол одинаково частотен в обоих подкорпусах. Наблюдаемый контраст можно объяснить тем, что в случае с НТ а posteriori нарратор является одновременно наблюдателем ситуации, происходящей с третьими лицами, – наблюдение требует достаточно длительной фиксации внимания на объекте. Это и влечет за собой, во-первых, употребление *быть* в его имперфективном или перфективном стативном значениях, во-вторых, использование местоименной репризы во избежание повторов (см. текст 1): *он был умственно-отсталым; целый день они были в его квартире* и притяжательных конструкций (*в его квартире*).

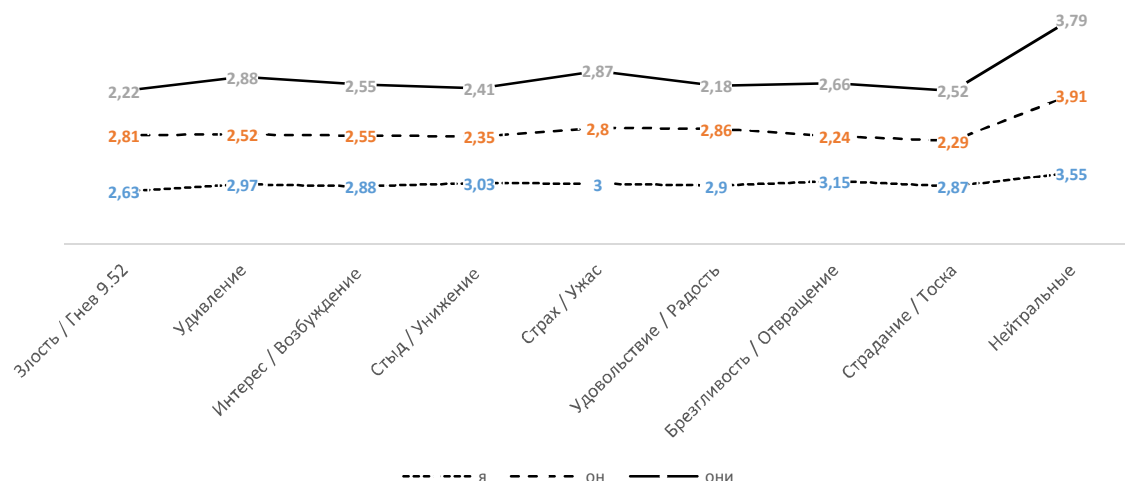

Рис. 1. Сопоставление значений MI лексемы *быть* и коллокатов *я, он, они* в левом контексте в девяти подкорпусах текстов

В корпусе же НТ а priori нарратор констатирует факты либо описывает ситуации «с чужих слов», поэтому глагол *быть* в вики-текстах используется в качестве служебного для формирования пассивного залога, который, в свою очередь, просто фиксирует глагольный признак, направленный на семантический объект (см. текст 2: *округа были ликвидированы*).

Другая категория дейктиков – наречия времени. В табл. 3 показана относительная частотность группы наречий времени, передающих «присутствие» говорящего-наблюдателя: *однажды, вчера, вдруг, потом, сразу*.

Прослеживается тенденция наименее значительного их присутствия в вики-текстах (НТ а priori), большей частотности – в НТ а posteriori и максимальной – в ЭТ.

Таблица 3

Относительная частотность наречий времени в трех подкорпусах текстов

Подкорпус / частотность наречия в ipm	Однажды	Вчера	Вдруг	Потом	Сразу
НТ а priori	5	0	10	47	120
НТ а posteriori	390	86	216	267	260
ЭТ	105	92	264	953	490

Исключение составляет наречие *однажды*, частотность его выше всего в НТ а posteriori (текст 3). Вероятно, это связано с тем, что *однажды* – типичный зачин истории, рассказываемой нарратором-наблюдателем, не являющимся экспериенцером чувства:

2. *Однажды катались на аттракционах с дочкой) так вот, сели на детские, такие американские горки, а за нами мамочка с дочкой, так пристегнуться из-за размеров и не смогли! Мамочка позже пыталась пересест в другую кабинку, но даже находясь одна в ней, не смогла из-за живота опустить ограничитель)) в итоге вышла! Дамы ну вы хоть мужей своих не стыдите) а то он бедный рядом стоял, смотрел на все это... И задумался наверно...* (НТ а posteriori).

4.5. Присутствие «вокабуляра эмоций»

Корпусный менеджер Sketch Engine располагает функцией выявления ключевых биграмм (key bigrams)

одного корпуса на фоне другого (reference corpus). В табл. 4 представлены по три наиболее частотные и релевантные для корпусов ЭТ биграммы, выявленные при фоновом сопоставлении с корпусами НТ. Биграммы же релевантные для НТ выявлены путем сопоставления их с ЭТ.

Согласно полученным данным (табл. 4), каждый подкорпус ЭТ имеет в качестве отличительных и одновременно частотных биграмм сочетания, номинирующие а) саму эмоцию (*стыдно за, меня бесят, я счастлива, в шоке*); б) ситуацию, провоцирующую эмоцию (*я одна, у меня нет*); в) обстоятельства (место и время), где чаще всего человек переживает эту эмоцию (*в туалете, в больнице, год назад*) и г) действия, реакции, сопровождающие эмоцию (*говорить*). Для обоих НТ характерны биграммы, не имеющие отношения к сценарию переживания эмоции, – это сочетания служебных слов (*не с, как же, с кем*), клишированных сочетаний (*до н.э., в настоящее время, в связи с*).

Тройки наиболее частотных и релевантных для подкорпусов биграмм

№	Подкорпус	Релевантные биграммы (на фоне подкорпуса НТ)	Частотность в целевом подкорпусе (ipm) / коэффициент релевантности
1	Злость / Гнев	(как) же бесят	629,3/ 63,9
		бесят люди	589, 5/ 60
		меня бесят	463, 7/ 47,4
2	Удивление	об этом	285/29,5
		в шоке	280,1/29
		в голове	230 / 24,1
3	Интерес / Возбуждение	и говорит	208,9 / 21,9
		об этом	178,4/ 18,8
		со словами	158,16,8
4	Стыд / Унижение	стыдно за	976/ 977
		(до сих) пор стыдно	695/ 696
		очень стыдно	615 / 616
5	Страх / Ужас	в больнице	312,7/ 32, 3
		год назад	234,6/ 24, 5
		два года	189,9 / 20
6	Удовольствие / Радость	я счастлива	836,2/ 84,6
		от счастья	513,7/ 52,4
		(как) же это	334, 5/ 34,5
7	Брезгливость / Отвращение	в говне	364,3 / 37,4
		в туалете	314,7/32
		не ем	215,3/ 22,5
8	Страдание / Тоска	(у) меня нет	567,9/ 57,2
		от одиночества	478, 2/ 48,8
		я одна	269/ 27,9
9	Нейтральный a posteriori (на фоне восьми корпусов ЭТ)	не с	216, 7/22,7
		как же	346,8/ 3,8
		с кем	346,8/ 4,4
10	Нейтральный a priori (на фоне восьми корпусов ЭТ)	до н.э.	194/ 20,5
		в настоящее время	110/ 12
		в связи с	105/ 11,5

5. Обсуждение результатов корпусного анализа

Анализ показывает, что категория эмоциональной нейтральности в интернет-текстах представляет собой сложный феномен.

Во-первых, текстовое пространство нейтральности легко «ложится» на градуированную шкалу, на одном полюсе которой находятся тексты информационного жанра (вики-тексты), а на другом – определенная группа текстов жанра «интернет-откровение». Следовательно, эмоционально-нейтральные тексты, даже в рамках одного коммуникативного пространства – пространства интернет – находятся под влиянием жанровых ограничений. Так, например, одни дискриминантные черты совершенно нехарактерны или характерны в минимальной степени для вики-текстов (НТ а

priori) (обсценизмы, дейктические наречия времени, статистическая значимость он / она / они + быть), в то время как для текстов из ВКонтакте, оцененных как нейтральные (НТ а posteriori), эти же признаки присутствуют: в рамках жанра «интернет-откровение» обсценизмы – это норма, наличие дейктиков естественно, поскольку нарратор рассказывает от первого лица (гомодиегезис), длительно фокусируясь на эмоциональном состоянии другого человека, что приводит к частотности предиката *быть* с местоимениями 3-го лица.

Во-вторых, у эмоциональной нейтральности все-таки есть универсальные текстовые манифестации, независимые от жанра: отсутствие ксенопоказателей, низкая частотность глаголов, отсутствие среди статистически значимых биграмм лексики, относящейся к «вокабуляру эмоций» (табл. 5).

Таблица 5

Сопоставительный анализ дискриминантных черт НТ а priori НТ а posteriori и ЭТ

Дискриминантная черта / подкорпус	НТ а priori	НТ а posteriori	ЭТ
Обсценизмы	–	+	++
Оценочная лексика	+	+	++
Ксенопоказатели	–	–	+
Частотность глаголов	–	–	+
Стат. значимость он / она / они + быть	–	++	+
Высокая частотность дейктических наречий времени	–	+	++
Вокабуляр эмоций	–	–	+

В-третьих, по-видимому, «нижняя граница», отделяющая нейтральные тексты от эмоциональных, обусловлена типом нарратора: если нарратор-наблюдатель рассказывает о себе, то эмоциональность в той или иной степени будет присутствовать, если он рассказывает о других людях, то следует, скорее, констатировать потенциальную эмоциогенность текста, которая может восприниматься реципиентами и как нейтральность. А «верхняя граница» нейтральности, видимо, тесно связана с ситуацией, когда нарратор не является наблюдателем описываемой ситуации или положения дел.

Кроме того, анализ подтверждает тот факт, что интернет-тексты в социальных сетях гипертрофированно эмоциональны, что приводит к изменению на этом фоне границ и прототипов нейтральности. Тексты из социальной сети ВКонтакте, оцененные асессорами как нейтральные (см. тексты 1 и 3), являются таковыми только на фоне эмоционального киберэкзбиционизма, пропитавшего собой социальные сети. Будучи извлечены из данного коммуникативного пространства, они могут произвести на асессоров впечатление эмоциональности. Возможно, на результаты оценки информантами повлияло то, что вики-тексты, составляющие верхнюю границу нейтральности в интернет-пространстве, не были включены в выборку, представленную информантам.

6. Заключение

Исследованный материал показывает, что эмоциональная нейтральность связана с нейтральностью стилистической и оценочной, но этими двумя не исчерпывается. По-видимому, в интернет-пространстве коммуникации складывается своя шкала эмоциональность–нейтральность.

Предположение о том, что одним из признаков эмоционально нейтральных интернет-текстов является их стилистическая невыделенность, соответствие

внутренней норме жанра, в целом подтвердилось. Однако исследование показало, что интернет-тексты разнородны и их внутрижанровые нормы могут значительно различаться. Кроме того, в интернет-коммуникации сложилось свое представление о нормативности, которое существенно отличается от содержания данного концепта в общеязыковой перспективе: обесценизмы и оценочная лексика, обычно неприемлемые для стилистически нейтральных текстов с точки зрения нормы языка, могут функционировать естественным образом в ряде сегментов интернет-коммуникации.

Слабая выраженность модальной рамки, характерная для оценочно нейтральных текстов, выступает, пожалуй, наиболее значимым критерием и для эмоционально нейтральных текстов. Кроме того, для различения нейтральных и эмоциональных интернет-текстов важную роль играет фигура нарратора.

Поскольку интернет-коммуникация в целом более персонализирована, чем, например, иные опосредованные виды коммуникативных процессов, нарратив в ней доминирует. Однако, как показал анализ, различение, с одной стороны, нарратора-экспериментатора, а с другой стороны, нарратора-наблюдателя и нарратора-наблюдателя позволяет прогнозировать специфику дискриминантных черт эмоциональных интернет-текстов и эмоционально нейтральных интернет-текстов и очерчивать границу между ними.

Таким образом, отвечая на исследовательский вопрос «имеют ли нейтральные тексты собственную языковую специфику относительно эмоциональных текстов», отметим, что по большей части – нет. Эта специфика, скорее, из разряда отрицательных: отсутствие дискриминантных черт, выявленных для ЭТ, как раз и характеризует в основном НТ. Однако выявлена и одна собственная специфическая черта данных текстов (для нейтрального подкорпуса текстов жанра интернет-откровение) – тесная связь между глаголом *быть* и местоимениями 3-го лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошкарлова Н.Н., Яковлева Е.М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152. DOI 10.26170/pl19-05-15.
2. Becker M., Philippe E. Critical Theory and Social Media: Alternatives and the New Sensibility: Honors Theses (PPE). 2018. 66 p.
3. Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М. : Ад Маргинем Пресс, 2019. 304 с.
4. Пожидаева Е.В., Карамалак О.А. Хэштеги в социальных сетях: интенции и аффордансы (на примере группы сообщений на английском языке по теме «Food» (Пища / еда)) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 106–118. DOI: 10.17223/19986645/55/8
5. Pang B., Lee L. Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. 2008. Vol. 2, № 1–2. P. 1–135.
6. Naakk N., Kirmani M., Mohd M. Emotion analysis: A survey // International Conference on Computer, Communications and Electronics (Comptelix). 2017. P. 397–402.
7. Lövhelm H. A New Three-dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters // Medical hypotheses. 2012. № 78. P. 341–348.
8. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тоналностей в интернет-текстах на русском языке // Вестник ТГУ. 2019. № 448. С. 48–58. DOI: 10.17223/15617793/448/6
9. Дементьев В.В. «Лукоморье» vs «Википедия» = «Неформально» vs «Формально»? // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 137–151.
10. Cimini N., Burr J. An Aesthetic for Deliberating Online: Thinking Through «Universal Pragmatics» and «Dialogism» with Reference to Wikipedia // The Information Society. 2012. Vol. 28, № 3. P. 151–160. DOI: 10.1080/01972243.2012.669448.
11. Колмогорова А.В. Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 71–82. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-71-82
12. Мустайоки А., Копотев М.В. Современная корпусная русистика // Slavica Helsingiensia 34. Инструментарий русистики: корпусные подходы / под ред.: А. Мустайоки, М.В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 7–24.
13. Николаев И.С., Митренина О.В., Ландо Т.М. Прикладная и компьютерная лингвистика. М. : ЛЕНАНД, 2016. 320 с.
14. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М. : Языки славянской культуры, 2007. Т. 2. 848 с.
15. Пиотровский Р.Г. Очерки по стилистике французского языка : морфология и синтаксис. Л. : Учпедгиз. Ленинградское отделение, 1960. 224 с.

16. Тинякова Е.А. Философский аспект рассмотрения языка. Москва; Берлин : Директ-медиа, 2015. 354 с.
17. Essays in semiotics / eds. J. Kristeva, J. Rey-Debove, D.J. Umiker. Paris : Mouton de Gruyter, 1971. 445 p.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
19. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 167 с.
20. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 444 с.
21. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М. : Прогресс-Универс, 1993. 656 с.
22. Шаховский В.И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37.
23. Балли Ш. Французская стилистика. М. : УРСС, 2001. 392 с.
24. Adam J.-M. Les textes types et prototypes. Paris : Armand Colin, 2015. 290 p.
25. Koltsova O.Yu, Alexeeva S.V., Kolcov S.N. An Opinion Word Lexicon and a Training Dataset for Russian Sentiment Analysis of Social Media // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.) / под общ. ред.: В. Селерей. М. : Изд-во РГГУ, 2016. Вып. 15. P. 277–287.
26. Negi S., Buitelaar P. Suggestion Mining From Opinionated Text // Sentiment Analysis in Social Networks / eds.: F.A. Pozzi, E. Fersini, E. Messina, B. Liu, M. Kaufmann. Elsevier, 2017. P. 129–139. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-804412-4.00008-5>.
27. Tiwari P., Yadav P., Agnihotri S., Mishra B., Nhu N., Gochhayat S., Singh J., Prasad M. Sentiment Analysis for Airlines Services Based on Twitter Dataset // Social Network Analytics. Computational Research Methods and Techniques. 2019. P. 149–162. DOI: 10.1016/B978-0-12-815458-8.00008-6.
28. Yadav A., Jha C.K., Sharan, A., Vaish, V. Sentiment analysis of financial news using unsupervised approach // Procedia Computer Science. 2020. Vol. 167. P. 589–598. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.03.325>.
29. Воронина И.Е., Гончаров В.А. Анализ эмоциональной окраски сообщений в социальных сетях (на примере сети «ВКонтакте») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2015. № 4. С. 148–155.
30. Арутюнова Н.Д. Высказывание в контексте диалога и чужой речи // Revue des études slaves. 1990. Tome 62, fascicule 1–2. L'énonciation dans les langues slaves [En hommage à René L'Hermite, sous la direction de Jean-Paul Sémon et Hélène Włodarczyk]. P. 15–30.
31. Падучева Е.В. Показатели чужой речи *мол* и *декабрь* // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 3. С. 13–19.
32. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Кто и о чем говорит в «радостных» и «грустных» текстах: в поисках дискриминантных черт текстов разных эмоциональных тональностей // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 219–234. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.078
33. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 197 с.
34. Падучева Е.В. Глаголы *быть* и *бывать*: история и современность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции Диалог (Москва, 27–30 мая 2015 г.). М. : Изд-во РГГУ, 2015. Т. 1, вып. 14 (21). С. 500–514.
35. Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. № 9 (16). С. 137–143. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/22.htm>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 августа 2020 г.

The Specificity of Emotionally Neutral Internet Texts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 22–31.

DOI: 10.17223/15617793/458/3

Anastasia V. Kolmogorova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nastiakol@mail.ru

Keywords: emotion; Internet texts; sentiment analysis; verbal markers; neutral texts; social network.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00205.

The article aims to discuss the problem of verbal features distinguishing emotionally neutral texts from emotional ones. Such features are necessary for elaborating a computer classifier designed to assign Internet texts in Russian to different emotional classes of texts including the neutral class. The complex analysis of the notion of neutrality in stylistics, axiology, emotiology and sentiment analysis allowed the author to formulate the preliminary hypothesis that emotionally neutral texts are marked by (1) the absence of obscene words and evaluative adjectives; (2) the non-expression of the modal frame of the utterance, which influences the functioning of xenomarkers (markers of narrative retelling), of deictic words and frequent predicates; (3) the lack of emotional vocabulary. The sources of the data for the study were three subcorpora: a subcorpus of texts from Wikipedia (136,184 tokens)—“neutral texts a priori”; a subcorpus of texts from the Russian social network VKontakte assessed by 2,000 informants as neutral ones—“neutral texts a posteriori” (14,000 tokens), and, finally, 15,000 emotionally loaded fragments of 60 to 80 words (1,092,327 tokens) from VKontakte assessed by the informants as texts manifesting different emotions: from anger to joy. The choice of the two neutral subcorpora was due to the author’s intention to examine the category of neutrality taking under consideration the genre of Internet texts. To learn the features of neutral Internet texts, the author used the methodology of corpus linguistics largely supported by a number of tools offered by the Sketch Engine corpus manager platform. The results partially confirmed the hypothesis and provided new details. Thus, the analysis revealed that the genre of the Internet text plays a crucial role in how the neutrality category manifests in it: for instance, Wikipedia texts have no obscene words, VKontakte texts assessed as neutral have a number of such lexemes. A similar discrepancy between neutral texts of different genres is observed on the grammatical level: for VKontakte texts the collocation of the Russian verb *byt’* [be] and the pronouns of the third person *on, ona, oni* [he, she, they] is statistically significant, for Wikipedia texts it is not. There are still some features proper to the two subcorpora considered as neutral: the absence of so-called “xenomarkers” and emotional vocabulary (words naming emotions, their manifestations, and typical situations in which people usually feel them); the low frequency, in comparison with emotional texts, of verbs and deictic words indicating time or place. The author has made a conclusion that, in the internet communicative space, the category of neutrality is construed differently than in others spheres of communication. Internet texts are generally so saturated with emotions that, even if in another context a text would be interpreted as an emotional one, in the social network users assess it as a fragment with no emotion. Another significant result is that the author has found a correlation between the type of narrator—narrator-experiencer, narrator-observer and narrator-non observer—and the type of text in terms of the category of neutrality. In further research, this will facilitate the predictability of text class—emotional or neutral.

REFERENCES

1. Koshkarova, N.N. & Yakovleva, E.M. (2019) Discourse of new emotionality: Communicative practices of digital reality. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 5 (77). pp. 147–152. (In Russian). DOI 10.26170/pl19-05-15
2. Becker, M. & Philippe, E. (2018) *Critical Theory and Social Media: Alternatives and the New Sensibility*. Honors Theses (PPE). Philadelphia.
3. Lovink, G. (2019) *Kriticheskaya teoriya Interneta* [Critical Theory of the Internet]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
4. Pozhidaeva, E.V. & Karamalak, O.A. (2018) Hashtags in social networks: intentions and affordances (exemplified in the English language by message groups on the topic “Food”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 106–118. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/8
5. Pang, B. & Lee, L. (2008) Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 1–2 (2). pp. 1–135.
6. Haakk, N., Kirmani, M. & Mohd, M. (2017) Emotion analysis: A survey. *Comptelix 2017*. Proceedings of the International Conference on Computer, Communications and Electronics. Jaipur. 1–2 July 2017. New York: IEEE. pp. 397–402. DOI: 10.1109/COMPTELIX.2017.8004002
7. Lövhelm, H. (2012) A New Three-dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. *Medical Hypotheses*. 78. pp. 341–348.
8. Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A. & Malikova, A.V. (2019) The types and combinatorics of verbal markers of different emotional tonalities in Russian-language Internet texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 48–58. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/6
9. Dement'ev, V.V. (2015) “Lurkmore.ru” vs. “Wikipedia” = “informally” vs. “formally”? *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1 (11). pp. 137–151. (In Russian).
10. Cimini, N. & Burr, J. (2012) An Aesthetic for Deliberating Online: Thinking Through “Universal Pragmatics” and “Dialogism” with Reference to Wikipedia. *The Information Society*. 3 (28). pp. 151–160. DOI: 10.1080/01972243.2012.669448
11. Kolmogorova, A.V. (2019) Texts of “internet confessions” as a source for training data set for the research on the sentiment-analysis field. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 3 (17). pp. 71–82. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-3-71-82
12. Mustayoki, A. & Kopotev, M.V. (2008) Sovremennaya korpusnaya rusistika [Modern Corpus Russian Studies]. In: Mustayoki, A. et al. (eds) *Slavica Helsingiensia 34. Instrumentariy rusistiki: korpusnye podkhody* [Slavica Helsingiensia 34. Toolkit for Russian Studies: Corpus Approaches]. Helsinki: Helsinki State University. pp. 7–24.
13. Nikolaev, I.S., Mitrenina, O.V. & Lando, T.M. (2016) *Prikladnaya i komp'yuternaya lingvistika* [Applied and Computational Linguistics]. Moscow: LENAND.
14. Panov, M.V. (2007) *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku* [Proceedings on General Linguistics and Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Piotrovskiy, R.G. (1960) *Ocherki po stilistike frantsuzskogo yazyka: morfologiya i sintaksis* [Essays on the Stylistics of the French Language: Morphology and syntax]. Leningrad: Uchpedgiz.
16. Tinyakova, E.A. (2015) *Filosofskiy aspekt rassmotreniya yazyka* [Philosophical Aspect of Language Consideration]. Moscow-Berlin: Direkt-media.
17. Kristeva, J., Rey-Debove, J. & Umiker, D.J. (eds) (1971) *Essays in Semiotics*. Paris: Mouton de Gruyter.
18. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and Human World]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
19. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. II. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
20. Arnol'd, I.V. (1999) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
21. Sapir, E. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Translated from English by A.E. Kibrik. Moscow: Progress-Univers.
22. Shakhovskiy, V.I. (2019) Linguistic theory of emotions and its foundations. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 1 (39). pp. 22–37. (In Russian). DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37
23. Bally, Ch. (2001) *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Translated from French by K.A. Dolinin. Moscow: URSS.
24. Adam, J.-M. (2015) *Les textes types et prototypes*. Paris, Armand Colin.
25. Koltsova, O.Yu., Alexeeva, S.V. & Koltsov, S.N. (2016) An Opinion Word Lexicon and a Training Dataset for Russian Sentiment Analysis of Social Media. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference “Dialog 2016” [“Dialogue 2016”]. 15. Moscow. 1–4 July 2016. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 277–287.
26. Negi, S. & Buitelaar, P. (2017) Suggestion Mining From Opinionated Text. In: Pozzi, F.A. et al. (eds) *Sentiment Analysis in Social Networks*. Elsevier. pp. 129–139. DOI: 10.1016/B978-0-12-804412-4.00008-5
27. Tiwari, P. et al. (2019) Sentiment Analysis for Airlines Services Based on Twitter Dataset. In: Dey, N. et al. (eds) *Social Network Analytics. Computational Research Methods and Techniques*. Elsevier. pp. 149–162. DOI: 10.1016/B978-0-12-815458-8.00008-6
28. Yadav, A. et al. (2020) Sentiment analysis of financial news using unsupervised approach. *Procedia Computer Science*. 167. pp. 589–598. DOI: 10.1016/j.procs.2020.03.325
29. Voronina, I.E. & Goncharov, V.A. (2015) Sentiment analysis of messages in social media (on example of “Vkontakte”). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sistemnyy analiz i informatsionnye tekhnologii – Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems analysis and information technologies*. 4. pp. 148–155. (In Russian).
30. Arutyunova, N.D. (1990) Vyskazyvanie v kontekste dialoga i chuzhoi rechi [Utterance in the context of dialogue and other's speech]. *Revue des études slaves*. 1–2 (62). pp. 15–30.
31. Paducheva, E.V. (2011) Particles MOL and DESKAT as markers of somebody else's speech. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 3 (70). pp. 13–19. (In Russian).
32. Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A. & Malikova, A.V. (2019) Who and about what speaks in “cheerful” and “sad” texts: in search of discrimination features in texts of different emotional tonalities. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 4:21 (193). pp. 219–234. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2019.21.4.078
33. Ionova, S.V. (1998) *Emotivnost' teksta kak lingvisticheskaya problema* [Text emotiveness as a linguistic problem]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
34. Paducheva, E.V. (2015) [Verbs Byt' and Byvat': Contemporary State and History]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference “Dialog 2015” [“Dialogue 2015”]. 14 (21). Vol. 1. Moscow. 27–30 May 2015. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 500–514. (In Russian).
35. Zakharov, V.P. & Khokhlova, M.V. (2010) [Study of effectiveness of statistical measures for collocation extraction on Russian texts]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference “Dialog 2010” [“Dialogue 2010”]. 9 (16). Moscow. 26–30 May 2010. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 137–143. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/22.htm>. (In Russian).

Received: 16 August 2020

Ю.М. Коняева, Н.А. Прокофьева, Е.А. Щеглова

РЕЧЕВАЯ ЭТИКЕТНОСТЬ СЕТЕВОГО ОБЩЕНИЯ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА НОМИНАЦИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Статья посвящена исследованию одного из наиболее актуальных аспектов этикетности в социальных сетях – номинаций, которые участники общения используют по отношению друг к другу. Авторы опираются на широкое понимание речевого этикета в социальных сетях – как средства гармонизации речевой деятельности в различных ситуациях общения. В связи с этим номинации пользователей социальных сетей рассматриваются как маркеры конструктивного или деструктивного речевого поведения в сетевых сообществах.

Ключевые слова: речевой этикет; социальные сети; онлайн-сообщество; номинации пользователей; речевое поведение; солидаризация; эпатажность.

Постановка проблемы. Этикетность речи – соответствие речи установленным, принятым обществом нормам речевого этикета – является одним из основных ее свойств. Соблюдение норм речевого этикета позволяет создавать взаимно приятное общение, не нарушающее ожиданий собеседника и благодаря этому гармонизирующее. Соблюдение этикетности позволяет избежать конфликтных ситуаций, сгладить возникшее недоразумение, соответствовать ожиданиям собеседника. Это способствует взаимопониманию и солидаризации коммуникантов. В массмедиа речевой этикет определяется как «речевой ресурс, специфичный не только в целом для медиасферы, но и для типов и форм речи в ней, направленный на гармонизацию общения: кооперации, учета коммуникативных интересов адресата, его потребностей, тематических и идеологических пристрастий» [1. С. 235]. Речевой этикет специфичен в каждой из ветвей медиадискурса, что проявляется при выборе этикетных формул и установлении особых правил коммуникации на различных площадках.

Социальные сети как разновидность социальных медиа [2] являются открытой коммуникативной системой, характеризующейся особыми этическими и эстетическими нормами использования речевых средств. Это обусловлено целой системой экстралингвистических факторов (анонимность, отсутствие регламентации, имитация общения без подлинного взаимодействия, фамильярность, стирание возрастных границ, мнимое расположение, дружеская направленность общения). Изучение закономерностей использования ресурсов речевой этикетности или сознательного несоблюдения этикетных норм в социальных сетях является одной из задач медиалингвистики. Актуальность заявленной проблемы подтверждают многочисленные попытки сформулировать правила этикета в социальных сетях, представляющие собой свод советов для обобщенного пользователя (например: «15 золотых правил этикета в социальных сетях», Интерсно. 14.11.2016; «15 правил этикета в социальных сетях, которые стыдно не знать», Космополитен. 4.11.2017, «Как общаться в Сети: 10 правил цифрового этикета», Лайфхакер. 10.11.2017 и др.). О значимости этой темы говорит и появление в различных социальных сетях (ВКонтакте, Телеграм) групп, посвященных проблемам цифрового этикета (например,

«Цифровой этикет» – <https://vk.com/digitaletiquette>), где рассказывается о том, «как не бесить друг друга в интернете». Предпринимаются также попытки системного осмысления активно развивающегося направления, в частности курс «Культурные практики цифровой среды» культуролога Оксаны Мороз об «основах цифровой грамотности, явлениях интернет-среды и представителях онлайн-сообществ» (<https://postnauka.ru/courses/81311>).

В рамках данной статьи рассматривается один из наиболее актуальных аспектов изучения этикетности в социальных сетях – номинации, которые участники общения используют по отношению друг к другу. Номинации как часть речевого этикета рассматривались в социалингвистическом ключе. В работах В.Е. Гольдина о роли этикета в современном обществе обозначены основные проблемы речевого этикета, такие как именование, самоименование, обращение и др. [3]. Позднее [4] автор выделяет как наиболее важную проблему обращение и изучает его отдельно, вписывая в комплекс семиотических проблем. Здесь заявляется основная задача этикетного общения – установление контакта, что важно при изучении социальных сетей с их ориентацией на имитацию живого, непосредственного общения.

История вопроса. Обращение к научному осмыслению проблемы этикетного общения начинается с работы Б.О. Малиновского [5]. В этой работе в социологическом ключе обосновывается необходимость существования общения ради общения (праздноречевой коммуникации). В русле лингвистики вопросы этикетности речи рассматривались достаточно узко в рамках изучения культуры речи. В исследованиях в области риторики, понимаемой как искусство публичного выступления [6], появляется представление о коммуникативных качествах речи (одним из которых является и этикетность) [7–11].

Принято считать, что как отдельная область речевого этикета начинает интересоваться русских языковедов начиная с 60-х гг. XX столетия. В 1967 г. В.Г. Костомаров начинает в журнале «Русский язык за рубежом» [12. С. 56–62] рубрику «Русский речевого этикет». Отметим, однако, практико-ориентированный характер этих работ. Теоретическое осмысление изучения речевого этикета получило в трудах В.Е. Гольдина, Н.И. Формановской и А.Г. Балакая.

Как пример научного обобщения можно рассматривать «Толковый словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая [13]. Следует отметить, что к этому времени понятие речевого этикета неизменно входит в словари [14–17], однако по-прежнему рассматривается в основном узко, как набор речевых этикетных формул.

Сходные подходы к изучению речевого этикета сформировались и в зарубежной науке [18–21], где этикет представлен как факт языка, причем речь идет именно о межличностном общении. Основополагающими являются работы Р. Лакофф [22], которая выделяет два принципа общения: говори понятно, будь вежлив, и Г.П. Грайса, который выделяет принципы (максимы) вежливости и кооперации [23]. При этом многие исследователи представляют средства этикета не языковой реалией, а исключительно стремлением говорящего быть вежливым. В зарубежной практике ученые также понимают этикет как применение этикетных формул [24].

Таким образом, ни в русской, ни в зарубежной традиции этикет практически не рассматривался в широком смысле – как средство гармонизации общения в различных речевых ситуациях [1. С. 255–257]. Такая гармонизация становится возможной при использовании целого комплекса речевых средств, не ограниченного этикетными формулами, в том числе номинациями собеседника, направленными на установление контакта. Не вызывает сомнения, что этикетное общение является частью фатического общения, однако с этой позиции изучается исключительно в рамках бытового дискурса [25–30]. Результаты этих работ, несомненно, подлежат осмыслению при изучении общения в социальных сетях. Однако комплексного описания речевого этикета в социальных сетях с учетом определяющих его экстралингвистических факторов в научной литературе не представлено.

Понятие «социальные сети» впервые стало активно использоваться социологами в середине XX в., однако значение термина было иное. Под социальными сетями понимались общественные группы (организации) разного уровня [31–33 и др.] В настоящее время анализ социальных сетей в этом понимании является активно развивающейся междисциплинарной исследовательской практикой [34, 35], в основе которой лежат математическая теория графов и эмпирические исследования в области антропологии и социологии. Часть подобных исследований в настоящее время основана на изучении материалов интернет-коммуникации, в том числе социальных интернет-сетей [36].

Социальные сети являются областью интересов различных научных направлений: социологии [37–39], философии [40], психологии [41], теории журналистики [42]. Осмысляются в качестве материала исследования социальные сети и лингвистами: в первых, в работах, которые посвящены изучению изменений в языке, связанных с интернет-коммуникацией [43, 44], во-вторых, в исследованиях речевого поведения пользователей социальных сетей [45–47] (тесным образом примыкают к этому кругу исследований работы, посвященные рассмотрению комму-

никативных ролей в медиасреде [1. С. 407–413; 48]). Существуют и немногочисленные работы по речевому этикету в сетевом общении, рассматривающие его, однако, узко – как норму употребления речевых формул вежливости [49, 50]. В настоящей статье речевой этикет в социальных сетях рассматривается в широком понимании – как средство гармонизации речевой деятельности в различных ситуациях общения. В связи с этим изучению подвергаются номинации пользователей социальных сетей как маркеры конструктивного или деструктивного речевого поведения в различных сетевых сообществах.

Методы и материал исследования. В основе исследования лежит лингвостилистический анализ, который позволяет охарактеризовать обнаруженные номинации пользователей с нескольких позиций, соответствующих задачам исследования. Во-первых, описать лингвистические характеристики номинаций как лексических единиц с точки зрения грамматики и семантики. Во-вторых, выявить особенности прагматики употребления найденных номинаций в сетевом общении с учетом их лингвистических параметров. В-третьих, дать характеристику их стилистическим свойствам, коррелирующим с целями общения (общие интересы, решение проблемы, советы, ёрничество) и избранной пользователями манерой речевого поведения (солидаризация, эпатажность, речевая агрессия).

В качестве материала исследования были выбраны сетевые сообщества, объединяющие различные социальные группы: матерей («Страна мам»), подростков («4chan»), жителей одного района города («Юбилейный Квартал и Шуваловский»).

Форум «Страна Мам» (<https://www.stranamam.ru>) является площадкой для обсуждения родителями (или будущими родителями) различных вопросов, касающихся в основном детей, семейных отношений и досуга (около 1,5 млн пользователей). Сеть объединяет женщин различного возраста, уровня образования и социального статуса (мужчины гораздо реже являются членами подобных сообществ). Общение имеет преимущественно ценностно-ориентированный характер – в большей степени, конечно, речь идет о семейных ценностях.

Сообщество «4chan» (<https://vk.com/chan4>) существует на платформе социальной сети ВКонтакте. Целевая аудитория – подростки (около 350 тыс. подписчиков), о чем можно судить по тому, что активно обсуждаются темы полового созревания, взаимоотношений с родителями, школьного обучения и др. Само общение строится по принципу публикации демотиваторов и обсуждения их. Речевой материал отличают общая тональность ёрничества, цинизма, а также троллинг.

Сообщество «Юбилейный Квартал и Шуваловский» (vk.com/jubilejnyj_kvartal), функционирующее с 2011 г. на платформе социальной сети ВКонтакте, объединяет жителей отдельного микрорайона Санкт-Петербурга (около 17 тыс. подписчиков). Анализ гендерного и возрастного состава сообщества показывает, что, несмотря на то что подписчиками становятся преимущественно женщины всех возрастов, отмечается активность в обсуждениях мужчин от 25 до

40 лет. Сообщество является оживленной площадкой для общения соседей (по приблизительным данным, в группе состоит каждый третий житель микрорайона) и обсуждения различных вопросов, большей частью утилитарного характера (покупка, продажа, ремонт, лечение, досуг, работа, дети и многое другое).

Таким образом, для репрезентативности выбраны ресурсы, созданные для групп с различными принципами формирования: гендерный, возрастной и территориальный. Это позволяет проследить различия в характере номинаций с точки зрения семантики, а также выявить прагматику их употребления в зависимости от типа аудитории. Отметим, что в исследуемом материале сохранены орфография и пунктуация коммуникантов.

Анализ материала. Сообщества в социальных сетях складываются на основе общих интересов группы по принципу возраста, социального статуса, территории проживания и т.д. В связи с этим доминирующей установкой общения становится солидаризация – объединение в мы-сообщество, противопоставленное они-сообществу и замкнутое внутри себя. Традиционно в противопоставлении «мы – они» появляется положительная и отрицательная оценочность. В связи с этим наиболее частотными становятся обобщающие номинации с положительной оценкой: *девочки, бабулечки-красотулечки, пацаны, уважаемые / дорогие / любимые соседи*. В соответствии со спецификой группы проявляется и специфика номинаций. Например, на ресурсе «Страна мам» общим обращением становится нейтральное в обычном словоупотреблении *девочки*, тогда как в функции самоназвания слово становится положительно окрашенным и утрачивает первоначальное значение ‘ребенок женского пола’. Это обращение стирает возрастные различия и становится основным средством сокращения дистанции между участниками группы. Употребление номинации вызвано также необходимостью, с одной стороны, определения границ своей группы (в данном случае по гендерному признаку), с другой стороны, имитации дружеского общения (вне интернет-общения обращение принято почти в любой женской компании). В этом же значении номинации *девочки* и *девушки* встречаются и при обсуждении женской частью соседского сообщества вопросов, затрагивающих типично женские темы (салоны красоты, маникюр, солярии, модные тенденции, косметические процедуры и т.д.).

Аналогично по механизму и самоназванию *пацаны* в подростковом чате. Само слово относится к просторечию и зачастую имеет отрицательную окраску благодаря коннотативному значению ‘название людей, имеющих отношение к преступности’ (см., например: [51]). В силу обращения в подростковой среде как средства подчеркнуть взрослость говорящего, слово приобретает положительную окраску в устах человека, принадлежащего к молодежной культуре.

Самой частотной номинацией в соседском общении является нейтральное *соседи*, указывающее на адресованность сообщения любому участнику группы. При этом интересно отметить, что значение номинации меняется при добавлении различных харак-

теристик (*уважаемые соседи* отличается оттенком официальности, *дорогие* является более душевным, *обалденные, милые, любимые* и *отзывчивые* используются при передаче искренней радости или благодарности), а также при использовании инверсии (*Соседи дорогие мои, посоветуйте отель в Белеке, 2 дня читаю голова кругом*). В определенных ситуациях общения активизируется употребление и других номинаций: так, *товарищи*, как правило, негативно окрашено, *друзья*, наоборот, показывает солидаризацию, а *ребята*, теряя разговорный оттенок ‘молодые люди, парни’, обозначает общность интересов собеседников и уменьшает дистанцию между ними.

Выбивается из ряда уникальное по принципу создания самоназвание, принятое в одной из групп тематического форума «Страна мам», – *бабулечки-красотулечки*. Это номинация, положительная оценка в которой воспринимается вне контекста. Создается такой эффект благодаря двум суффиксам с положительной окраской *-ул-* и *-ечк-*, дважды повторенным в номинации и усиленным рифмой. Дополнительный положительный коннотативный смысл появляется в данной номинации и благодаря пресуппозиции, связанной с аналогичным обращением, которое просила использовать принцессу по отношению к себе старушка в известном советском мультфильме («Капризная принцесса», 1969 г., реж. З. и В. Брумберг). Исполненная иронии сцена была хорошо известна советскому зрителю и быстро разошлась на цитаты («Про красотулечку забыла», «Вот тебе ведро, вот тебе корова»).

Подобным образом прецедентность – отсылка к первоисточнику – функционирует и в номинации *соседушки* в сообществе, объединяющем жителей одного микрорайона: начиная с XIX в. слово употребляется как маркер речи простого, добросердечного человека (ср. «Однودворец Овсяников» (1847) И.С. Тургенева), а в дальнейшем используется в стилизованной «под старину» речи (например, в «Емельяне Пугачёве» (1939–1945) В.Я. Шишкова). В современной массовой культуре суффикс *-ушк-/-юшк-* часто является показателем «былинного» повествования (ср. ставшее крылатым «Отведай, враг, силушки богатырской» из серии мультипликационных фильмов про богатырей).

Одним из проявлений установки на солидаризацию и интимизацию становятся диминутивы. Уменьшительные аффиксы как средство создания камерной обстановки, интимизирующего начала возникают в речи интернет-пользователей под влиянием устной речевой культуры. Однако здесь нужно иметь в виду установку на конструктивное или же деструктивное фатическое поведение. Диминутивы широко представлены в женском речевом поведении соседского сообщества (*соседушки, мамочки, хозяйюшки*) и форума «Страна мам» (*девочки, девчоночки, бабулечки-красотулечки, мамочки, феечки*), в то время как в подростковом общении подобные номинации не были обнаружены, что объясняется нарочитой грубостью и мнимой «взрослостью» общения. Уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ушк-*, *-к-* и прочие маркируют просьбы о помощи (соседское сообщество) или о

совете, а также ответы на такие просьбы (женский форум). Так, упоминаемая выше номинация *соседушки* передает, как правило, крик о помощи, усиленная выраженную в посте просьбу: *Соседушки, хэлп! Как вернуть электронные билеты на поезд?; Соседушки Help!!! Есть математики среди нас? Помогите решить за вкусняшку; Соседушки что делать? Рука не поднимается выкинуть*. В мужской речи номинация воспринимается как более нейтральная за счет констатирующего характера высказывания: *Соседушки, пропадают 2 билета в цирк на братьев Запашных, 2 взрослых билета и можно брать с собой детей бесплатно до 3х лет. 2 400р за билет*. В условиях женского форума диминутивы могут быть также маркером пожелания или благодарности: *Девочки, с Рождеством! Новогодние праздники продолжаются, чудеса тоже; Дорогая Феечка, подарки очень понравились, и дети очень счастливы и рады! Спасибо огромное!* (последнее – благодарность за подарок, полученный в рамках новогодней акции, проводимой участниками социальной сети).

Интернет стирает границы общения между незнакомыми людьми, поэтому а priori все общаются как равные по возрасту, социальному статусу, что создает тональность фамильярного, запанибратского общения. В связи с этим показательна номинация *мамочки / мамочка*, которое обычно воспринимается как грубое нарушение дистанции общения: в прямом значении подобная номинация возможна лишь как обращение ребенка к матери, в устах взрослого человека это слово привносит в речь снизводительную тональность. В интернет-общении эти нюансы стираются, оставляя только оттенок пренебрежительности (*Или мамочки-тетушки таки узнали по фото свое чадо?*) или непринужденности речевого взаимодействия (*Доброе утро, мамочки!! Подскажите пожалуйста, попадем ли мы в сентябре в садик, если нам будет 2.9, на данный момент мы в очереди стоим 20/23/30, за год очередь не изменилась*). Подобным образом функционирует обращение *девчоночки*, которое благодаря суффиксам совмещает уменьшительно-уничтожительное и уменьшительно-ласкательное значения. В условиях общения в социальной сети первое из них стирается, номинация воспринимается как способная максимально сократить дистанцию, используется в комментариях, относящемуся к жанру совета (*Девчоночки... понимаете... Пеку на глаз: в хлебе давно ушла от рецептов: мука у всех разная*). Стоит отметить, что диминутивы характерны для женского форума в целом, они становятся маркером женского речевого поведения в анализируемой группе (о полифункциональности диминутивов в языке женщин [52]). При этом нередко они сопровождаются определениями, усиливающими дружескую тональность общения (*дорогие, милые*). В соседском сообществе использование диминутивов богаче в плане создаваемой тональности. С одной стороны, они имитируют дружеское непринужденное общение, своеобразные «диалоги на завалинке», с другой – используются для создания оскорбительной номинации, разрушения общения, причем обращение при этом, как правило, адресовано

опосредованно: *Лена, раз у дамочки так бомбануло, видимо ее ведро* (об автомобиле, припаркованном не по правилам).

Обращение к собеседнику по имени – это самое элементарное проявление вежливости, следование правилам речевого этикета. Любопытной представляется специфика использования такого обращения в анализируемых интернет-сообществах. На форуме «Страна мам» доминируют номинации – уменьшительные формы имени (*Таня, Галя, Оля, Наташа, Юля, Валя* и т.п.), зачастую усиленные диминутивом (*Танюша, Валюша, Катюша, Любушка, Наташенька* и т.п.). Актуальны также и разговорные усеченные формы обращений, еще в большей степени направленные на имитацию непосредственного, живого общения (*Юль, Валь, Галь, Катюш, Валюш*). Таким образом подчеркивается доброе расположение к собеседнику, отсутствие дистанции в общении между незнакомыми людьми: *Галь, ну кто еще? Я, конечно*. За счет таких номинаций реализуется установка на интимизацию общения, солидаризацию: *Наташенька, очень жаль, что есть люди, не ценящие чужого труда; О, привет Юля! Ты в строю хуеющих? желаю успехов и самообладания!*

В соседском сообществе преобладают номинации – полные имена, совпадающие с ником собеседника (*Ольга, Татьяна, Анна, Юлия, Мария, Александр* и т.п.). Это создает впечатление более дистантного, уважительного общения, в каком-то смысле делового, поскольку сама идея создания соседского интернет-сообщества связана с решением общих проблем (уборкой снега, отсутствием парковочных мест, поиском врачей-специалистов и т.д.). Отметим, что если ник содержит домашнее имя собеседника (*Юльчонок, Риточка, Миша* и т.п.), то использование его в ответной реплике все равно будет восприниматься как нейтральное или уважительное (*Дима, ездила по городу все праздники, поверьте есть районы и дома прекрасно убраны от снега*), хотя наблюдаются и обратные примеры (например, использование *Михаил* вместо *Миша*). Это свидетельствует о размывании границ общения в сети (см.: [53. Р. 60–61]). Непосредственно уменьшительные формы имен востребованы в первую очередь при условии личного знакомства вне форума: *Оооо, Танечка, какое у вас прекрасное событие; Юль, привет*. Нередко в таких ситуациях происходит удвоение номинации – ника и обращения к собеседнику: *Ольга, Оля, у меня у знакомой так же вышло с такой губкой*. В то же время уменьшительная форма имени демонстрирует приветливость по отношению к собеседнику, иногда выступая на контрасте с полным именем другого собеседника: *Валерия, отвечаю: я обращался к Наташе, оставляя свое оценочное суждение. Это Вы влезли в нашу с ней беседу*.

Любопытно, что подростковый форум приемлет исключительно номинации-ники (*Octavia, Влад* и пр.) с резкими замечаниями в случае ошибки в написании имени: *Генадий с двумя н пишется идиот* (обращено к владельцу ника). В большинстве же случаев в рамках подросткового чата обращение к собеседнику не подразумевает номинацию по имени или нику. Если это положительно окрашенная номинация, то возни-

кают самые разные жаргонные варианты слова «брат» (*бро, братак*) либо номинации, относящиеся к сленгу из области компьютерных игр (*вы читеры прост*). Отметим, что положительные коннотации слова «брат» связаны с одноименным фильмом, культовым для носителя русского менталитета, при этом *бро* – транслитерация сокращенного (жаргонного) английского *brother*, а *братак* – аналог жаргонного *братан*. То есть еще одной чертой подросткового интернет-общения является охотное обращение к жаргонизмам, что также подчеркивает единство группы за счет наличия обособленного языкового кода. Хотя при этом следует отметить, что жаргонизированные единицы не уникальны и заимствованы из жаргона разных (!) групп. Иными словами, как такового уникального языкового кода в представленной группе нет. Но употребление лексических единиц, маркированных как жаргонные номинации, на фоне общего небрежного отношения к языку (коверканье орфографии (ср.: *Дима, оскарбинка божья; Слава, сам токой*), немотивированное сокращение случайных слов и т.д.) положительно оценивается участниками группы. Обращает внимание номинация *читер* – в жаргоне игроков в компьютерные игры это обозначение человека, которому крупно везет, а также игрока, который пользуется незаконными способами получения игровой выгоды. В контекстном употреблении номинация воспринимается как положительная, с элементом заигрывания с аудиторией.

В каждой группе по интересам формируется свой круг тем, что вызывает к жизни прецедентные феномены, актуальные только в отдельно взятом интернет-сообществе. В связи с этим возникают особые метонимические номинации (*Парашиютная 52 на пандусе, Королёва, 63, 1й подъезд 52 дом, Коменд 53-1, Ш41 к1, У532ТЕ, ЮК*), а также самоназвания, созданные с помощью языковой игры (*странамамочки, Юби*). В целом нужно отметить, что языковая игра, языковое хулиганство – один из признаков интернет-общения, поэтому немногочисленность номинаций, возникающих в результате языковой игры, скорее исключение, чем правило. Сама номинация *странамамочки* создана с помощью контаминации – столкновения двух основ, очень редким способом создания слов. Особенно интересно характерное для анализируемого форума удвоение уменьшительного значения в слове: образовано от слова детского языка «мама» с добавлением диминутива *-очк-*. Получается обобщающая номинация с дополнительным оттенком фамильярности.

Номинации по территориальному или имущественному признаку становятся своеобразным маркером территориального принципа организации сообщества. Интересна с этой точки зрения обобщающая номинация *Юби*, образованная путем усечения словосочетания «Юбилейный квартал». В контексте номинация, несмотря на кажущуюся фамильярность, всегда положительно окрашена, демонстрируя общность интересов участников, их принадлежность к закрытой группе. Метонимические номинации, широко распространенные в соседском сообществе, направлены на идентификацию собеседника, с которым автор сообщения лично не знаком: *Хозяйка желтого пёжо у*

37/1, вашу машину только что стукнули; Хозяин синего кроссовера Ауди Королева 65 5 парадная, напишите пожалуйста в личку!; Парашиютная 52, 2 парадная у кого идет ремонт?

Особого внимания заслуживают номинации, возникающие в процессе ссоры или спора. Примечательно, что в рамках женского форума «Страна мам» таковые представлены номинациями либо тяготеющими к нейтральным (*господа, девушка, люди*), либо вне контекста воспринимающимися как положительные (*барышня*). Эти слова резко увеличивают дистанцию общения, вследствие чего воспринимаются как обидные. Следует отметить, что такая дистанция отчетливо воспринимается как адресатом, так и адресантом. Последнее доказывается попытками усилить экспрессивность номинации различными средствами, например графически (*лююююююююююю* – удвоение букв) или помещением после обращения уточняющей характеристики, содержащей отрицательную оценку: *Барышни, зацепившиеся за платье с супом! Те, для которых идеальная чистота и порядок в доме – смысл жизни*. Исключением среди номинаций ссоры на женском форуме становится обращение *мадам*. Опираясь на материалы Национального корпуса русского языка, можно отметить, что отрицательный коннотативный смысл слова уже утвердился в русском языковом сознании.

В противовес этому оскорбительные номинации крайне частотны в интернет-общении подростков, а также возникают в процессе обсуждения общих проблем между соседями. Следует отметить, что у подростков оскорбительные номинации выбираются в соответствии с исконно русским представлением о наиболее обидных высказываниях: связанных с умственным развитием (*лох, идиот, дебил*) или сексуальной ориентацией. Подростковое общение пестрит откровенными обценностями (*с*кааааааааааа, с*ка дебил, п*др, ху*но, п*дабол*). Столь откровенные номинации вызваны к жизни ложно понятой взрослостью – нарушением табу на обценную лексику. Обратим, однако, внимание на некоторые попытки эвфемизации бранных выражений: нарушение орфографической правильности, например, в номинации *п*др* можно расценивать как своеобразное проявление застенчивости, а *с*кааааааааааа* – как эмоциональное шутовское наименование собеседника в дружеском обмене репликами. В то время как самая обидная номинация подросткового общения заимствована все-таки из жаргона компьютерных игр – *лол* (*loser on line*) с различными вариациями *лолк, школоло* (образованного от *школота+лол+о-ло-ло*) и пр.

Соседское общение в этом смысле отличается определенной сдержанностью, поскольку открытые оскорбления запрещены правилами сообщества. Чаще всего негативные оттенки в контексте, как и на форуме «Страна мам», появляются у нейтральных слов (*господа, люди, дама, женщина, автор, соседи*), однако встречается негативно окрашенная разговорная (*урод, яжмать*) и жаргонная лексика (*неадекват*). Интересно появление эвфемизма *гомосексуалист* для выражения недовольства (первоначальное значение слова при этом не задействовано): *Игорь, а что делает гомосексуалист в дискуссии двух женщин? Не-*

смотря на жесткую модерацию, встречается и бранная лексика (графически, однако, все же смягченная). Она указывает на максимальное напряжение во время ссоры, отказ собеседника продолжать общение: *Миша, Вы п@@дец... вот реально.. там висит кирпич, идет бл@дь ремонт, для таких же как вы человекo!!! Но!!!! Именно такие вот кровати трактуют знак на свой лад... А потом мы кричим-Страна сцукО в ж@ле.... А все из за таких вот одноклеточных.* Однако такое речевое поведение в целом не свойственно участникам соседского сообщества.

Выводы. Проведенный анализ показывает, что номинации пользователей в онлайн-сообществах демонстрируют в качестве доминирующей установки общения солидаризацию участников в рамках относительно замкнутых (по принципу возраста, социального статуса, территории проживания и др.) мы-сообществ. Внутри каждого сообщества прослеживается ориентация на живое общение, что активизирует использование фатических речевых жанров повседневного общения: обращение (обобщенное или персональное), просьба, совет, комментарий, призыв, предложение, оскорбление и пр. Разнообразие номинаций с точки зрения адресата (обобщающие и персональные), а также по коммуникативной направленности (контактоустанавливающие и контакторазрушающие) определяется набором ситуаций общения, частотных в различных сообществах, а также ценностными ориентирами коммуникантов.

Солидаризация в рамках женского форума, построенного на сохранении семейных ценностей, проявляется в стремлении к интимизации общения. Имитация дружеского общения активизирует использование ласковых номинаций и домашних имен, заимствованных из устной речевой культуры. Диминутивы, языковая игра и лексика с положительной коннотацией подчеркивают

дружеское расположение к собеседнику, уменьшая таким образом дистанцию между незнакомыми людьми. Нейтрально окрашенные номинации в таком контексте часто используются для дистанцирования собеседников и могут приводить к разрушению контакта.

В сообществе, выделенном по территориальному признаку, культивируется ценность общезнания, что приводит к доминированию уважительного отношения к окружающим людям, территории, на которой они живут, и имуществу, которым владеют. Солидаризация проявляется в имитации уважительного общения, зачастую близкого к деловому, что влечет за собой частотность обобщающих номинаций с положительным атрибутивным компонентом и использование в качестве персональных номинаций полных имен собеседника. Конструктивный характер фатики проявляется в стремлении сохранить внешнюю вежливость даже в спорах, в связи с чем оскорбления маркируются как отказ от продолжения коммуникации.

Напротив, в подростковом сообществе солидаризация проявляется в намеренной эпатажности общения, которое демонстрирует открытое посприание ценностей – семейных, нравственных, духовных и др. Никнеймы, частотные в качестве персональных номинаций, а также нарочито небрежные обобщающие номинации, имитирующие обособленный языковой код, в целом положительно оцениваются коммуникантами. Зачастую такие номинации направлены на то, чтобы язвительно отозваться о собеседнике, вступить с ним в перепалку. Причем изначальный троллинг нередко становится прямо выраженным оскорблением. Общая тональность общения весьма цинична, в связи с чем высокой частотностью обладают бранные номинации с обращением к обесценизмам, бравирование этим. Все это в целом демонстрирует деструктивность фатики в рамках сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / ред. Л.П. Дускаева. М. : Флинта, 2018. 440 с.
2. Scott D.M. The New Rules of Marketing and PR: How to Use Social Media, Blogs, News, Releases, Online Video and Viral Marketing to Reach Buyers Directly. New Jersey : Hoboken, N.J., John Wiley & Sons, 2010. 464 p.
3. Гольдин В.Е. Речь и этикет. М. : Просвещение, 1983. 109 с.
4. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 129 с.
5. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // The meaning of meaning. New York : Harcourt. Brace & World, 1923. P. 296–336.
6. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М. : Высш. школа, 1980. 320 с.
7. Михальская А.К. Русский Сократ. М. : Издательский центр «Академия», 1996. 196 с.
8. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. М. : Издательский центр «Академия», 1998. 284 с.
9. Михальская А.К. Сравнительно-историческая риторика. М. : Форум, 2017. 320 с.
10. Риторика : учебник для бакалавров / ред. В.Д. Черняк. М. : Юрайт, 2013. 430 с.
11. Стернин И.А. Практическая риторика : учеб. пособие. М. : Издательский центр «Академия», 2014. 272 с.
12. Костомаров В.Г. Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 56–62.
13. Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М. : Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2001. 672 с.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М.Н. Кожина. М. : Флинта; Наука, 2003. 696 с.
15. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта; Наука, 2003. 431 с.
16. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
17. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2012.
18. Brown P., Levinson St. Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and Politeness. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. P. 56–310.
19. Brown P., Levinson St. Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 358 p.
20. Haverkate H. Toward a typology of politeness strategies in communicative interaction // Multilingua. 1988. № 7 (4). P. 385–410.
21. Leech G. Principles of Pragmatics. London : Longman, 1983. 257 p.
22. Lakoff R.T. The logic of politeness or minding your P's and Q's. Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. Chicago : Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.
23. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics III – Speech Acts. New York : Academic Press, 1975. P. 41–58.
24. Coulmas F. Language and economy. Oxford : Blackwell, 1992. 320 p.
25. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М. : Русский язык, 1983. 181 с.

26. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
27. Тупикова С.В. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 206 с.
28. Сиротинина О.Б., Кормилицына М.А. Хорошая речь. М.: URSS, 2009. 317 с.
29. Рисинзон С.А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 418 с.
30. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Практикум вежливого общения. М.: URSS, 2012. 184 с.
31. Travers J., Milgram S. An experimental study of the small world problem // *Sociometry*. 1969. № 32 (4). P. 425–443.
32. Fischer C. To dwell among friends. Chicago: University of Chicago Press, 1982. 464 p.
33. Wellman B. The community question: The intimate networks of east Yorkers // *American Journal of Sociology*. 1979. № 84 (5). P. 1201–1233.
34. Bearman P., Moody J., Stovel K. Chains of affection: The structure of adolescent romantic and sexual networks // *American Journal of Sociology*. 2004. № 110 (1). P. 44–91.
35. Koester S., Glanz J., Baron A. Drug sharing among heroin networks: Implications for hiv and hepatitis b and c prevention // *AIDS and Behavior*. 2005. № 9 (1). P. 27–39.
36. Marques O. Social networks // *Springer Briefs in Computer Science*. 2016. № 1. P. 31–44.
37. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford UK: Blackwell Publishers, 1996. 624 p.
38. Социокультурное освоение виртуального пространства: опыт социологического анализа / ред. Н.В. Дулина, Е.Г. Ефимов, И.А. Небыков и др. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2014. 161 с.
39. Ефимов Е.Г. Социальные интернет-сети (методология и практика исследования). Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2015. 169 с.
40. Лавренчук Е.А. Аутопейсис социальных сетей в интернет-пространстве: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 187 с.
41. Носов Н.А. Виртуальный человек: очерки по виртуальной психологии детства. М.: Магистр, 1997. 192 с.
42. Акопов А.И. Социальные сети как новый вид СМИ // *Филологический вестник Российского государственного университета*. 1998. № 3. С. 29–34.
43. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
44. Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе* – 5. Орел: Каргуш, 2007. С. 223–237.
45. Попова Т.И., Вознесенская И.М., Колесова Д.В. и др. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя. СПб.: Эйдос, 2012. 224 с.
46. Гришанина А.Н. Личность в координатах социальных сетей: конструктивизм и деструктивизм речевого поведения // *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12, № 2. С. 109–115.
47. Fisher D., Smith M.A., Welser H. You are who you talk to: Detecting roles in usenet newsgroups // *Proceedings of the 39th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'06) (HICSS)*. Kauai, Hawaii, 2006. P. 59b.
48. Болотнова Н.С., Болотнов А.В., Камнева Н.В. и др. Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2017. С. 10–34.
49. McMurdo G. Netiquettes for networkers // *Journal of Information Science*. 1995. Vol. 21, Is. 4. P. 305–318.
50. Золтнер О.В., Шабурова Е.В. Этикетные особенности интернет-коммуникации (на материале сообществ социальной сети «ВКонтакте») // *Коммуникативные исследования*. 2017. № 4 (14). С. 97–105.
51. Дьячок М.Т. Пацан: слово и понятие // *Политическая лингвистика*. 2007. Вып. 2. С. 110–116.
52. Кавинкина И.Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Гродно: ГрГУ, 2006.
53. Duskaeva L.R. Speech etiquette in online communities: medialinguistics analysis // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24, № 1. P. 56–79.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 марта 2020 г.

Speech Etiquette in Network Communication: Semantics and Pragmatics of Users' Nominations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 32–40.

DOI: 10.17223/15617793/458/4

Yulia M. Konyaeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: j.konyaeva@spbu.ru

Natalia A. Prokofeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.prokofieva@spbu.ru

Ekaterina A. Shcheglova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.scheglova@spbu.ru

Keywords: speech etiquette; social networks; online community; users' nominations; verbal behavior; solidarity; epatage behavior.

The article is devoted to the research of one of the most relevant aspects of etiquette in network communication—nominations participants of communication use to refer to each other. Based on a broad understanding of speech etiquette in social networks—as a means of harmonization of speech activity in various communication situations, the authors consider users' nominations in social networks as markers of constructive or destructive verbal behavior in online communities. The research is based on linguistic and stylistic analysis, which allows: (1) describing the linguistic characteristics of nominations as lexical units in terms of word formation, grammar, and semantics; (2) revealing the peculiarities of the pragmatics of using the nominations in network communication taking into account the linguistic parameters of these nominations; (3) characterizing their stylistic properties that correlate with the goals of communication (common interests, problem solving, tips, causticity) and the selected manner of verbal behavior (solidarity, outrageous behavior, verbal aggression). To guarantee representativeness, the authors took the material for the research from resources created for groups with different principles of formation: gender (“Strana mam”), age (“4chan”) and territorial ones (“Yubileyniy Kvartal i Shuvalovsky”). The analysis shows that the users' nominations in online communities demonstrate the participants' solidarity within the relatively closed we-communities as the dominant setting of communication. Within each community, there is a focus on live communication, which activates the use of the phatic speech genres of everyday communication: appeal (generalized or personal), request, advice, comment, call, offer, insult, and so on. The variety of nominations from the point of view of the addressee (generalizing and personal), as well as in terms of communicative orientation (contact-establishing and contact-destroying), is determined by the set of situations of communication, frequent in different communities, and by communicants' value orientations. In “Strana mam”, a women's forum focused on the preservation of family values, solidarity is manifested in the desire for a more intimate communication; this activates the use of diminutives, language play, and vocabulary with a positive connotation. In the territorial “Yubileyniy Kvartal i Shuvalovsky” group, the value of community is cultivated, and solidarity is manifested in the imitation of respectful, often close to business, communication, which entails frequent generalizing nominations with a positive attributive component and the use of interlocutors' full names as personal nominations. In the teenage “4chan” community, solidarity is manifested in the intentional outrageous communication (by using nominations with obscene words), which demonstrates an open violation of family, moral, spiritual, and other values.

REFERENCES

1. Duskaeva, L.R. (ed.) (2018) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Medialinguistics in Terms and Concepts: A Reference Dictionary]. Moscow: Flinta.
2. Scott, D.M. (2010) *The New Rules of Marketing and PR: How to Use Social Media, Blogs, News, Releases, Online Video and Viral Marketing to Reach Buyers Directly*. New Jersey: Hoboken, N.J., John Wiley & Sons.
3. Gol'din, V.E. (1983) *Rech' i etiket* [Speech and Etiquette]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Gol'din, V.E. (1987) *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: Theoretical Problems]. Saratov: Saratov State University.
5. Malinowski, B. (1923) The problem of meaning in primitive languages. In: Ogden, C.K. & Richards, I.A. *The meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. New York: Harcourt, Brace & World. pp. 296–336.
6. Golovin, B.N. (1980) *Osnovy kul'tury rechi* [Foundations of the Culture of Speech]. Moscow: Vyssh. shkola.
7. Mikhal'skaya, A.K. (1996) *Russkiy Sokrat* [A Russian Socrates]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
8. Mikhal'skaya, A.K. (1998) *Pedagogicheskaya ritorika: istoriya i teoriya* [Pedagogical Rhetoric: History and Theory]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
9. Mikhal'skaya, A.K. (2017) *Sravnitel'no-istoricheskaya ritorika* [Comparative Historical Rhetoric]. Moscow: Forum.
10. Chernyak, V.D. (ed.) (2013) *Ritorika: uchebnik dlya bakalavrov* [Rhetoric: A Textbook for Bachelor's Degree Students]. Moscow: Yurayt.
11. Sternin, I.A. (2014) *Prakticheskaya ritorika* [Practical Rhetoric]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
12. Kostomarov, V.G. (1967) Russkiy rechevoy etiket [Russian speech etiquette]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 56–62.
13. Balakay, A.G. (2001) *Tolkovyy slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Explanatory Dictionary of Russian Speech Etiquette]. Moscow: Astrel'; AST; Tranzitkniga.
14. Kozhina, M.N. (ed.) (2003) *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta; Nauka.
15. Matveeva, T.V. (2003) *Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [Learner's Dictionary: Russian Language, Speech Culture, Stylistics, Rhetoric]. Moscow: Flinta; Nauka.
16. Matveeva, T.V. (2010) *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don: Feniks.
17. Skovorodnikov, A.P. (ed.) (2012) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective Speech Communication (Basic Competencies): A Reference Dictionary]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
18. Brown, P. & Levinson, St. (1978) Universals in language usage: Politeness phenomena. In: Goody, E.N. (ed.) *Questions and Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 56–310.
19. Brown, P. & Levinson, St. (1987) *Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Haverkate, H. (1988) Toward a typology of politeness strategies in communicative interaction. *Multilingua*. 7 (4). pp. 385–410.
21. Leech, G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
22. Lakoff, R.T. (1973) The logic of politeness or minding your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society. pp. 292–305.
23. Grice, H.P. (1975) Logic and conversation. In: Cole, P. & Morgan, J.L. (eds) *Syntax and Semantics*. Vol. 3. New York: Academic Press. pp. 41–58.
24. Coulmas, F. (1992) *Language and Economy*. Oxford: Blackwell.
25. Akishina, A.A. & Formanovskaya, N.I. (1983) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian Speech Etiquette]. Moscow: Russkiy yazyk.
26. Vinokur, T.G. (1993) *Govoryashchiy i slushayushchiy: Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener: Variants of Speech Behavior]. Moscow: Nauka.
27. Tupikova, S.V. (2003) *Razvitie bytovogo rechevogo etiketa kak funktsional'no-semanticheskoy universalii* [The development of everyday speech etiquette as a functional and semantic universal]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
28. Sirotnina, O.B. & Kormilitsyna, M.A. (2009) *Khoroshaya rech'* [Good Speech]. Moscow: URSS.
29. Risinzon, S.A. (2010) *Obshchee i etnokul'turnoe v russkom i angliyskom rechevom etikete* [The general and the ethnocultural in Russian and English speech etiquette]. Philology Dr. Diss. Saratov.
30. Akishina, A.A. & Formanovskaya, N.I. (2012) *Russkiy rechevoy etiket. Praktikum veshlivogo obshcheniya* [Russian Speech Etiquette. Workshop of Polite Communication]. Moscow: URSS.
31. Travers, J. & Milgram, S. (1969) An experimental study of the small world problem. *Sociometry*. 32 (4). pp. 425–443.
32. Fischer, C. (1982) *To Dwell Among Friends*. Chicago: University of Chicago Press.
33. Wellman, B. (1979) The community question: The intimate networks of east Yorkers. *American Journal of Sociology*. 84 (5). pp. 1201–1233.
34. Bearman, P., Moody, J. & Stovel, K. (2004) Chains of affection: The structure of adolescent romantic and sexual networks. *American Journal of Sociology*. 110 (1). pp. 44–91.
35. Koester, S., Glanz, J. & Baron, A. (2005) Drug sharing among heroin networks: Implications for hiv and hepatitis b and c prevention. *AIDS and Behavior*. 9 (1). pp. 27–39.
36. Marques, O. (2016) Social networks. *Springer Briefs in Computer Science*. 1. pp. 31–44.
37. Castells, M. (1996) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. Oxford UK: Blackwell Publishers.
38. Dulina, N.V. et al. (eds) (2014) *Sotsiokul'turnoe osvoenie virtual'nogo prostranstva: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Socio-Cultural Development of Virtual Space: An Experience of Sociological Analysis]. Volgograd: Volgogradskoe nauch. izd-vo.
39. Efimov, E.G. (2015) *Sotsial'nye internet-seti (metodologiya i praktika issledovaniya)* [Social Internet Networks (Research Methodology and Practice)]. Volgograd: Volgogradskoe nauch. izd-vo.
40. Lavrenchuk, E.A. (2011) *Autopeyzis sotsial'nykh setey v internet-prostranstve* [Autopoeisis of social networks in the Internet space]. Philology Cand. Diss. Moscow.
41. Nosov, N.A. (1997) *Virtual'nyy chelovek: ocherki po virtual'noy psikhologii detstva* [The Virtual Person: Essays on the Virtual Psychology of Childhood]. Moscow: Magistr.
42. Akopov, A.I. (1998) Sotsial'nye seti kak novyy vid SMI [Social networks as a new type of media]. *Filologicheskiiy vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 29–34.
43. Kostomarov, V.G. (2005) *Nash yazyk v deystvii. Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our Language in Action. Essays on Modern Russian Stylistics]. Moscow: Gardariki.
44. Goroshko, E.I. (2007) Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoy paradigmy [Linguistics of the Internet: Formation of a disciplinary paradigm]. In: *Zhany i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse]. Vol. 5. Orel: Kartush. pp. 223–237.
45. Popova, T.I. et al. (2012) *Internet-prostranstvo: rechevoy portret pol'zovatelya* [Internet Space: Speech Portrait of the user]. Saint Petersburg: Eydos.
46. Grishanina, A.N. (2017) The personality in social networking: Constructivism and destructiveness of verbal behavior. *Gumanitarnyy vektor – Humanitarian Vector*. 12 (2). pp. 109–115. (In Russian). DOI: 10/21209/1996-7853-2017-12-2-109-115
47. Fisher, D., Smith, M.A. & Welser, H. (2006) You are who you talk to: Detecting roles in usenet newsgroups. *Proceedings of the 39th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'06)*. Kauai, Hawaii. p. 59b.

48. Bolotnova, N.S. et al. (2017) *Yazykovaya lichnost' i mediasreda: kommunikativno-kognitivnye aspekty vzaimodeystviya* [Language Personality and Media Environment: Communicative and Cognitive Aspects of Interaction]. Tomsk: Izd-vo Tom. TsNTI. pp. 10–34.
49. McMurdo, G. (1995) Netiquettes for networkers. *Journal of Information Science*. 21 (4). pp. 305–318.
50. Zoltner, O.V. & Shaburova, E.V. (2017) Etiquette features of internet communication (Based on the material of the communities in the social network “VKontakte”). *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*. 4 (14). pp. 97–105. (In Russian).
51. D'yachok, M.T. (2007) Patsan: slovo i ponyatie [Patsan: Word and concept]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2. pp. 110–116.
52. Kavinkina, I.N. (2006) *Proyavlenie gendera v rechevom povedenii nositeley russkogo yazyka* [The Expression of Gender in the Speech Behavior of Russian Speakers]. Grodno: Grodno State University.
53. Duskaeva, L.R. (2020) Speech etiquette in online communities: medialinguistics analysis. *Russian Journal of Linguistics*. 24 (1). pp. 56–79.

Received: 21 March 2020

Ю.Ю. Кравинская, Е.В. Полховская

СПЕЦИФИКА ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ТЕКСТА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ АВСТРАЛИИ И НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Дается краткий сравнительный обзор литературного процесса Австралии и Новой Зеландии. В рамках постколониальных исследований раскрывается специфика национальных литератур, обусловленная уникальностью формирования национального и расового состава региона. Приводится сравнительная характеристика языкового, регионального и дискурсивного критерия определения национальных литератур как постколониальных. Практический анализ ряда произведений иллюстрирует этапы развития литературного процесса.

Ключевые слова: переселенческое общество; постколониальная литература; англоязычная литература; идентичность; дискурс; колонизация; коренной этнос.

В ходе распада Британской империи ряд стран, заселенных в большей степени потомками переселенцев из Европы, обрели независимость. В процессе построения государственности они идентифицировали себя как новые англоязычные нации, при этом создали уникальную картину мира и национальную литературу. В постколониальных исследованиях эти регионы определены как «переселенческие колонии» (settler colonies) и «переселенческие общества» (settler societies) [1. Р. 193–194]. Примером переселенческих обществ являются Австралия, Новая Зеландия, США, Канада, ЮАР. Необходимо отметить, что страны Карибского бассейна не рассматриваются как переселенческие общества, хотя в регионе также применялась переселенческая политика колонизации. Но белые переселенцы – относительно малая группа плантаторов, а большинство – это потомки рабов, насильно привезенных из Африки. Следовательно, историко-культурный базис формирования национального и расового состава современного населения Карибского бассейна отличается от «белых» переселенческих обществ, что не дает возможность рассматривать их в данном контексте.

Вопрос характеристики переселенческих обществ как постколониальных является актуальным в современных гуманитарных и филологических исследованиях. Наибольшие дискуссии вызывают следующие вопросы: являются ли потомки переселенцев колонизаторами или колонизированными, можно ли считать переселенческую культуру и литературу, в частности, постколониальной наряду с территориями, которые не были объектом переселенческой политики метрополии. Билл Эшкрофт (Австралия), один из ведущих исследователей постколониализма, характеризует положение переселенцев следующим образом: «...они одновременно и колонизаторы, и колонизированные» [1. Р. 194]. При этом исследователь подчеркивает, что кроме первоначальных захватнических действий переселенцы продолжают культурную колонизацию, присваивая, например, статус «коренного» в процессе идентификации себя как отдельной нации. Виджей Мишра и Боб Ходж (Австралия) утверждают, что переселенческие общества имеют постколониальные черты, так как «опыт колонизации имел больше общих характеристик среди белых колоний переселен-

цев, чем среди колоний, чье население не составляли переселенцы» [2. Р. 282]. Но Энн Лумба (Индия) отмечает, что «белые поселенцы были носителями колониального права, и их последующее развитие – культурное и экономическое – не объединяет их с другими колонизированными народами... белое население не было подвергнуто геноциду, экономической эксплуатации, культурному опустошению и исключению из политической жизни, как это случилось с колонизированным местным населением» [3. Р. 9]. Иными словами, исследователи не дают однозначного ответа на поставленные вопросы, что делает актуальным их дальнейшее рассмотрение в аспекте изучения литературы данного региона.

Теоретики постколониализма отмечают амбивалентную позицию белого населения в бывших переселенческих колониях. С одной стороны, переселенцы и их потомки принимают на себя образ Другого, навязанный метрополией, наравне с коренными жителями. Но, с другой стороны, участие белого населения в агрессивной политике освоения земель в прошлом препятствует объединению с коренными этносами в поисках национальной идентичности. Память о действиях переселенцев в качестве носителей колониального права является частью культурного кода колонизированных народов, воспринимающих их как колонизаторов. В современных переселенческих обществах потомки переселенцев и аборигенные группы как правило разграничены на дискурсивном и социальном уровне. Они создают два дискурсивных поля национальной культуры. Это отражено и в национальной идентичности, которая представляет собой гибридизированную структуру, где кроме влияния культуры метрополии присутствует взаимное проникновение культуры белых переселенцев и коренных этносов. Возникают внутренние идентификационные противоречия, и идентичность формируется на отрицании проживающей рядом национальной группы.

Цель статьи – рассмотреть специфику литературы Австралии и Новой Зеландии в аспекте их определения как постколониальных. Анализ канадской и американской литературы в рамках изучения беллетристики переселенческих обществ не включен в данную статью, так как данный материал требует отдельного

детального исследования. Кроме того, переселенческий опыт является только одним из ряда факторов, влияющих на формирование американской литературы наряду с фронтиром, диаспоризацией американского общества, неокOLONиальной позицией государства.

Австралийская и новозеландская литературы имеют следующие объединяющие факторы: история колонизации и доминирование английского языка. Исходя из этого, англоязычные литературы Австралии и Новой Зеландии включены в литературу Содружества наций. Но данное понятие негативно воспринимается современными исследователями из-за присутствия колониального дискурса, так как национальные литературы бывших колоний определяются как периферийные по отношению к центру (метрополии). Также не отражена специфика национальных литератур в таких аспектах, как история национальной беллетристики, уровень включения фольклора доколониального периода, причины выбора английского языка авторами. Более того, Денис Фондж Тембонг (Камерун) видит несостоятельность термина в отсутствие единого круга читателей, для которых написана данная литература: «Рассуждения о литературе Содружества становятся проблематичными, так как она не обращена ни на одно культурное сообщество. Скорее, это литературные произведения, созданные в различных сообществах, написанные на английском языке» [4. Р. 457]. Исследователь приводит в пример камерунскую англоязычную литературу, которая не может быть включена в литературу Содружества на основании только языкового принципа, будучи литературным протестом против действий не метрополии, а местного франкофонного населения Камеруна.

Авторы научной работы «*Empire Writes Back: Theory and Practice in Postcolonial Literature*» («Империя пишет ответ», 1989) Билл Эшкрофт, Хелен Тиффин, Гарет Гриффит определяют представленные литературы как постколониальные [5. Р. IX]. Руководствуясь критерием влияния колонизации на литературный процесс, авторы монографии применяют также термин «постколониальная» по отношению к литературе США, Канады, стран Карибского бассейна, Индии, Пакистана, Сингапура, Малайзии, стран Африканского континента, островных государств Тихого океана. Но в прочтении постколониального как характеристики культуры, появившейся в этих регионах в период колонизации и после неё, невозможно выявить специфику переселенческих обществ. Дипика Бахри (США), глава междисциплинарного проекта «Глобализационные и постколониальные исследования», пишет: «Нераскрытой посредством приставки “пост” в постколониализме остается проблема иерархических связей, которые существуют между этническими группами в переселенческих колониях как и в различных экономических и культурных контекстах, таких например, как маори в Новой Зеландии, аборигены в Австралии...» [6. Р. 82]. Но использование термина «постколониальный» представляется перспективным по отношению к переселенческим обществам, если учитывать такой объединяющий фактор, как единое дискурсивное поле.

Исследователь постколониального британского романа О.Г. Сидорова обращается к трактовке постколониального Е.М. Бикмана и Т. Д’Ана (Бельгия), основанной на дискурсивном критерии. Е.М. Бикман ставит во главу угла культурное противостояние между Востоком и Западом, между колонизированными и колонизирующими культурами. Т. Д’Ан добирает предложенную трактовку постколониальной литературы как «противостояние между центром и окраинами / периферией» [7. С. 18], что позволяет включить в сферу изучения и переселенческие общества. Стивен Слемон (Канада) также утверждает, что литература переселенцев может быть рассмотрена в рамках постколониального дискурса как литература сопротивления, но с пониманием ее специфики. По его мнению, контр-дискурсивная составляющая постколониального пространства присутствует и в переселенческих обществах, но имеет другую природу: «...[противостояние] возникает не из первоначального культурного противостояния, которое обязательно присутствует в переселенческих обществах, но из продолжающегося скрытого отрицания европейского доминирования через концептуальный и культурный аппарат» [8. Р. 6]. Действительно, и австралийцы, и новозеландцы прошли идентификационный путь от позиции изгоя, оторванного и тоскующего по далекой родине, до осознания себя отдельной нацией через отрицание культурных корней. При этом идеи бикультурализма, слияния переселенческих и автохтонных культур получили широкое распространение как фактор идентификации новой англоязычной нации, а амбивалентность положения «переселенческих обществ» делают их уникальными на фоне остального постколониального пространства.

Амбивалентная позиция белого населения Австралии и Новой Зеландии оказала влияние на развитие национального литературного процесса. Идентификационные искания белых переселенцев отразились на уровне тематики произведений, образа главного героя, стилистических и языковых форм. История австралийской литературы начинает отсчет с конца XVIII в. и разделена в диахронии на три периода: колониальный (1780–1880), период национального подъема (1880–1920), современный период (1920–). Следуя за процессом формирования национальной идентичности, данные этапы можно охарактеризовать следующим образом: попытка перенесения традиций британской литературы на новую почву, презентация национального подъема в литературе, текстуальная реализация идей создания мультикультурного дискурса. Рассмотрим этапы развития литературного процесса в Австралии.

Кен Стюарт (Австралия), соавтор «*The Cambridge History of Australian Literature*» (2009), охарактеризовал значимость литературы колониального периода следующим образом: «Для новых поселений литература играла патриотическую роль: объявить и восславить приход цивилизации на австралийские дикие земли, важность и универсальность имперских моделей культуры и законов» [9. Р. 10–11]. Тем самым исследователь подчеркивает неразрывную культурную связь между поселенцами и британской родиной.

В мемуарах, путевых заметках эмигрантов из Европы описывались трудности путешествия через океан, освоения новых земель, столкновения с местным населением. Джейсон Руди (США) предложил термин «Плавучие миры» [10. С. 137], взяв за основу название одного из произведений, где описывается опыт пересечения океана, а затем знакомство с новыми южными землями. Среди литературных памятников того времени – воспоминания Дж. Уайта, У. Тенча, Д. Коллинза, М. Флиндерса, которые были офицерами конвой кораблей, доставляющих будущих поселенцев в Австралию. Судьба каторжан, которые стали одними из первых поселенцев далеких южных земель, была отражена в произведении Джеймса Таккера «Ralph Rashleigh; or, The Life of an Exile» («Приключения Ральфа Решле», 1844). Г. Сайвери, Г. Кингсли, К.Х. Спэнс, М. Кларк – авторы первых крупных прозаических произведений, написанных в колониальный период, в которых Австралия изображалась как страна «неограниченных возможностей». Г. Кингсли, Р. Болдervуд идеализировали скваттерскую Австралию (*squatter* – *австрал.* поселенец на пустующей земле, скотовод). Такие авторы как Р.К. Пред, К. Спенс внесли элемент психологизма в повествование с целью индивидуализировать образ героя в реалиях золотой лихорадки. В этом же ключе писал Маркус Кларк, чей роман «His Natural Life» (1874) был переведен на русский язык как «Английская каторга» в 1903 г.

В этот период наиболее известными поэтическими и краткими прозаическими формами являются баллады буша (*Bush Ballads* – *австрал.* баллады жителей сельской местности, А.Л. Гордон, С.Д. Деннис, А.Б. Паттерсон, Б. Боук), ярны (*Yarns* – *австрал.* устные рассказы, Дж.А. Барри), песенный фольклор, в которых присутствует влияние мелодики английских, ирландских, шотландских национальных песен. Ярким примером перенесения ирландского и английского фольклора на австралийскую почву являются баллады буша, основа которых «традиционные баллады о Робин Гуде, а также ирландские песни протеста» [11. С. 180]. Баллады буша рассказывают историю жизни представителей рабочего класса, сельских жителей. В этот же период в австралийском рассказе развиваются такие темы, как оторванность от родины, робинзонада. Повествование ведется в от первого лица и имеет автобиографичный характер. Т.И. Стефанович характеризует австралийский рассказ следующим образом: «Основная коллизия всех этих рассказов – столкновение маленького человека с природой и несправедливым социальным строем, колоссальные усилия воли, труд, настойчивость, терпение, которые ему требуются, чтобы отвоевать право на жизнь и счастье» [12. С. 217]. Иными словами, в краткой прозаической и поэтической форме колониального периода нарратологически передается опыт переселенцев по освоению земель, который является частью идентичности современного австралийца, представляя собой героическое прошлое.

Роман Джеймса Таккера «Ralph Rashleigh; or, The Life of an Exile» («Приключения Ральфа Решле», 1844) является примером крупного прозаического

произведения колониального периода. В критических исследованиях данная работа привлекает внимание как первое художественное произведение, где автор «уделяет внимание уникальному австралийскому сочетанию жизни заключенных, аборигенов и жителей буша, что делает его [роман] наиболее ценным социальным документом» [13. Р. 77]. В романе присутствует автобиографический элемент, так как Джеймс Таккер пережил тяготы каторги и ссылки в австралийскую колонию. В романе детально описываются реалии жизни узника, приговоренного к каторге: тяжелый путь в Австралию, участие в бунте каторжан, побег, жизнь среди бушрейнджеров и австралийских аборигенов. Автор противопоставляет дикие просторы Австралии городской жизни Лондона, которые выступают композиционным фоном для злоключений главного героя. После маленьких грязных улочек густонаселенного европейского города бескрайность буша Австралии вызывает восхищение. Автор описывает страх человека перед дикой природой, и эта тема противопоставления маленького человека могучей природе стала впоследствии сквозной для австралийской литературы.

В 1880 г. Жюль Франсуа Арчибалд и Джон Хайнс основали журнал «The Bulletin», что формально считается началом второго периода в развитии литературного процесса Австралии. В этом периоде главенствовала тема национального подъема, но на националистической основе верховенства белого населения. Редакционная коллегия журнала продвигала антибританские, расистские идеи австралийского национализма, поддерживала республиканские настроения в обществе. Журнал сформировал идентификационную опору «белой Австралии», размещая на своих страницах расистские карикатуры против эмигрантов из Азии, евреев, австралийских аборигенов. Баннер журнала 1908 г. «Australia for the White Men» («Австралия для белых») стал национальным политическим лозунгом [14. Р. 134]. Такая редакторская позиция была крайне популярна среди фермеров, жителей сельской местности, и журнал получил негласное название «The Bushman's Bible» («библия жителя буша»).

«The Bulletin» прославлял культуру буша как отличительную черту австралийской нации. Журнал открыл для читателей ряд авторов, избравших данную тему для своего творчества. Э.Б. Паттерсон, Х. Лосон, Б.О'Дауд, Н. Линдсей, прозаики Дж. Ферфи, Ст. Рудд были объединены критиками в «The Bulletin School» [15. Р. 36]. Журнал стал литературной платформой, которая позволила, например, балладе буша, наследнице фольклора первых переселенцев, стать уникальной национальной поэтической формой. Издание баллад буша способствовало формированию архетипов переселенческой Австралии, в которой аборигенный контекст был только фоном для приключений белого поселенца, изложенных в фольклорной, юмористической форме.

Эндрю Бартон «Банджо» Паттерсон (1864–1941) – один из самых известных поэтов в этом жанре, его баллада «Waltzing Matilda» («Танцующая Матильда», 1895) считается неофициальным гимном Австралии. Главный герой баллад Паттерсона, житель буша, за-

нимает важное место в идентификации белых австралийцев. В нем воплощены такие типичные характеристики, как физическая сила, аскетичность, ярко выраженное маскулинное начало. Наиболее иллюстративной является серия баллад Э.Б. Паттерсона «The Man from Snowy River and Other Verses» («Парень со Снежной реки и другие стихотворения», 1895). Автор запечатлел и такую негативную сторону австралийского общества, как нелегкая судьба стригальщиков овец, свагменов (swagman – *австрал.* бродяга, наемный рабочий на ферме). Так, в «Танцующей Матильде» главный герой, свагмен, украл заблудившуюся овцу, чтобы утолить голод. Когда его преступление раскрыто, свагмен прыгает в биллабонг (billabong – *австрал.* рукав реки) и гибнет. С.З. Шукунда, изучающий культурологический аспект баллад буша, выделяет две темы в произведении: личную свободу и социальное неравенство в австралийском обществе, а именно «мотив защиты прав бедных перед интересами богатых» [16. С. 134], где бедные – это стригали и свагмены, а богатые – скваттократия (squattocracy – *австрал.* богатые скотоводы и землевладельцы). Вопрос социального неравенства, возникшего в результате действий богатых землевладельцев, живущих в метрополии, поднимается в балладах буша, что отражает противопоставление белых переселенцев Австралии жителям метрополии, которое усиливается в дальнейшем.

С развитием феминистского движения в Австралии на рубеже XIX–XX вв. получили национальное признание ряд авторов – женщин, среди которых Б. Бейтон, М. Франклин, Х.Х. Ричардсон. В 1888 г. был создан журнал Луизы Лоусон с феминистской тематикой «The Dawn» («Закат»), который выходил до 1905 г. В начале XX в. урбанистические темы преобладали в австралийской литературе, что отражено в поэтических работах К. Бреннан, К.Дж. Деннис, в романе Л. Стоуна «Jonah» («Джона», 1911). Также издавались радикальные журналы «The Boomerang» (1892) и «The Worker» (1890), развивавшие тему революционных настроений среди рабочего класса.

Следующим поворотным моментом для австралийской литературы стали 1930–1940-е гг. Это период зарождения современной австралийской литературы, в которой центральную роль играет крупная прозаическая форма, дающая возможность линейно отобразить глубину переживаний героя, текстуально передать критический взгляд на окружающий мир. В современном австралийском романе сюжетная тематика строится вокруг описания внутреннего мира героя и раскрытия противоречий австралийского общества. Кроме того, в социуме возникает понимание, что одностороннее формирование нации на базе белой культуры буша не имеет будущего в национальном масштабе, и в литературе все большее внимание уделяется проблемам сосуществования с аборигенным населением. Обращение к прошлому, психологизм душевного одиночества (Г. Ричардсон, М. Бойд, Бр. Пентон, М. Бернард), критическое описание жизни в пригородах (К. Причард, Ф.Д. Дэвидсон, Л. Манн, Ф. Харди), сатирическое отношение к социальным проблемам (Х. Герберта, С.Л. Эллиот, К. Маккензи) были ти-

пичны для австралийской прозы. Наиболее значимой фигурой среди австралийских прозаиков этого периода является Патрик Уайт (1912–1990), который стал нобелевским лауреатом в 1973 году. Его романы «The Tree of Man» («Древо человеческое», 1955), «Voss» («Фосс», 1957), «The Vivisector» («Вивисектор», 1970) получили широкое мировое признание.

В 1930–1940-е гг. произошла поэтическая попытка создания мультикультурной картины австралийской жизни. Члены поэтического движения «Jindywobak Movement» (1930–1940), потомки белых переселенцев, внесли элементы культуры и мифологии аборигенов в европейскую поэтическую форму, видя в синкретичности будущее австралийской поэзии. Общий интерес к наследию аборигенной культуры привел к тому, что произведения авторов аборигенного происхождения (У. МакКоннел, И. Гулагонг, Г. Ворд, С. Морган, Р. Лэнгфорд) обрели национальную популярность и привлекли к себе внимание литературоведов. Представленные авторы используют английский язык как инструмент изложения этнической истории. Авторы рефлексируют о судьбе своего народа, презентуют концептуальную картину мира коренного этноса. Их работы полностью или частично автобиографичны, что перекликается с аборигенной традицией устных сказаний. Постколониальный контекст в современном аборигенном тексте раскрывается с точки зрения Другого, который находится в оппозиции не только к дискурсивному полю метрополии, но и австралийского белого большинства. Аборигенные авторы выводят на первый план темы, актуальные сугубо для коренного населения, что формирует уникальное явление внутри австралийской литературы – аборигенная литература.

Ярким примером современного австралийского романа является работа австралийской писательницы Тэа Этли (1925–2004) «It's raining in Mango» («В Манго идет дождь», 1987). Роман получил позитивную критическую оценку: «Роман Тэа Этли представляет историю семьи Лэффи (Laffey's) как микрокосмос всей нации» [17]. Роман построен как серия рассказов, связанных между собой тематически и действующими лицами. Это частично автобиографичный труд, в котором отражены такие этапы австралийской истории, как распространение диггерства (diggers – *австрал.* группы шахтеров, которые кочевали из одной шахты в другую, готовые выполнить любую черную работу, нарушить закон за деньги), золотая лихорадка, геноцид аборигенов, период между мировыми войнами. Исторические события с 1860-х до 1980-х гг. изложены ретроспективно главной героиней, Конни, через описание нескольких поколений семьи переселенцев. Место, где происходят события, – маленький австралийский городок Манго. Вымышленный городок похож на родной город автора, г. Куранда, который находится на севере от г. Квинсленд. Дождь имеет символическое значение для жителей Манго. Он может принести разрушения от наводнений и циклонов, но он необходим для возрождения земли после засушливых месяцев. Эта смена сезонов засухи и тропических дождей важна для ритма повествования, с помощью которого подчерки-

вается связь человека с природой. Так, символически, автор показывает, как австралийская нация сформировала национальную идентичность, неотрывно связанную с природными условиями австралийского континента.

Повествование ведется с момента выделения земельного участка прадеду главной героини, и автор подчеркивает различия в восприятии процесса заселения для переселенцев и аборигенов. Для одних – это развитие, возможность обретения своего дома, а для других – опустошение и разрушение всей истории их жизни. Также повествуется о проникновении вглубь страны диггеров, чьи действия не только меняли ландшафт Австралии, но и оставили кровавый след в судьбах многих аборигенов. Этли вплетает в историю семьи переселенцев трагичные страницы Австралии. Так, Конни вспоминает, как ее брат, Джордж, нашел поле, усеянное костями незахороненных аборигенов, массово убитых от рук диггеров.

Тема насилия широко представлена в романе, как сценами несправедливого отношения к аборигенам, так и эпизодами беззакония властей на шахтах, по отношению к беднякам, ветеранам Первой мировой войны, бредущим по дорогам Австралии в поисках работы. Австралийское общество, в представлении автора, наполнено агрессией, начиная от действий полиции и армии в подавлении любого сопротивления, действий переселенцев, вырубаящих тропические леса, и заканчивая насилием в быту. Кроме того, Т. Этли пытается дать различные точки зрения на проблемы общества, что кажется рискованным критиком: «...включая героев-аборигенов в повествование она (автор) рисковала быть раскритикованной за романтизацию их образа, если она будет им симпатизировать, или быть названной расисткой, если она напишет их образы слишком критично...» [17]. Но роман не написан только мрачными красками. История семьи Лэффи полна комичных эпизодов, ярких описаний того, как складывается жизнь каждого из членов семьи. Это разнообразие характеров и жизненных историй получило метафорическое название, а именно «человеческое конфетти (human confetti)» [18. Р. 40].

Новозеландская литература повторяет путь, пройденный австралийской, с опозданием на один век, что связано с более поздней колонизацией островов. А.С. Петриковская отмечала сходные черты в развитии австралийской и новозеландской литературы: «...в ее (новозеландской литературы) становлении и развитии нетрудно обнаружить черты, сходные с австралийскими, – ведь и в истории Австралии и Новой Зеландии есть немало общего. Обе страны – в прошлом переселенческие колонии Великобритании, с экономикой аграрно-сырьевого типа, оживлявшейся “золотыми горячками”, с подавляющим англосаксонским большинством в этническом составе» [19. С. 579]. Как и в случае с австралийской литературой, наблюдается влияние культуры метрополии, а национальная идентичность «белых» новозеландцев формируется на основе противопоставления европейского опыта колониальному. В австралийской литературе было выделено три периода: колониальный, период национального подъема, современный период. Дан-

ное разделение применимо и к новозеландской литературе, но литературный процесс в Новой Зеландии испытывает более сильное влияние национальной культуры автохтонного этноса, чем литература Австралии. Отсутствие поселений каторжников, более ожесточенное сопротивление коренных племен, островной статус придали специфику новозеландскому тексту.

Колониальный период для новозеландской литературы начался с XIX в. Это было время аккумуляции опыта переселенцев в виде записок путешественников, первых поселенцев, что сходно с колониальным периодом в австралийской литературе XVIII в., когда изоляция и тоска по далекой родине были стимулом для развития литературного творчества. Авторы сконцентрировали свое внимание на написании периодических журнальных заметок, писем, в которых описывается дикая природа Новой Зеландии, тяжелая жизнь переселенцев. Среди них стоит отметить заметки леди Марии Анн Баркер «Station Life in New Zealand» («Станционная жизнь в Новой Зеландии», 1870), работу Самуэля Батлера «A First Year in Canterbury Settlement» («Первый год в поселении Кэнтербери», 1863) и путеводитель Фредерка Манинга «Old New Zealand» («Старая Новая Зеландия», 1863). Так же как и австралийские авторы, островные писатели искали форму и вдохновение в литературных традициях метрополии, что еще в большей степени отражено в поэтической форме. Первыми поэтами «новой земли» были Альфред Дометт, Джон Барр, Дэвид Макки Райт и Уильям Пемпер Ривз. Их поэмы и стихотворения не только пронизаны ностальгией по далекой европейской родине, но и воспевают героизм первых поселенцев. В поэтических работах присутствует опора на творчество Роберта Бернса (Дж. Бар), на обращение к традиционной австралийской балладе буша (Д. Макки Райт). Это иллюстрирует обоюдное влияние европейской литературной традиции и примера австралийских авторов.

На рубеже XIX–XX вв. на первый план выходят темы, которые отражают самобытность островной литературы. Это период национального подъема, попытка сформировать понимание, каким является житель островов и в чем его уникальность, которую авторы видели в ассимиляции культуры маори. В этот период Новую Зеландию часто называли Маориленд («Maoriland»), термином, по мнению исследователей, имеющим колониальное происхождение: «Это архаическое слово, которое имеет колониальную ассоциацию, и политически неприемлемо в постколониальный период. «Маориленд» предполагает ограниченный патернализм, который теперь воспринимается негативно; это мир, в котором воины маори представлены как герои, а женщины маори – как соблазнительные девы в романтическом ареоле на туристических открытках» [20. Р. 10]. Белым жителям Новой Зеландии это казалось компромиссным вариантом для маорийской культуры и отличалось от пути, выбранного Австралией, где в период повышения национального самосознания обострились национальные и расовые противоречия с аборигенным населением. Примером резкого неприятия автохтонного населения

является редакторская политика ведущего австралийского журнала «The Bulletin» (1880–1910), которая описывалась ранее. Для Новой Зеландии период «Маориленд» ознаменован формированием национальной идентичности новозеландца, осознанием культурной уникальности, что отдаляет островное государство от исторической родины. Идея «Маориленд» предполагала создание новозеландского дискурсивного поля, в котором автохтонная культура в конечном итоге была бы ассимилирована. Маори должны были развивать только формальные элементы культуры доколониального периода, а именно ремесленные промыслы, родоплеменные ритуалы, национальный костюм.

В этот период возникло несколько журналов и литературных сборников, в названии которых упоминалось данное понятие: стихотворный сборник Томаса Бракена «Musings in Maoriland» («Размышления в Маориленде», 1890), в 1901 г. Вильям Сатчелл начал издавать журнал «Maoriland» («Житель Маориленда», 1901), в 1910–1924 гг. издавался журнал левого толка «The Maoriland Worker» («Рабочие Маориленда»). В произведениях присутствовала риторика протеста против политики метрополии и руководства самой Новой Зеландии, что усиливалось выбором героя – маори. Так, прозаики Дж. Уилсон, Дж. Уайт, А. Дометт, У. Бок, Дж. Маккей противопоставляли общество белых обществу маори, описывая последних как благородных дикарей, придавая им черты революционеров, протестующих против социальных несправедливостей. При этом критики отмечают, что литературный текст Новой Зеландии того времени представляет переходный этап между викторианским и модернистским текстом: «Маориленд не принадлежит ни викторианскому периоду, ни периоду модерна, но это платформа для столкновения обоих: в тексте Маориленда присутствуют признаки романтизма XIX века и модернизма XX века» [20. Р. 12].

В начале XX в., в том числе и в годы Первой мировой войны, вплоть до Второй мировой, исторический базис, а именно получение независимости (в 1907 г. Новая Зеландия получила статус доминиона), участие в мировых политических процессах (в Первой мировой войне как союзник Великобритании) дали основание для дальнейшего развития темы островной уникальности новозеландцев. Романы В. Сатчела «The Land of the Lost» («Затерянный мир», 1902), «The Greenstone Door» («Нефритовая дверь», 1914) и Дж. Мэндер «The Story of New Zealand River» («История новозеландской реки», 1920) – одни из первых крупных прозаических форм, в которых повествование о реалиях жизни в Новой Зеландии было построено более детально и реалистично. Роман Дж. Э. Ли «Children of the Poor» («Дети бедняков», 1934) представляет собой частично автобиографичную работу, описывающую детские годы автора на Южном острове. Р. Хайд и Дж. Малген в своих произведениях – «The Godwits Fly» («Полет веретенников», 1938) и «Man Alone» («Одинокий человек», 1939) – отходят от колониального романтизма в сюжетной линии, в описании поселенца-изгоя и вносят новую идею о

людях, делающих одно дело с целью изменить мир, закладывая идентификационные скрепы новозеландской нации.

Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923) – одна из самых выдающихся авторов этого периода, в творчестве которой присутствует влияние английской модернистской прозы (В. Вульф, Т.С. Эллиот), чеховского рассказа. Среди наиболее известных работ К. Мэнсфилд – рассказ «Miss Brill» («Мисс Брилл», 1920), новелла «Bliss» («Блаженство», 1920), сборник «The Garden party» («Вечеринка в саду», 1922). Творчество К. Мэнсфилд находится на пересечении британской и новозеландской культуры, так как большую часть творческой жизни писательница провела в Англии. Темы, поднятые в творчестве автора, а именно одиночество, поиск себя, взросление, являются универсальными для литературы модернизма начала XX в. Но универсальность тем не помешала писательнице стать ключевой фигурой в развитии литературы Новой Зеландии того периода, в формировании национальной идентичности белого переселенца как новозеландца. Так, Л.И. Володарская дала следующую характеристику ее вкладу: «...Кэтрин Мэнсфилд была первой новозеландской писательницей, осмыслившей и воплотившей в своем творчестве проблемы глубоко национальные, однако близкие и другим народам» [21. С. 8]. К. Мэнсфилд не копировала, как предшественники, образцы европейского литературного канона. Напротив, углубившись в психологизм героев, автор показала, что жителей Новой Зеландии беспокоят те же проблемы, что и жителей любой европейской страны. Впервые мы видим не описание экзотического уголка, затерянного где-то в океане, а живых героев, которые не вырваны из жизненного контекста. Мэнсфилд приблизила новозеландцев к далекой Европе, показав их не застывшими образами, а обычными людьми.

Психологичность героев К. Мэнсфилд является новаторской для новозеландской литературы, так как впервые главными героями не являются поселенец-первопроходец или благородный дикарь, которые интересны читателю своей экзотичностью. Автор выводит на первый план женские и детские образы, остро чувствующие, находящиеся в кризисе, который еще сильнее ощущается в уединении. А.А. Бурцев и М.А. Бурцева отмечают: «Мэнсфилд привлекали прежде всего естественные, простые характеры – дети, влюбленные, а также одинокие, ущербные, несчастные люди. Именно эти излюбленные персонажи писательницы обнаруживают глубину и богатство внутреннего мира, им подвластны глубокие переживания и сложные психологические состояния» [22. С. 197]. Герой Мэнсфилд становится более индивидуальным и уникальным, его типичность для определенного социального слоя уже не так очевидна, более интересна его универсальность. Таким образом, К. Мэнсфилд переработала модернистский английский рассказ и создала краткую прозаическую форму на новозеландском культурном базисе, что стало точкой отсчета для современной национальной литературы.

В рассказе «Prelude» («Прелюдия», 1918) повествуется о переезде семьи Барнеллов (Burnells) на новое

место. Структурно рассказ разделен на 12 частей, каждая из которых представляет собой эпизод из жизни большой семьи. В рассказе нет четко выраженного начала и финала повествования, что дает ощущение реалистичности, неотрывности художественного описания от реальной жизни. Действие происходит на острове Веллингтон в сельской местности, описание которой раскрывает тему изоляции через восприятие членами семьи окружающей природы, удаленности от других поселений. Психологизм в описании женских персонажей и то, что именно женщины семьи Барнелл находятся в центре повествования, является новаторским для новозеландской литературы начала XX в., в которой главной героиней, также как и в австралийской литературе, – мужчина-переселенец, одиночка, ведущий борьбу за существование на грани своих возможностей. К. Мэнсфилд пересмотрела образ переселенца, для которого были типичны маскулинные черты. Стэнли Барнелл, глава семейства, описывается как простак, прижимистый малый, который вместо подвига первооткрывателя переезжает в новый дом, купленный по выгодной цене, что им неоднократно подчеркивается в ходе повествования. Центральной темой рассказа становится ожидание чего-то несбыточного. Ожидание Линды, жены главы семьи, настолько долгое, что героиня просто живет этим ожиданием, но уже не помнит, что именно она ждет: «Я буду все так же рожать детей, Стэнли – все так же зарабатывать деньги, дети и сады будут все расти и расти» [23. С. 104]. Ее сестра Берил тоже ждет появления кандидата в женихи. Она мечтает выйти замуж «за молодого человека, неимоверно богатого, только что приехавшего из Англии» [23. С. 72]. В образе Берил Мэнсфилд писательница высмеивает идеализацию образа европейца среди белого населения Новой Зеландии того времени.

Следующей центральной фигурой для новозеландской литературы периода «Маориленд» был прозаик Фрэнк Сарджесон (1903–1982). Его первые работы были опубликованы в 1930 г. Сарджесон сделал для Новой Зеландии то, что Марк Твен для США, а Генри Лоусон для Австралии – он нашел стиль, который критики называли новозеландским. Наиболее известными его работами были сборники рассказов «That Summer» («То лето», 1946), «Other Stories» («Еще один сборник», 1946), роман «I Saw in My Dream» («Я видел в своих снах», 1949). Сарджесону удалось инкорпорировать уникальное местное наречие в литературный текст, что было инновационным для новозеландской литературы. Сарджесон был одним из лидеров группы писателей, среди которых были Морис Дюгган, Джанет Фрэйм, искавших новые литературные формы и типы героев. Они стремились уйти от видения новозеландской литературы как провинциальной копии британской. Основной задачей они видели формирование типичного для новозеландской литературы героя, который будет отличаться от британского и австралийского образца и отражать национальную идентичность белого новозеландца. Проза Ф. Сарджесона и его последователей отличается глубиной социальной вовлеченностью и уходом от колониального описания экзотики островной жизни, что оценивалось ими как пагубное для развития литера-

турного процесса. В 1945 г. вышла антология рассказов под редакцией Фрэнка Сарджесона «Speaking for Ourselves» («Рассказываем о себе»), в которую вошли примеры краткой прозы писателей, объединенные Сарджесоном в поиске уникального голоса новозеландской литературы.

Кроме прозаиков во главе с Ф. Сарджесоном, данные идеи продвигались такими поэтами, как Аллен Карноу, Джеймс К. Бакстер. Но построение дискурсивного поля, где главенствующую идентификационную позицию занимает белое большинство, не решало национальных проблем новозеландского общества и не находило поддержки среди маори. Аллен Карноу (1911–2001) – поэт и критик, редактор антологии новозеландской поэзии (1945, 1951 – второе издание), которая была стартом для таких поэтов, как Д. Гловер, А.Р.Д. Фэрберн, Дж. К. Бакстер. Поэтическая антология была модернистской по содержанию, и А. Карноу написал введение, в котором провозгласил создание новой нации новозеландцев [24. Р. 25]. Эта работа повлияла на все последующее развитие поэзии в Новой Зеландии, была оценена критически как предтеча постколониального периода в новозеландской литературе, а роль Карноу сравнивают с вкладом Эдварда Саида в становление теории постколониализма [24. Р. 26].

Современный период для новозеландской литературы начинается со второй половины XX в., когда был развит экспериментальный подход в островной литературе под влиянием европейского постмодернизма. Прозаики А. Вендт, Дж. Фрейм и поэты Я. Ведд, Б. Мэнхайер, Э. Смизер расширили рамки национальной беллетристики. В то же время в 1960-е гг. авторы-романисты Морис Ги, Морис Шадболт остались приверженцами традиционного реалистического романа, откликаясь на призыв дать наиболее полное представление о новозеландцах, что было важно для поиска национальной идентичности переселенческим обществом Новой Зеландии. Морис Ги (1931–) – один из самых известных ныне живущих новозеландских писателей, который создал ряд выдающихся работ как для взрослых, так и для детей. Его трилогия «Plumb Trilogy» («Трилогия Плам», 1978–1983), которая состоит из трех романов – «Plumb» («Плам», 1978), «Meg» («Мэг», 1981), «Sole Survivor» («Единственный оставшийся в живых», 1983), получила мировое признание. Трилогия рассказывает историю христианина левого толка Джорджа Плама, основанную на биографии деда М. Ги и его потомков. Его дальнейшие работы – «Going West» («На Запад», 1992), «Crime Story» («Криминальная история», 1994), «Live Bodies» («Живые тела», 1998) – показали развитие автора как романиста, раскрывающего темы морали и социального историзма [25. Р. 324]. Биография Мориса Шадболта (1932–2004) также указывает на то, что он придерживается левых взглядов. Типичным героем ранних работ Шадболта был человек из рабочего класса, оказавшийся среди богемного общества, вовлеченный в личные перипетии. Герой следует левым политическим взглядам, особенно в вопросе национального самоопределения. В 1972 г. был опубликован роман Мориса Шадболта «Strangers and Journeys» («Незнакомцы и путешествия»), который стал

квинтэссенцией затронутой автором ранее темы взаимодействия разных социальных миров – рабочего класса и элиты. Впоследствии Шадболт обратился к теме взаимоотношений маори и пакеха, полной исторических обращений к периоду колонизации Новой Зеландии в XIX в. Это тема раскрыта автором в таких романах, как «Season of the Jew» («Сезон евреев», 1986), «Monday's Warriors» («Воины понедельника», 1990), «The House of Strife» («Дом Страйфа», 1993).

Как и в Австралии, литературный процесс в Новой Зеландии второй половины XX в. отмечен стремлением коренного населения пересмотреть национальную идентичность и найти свое место в дискурсивном поле новозеландской культуры. Авторы, имеющие маорийское происхождение, получили национальное и мировое признание. Этот процесс был определен исследователями как «маорийский ренессанс» (Maori renaissance) [1. P. 193–194] – явление, которое затрагивает различные стороны общественной и культурной жизни Новой Зеландии. Авторы маорийского ренессанса (В. Ихимаэра, П. Грейс, К. Хьюм, А. Дафф) используют постмодернистские приемы фрагментации и деконструкции, выводят идею национального бикультурализма в основные темы новозеландской литературы второй половины XX в. Более детально период маорийского ренессанса в новозеландской литературе был рассмотрен в статье «Маорийский ренессанс 1950–2000: репрезентация национального возрождения в литературе» [26].

Бывшие колонии Британской империи, большинство населения которых – белые, объединены в постколониальных исследованиях под понятием «переселенческие общества», что подчеркивает их тесную связь с культурой метрополии. Национальные литературы переселенческих обществ включены в корпус постколониальной литературы, но обладают спецификой, так как испытывают на себе влияние и метрополии, и культурного наследия коренных колонизированных народов. В постколониальных исследованиях дискуссионными являются положение потомков переселенцев в бинарной оппозиции колонизатор-колонизированный, критерии определения национальных литератур переселенческих стран как постколониальных. Рассматриваемые новозеландская и австралийская литературы близки в вопросах становления и поэтапного развития, что отражает общий культурно-исторический базис. Также прослеживаются сходные темы, поднимаемые авторами, потомками переселенцев, а именно уникальность природы, изоляция и оторванность от исторической родины; соседство с коренным этносом, поиск национальной идентичности. Но на современном этапе развития выявляются различия в вопросе уровня вовлечения коренного населения и его культуры в литературный процесс. Представляется перспективным продолжить исследование данных национальных литератур в сравнительном аспекте и провести анализ презентации национальной идентичности в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *Postcolonial Studies: The Key Concepts*. Second edition. London : Routledge, 2007. 292 p.
2. Hodge B., Mishra V. *Dark Side of the Dream: Australian Literature and the Postcolonial Mind* North Sydney. Allen & Unwin, 1991. 253 p.
3. Loomba A. *Colonialism / Postcolonialism* 3rd ed. Abingdon : Routledge, 2015. 304 p.
4. Tembong D.F. The Ambiguous Status of Commonwealth Literature: A Critical Consideration // *International Journal of English and Education*. 2014. Vol. 3 (3). P. 455–467.
5. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. Second edition. London; New York : Routledge, 2010. 283 p.
6. Bahri D. Once More with Feeling: What is Postcolonialism? // *Ariel: A Review of International English Literature*. 1995. Vol. 26 (1). P. 51–82.
7. Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. 262 с.
8. Slemon S. *Modernism's Last Post // Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism* / ed by I. Adam, H. Tiffin. Calgary : University of Calgary Press, 1990. P. 3–17.
9. *The Cambridge History of Australian Literature* / ed. by P. Pierce. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 584 p.
10. Кузмичев А.И. 2016.03.023 Руди Дж.П. Плавающие миры: поэзия эмигрантов и Британская культура. Rudy J.R. *Floating Worlds: Émigré Poetry and British Culture* // *English Literary History*. – Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 2014. – Vol. 91, № 1. – P. 324–350 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2016. № 3. С. 137–139.
11. Широносова В.С. К вопросу о лингвистических особенностях языковой картины мира текста австралийской баллады // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. Т. 7, № 4. С. 177–184.
12. Стефанович Т.И. Образ австралийца в национальной литературе // XIV Царкосельские чтения. Профессиональное образование: социально-культурные аспекты: материалы Междунар. науч. конф., 20–21 апр. 2010 г. / ред. В.Н. Скворцов. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. Т. 4 (14). С. 216–219.
13. Marliana R. *Convicts Life in James Tucker's The Adventures of Ralph Rashleigh* // *ELS-Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2018. № 1 (1). P. 76–82.
14. Evans J. *Equal Subjects, Unequal Rights: Indigenous Peoples in British Settler Colonies, 1830–1910* / J. Evans, P. Grimshaw, D. Philips, S. Swain. Manchester; New York : Manchester University Press, 2003. 201 p.
15. Goodwin K. *A History of Australian Literature*. London : Palgrave, 1988. 278 p.
16. Шукунда С.З. Главная песня Австралии: культурологический аспект // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 3. С. 128–135.
17. Sheridan S. Reading Australia: «It's Raining in Mango» by Thea Astley // *Australian Book Review*. 2015. № 373. URL: <https://www.australianbookreview.com.au/abr-online/archive/2015/content/158-august-2015-no-373> (дата обращения: 20.10.2018).
18. Mullaney J. «Passing Ghosts»: Reading the Family Album in Thea Astley's «It's Raining in Mango» and «Reaching Tin River» // *Australian Studies*. 2001. № 1. P. 23–44.
19. История всемирной литературы : в 8 т. / под. общ. ред. Г.П. Бердникова (гл. ред.), А.С. Бушмина, Ю.Б. Виппера. М. : Наука, 1994. Т. 8. 848 с.
20. Stanford J., Williams M. *Maoriland: New Zealand Literature 1872–1914*. Wellington : Victoria University Press, 2006. 350 p.
21. Володарская Л.И. Кэтрин Мэнсфилд и ее рассказы // *Мэнсфилд К. Рассказы*. М. : Книга, 1989. С. 5–30.

22. Бурцев А.А., Бурцева М.А. Концепция человека в рассказах Кэтрин Мэнсфилд // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 3. С. 190–199.
23. Мэнсфилд К. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1958. 333 с.
24. Murray S. Writing an Island's Story: The 1930s Poetry of Allen Curnow // The Journal of Commonwealth Literature. 1995. 30 (2). P. 25–43.
25. Stead C.K. Kin of Place: Essays on New Zealand Writers. Auckland: Auckland University Press, 2002. 392 p.
26. Кравинская Ю.Ю. Маорийский ренессанс 1950–2000: репрезентация национального возрождения в литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51), ч. II. С. 110–114.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2020 г.

The Specificity of Postcolonial Text of Settler Societies in Australia and New Zealand: A Comparative Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 41–50.

DOI: 10.17223/15617793/458/5

Yulia Yu. Kravinskaya, Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: rozajulia@mail.ru

Elena V. Polkhovskaya, Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: helenpolkhovskaya@gmail.com

Keywords: settler society; postcolonial literature; English-language literature; identity; discourse; colonization; aboriginal people.

A brief comparative review of English-language literatures of Australia and New Zealand is given in the article. The aim of the article is to highlight the similarities and differences at the stages of the literary process development from the point of view of postcolonial studies. The historical genesis specificity of the region and the uniqueness of national identity formation at the juncture of colonial and colonized cultures stipulate the definition of Australia and New Zealand as settler societies. Tasks needed to be resolved are to disclose the notion “settler societies”, to determine common characteristics of the studied national literatures as postcolonial ones, to give their comparative outline, to make a textual analysis of a number of literary works which are indicative for each stage of the literary process development. In the course of the study, the authors refer to a comparative historical method of scientific enquiry to highlight similarities in the literary process development and the degree of influence of metropolitan literature on it. They also use a sociological method to estimate the impact of the settler societies development on the literary process and a hermeneutic interpretative method in textual analysis to interpret the transformation of a typical hero at various stages of the literary process in Australia and New Zealand. The article is divided into theoretical and practical parts. In the theoretical part, the authors define “settler societies”, overview the place of “settler” countries in the postcolonial space, and note factors allowing to review the national literatures comparatively as postcolonial ones. In the practical part, the authors characterize three stages of the literary process development observed in the national literatures of Australia and New Zealand, conduct an interpretative analysis of the works in which the prolific features of a typical hero are shown. On conducting the research the authors come to the following conclusions. The national literatures of Australia and New Zealand are under the influence of the metropolitan culture and literature, but the relation started to loosen at a contemporary stage of the literary process development due to the formation of the national identities of Australians and New Zealanders. The impact of colonized indigenous peoples’ cultures on the literary process defines the difference between the national literatures. For the countries, the national identity formation is characteristic in the cultural sphere, which makes the further study of identification processes presentation in literary text promising.

REFERENCES

1. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (2007) *Postcolonial Studies: The Key Concepts*. Second edition. London: Routledge.
2. Hodge, B. & Mishra, V. (1991) *Dark Side of the Dream: Australian Literature and the Postcolonial Mind* North Sydney. Allen & Unwin.
3. Loomba, A. (2015) *Colonialism/Postcolonialism* 3rd ed. Abingdon: Routledge.
4. Tembong, D.F. (2014) The Ambiguous Status of Commonwealth Literature: A Critical Consideration. *International Journal of English and Education*. 3 (3). pp. 455–467.
5. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (2010) *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. Second edition. London; New York: Routledge.
6. Bahri, D. (1995) Once More with Feeling: What is Postcolonialism? *Ariel: A Review of International English Literature*. 26 (1). pp. 51–82.
7. Sidorova, O.G. (2005) *Britanskiy postkolonial'nyy roman posledney treti XX veka* [British Postcolonial Novel of the Last Third of the 20th Century]. Ekaterinburg: Ural State University.
8. Slemmon, S. (1990) Modernism's Last Post. In: Adam, I. & Tiffin, H. (eds) *Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism*. Calgari: University of Calgari Press. pp. 3–17.
9. Pierce, P. (ed.) (2009) *The Cambridge History of Australian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Kuz'michev, A.I. (2016) 2016.03.023 Rudy J.R. Floating Worlds: Émigré Poetry and British Culture // *English Literary History*. – Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 2014. – Vol. 91, № 1. – P. 324–350. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie*. 3. pp. 137–139. (In Russian).
11. Shironosova, V.S. (2011) Linguostylistic characteristics of linguistic world image of Australian ballad. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 7 (4). pp. 177–184. (In Russian).
12. Stefanovich, T.I. (2010) [The image of the Australian in national literature]. *XIV Tsarkosel'skie chteniya. Professional'noe obrazovanie: sotsial'no-kul'turnye aspekty* [XIV Tsarkosel'skie Readings. Professional Education: Socio-Cultural Aspects]. Proceedings of the International Conference. 20–21 April 2010. Vol. 4 (14). Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 216–219. (In Russian).
13. Marlana, R. (2018) Convicts Life in James Tucker's The Adventures of Ralph Rashleigh. *ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 1 (1). pp. 76–82.
14. Evans, J. (2003) *Equal Subjects, Unequal Rights: Indigenous Peoples in British Settler Colonies, 1830–1910*. Manchester; New York: Manchester University Press.
15. Goodwin, K. (1988) *A History of Australian Literature*. London: Palgrave.
16. Shukunda, C.Z. (2017) Australia's main song: The culturological aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 128–135. (In Russian).
17. Sheridan, S. (2015) Reading Australia: “It's Raining in Mango” by Thea Astley. *Australian Book Review*. 373. [Online] Available from: <https://www.australianbookreview.com.au/abr-online/archive/2015/content/158-august-2015-no-373>. (Accessed: 20.10.2018).
18. Mullaney, J. (2001) “Passing Ghosts”: Reading the Family Album in Thea Astley's “It's Raining in Mango” and “Reaching Tin River”. *Australian Studies*. 1. pp. 23–44.
19. Berdnikov, G.P. (ed.) (1994) *Istoriya vsemirnoy literatury: v 8 t.* [History of World Literature: In 8 Volumes]. Vol. 8. Moscow: Nauka.
20. Stanford, J. & Williams, M. (2006) *Maoriland: New Zealand Literature 1872–1914*. Wellington: Victoria University Press.

21. Volodarskaya, L.I. (1989) Ketrin Mensfild i ee rasskazy [Katherine Mansfield and her stories]. In: Mansfield, K. *Rasskazy* [Stories]. Translated from English. Moscow: Kniga. pp. 5–30.
22. Burtsev, A.A. & Burtseva, M.A. (2017) Concept of the human in Katherine Mansfield's stories. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya – BSU Bulletin. Philosophy*. 3. pp. 190–199. (In Russian). DOI: 10.18101/1994-0866-2017-3-190-199
23. Mansfield, K. (1958) *Rasskazy* [Stories]. Translated from English. Moscow: Goslitizdat.
24. Murray, S. (1995) Writing an Island's Story: The 1930s Poetry of Allen Curnow. *The Journal of Commonwealth Literature*. 30 (2). pp. 25–43.
25. Stead, C.K. (2002) *Kin of Place: Essays on New Zealand Writers*. Auckland: Auckland University Press.
26. Kravinskaya, Yu.Yu. (2015) The Maori renaissance 1950-2000: Representation of the national revival in literature. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 9 (51):II. pp. 110–114. (In Russian).

Received: 22 March 2020

А.С. Пахомова

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ М.А. КУЗМИНА: КАНОН, РЕЦЕПЦИЯ, СТРАТЕГИЯ

Приводится анализ литературной репутации Михаила Кузмина от начала его литературной деятельности до 1920-х гг. Выделены категории стратегии, рецепции и канона, позволяющие проследить становление репутации автора на разных уровнях. Первая часть статьи определяет объем канона (зафиксированной к 1910-м гг. модели восприятия личности) и творчества Кузмина. Во второй части, рассматривающей события середины 1910-х – начала 1920-х гг., разобраны попытки автора преодолеть канон.

Ключевые слова: Михаил Кузмин; литературная репутация; русская революция 1917 г.

В апреле–мае 1917 г. в петроградских изданиях было опубликовано четыре стихотворения Михаила Кузмина: «Русская революция» (Нива. 1917. № 15), «Волинский полк» (Русская воля. 1917. 16 апр. Утр. вып.), «Майский день» (Русская воля. 1917. 18 апреля. Утр. вып.) и «Не знаю, душа ли, тело ли...» (Русская воля. 1917. 17 мая. Утр. вып.). Публикации предшествовало несколько событий, свидетельствующих, что Кузмин, как и многие деятели искусства, связывал с революцией надежды на обновление общества. В марте 1917 г. он сблизился с союзом «Свобода искусству», который составляли писатели «левого» направления [1], а затем стал членом «Союза деятелей искусств» – первой крупной организации интеллигенции пореволюционного Петрограда [2–3], где также примкнул к «левому» блоку.

Наполненные энтузиазмом стихотворения Кузмина стали объектом пародии. Помещенный в «Журнале журналов» стихотворный фельетон с характерным названием «Самоопределившиеся (История новейших метаморфоз)» высмеивал В.В. Маяковского, И. Северянина и др. Пародии строились на противопоставлении их дореволюционной репутации и аполитичной позиции – пореволюционному энтузиазму, выраженному в перенасыщенных февральской символикой текстах. Пародия на Кузмина была сосредоточена на стихотворении «Русская революция»:

...Из чьей-то юбки красный флаг
Скроил умелыми руками
И сонм республиканских благ
Воспел рубленными строками.
Теперь, огромный красный бант
К груди пришив блудливой музе,
Он славит, как влюбленный франт,
Лик «ангела в рабочей блузе»...[4].

Можно выделить несколько причин, по которым Кузмин подвергся этой атаке. «Русская революция» была опубликована в «Ниве» в середине апреля, но поток критики со временем не только не иссяк, но и стал больше – с выходом стихотворений в «Русской воле». Инициатива создания этой газеты принадлежала министру внутренних дел А.Д. Протопопову, а ее первоначальная программа состояла в освещении преимущественно экономических вопросов. Средства, выделенные на газету, позволили привлечь в нее

лучшие литературные силы – Л. Андреева, А.И. Куприна и др. «Журнал журналов», как и многие другие издания, негативно относился к этой газете, еще до выхода в свет прозванной «литературно-банковской затеей», и посвятил ей целый разворот в № 2 за 1907 г., критикуя грубую попытку купить за большие гонорары мнение и талант литераторов и журналистов. Стихи Кузмина, появившиеся на страницах этого издания, могли восприниматься не как выражение подлинного революционного энтузиазма, а как заказные произведения.

Насмешке подверглось и содержание стихов. Стихотворение «Русская революция» выглядит типичным примером энтузиастической пофевральской лирики. Оно насыщено стереотипной риторикой и образами: музыка, красные банты, всеобщее братание, лозунги, указание на знаковые события (восстание Волинского полка), характерная лексика («гражданин»), отождествление революции с Пасхой, отсылка к Французской революции и т.д. (об этом см.: [5]). Пародист из «Журнала журналов» вынул эти образы из их исходного контекста и поместил в другой – контекст повести «Крылья» и сложившейся репутации ее автора – писателя-порнографа, безразличного к политике и погруженного в мир интимного. Так, «огромный красный бант», который Кузмин надел на грудь «блудливой музе», был, с одной стороны, приметой времени. Красные банты и флаги были частью антуража улиц Петрограда в конце февраля – начале марта 1917 г. и в отсутствии достаточного количества ткани нужного цвета их иногда делали из предметов одежды [5. С. 24]. В пародии эта деталь гипертрофирована и превращена в знак франтовства и жеманства. Обращение поэта к «ангелу в рабочей блузе» представлено как порыв гомосексуальной любви: «он славит, как влюбленный франт». Сатирический эффект достигался тем, что революционная риторика стихотворения «подсвечивалась» знаниями об ином Кузмине. Тот факт, что Доль и иные критики не сочли нужным пояснять, откуда заимствованы эти знания, свидетельствует о том, что в это время существовала готовая модель восприятия автора и его творчества, без лишних слов понятная читающей публике.

На существование мифологизированного образа, влиявшего на восприятие современников и определившего посмертную рецепцию Кузмина, указывали уже первые исследователи его творчества. В.Ф. Марков пи-

сал о сложившемся образе поэта, «три кита» которого были определены как «гомосексуализм, стилизация и прекрасная ясность» [6. С. 397]. К образам Кузмина обращались также А.В. Лавров и Р.Д. Тименчик [7], С.А. Корниенко [8] и др. Специально нужно выделить наблюдение Н.А. Богомолова о том, что сам автор был не только объектом рецепции, но и агентом собственной репутации: «Кузмин старательно поддерживал свою репутацию в обеих ипостасях столичных толков, добиваясь создания совершенно определенной художественной личности» [9. С. 62]. Роль Кузмина в конструировании собственного образа, чему ранее не придавалось большого значения, была убедительно доказана исследователем, что потребовало дальнейшей разработки этой проблемы.

Применительно к случаю Михаила Кузмина нам хотелось бы развести две различные, хотя и тесно связанные, «литературные репутации». Первая – это область рецепции, которую составляют рецензии, критика и иные формы публичного восприятия творчества и личности автора. В ней мы выделяем мифологизированный образ автора, сложившийся в критических отзывах в начале его литературного пути, закреплённый и растиражированный в периодике и посвящениях и оказавшийся столь устойчивым, что на протяжении долгих лет подавлял и подчинял себе иные трактовки. Отличительной чертой такого способа рецепции можно назвать формульность, ограниченное число моделей истолкования, нечувствительность к реальным изменениям в поэтике и стратегии автора. Эту «вторую» репутацию мы предлагаем называть «каноном». За процессом конструирования автором собственного литературного и социального лица мы оставляем слово «стратегия».

Рассмотренный выше случай восприятия стихотворений Кузмина в прессе 1917 г. представляется точкой, в которой сходятся и взаимодействуют три выделенные нами категории.

Наиболее простой задачей представляется определение объема «канона», который начинает складываться в 1905–1906 гг. После выхода «Александрйских песен» формируется первый знаменитый образ Кузмина – живого «александрийца», наиболее известный по рецензии М.А. Волошина: «Когда видишь Кузмина в первый раз, то хочется спросить его: “Скажите откровенно, сколько вам лет?”, но не решаешься, боясь получить в ответ: “Две тысячи” <...> в его наружности есть нечто столь древнее, что является мысль, не есть ли он одна из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память» [10] (подробнее о становлении этого образа см. [11. Кн. 1. С. 334–348]). В изложении Волошина образ «александрийца», впервые предложенный Вяч. Ивановым как часть жителворческой стратегии¹, получил эстетическую трактовку, и в этом виде был подхвачен другими критиками, например: «М. Кузмин – кажется “древним”, чьею-то волей заброшенным к нам в современность, но сохранившим его четкость и напряженность первоначальных ощущений» [13].

Существенную роль в построении репутации Кузмина сыграла повесть «Крылья», которая сразу после журнальной публикации вышла двумя отдельными

изданиями в «Скорпионе» [14]. В отличие от «Александрйских песен», появление которых было отмечено лишь небольшим кругом писателей-модернистов, повесть стала литературным скандалом в широких читательских кругах. Ее автобиографизм привел к тому, что автор «Крыльев» и «Александрйских песен» стал полностью отождествляться со своими героями: «...другие герои повести, как и сам автор, являются сторонниками не всякой любви, а любви пожилых мужчин к юным мальчикам» [15. С. 158]. Так сформировался другой известный образ Кузмина – гомосексуала, развратника, организатора тайных «порнографических клубов».

Выпустив цикл «Духовные стихи» в составе сборника «Осенние озера» (1912), Кузмин представил публике еще один образ, осложнивший уже существовавшие: он, «с одной стороны, завсегдатай эротических клубов, угрожающий нравственности молодых людей, а с другой – затворник, поглощенный медитациями, мистически настроенный и жгущий в своей комнате ладан» [9. С. 62]. Многоликость поэта сама по себе стала предметом критической рефлексии: «О нем говорят и говорили и в салонах, и в шестых классах провинциальных гимназий, в кружках эстетов и на эс-дековских рефератах, говорили петербургские литераторы и деревенские попадьи. Имя Кузмина сделалось символом непристойности – с одной стороны и символом загадочности с другой» [16. С. 3]. Впоследствии, как и в случае с «древним александрйцем», двойственность Кузмина приобрела эстетическую трактовку, превратившись в способность автора менять маски разных лирических героев и стилизовать свои произведения под образцы разных веков: «В стихах М. Кузмина слышны то манерность французского классицизма, то нежная настойчивость сонетов Шекспира, то легкость и оживление старых итальянских песенок, то величавые колокола русских духовных стихов» [17. С. 29].

Среди других составляющих мифа о Кузмине, складывающегося в начале 1900-х гг., – его сосредоточенность на мелочах жизни, на мире личных и интимных переживаний. Выраженную афористичной строкой автора – «дух мелочей прелестных и воздушных» – характеристику можно встретить в статьях критиков, принадлежащих к разным поколениям и имеющих различные эстетические взгляды: «“Дух мелочей, прелестных и воздушных” проникает всю поэзию Кузмина <...> Его мир – маленький, замкнутый мир повседневных забот, теплых чувств, легких, чуть-чуть насмешливых мыслей» [18], «Мир поэзии Кузмина не искажен этим слишком субъективным, требовательным и страстным подходом; ровный, ласковый, радостный свет падает на все предметы этого мира, большие и маленькие» [19. С. 281]. Все это, как и образы «александрийца», «развратника», «затворника», вошло и сформировало кузминский канон, модель восприятия автора.

Необходимо обратить внимание на то, что этот канон не существовал сам по себе и не был полностью изобретением критиков: его создание тесно связано с авторской стратегией, которая начала формироваться в 1905–1906 гг. В это время в дневнике Кузмина по-

явились размышления о собственной личности и ее презентации. Так начинающий литератор описывает себя в записи от 25 октября 1905 г.:

«...Мои же три лица до того непохожие, до того враждебные друг другу, что только тончайший глаз не прельстится этою разницей, возмущающей всех, любивших какое-нибудь одно из них, суть: с длинной бородою, напоминающее чем-то Винчи, очень изнеженное и будто доброе, и какой-то подозрительной святости, будто простое, но сложное; второе, с острой бородкой, – несколько фатовское, франц<узского> корреспондента, более грубо-тонкое, равнодушное и скучающее, лицо Евлогия; третье, самое страшное, без бороды и усов, не старое и не молодое, 50–л<етнего> старика и юноши; Казанова, полушарлатан, полуаббат, с коварным и по-детски свежим ртом, сухое и подозрительное» [12. С. 61].

Детально описывая «лица», Кузмин конструирует свой образ, буквально придумывая себя, как героя романа: организующим принципом самовосприятия становится двойственность, заложенная и в каждом отдельном «лице» («идеальный аскетизм или порочность», «будто простое, но сложное» и др.), – то, что впоследствии станет основой восприятия Кузмина критиками. Так, репрезентация, основанная на неоднозначном образе, перешла в творческую стратегию Кузмина: выступив сперва с подчеркнуто-стилизированными «Александрийскими песнями», затем с философско-эротическими «Крыльями», позднее – с истово религиозными «Духовными стихами», писатель формировал неоднородную творческую личность. Этому способствовало расширение аудиторий: поэзия была замечена преимущественно в узком кругу авторов «Весов» и «Золотого руна», а выход «Крыльев» привлек к автору внимание читателей популярных изданий.

Поведение Кузмина в писательской среде 1900-х гг. показывает, что он стимулировал отзывы и толки о себе, понимая, на чем основана его известность, и используя это знание для упрочения собственной славы: «Я знаком со множеством людей и имею как пламенных поклонников (больше всего среди молодых художников и актрис), так и ярых врагов. Обо мне ходят ужасные сплетни, так что одновременно создаются три известности» (письмо от 20 ноября 1906 г.) [20. С. 429]). Сложность создаваемого образа, его широкое обсуждение в разных кругах и невозможность сведения к доминанте повлияли на то, что уже спустя год после выхода первых произведений о Кузмине писали как об «одном из самых известных поэтов» [21. С. 291].

Можно заключить, что в начале литературного пути Кузмина рецепция его личности и творчества развивалась параллельно и согласно его писательской стратегии, – результатом двух процессов, точкой приложения разнородных сил стала репутация автора. На ее основании на рубеже 1900–1910-х гг. сформировался кузминский канон, своеобразная «окостеневшая» репутация, которая уже в 1917 г. стала работать против автора: пореволюционные пародии были основаны на несовпадении новых кузминских произведений и уже бытующего образа их создателя. Спустя несколь-

ко лет канон, будучи замкнутой структурой, стал сопротивляться новому материалу. Создалась ситуация, когда старое, уже осмысленное критиками творчество Кузмина начало мешать его дальнейшему развитию: насущной задачей писателя к концу 1910-х гг. был выход из тупика и формирование нового образа.

Как нам представляется, именно в стихах 1917 г. можно искать ключ к тому творческому методу, который стал интересовать Кузмина во второй половине 1910-х гг. Ответив на вопрос *почему*, Кузмин создает в 1917 г. революционные стихи, идя вразрез со своей сложившейся репутацией, будет возможно дать ответ и на другие вопросы: какую писательскую стратегию начал выстраивать автор в это время и почему она, в отличие от стратегии предыдущего этапа, не включилась в построение канона.

В середине 1910-х гг. намечаются перемены в творчестве и позиции Кузмина. К 1912 г. он перешел из ведущих символистских журналов («Весы», «Аполлон», «Золотое руно») на страницы «Нивы», «Огонька», «Сатирикона», «Лукоморья», «Биржевых ведомостей», где выступал в основном с небольшими рассказами. Смена аудитории и жанра повлекла за собой смену рецензентов: если ранее о Кузмине писали Блок, Иванов, Волошин, то на выход прозы середины 1910-х гг. откликнулись в основном критики популярных изданий («Северные записки», «Новый журнал для всех» и др.). Число и качество рецензий постепенно снижалось, и к 1916–1917 гг. о Кузмине писали мало и преимущественно негативно. Особенно настороженно пресса отнеслась к тому, что автор, известный своими стилизациями, внезапно сосредоточился на изображении событий и характеров текущей жизни. Работа канона диктовала критикам усматривать за новыми темами и героями кузминской прозы следы его прежней манеры: «М. Кузмин, изведавший все тайны утонченной стилизации в духе изысканной эротики века “рококо”, выпустил сборник “военных рассказов”, в которых он пытается уловить простые, несложные, но героические в своей простоте порывы души. Конечно, М. Кузмин не может целиком измениться и совершенно позабыть свое литературное прошлое <...> его рассказы на “военные” темы напоминают изящные картинки битв и сражений, которые можно видеть на фарфоровых безделушках» [22. С. 138].

Смена жанрово-тематических предпочтений автора не была внезапной. Интерес к современности как материалу для собственных произведений Кузмин выказывал на заре карьеры: как один из вариантов построения своего образа он, вероятно, рассматривал и амплуа «писателя современной жизни», задумывая «современную повесть» «Шлюзы» (письмо от 19 декабря. 1905 г. [20. С. 400]). В письме В.В. Руслову Кузмин отстаивает право рассказа «Кушетка тети Софии» быть современным «по духу», невидя на старомодность стиля: «Технически (в смысле ведения фабулы, ловкости, простоты и остроты диалогов, слога) я считаю эту вещь из самых лучших, и, видя там Ворту <...> не вижу пастушка и Буше. Это современно, и только современно, несмотря на мою манерность» (письмо от 8–9 декабря 1907 г. [23. С. 209]).

Параллельно отмеченному нами канону в критике конца 1900-х – начала 1910-х гг. подспудно развивалась и мысль об актуальности поэзии Кузмина, несмотря на ее тематическую удаленность от проблем современности: «Он [Кузмин] – чужой нашему каждому дню, но поет он так нежно и призывно, что голос его никогда не оскорбит, редко оставит равнодушным и часто напомнит душе о ее прекрасном прошлом и прекрасном будущем, забываемом среди волнений наших железных и каменных будней» [21. С. 289–290]; «У него нет ни слова современности. Но потому нам и дороги умирающие маркизы, что в них мы чуем себя» [24] и др. Выход поэтических сборников «Осенние озера» (1912) и «Глиняные голубки» (1914), в которых стилизации заметно отходили на второй план, заставили больше заговорить о Кузмине не как о «древнем александрийце», а как о выразителе чувств своего поколения: «Кузмин своим творчеством создает подлинную романтику современности; в калейдоскопе городских постижений проходит сладостно-скорбная повесть изысканной души его» [25. С. 341–342]. Линия канона, перейдя в провинциальную и популярную прессу, все еще оставалась очень значительной: «...ни шири, ни глубины нет в поэзии Кузмина; его лирика – отражение души, замкнутой в круг однообразных и несложных, но утонченных переживаний» [26].

Проза Кузмина 1900-х гг. была преимущественно посвящена стилизованному воссозданию литературы прошлого: в это время выходят «Приключения Эме Лебефа» (1907), «Подвиги великого Александра» (1909) и др. Нельзя сказать, что этим творчество Кузмина ограничивается: одновременно появились «современные» «Кушетка тети Сони» (1907), «Высокое искусство» (1911) и др. Строго говоря, в современном Петербурге происходило и действие «Крыльев». Однако для философской повести не было значения, в каких реалиях разворачивается ее сюжет: действие с легкостью перемещалось между городами и странами, а герои вели долгие разговоры о сущности любви безотносительно к месту, в котором они находились.

Рассказы Кузмина, начавшие в большом количестве появляться на страницах популярных изданий примерно с 1913 г., представили иной подход к изображению современности. Автор сосредоточился на небольших сюжетах, в основе которых лежали забавное происшествие, любовная интрига («Косая бровь», 1916), адюльтер («Петин вечер», 1915), узнавание («Измена», 1915), нечаянный обман или недопонимание («Платоническая Шарлотта», 1914) и др. Действие часто происходило внутри семьи или узкого круга людей. Композиция рассказов, с резким вступлением, сразу погружающим в действие, и столь же резким окончанием, нередко на полуслове, будто выхватывали нужное событие из потока жизни. См.: начало рассказа «Бабушка Маргарита» (1915): «Бабушке была отведена самая темная комната. Она сама ее выбрала, находя, что там будет очень удобно стоять ее комодам, и что все равно почти все время она будет проводить в общих комнатах...» [27. С. 5]; конец рассказа: «...умолкла и оскорбленная бабушка, а когда вечером пришла к

ней Лизанька Монбижу, та ее не пустила к себе, сославшись на мигрень, и никогда не жаловалась на эту последнюю обиду, переполнившую, по ее мнению, чашу ее терпения» [27. С. 13]. Соответственным образом изменился и стиль кузминской прозы: рассказы 1910-х гг. написаны простым языком, имитирующим разговорную речь обывателя, с точки зрения которого нередко велось повествование. Некоторые рассказы были написаны в форме дневника («Пять мартовских дней», 1915; «Измена», 1915), что стирало дистанцию между автором и героем.

Теоретическое обоснование этих изменений обнаруживается в критической прозе Кузмина. Одна из центральных идей кузминской эстетики, которая начала преобладать в его статьях с середины 1910-х гг., – неприятие подхода к искусству «с требованиями общественного, морального и политического характера» (статья «Раздумья и недоумения Петра Отшельника», 1914 г. [28. С. 361]). В то время для Кузмина это означало отказ от позиции «бытописателя», автора, который «бросается искать и ловить эту несчастную современность, словно блоху, боясь пропустить момент» («Скачущая современность», 1916 г. [28. С. 606]), и уход от сюжетной сложности. В середине 1910-х гг. Кузмин начал говорить об усталости литературы от замысловатых, чрезмерно надуманных сюжетов: «Новизна сюжетов скорее всего изнашивается. Почти все великие произведения имеют избитые и банальные сюжеты, предоставляя необычайные вещам посредственным. Лучшая проба таланта – писать ни о чем» [28. С. 363]. Отказ от фиксации на сюжете давал больше возможностей для разработки собственного стиля, проблемы которого занимали Кузмина в это время.

Если мы вновь обратимся к рассказам Кузмина 1913–1917 гг., то увидим, что для них автор выбирает веками разрабатываемые мировой литературой сюжеты: узнавание, обман, адюльтер и т.д. Действие большинства их, однако, происходит не в других эпохах или странах (хотя такие рассказы тоже встречаются, см. сборник «Покойница в доме. Сказки» (1914)), что можно было бы ожидать от Кузмина на основании сложившегося канона восприятия, а в современной автору России.

Объяснить обращение Кузмина именно к современной ему эпохе помогает еще одна мысль из его критических статей. Миссия художника, какой ее видел Кузмин в этот период, – не воссоздавать современность, а создавать ее, руководствуясь требованиями искусства, а не общественными или бытовыми запросами – формировать своего рода очищенную от политики и общественного давления реальность, в которой бы действовали только художественные законы. Взгляд художника становился ценным сам по себе, поскольку именно он в итоге выступал мерилom вкусов и привычек аудитории: «Современность <...> более доступна влиянию, и неизвестно еще, влияла ли среда и современность на Достоевского, или наоборот. Я именно думаю, что наоборот» [28. С. 606].

Публикуя на страницах «Огонька», «Лукоморья» и других периодических изданий рассказы, отвечающие его представлениям о прозаическом жанре, Кузмин,

вероятно, реализовывал стремление воздействовать на большую аудиторию – то, чего он не мог сделать на страницах модернистских журналов. Этому помогало нарочитое «опрошение» стиля и сюжета – от демонстрации виртуозного владения стилем французского авантюрного романа XVIII в. («Приключения Эме Лебефа») Кузмин уходит в сторону более простого газетного очерка. Помещенные на страницах периодики кузминские рассказы лишались части своей фикциональности, превращаясь в аналог популярного газетного жанра «Осколков» или «С натуры» – анекдотов, забавных происшествий (с той лишь разницей, что были написаны талантливым автором, продумывающим собственную стратегию). Такая прагматика требовала частых публикаций: если с 1906 по 1912 г. в печати появилось два с небольшим десятка прозаических произведений Кузмина, то за следующее пятилетие, с 1913 по 1917 г., вышло около восьмидесяти рассказов, романов и повестей.

Параллельно созданию рассказов, прагматически родственных газетным заметкам, Кузмин осенью 1916 г. пишет и «настоящие» газетные фельетоны в ежедневных «Биржевых ведомостях». Это короткие размышления на актуальные, подчас сиюминутные темы, с характерными названиями: «Бытовая безграмотность» (о безграмотном с точки зрения языка и церковного устава названии «мясопустные дни»), «Автомобилизм и прирост населения» (против настойчивых призывов общественности умерить веселье и роскошь в дни войны) и т.д. В этих фельетонах Кузмин пересказывает слухи, упоминает случившиеся на днях события, выносит собственные суждения как на глобальные, так и на бытовые темы, непосредственно включаясь в построение современности и формирование вкусов аудитории.

На центральное событие начала века, Первую мировую войну, Кузмин откликнулся сборником «Военные рассказы» (1915): особый жанр «военного рассказа» предоставлял возможность оперировать реальными событиями и обращаться к анекдотам и очеркам о происшествиях, т.е. к тем жанрам, которые Кузмин уже начал самостоятельно развивать в середине 1910-х гг. Например, рассказ «Пастырь воинский» представлял собой зарисовку о полковом священнике о. Василии и незатейливых событиях, приключившихся с ним: он любит чай с вареньем, может усомниться заигравшихся офицеров, ходит без шляпы «на английский манер», соборует собственного племянника. Единственное необычное происшествие, случившееся с ним (он приводит в плен небольшой отряд), теряется среди многих других: такой сюжет вполне отвечал представлениям Кузмина о современности, которую создает художник («военный рассказ» не описывал непосредственно войну). Критики уловили публицистическую составляющую кузминской прозы, однако увидели в ней не авторскую задачу, а бессилие писателя, известного своим изящным стилем, воплотить «живые» характеры и значительные события: «не что иное, как пересказ газетных корреспонденций о священнике, приведшем в плен партию неприятельских солдат <...> Столь великое и грозное явление, как происходящая ныне война, побудило г. Кузмина всего

на всего написать несколько вялых анекдотов, белыми нитками пришитых к военным событиям» [29. С. 158]. Кузмин писал на не «кузминские» темы, и критика, транслирующая линию канона, воспринимала эти изменения негативно.

Поиски языка и стиля, наиболее подходящего для выражения актуальных тем, могут объяснить интерес Кузмина к «левому искусству», усилившийся к середине 1910-х гг. В одной из своих ранних критических статей Кузмин настороженно отзывался о программе активно вступавших в литературу футуристов, видя в ней опасность полного пренебрежения культурой прошлого («Футуристы», 1910 г.). В 1913–1914 гг. Кузмин изменил свое отношение к футуризму, который стал считать возможным способом обновления литературы: «Новых сил можно ждать только со стороны футуристов и “диких”» («Как я читал доклад в “Бродячей собаке”», 1914 г. [28. С. 390]). Шагом к «освобождению» слова, менее радикальным, чем предпринятый футуристами, но сделанным в том же направлении, можно считать отказ Кузмина от сложности сюжета и стиля, внимание к современному материалу².

Итак, Кузмин в 1910-х гг. изменяет свою авторскую стратегию, уходя от многоликого образа к цельности, простоте и современности. С этой точки зрения становится возможным увидеть дополнительные смыслы в его деятельности 1917 г.

Союз «Свобода искусству», в который Кузмин вступил в марте 1917 г., создавался как оппозиция к другому пофевральскому проекту – «Министерству искусств», вокруг которого объединились М. Горький, Ф.И. Шаляпин, а также участники объединения «Мир искусства» (А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, Н.К. Рерих, К.С. Петров-Водкин, И.А. Фомин, К.А. Сомов). Общение с кругом «Мира искусства» некогда сыграло значительную роль в творческом становлении Кузмина. При посредничестве близких к «мирискусникам» «Вечеров современной музыки» Кузмин был введен в литературные круги; личные и творческие контакты связывали Кузмина с Нувелем, Добужинским и др., и особенно с Бенуа и Сомовым. Дореволюционное творчество Кузмина нередко сближали с творчеством «мирискусников»: «Талант М. Кузмина находится в явном соприкосновении с Сомовым. Та же пикантная, изящная ирония, та же изысканная простота формы, скрывающая сложность переживания. Тот же миниатюризм...» [31. С. 51]. К рассматриваемому времени их контакты уменьшились, хотя и не сократились вовсе: с этой точки зрения тем более примечательно, что Кузмин примыкает к другой группе, временно поступаясь личными отношениями ради реализации собственных идей.

Одним из положений группы «Свобода искусству», к которой примкнул Кузмин, были выпады против «мирискусников» как представителей устаревшего искусства. В статье одного из участников группы утверждалось, что искусство «новой, демократической России <...> должно быть иным, чем, напр<имер>, придворное искусство XVIII века <...> чем, наконец, тепличное и хилое эстетство “Мира Искусства” последних лет» [32]. По всей видимости,

пафос «левых» был привлекателен для Кузмина, поскольку был напрямую связан с его стратегией движения к новому, более простому искусству, тесно связанному с современностью.

Если пристальнее всмотреться в революционные стихотворения Кузмина, то можно заметить их общую черту – автор стремится создать текст, доведенный до сиюминутной приуроченности. Отдельные фрагменты «Русской революции» представляют собой моментальную зарисовку происходящего: «Мчатся грузовые автомобили, / Мальчики везут министров в Думу, / И к быстрому шуму / “Ура” льнет, как столб пыли...»³. В других строках эти же события даны сквозь призму памяти очевидца: «Вчера еще народ стоял темной кучей, / Изредка шарахаясь и смутно крича...». И в том и в другом случае подчеркивается минимальная временная дистанция между событиями и их поэтическим воссозданием, стихотворение создается «по горячим следам», что подчеркивает автор.

Актуальность других текстов создается при помощи иных средств. Стихотворение «Майский день» составлено из лозунгов, используемых на майской демонстрации: «все народы мира – братья!», «Вперед, товарищ трудовой!». Это стереотипно газетный, моментально откликающийся на запросы аудитории текст. Стихотворение «Волынский полк» было опубликовано в апреле, параллельно формированию в прессе героического образа волынцев: «С именем Волынского полка навсегда связаны самые светлые страницы русской истории <...> В те часы, когда судьба народа решалась на Литейном проспекте и Знаменской площади, когда никто не знал, кто победит – народ или самодержавие – тот, кто открыто стал против опричников, тот заглянул в бездну» [34]. Ср. последние слова со строками Кузмина «Ведь они ничего ни знали, / Радуюсь круглыми горлами: / Расстреляют ли их в самом начале / Или другие пойдут за ними святыми ордами». Революция в его изображении соткана из слухов, уличных реплик, сиюминутных настроений, опосредованно связанных в один сюжет, – т.е. из того же материала, что и его фельетоны середины 1910-х гг. Все это ведет к тому, что кузминский текст, оставаясь фикциональным, становился отчасти публицистическим: художественные произведения начинали играть роль газетных заметок, что отвечало стремлению Кузмина создавать современность в собственных текстах.

Примечательна также поэтика этих стихотворений. Телеграфный стиль, точные топонимы, указание на время, равно как и астрофический акцентный стих, делают «Русскую революцию» близким стихотворению «Революция. Поэтохроника» Маяковского⁴. К поэтике Маяковского (и шире – к авангардной поэтике вообще) отсылали и намеренно сниженная лексика («шарахались»), разные по длине строки, рубленый ритм, неточные рифмы (составная «нате-ка / грамматика», «наждак / звучит так», в «Волынском полке» – «не хотите ли / распорядители» и др.). Так эксплицирован интерес Кузмина к «освобождению слова» в футуристическом ключе.

Суммируя наблюдения над рецепцией и стратегией Кузмина с середины 1910-х гг. до 1917 г., можно

заключить, что в этот период эти две категории начали расходиться: в то время как Кузмин реализовывал свои новые творческие замыслы, уходя от образов «александрийца», «порнографа» и др., критика продолжала транслировать по отношению к нему эти модели. На фоне сформированного канона обращение автора к революционным темам и участие в пореволюционном культурном строительстве представляли как немотивированные и случайные, что вызвало критические нападки и пародии.

Стихотворения Кузмина, написанные в середине 1910-х гг., впоследствии составили несколько книг: «Вожатый» (1918), «Эхо» (1921), «Нездешние вечера» (1921). В более поздних «Параболах» (1923) можно наблюдать развитие приемов, к которым Кузмин начал обращаться в революционный год. Однако былой славы новые кузминские книги не снискали ни среди его поклонников, ни среди новых читателей. Молодые критики, близкие к авангардной эстетике, видели в стихах Кузмина неуклюжую попытку подражания футуризму: «Лавры Хлебникова не дают Кузмину спокойно заснуть: хочу словошествовать <...> хочу чтоб футуризм» [36. С. 274]. В то же время рецензенты, начавшие свою карьеру до революции, продолжали в основном транслировать линию канона: «Я не верю (искренне и упорно), что М.А. родился в Ярославле, 6-го октября 1875 года, что вырос он в Саратове и Петербурге. Это только приснилось ему в “здешней” жизнь. Он родился в Египте, между Средиземным морем и озером Мареотие, на роде Эвклида, Оригена и Филона, в солнечной Александрии, во времена Птолемея <...> он любил Александрию и вот – не в силах разлюбить ее на берегах Невы» [37. С. 42]. Не сформировав новой «сильной» репутации, Кузмин сполна ощутил тормозящее воздействие канона. В сумме эти обстоятельства приведут к тому, что круг критики, откликающейся на новые сборники автора, будет все более и более сужаться, голоса в его поддержку будут раздаваться все реже, и с начала 1920-х гг. творчество автора станет достоянием небольшого круга людей, в основном близких Кузмину, что создаст впечатление его полной литературной изоляции.

Можно сделать также некоторые частные выводы о творчестве и репрезентации Кузмина середины 1910-х гг. Его интерес к авангардной поэтике, создание прославляющих революцию стихотворений, сотрудничество с пореволюционными организациями были органичным следствием изменений творческих интересов Кузмина. С этой точки зрения представляется возможным оспорить следующую оценку этого периода его биографами, которые на основании факта перехода Кузмина на страницы популярных журналов делают вывод: «Кузмин становится проще, яснее – и оттого примитивнее» [38. С. 221]. Переход Кузмина в «низкопробные журналы», поворот от стихов к прозе, а в прозе – к простому сюжету и ясному стилю можно трактовать как сознательный элемент авторской стратегии, медленно, но уверенно реализуемый Кузминым на протяжении 1910-х гг. и приведший его в итоге к той позиции, которую он занял в 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. запись в дневнике Кузмина от 25 апреля 1905 г.: «Вяч<слав> Ив<анович> говорил очень интересно и верно об эпохах органических и критических, трагизме и *jardin d'Épiscure*, мне было неловко, что он вдруг заметил: “Вот прямо против меня талантливый поэт, автор “Алекса<ндрийских> песен”, сам Александриец в душе» [12. С. 137].
- ² Схожий подход высказывал в 1913 г. В.Я. Брюсов: «...оздоровляющее течение в русскую поэзию может внести футуризм <...> футуризм как доктрина призывает к двум важным вещам: к воплощению в поэзии современной жизни (т.е. к непосредственным наблюдениям) и к новой работе над словом (т.е. к расширению словаря, совершенствованию ритмов и т. под.)» (статья «Новые течения в русской поэзии. Эклектики», 1913 г. [30. С. 412]).
- ³ Стихотворения Кузмина цит. по: [33].
- ⁴ Впервые указано Л. Селезевым [35]. См. там же об отношениях Кузмина и Маяковского. Отметим, что оба стихотворения создавались параллельно – в апреле 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лешкова О.И. Письма к И.М. Зданевичу / предисл., публ. и примеч. М. Марцадур / Русский литературный авангард: Материалы и исследования. Университет Тренто, 1990. С. 33–108.
2. Перхин В.В. Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917–1918 гг.): Из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910–1930-х годов: Исследования и материалы : [в 2 кн.] СПб. : Наука, 2002. Кн. 1. С. 47–124.
3. Крусанов А.В. Русский авангард 1907–1932. Исторический обзор : в 3 т. М. : Новое литературное обозрение; Горнон, 2003. Т. 2. С. 8–29.
4. Доль [Тигер Д.Н.]. Самоопределившиеся (История новейших метаморфоз) // Журнал журналов. 1917. № 20–21. С. 13.
5. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб. : Лики России, 2012.
6. Марков В.Ф. Поэзия Михаила Кузмина // Кузмин М.А. Собрание стихов : [в 3 т.]. München : Wilhelm Fink, 1977. Т. 3. С. 321–426.
7. Лавров А.В., Тименчик Р.Д. «Милые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избранные произведения. Л. : Худож. лит. Ленингр. отд., 1990. С. 3–16.
8. Корниенко С.Ю. Самоидентификация в культуре Серебряного века: Михаил Кузмин : учеб. пособие. Новосибирск : НГПУ, 2006.
9. Богомолов Н.А. Литературная репутация и эпоха // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин : статьи и материалы. М. : Новое литературное обозрение, 1995. С. 57–66.
10. Волошин М.А. «Александрийские песни» Кузмина // Русь. 1906. № 83. 22 дек.
11. Панова Л.Г. Русский Египет: Александрийская поэтика Михаила Кузмина : в 2 кн. М. : Водолей; Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. С. 334–348.
12. Кузмин М.А. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2000.
13. Митрохин Дм. Среди волн поэзии: (Сборник «Корабли») // Утро. 1907. № 75. 18 марта. С. 1.
14. Малмстад Дж.Э. Бани, проституты и секс-клуб: Восприятие «Крыльев» М. Кузмина / пер. с англ. А.В. Курт // Эротизм без берегов : сб. ст. материалов / сост. М.М. Павлова. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 122–144.
15. Новополин [Нейфельд] Г.С. Порнографический элемент в русской литературе. СПб., 1909.
16. Бухов А. Критические штрихи. Казань, 1909.
17. Б.п. [Гумилев Н.С.] [Рец. на:] М. Кузмин. Осенние озера // Гиперборей. 1912. № 1. С. 29–30.
18. Соловьев С.М. [Рец. на:] М. Кузмин. Сети. Книгоиздательство «Скорпион». Москва. 1908. Ц. 1 р. 50 к. // Весы. 1908. № 5. Июнь. С. 64.
19. Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Л. : Academia, 1928.
20. Кузмин М.А., Чичерин Г.В. Из переписки // Кузмин М.А. Стихотворения. Из переписки / сост., подг. текста и примеч. Н.А. Богомолова. М. : Прогресс-Плеяда, 2006.
21. Блок А.А. Письма о поэзии. 3. «Сети» Кузмина // Собрание сочинений : в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 289–295.
22. Гвоздев А. Литературная летопись // Северные записки. 1915. № 5–6. С. 135–140.
23. Кузмин М.А. Письма В.В. Руслову / публ. и комм. Н.А. Богомолова // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин : статьи и материалы. М. : Новое литературное обозрение, 1995. С. 200–215.
24. Эренбург И.М. Кузмин («Сети». М. 1908 г., «Куранты любви». М. 1910 г.) // Голос Сибири (Иркутск). 1911. № 74. 30 марта. С. 2.
25. Бернер Н. О Кузмине по книгам стихов «Сети» и «Осенние озера» // Жатва. М., 1913. Кн. IV. С. 341–342.
26. Ховин В. [Рец. на:] Осенние озера // Новая жизнь. 1912. № 10. Стлб. 259–260.
27. Кузмин М.А. Бабушка Маргарита // Кузмин М.А. Проза : в 9 т. / ред. и прим. В. Маркова, Ф. Штольца. Berkeley : Berkeley Slavic Specialties, 1987. Т. VII. С. 5–13.
28. Кузмин М.А. Проза и эссеистика : в 3 т. Т. 3. Эссеистика. Критика / сост. и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. М. : Аграф, 2000.
29. Тиняков А. [Рец. на:] М. Кузмин. Военные рассказы // Ежемесячный журнал. 1915. № 8. С. 158.
30. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М. : Сов. писатель, 1990.
31. Б. Б-ев. [Белый А.] [Рец. на:] М. Кузмин «Приключения Эме Лебефа». С.-Петербург, 1907 г. «Три пьесы». 1907 года. Отпечатаны «Вольной типографией» // Перевал. 1907. № 10. С. 51–52.
32. Денисов В. О новом искусстве демократической России // День. 1917. № 9. 15 марта. С. 1–2.
33. Кузмин М.А. Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. М. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999 («Новая библиотека поэта»).
34. Б.п. Герой революции // Синий журнал. 1917. № 16. Май. С. 7.
35. Селезев Л. Михаил Кузмин и Владимир Маяковский // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 66–87.
36. Боброев С. [Рец. на:] М. Кузмин. Эхо. Стихи // Печать и революция. 1921. № 3. С. 274.
37. Голлербах Э. Радостный путник (О творчестве М. Кузмина) // Книга и революция. 1922. № 3 (15). С. 42–45.
38. Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин. М. : Молодая гвардия, 2013. («Жизнь замечательных людей»).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июня 2020 г.

Mikhail Kuzmin's Literary Reputation: Canon, Reception, Strategy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 51–59.

DOI: 10.17223/15617793/458/6

Aleksandra S. Pakhomova, University of Tartu (Tartu, Estonia). E-mail: alexandrit_94@mail.ru / aleks.pakhomova@gmail.com

Keywords: Mikhail Kuzmin; literary reputation; Russian Revolution.

Based on the vast critical literature of the beginning of the 20th century, this article analyzes the dynamics of Mikhail Kuzmin's literary reputation from the beginning of his literary activities in the mid-1900s until the 1920s. To analyze the trends in Kuzmin's literary reputation, two categories were distinguished: *literary reputation*, which includes the entire perception of the author's works, and *writing strategy*, which can be described as a set of the author's actions aimed at making a certain literary image. In the literary reputation, an area of *canon*, a term essential for understanding Kuzmin's works, was singled out; it stands for a system of ratings fixed at the beginning of Kuzmin's career and transmitted throughout his creative life. This canon included the images of the "ancient Egyptian", "homosexual", "recluse". Kuzmin himself maintained this ambiguous reputation, presenting it in his works and public behavior. Until the mid-1910s, the author's strategy supported his literary reputation, which allowed Kuzmin to achieve fame in a short time. However, since 1912, Kuzmin gradually abandoned his image because his interests moved towards comprehension of contemporaneity, avant-garde poetics, simpler language and plots inspired by actual events. All Kuzmin's works of the second half of the 1910s are marked by his desire for simplicity; however, the line of the "canon" was still transmitted in criticism. Kuzmin's poems on the 1917 revolution (such as "Russkaya Revolyutsiya", "Volynskiy Polk", etc.) were strongly criticized because they contradicted the canonical model of perception. Parodies and critical articles of 1917 show that Kuzmin's reputation was in decline by 1917. They also demonstrate that Kuzmin was not able to build a new reputation by this time: he was still perceived as an "ancient Egyptian" and "homosexual". By 1917, the author's strategy and the perception of his works completely diverged, which led to a misunderstanding of Kuzmin's post-revolutionary works and his gradual disintegration from the then contemporary literary process. The study allows considering the literary reputation of Kuzmin as a process of interaction of several forces: the author projects certain public and creative image of himself that the critic supports or does not support. The overlap of Kuzmin's ambitions and critical perception leads to the creation of an integral image, brings fame and recognition to the writer. On the other hand, the formed image is insensitive to the occurring changes and interferes with the perception and understanding of Kuzmin's further works.

REFERENCES

1. Leshkova, O.I. (1990) Pis'ma k I.M. Zdanevichu [Letters to I.M. Zdanevich]. In: Marzadurit, M., Rizzi, D. & Evzlin, M. (eds) *Russkiy literaturnyy avangard: Materialy i issledovaniya* [Russian Literary Avant-Garde: Materials and Studies]. University of Trento. pp. 33–108.
2. Perkhin, V.V. (2002) Soyuz deyatel'nykh iskusstva i ego literaturnaya kuriya (1917–1918 gg.): Iz khroniki sobyitiy [The Union of Artists and Its Literary Curia (1917–1918): From the Chronicle of Events]. In: Muromskiy, V. (ed.) *Iz istorii literaturnykh ob"edineniy Petrograda-Leningrada 1910–1930-kh godov: Issledovaniya i materialy: [v 2 kn.]* [From the History of the Literary Associations of Petrograd-Leningrad in 1910s–1930s: Studies and Materials: [In 2 Books]]. Book 2. Saint Petersburg: Nauka. pp. 47–124.
3. Krusanov, A.V. (2003) *Russkiy avangard 1907–1932. Istoricheskiy obzor: v 3 t.* [Russian Avant-Garde 1907–1932. A Historical Review: In 3 Vols]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; Gornon. pp. 8–29.
4. Dol' [Tiger, D.N.]. (1917) Samoopredelivshiesya (Istoriya noveysikh metamorfoz) [The self-determined (History of the latest metamorphoses)]. *Zhurnal zhurnalov*. 20–21. p. 13.
5. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvol' vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 g.* [Symbols of Power and the Struggle for Power: Toward a Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. Saint Petersburg: Liki Rossii.
6. Markov, V.F. (1977) Poeziya Mikhaila Kuzmina [Poetry of Mikhail Kuzmin]. In: Kuzmin, M.A. *Sobranie stikhov: [v 3 t.]* [Collection of Poems: [In 3 Vols]]. Vol. 3. Munich: Wilhelm Fink. pp. 321–426.
7. Lavrov, A.V. & Timenchik, R.D. (1990) "Milye starye miry i gryadushchiy vek": Shtrikhi k portretu M. Kuzmina ["Good old worlds and the coming century": Strokes for the portrait of M. Kuzmin]. In: Kuzmin, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad: Khudozh. lit. pp. 3–16.
8. Kornienko, S.Yu. (2006) *Samoidentifikatsiya v kul'ture Serebryanogo veka: Mikhail Kuzmin* [Self-Identification in the Culture of the Silver Age: Mikhail Kuzmin]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
9. Bogomolov, N.A. (1995) *Mikhail Kuzmin: stat'i i materialy* [Mikhail Kuzmin: Articles and Materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 57–66.
10. Voloshin, M.A. (1906) "Aleksandriyskie pesni" Kuzmina ["Alexandrian Songs" by Kuzmin]. *Rus'*. 83. 22 December.
11. Panova, L.G. (2006) *Russkiy Egipt: Aleksandriyskaya poetika Mikhaila Kuzmina: v 2 kn.* [Russian Egypt: The Alexandrian Poetics of Mikhail Kuzmin: In 2 Vols]. Moscow: Vodoley; Publishers; Progress-Pleyada. pp. 334–348.
12. Kuzmin, M.A. (2000) *Dnevnik 1905–1907* [Diary of 1905–1907]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
13. Mitrokhin, Dm. (1907) Sredi voln poezii: (Sbornik "Korabli") [Among the waves of poetry: (Collection "Ships")]. *Utro*. 75. 18 March. p. 1.
14. Malmstad, J.E. (2004) Bathhouses, Hustlers, and a Sex Club: The Reception of Mikhail Kuzmin's Wings. Translated from English by A.V. Kurt. In: Pavlova, M.M. (ed.) *Erotizm bez beregov: sb. st. i materialov* [Eroticism without banks: A Collection of Articles and Materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 122–144.
15. Novopolin [Neyfel'd], G.S. (1909) *Pornograficheskiy element v russkoy literature* [The Pornographic Element in Russian Literature]. Saint Petersburg: Knizhnyy sklad M.M. Stasyulevicha.
16. Bukhov, A. (1909) *Kriticheskie shtrikhi* [Critical Strokes]. Kazan: Molodye sily.
17. Anon. [Gumilev, N.S.] (1912) [Rets. na:] M. Kuzmin. Osennie ozera [[Review on:] M. Kuzmin. Autumn lakes]. *Giperborey*. 1. pp. 29–30.
18. Solov'ev, S.M. (1908) [Rets. na:] M. Kuzmin. Seti. Knigoizdatel'stvo "Skorpion". Moskva. 1908. Ts. 1 r. 50 k. [[Review on:] M. Kuzmin. Nets. Scorpion publishing house. Moscow. 1908. Price: 1.50 rub.]. *Vesy*. 5. June. p. 64.
19. Zhirmunskiy, V.M. (1928) *Voprosy teorii literatury* [Issues of the Theory of Literature]. Leningrad: Academia.
20. Kuzmin, M.A. & Chicherin, G.V. (2006) Iz perepiski [From correspondence]. In: Kuzmin, M.A. *Stikhotvoreniya. Iz perepiski* [Poems. From Correspondence]. Moscow: Progress-Pleyada.
21. Blok, A.A. (1962) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: In 8 Volumes]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. pp. 289–295.
22. Gvozdev, A. (1915) Literaturnaya letopis' [Literary chronicle]. *Severnye zapiski*. 5–6. pp. 135–140.
23. Kuzmin, M.A. (1995) Pis'ma V.V. Ruslovu [Letters to V.V. Ruslov]. In: Bogomolov, N.A. *Mikhail Kuzmin: stat'i i materialy* [Mikhail Kuzmin: Articles and Materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 200–215.
24. Erenburg, I.M. (1911) Kuzmin ("Seti"). M. 1908 g., "Kuranty lyubvi". M. 1910 g. [Kuzmin ("Nets". M., 1908; "Chimes of Love". M., 1910)]. *Golos Sibiri*. 74. 30 March. p. 2.
25. Berner, N. (1913) O Kuzmine po knigam stikhov "Seti" i "Osennie ozera" [On Kuzmin by his books of poetry "Nets" and "Autumn Lakes"]. *Zhatva*. IV. pp. 341–342.
26. Khovin, V. (1912) [Rets. na:] Osennie ozera [[Review on:] Autumn lakes]. *Novaya zhizn'*. 10. Columns 259–260.
27. Kuzmin, M.A. (1987) *Proza: v 9 t.* [Prose: In 9 vols]. Vol. 7. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties. pp. 5–13.
28. Kuzmin, M.A. (2000) *Proza i esseistika: v 3 t.* [Prose and Essays: In 3 Volumes]. Vol. 3. Moscow: Agraf.
29. Tinyakov, A. (1915) [Rets. na:] M. Kuzmin. Voennye rasskazy [[Review on:] M. Kuzmin. War Stories]. *Ezhemesyachnyy zhurnal*. 8. p. 158.
30. Bryusov, V.Ya. (1990) *Sredi stikhov: 1894–1924: Manifesty, stat'i, retsenzii* [Among the Poems: 1894–1924: Manifestos, Articles, Reviews]. Moscow: Sov. pisatel'.

31. B-ev, B. [Belyy, A.] (1907) [Rets. na:] M. Kuzmin "Priklucheniya Eme Lebefa". S.-Peterburg, 1907 g. "Tri p'esy". 1907 goda. Otpechatany "Vol'noy tipografey" [[Review on:] M. Kuzmin "The Adventures of Aimé Leboeuf". St. Petersburg, 1907. "Three Plays". 1907. Printed by the Free Printing House]. *Pereval*. 10. pp. 51–52.
32. Denisov, V. (1917) O novom iskusstve demokraticeskoy Rossii [On the new art of democratic Russia]. *Den'*. 9. 15 March. pp. 1–2.
33. Kuzmin, M.A. (1999) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Akademicheskii proekt.
34. *Siniy zhurnal*. (1917) Geroy revolyutsii [Hero of the Revolution]. 16. May. pp. 7.
35. Seleznev, L. (1989) Mikhail Kuzmin i Vladimir Mayakovsky [Mikhail Kuzmin and Vladimir Mayakovsky]. *Voprosy literatury*. 11. pp. 66–87.
36. Bobrov, S. (1921) [Rets. na:] M. Kuzmin. Ekho. Stikhi [[Review on:] M. Kuzmin. Echo. Poems]. *Pechat' i revolyutsiya*. 3. pp. 274.
37. Gollerbakh, E. (1922) Radostnyy putnik (O tvorchestve M. Kuzmina) [A joyful traveler (On the works of M. Kuzmin)]. *Kniga i revolyutsiya*. 3 (15). pp. 42–45.
38. Bogomolov, N.A. & Malmstad, J.E. (2013) *Mikhail Kuzmin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Received: 29 June 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)+8

С.Л. Бурмистров

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ ПАРАЛЛЕЛИ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ЯЗЫКА: ГУМБОЛЬДТ, ЭМЕРСОН, БХАРТРИХАРИ

Рассматриваются выдвинутая В. фон Гумбольдтом концепция языка как порождения естественной потребности человека и учение Р.У. Эмерсона о языке и поэзии как проявлении Сверхдуши. Они восходят к античному пониманию природы поэзии как деятельности, побуждаемой сверхъестественной силой. Констатируется, что аналогичным было учение древнеиндийского мыслителя Бхартрихари (V в.) о Брахмане как вечной Речи, благодаря которой существует Вселенная.

Ключевые слова: романтизм; адвайта-веданта; философия языка; механизмы поэтического творчества; шаманизм.

В философской компаративистике существует одна проблема, до сих пор исследовавшаяся недостаточно, но заслуживающая внимания, – проблема понимания языка в философских системах, порожденных разными культурами. Язык как инстанция, в значительной мере (хотя и не всецело) определяющая наше мировоззрение, не может игнорироваться ни в какой философской системе. Тема языка никогда не выпадала из внимания философов, и сравнение их подходов к анализу языка и пониманию его природы, даже если брать только системы, возникшие в одной и той же цивилизации, может дать интересные результаты. Тем более интересно будет сравнить взгляды на природу языка в тех философских учениях, которые принадлежат к разным цивилизациям, что поможет прояснить до известной степени не только истоки лингвистики, но и корни самой философии.

Естественно, не пытаясь объять необъятное, мы возьмем для исследования лишь две великих философских цивилизации – Индию и современный Запад (под которым здесь будет пониматься западная цивилизация с XVIII в. и до наших дней), а в них – веданту в Индии и европейский и американский романтизм на Западе.

Западная цивилизация XVIII в. интересна среди прочего тем, что именно там и именно в эту эпоху началось развитие сравнительно-исторического языкознания, давшего богатейшие и интереснейшие результаты. Однако надо учитывать, что развитие это происходило в определенном культурном контексте, характеризовавшемся, в частности, представлением о «духе народа», который не имеет никаких прямых проявлений, кроме языка. Язык, таким образом, представлялся как инстанция, через которую «народный дух» являет себя миру и которая выступает порождающей средой для других форм культуры – политических структур, экономических механизмов, религиозных представлений, социальных отношений и пр. Выразителем этих воззрений был виднейший немецкий лингвист В. фон Гумбольдт. В одной из своих статей он писал: «Большая часть обстоятельств, сопровождающих жизнь нации, – места обитания, климат, религия, государственное устройство, нравы и обычаи, – от самой нации могут быть в известной степени отделены, возможно, они могут быть обособлены. И только одно явление совсем иной природы – дыхание,

сама душа нации – язык – возникает одновременно с ней. Работа его протекает в определенно очерченном круге, и рассматриваем мы его как деятельность или как продукт деятельности» [1. С. 303]. Гумбольдт указывает здесь, что язык – это и деятельность, речевая активность, в среде которой и кристаллизуются постепенно речевые нормы, и результат этой деятельности – система правил сопряжения слов, лексика, нормы употребления языка. Это разграничение речевой деятельности и языка как формализованного комплекса лексических единиц и правил их употребления представляет собой одно из крупных открытий лингвистики.

Однако еще важнее то, что Гумбольдт указывает на язык как на нечто, присущее народу по природе, неотделимое от него и выражающее такие его черты, которые делают этот народ уникальным и составляют то, что метафорически можно назвать «духом народа». Такое представление о языке было радикальной новацией в западной философской и лингвистической мысли, ибо до того язык понимался главным образом как средство описания реальности или выражения собственных переживаний человека, но и в том, и в другом случае в языке видели лишь комплекс чистых означающих, которые не имеют органической связи ни друг с другом, ни с теми реалиями, которые обозначаются средствами языка. Так, например, понимался язык некоторыми средневековыми грамматистами (Бозций Дакийский и его единомышленники, XIII–XIV вв.), для которых основа грамматики лежала за пределами самого языка и зависела от структуры реальности и законов мышления [2. С. 17]. У Гумбольдта же язык представляет собой не только средство обозначения каких-то реалий, не имеющее никакой собственной структуры и в идеале повторяющее структуру описываемой реальности, но и самостоятельную реальность, относительно независимую от того мира, который должен, в принципе, отражаться в языке, так что сами языковые структуры становятся здесь до известной степени замкнутыми на себя. Само возникновение языка в этой концепции становится не столько результатом стремления человека адекватно и точно описывать реальность, сколько выражением того, что сам Гумбольдт называет несколько неопределенно «человеческой природой»: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык –

не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением» [3. С. 51]. Формирование языка отвечает не «внешней» потребности, связанной с необходимостью овладения внешним миром, природным или социальным, а «внутренней», обусловленной некими неясными, не всегда до конца осознаваемыми самим человеком влечениями, стремлениями, инстинктами, которые не зависят от него самого и представляют собой проявление человеческого естества – того естества, которое позднее стало объектом исследования сначала в психоанализе Фрейда, а затем в этологии и социобиологии.

Потребность в речевой деятельности столь же глубока, сколь и другие биологические потребности человека, и неверно было бы считать, что ни один инстинкт не только не реализуется, но даже не пробудится, пока живое существо не столкнется с предметом, способным стать объектом этого инстинкта. В действительности инстинкт представляет собой влечение, относительно независимое от своих возможных объектов, и может быть реализован даже с неподходящим объектом, если нет других, более приемлемых. В этом смысле язык, если рассматривать его через призму концепции Гумбольдта, выступает именно как инстинкт.

Следует подчеркнуть два момента, ключевых для данного контекста. Во-первых, исток языка лежит в бессознательном, и язык поэтому – не инструмент, который может быть легко отделен от того, кто его использует, а часть нашей же собственной личности. Язык не может быть даже мысленно отделен от процессов, происходящих в сознании [4. Р. 29]. Во-вторых же, формирование языка – это динамический процесс, движущие силы которого находятся в самой личности. Этот пристальный интерес к бессознательному стал проявляться в немецкой философии уже с Лейбница. При этом бессознательные компоненты мышления оказываются шире языка, который выступает только как одно из средств реализации внесознательных компонентов психики в поведении [5. С. 354]. Язык выступает здесь лишь средством, при помощи которого вербализуется все то, что существует в психике и требует себе выхода – в полном соответствии с динамической моделью психики, которая нашла свое наиболее полное воплощение в психоаналитической концепции Фрейда. В этом суть «энергетической» концепции языка у Гумбольдта: язык представляет собой осуществление тех глубинных возможностей и потребностей духа, о которых сам человек может даже не знать, но которые при этом являются причиной формирования языка, причем оно мыслится здесь как творческий акт [6. С. 119].

Своими исследованиями Гумбольдт, по существу, заложил основы для пересмотра взглядов на природу языка, в которых теперь можно было увидеть отражение определенного рода этнической психологии [7. С. 7]. Этот пересмотр был осуществлен, как известно, Штейнталем, который попытался подвести под иссле-

дование языка почву строгой эмпирической психологии [8. С. 300]. Однако, помимо этого, в воззрениях Гумбольдта был фактически поставлен вопрос о том, в каких формах проявляется в человеческой деятельности сам язык и какие из них ближе всего стоят к тому, что можно условно назвать «народным духом». Естественно, с одной стороны, подлинное выражение народного духа было усмотрено в фольклоре и поэзии. У братьев Гримм, мировоззрение которых складывалось под мощным влиянием ранних романтиков, народное творчество понималось как одно из проявлений особого – мифологического взгляда на мир, и лишь миф смог стать той почвой, на которой произросли не только эпическая поэзия, но и самый обычный простонародный фольклор [9. С. 112–113].

С другой стороны, авторское, индивидуальное творчество тоже имеет свои движущие силы, и фрейдовская концепция, в соответствии с которой художник, побуждаемый не находящими естественного удовлетворения биологическими влечениями, создает свои творения, представляет собой вполне очевидную переработку воззрений Гумбольдта и братьев Гримм – с тем существенным отличием, что у Фрейда на место в высшей степени неопределенного «народного духа» ставятся совершенно определенные биологические потребности. В этих концепциях между индивидуальным и народным творчеством перекидывается своего рода мостик: поэтическое творчество в любом случае имеет своей движущей силой некое влечение, которое сам человек далеко не всегда осознает в достаточной степени, но которому он подчиняется тем больше, чем меньше оно им осознано. Все концепции художественного творчества можно разместить между двумя полюсами: на одном располагаются воззрения, в которых искусство понимается как чистое подражание реальности, на другом – взгляды на художественное творчество как на реализацию психологических особенностей человека [10. С. 38–39]. Естественно, взгляды романтиков окажутся в этой схеме возле второго полюса, и здесь можно спорить только о том, что понимать под словом «человек», – исключительно индивида, который творит, побуждаемый собственными невротами (по Фрейду), или человека как известный социальный тип, сформировавшийся в определенных исторических и природных условиях и отразивший особенности своего психологического облика в народном творчестве.

На том же полюсе находится и творчество другого крупного представителя западного романтизма – Ральфа Эмерсона, который, хотя и вырос в специфической культурной среде США, был, тем не менее, ярким, но вполне типичным выразителем романтических воззрений. Одно из центральных понятий философских взглядов Ральфа Эмерсона – *self-reliance*, переводят его обычно несколько неточно как «доверие к себе», хотя в действительности оно означает не только доверие, но и умение полагаться на себя и только на себя, не ожидая помощи извне и прислушиваясь к своим подлинным стремлениям.

В этой концепции одна из самых трудных задач – суметь отделить свои истинные влечения от тех, которые навязаны обществом и стали частью твоей собственной личности. «Мы без внимания упускаем

мысли, потому что они наши; когда же встретим их в творениях гения, они нас поражают величию своей простоты. И вот наилучший урок, который преподают нам образцовые произведения первостатейных мастеров: они научают нас оставаться спокойно и непреклонно верными нашему воодушевлению, хотя бы оспаривал его крик всей вселенной. Не далее как завтра первый встречный станет вменять вам то, что вы передумали, перечувствовали; а вам придется со стыдом принять из вторых рук собственные ваши помыслы» [11. С. 65]. Self-reliance предполагает, что человек должен услышать, образно говоря, голос собственной души, что и даст ему возможность поистине познать себя, но при этом само это познание приведет его, как ни парадоксально, и к успеху в обществе [11. С. 67].

Суть такого отношения к голосу собственной души – в доверии не только себе, но и той природе, которая говорит в нас и которую мы слышим порой как голос интуиции. Не следует, говорит Эмерсон, сопротивляться природе – она все равно возьмет свое, тем способом или другим. «Всюду в практической жизни столь же очевидно превосходство природы над волею. Наши преднамерения управляют событиями гораздо менее, чем мы думаем. Мы приписываем Цезарю или Наполеону и тайные замыслы, и глубоко обдуманные и выдержанные планы, тогда как вся сила была не в них, а в природе» [11. С. 153]. Хорошо видно в этих словах то мировоззрение, которое в несколько иной форме выражалось и европейскими романтиками: в человеке и в природе господствует одна и та же сила, которая представляет собой и главный (а возможно, и единственный) движитель истории, и источник поэтического вдохновения, и задача наша – суметь услышать ее, воспринять и последовать ее велениям.

Однако в философии Эмерсона есть одна деталь, выделяющая его среди других романтиков. «Есть руководитель для каждого из нас, и, прислушиваясь внимательно, мы различим слова, касающиеся именно одних нас» [11. С. 156], – пишет он. Иными словами, эта сила у него приобретает четко индивидуализированный характер. Здесь нет уже речи о каких-то единых для всех людей велениях природы, влечениях, потребностях и тому подобного – если биологические потребности еще можно считать одинаковыми, то этого уже нельзя сказать о той роли, которую играет человек в обществе и во Вселенной. Каждому в той Вселенной, которая очерчена в философии Эмерсона, отведена своя особая роль, и человек должен выполнять ее со всей возможной серьезностью, а для этого и необходимо умение вслушиваться в себя, self-reliance. Природа, о которой говорит американский философ, – это Over-soul, Сверхдуша, частью которой является каждый человек и голос которой он и слышит в собственной душе [12. Р. 195]. При этом, однако, несмотря на явно религиозный характер Сверхдуши, нельзя отождествлять ее с привычным образом христианского бога: она не отделена, как он, от мира, и сам мир, по существу, отождествляется с нею. Сама Вселенная понимается Эмерсоном как некое *одушевленное* целое и все, что происходит в мире, происходит по воле Сверхдуши. Естественно, это касается и того, что происходит в душе отдельного человека.

Внутри человека, пишет Эмерсон, живет душа того целого, частью которого он является [12. Р. 196]. К сожалению, из самого текста неясно, как американский философ понимает отношения между Сверхдушой и индивидуальной душой и проводит ли различия, как это делается во многих системах индийской философии, между эмпирической личностью и истинным Я. Однако сам тот факт, что между вселенской душой и отдельным человеком устанавливаются принципиально иные, чем в классическом христианстве, отношения, более близкие к пантеизму, чем к естественному для христианства четкому и полному разделению божественного и человеческого, говорит о многом.

Говорит это, в частности, и о тех интеллектуальных контактах, которые связывали американский романтизм – и в особенности трансцендентализм Эмерсона – с индийской культурой. Она была уже до некоторой степени известна на Западе к тем временам, и сам Эмерсон воспринял кое-что из выработанных в ней представлений. Известно, например, его короткое стихотворение «Брахма» (1857), основная идея которого заключается в том, что не существует на самом деле различия между тенью и светом, между тем, кто действует, и тем, кто подвергается воздействию, – все различия относительны и, более того, дополняют друг друга [13. Р. 116]. На первый взгляд, в этом стихотворении выражена вполне «индийская» идея, провозглашенная еще в Бхагавадгите: нет на самом деле ни того, кто убивает, ни того, кого убивают, – они все есть только божество. Показательно в этом смысле, что даже начинается оно с таких слов: «If the red slayer thinks he slays, / Or if the slain thinks he is slain, / They know not well the subtle ways / I keep, and pass, and turn again» [13. Р. 116]. Они совершенно явственно отсылают к известному фрагменту «Бхагавадгиты», в котором Кришна побуждает Арджуну идти в бой, говоря, что все его противники, хоть и кажутся живыми, уже убиты в сознании бога, и Арджуна сыграет здесь роль только орудия божьей воли. Все это свидетельствует о том, насколько хорошо (для своего времени, конечно) знал Эмерсон индийскую культуру [13. Р. 115–116]. В этом стихотворении, завершающемся словами «Find me, and turn thy back on heaven», выражен, по существу, призыв бога к человеку: человек должен услышать божество в себе и вернуться к божеству, отвернувшись от суетного мира [13. Р. 121].

Однако вряд ли можно видеть в этом стихотворении (да и вообще во всем творчестве романтиков) столь глубокое и сильное влияние индийской культуры, чтобы говорить о каких бы то ни было заимствованиях из нее или о рецепции западной культурой индийских философских или религиозных взглядов. То, что пишет здесь Эмерсон, ближе не к мировоззрению «Бхагавадгиты», а к философии Гегеля с его учением о единстве и борьбе противоположностей или к распространенному в Европе тех времен поэтическому взгляду на мир как на сон. В свой ранний период творчества Гегель в своей неоконченной работе «Дух христианства и его судьба» рассматривает Христа как фигуру, в которой личные склонности естественным образом слиты с общественными обязанностями.

«Для Гегеля задача заключается в возвышении единичного до всеобщего, в снятии двух этих противоположностей через их слияние» [14. С. 31]. Иными словами, Эмерсон, используя заимствованные из восточных культур представления (насколько они вообще были известны и *понятны* западной культуре – а степень этой понятности не стоит преувеличивать), говорил все-таки о проблемах, беспокоивших именно западное и конкретно – американское общество со свойственной ему исключительной ролью религии в социальной и духовной жизни.

Отношения Сверхдуши и отдельного человека, как сказано выше, у Эмерсона существенно иные, чем отношения бога и человека в христианстве. Его неслучайно называют порой пантеистом: «не будучи последовательным пантеистом, Эмерсон близко подошел к идее тождества природного и божественного» [15. С. 20], и с этими воззрениями связаны и его взгляды на поэтическое творчество.

Поэт для Эмерсона – это человек, с особенной чуткостью прислушивающийся к голосу Сверхдуши и способный облечь ее веления в понятные другим людям слова. Он – посредник между божеством и человечеством, он – проповедник и духовный вожь, роль которого – не только чисто эстетическая, но и этическая [15. С. 40–41]. Невозможно не увидеть здесь близкого сходства со взглядами Гумбольдта на природу языка: в обоих случаях человеком движет некая превосходящая его сила, которая при этом не отделена от него, а пребывает в нем же самом как его часть, и в творчестве своем, будь то создание художественных произведений или чисто языковое творчество, он не свободен и лишь реализует то, что предписывает ему «народный дух» или Сверхдуша. Разумеется, степень этой несвободы не так велика: человек не является только пассивным орудием превосходящих его сил, – однако в той или иной степени (и поэт – в гораздо большей, чем обычный человек) каждый из нас, согласно этим представлениям, выражает то, чего требуют от нас эти силы.

Сама физическая реальность приобретает у Эмерсона знаковый характер. Люди, настроенные мистически, склонные видеть в происходящих вокруг них событиях признаки действия загадочных и не подвластных их воле сил, с иронией говорит американский мыслитель, не понимая, что сама по себе материальная реальность является системой знаков, отсылающих нас к тому, что не может быть познано обычными научными методами. Все, что происходит с человеком, оказывается результатом деятельности нашей же собственной души – деятельности, которая недоступна нашему сознанию и не может быть без специальных усилий и особого дара, коим наделены поэты или ученые, вербализована и тем самым предъявлена сознанию [16. Р. 182]. Этот взгляд, развитый затем в приближенных к научным формам в классическом психоанализе Фрейда и его последователей, предполагает, что в нашей душе есть множество влечений, не осознающихся нами, однако, несмотря на это – и, может быть, именно благодаря этому, – оказывающих на нашу деятельность подчас неодолимое влияние. Но для того чтобы осознать его, человек

должен измениться сам – отодвинуть на второй план то, что делает его отдельной личностью, членом семьи, гражданином страны, и осознать себя как *человека вообще*; именно в этом состоит величие великих людей [16. Р. 188]. Такое изменение себя дает человеку способность видеть за каждым природным фактом его трансцендентное значение [15. С. 47].

Если попытаться выделить кратко основные черты учения Эмерсона об искусстве и религии, то перед нами предстанет такая картина. Миром управляет некая вселенская душа, голос которой мы все слышим у себя в душе, но у большинства из нас он заглушается суетой обыденности, и только поэт способен в большей, чем обычные люди, мере расслышать этот голос и сделать его внятным для всех. При этом он гораздо менее самостоятелен, чем принято считать, в своем творчестве: он не может говорить все, что вздумается, и вынужден говорить лишь то, что велит ему звучащий в его душе голос. Он, иными словами, оказывается лишь пассивным передатчиком того, что пытается сказать нам всем Сверхдуша. Естественно, о слепом и пассивном подражании природе, как она явлена обыденному сознанию, здесь не может быть речи, ибо с такой точки зрения она окажется не системой знаков трансцендентного, а множеством разрозненных предметов и процессов, связанных друг с другом лишь эмпирически устанавливаемыми закономерностями, не отсылающими нас ни к чему, что лежало бы за пределами природной данности. Поэт отражает природу не такой, какой она явлена восприятию обычного человека, а такой, какова она «на самом деле». Иначе говоря, само восприятие реальности у поэта и простого человека различно. Аналогичные взгляды можно увидеть и в трудах Гумбольдта. Высшая из задач искусства в его концепции – утверждение идеала художественными средствами. «Не идеализированная абстракция, а живой, яркий образ выступает в искусстве как носитель идеала» [17. С. 19].

Однако при всех несомненных различиях между этими концепциями в них есть одна общая черта – творчество в них понимается как проявление некоего влечения, которое коренится в неосознаваемых глубинах личности и которому человек не сопротивляется, ибо вся его деятельность есть осуществление этого подсознательного влечения. Такие же влечения движут человеком и у Шиллера, согласно которому *Sinnentrieb*, *Formtrieb* и *Spieltrieb* в известном соотношении и балансе друг с другом определяют сознательную жизнь человека [18. С. 146–147]. Сходные воззрения высказывались в Европе и раньше – еще в середине XVIII в. И.Г. Гаман говорил о поэтическом характере языка. «В основе философской концепции и философии языка Гамана лежит эмоционально-интуитивное, поэтическое и иррациональное начало. При этом следует учитывать, что развиваемая Гаманом идея поэтического характера языка опирается не на язык поэтов, а на язык народа (национальный язык), который, с точки зрения Гамана, поэтичен в своих истоках и по своей природе. Следовательно, понятие поэтического по отношению к языку совпадает у Гамана с понятием народного» [19. С. 9].

С такой точки зрения поэт оказывается совершенно особой фигурой: он, если говорить словами Эмерсона, слышит голос Сверхдуши, его слух и его разум отличаются такой чувствительностью, что он способен воспринять реальность, лежащую в основе нашего повседневного мира, который только благодаря ей и существует. Даже самый обыденный язык представляет собой до известной степени поэтическое творение, ибо он тоже, как и авторская поэзия или народное творчество, есть проявление «духа народа» – бессознательной силы или влечения (*Trieb*), которому человек не только не может сопротивляться, но которое он не может даже в полной мере осознать, и осознание это дано лишь поэтам.

В древней Индии мы не найдем таких философских течений, которые были бы столь явственно сходными с европейским романтизмом. Однако при более глубоком рассмотрении некоторых систем индийской мысли – не только философской, но и лингвистической, которая получила в древней Индии развитие, сделавшее ее беспрецедентным явлением в истории мировой культуры, – мы обнаружим там воззрения, сходство которых, пусть и не столь явное, с романтическими взглядами на язык и поэтическое творчество, вполне возможно, не является случайным.

Развитие древнеиндийской грамматики было связано с необходимостью решения сугубо ритуалистических задач – правильного понимания слов *шрути* (т.е. Вед и упанишад; санскр. śruti «услышанное») и максимально точного их воспроизведения, ибо малейшая ошибка в произнесении ведийских гимнов, от которых зависел сам мировой порядок, поддерживаемый исполнением ритуалов, могла грозить самыми катастрофическими последствиями. В дискуссиях между представителями разных школ *вьякараны* (vyākaraṇa, индийская грамматика) обсуждались вопросы этимологии слов, природы слова как такового; в частности, одним из дискуссионных был вопрос о том, что представляют собой Веды – множество отдельных слов, соединенных друг с другом по известным грамматическим правилам, или же одно, единое Слово, которое только для удобства запоминания и воспроизведения разделяется нами на отдельные слова [20. С. 73]. Исключительное внимание индийских грамматистов (и отнюдь не только грамматистов) к слову священных текстов было обусловлено, естественно, спецификой понимания природы *шрути* в индийской культуре.

Все это, естественно, делало жизненно необходимым понимание природы языка. Одним из крупнейших мыслителей Индии, в концепции которого вопросы языка играли центральную роль, был Бхартрихари (Bhartṛhari, V в.). В отличие от большинства индийских грамматистов, рассматривавших язык как систему знаков для обозначения объективно существующих и не зависящих от слов вещей, которые познаются посредством чувственного восприятия, этот философ именно и прежде всего в словах видел основу познания [21. С. 276]. Непосредственный контакт органов чувств и их объектов (indriya-artha-sannikarṣa) бесполезен, если нет слова, которое могло бы обозначать объекты и формировать над ними бо-

лее или менее абстрактные понятия, которыми можно было бы оперировать, не прибегая, подобно героям Дж. Свифта, к необходимости манипулировать материальными предметами, чтобы донести до собеседника свою мысль.

Однако в концепции Бхартрихари для нас сейчас важно не столько это, сколько его взгляды на природу языка. Если представители школы ньяя полагали, что языку можно научить и дети узнают слова и способы оперирования ими от старших, то у Бхартрихари обучение – только внешний импульс, который подталкивает человека к раскрытию в самом себе изначального Слова, врожденного всем живым существам [21. С. 277]. В принципе можно допустить, что таким толчком может стать что угодно и необязательно для этого обучать человека именно языку – языковая способность может быть раскрыта любым другим способом.

Иными словами, и здесь, как и в романтизме, мы видим представление о реальном языке как о проявлении некой силы (*śakti*), заложенной в нас изначально и так или иначе находящей для себя способы реализации. При этом следует учесть, что Бхартрихари, как и другие представители индийской грамматической традиции, говоря о слове (*śabda*), еще не различали вполне четко речь и язык. То, на что было направлено их внимание, было *священной Речью Вед*, ибо Веды, как известно, передавались только изустно и были записаны только в XII в. Это была вечно звучащая Речь – та, благодаря которой существует сама Вселенная, та, которая говорит о себе в Ригведе (X, 125, 7): «Я рождаю отца на вершине этого (мира). / Мое лоно в водах, в океане. / Оттуда расхожусь я по всем существам / И касаюсь теменем того неба» [22. С. 283]. Речь отождествляется у Бхартрихари с Брахманом – безличной основой мира, реальной причиной существования Вселенной, которая, согласно адвайтаведанте (к коей учение этого философа довольно близко), существует лишь иллюзорно, ибо в действительности нет ничего, кроме Брахмана. Несколько иначе смотрит на мир Бхартрихари: в его концепции «абсолютным первоначалом мира является единое, неделимое и вечное Слово (*śabda*), неотличимое от единого, неделимого и вечного Брахмана – чистого недифференцированного сознания» [21. С. 277–278].

При этом интерпретации учения Бхартрихари у разных исследователей несколько различаются. Так, Н.В. Исаева пишет: «Брахман предстает здесь как “сущность слова” (*śabda-tattva*), а это может означать и гипотетическое “изначальное слово”, стоящее у истоков вселенной, и некий существенный, “корневой” смысл, глубоко упрятанный внутри каждого произносимого слова. Брахман ясно определен здесь как нечто, от чего “развертывается мир” (*prakṛiṃ jagato yataḥ*), а такая установка обычно предполагает некое реальное действие, реальное развитие, – подобное, скажем, развертыванию “пракрити” (*prakṛti*, т.е. природы, первоматерии в учении санкхьи). В то же время здесь сказано, что Брахман лишь “проявляется” (*vivartate*) через объекты вселенной, стало быть, он, по сути, лишь облекается в некую “кажимость” (*vivarta*), которую трудно представить себе в терминах реального творения. Иными словами, Брахман

находит себе “выражение” в каких-то не вполне реальных вещах и явлениях феноменального мира (положение, которое скорее ассоциируется с позднейшей адвайта-ведантой Шанкары)» [23. С. 49].

Иначе говоря, единственной реальностью остается Брахман, и он един и неделим, т.е. единственно реальна, едина и неделима священная Речь, которая лишь осуществляется в виде нашего относительно реального эмпирического мира. С другой стороны, В.Г. Лысенко понимает учение этого философа иначе – здесь Брахман оказывается уже не единым, ибо в нем содержатся потенции (*śakti*) реальных вещей. «Брахман Бхартрихари, в отличие от шанкаровского Брахмана “без качеств” (Ниргуна Брахман), оказывается опорой, или субстратом различных сил (*bhinna-śakti-vyuparāga*), из чего можно заключить, что последние вполне реальны и, более того, что именно благодаря им, а не магической силе иллюзии (*māyā*), как у Шанкары, единый Брахман не только кажется, но и в *какой-то степени* является раздробленным и многоликим <...> Высшая реальность “по Шанкаре” лишена всех характеристик (*nirguṇa*), вневременна и внепространственна, это абсолют, пребывающий в вечности как монолитная глыба. Без ядра и периферии, неделимая никакими возможными способами, она не содержит в себе самой абсолютно ничего, что несло бы ответственность за игру *майи*, источника множественности и изменчивости мира, ведь сила *майи* – не от Брахмана. Брахман же Бхартрихари – никакой не монолит, в нем содержатся вполне реальные потенции-силы – *шакти*, ответственные за то состояние раздробленности и многообразия, в котором мы застаем как окружающий нас мир, так и наши собственные сознание и язык. Брахман содержит как в своих *шакти*, так и в их множественных проявлениях» [21. С. 278–279].

Однако, какую бы интерпретацию мы ни избрали, в любом случае видно, что реальность эмпирического мира радикально ставится под вопрос и в основу мира полагается нечто такое, что не зависит ни от каких причин (*svabhāva*, самосущее), представляет собой высшую религиозную ценность и, наконец, является причиной и движущей силой всего, что происходит в нашей Вселенной, включая и наши собственные душевные движения. В этой концепции даже значение слова не фиксировано – оно не дано объективно как нечто, что зависело бы от обозначаемых вещей, и конструируется каждый раз в каждой новой коммуникативной ситуации, т.е. определяется контекстом [21. С. 282]. Значение, иными словами, представляет собой результат собственной работы индивидуального сознания, использующего данное слово в данной конкретной ситуации.

Языковая реальность у Бхартрихари представляет собой бесконечное множество потенций (*śakti*), из которых реализуется лишь часть. «Если “внутреннее” Слово-реальность – это находящийся в постоянном бурлении океан, то эмпирическое слово подобно магнетической вспышке, выхватывающей из потока лишь случайные статические конфигурации потенций-сил, или иначе, эмпирическое слово – это искусственные “перерывы постепенности”, насильно навязанная дис-

кретная форма континуального, статическая форма динамического» [21. С. 284]. Языковые структуры статичны и не в состоянии отразить истинную реальность, которую в принципе невозможно скольконибудь полно отразить в языке именно в силу его статичности.

Однако здесь уже можно говорить о различении Речи и языка у Бхартрихари, – разумеется, совершенно не таком, которое мы встречаем в трудах Гумбольдта и других европейских авторов. Речь здесь тождественна Брахману и имеет сакральный характер, язык же – это всего лишь система знаков, выделяющих отдельные *śakti* Речи и формирующих некие относительно устойчивые структуры. Но, тем не менее, всякий языковой знак отсылает адресата именно к Речи как единственной истинной реальности. Тот процесс, благодаря которому сознанию раскрывается то, к чему отсылает знак, у Бхартрихари получил название *sphoṭa*. Семантическое поле глагола *sphuṭ* – «лопнуть с шумом, рассыпаться, разлиться, раскрыться, появиться, возникнуть» [24. С. 759] – указывает на суть этого понятия: *sphoṭa* – это, по существу, внезапное раскрытие смысла слова перед адресатом. *Sphoṭa* – это мгновенная вспышка понимания, которая возникает не потому, что адресат сообщения воспринял его смысл, а потому, что нечто в его собственном сознании отозвалось на соответствующие звуки и породило некоторый образ перед его умственным взором: так, если мы слышим (или видим написанным) слово «кошка», смысл его становится для нас очевидным автоматически, благодаря тому, что сознание само конструирует образ кошки. Это мгновенное извлечение образа из недр сознания при восприятии того или иного набора звуков и есть *sphoṭa*. Смысл здесь не дан извне, а порожден самим же сознанием, которое, будучи по природе, подобно всей остальной реальности, проявлением Брахмана, содержит в себе поэтому всю полноту сущего. Поскольку мое *я* тождественно по природе абсолютному *Я*, то во мне, в моем же собственном сознании скрыты те же *śakti*, которые Бхартрихари видит и в Брахмане. Поэтому даже само изучение грамматики оказывается у него средством постижения Брахмана: *tad vyākaraṇam āgamyā para brahmādhigamyate* – «этот высший Брахман достигается [посредством изучения] грамматики» [25. Р. 4].

Вся материальная реальность порождена ведийским стихом: *chandobhya eva prathamam etadviśvaṁ vyāvartate* [25. Р. 27], – поэтому от него, от его правильного произнесения зависит, в конечном итоге, все сущее, а значит, и обычная речь. «Общая картина мира, предложенная Бхартрихари, выглядит так. На вершине пирамиды, в высшей ее точке (там, куда Шанкара позднее поставит высший Брахман, лишенный свойств (*nirguṇa-brahma*), у Бхартрихари помещается Брахман – внутренняя сущность слова (*śabda-tattva*, или, как это затем будет названо в грамматической философии, *śabda-brahma*), или Речь (*vāk*). При чем это Слово, этот Язык по сути своей предстает в виде “пульсации”, или “вспышки” (*sphoṭa*), “вибрации” (*spanda*), энергетической волны (*kampa*), изначально заключая в себе бутоны свернутых “сил” (*śakti*) и возможностей. Брахман Шанкары творить не

может, ибо он есть чистое сознание, могущее лишь созерцать, смотреть изнутри. Что же до Брахмана Бхартрихари, то он распухает, напрягаясь изнутри собственными потенциями, “семенами” (bīja) вещей и смыслов. Этот Брахман сохраняется вечно как постоянно возобновляемая сеть значений и импульсов, как энергетическое поле, непрерывно порождающее все те же структуры и очертания сущего» [23. С. 69–70]. Но здесь не следует забывать об основном положении адвайта-веданты – положении о тождестве Атмана (истинного индивидуального Я) и Брахмана (высшего Я). Применительно к философии Бхартрихари это означает, что истинное Я каждого индивида имеет ту же самую природу, что и Брахман, т.е. оно есть вечно звучащая Речь, благодаря которой существует Вселенная.

Эта концепция коренится в одном из основных компонентов древнеиндийской культуры – в ведийской ритуалистике и, шире, в понимании сущности поэтического слова в культуре древней Индии. Ведийские *риши* (ṛṣi, авторы ведийских гимнов), согласно древнеиндийским представлениям о природе Вед, не сами придумывали то, что стало потом содержанием *шрути*, – они благодаря своему divya-śrotra (божественному слуху) слышали эту вечную Речь и перелагали ее в ту форму, которая была более доступна слуху обычных, не обладавших этой чудесной способностью людей. Поэтический дар не воспринимался в эту эпоху как некая специальная способность, обособленная от других сил и способностей человека и ничего не меняющая в объективной реальности (так, как понимаем поэзию мы сейчас), – напротив, в нем видели силу, способную реально и порой очень радикально менять мир, и недаром поэтому в ведийской ритуалистике так важно было максимально точно произносить все ритуальные формулы и исполнять все гимны.

Поэтическое искусство (kāvyā) еще в ведийскую эпоху понималось как, можно сказать, космогоническая сила. Богов в Ригведе довольно часто называют kavī («поэт»), причем «понятие *кави*, приложенное к богам, соотносится с их творческим даром более широкого плана, с их космогоническими деяниями, чудесными подвигами, утверждением универсального закона-истины *рита* (ṛta), магическим умением и мудростью» [26. С. 88]. Индре kāvyā необходима для убийства демонов Вритры, Валы и Шушны и освобождения солнца, вод, коров; Савитар исполняет все свои божественные функции тоже именно как kavī; Сому называют «kavī небес» [26. С. 88–89]. Иными словами, понятие kavī, имея в качестве семантического ядра понятие поэта, все же значительно шире и сложнее, ибо сам поэт в древней Индии, перефразируя известное выражение, значительно больше, чем поэт, – это еще и творец, человек, одним своим словом способный повлиять не только на других людей, но и на природу, – тот, от кого зависит сам вселенский порядок (ṛta), в соответствии с коим восходит и заходит солнце, сменяют друг друга времена года и т.п. Индийские kavī сопоставимы с ирландскими филидами или скандинавскими скальдами: все они воспринимались как носители магического знания, дарующего

им способность повелевать силами природы и проникать в будущее [26. С. 93]. Платон говорит о поэтах: «Не мудростью могут они творить то, что они творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям» [27. С. 75]. Поэт и в индийской культуре, и в античной, и в других воспринимается как носитель особого дара, в высшей степени сходного с даром шамана. Следует также обратить внимание и на этимологию самого слова kavī: оно связано, в частности, со славянским корнем -kov- «ковать, выковывать», так что kavī Ригведы выступает в роли своего рода «кузнеца священного знания», и нельзя не заметить при этом, насколько тесной была связь магии и ремесла кузнеца в представлениях очень многих народов мира, даже не связанных друг с другом каким-либо родством [26. С. 93–94].

Об исключительном значении поэтического слова в представлениях индоевропейских народов говорит, например, такой своеобразный феномен ирландской культуры, как *glam dicenn*, «песнь поношения», дававшая большую власть *file* – поэтам. «Их хвалебная песнь утверждала, а песнь поношения низвергала и даже физически безобразила то или иное лицо. Песни поношения были страшным оружием филидов: спев их, филид “рушил” честь своей жертвы <...> Очевидно, филид мог и “напеть” на воды, леса и долины, чтобы сделать их бесплодными» [28. С. 224]. На этих способностях построены сюжеты целого ряда ирландских сказаний, и аналогичную картину видим мы в античной Греции и древней Индии. В греческой культуре песнь никогда не бывает ценностно-нейтральной – это всегда либо восхваление, либо поношение, и она не просто сообщает, например, о подвиге героя – она прославляет его и закрепляет его в памяти потомков [29. С. 42]. В ведийских гимнах при этом есть одна важная особенность – они «нередко обнаруживают присутствие глубокого и, вероятно, вполне сознательного параллелизма между творением мира (а миф о победе Индры над хтоническим Вритрой, несомненно, миф творения нового, упорядоченного, открытого, динамично-интенсивного мира) и творением текста об этом самом творении мира. И в том, что в подавляющем большинстве версий “основного” мифа этот миф расчленяется на мотивы и даже на составные их части, кажется, следует видеть осуществление указанного выше принципа в рамках текста, который выстраивается из расчлененных на части, перемешанных и разбросанных частей мифа, пока он не становится новым и усиленным целым текста, к созданию которого – как бы по индукции – подключается и творческое сознание тех, кто воспринимает этот текст» [29. С. 74–75]. Творение текста понимается как творение мира, и это магическое мировосприятие, в котором различие между словом и вещью зыбко и относительно, вполне проявляется в культуре ведийских арьев, у которых, как говорилось выше, от правильного произнесения священных гимнов зависит сам вселенский порядок.

О многом говорит представление о поэтах, высказанное Платоном. У него поэт становится таковым не по собственной воле, а потому, что он одержим музой или гением, который и повелевает ему говорить то,

что угодно сверхъестественному существу. Обращения к музе, в современной поэзии представляющие собой не более чем формулу речи, в древности были вполне реальными молитвами к божеству, от которого зависел дар поэта. В этом смысле поэт, отнюдь не свободный в своем даре, и в самом деле был близок к фигуре шамана. В последнем случае человек тоже не свободен выбирать, быть ему шаманом или нет, и даже обучение этому искусству – дело не старших шаманов, а духов. «Как утверждают нанайцы, будущий шаман всегда был в таком состоянии, что оознанно воспринимать что-либо во время обряда посвящения, т.е. обучаться, не мог. Поэтому обряд посвящения шамана нанайцы не воспринимали как обучение нового шамана. По этому поводу всегда говорили, что шамана обучают только духи» [30. С. 132].

Насколько человек волен выбирать, быть ли ему поэтом? Это, собственно, зависит от того, с каким божеством он имеет дело, какая муза и какой гений явились к нему, чтобы через него передать людям знания. Духи или музы вмешиваются в жизнь человека, порождают в нем шаманскую болезнь или «священное безумие» поэта, однако они, в отличие от Слова Бхартрихари или Сверхдуши Эмерсона, выступают как силы, совершенно самостоятельные по отношению к тем людям, которыми овладевают, в то время как Слово или Сверхдуша составляют самую суть человеческой личности.

Однако более примечательно здесь сходство между ними. Первая очевидная деталь, которая объединяет такие, казалось бы, разнородные культурные феномены, как западный романтизм, философия Бхартрихари и поэзия ирландских филидов, – это мироустроительная сила слова. У индийского философа Śabda-Brahman – это сила, не просто организующая мир из какого-то наличного материала (из хаоса), но целиком творящая его и в этом смысле представляющая собой мироустроительную силу как таковую, высший предел мироустроительной способности. Позиции романтиков в этом отношении несколько различаются. У Эмерсона Сверхдуша – это тоже сила, творящая мир, однако она тождественна творимому ею миру, и деятельность Сверхдуши – это, в конечном счете, процесс разворачивания, реализации ею изначально присущих ей способностей, которые до того существовали в непроявленной форме. Гумбольдт осторожнее, он не говорит о Вселенной в целом, однако тот «дух народа», которым определяются все особенности языка этого народа, а через него – и другие черты его культуры, тоже, по существу, представляет собой силу, которая проявляет себя в известного рода организации культурной и социальной среды. «Дух народа» определяет, какими будут религиозные представления этого народа, экономические структуры, система родства, политическое устройство и прочее, т.е. он играет по отношению к социокультурной реальности ту же роль, которую у Эмерсона по отношению к природе играет Сверхдуша, а у Бхартрихари – Брахман как Священная Речь по отношению к эмпирическому миру. Культура и общество, природа, Вселенная – все это результат реализации потенций, изначально присущих той организующей силе, которая называется «духом народа»,

Сверхдушой или Брахманом. Такая же способность организовывать мир присуща и поэтическому слову в представлениях древних ирландцев или ведийских арьев: филид одной «песнью поношения» может сломать жизнь, а хвалебным гимном – исцелить и вознести; жрец ведийской эпохи, совершив жертвоприношение, – немислимое, естественно, без исполнения гимнов, – может даровать здоровье и благополучие, а может наслать болезни и бедствия. К сожалению, нам пока неизвестно, как воспринимали поэтическое творчество древние греки, и вопрос о том, видели ли они в нем ту же мироустроительную силу, остается пока открытым, но, во всяком случае, культура ирландцев и древнейшая античная культура сходны в том, что поэзия может прямо повлиять на социальный статус человека – ослабить или прославить, – только в древнеирландской культуре сила поэзии проявляется еще и на чисто физическом уровне. Мировоззрение ведийского арья в этом плане «масштабнее»: здесь от поэтического слова (kāvyā) зависит уже не только общество, но и сама Вселенная, и в этом к нему близок Эмерсон с его пантеизмом.

Другой момент, тоже явственно видный в этих мировоззренческих схемах, – это представление о речи как о силе, потенции, которая требует выхода и в конце концов проявляется – в виде эмпирического мира в «лингвистической веданте» Бхартрихари или как народ со всеми его характерными чертами у Гумбольдта. Здесь отношения человека, мира и речи оказываются довольно сложными. У немецкого романтика человек не волен не только как-либо сопротивляться этой силе, но в большинстве случаев даже осознать ее и осуществлять ее в своей речевой деятельности, которая ни для кого, кроме лингвистов и философов, никогда не становится предметом особенной рефлексии. Естественно, что физический мир у Гумбольдта остается за рамками теории. У индийского же философа Священная Речь оказывается поистине мироздающей силой, благодаря которой существует все сущее. Важно при этом, что у Гумбольдта «дух народа» не проявляется совершенно самостоятельно – в своих проявлениях он зависит от людей, носителей соответствующего языка, и может проявить себя только через них и их сознание. Вопрос о месте Брахмана у Бхартрихари остается открытым, однако невозможно сбросить со счетов тот факт, что Брахман лежит у него в основе всего сущего, а значит, и нашей собственной личности, а это означает, что проявляется он в том числе и через человеческую деятельность. В обоих случаях мы имеем дело с той силой, по отношению к которой в значительной мере уместна «гидравлическая» метафора, применяемая при описании концепции психической динамики Фрейда: у него неосознаваемые влечения давят на сознание, стремясь получить доступ к нему, и в конце концов прорываются в сознание – либо в виде вполне осознанных и контролируемых импульсов, либо в виде невротических симптомов, т.е. ведут себя так, как свойственно шаманским духам, которым, чтобы избавиться от симптомов шаманской болезни, человек вынужден подчиниться. Безусловно, здесь есть и существенная разница: биологические влечения можно контролировать и

не допускать их прямой реализации, тогда как шаман сопротивляться требованиям духов не может, – но все же видно, что в обоих случаях мы имеем дело с силой, пребывающей внутри психики и являющейся ее частью, которую, однако, человек не всегда может всецело легко контролировать.

Несколько мягче в этом смысле позиция Эмерсона. У него Сверхдуша не выступает по отношению к индивидуальному сознанию как непреодолимая сила и человек сам должен открыть ей путь к своему сознанию, что представляет собой довольно трудную задачу, ибо оно загрязнено расхожими мнениями, языковыми клише и мирской суетой, которые только заглушают голос божества. Поистине, нужно нечто вроде ведийского *divya-śrotra*, чтобы услышать Сверхдушу.

Очевидна, исходя из сказанного, связь поэтического слова с языком. У Гумбольдта язык представляет собой проявление «духа народа», которое оказывается наиболее полным именно в поэзии. Искусство менее всего представляет собой результат подражания природе: если есть сама природа, то совершенно незачем дублировать ее в произведениях искусства, которые в любом случае не будут точными копиями предметов и явлений природы. Сущность искусства – не в том, чтобы подражать природе, а в том, чтобы реализовывать силу поэтического воображения. «Даже непосредственно заимствуя свой предмет у природы, поэт заново порождает его своим воображением, и этим определяется облик, какой приобретает этот предмет, – облик, превосходящий его реальные свойства или отходящий от них. Ибо поэт стирает в нем черты, основанные на случайном, а все остальное приводит во взаимосвязь, при которой целое зависит лишь от самого себя; в предмете утверждается единство, но только не единство понятия, а исключительно единство формы, поскольку сила воображения способна образовать предмет лишь при двояком условии: во-первых, что он будет определяться самим собой, и, во-вторых, что он будет лишь формой. Если эту свою работу он производит успешно, то она выставляет, в конце концов, одни лишь чистые формы характеров, такие образцы, которые несут на себе отражение чистой, не искаженной отдельными переменчивыми обстоятельствами природы. Каждая форма несет на себе печать своеобразия, а таковое заключено лишь в форме и не может быть постигнуто иначе, как через посредство созерцания, а также не может быть выражено понятием» [31. С. 170]. Естественно, и язык тоже является, в конечном итоге, плодом поэтического творчества, как указывал, развивая идеи Гумбольдта, русский лингвист А.А. Потебня. Согласно его концепции, «поэзия предшествует всем остальным уже по тому одному, что первое слово есть поэзия» [32. С. 174].

Очевидны общие черты понимания природы языка в таких, казалось бы, радикально различных философских концепциях, как лингвистическая веданта Бхартрихари, романтизм Эмерсона и лингвофилософские воззрения Гумбольдта. Реальный разговорный язык представляется здесь как проявление силы, необходимо присущей человеку и проявляющей себя

в первую очередь в поэзии. Она представляет собой, по существу, мирозидательную деятельность, только у Гумбольдта это лишь мир культуры, у Бхартрихари – Вселенная как таковая, у Эмерсона же поэзия представляет собой одно из проявлений Сверхдуши – наряду с материальным миром, причем специфика поэтического слова состоит в том, что в нем яснее всего проступает воля *Over-soul*.

Столь же очевидны, думается, и причины этого сходства. Как указывал в цитированной выше работе В.Н. Топоров, гимнографическая традиция Индии и гимнография древней Греции имеют общие корни, восходящие к эпохе индоевропейского единства. Уже в те времена поэт воспринимался как личность, не вполне владеющая собой, ибо способность к поэтическому творчеству понималась как дар духов, богов – словом, сверхъестественных существ, которые овладевали человеком подобно шаманским духам, так, что он не мог уже им сопротивляться. Через поэта сверхъестественный мир обращался к людям, и поэтому поэтическое творчество воспринималось как творение не просто слов, но – через слова и посредством их – самого вселенского порядка. Бхартрихари в своей концепции, по существу, переосмыслил ведийскую ритуалистику, придав ведийской речи космический смысл: у него ведийское слово предстает как та непреодолимая сила, которая проявляется в виде и материального мира, и движений человеческой души, и, естественно, поэтического творчества, идеалом коего являются, естественно, гимны Вед как вечно звучащая Речь. Сказано в Ригведе (I, 164, 45): «На четыре четверти размерена речь. / Их знают брахманы, которые мудры. / Три тайно сложенные (четверти) они не пускают в ход. / На четвертой (четверти) речи говорят люди» [33. С. 205]. Обыденный язык, таким образом, оказывается лишь частью той истинной Речи, которая полностью ведома лишь мудрецам и которую Бхартрихари отождествляет с Брахманом – мирозидательной силой, проявлением которой является в том числе и душа человека со всеми ее стремлениями.

Эта же древнейшая традиция понимания поэзии, предполагающая восприятие поэзии как проявление не зависящих от человека сил, упорядочивающих мир, по-своему выявляется и у европейских романтиков. Только у Гумбольдта поэзия оказывается теснейшим образом связана с языком: язык представляет собой проявление «духа народа», т.е. силы, которой, как сказано выше, человек не может сопротивляться. Однако именно язык и задает поэту формы видения мира; можно сказать, что «грамматика» поэтического воображения – правила формирования и сочетания поэтических образов – задается здесь структурой языка, а эта последняя – особенностями конкретного «духа народа», и в этом случае, как видно из вышеприведенной цитаты, характеристики реального мира должны отступить на второй план перед требованиями поэтического воображения. Наконец, у Эмерсона тема языка *stricto sensu* не играет такой большой роли, как в других рассмотренных концепциях, однако у него важно то, что подлинная поэзия побуждает нас, как пишет он сам, стремиться к недостижимому: язык

бессилен ухватить его, однако именно в поэзии приближается к нему более всего [12. Р. 136, 198].

Естественно, западные романтики были знакомы с представлениями древних греков о языке и поэтическом творчестве; знали они, скорее всего, и о восприятии языка и поэзии и в других культурах. Однако сами античные взгляды на поэзию и язык уходят корнями в более древние культурные слои, восходящие, как только что было сказано, ко временам ин-

доевропейского единства и имеющие общие типологические черты с другими культурами. Эти представления в тех или иных формах – безусловно, различающихся, но, столь же безусловно, и имеющих множество общих черт – воспроизводились как в индийской, так и в западной культурах и нашли свое отражение в столь различных философских концепциях, как западный романтизм и лингвистическая веданта Бхартрихари.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Лаций и Эллада / пер. с нем. О.А. Гулыги // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / под ред. проф. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. С. 303–306.
2. Малявина Л.А. У истоков языкознания Нового времени (универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва»). М.: Наука, 1985.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / пер. с нем. А.А. Алексеевой и др. // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / под ред. проф. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. С. 37–298.
4. Manchester M.L. The Philosophical Foundations of Humboldt's Linguistic Doctrines. Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1985.
5. Гулыга А.В. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкая философская классика // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / под ред. проф. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000, с. 350–355.
6. Pötsch G. Humboldt und die Sprachwissenschaft // Wilhelm von Humboldt. 1767–1967. *Erbe – Gegenwart – Zukunft*. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1967. S. 101–125.
7. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. 2-е изд. М.: КомКнига, 2005.
8. Barba M. Die Humboldt-Rezeption Steinthals // Sprache, Mensch und Gesellschaft – Werk und Wirkungen von Wilhelm von Humboldt und Jacob und Wilhelm Grimm in Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von A. Spreu und W. Bondzio. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 1986. Teil 1. S. 293–302.
9. Ginschel G. Historisches und Romantisches bei Jacob Grimm // Jacob und Wilhelm Grimm als Sprachwissenschaftler. Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR; Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, 1985. S. 96–119.
10. Boström T. Über Dichtung und Wahrheit. Warum lügen die Dichter? // Sprache als lebendiger Kulturspiegel. Festschrift für Astrid Stedje. Hrsg. von M. Totenhaupt und I. Valfridsson. Umeå: Almqvist & Wiksell, 1994. S. 37–47.
11. Эмерсон Р. Нравственная философия. Минск; Москва: Харвест; АСТ, 2000.
12. Emerson R.W. Essays. New York: Books Inc., s. a.
13. Mclean A.M. Emerson's *Brahma* as an Expression of Brahman // The New England Quarterly. 1969. Vol. 42, № 1. P. 115–122.
14. Гулыга А.В. Гегель. М.: Мол. гвардия, 1970.
15. Осипова Э.Ф. Ральф Эмерсон и американский романтизм. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
16. Emerson R.W. Demonology // The North American Review. 1877. Vol. 124, № 255. P. 179–190.
17. Гулыга А.В. Философская антропология Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. Язык и философия культуры / под ред. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. С. 7–23.
18. Далмайр Ф. Прекрасная свобода: Шиллер об «эстетическом воспитании» человечества / пер. с англ. Д.Г. Лахути // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 138–155.
19. Варина В.Г. Проблемы философии языка в эпоху немецкого романтизма второй половины XVIII – первой половины XIX вв. М.: Изд-во Моск. гос. ин-та иностранных языков, 1987.
20. Шохин В.К. Брахманистская философия: Начальный и раннеклассический периоды. М.: Вост. лит., 1994.
21. Лысенко В.Г. Лингвистический монизм Бхартрихари // Историко-философский ежегодник – 2003. М.: Наука, 2004. С. 275–290.
22. Ригведа. Мандалы IX–X / пер. с санскр. Т.Я. Елизаренковой. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1999.
23. Исаева Н.В. Слово, творящее мир: От ранней веданты к кашмирскому шиваизму: Гаудапада, Бхартрихари, Абхинавагупта. М.: Ладомир, 1996.
24. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. 3-е изд. М.: Академический проект; Альма-Матер, 2005.
25. Bhartṛhari. The Vākyapadīya: Critical Text of Cantos I and II / Ed. and transl. by K. Raghavan Pillai. Delhi, Patna, Varanasi: Motilal Banarsidass, 1971.
26. Гринцер П.А. Поэт в Ригведе: kavi и kṛu // Всеволод Сергеевич Семенцов и российская индология / сост. В.К. Шохин. М.: Вост. лит., 2008. С. 83–103.
27. Платон. Апология Сократа / пер. М.С. Соловьева // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 70–96.
28. Лики Ирландии: Книга сказаний / пер., сост. и коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2001.
29. Топоров В.Н. Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. М.: РГГУ, 2012.
30. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы нижнего Амура). М.: Наука, 1991.
31. Гумбольдт В. Эстетические опыты. Первая часть. О «Германе и Доротее» Гёте / пер. с нем. А.В. Михайлова // Гумбольдт В. Язык и философия культуры / под ред. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. С. 167–174.
32. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007.
33. Ригведа. Мандалы I – IV / пер. с санскр. Т.Я. Елизаренковой. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1999.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 июля 2020 г.

On One Intercultural Parallel in the Philosophy of Language: Humboldt, Emerson, Bhartṛhari
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 60–71.
DOI: 10.17223/15617793/458/7

Sergey L. Burmistrov, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: SLBurmistrov@yandex.ru

Keywords: Romanticism; Advaita Vedānta; philosophy of language; nature of poetry; Shamanism.

The aim of the study was to reveal the cause of the noteworthy resemblance between Wilhelm von Humboldt's view of the nature of language, the conception of poetry in American Romanticism, and the philosophy of language in early Vedānta (Bhartṛhari, 5th

century AD) that demonstrates a non-accidental affinity of the views on the associations of language and poetry between Indian and Western cultures. Five tasks were set for solving the problem: (1) to reveal the basic principles of Humboldt's conception of language; (2) to explicate the basic traits of Ralf Emerson's views on the nature of poetry; (3) to discover their common source; (4) to reveal the fundamental principles of Bhartṛhari's conception of language; (5) to define the common cultural basis of these conceptions. The study was based on the works by Humboldt, Emerson, Plato, on Bhartṛhari's treatise *Vākyapadīya*, and on modern works on shamanism. The principal methods of the study were: (1) a hermeneutic method, presupposing that any term of a philosophical treatise is treated as an integral part of the conception explicated; (2) a comparative historical method based on the analysis of the context where a phenomenon of culture took place; and (3) a comparative philosophical method based on the explication and definition of fundamental concepts of theories in comparison, their origin, place of each concept in its system, and function of each system in the general cultural context. Humboldt treated language as a product of a human need for a semantic organization of the world. Language in his philosophy is a primary manifestation of *Volksgeist* (people's spirit) generating firstly the language specific for it, and the language forms the basis for any other aspects of culture. Emerson's *Over-Soul* also reveals itself as an inner need that must be verbalized to become conscious. Self-reliance is necessary for human to hear the inner voice of *Over-Soul*. The poet for Emerson is a person whose inner hearing is more acute than that of other people, and this allows him to hear the voice of *Over-Soul* more clearly and transform it to words that can be apprehended by common people. The poet in his creative activity can perform only the inspirations of *Over-Soul*. Both these theories go back to Ancient Greece with its peculiar interpretation of poetic works as induced not by the will of a poet himself, but by a supernatural power. Similar ideas were elaborated in ancient Indian philosophy. According to Bhartṛhari, Brahman is an eternal Sacred Speech that creates the world. Any real language is a partial and scanty form of this Sacred Speech audible only for prophets (*ṛṣi*) having a "supernatural ear" (*divya-śrotra*). The conclusion of the study is that Humboldt's and Emerson's conceptions go back to Ancient Greek view of poetry as inspired by a supernatural power that cannot be controlled consciously, and this view, together with Bhartṛhari's theory, has roots in the idea of the magical character of poetry, peculiar to ancient cultures.

REFERENCES

1. von Humboldt, W. (2000) Latsiy i Ellada [Latium and Hellas]. Translated from German by O.A. Gulygi. In: Ramishvili, G.V. (ed.) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. 2nd ed. Moscow: Progress. pp. 303–306.
2. Malyavina, L.A. (1985) *U istokov yazykoznaniiya Novogo vremeni (universal'naya grammatika F. Sanches "Minerva")* [At the Origins of Modern Linguistics (Minerva: A Universal Grammar by F. Sanchez)]. Moscow: Nauka.
3. von Humboldt, W. (2000) O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoye razvitiye chelovechestva [On Language: The Diversity of Human Language-Structure and Its Influence on the Mental Development of Mankind]. Translated from German by A.A. Alekseeva et al. In: Ramishvili, G.V. (ed.) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. 2nd ed. Moscow: Progress. pp. 37–298.
4. Manchester, M.L. (1985) *The Philosophical Foundations of Humboldt's Linguistic Doctrines*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Co.
5. Gulyga, A.V. (2000) Vil'gel'm fon Gumbol'dt i nemetskaya filosofskaya klassika [Wilhelm von Humboldt and the German philosophical classics]. In: Ramishvili, G.V. (ed.) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. 2nd ed. Moscow: Progress. pp. 350–355.
6. Pätsch, G. (1967) Humboldt und die Sprachwissenschaft. In: Hartke, W. & Maskolat, H. (Hrsg.) *Wilhelm von Humboldt. 1767–1967. Erbe – Gegenwart – Zukunft*. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag. pp. 101–125.
7. Kolshanskiy, G.V. (2005) *Logika i struktura yazyka* [The Logic and Structure of the Language]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
8. Barba, M. (1986) Die Humboldt-Rezeption Steinthals. In: Spreu, A. & Bondzio, W. (Hrsg.) *Sprache, Mensch und Gesellschaft – Werk und Wirkungen von Wilhelm von Humboldt und Jacob und Wilhelm Grimm in Vergangenheit und Gegenwart*. Teil 1. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. pp. 293–302.
9. Ginschel, G. (1985) Historisches und Romantisches bei Jacob Grimm. In: *Jacob und Wilhelm Grimm als Sprachwissenschaftler*. Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR; Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. pp. 96–119.
10. Boström, T. (1994) Über Dichtung und Wahrheit. Warum lügen die Dichter? In: Totenhaupt, M. & Valfridsson, I. (Hrsg.) *Sprache als lebendiger Kulturspiegel. Festschrift für Astrid Stedje*. Umeå: Almqvist & Wiksell. pp. 37–47.
11. Emerson, R.W. (2000) *Nravstvennaya filosofiya* [The Conduct of Life]. Minsk, Moscow: Kharvest; AST.
12. Emerson, R.W. (c. 1904) *Essays*. New York; Boston: Books Inc.
13. Mclean, A.M. (1969) Emerson's Brahma as an Expression of Brahman. *The New England Quarterly*. 42 (1). pp. 115–122.
14. Gulyga, A.V. (1970) *Gegel'* [Hegel]. Moscow: Mol. gvardiya.
15. Osipova, E.F. (2001) *Ral'f Emerson i amerikanskiy romantizm* [Ralph Emerson and American Romanticism]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
16. Emerson, R.W. (1877) Demonology. *The North American Review*. 124 (255). pp. 179–190.
17. Gulyga, A.V. (1985) Filosofskaya antropologiya Vil'gel'ma fon Gumbol'dta [Philosophical Anthropology of Wilhelm von Humboldt]. In: von Humboldt, W. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 7–23.
18. Dallmayr, F. (2006) Beautiful Freedom: Schiller on the 'Aesthetic Education' of Humanity. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 138–155. (In Russian).
19. Varina, V.G. (1987) *Problemy filosofii yazyka v epokhu nemetskogo romantizma vtoroy poloviny XVIII – pervoy poloviny XIX vv.* [Problems of Philosophy of Language in the Era of German Romanticism in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow: Moscow State Institute of Foreign Languages.
20. Shokhin, V.K. (1994) *Brāhmanistskaya filosofiya: Nachal'nyy i ranneklassicheskiy periody* [Brāhmanist Philosophy: The Beginning and Early Classical Periods]. Moscow: Vost. lit.
21. Lysenko, V.G. (2004) Lingvisticheskiy monizm Bkhartrikhari [Bhartṛhari's Linguistic Monism]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik – 2003* [Historical and Philosophical Yearbook–2003]. Moscow: Nauka. pp. 275–290.
22. Grintser, P.A. (ed.) (1999) *Rigveda. Mandaly IX–X* [The Rig Veda. Mandalas 9 and 10]. Translated from Sanskrit by T.Ya. Elizarenkova. 2nd ed., ispr. Moscow: Nauka.
23. Isaeva, N.V. (1996) *Slovo, tvoryashchee mir: Ot ranney vedanty k kashmirskomu shivaizmu: Gaudapada, Bkhartrikhari, Abhinavagupta* [The Word that Creates the World: From Early Vedanta to Kashmir Shaivism: Gaudapada, Bhartṛhari, Abhinavagupta]. Moscow: Ladomir.
24. Kochergina, V.A. (2005) *Sanskritsko-russkiy slovar'* [A Sanskrit-Russian Dictionary]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt; Al'ma-Mater.
25. Bhartṛhari. (1971) *The Vākyapadīya: Critical Text of Cantos I and II*. Translated by K. Raghavan Pillai. Delhi, Patna, Varanasi: Motilal Banarsidass.
26. Grintser, P.A. (2008) Poet v Rigvede: kavi i kāru [Poet in the Rig Veda: Kavi and kāru]. In: Shokhin, V.K. (ed.) *Vsevolod Sergeevich Sementsov i rossiyskaya indologiya* [Vsevolod Sergeevich Sementsov and Russian Indology]. Moscow: Vost. lit. pp. 83–103.
27. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy v 4-kh t.* [Collected Works in 4 vols]. Translated from Ancient Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 70–96.
28. Shabalov, S. (ed.) (2001) *Liki Irlandii: Kniga skazaniy* [Faces of Ireland: A Book of Legends]. Moscow; Saint Petersburg: Letniy sad.

29. Toporov, V.N. (2012) *Pindar i Rigveda: Gimny Pindara i vediyskie gimny kak osnova rekonstruktsii indoevropeyskoy gimnovoy traditsii* [Pindar and the Rig Veda: Pindar's Hymns and Vedic Hymns as the Basis for Reconstruction of the Indo-European Hymn Tradition]. Moscow: RSUH.
30. Smolyak, A. V. (1991) *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (narody nizhnego Amura)* [Shaman: Personality, Functions, Worldview (Peoples of the Lower Amur Region)]. Moscow: Nauka.
31. von Humboldt, W. (1985) *Esteticheskie opyty. Pervaya chast'. O "Germane i Dorotee" Gete* [Aesthetic experiences. Part 1. On "Hermann and Dorothea" by Goethe]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. In: Ramishvili, G.V. & Gulygi, A.V. (eds) *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 167–174.
32. Potebnya, A.A. (2007) *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Moscow: Labirint.
33. Grintser, P.A. (ed.) (1999) *Rigveda. Mandal'y I – IV* [The Rig Veda. Mandalas 1 to 4]. Translated from Sanskrit by T.Ya. Elizarenkova. 2nd ed. Moscow: Nauka.

Received: 15 July 2020

А.И. Желнин

БИО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СТАРЕНИЯ: АТАВИЗМ ИЛИ АДАПТАЦИЯ?

Рассматривается проблема фундаментального онтологического статуса старения. Несмотря на то что его часто рассматривают как сугубо контрбиологическую стратегию, в действительности оно имеет адаптивный смысл, будучи средством поддержания гомеостаза на надорганизменном уровне. Старение является частью комплексного процесса аутопозиса, когда живое динамично самовоспроизводит себя путем постоянной «пересборки», где выживание целого диалектически предполагает периодический распад и умирание частей.

Ключевые слова: жизнь, старение; самосохранение; смерть; гомеостаз; феноптоз; адаптация; аутопозис; витаукт.

Жизнь, будучи сложным явлением, имеет ряд лимитов. Они накладываются ее собственной фундаментальной сущностью, предполагающей как чисто физическую ограниченность в пространстве и времени, так и онтологическую ограниченность со стороны контрарных феноменов смерти и неживого как такового. Одним из ярких примеров такой лимитированности является процесс старения. Связанная с ним проблематика становится предельно актуальной в современную эпоху ввиду так называемого второго демографического перехода и постепенного глобального старения населения, причем не только в развитых, но уже и в развивающихся странах [1]. Бурное развитие наук о жизни и соответствующих биомедицинских технологий также во многом актуализирует его статус, ставя вопрос о его значении и возможностях преодоления. Наряду с традиционной геронтологией активно формируется междисциплинарная область *aging studies*, пытающаяся охватить данный феномен во всем многообразии его аспектов и проявлений.

Сущностью жизни общепризнанно считается самосохранение как процесс поддержания своих структуры и функций во времени. На это так или иначе направлены все атрибуты живого: рост, развитие, размножение, обмен веществ и т.д. К. Бернаром и У. Кэнноном также была разработана концепция гомеостаза как общей способности организма различными способами поддерживать постоянство внутренней среды и восстанавливать его после тех или иных воздействий.

Способом выживания и все более эффективного поддержания гомеостаза является выработка адаптаций, приспособлений как своего рода ответных реакций на внешние изменения. Организм находится при этом в двойственной ситуации, с одной стороны, сопротивляясь возмущениям среды, а с другой – подстраиваясь под нее. Таким образом, *жизнь представляет собой глубокое единство стабильности и неравновесности, изменчивости*: «Биологические системы являются неравновесными системами, находящимися в стационарном состоянии или стремящимися к стационарному состоянию» [2. С. 36].

Однако они являются онтологически неравноценными: гомеостаз воплощает собой саму сущность самосохранения, адаптация же является средством возратить утраченный гомеостаз или скорректировать

его параметры, «подогнав» их под новые условия. Гомеостаз, по словам К. Лоренца, есть регулирующий контур организма, изначально заточенный на поддержание *status quo*: «Если отвлечься от нежелательных явлений износа и старения, его структура в течение длительного времени остается неизменной» [3. С. 284].

Старение, постепенно разрушая гомеостаз организма изнутри, при первом приближении создает видимость абсолютно контрбиологической стратегии. Во многом такой точке зрения поспособствовала идея, что живое вынужденно сопротивляться действию некоторых базовых физико-химических законов. В первую очередь речь идет о втором начале термодинамики, направленном на рост энтропии в относительно закрытой системе. Э. Шредингер указал на это сопротивление, отмечая, что организм питается «отрицательной энтропией» (т.е. упорядоченностью), «как бы привлекая на себя ее поток, чтобы компенсировать этим увеличение энтропии, производимое им в процессе жизни, и таким образом поддерживать себя на постоянном и достаточно низком уровне энтропии» [4. С. 124]. Несмотря на давность этой мысли, она отнюдь не перестала быть популярной [5]. Нахождение организма вдали от состояния термодинамического равновесия само по себе является условием для жизненных процессов, но одновременно придает определенную хрупкость его существованию. *Старение в данном аспекте может быть понято как закономерное следствие ограниченной способности организма сопротивляться возрастанию энтропии, что ведет к ее медленному накоплению*. Это, по всей видимости, детерминировано асимметрией между законами физики и законами биологии: первые ввиду их всеобщности и фундаментальности являются более «мощными».

Ярким примером неполной способности организма сопротивляться дезорганизации является мутагенез. Современная биология до сих пор находится под влиянием открытий в генетике, рассматривая ДНК в качестве главной молекулы живого. Мутагенез является инвариантным процессом для функционирования наследственного аппарата, поэтому он может как вызываться различными физическими и химическими факторами, так и возникать совершенно спонтанно. Мутации, произошедшие в значимых участках генома, могут приводить к нарушениям синтеза белка и другим дефектам. Вместе с тем существует целая си-

стема механизмов репарации ДНК [6], которая противостоит мутагенезу и является средством поддержания гомеостаза на генетическом уровне. Более того, ввиду случайного характера большинство мутаций, по всей видимости, обладают нейтральным эффектом и слабо влияют на организм в целом. Другим примером тенденции живого «от порядка к хаосу» является метаболизм. В ходе биохимических реакций возникают побочные продукты, значительная часть из которых (активные формы кислорода, продукты гликирования белков и т.д.) обладает негативным действием. Оксидантный стресс, заключающийся в неизбежном повреждении молекулярных частей клетки свободными радикалами, является на сегодняшний день общепризнанным механизмом старения на клеточном уровне [7]. Накопление этих неизбежных повреждений является по сути химическим аналогом роста энтропии. Идея того, что побочные метаболиты биохимических реакций организма вносят решающий вклад в накопление повреждений, позволила некоторым авторам описать эту ситуацию как своего рода «борьбу между биологией и химией» и признать, что «тактическая» победа остается на стороне химии [8]. Между тем существует система антиоксидантной защиты, и накоплению поломок способствует не столько окислительный стресс сам по себе, сколько опять же нарушение баланса между ним и последней. *Идея рассогласования между биологией и химией как механизма старения является эвристичной, так как химический и собственно биологический уровни в организации живого подчиняются различным законам, однако попытка сведения старения к явлению чистого химизма была бы редукционистичной.*

Так как старение является свойством живого, то логично предположить, что должны существовать и специфические биологические его детерминанты. Закономерный характер старения приводит к мысли, что он может быть «запрограммированным» самой жизнью. Так, В.П. Скулачев по аналогии с клеточной смертью (апоптозом) сформулировал концепцию *феноптоза* как запрограммированной смерти организма [9], в рамках которой старение рассматривается как растянутый во времени, «медленный» вариант феноптоза. Так как ДНК является главной кодирующей молекулой живого, довольно вероятной выглядит гипотеза, что программа старения заложена генетически. Во многом этому способствовала теория А. Вейсмана, который жестко отграничивал бессмертную «зародышевую плазму» (наследственный материал) от смертной «сомы» (т.е. самого организма). Под предлогом критики ламаркистской идеи наследования приобретенных признаков он заложил основы крайнего геноцентризма [10. С. 362]. В данном аспекте тело, создаваясь в соответствии с алгоритмом генетической программы, оказывается для нее не более чем временным носителем, «вместилищем», который она же затем и разрушает. Эта позиция во многом воспроизводится Р. Докинзом в его известной концепции *эгоистичного гена*, где механизмом эволюции считается конкуренция и репликация генотипов, а фенотипы (сами организмы) оказываются только их «машинами для выживания» [11. С. 512]. Однако, несмотря на то что про-

должительность жизни и скорость старения отчасти несомненно детерминируются генетически, более вероятно существование не специфических генов старения, а генов, создающих предрасположенности для тех или иных его индивидуальных проявлений [12. С. 49–50]. Геном сам по себе не является метафизически «застывшей» субстанцией. Так, современная эпигенетика показывает, что гены постоянно меняют параметры своей активности (экспрессии) под влиянием состояния организма и окружающей среды. Данная интеракция позволила ввести понятие *эпигеном*, который представляет собой своеобразный «интерфейс между динамичной средой и фиксированным геномом» [13]. Именно поэтому в последнее время популярность приобретают эпигенетические теории старения, которые объясняют его не действием самих генов, а постепенным накоплением «поломок» в их регуляции и экспрессии (метилование ДНК, модификации белков-гистонов и т.д.) [14]. Именно эпигенетические механизмы могут приводить к снижению эффективности тех же систем защиты и репарации. Влиятельная концепция *аллостаза* также исходит из того, что под влиянием эпигенетических медиаторов стресса гомеостаз перерождается в свой дефектный вариант, аллостаз, и что старение во многом является следствием «аллостатической нагрузки», дезадаптивной «платой» за нее [15]. *Однако в этом случае «виновником» старения оказываются те же физико-химические факторы, которые нарушают функционирование генома, в то время как биологическая суть старения снова ускользает.*

По всей видимости, для прояснения биологического смысла старения его анализ должен быть вписан в эволюционную парадигму. Другими словами, старение нужно рассмотреть как в определенном смысле адаптацию. Вместе с тем возникает дилемма: любая адаптация обладает некоторой полезностью, выгодой, в то время как старение, являясь процессом инволюции организма, воплощает собой пример вреда. *Однако она разрешается, если принять во внимание, что реальной единицей эволюции является не ген и не организм, а популяция как целостная биосистема. Поэтому вполне совместимо, что ограниченная продолжительность жизни и старение являются адаптивным преимуществом для вида, в то же время выступая как недостаток для отдельного индивида* [16. Р. 26]. На наш взгляд, приемлемое объяснение старения как закономерного феноптоза возможно только при учете данной эволюционно-видовой перспективы. Так, апоптоз как клеточная смерть полностью раскрывает свой смысл только в контексте организма как сложного симбиотического «сообщества» клеток: отдельная клетка уничтожается, когда ее функционирование как части начинает мешать или даже угрожать целому. Также был открыт комплементарный ему феномен аутофагии, который заключается в том, что клетка уничтожает (буквально «переваривает») свои поврежденные или просто изношенные части и органеллы [17]. Таким образом, *старение и гибель отдельных элементов оказываются в биологии залогом выживания и самообновления целого, нарушение индивидуального гомеостаза – поддержания гомеоста-*

за в системе более высокого (коллективного) порядка. Еще Гегель указывал на диалектический характер смены поколений в процессе жизни, когда род воспроизводится через то, что «единичные индивиды снимают друг друга в свое безразличное, непосредственное существование и умирают в этом отрицательном единстве... в процессе рода обособленные единичности индивидуализированной жизни гибнут» [18. С. 827]. *В этом смысле старение конечно можно понимать как преддверие смерти, своего рода «отсроченную» смерть.*

Старение отдельных особей в популяции по всей видимости выполняет двуединую задачу. Во-первых, через смену поколений оно обеспечивает сам эволюционный процесс, сменяемость поколений и выработку новых адаптаций: «Органический мир сделал в этом направлении рывок: запрограммировав смерть организмов, т.е. поставив ее на поток, он канализировал передачу эволюционного материала от старых структур к новым. Взяв процессы деструктуризации под контроль, он включил их в рамки органической эволюции, необычайно ее этим ускорив» [19. С. 75]. Во-вторых, старение является механизмом регуляции численности популяции ввиду привязки последней к определенной экологической нише с ограниченным количеством ресурсов.

Существует целый ряд факторов контроля за численностью популяционного населения, которые делят на первичные (ультимативные) и вторичные (сигнальные), причем последние действуют косвенно и на коллективном уровне [20. С. 303]. Многие из вторичных факторов имеют эволюционный характер и связаны с изменением репродуктивного поведения. Недаром старение идет рука об руку с потерей способности к воспроизведению. Указывается на надындивидуальный адаптивный эффект этого: «Потеря репродуктивной способности ограждает будущие поколения от передачи нарушенной генетической информации, накапливающейся в половых клетках с возрастом. В этой сопряженности генетической и гуморальной перестройки – важный адаптивный механизм сохранения полноценности вида» [21. С.150–151]. Учитывая системное отрицательное влияние последнего на организм, можно предположить, что *старение отчасти является продуктом торможения размножения, однако не только с целью ограждения от передачи накопившихся мутаций и «вымывания» дефектных генов, но и для динамичной регуляции численности популяции и ее демографической структуры.*

Существует вариант объяснения этого, рассматривающий размножение (репликацию) как свойство, присущее уже сложным химическим системам [22]: в этом контексте собственно жизнь во многом представляет собой диалектическое отрицание химического, в том числе через специфические механизмы сдерживания и регуляции размножения с целью самосохранения. Размножение клеток в организме также подчинено коллективному контролю: «Их пролиферация ограничена отношениями с клетками других типов, контролируется гормональной и иммунной системами, что делает старение и естественную смерть атрибутами большинства многоклеточных

организмов» [22. С. 115]. Стоит вспомнить, что наиболее важные типы клеток (например, нейроны или кардиомиоциты) являются терминальными, т.е. не делятся вообще. Сбои в данной системе регуляции приводят к бесконтрольному делению клеток и раку: отличительными его признаками является не только пролиферация и метастазирование, но также сопротивление апоптозу и действию супрессоров роста, что вкуче приводит к своеобразному «репликативному бессмертию» опухоли [23]. По-видимому, в популяции организмов нарушение аналогичных механизмов (в том числе отмена старения и тем более смерти) также приведет к негативным последствиям, формированию своеобразной коллективной «опухоли», характеризующейся скученностью, недостатком ресурсов, агрессивным поведением особей и т.д. В случае же человеческого общества проблема «перенаселения», его наличия (или отсутствия), степени и последствий остается одной из самых дискуссионных не только в демографии, но и науке в целом.

Таким образом, старение может иметь не только «эндогенное» (с точки зрения организма как отдельно взятой системы), но и «экзогенное» (с точки зрения вида, экосистемы и в пределе биосферы) значение, причем в последнем случае оно несет адаптивный потенциал. Отдельного внимания заслуживает связь старения и болезней. Сущность и статус болезни концептуально пересматриваются: существует веское мнение, что и ее необходимо рассматривать через призму дарвиновской эволюционной парадигмы [24]. Так как болезни не вытесняются отбором, несмотря на свой негативный эффект для организма, то, вероятно, они тоже являются примером коллективной адаптации, давая преимущество сообществу через избирательное регулирование его численности. Недаром со старением ассоциирован целый ряд специфических заболеваний, связанных с возрастной дегенерацией тех или иных органов. Данная тесная связь приводит к популярной точке зрения, что старение и болезнь составляют единый континуум или даже что старение *per se* является своего рода болезнью [25]. Официальная позиция медицины меж тем остается таковой, что физиологическое (а не патологическое, например, преждевременное) старение является нормой. Однако еще И.И. Мечников высказал точку зрения, что старение человека в его нынешней форме само по себе является ненормальным (патологичным), так как порождено «дисгармониями» в человеческой природе и является не столько причиной болезней, сколько их следствием [26]. В любом случае *старение как минимум является predisposing фактором многих болезней, их сопутствующим и неотъемлемым «фоном».*

В контексте современного бурного прогресса биомедицинских технологий статус старения проблематизируется. Ввиду его вредного влияния на индивидуальное здоровье многие приходят к декларированию необходимости борьбы с ним. Так, В.П. Скулачев оценивает старение как устаревший «атавизм» и, в целом придерживаясь свободнорадикальной теории, полагает, что его можно «отменить» путем снижения продукции активных форм кислорода [27]. И.В. Ви-

шев ратует за развитие иммортологии как междисциплинарной науки о бессмертии и выражает мнение, что в будущем геронтологический этап ее становления (направленный на продление стадии старения) сменится ювенологическим (направленным на сохранение оптимальных параметров жизнедеятельности, свойственных молодости) [28]. Влиятельный геронтолог Орби ди Грей определяет старение как «смертоносную пандемическую болезнь» и характеризует свою позицию как «войну со старением», суть которой в том, чтобы «идентифицировать природу самоповреждения — накапливающиеся нарушения, которые являются источником ассоциированной с возрастом утраты функциональности в организме и затем либо обратить данное повреждение, либо элиминировать его угрозу нашему здоровью и продолжительности жизни» [29. Р. 78].

Вера в возможность преодоления старения в принципе базируется на общетехнократическом оптимизме. Так, задолго до современных ученых С. Лем писал: «Новая технология будет означать полную власть человека над самим собой, над собственным организмом, что в свою очередь сделает возможной реализацию таких извечных мечтаний человека, как жажда бессмертия, и, может быть, даже позволит обращать процессы, считающиеся ныне необратимыми (как, например, биологические процессы, в частности старение)» [30. С. 149].

Наиболее радикальную позицию занимают представители трансгуманизма, призывая к полному отделению человека от биологии [31]. Это наглядно демонстрирует, что технократизм легко принимает форму утопии: тотальная «дебиологизация» человека невозможна ни антропологически, ни онтологически. Многие теоретики поэтому отмежевываются от трансгуманизма, пытаясь говорить о борьбе со старением и смертью «с человеческим (а не постчеловеческим) лицом»: «Согласно смыслу трансгуманизма, эти решения адресуются трансчеловеку, постчеловеку и даже нечеловеку. Эта специфика часто вызывает сомнения и даже опасения, а в итоге — неприятие... победа над старением и смертью, а значит, достижение индивидуального бессмертия относится именно к современному человеку» [32. С. 43].

В то же время такой влиятельный трансгуманист, как Н. Бостром, критически обсуждает ряд этических проблем и рисков, могущих возникнуть в случае не только отмены смерти, но и просто значительного продления жизни [33]. *В любом случае, несмотря на то что идеи преодоления смерти и старения взаимосвязаны (как и они сами), они все же могут рассматриваться обособленно (например, преодоление старения и сохранение молодости без отмены смерти или наоборот).*

Вместе с тем даже в индивидуальном аспекте старение невозможно гипостазировать в качестве абсолютно вредного, дезадаптивного феномена. Так, В.В. Фролькис на базе своей адаптивно-регуляторной теории предположил, что должен существовать обратный старению процесс, который запускается под его влиянием и компенсирует его действие. Он назвал его *витауктом*: «Возрастное старение — внутренне

противоречивый процесс, который определяется соотношением старения и витаукта. Между этими двумя процессами существуют регуляторные связи, и многие проявления старения активируют механизмы витаукта... Разграничить адаптационные, приспособительные факторы от повреждающих, разрушающих бывает нелегко» [21. С. 32]. Исходя из этой диалектики, он считает, что для увеличения продолжительности жизни необходимо не столько ослабление старения, сколько усиление витаукта.

Действительно, жизнедеятельность организма представляет собой постоянное самообновление, основанное на цикле синтез–распад (анаболизм–катаболизм, ассимиляция–диссимиляция). Для подчеркивания активности этого процесса У. Матурана и Ф. Варела ввели понятие *аутопоэзис*, что буквально означает «самосоздание», «самотворение»: «Наиболее поразительная особенность аутопоэзной системы состоит в том, что она вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством собственной динамики» [34. С. 41]. Оно же тем оказывается неотделимо от постоянного самоуничтожения. В рамках старения происходит постепенный сдвиг чаши весов в сторону процессов распада. *Таким образом, магистралью решения проблемы может стать не прямая борьба со старением, а активизация регенеративных процессов, которые смогут его уравновесить и как можно дольше сохранить баланс.*

Наиболее перспективным на этом пути являются разработки в сфере стволовых клеток, которые позволяют перепрограммировать их в любой тип ткани и восполнить образовавшийся в ходе возрастной дегенерации дефицит [35]. Другим примером такой косвенной стратегии может быть оптимизация снижающегося с возрастом иммунного ответа [36]. Наконец, довольно перспективными кажутся исследования эффекта гормезиса. Последний, заключааясь в благотворном влиянии слабого стресса, по-своему подтверждает максиму Ф. Ницше «то, что нас не убивает, делает нас сильнее»: воздействие различных негативных факторов при условии их низкого уровня способно вызвать усиление защитной реакции, повышение адаптированности и, как следствие, рост продолжительности жизни и замедление старения [37].

Существование многочисленных процессов, препятствующих старению, доказывает, что оно как проявление недостаточности живого носит только относительный характер. Стоит ожидать, что дальнейший медицинский прогресс будет способствовать увеличению продолжительности жизни. Биологически магистраль заключается в выработке способов активизации протективных и регенеративных механизмов, что будет приводить к общему плавному отсрочиванию старости: отмечается, что главная задача «на фоне массового улучшения здоровья населения и увеличения числа живущих полноценной жизнью долгожителей — превращение максимальной продолжительности жизни человека (120 лет) в среднюю, а в дальнейшем — постепенное сдвигание момента перехода организма людей к старению за рамки нынешних сроков (35–40 лет) на более поздние хронологические периоды, что, если это

будет достигнуто, повлечет за собой удлинение периода человеческой молодости» [38. С. 53–54]. Разрабатывается концепт «успешного старения», который учитывает помимо чисто биологических и социокультурные аспекты старения, направлен на то, чтобы сгладить его негативные стороны и в целом гармонизировать отношение человека и общества с ним [39].

Вместе с тем некоторые новые исследования показывают, что внутривидовая конкуренция клеток в организме неизбежно приводит к старению даже чисто математически [40]. Это еще раз свидетельствует о невозможности полного «демонтажа» старения из жизни, в том числе человека. *Более того, буквальное его преодоление было бы контрпродуктивным, так как, повторимся, старение не сводится к физико-химическому процессу энтропийного «изнашивания», а имеет и специфически биологический (т.е. адаптивный) смысл. Последний заключается в том, что оно является одним из механизмов «тонкой» регуляции популяционного гомеостаза, сохранения вида как целого.*

Так как человеческое общество со своей природной стороны представляет собой сложную сеть популяций homo sapiens, то отмена или радикальная корректировка процесса старения может иметь масштабные дезадаптивные последствия демографического, эволюционного

и экономического характера, которые нуждаются в прогнозировании и тщательном анализе. *Старение является компонентом сложного автопоэтического процесса, в который наряду с механизмом поддержания жизни неизбежно «вмонтирован» и механизм умирания.*

Если уместно, опираясь на некоторые теории абиогенеза, определить первоначальное возникновение жизни как кооперативную «самосборку», то можно сказать, что ее последующее функционирование представляет собой постоянную «пересборку», предполагающую наряду с синтезом распад, с прогрессом – регресс. Данной общей логике подчинены и метаболизм, и прочие циклические процессы в организме, и надвидовая смена поколений.

Можно заключить, что старение в каком-то смысле является наиболее ярким примером «гераклитовской» идеи глубокого диалектического совпадения противоположностей жизни и смерти, в котором жизнь во многом самоотрицает себя, чтобы в конечном счете самосохраниться. В случае человека оно также служит явным напоминанием того, что природа с ее законами находится не только вне, но и внутри него самого, что его жизнь имеет неотчуждаемую биологическую основу, во многом испытывая детерминацию (в том числе лимитирующую) со стороны последней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kinsella K.G., Phillips D.R. Global aging: The challenge of success. Washington, DC : Population Reference Bureau, 2005. 42 p.
2. Галимов Е.М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. М. : Едиториал УРСС, 2001. 254 с.
3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М. : Республика, 1998. 393 с.
4. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М. : РИМИС, 2009. 170 с.
5. Pross A. What is life? how chemistry becomes biology. Oxford University Press, 2012. 224 p.
6. Friedberg E.C. et al. (ed.). DNA repair and mutagenesis. American Society for Microbiology Press, 2005. 1118 p.
7. Finkel T., Holbrook N.J. Oxidants, oxidative stress and the biology of ageing // Nature. 2000. Vol. 408, № 6809. P. 239–247.
8. Baynes J.W. From life to death—the struggle between chemistry and biology during aging: the Maillard reaction as an amplifier of genomic damage // Biogerontology. 2000. Vol. 1, № 3. P. 235–246.
9. Skulavhev V.P. What is «phenoptosis» and how to fight it? // Biochemistry (Moscow). 2012. Vol. 77, № 7. P. 689–706.
10. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину. М. : КомКнига, 2005. 520 с.
11. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ, 2013. 501 с.
12. Анисимов В.Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения. СПб. : Наука, 2003. 468 с.
13. Meaney M.J., Szyf M. Environmental programming of stress responses through DNA methylation: life at the interface between a dynamic environment and a fixed genome // Dialogues in clinical neuroscience. 2005. Vol. 7, № 2. P. 103–123.
14. Tollefsbol T. (ed.). Epigenetics of aging. Springer Science & Business Media, 2009. 469 p.
15. McEwen B.S. Interacting mediators of allostasis and allostatic load: towards an understanding of resilience in aging // Metabolism. 2003. Vol. 52. P. 10–16.
16. Goldsmith T.C. The Evolution of Aging: How new theories will change the future of medicine. Azinet, 2006. 189 p.
17. Rubinsztein D.C., Mariño G., Kroemer G. Autophagy and aging // Cell. 2011. Vol. 146, № 5. P. 682–695.
18. Гегель Г.Ф.В. Наука логики. М. : АСТ, 2018. 912 с.
19. Хайтун С.Д. Социум против человека. Законы социальной эволюции. М. : КомКнига, 2006. 333 с.
20. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. М. : МЦНМО, 2009. 352 с.
21. Фролькис В.В. Старение и увеличение продолжительности жизни. Ленинград : Наука, 1988. 239 с.
22. Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
23. Hanahan D., Weinberg R.A. Hallmarks of cancer: the next generation // Cell. 2011. Vol. 144, № 5. P. 646–674.
24. Nesse R.M., Williams G.C. Why we get sick: The new science of Darwinian medicine. Vintage, 2012. 304 p.
25. Blumenthal H.T. The Aging–Disease Dichotomy: True or False? // The Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences. 2003. Vol. 58, № 2. P. M138–M145.
26. Мечников И.И. Этюды о природе человека. М. : Книговек, 2011. 317 с.
27. Скулачев В.П. Старение как атавистическая программа, которую можно попытаться отменить // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75, № 9. С. 831–843.
28. Вишев И.В. Иммутология – современный вызов смерти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9 (142). С. 112–119.
29. De Grey A., Rae M. Ending aging: The rejuvenation breakthroughs that could reverse human aging in our lifetime. St. Martin's Press, 2007. 400 p.
30. Лем С. Сумма технологий. М. : АСТ, 2002. 668 с.
31. Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology. Penguin, 2005. 672 p.
32. Вишев И.В. Проблема тактики и стратегии продления человеческой жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 5. С. 40–45.
33. Bostrom N. Recent developments in the ethics, science, and politics of life extension // Ageing Horizons. 2005. Vol. 3. P. 28–33.
34. Матурана У., Варела Ф. Древо жизни. Биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

35. Amabile G., Meissner A. Induced pluripotent stem cells: current progress and potential for regenerative medicine // Trends in molecular medicine. 2009. Vol. 15, № 2. P. 59–68.
36. DeVeale B., Brummel T., Seroude L. Immunity and aging: the enemy within? // Aging cell. 2004. Vol. 3, № 4. P. 195–208.
37. Gems D., Partridge L. Stress-response hormesis and aging: «that which does not kill us makes us stronger» // Cell metabolism. 2008. Vol. 7, № 3. P. 200–203.
38. Рыбин В.А. К вопросу о человеческом бессмертии: некоторые философские и эволюционные предпосылки решения // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2. С. 44–56.
39. Baltes P.B., Smith J. New frontiers in the future of aging: From successful aging of the young old to the dilemmas of the fourth age // Gerontology. 2003. Vol. 49, № 2. P. 123–135.
40. Nelson P., Masek J. Intercellular competition and the inevitability of multicellular aging // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2017. Vol. 114, № 49. P. 12982–12987.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 18 марта 2019 г.

The Bio-Ontological Status of Aging: Atavism or Adaptation?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 72–78.

DOI: 10.17223/15617793/458/8

Anton I. Zhelnin, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: antonzhelnin@gmail.com

Keywords: life; aging; self-preservation; death; homeostasis; phenoptosis; adaptation; autopoiesis; vitaut.

The aim of the article is to reveal the bio-ontological essence of the process of aging. Even today aging is often viewed as a counterbiological process that is opposed to the self-preservation and homeostasis of the living. This leads to a reductionist understanding of the essence of aging, its equalization to a physical or chemical phenomenon in its nature (for example, biological consequences of the second law of thermodynamics) or to a genocentric paradigm when it is understood just as an installed hereditary program. The article justifies a different point of view: aging, undoubtedly demonstrating negative aspects and being part of the “insufficiency” of the living, has, nevertheless, a purely biological, adaptive meaning. The author first of all uses dialectical and system methods in order to show that aging is a contradictory process which has both positive and negative effects on biological structures of different levels and to use an old idea that every biological system is much more than a simple sum of its parts. The research proves that aging is not purely destructive but has an important role in maintaining biological homeostasis. A number of phenomena (autophagy, cell apoptosis, work of immunity, etc.) show that the higher level of organization of life exists largely due to control over the number and multiplication of elements on the underlying level, to the active containment of their proliferation. It is important not only for the existence of multicellular organisms but also for superorganism systems (population, biocenosis, ecosystem, etc.). Aging, therefore, can be viewed as a “slow” variant of “phenoptosis” (V.P. Skulachev) not only because of destructive physicochemical tendencies growing inside the organism with time, but rather because of more “sophisticated” processes of biological autopoiesis. Living is not just a static self-preserving, but a system dynamically reproducing by self “re-assembly”, in which the survival of the whole dialectically involves the periodical dying of certain parts. Aging and death of elements are among foundations for their collective endosymbiosis within a holistic biosystem; thus, aging cannot be reduced, for instance, to the process of a simple growth of entropy. In some way, aging shows that death (as its result) is not only an opposition of life but is incorporated in it, too. Moreover, aging is also dialectically balanced by protective and regenerative processes (the concept “vitaut” by V.V. Frolkis), which permanently try to compensate its negative impact. Probably, the main line of future medical progress in the sphere of aging will be connected with these processes’ activation. Consequently, it can be concluded that aging is not a harmful atavism but rather a kind of complex adaptation. Therefore, it is not aging itself but the intention to its full cancellation that is a contra-biological tendency. Aging can be viewed as a vivid example of a deep dialectical, truly Heraclitian, unity of such contradictions as life and death, when self-preservation of the living goes through the limitation or dying of its particular components.

REFERENCES

1. Kinsella, K.G. & Phillips, D.R. (2005) *Global Aging: The Challenge of Success*. Washington, DC: Population Reference Bureau.
2. Galimov, E.M. (2001) *Fenomen zhizni: mezhdru ravnovesiem i nelineynost'yu* [The Phenomenon of Life: Between Equilibrium and Nonlinearity]. Moscow: Editorial URSS.
3. Lorenz, K. (1998) *Oborotnaya storona zerkala* [Behind the Mirror]. Moscow: Respublika.
4. Schrödinger, E. (2009) *Chto takoe zhizn' s tochki zreniya fiziki?* [What Is Life? The Physical Aspect of the Living Cell]. Translated from English. Moscow: RIMS.
5. Pross, A. (2012) *What Is Life? How Chemistry Becomes Biology*. Oxford University Press.
6. Friedberg, E.C. et al. (eds) (2005) *DNA Repair and Mutagenesis*. American Society for Microbiology Press.
7. Finkel, T. & Holbrook, N.J. (2000) Oxidants, oxidative stress and the biology of ageing. *Nature*. 408 (6809). pp. 239–247.
8. Baynes, J.W. (2000) From life to death—the struggle between chemistry and biology during aging: the Maillard reaction as an amplifier of genomic damage. *Biogerontology*. 1 (3). pp. 235–246.
9. Skulachev, V.P. (2012) What is “phenoptosis” and how to fight it? *Biochemistry* (Moscow). 77 (7). pp. 689–706.
10. Nazarov, V.I. (2005) *Evolutsiya ne po Darvinu* [Evolution in a non-Darwin way]. Moscow: KomKniga.
11. Dawkins, R. (2013) *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Translated from English. Moscow: AST.
12. Anisimov, V.N. (2003) *Molekulyarnye i fiziologicheskie mekhanizmy stareniya* [Molecular and Physiological Mechanisms of Aging]. Saint Petersburg: Nauka.
13. Meaney, M.J. & Szyf, M. (2005) Environmental programming of stress responses through DNA methylation: life at the interface between a dynamic environment and a fixed genome. *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 7 (2). pp. 103–123.
14. Tollefsbol, T. (ed.) (2009) *Epigenetics of Aging*. Springer Science & Business Media.
15. McEwen, B.S. (2003) Interacting mediators of allostasis and allostatic load: towards an understanding of resilience in aging. *Metabolism*. 52. pp. 10–16.
16. Goldsmith, T.C. (2006) *The Evolution of Aging: How New Theories Will Change the Future of Medicine*. Azinet.
17. Rubinsztein, D.C., Mariño, G. & Kroemer, G. (2011) Autophagy and aging. *Cell*. 146 (5). pp. 682–695.
18. Hegel, G.F.W. (2018) *Nauka logiki* [The Science of Logic]. Translated from German. Moscow: AST.
19. Khaytun, S.D. (2006) *Sotsium protiv cheloveka. Zakony sotsial'noy evolyutsii* [Society Against Man. The Laws of Social Evolution]. Moscow: KomKniga.
20. Dol'nik, V.R. (2009) *Neposlushnoe ditya biosfery* [The Naughty Child of the Biosphere]. Moscow: MTsNMO.

21. Frol'kis, V.V. (1988) *Starenie i uvelichenie prodolzhitel'nosti zhizni* [Aging and Increased Life Expectancy]. Leningrad: Nauka.
22. Barg, O.A. (1993) *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [The Living in a Single World Process]. Perm: Perm State University.
23. Hanahan, D. & Weinberg, R.A. (2011) Hallmarks of cancer: the next generation. *Cell*. 144 (5). pp. 646–674.
24. Nesse, R.M. & Williams, G.C. (2012) *Why We Get Sick: The New Science of Darwinian Medicine*. Vintage.
25. Blumenthal, H.T. (2003) The Aging–Disease Dichotomy: True or False? *The Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences*. 58 (2). pp. M138–M145.
26. Mechnikov, I.I. (2011) *Etyudy o prirode cheloveka* [Essays on Human Nature]. Moscow: Knigovok.
27. Skulachev, B.P. (2005) Starenie kak atavisticheskaya programma, kotoruyu mozhno popytat'sya otmenit' [Aging as an atavistic program that one can try to cancel]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 75 (9). pp. 831–843.
28. Vishev, I.V. (2009) Immortology — Contemporary Challenge to Death. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of South Ural State University, Humanities and Social Sciences*. 9 (142). pp. 112–119. (In Russian).
29. De Grey, A. & Rae, M. (2007) *Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs That Could Reverse Human Aging in Our Lifetime*. St. Martin's Press.
30. Lem, S. (2002) *Summa tekhnologii* [Summa Technologiae]. Translated from Polish by F. Shirokov. Moscow: AST.
31. Kurzweil, R. (2005) *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. Penguin.
32. Vishev, I.V. (2019) The Problem of Tactics and Strategies of the Struggle for the Extension of Human Life. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 5. pp. 40–45. (In Russian). DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10506
33. Bostrom, N. (2005) Recent developments in the ethics, science, and politics of life extension. *Ageing Horizons*. 3. pp. 28–33.
34. Maturana, H.R. & Varela, F.J. (2001) *Drevo zhizni. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
35. Amabile, G. & Meissner, A. (2009) Induced pluripotent stem cells: Current progress and potential for regenerative medicine. *Trends in Molecular Medicine*. 15 (2). pp. 59–68.
36. DeVeale, B., Brummel, T. & Seroude, L. (2004) Immunity and aging: the enemy within? *Aging Cell*. 3 (4). pp. 195–208.
37. Gems, D. & Partridge, L. (2008) Stress-response hormesis and aging: “That which does not kill us makes us stronger”. *Cell Metabolism*. 7 (3). pp. 200–203.
38. Rybin, V.A. (2019) To the Question of Human Immortality: Some Philosophical and Evolutionary Background of the Decision. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2. pp. 44–56. (In Russian). DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10207
39. Baltes, P.B. & Smith, J. (2003) New frontiers in the future of aging: From successful aging of the young old to the dilemmas of the fourth age. *Gerontology*. 49 (2). pp. 123–135.
40. Nelson, P. & Masel, J. (2017) Intercellular competition and the inevitability of multicellular aging. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 114 (49). pp. 12982–12987.

Received: 18 March 2019

А.Э. Савин

ИСТОКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КРИТИКИ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ЛЕНИНИЗМА В ЗАПАДНОМ МАРКСИЗМЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00764 А.

Раскрываются истоки и логика критики философских основ ленинизма в работах представителей «коммунизма Советов», определяющей понимание ленинизма в современном западном марксизме. Выявляется генезис трактовки ленинизма как антидемократической линии в освободительном движении, орудия легитимации господства бюрократии и натуралистического смещения естественно-научного и исторического материализма, подавляющего и выхолащивающего историчность марксистской мысли.

Ключевые слова: ленинизм; философия; западный марксизм; критика; материализм; история; политика; Паннекук.

Целью работы является выявление характера широко распространенной в западных странах критики ленинизма в «левом коммунизме» или «коммунизме Советов» (*Raetekomunismus*), появившихся в Германии, Голландии и Дании в 1920–1930-е гг.

Эта критика, во многом определившая западный способ рецепции марксизма-ленинизма вообще, в особенности его трактовки в Соединенных Штатах, лежит в основе тенденции в западном марксизме, получившей в последние годы название «марксистский антиленинизм» [1. С. 7–17]. Сравнительно недавние переводы и переиздания работ отцов-основателей «коммунизма Советов» на английском, немецком и итальянском языках, особенно тех из них, в которых содержится критика ленинизма, рост посвященной их анализу комментаторской литературы в последние годы свидетельствуют об актуализации затронутых в них вопросов для современного освободительного движения, а также о новых тенденциях в осмыслении проблемы отношений России и Запада в современной западной мысли. Эти тенденции во многом определяют отношение западных левых к России, в том числе и в политическом аспекте. Более того, ввиду того, что на Западе, в том числе в США, вышло на сцену новое поколение политиков, имеющих опыт участия в левом движении и находившихся под влиянием западной левой мысли – в отечественной литературе, как популярной, так и научной, их без всякой дифференциации и, как кажется, вообще без всякой мысли, называют «выходцами из троцкистских групп», что не вызывает ничего, кроме недоумения, поскольку именно в среде «коммунизма Советов» еще в 1930-е гг. была впервые написана работа «Троцкий как сталинист» – осмысление западной критики марксизма-ленинизма слева способствует и пониманию западной политики на русском направлении. Между тем в отечественной философской и тем более политологической литературе эта важная тема совершенно упущена из внимания. Настоящая статья, хочется надеяться, положит начало исправлению этого недостатка.

Примечательно, что, начавшись в 1920-е гг. как политическая, критика ленинизма, движимая логикой полемики, уже в 1930-е превращается в критику его фундамента, т.е. его философских основоположений. Она стремится вскрыть внутреннюю связь ленинской

философии и ленинской политики, а также выявить логику, связывающую ленинизм со сталинизмом, т.е. с «советской» практикой, которую представители «коммунизма Советов» прямо оценивали как антисоветскую, и практикой угнетения и эксплуатации рабочих бюрократией с ее диаматом как официальным теоретическим инструментом легитимации.

Критика философских основ ленинизма сторонниками «коммунизма Советов» ведется со всей серьезностью, и разбору подвергается главная для философии марксизма-ленинизма работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Поэтому для понимания генеральной линии критики философии ленинизма представляется логичным подвергнуть анализу и истолкованию идеи, изложенные в работе одного из крупнейших теоретиков и политиков «коммунизма Советов» Антона Паннекука «Ленин как философ». Работа в собственно философской своей части посвящена критике этого главного философского произведения Ленина. При этом учтены также и статьи других основателей «коммунизма Советов» – Карла Корша и Пауля Маттика, посвященные этой критике. Значимость их определяется тем, что именно они составляют философский фундамент современного западного «марксистского антиленинизма».

Следует учесть, что в современной западной мысли критика ленинизма слева существует в седиментированном виде, а современные формы ее реактивации на Западе, неплохо раскрывая линии теоретико-политической преемственности в аспекте критики политики ленинизма между ранним «коммунизмом Советов» Паннекука–Гортера–Корша–Маттика и современным «марксистским антиленинизмом», оставляют слабо разработанным философский аспект [2. Р. 1162–1171].

Политические предпосылки и политический контекст философской дискуссии между ленинизмом и «коммунизмом Советов»

Отправным пунктом дискуссии между линиями Ленина и «коммунизма Советов» стала полемика о характере русской революции и линии пролетарских революционных партий в других странах, особенно западных. Согласно Ленину, сущностные черты про-

изошедшей в России социалистической революции будут воспроизводиться и в других странах. А потому стратегия и основные черты тактики большевиков, их способ построения революционной организации для победы революции и удержания власти революционерами должны воспроизводиться во всех странах. Соответственно, политический опыт русской коммунистической партии имеет универсальное значение, в том числе предписывает стратегию и основные линии тактики, равно как и принципы организационного строительства в более экономически развитых по сравнению с Россией западных странах их социал-демократическим партиям.

Основой этой позиции Ленина служит не только успешный пример русской социалистической революции, но и интенсивность и многообразие опыта русского освободительного движения вообще и левого крыла рабочего освободительного движения – большевистской партии. Согласно ленинской оценке, за короткий предреволюционный и революционный период многообразие форм в русском освободительном движении, дифференциация и кристаллизация политических линий и организаций в нем, размах теоретических дискуссий приобретают такие масштабы, что превосходят кажущийся более значительным и глубоким опыт западного освободительного движения, в особенности рабочего.

Причиной кажимости является то обстоятельство, что западные рабочие партии, западное рабочее освободительное (антикапиталистическое) движение имеют более давнюю традицию. Согласно Ленину, однако, ввиду «сжатия времени» в предреволюционный и революционный период, интенсивность и смысловое содержание русского опыта включают в себя опыт западного рабочего освободительного движения и превосходят его [3. С. 10–11]. Поэтому русский опыт для западного мира, да и остального, выступает в качестве априори, правда не в кантовском, а в тренделенбургском смысле, т.е. предначертывает пространство возможностей и линии развертывания опыта их освободительного движения. Таким образом, нет сомнения, что линия Зиновьева, а затем и Сталина на большевизацию Коминтерна и мирового рабочего освободительного движения в целом имеет теоретико-политическое основание в ленинской позиции, отличия могут заключаться лишь в избранном ими способе большевизации.

Против линии Ленина выступили «левые коммунисты», в том числе сторонники «коммунизма Советов». Существо их позиции можно выразить в двух положениях. Русская революция является не социалистической, а лишь «догоняющей» буржуазной революцией. Направляющей в ней, по их мнению, выступила, соответственно, не пролетарская партия, а опирающаяся на союз преобладающего в стране крестьянства с небольшим, молодым и лишь приобретающим первый опыт политической борьбы пролетариатом партия радикальной интеллигенции, нацеленная на низвержение абсолютизма и его легитимации – клерикализма. Борьба по преимуществу с царской властью, его социальной и политической опорой – крупным землевладением и дворянством, с его духов-

ной опорой – церковью и религиозной философией, а не с капитализмом и его формами легитимации, союз пролетариата с крестьянством с его мелкобуржуазными интересами и тенденциями предопределили специфику русской революции и особенности организации левого крыла российской социал-демократической партии.

Поскольку на Западе буржуазия уже выполнила задачи, к решению которых лишь стремятся русские левые социал-демократы, западные коммунисты находятся в совершенно других условиях, нежели русские. Им непосредственно противостоит буржуазная власть, мелкобуржуазное крестьянство является естественным союзником буржуазного правительства, а не пролетариата.

Соответственно, и в области борьбы идей линия пролетарской революции нацелена на Западе не на борьбу с религией и фидеизмом как легитимацией феодально-абсолютистского общественного устройства, но на борьбу со специфическими формами легитимации власти капитала – позитивизмом и фетишистским антиисторическим мышлением. Из чего для представителей «коммунизма Советов» следует, что русский опыт, в том числе и в теоретической области, не только не может выступать парадигмообразующим для западного рабочего освободительного движения, но и вовсе не релевантен ему.

Политически русские, и именно в силу специфики своих условий, сформировали «коммунизм партии» в противоположность «коммунизму масс» или «коммунизму Советов». Руководство и ядро теоретиков партии не было пролетарским, а состояло из присоединившейся к пролетариату радикальной интеллигенции, а потому и в области теории выражало воззрения не только и не столько пролетариата, сколько этой интеллигенции. Ее воззрения восходили к народничеству и базировались в конечном счете на философии Просвещения с его идеями антиклерикализма и народовластия. Основой же самой философии просвещения выступал естественно-научный (механистический) материализм. (Примечательно, что, указывая на определяющую роль радикальной интеллигенции в организации большевистской линии в партии, сторонники «коммунизма Советов» следуют за первой на Западе критикой большевизма, представленной в статье Розы Люксембург 1903 г., переизданной в разгар дискуссии ленинистов и сторонников «коммунизма Советов» под характерным заглавием «Ленинизм или марксизм?» (1935), где впервые была высказана мысль о связи антидемократической тенденции ультрацентрализма в партии и ведущей роли в ней интеллигенции [4. Р. 99–102].)

Соответственно, и положительные философские основания русской коммунистической партии, изложенные в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина, несмотря на справедливость и значимость его идей для русской борьбы с абсолютизмом и церковью, уже «сняты» (aufheben – в гегелевском смысле) подлинной, т.е. западной, марксистской философией, ей ничего дать не могут и универсальным значением для современного освободительного движения не обладают.

Критика философских основ ленинизма «коммунизмом Советов» и логика ее развития

Первоначально в качестве теоретического основания пролетарского освободительного движения выступил марксизм. Вопрос заключается в том, какой философский фундамент имеет сам марксизм. Казалось бы, ответ классиков марксизма вполне ясен – марксизм есть материализм, каковой признает основным началом мира природу, в противоположность идеализму, признающему началом мира дух [5. С. 45]. Соответственно, источником всех форм человеческой жизни и человеческих отношений, и даже человеческого «я» марксизм считает предметно-практическую деятельность, направленную на преобразование природы в целях общественного воспроизводства, т.е. труд.

Трудность, однако, заключается в том, что марксизм есть антифетишизм. Это означает, что за всеми понятиями и законами он видит живой и развивающийся человеческий опыт, а мышление, понимающее саму жизнь и ее движение в свете идеальностей, застывших понятий и законов, он характеризует как метафизическое и фетишистское, какое в современном мире, в конечном счете, продиктовано товарным фетишизмом капиталистического общества [6. С. 80–93]. Освободительное движение пролетариата, будучи направленным против капиталистического мира, постольку избавляется от задаваемых им форм мышления, поскольку сводит все идеальные образования к опыту. В этой связи в марксистской мысли вполне последовательно возникает вопрос, не являются ли сами понятия материи, объективного закона, причинности, которыми оперирует материализм, такого рода фетишами? Из этого хода мысли естественным образом возникает замысел обновления оснований марксизма – замены материализма философией живого опыта, и на роль философии марксизма начинает претендовать эмпириокритицизм.

Инициатором этой реформы марксизма выступает Александр Богданов. В своем предисловии к «Анализу ощущений» Маха он эксплицирует значение эмпириокритицизма для марксистской мысли *sub specie revolutionis* [7. С. IV]. Эмпириокритицизм, с его точки зрения, есть не что иное, как философия «организованного коллективного человеческого опыта», объективациями которого выступают мир, с одной стороны, и человеческое «я» – с другой. Потому эмпириокритицизм, по его мнению, во-первых, полностью удовлетворяет марксистскому антифетишизму, во-вторых, будучи «наиболее прогрессивной философией естествознания», удовлетворяет и марксистской логике первичности труда, т.е. преобразования природы, поскольку «естественные науки – это организованный технический опыт... идеология производительных сил общества» [7. С. VII].

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин подвергает попытку пересмотра оснований марксизма Богдановым резкой критике. Она включает в себе два основных момента.

Во-первых, согласно Ленину, основоположением не только марксистского, но и всякого материализма является принцип «абсолютной нечеловечности природы» (*absolute Unmenschlichkeit der Natur*), т.е. ее преданности, существования ее до всякого опыта [8. С. 86]. И только на этом принципе может базироваться убеждение в объективности законов развития природы и истории. Трактовка же природы как устойчивого организованного опыта (устойчивого комплекса ощущений) в эмпириокритицизме есть не что иное, как субъективный идеализм беркелеанского или юмистского толка. Он подменяет объективность субъективной общезначимостью и влечет за собой релятивизм.

Во-вторых, из трактовки природы и «я» как устойчивого организованного опыта вытекает оправдание религии, а также фидеизма в философии, поскольку религия и ее идея бога, например, тоже есть устойчивая форма организованного опыта, потому принятие ее положений в качестве общезначимых становится обязательным для эмпириокритицизма [8. С. 137]. Таким образом, эмпириокритицизм, будучи, по видимости, антифетишизмом, в действительности открывает дорогу самым консервативным и реакционным фетишистским представлениям и практикам и оправдывает их, пролагая путь реакционной, в том числе клерикальной политике. Марксизм же, понятый как диалектический материализм и базирующийся на положении об абсолютной нечеловечности природы, согласно Ленину, есть критика политической теологии, а потому принципиально враждебен всем религиозным и идеалистическим воззрениям и базирующимся на них реакционным политическим практикам. Поэтому подлинной философией освободительного движения и пролетарской революции является диалектический материализм.

Паннекук, равно как Корш и Маттик, столкнувшись с вопросом «что лучше в качестве философии пролетарской революции – эмпириокритицизм или диалектический материализм», отвечают: «оба хуже». Чтобы понять причину такой позиции, необходимо понять их трактовку марксизма. Паннекук в работе «Ленин как философ» (1938) полагает, что для Маркса материализм не философская система, а рабочий метод исследования мира [9. С. 24.]. Его отличие от всякого иного материализма заключается в том, что он есть материализм исторический, т.е. рассматривающий мир и сознание как продукт труда в его общественно-историческом развитии.

Старый буржуазный материализм опирается на естествознание, рассматривающее в абстракции от практики природу как нечто внешнее сознанию и данное только посредством чувственного созерцания. На основании этого воззрения он формирует свои понятия объективности, закона, причинности и пр. Исторический материализм, согласно Паннекуку, рассматривая природу через призму труда, приходит к следующему выводу. «Благодаря труду человек и природа более не относятся друг к другу внешне, как два чуждых мира. В этой практике труда люди преобразуют мир, в такой мере, что изначальный материал природы (*urspruengliche Naturstoff*) уже не узнать

(erkennt), и при этом в то же время преобразуют самих себя. Они сами создают свой новый мир, человеческое общество, встроенное в природу, преобразованную в технический аппарат. Человек – творец этого мира» [9. S. 29]. Из этого различия вытекает и второе. В области познания базирующийся на абстагировании от практики естественно-научный материализм оперирует застывшими метафизическими понятиями, тогда как марксизм, опирающийся на текучую практику, релятивизирует и дефетишизирует все научные и философские понятия [9. S. 43]. На основании приведенного выше основного положения Паннекук и развертывает критику Ленина и ленинизма.

Во-первых, Ленин в своем материализме, согласно Паннекуку, не различает преданные опыту и практике вещи и их естественно-научные трактовки (исходит из описания зрения в терминах отражения на сетчатке, звука как колебания и т.п.) и тем самым смешивает «действительно наблюдаемый мир и физические понятия» [9. S. 90]. Вследствие этого он отождествляет понятие природы и материи, каковую он рассматривает как объективную, независимо от человека существующую реальность. Это отождествление есть, по Паннекуку, характерная черта буржуазного естественно-научного материализма, для которого материя, понятая в абстрактных, физических терминах, есть единственная реальная субстанция мира, но оно чуждо марксизму, исходящему из конкретной практики. Поэтому, хотя Ленин в общем и прав в критике идеалистических тенденций эмпириокритицизма, его критика во многих отношениях некорректна и вовсе не является марксистской [10. S. 16].

Во-вторых, ленинская объективистская трактовка законов природы и общества, согласно Паннекуку, является ложной, поскольку в них нет никаких законов, так как «закон определяет не то, что будет делать природа, а то, что мы ожидаем, что она будет делать» [9. S. 92]. А эти ожидания исторически относительны и зависят от уровня развития науки и культуры и в конечном счете от характера предметно-практической деятельности субъектов в данную эпоху. В этом аспекте исторический материализм, согласно Паннекуку, полностью порывает с естественно-научным материализмом и потому несовместим с ленинской теорией отражения. Ее он именует простодушной, поскольку она не учитывает сознательной активности.

В-третьих, именно потому, что ленинский материализм в своей основе есть естественно-научный буржуазный материализм, выражающий позицию радикальной буржуазной интеллигенции, сражающейся против абсолютизма и церкви, главным предметом философской критики Ленина выступают не наука, на которую опирается победившая буржуазия, не специфически буржуазные категории и их товарно-фетишистские характер и генезис – как, например, у Лукача в его подлинно марксистской «Истории и классовом сознании», – а религия и фидеизм [9. S. 102]. Но религия и философский фидеизм являются главным врагом в современном мире только для «догоняющих» стран, стоящих перед задачей буржуазно-демократической революции, для стран капиталистических, тем более государств «организованного капи-

тализма», где религия и церковь уже не играют определяющей роли и где уже закрепились товарно-фетишистские отношения и образ мысли, их критика перестает быть радикальной социальной критикой и служить главным теоретическим орудием освобождения [9. S. 109–110]. Лишь потому, что в России движителем буржуазно-демократической революции была не буржуазия, а пролетариат и пролетарская партия, ленинские философские идеи получили марксистское терминологическое облачение.

В-четвертых, поскольку покоящийся на фундаменте естественно-научного материализма ленинизм является выражением идеологии радикальной интеллигенции, присоединяющейся к рабочему классу как главной силе освободительного движения извне и привносящей, согласно Ленину, в него революционное сознание, он определяет и основные черты ленинской (большевистской) политики: отрыв партии от класса и массы, ультрацентрализм внутри самой партии, а с течением времени становится орудием легитимации власти, выросшей из партийной интеллигенции бюрократии. Как прямо указывает в рецензии (1938) на книгу Паннекука Корш, после победы в России революции, которую левые коммунисты оценивают как полубуржуазную полупролетарскую, и постепенного угасания власти Советов и установления в России «госкапитализма», ленинизм стал государственной философией. [11. S. 128].

В своей книге «Советский марксизм (Критический анализ)» Маркузе развивает критику ленинизма левым коммунизмом. Он эксплицирует изменение функций диалектического материализма в Советском государстве, его превращение из теории освобождения в составляющую механизма угнетения, т.е. господства бюрократии над массами, преобладание натурализма над историческим материализмом в советском диалектическом материализме, и даже, что является важнейшей новацией Маркузе в этой критике, – перерождение несущей освобождение, поскольку дефетишизирующей, марксистской диалектики в свод объективистски истолкованных законов [12. P. 137]. Дополненная этой франкфуртской компонентой концепция ленинизма Паннекука – Корша – Маттика седиментируется с концепцией 1960-х гг. и становится неотъемлемой чертой современного западного марксизма.

Заключение

В настоящей статье мы пытались, выявить генезис и характер критики ленинизма в «коммунизме Советов» и уяснить, как понимает ленинский диалектический материализм типичный западный марксист, ангажированный этой критикой ленинизма слева. Вот основные моменты этой концепции.

1. Ленинизм в философии есть теория, первоначально выработанная русской радикальной буржуазно-демократической интеллигенцией, пришедшей к руководству в русской рабочей партии, для борьбы с феодально-помещичьим строем, а затем, после победы революции, ставшая философией партийной и «советской» бюрократии. Кратко – ленинизм (диалектический

материализм) не есть философия пролетариата, это философия интеллигенции и в конечном счете бюрократии.

2. В ходе идейной и политической борьбы функция ленинизма (диалектического материализма) изменилась. Из философии освобождения он стал инструментом легитимации господства бюрократии, угнетения и эксплуатации. С самого начала выступив как обоснование господства партии над классом и массой, он в итоге стал частью государственного механизма, подавляющего низовое освободительное движение, т.е. советскую власть.

3. Основная линия борьбы ленинизма – против религии и фидеизма – потеряла актуальность, поскольку ни религия, ни фидеизм уже не правят духовным миром в условиях «организованного капитализма» и не являются главным механизмом легитимации последнего, а разработка принципов и методов диалектического материализма в этой связи есть бессмысленная трата марксистских философских сил.

4. Ленинизм не есть марксизм в подлинном смысле. Он есть смешение материализма XVIII–XIX вв. (просвещенческого материализма Дидро–Гольбаха, вульгарного материализма Бюхнера–Молешотта и антропологического материализма Фейербаха) и подлинного марксизма, т.е. исторического материализма. Поскольку в ленинизме, как и в диалектическом материализме вообще, натуралистическое учение о природе лежит в основе учения об истории, тогда как в подлинном марксизме историзм определяет понимание природы, натуралистическая и объективистская основа философии Ленина целиком извращает марксистскую компоненту, материалистическое понимание истории, и искажает построенную на ней политику. Поэтому ленинская политика в рабочем освободительном движении верной быть не может.

Трактовка ленинизма как (1) антидемократической, бланкистски-интеллигентской (заговорщицкой) линии в освободительном движении, (2) как орудия легитимации репрессивных практик бюрократии в рабочих партиях и в «догоняющих» государствах организованного капитализма, (3) как натуралистического в своей основе смешения естественно-научного и исторического материализма, в конечном счете подавляющего и выхолащивающего историчность марксистской мысли, передалась современной западной левой мысли – в том числе через посредство Франкфуртской школы, и в особенности работы Маркузе «Soviet Marxism» (1958), ставшей на долгие годы наиболее популярным теоретическим источником по марксистской критике советского диалектического материализма в западной левой среде. В настоящее время эта трактовка функционирует в ней в седиментированной форме как самоочевидность (Selbstverstaendlichkeit) и автоматизм.

Между тем сама эта критика основывается на философски сомнительных предпосылках. Обозначим лишь две основных. Во-первых, она базируется на характерном для гегельянского марксизма смешении опредмечивания и овеществления (фетишизации); вследствие этого она уравнивает развеществление (дефетишизацию) и распределмечивание и сводит природу к материалу труда, а также развертывает на базе этого смешения ошибочную трактовку историчности. Во-вторых, она неверно понимает смысл и недооценивает роль политической теологии в теории и практике современного организованного капитализма, и, как следствие, упускает из виду значение ленинской критики религии и фидеизма для критики философии и политики постсекулярного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Behrens D. Eine kommunistische Linke jenseits des Leninismus? // Pannekoek A. et. al. Marxistischer Anti-Leninismus. Freiburg : ça ira, 2008. S. 7–17.
2. Baum F. The Frankfurt School and Council Communism // The SAGE Handbook of Frankfurt School Critical Theory. London : SAGE Publishing House, 2018. Vol. 3. P. 1160–1178.
3. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Петербург : Госиздат, 1920. 111 с.
4. Luxemburg R. Leninism or Marxism // Luxemburg R. The Russian Revolution and Leninism or Marxism. Ann Arbor : Michigan UP, 1961. P. 81–108.
5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. 192 с.
6. Маркс К. Капитал. М. : ИПЛИ, 1988. Т. 1. 891 с.
7. Богданов А. Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха // Мах Э. Анализ ощущений. М. : Изд. Скимунта, 1907. С. IV–XII.
8. Ильин В. (Ленин В.И.). Материализм и эмпириокритицизм. М. : Звено, 1909. 438 с.
9. Pannekoek A. Lenin als Philosoph. Frankfurt a. M. : Europaeische Verlaganstalt, 1969. 141 s.
10. Mattick P. Vorwort // Pannekoek A. Lenin als Philosoph. Frankfurt a. M. : Europaeische Verlaganstalt, 1969. S. 5–18.
11. Korsch K. Zur Philosophie Lenins // Pannekoek A. Lenin als Philosoph. Frankfurt a. M. : Europaeische Verlaganstalt, 1969. S. 127–138.
12. Marcuse H. Soviet Marxism. A Critical Analysis. N.Y. : Columbia UP, 1969. 271 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 июля 2020 г.

Origins of the Interpretation and Criticism of Philosophical Foundations of Leninism in Western Marxism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 79–84.

DOI: 10.17223/15617793/458/9

Alexey E. Savin, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); Moscow School of Management SKOLKOVO, (Moscow, Russian Federation). E-mail: savinae2018@gmail.com

Keywords: Leninism; philosophy; Western Marxism; criticism; materialism; history; politics; Pannekoek.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19–011–00764 A.

The aim of the article is to discover the nature of the widespread criticism of Leninism in Western countries in the “left communism” or “communism of the Soviets” (Raetekommunismus), which arose in Germany, Holland, and Denmark in the 1920s and

1930s. To understand the general lines of the criticism of the philosophy of Leninism the author analyzes the ideas presented in the work *Lenin as Philosopher* by Anton Pannekoek, one of the greatest thinkers and politicians of the “communism of the Soviets”. In its philosophical part, the work is devoted to the criticism of Lenin’s main philosophical work *Materialism and Empirio-Criticism*. The author also takes into account the articles devoted to this criticism by Karl Korsch and Paul Mattik, other founders of “communism of the Soviets”. The significance of these works is determined by the fact that they constitute the philosophical foundation of contemporary Western “Marxist anti-Leninism”. The author reveals the political presuppositions and the political background of the polemic about the philosophical foundations of Leninism. The background is a polemic about the significance of the Russian revolution and the principles of building the Bolshevik party for the rest of the world and especially for Western countries and their Communist parties. The philosophical polemic with Leninism grows out of a doubt about the universal significance of the experience of the Russian revolution. In particular, Pannekoek and Korsch put forward the thesis of the bourgeois-democratic, not socialist character of the Russian revolution. From this thesis, they conclude that the theoretical basis of the Russian revolution is also of a bourgeois character, i.e. the Russian revolution is based on the ideas of the Enlightenment. The philosophical foundation of the Enlightenment is natural-scientific materialism, not historical materialism, i.e. not Marxism. The article demonstrates the genesis of the concept of Leninism as (1) an anti-democratic tendency in the contemporary liberation movement, (2) an instrument for legitimizing the repressive practices of the bureaucracy in the workers’ parties and in the “catching-up” states of organized capitalism, (3) a naturalistic mishmash of natural-scientific and historical materialism, ultimately suppressing and emasculating the historicity of Marxist thought. The author reveals how this concept was transmitted to modern Western left-wing thought through the Frankfurt school, and especially through Marcuse’s work *Soviet Marxism* (1958), which for many years became the most popular theoretical source for the Marxist criticism of Soviet dialectical materialism in the Western left. Nowadays, this interpretation functions in it in a sedimented form as self-evidence (Selbstverstaendlichkeit) and automatism.

REFERENCES

1. Behrens, D. (2008) Eine kommunistische Linke jenseits des Leninismus? In: Pannekoek A. et. al. *Marxistischer Anti-Leninismus*. Freiburg: ça ira. pp. 7–17.
2. Baum, F. (2018) The Frankfurt School and Council Communism. In: Bonefeld, W., Best, B., O’Kane, C. (eds) *The SAGE Handbook of Frankfurt School Critical Theory*. Vol. 3. London: SAGE Publishing House. pp. 1160–1178.
3. Lenin, V.I. (1920) *Detskaya bolezнь “levizny” v kommunizme* [Left-Wing Communism: An Infantile Disorder]. Peterburg: Gosizdat.
4. Luxemburg, R. (1961) *The Russian Revolution and Leninism or Marxism*. Ann Arbor: Michigan UP. pp. 81–108.
5. Engels, F. (1931) *Lyudvig Feyerbakh* [Ludwig Feuerbach]. Translated from German. Moscow: Gos. sotsial’no-ekonomicheskoe izd-vo.
6. Marx, K. (1988) *Kapital* [Capital]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: IPL.
7. Bogdanov, A. (1907) Chego iskat’ russkomu chitatel’yu u Ernsta Makha [What the Russian reader will learn from Ernst Mach]. In: Mach, E. *Analiz oshchushcheniy* [The Analysis of Sensations]. Translated from German. Moscow: Izd. Skirmunta. pp. IV–XII.
8. Il’in, V. [Lenin, V.I.] (1909) *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and Empirio-Criticism]. Moscow: Zveno.
9. Pannekoek, A. (1969) *Lenin als Philosoph*. Frankfurt a. M.: Europaeische Verlaganstalt.
10. Mattick, P. (1969) Vorwort. In: Pannekoek, A. *Lenin als Philosoph*. Frankfurt a. M.: Europaeische Verlaganstalt. S. 5–18.
11. Korsch, K. (1969) Zur Philosophie Lenins. In: Pannekoek, A. *Lenin als Philosoph*. Frankfurt a. M.: Europaeische Verlaganstalt. S. 127–138.
12. Marcuse, H. (1969) *Soviet Marxism. A Critical Analysis*. N.Y.: Columbia UP.

Received: 06 July 2020

В.В. Целищев

ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТЬ: ОТ ФИЛОСОФСКОЙ ЛОГИКИ К МЕТАМАТЕМАТИКЕ

Исследование поддержано грантом РФФИ (проект 19-011-00518).

Статья посвящена исследованию статуса интенциональности в точных контекстах логических и математических теорий. Возникновение интенциональности в логико-математическом дискурсе приводит к значительным препятствиям в его формализации из-за наличия различного рода трудно учитываемых смысловых различий. Показано, что интенциональность свойственна дедуктивным теориям, в которых перевод формальных результатов в обыденный дискурс обеспечивает их значимость в каркасе, объединяющем как собственно математические, так и метаматематические результаты.

Ключевые слова: интенциональность; экстенциональность; онтология; метаматематика; арифметизация синтаксиса.

Дихотомия экстенциональное / интенциональное тесно связана с категориальным аппаратом философии языка. Экстенционал ассоциируется с концепциями истины и указания, а интенционал – с концепцией значения. В интенциональных контекстах нарушается единственность указания терминами языка объектов, и по этой причине научный дискурс является экстенциональным. Исторически различие экстенционального и интенционального в наиболее отчетливой форме обязано Г. Фреге, различавшим «*Bedeutung*» (указание) и «*Sinn*» (значение, смысл). Выражения языка, указывающие на один и тот же объект, могут представлять этот объект различным образом и вследствие этого иметь различный смысл. Классический пример – исторически разные процедуры представления Венеры как «Утренней Звезды» и «Вечерней Звезды».

Легко сформулировать экстенциональность контекста в виде следующего принципа:

$$(A \longleftrightarrow B) \rightarrow (\psi(A) \longleftrightarrow \psi(B)),$$

где A и B , а также ψ – формулы в некотором языке. Нарушение этого принципа обнаруживается в различных контекстах, в которых осуществляется так называемое косвенное указание. К ним относятся контексты с модальностями, пропозициональные установки, семантика возможных миров. Соответственно, общий принцип экстенциональности конкретизируется в плане соответствующей ситуации [1].

Философы эмпиристского толка, не испытывающие доверия к интенциональным сущностям, предпочитают две стратегии их устранения из соответствующего дискурса. Во-первых, это редукция интенционального к экстенциональному, и во-вторых, объявление интенциональных контекстов противоречивыми. Особенно в этом предприятии преуспел У. Куайн, возводивший на протяжении длительного времени препятствия на пути к кванторной модальной логике [2]. Более широкий контекст допустимости модальностей увязан им с возражениями против «аристотелевского эссенциализма» [3]. При этом атака на интенциональность не ограничивалась чисто техническими проблемами логики, поскольку интенциональная онтология была важной составляющей некоторых философских учений, например, идущей от Ф. Брентано, «теории предметов» А. Майнонга. Иерархия различного рода «подсуществующих» объектов противопо-

ставлялась обычному существованию. В некотором смысле последнее отвечало интуитивным представлениям об экстенциональности. Действительно, согласно Куайну, «нет сущности без тождества» (no entity without identity), и, в частности, отсутствие критерия тождественности майнонговских сущностей можно было считать признаком их интенциональности.

Знаменитая атака Б. Рассела на эту теорию, можно сказать, поставила крест на таком использовании концепции интенциональности [4]. Г. Райл подвел итог попытке Майнонга впустить интенциональность в философию:

Давайте откровенно признаем, что *Gegenstandstheorie* просто мертва, похоронена, и не имеет шансов быть воскрешенной. Никто не собирается аргументировать вновь, что, например, «существуют объекты, в отношении которых имеет место их отсутствие» [5. Р. 255].

Однако возникновение и развитие многочисленных формальных языков, в частности, в области модальной логики, позволило обойти эти возражения. Логика интенциональных контекстов открыла целую область модальной метафизики, реабилитировав при этом приговоренные на исчезновение интересные философские системы [6].

В контексте данной статьи интерес представляет следующее обстоятельство: Рассел фактически предпочел теорию указания вместо теории значения в области философии, но не в области математики, поскольку в своих работах по основаниям математики интенциональные понятия пропозициональной функции и пропозиции играли у него важнейшую роль. В этой связи возникает подозрение, что интенциональность в логике и философии – это одно дело, а вот в математике – совсем другое. Это подозрение усиливается стремлением самого Рассела избавиться от интенциональной онтологии вообще, что нашло отражение в его известной *no-class theory*.

Поскольку построение формальных логических систем в известной степени связано с программами оснований математики, сложное переплетение философских и чисто технических вопросов делает вопрос о роли интенциональности в математике довольно запутанным. Однако здесь есть одна подсказка: программы в основаниях математики породили метама-

тематику, которая, хотя и стоит особняком, считается отраслью математики. И не случайно, судя по возникающим в связи с интенциональностью проблемам, растет подозрение, что интенциональность может играть существенную роль как раз в метаматематике. Что касается вопроса, в каком смысле метаматематические результаты могут считаться математическими с точки зрения присутствия в обеих дисциплинах интенциональных контекстов, это дело вкуса: например, автономия математического знания как результат стремления математиков избавиться от влияния философии, что имело место в случае программы Д. Гильберта, может заслуживать внимания и собственно в контексте самой математики.

Прежде всего, возникает вопрос, можно ли сформулировать в математике тезис интенциональности, аналогичный приведенному выше тезису экстенциональности. Полный параллелизм тут невозможен, потому что вся «настоящая» математика экстенциональна. В этом смысле сама попытка сформулировать тезис интенциональности затруднительна в общем случае, и поэтому следует идти от нахождения случаев нарушения экстенциональности. Другими словами, надо найти такую формулу $C(x)$ и предложения A и B такие, что при коэкстенциональности A и B , формула $C[A/B]$, образованная из формулы C заменой A на B , не коэкстенциональна формуле C . Коль скоро говорится о формулах, подразумевается, что критерии формулируются либо в метаязыке M формального языка L , либо в его теоретико-модельной семантике. Такой метаязык, например, может содержать предикат « x доказуемо в теории T ». Для этого вполне понятного предиката тезис экстенциональности выглядел бы как

$$x = y \Rightarrow (x \text{ доказуемо в теории } T \Rightarrow y \text{ доказуемо в теории } T).$$

Если отталкиваться от тезиса экстенциональности в этом виде, соответствующий тезис интенциональности будет выглядеть так:

Существуют такие арифметические предложения ϕ и такие ψ , что ϕ коэкстенциональна ψ , но «теория T доказывает ϕ » не коэкстенциональна с «теория T доказывает ψ » [1].

Сам по себе выбор метаматематического предиката доказуемости для формулировки тезиса интенциональности говорит о существенном сужении области математики, к которой применим этот тезис. Однако обсуждение природы тезиса интенциональности выводит в некоторых случаях прямо на такие вопросы, как соотношение содержательной математики и ее формального представления. В частности, интенциональность появляется неизбежно при переводе математического утверждения из одного вида в другой [7]. Другим фактором, относящимся к интенциональности математики, может считаться неполнота достаточно мощных формальных представлений арифметики и, скажем, теории множеств. Считать ли полноту математическим или метаматематическим понятием, дело опять-таки вкуса. В любом случае такого рода интенциональность довольно сильно расходится с философским понятием интенциональности как противоположности экстенциональности. Здесь мы имеем

парадоксальную ситуацию: с одной стороны, мы пытались, исходя из философской дихотомии, вывести дихотомию, пригодную для математики, а с другой стороны, эта вторая дихотомия фактически релятивна к факту неполноты богатых формальных систем, что резко сужает область применения понятия интенциональности к математике. Таким образом, требуется объяснить саму значимость такого рода интенциональности прежде всего через объяснение ее происхождения в математическом дискурсе. Оно обязано исследованиям С. Фефермана: различению характера первой и второй теорем Геделя о неполноте арифметики, в более общем виде – исследованию природы и роли арифметизации в математике [8].

Как уже было отмечено выше, интенциональность возникает при переводе метаматематических теорем в обыденный язык, который является средством понимания значимости теорем. Первая теорема, выраженная в естественном языке, гласит, что если формальная система арифметики Φ непротиворечива, тогда существует такое предложение в языке Φ , которое Φ не может ни доказать, ни опровергнуть. Вторая теорема, изложение которой на естественном языке влечет массу коннотаций математического и философского толка, гласит: Если система Φ непротиворечива, она не может доказать собственную непротиворечивость. В отличие от первой теоремы, вторая в значительной степени зависит от техники арифметизации. Именно в этом и заключается резкое сужение проблематики интенциональности, по крайней мере в смысле Фефермана. Сам Феферман, во избежание смешения этого узкого смысла интенциональности (и соответственно, экстенциональности), в последующих работах уточнил, что дихотомию «экстенциональное / интенциональное» лучше заменить дихотомией «формальное описание множества» / «формальное описание множества» [9]. Но все-таки, имея в виду определенного рода связь философского и математического (или метаматематического) контекстов интенциональности, следует предпочесть старую терминологию, тем более что она имеет непосредственное отношение к возникновению метаматематической интенциональности.

К. Фрэнкс отмечает три стадии возникновения интенциональности по Феферману [10]. В обыденном языке при описании арифметизации важную роль играет то, что недоказуемое предложение «выражает» собственную недоказуемость. Ныне считается, что для Геделя, который и предложил такой «пересказ» своей первой теоремы о неполноте, такая формулировка играла лишь эвристическую роль, поскольку «выражение» не играет существенной роли в доказательстве первой теоремы. Но вот во второй теореме утверждение о том, что недоказуемое утверждение «выражает» непротиворечивость формальной системы, играет существенную роль. Это подтверждается как раз самой значимостью второй теоремы, которая становится очевидной при переводе формального результата на обыденный язык, поскольку понятие непротиворечивости, конечно же, важно в контексте содержательной математики. Фиксация того, что простого формального доказательства второй теоремы

Геделя недостаточно для его понимания, и представляет первую стадию в приближении к интенциональности.

Затруднение заключается в том, представляет ли проблемный термин «выражение» действительно какую-либо проблему, или же тут нет ничего проблематичного. Суть Второй теоремы можно представить в виде цепочки следующих этапов:

предположение о непротиворечивости $\rightarrow$ формализация понятия непротиворечивости $\rightarrow$ заключение об адекватности такой формализации $\rightarrow$ отсутствие доказательства непротиворечивости при такой формализации.

В этой цепочке, на первый взгляд, нет ничего, что затрудняло бы понимание второй теоремы Геделя. Однако в ней есть слабое звено: как проводится формализация понятия непротиворечивости. Дело в том, что техника арифметизации Геделя производит (или производила) впечатление единственности формализации понятия непротиворечивости. Между тем возникает вопрос о возможности другой формализации непротиворечивости системы. Другими словами, нельзя ли показать, что знания недоказуемости математической формулы в формальной системе вполне достаточно для знания, что непротиворечивость формальной системы недоказуема в этой самой системе никаким другим способом, кроме геделевского? Что последний является единственным из всех возможных, и что невозможно *никакое другое* доказательство непротиворечивости системы в самой системе. Интенциональность заключается в сомнении относительно выделенных курсивом слов. Это вторая стадия возникновения интенциональности.

Важно различать утверждение о непротиворечивости и его арифметизацию: первое является утверждением в языке, обыденном или формальном, а второе — математической формулой последнего. Усилия Фефермана направлены на объяснение того, почему геделевская арифметизация непротиворечивости исключает возможность любого другого доказательства непротиворечивости. Если некоторое доказательство непротиворечивости теории Φ может быть формализовано как Φ -доказательство арифметизации непротиворечивости Φ , но Φ не рассматривает доказанную формулу как утверждение собственной непротиворечивости, неверно полагать это обстоятельство как доказательство теорией Φ собственной непротиворечивости. Потому что аккуратное прочтение ситуации состоит в том, что существует доказательство в Φ формулы, которая арифметизирует непротиворечивость Φ , а не то, что имеется доказательство в Φ собственной непротиворечивости. К. Фрэнкс изящно сравнивает такое положение дел с мифом об Эдипе:

Эдип знал, что по возвращению от Оракула он убил невооруженного царя Фив, но пока прорицатель Тиресий не открыл ему крайне важное тождество лиц, не знал он, что подтвердил предсказание Оракула об убийстве собственного отца [10. Р. 111].

Тождество подобного рода усматривается в том, что определение непротиворечивости должно быть

более полным, так чтобы выражать понятие. В этом случае мы имеем дело с интенциональной стороной арифметизации, в то время как экстенциональная сторона ограничивается лишь правильными нумерическими соотношениями (правильным соотношением геделевых чисел доказательства и доказуемого утверждения). Вторая теорема Геделя говорит о недоказуемой формуле, которая имеет намеренное метаматематическое содержание (утверждение о непротиворечивости), и тогда выражение формулой непротиворечивости теории Φ должно быть точным в том отношении, что Φ распознает его в качестве такого утверждения.

Важной стороной интенциональности является то, что возможные варианты выражения понятия непротиворечивости теории Φ могут оказаться в Φ неэквивалентными. С интенциональной точки зрения никакая формула не может считаться выражением непротиворечивости Φ без того, чтобы Φ не знала об этом. Но тогда странно было бы, что теория Φ может видеть свою непротиворечивость, выраженную формулами, эквивалентность которых не может быть доказана [10. Р. 111]. Таким образом, вторая теорема Геделя справедлива только в том случае, если арифметизация интенционально корректна. Этот вывод завершает третью стадию возникновения интенциональности.

Возникает вопрос, что такое интенциональная корректность арифметизации. Для экстенциональной корректности утверждения A такое объяснение упростим, а именно:

α есть экстенциональная арифметизация A , если и только если, α есть представление A .

Как поясняет Нибергалл, аналогичная характеристика интенциональной арифметизации зависит от конкретного характера A . Так, выражение, являющееся корректной интенциональной арифметизацией непротиворечивости, скажем, Арифметики Пеано, не будет таковой для непротиворечивости аксиоматики Цермело–Френкеля [1. Р. 140]. И все же требуется какой-то положительный критерий того, что является корректной интенциональной арифметизацией понятий. Такой критерий, по Нибергаллу, имеет две части: во-первых, это уже упомянутое требование, чтобы по сравнению с экстенциональной арифметизацией было более полное выражение соответствующего понятия. Здесь «выражение» имеет метаматематический смысл. Во-вторых, различные общие свойства таких понятий должны быть формально выводимы [1. Р. 140].

Упомянутые выше критерии корректности интенциональной арифметизации определяют довольно четко очерченный круг математического дискурса [11]. Поскольку большая часть этого дискурса связана с теорией доказательства, очевидно, что возникновение интенциональных контекстов обязано здесь метаматематическим соображениям. Если термины «интенциональный» в философии, логике и математике вообще имеют между собой нечто общее, должны быть такие темы, которые выводят за пределы собственно метаматематики. Нибергалл говорит о такой интенциональности, как о «серьезной» [1. Р. 150], противопоставляя ее «тривиальной» интенциональности, которая является артефак-

том доказательства второй теоремы Геделя. Следуя этой терминологии, серьезная интенциональность появляется в ряде контекстов, среди которых значительный интерес вызывают два случая: один из них связан с соотношением математического результата и его формулировке на обыденный язык, а другой – с философской концепций неопределенности перевода.

Как видно, оба случая имеют дело с переводом, потому что интенциональная арифметизация, по Нибергаллу, подобна интерпретации [1. Р. 156]. Здесь под интерпретацией имеется в виду отображение теории S в теорию T , каждая из которых представлена в некотором объект-языке. Для случая метаматематической операции арифметизации, если A является интенционально корректной арифметизацией B , тогда B отображается в арифметизацию A . Для более общего случая S заменяется множеством неформальных формулировок в T . С математической точки зрения такое отображение корректно, если объект-язык входит в метаязык. В более свободном понимании перевода формальная теория переводится на обыденный язык. Именно такой перевод приводит к интенциональности, как утверждает Ауэрбах [7].

Он обращает внимание на значительное различие между содержанием собственно математического результата обеих теорем Геделя о неполноте и содержанием их в переводе на обыденный язык. Различие зиждется в своеобразии соответствующих концептуальных каркасов, в каждом из которых понимание релятивизовано к языковым структурам – формальному и обыденному. Действительно, простое сопоставление двух формулировок первой теоремы Геделя говорит о существенных различиях с точки зрения их понимания. Есть математический результат относительно исчисления Робинсона (Q):

Не существует непротиворечивой полной аксиоматизации расширения, и есть его «перевод» на обыденный язык, из которого извлекается собственно значимость результата за пределами узкого каркаса математического дискурса.

Любая достаточно сильная формальная система арифметики неполна.

Такого рода перевод является верным, включая саму схему перевода, хотя в этом случае точное математическое утверждение переходит в предложение, где

точность и определенность математического контекста отсутствуют. Таким образом, две формулировки явно не являются синонимичными в широком смысле этого слова, или, другими словами, они явно различаются по смыслу, который можно понять только в рамках концептуального каркаса. Именно это обстоятельство является причиной возникновения интенциональности, понимаемой в более широком смысле, нежели интенционально корректная арифметизация.

Феномен интенциональности проявляется в известном тезисе У. Куайна о неопределенности радикального перевода [12]. Некоторое выражение A переводится двумя разными, равноправными или равно приемлемыми способами в A' и A'' , но при этом A' и A'' не являются синонимичными. Дальнейшая разработка неопределенности перевода ведет к так называемой онтологической относительности, где языковые проблемы переходят A' и A'' в более широкую плоскость эпистемологии. Отсюда усматривается непосредственная связь интенциональности второй теоремы Геделя и эпистемологических проблем: арифметизация синтаксиса приводит к разным «переводам» понятия непротиворечивости, видимое равноправие которых ставит под сомнение универсальность математически установленного результата.

Таким образом, довольно расплывчатое понятие интенциональности получает различные экспликации в различных контекстах, будь то философская логика или метаматематика. В любом случае, обнаружение интенциональности контекста всегда связано с явным сужением области исследования. Именно это происходило в области философской логики, где интенциональность хорошо обжилась в косвенных контекстах, пропозициональных установках и модальностях, которые не претендуют на центральность в дискурсе, как это имеет место в случае логики первого порядка. То же самое происходит и в математике, где интенциональность проявляет себя в ее узкой части, а именно в метаматематике. Очевидно, что создание более общей теории интенциональности возможно в рамках более общего каркаса, внутри которого должны быть объединены логика и математика. В этом отношении можно надеяться на возобновление логицистского проекта, который бы чисто логические рассуждения сделал естественными и для математики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Niebergall K.-G. Intensionality in Philosophy and Metamathematics // *Intensionality: Lecture Notes in Logic*. 2005. Vol. 22. P. 123–159.
2. Куайн У. Референция и модальность // Куайн У. С точки зрения логики / пер. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2010. С. 200–228.
3. Целищев В.В. Понятие объекта в модальной логике. 2-е изд. М.: Канон+, 2010. 174 с.
4. Рассел Б. Об обозначении // Рассел Б. Избранные труды / пер. В.А. Суровцева. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2007. С. 17–32.
5. Ryle G. Intentionality and the Nature of Thinking // *Revue Internationale de Philosophie*. 1973. Vol. 27. P. 251–262.
6. Jacqueline D. Alexius Meinong, the Shepherd of Non-Being. New York: Springer, 2015. 434 p.
7. Auerbach D. Intensionality and the Godel's Theorems // *Philosophical Studies*. 1985. Vol. 48. P. 337–351.
8. Feferman S. Arithmetization of Metamathematics in a General Setting // *Fundamenta Mathematicae*. 1960. Vol. XLIX. P. 35–92.
9. Feferman S. Autonomous Transfinite Progressions and the Extent of Predicative Mathematics // *Logic, Methodology and Philosophy of Science III* / eds. van Rootselaar B., Staal J. Amsterdam: North-Holland, 1968. P. 121–135.
10. Franks C. The Autonomy of Mathematical Knowledge: Hilbert's Program Revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 228 p.
11. Niebergall K.G. Zur Metamathematik nichtaxiomatisierbarer Theorien. CIS, München, 1996. 186 p.
12. Куайн У. О причинах неопределенности перевода // *Логика, онтология и язык*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 80–92.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 июля 2020 г.

Intensionality: From Philosophical Logic to Metamathematics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 85–89.

DOI: 10.17223/15617793/458/10

Vitaly V. Tselishchev, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: leitval@gmail.com

Keywords: intensionality; extensionality; ontology; metamathematics; syntax arithmetic; Goedel's incompleteness theorem.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00518.

The article is devoted to the study of the status of intensionality in the exact contexts of logical and mathematical theories. The emergence of intensionality in logical and mathematical discourse leads to significant obstacles in its formalization due to the appearance of indirect contexts, the uncertainty of its indication in the theoretical apparatus, as well as the presence of various kinds of difficult-to-account semantic distinctions. The refusal to consider intensionality in logic is connected with Bertrand Russell's criticism of Alexius Meinong's intensionality ontology, and with Willard Van Orman Quine's criticism of the concept of meaning and quantification of modalities. It is shown that this criticism is based on a preference for the theory of indication over the theory of meaning, in terms of the distinction "Bedeutung" and "Sinn" introduced by Gottlob Frege. The extensionality thesis is explicated; by analogy with it the intensionality thesis is constructed. It is shown that complete parallelism is not possible here, and therefore we should proceed from finding cases of extensionality violation. Since the construction of formal logical systems is to a certain extent connected with the programs of the foundations of mathematics, the complex interweaving of philosophical and purely technical questions makes the question of the role of intensionality in mathematics quite confusing. However, there is one clue here: programs in the foundations of mathematics have given rise to metamathematics, which, although it stands alone, is considered a branch of mathematics. It is not by chance that, judging by the problems arising in connection with intensionality, there is a growing suspicion that intensionality can play a significant role in metamathematics. As for the question of the sense in which metamathematics results can be considered mathematical, in terms of the presence of intensional contexts in both disciplines, it is a matter of taste: for example, the autonomy of mathematical knowledge as a result of the desire of mathematicians to eliminate the influence of philosophy that took place in the case of David Hilbert may be worth considering in the context of mathematics. Thus, the rather vague concept of intensionality receives various explications in different contexts, whether it is philosophical logic or metamathematics. In any case, the detection of context intensionality is always associated with a clear narrowing of the research area. It is obvious that the creation of a more general theory of intensionality is possible within a more general framework, in which logic and mathematics must be combined. In this respect, we can hope for the resumption of a logical project, which would be a purely logical consideration made of the natural and the mathematical.

REFERENCES

1. Niebergall, K.-G. (2005) Intensionality in Philosophy and Metamathematics. *Intensionality: Lecture Notes in Logic*. 22. pp. 123–159.
2. Quine, W.V.O. (2010) *S tochki zreniya logiki* [From a Logical Point of View]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 200–228.
3. Tselishchev, V.V. (2010) *Ponyatie ob "ekte v modal'noy logike* [The Concept of an Object in Modal Logic]. 2nd ed. Moscow: Kanon+.
4. Russell, B. (2007) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izd-vo. pp. 17–32.
5. Ryle, G. (1973) Intentionality and the Nature of Thinking. *Revue Internationale de Philosophie*. 27. pp. 251–262.
6. Jacquette, D. (2015) *Alexius Meinong, the Shepherd of Non-Being*. New York: Springer.
7. Auerbach, D. (1985) Intensionality and the Godel's Theorems. *Philosophical Studies*. 48. pp. 337–351.
8. Feferman, S. (1960) Arithmetization of Metamathematics in a General Setting. *Fundamenta Mathematicae*. XLIX. pp. 35–92.
9. Feferman, S. (1968) Autonomous Transfinite Progressions and the Extent of Predicative Mathematics. In: van Rootselaar, B. & Staal, J. (eds) *Logic, Methodology and Philosophy of Science III*. Amsterdam: North-Holland. pp. 121–135.
10. Franks, C. (2009) *The Autonomy of Mathematical Knowledge: Hilbert's Program Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 228 p.
11. Niebergall, K.G. (1996) *Zur Metamathematik nichtaxiomatisierbarer Theorien*. München: CIS.
12. Quine, W.V.O. (2006) O prichinakh neopredelennosti perevoda [Indeterminacy of translation]. Translated from English. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya i yazyk* [Logic, Ontology and Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 80–92.

Received: 15 July 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.7; 327.8

Б.Х. Бахриев, Л.Р. Рустамова

«МЯГКАЯ СИЛА» ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАТО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Представлен анализ публичной дипломатии НАТО в Центральной Азии. Определены основные направления профильной работы Североатлантического альянса в регионе – информационная, научно-образовательная деятельность и экспертная дипломатия. Сделан вывод, что два основных фактора определяют важность публично-дипломатической работы для НАТО в Центральной Азии – негативное отношение к нему среди населения региона и напряженность в отношениях с Россией, что делает аппликацию «мягкосиловых» форматов наиболее предпочтительным способом его присутствия в регионе.

Ключевые слова: «мягкая сила»; публичная дипломатия; НАТО; Центральная Азия.

Осмысление феномена публичной дипломатии является одним из перспективных направлений современных мирополитических исследований. Сегодняшнее беспрецедентное развитие новых инфокоммуникационных технологий, понимание государствами необходимости диверсификации форматов трансграничных коммуникаций, осознание важности несилового проецирования влияния привели не только к приумножению смыслового наполнения публичной дипломатии, но и существенно повлияли на ее прикладные аспекты, расширив номенклатуру ее акторов и процессов, в развитии которых она играет важную роль.

Общепринятого определения публичной дипломатии не существует, однако в современном исследовательском дискурсе она преимущественно атрибутируется государственному актору. Под публичной дипломатией понимается механизм коммуникации одного государства с обществом другого – через использование широкого спектра социально-гуманитарных (культурная дипломатия, научно-образовательные обмены, возможности диаспоры) и информационных ресурсов [1. С. 275–280]. Цель такого взаимодействия заключается в конструировании позитивного имиджа субъекта публичной дипломатии, формировании в целевых государствах общественной поддержки его внешней политики. Такой подход, однако, эстатичен, т.е. фокусируется на опыте / практике государственных акторов, тогда как проблема взаимодействия с обществами в современной мировой политике стоит не только перед государствами, но и перед международными организациями. Данная тематика в концептуальном плане, как справедливо отмечает российская исследовательница Ю. Никитина, в научной и практико-ориентированной литературе остается слабо разработанной [2. С. 119].

Цель настоящей статьи заключается в исследовании особенностей публичной дипломатии НАТО в постсоветской Центральной Азии (далее – ЦА). В работе предпринята попытка теоретического осмысления публичной дипломатии международных межправительственных организаций (далее – МПО) и применения полученных знаний к анализу практического аспекта их профильной деятельности. Выбор в качестве кейса деятельности Организации Североатланти-

ческого договора (далее – НАТО) в постсоветской Центральной Азии представляется интересным с теоретической точки зрения и актуальным в контексте практической значимости. *Во-первых*, любопытным представляется осмысление опыта использования НАТО – институтом «жесткосилового» характера – публичной дипломатии, являющейся инструментом «мягкого» воздействия. *Во-вторых*, небезынтересной с точки зрения теоретико-прикладных аспектов кажется практика публичной дипломатии НАТО в высококонкурентной региональной среде, которую собой представляет постсоветская ЦА. *В-третьих*, практика и накопленный опыт НАТО в реализации публичной дипломатии в ЦА могут оказаться востребованными для аналогичной деятельности близких по природе МПО на постсоветском пространстве.

Исходя из логики поставленной исследовательской цели, авторы вначале представляют краткое теоретическое осмысление публично-дипломатической акторности МПО. Далее будут рассмотрены основные направления публичной дипломатии НАТО и стратегия профильной деятельности Альянса в отношении государств ЦА. В заключительной части работы с использованием методики SWOT-анализа будет сформулирована оценка возможностей публичной дипломатии НАТО в ЦА, определены ее ключевые ограничители на современном этапе.

Теоретико-методологические рамки исследования

Публичная дипломатия в качестве перспективного инструмента внешней политики преимущественно долгосрочного воздействия обычно рассматривается в рамках неолиберальной традиции политической мысли. Видный представитель неолиберальной школы Джозеф Най отводит публичной дипломатии роль инструмента реализации политики «мягкой силы», более широкого понятия, включающего в себя комплекс мероприятий по достижению внешнеполитических целей [3. Р. 94–109]. Следует отметить, что в отличие от «жесткой силы», которая обычно вызывает нужный результат (желательное поведение) целевого объекта прямо, «мягкая сила» действует опосредованно, выступая побуждением того или иного по-

ведения. Соответственно, результат применения / действия «мягкой силы» следует рассматривать по линии «результат как восприятие (отношение) и результат как поведение (действие), обусловленное соответствующим отношением» [4. С. 43]. Другими словами, практическое воплощение «мягкой силы» через использование ресурсов публичной дипломатии начинается от изменения восприятия (отношения) и заканчивается (в идеале) положительными переменами в поведении объекта «мягкой силы». Такой подход делает опросы общественного мнения одним из важных механизмов оценки эффективности публично-дипломатических проектов, поскольку их результаты, несмотря на все ограничения, позволяют выявить динамику изменения восприятия конкретного актора в глазах его целевой аудитории. В этом же контексте можно рассматривать и деятельность современных государств / МПО на виртуальных площадках, контент которых оказывает растущее влияние на формирование международного дискурса и общественного мнения.

Опираясь на вышесказанные суждения, авторы настоящего исследования формулируют гипотезу о том, что в современном мире применение инструментов «жесткой силы» ограничено ввиду моральных запретов, наложенных развитием международного права, формированием в результате распространения процессов глобализации взаимозависимости и взаимосвязанности, что требует даже от военных организаций обращения к инструментам «мягкой силы» для легитимации своего существования. Особенно это актуально для НАТО, который был создан для защиты Европы от СССР, а ныне требует определенной «переквалификации» на новые регионы и направления работы.

Хотя использование ресурсов публичной дипломатии международными межправительственными организациями становится обычной практикой современной мирополитической жизни, дискуссионным остается вопрос о МПО как независимых акторах в профильной сфере, учитывая то, что за их созданием стоят государства. Дискуссии о природе акторности МПО в сфере публичной дипломатии разворачиваются на фоне демократизации дипломатического пространства, т.е. расширения субъектного поля в этой сфере, традиционно считавшейся государственной. Как утверждает голландский исследователь Ян Меллисен, для МПО публично-дипломатическая деятельность является «экзистенциальной необходимостью». По его словам, таким институтам, как ЕС и НАТО, публичная дипломатия помогает коммуницировать не только с внутренней аудиторией (в государствах-членах) для объяснения определенной политики и формирования поддержки международных инициатив, но и с внешним миром – для широкого информирования об их деятельности как международной актора и глобальной нормативной силы [5. Р. 24]. Упомянутые организации в своей публично-дипломатической деятельности прибегают к ресурсам (СМИ, культура, образовательные обмены и др.), которыми пользуются государства. Более того, публичная ди-

пломатия НАТО и ЕС сегодня хорошо структурирована, обладает последовательной стратегией развития, сформулированной с учетом реалий тех регионов, на которые она направлена (см.: [6, 7]).

Помимо вышеупомянутых институтов, можно посмотреть на деятельность других крупных международных организаций через призму публично-дипломатической работы. Например, ООН является не только диалоговой площадкой и инструментом публичной дипломатии для государственных и негосударственных акторов; она сама проводит свою публичную дипломатию. Популяризация своих уставных целей и задач, распространение информации о своей деятельности крайне важны для ООН, и этим направлением в структуре секретариата занимается целый департамент, выпускающий также ежеквартальный электронный журнал «The UN Chronicle». К важной прикладной задаче публичной дипломатии ООН, как отмечают специалисты, относится и работа с населением в странах, куда направляются миротворческие миссии этой организации [8. С. 101]. Публично-дипломатическая деятельность ООН, однако, не всегда успешна. Бывший заместитель Генсека ООН Бриан Уркухарт еще в 1998 г. говорил о бессилии организации в сфере взаимодействия с обществом и называл это бедой организации. Он утверждал, что такая ситуация возникает во многом из-за многообразия мнений внутри организаций, из которых сложно сформулировать согласованную и приемлемую позицию [9. Р. 36]. Высказанные 20 лет назад, эти слова в отношении публичной дипломатии ООН во многом остаются актуальными и по сей день.

В последние годы объектом анализа российских исследователей становится публичная дипломатия международных организаций на постсоветском пространстве и его регионального окружения. Профессор МГИМО К. Боришполец в своих работах исследует вклад публичной дипломатии СНГ в продвижении интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве и предотвращении конфликтов. Анализируя ресурсы публичной дипломатии СНГ, автор делает вывод, что они используются не в полной мере и не всегда планомерно. Публичной дипломатии Содружества предлагается концентрировать внимание на повышении роли «точечных», «углубляющих связи интеграционного проекта с повседневными интересами рядовых граждан» мероприятиях, что представляется актуальной задачей в свете продолжающегося процесса евразийской интеграции [10. С. 111]. Действительно, в рамках международных организаций и в политике интеграционных объединений публичная дипломатия может стать важным механизмом консолидации или инструментом формирования коллективной идентичности. В этом контексте стоит отметить и работу Ю. Никитиной, рассматривающей публично-дипломатическую деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (см.: [2]). Ее исследование актуально с точки зрения практической значимости. Автор формулирует определенные рекомендации по оптимизации деятельности упомянутых организаций в сфере публичной ди-

пломатии и выработке адекватной и отвечающей реалиям сегодняшнего мира коммуникационной модели для интеракции с целевыми аудиториями.

Рассматривая международные организации в качестве акторов публичной дипломатии, все же следует признать, что они по природе своей не могут являться полностью автономными в этой сфере, поскольку задачи их публичной дипломатии во многом коррелируются с внешнеполитическими задачами учредивших их государств. Но при умелом использовании ресурсов публичной дипломатии со стороны международных организаций и государств, они могут органично дополнять друг друга в достижении общих политических целей. Важным моментом для формирования более четкой стратегии публичной дипломатии или ее выраженной институционализации, на наш взгляд, являются определенная ценностная однородность внутри организации, общность политических целей и поддержание большинством ее членов определенного нарратива или дискурса. В противном случае внутренняя «какофония» ценностей, интересов и политических целей будет ограничивать публично-дипломатическую деятельность международной организации. Наглядно такие ограничители можно наблюдать на примере ОБСЕ, а удачным кейсом для первого примера представляется НАТО.

Основные направления публичной дипломатии НАТО на современном этапе

По справедливому замечанию известного американского исследователя публичной дипломатии Филипа Сейба, в современной мировой политике наблюдается повышение значимости «мягкой си-

лы», что осложняет процесс адаптации к новому контексту таким «жесткосиловым» организациям, как НАТО [11. Р. 95–100]. При всей оксюмороничности таких словосочетаний, конструирование «мягкого лица» военной машины Североатлантического альянса через публично-дипломатические программы важно не только для легитимации его международной деятельности, но и для обоснования в глазах глобальной общественности его *raison d'être* в постбиполярный период. Поэтому из всех ныне существующих военно-политических союзов именно НАТО активнее всех прибегает к использованию ресурсов публичной дипломатии. Эти ресурсы, направленные на налаживание общения с широкими массами международной общественности, на повышение осведомленности и формирование понимания и поддержки политики, операций и деятельности НАТО в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе, альянс включает в общий пул средств стратегической коммуникации (см.: [12]).

На фоне вышесказанного, логичным кажется то, что публично-дипломатическая деятельность альянса на современном этапе выделяется высоким уровнем институционализации, достаточно последовательной стратегией работы и значительной адаптивностью к цифровой составляющей современного коммуникационного контекста. Структура учрежденного в 2004 г. Управления публичной дипломатии НАТО (Public Diplomacy Division) официально опирается на четыре ключевые институциональные опоры (рис. 1), однако на деле профильную работу альянс осуществляет через более широкий набор механизмов.

Рис. 2. Структура публичной дипломатии НАТО

(Источник: официальная веб-страница НАТО. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/structure.htm>)

Публично-дипломатический инструментарий НАТО не ограничивается представленными на рисунке структурами. Так, аналитическим и отчетно-оценочным сопровождением профильной деятельности Альянса занимается Комитет публичной дипломатии (*Committee on Public Diplomacy – CMD*). Он ежегодно готовит и издает специальный доклад – «Стратегия публичной дипломатии НАТО». В борьбе за *умы и сердца* международной общественности организация активно использует высококачественную

электронную и печатную продукцию, возможности интернет-телеканала «НАТО-TV», достаточно информативного и регулярно обновляемого сайта; одновременно ведется активная виртуальная работа на популярных социальных и медийных веб-платформах. По состоянию на конец августа 2020 г. на главный канал НАТО в видеохостинге Ютуб подписано более 99 тыс. человек, а общее количество просмотров его контента переваливает за 26 млн; в Фейсбуке за новостями альянса регулярно следят более

1 млн 331 тыс. человек, а в Твиттере и Инстаграме организация имеет более 737 тыс. и 435 тыс. фолловеров соответственно. Такие солидные показатели охвата аудитории и интеракции говорят о значительном присутствии НАТО на информационном поле, о потенциале организации в формировании благоприятного ей международного дискурса.

Отдельно следует отметить научно-экспертное направление публичной дипломатии НАТО, реализуемое через ведущую программу Североатлантического альянса «Наука ради мира и безопасности» (*Science for Peace and Security Programme – SPS*), которая была учреждена еще в 1958 г. в целях оказания содействия подготовке ученых, обмену знаниями и созданию сети экспертов преимущественно в сфере безопасности. Однако приоритетными для SPS считается и усиление поддержки операций и миссий Североатлантического альянса, в том числе и через обеспечение доступа к информации в сети Интернет, социально-культурные аспекты во время военных операций и миссий, наращивание сотрудничества с другими международными организациями [13]. SPS, по мнению российского исследователя А. Бартоша, является частью стратегии публичной дипломатии НАТО; через нее изучается обстановка в различных странах, оказывается целенаправленное влияние на правящую элиту, студенческую и научную общественность стран-партнеров [14].

Вышесказанное говорит о наличии вариативного инструментария НАТО в сфере публичной дипломатии, однако оценить эффективность профильной деятельности альянса на данный момент представляется сложной задачей. Во многом потому, что публичная дипломатия является инструментом преимущественно долгосрочного воздействия. Но в целом в ее актив можно занести определенный вклад в укрепление внутреннего единства Североатлантического альянса, в конструирование бренда *сообщества безопасности*, в ускорение присоединения к альянсу балканских и восточноевропейских государств [15. С. 37–42], в переориентацию общественного мнения и позиции элиты некоторых постсоветских государств в пользу сближения с Североатлантическим альянсом.

В российском направлении натовская публичная дипломатия не добилась существенных прорывов в конструировании «мягкого» лица организации, о чем говорит динамика результатов опросов общественного мнения (см.: [16–19]). Тем не менее профильная работа в России продолжается. Проблема заключается в том, как отмечают некоторые специалисты, что публичная дипломатия НАТО, способствуя укреплению влияния альянса в странах СНГ, одновременно стремится к подрыву «позиций России путем изменения идентичности элит в пользу евроатлантизма» [20. С. 9]. На фоне значительного ухудшения отношений между Россией и НАТО в последние годы такие мнения представляются логичными. В свою очередь, данные амбивалентные подходы в исследовательских кругах и в практической плоскости актуализируют научное осмысление публично-дипломатической деятельности альянса на постсоветском пространстве в целом и в одном

из стратегически важных для России регионов – Центральной Азии.

Публично-дипломатическая деятельность НАТО в Центральной Азии

Центральноазиатское направление публичной дипломатии Североатлантического альянса еще не стало объектом регулярного исследовательского анализа. В существующих публикациях по профильной тематике в контексте постсоветского пространства данный регион рассматривается «по касательной». В имеющихся работах российских экспертов публично-дипломатические проекты НАТО в регионе почти всегда критикуются как антироссийские (см.: [20, 21]). Попытаемся разобраться в том, как Североатлантический альянс проецирует свое «мягкое» влияние на Центральную Азию.

Натовская публичная дипломатия в ЦА, как гласит официальная позиция Североатлантического альянса, направлена на повышение осведомленности об альянсе, о пользе партнерства с ним, а также на взаимодействие с гражданским обществом и ключевыми лицами, формирующими общественное мнение [22]. В этих целях организация создает образовательные сети с региональными университетами, средствами массовой информации и неправительственными организациями (НПО). Последние при поддержке альянса проводят различные мероприятия, такие как тренинги, семинары, конференции и симпозиумы. Активно работают и контактные посольства альянса, в задачи которых входят распространение информации о деятельности и политике НАТО, организация мероприятий образовательного характера, сотрудничество с местной прессой и учреждениями власти и НПО. Учитывая активную деятельность (в том числе и в виртуальном пространстве), привлекательность предлагаемых проектов и хорошо налаженную работу некоторых посольств государств НАТО в регионе (см.: [23]), значимость использования их возможностей в публичной дипломатии будет только возрастать. На данный момент функции контактного посольства НАТО в Казахстане возложены на посольство Нидерландов, в Таджикистане – на США, в Туркменистане – на Италию, а в Узбекистане – на посольство Турции [24].

В 2006 г. в Алматы был открыт Ресурсный и информационный центр НАТО (далее – РИЦ), предоставляющий широкий доступ к необходимым публикациям и документации организации. Одновременно расширяется сеть мультимедийных уголков НАТО (*NATO Multimedia Corner*) и депозитарных библиотек организации в регионе. В целях ознакомления с деятельностью НАТО в штаб-квартиру организации регулярно приглашаются государственные служащие, лица, формирующие общественное мнение, научные сотрудники. В свою очередь, натовские чиновники посещают центральноазиатские государства, встречаются с их представителями, выступают на публичных мероприятиях. В этом аспекте публичной дипломатии Североатлантического альянса значительную роль играл функционировавший до 2017 г. Офис со-

трудника НАТО по связи и взаимодействию со странами Центральной Азии.

Необходимо отдельно отметить научно-экспертное измерение натовской публичной дипломатии в Центральной Азии. Она, как было отмечено выше, преимущественно реализуется через SPS. В Центральной Азии в рамках данной программы на настоящий момент реализовано 12 проектов – по две в Казахстане и Таджикистане и по четыре в Кыргызстане и Узбекистане [25]. Эти проекты затрагивают вопросы управления водными ресурсами, борьбы с загрязнением окружающей среды и природными катаклизмами. Можно утверждать, что данные векторы публичной дипломатии НАТО, помимо прочего, направлены на формирование в глазах центральноазиатской элиты и общественности образа ответственного и конструктивного актора, заинтересованного в решении насущных вопросов стран региона.

Наверное, такая активность НАТО на публично-дипломатическом треке дает повод некоторым российским экспертам утверждать, что страны Североатлантического альянса «окутали» Центральную Азию плотной паутиной неправительственных организаций, СМИ, образовательных учреждений и интернет-сообществ, и все они вовлечены в манипуляции общественно-политическими процессами. Энергичная деятельность «пропагандистов» Североатлантического альянса «...позволила им сформировать в ЦА влиятельный круг молодых успешных, либерально настроенных лидеров, для которых РФ лишена всякой привлекательности. Они открыто заявляют, что с западными партнерами государства региона должны говорить на одном языке, иметь единый глобальный код поведения и коммуникаций» [21].

В контексте темы настоящей статьи такая оценка публичной дипломатии НАТО в Центральной Азии представляется слегка гипертрофированной, поскольку охватывает не столько профильную деятельность самого Североатлантического альянса, сколько его отдельных членов. Конечно, их задачи коррелируются, но в фокусе данной работы находится публичная дипломатия исключительно самого НАТО. Более того, если в качестве одного из индикаторов оценки эффективности публичной дипломатии НАТО рассматривать опросы общественного мнения, то доступные результаты проведенных *vox populi*, по крайней мере в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, демонстрируют достаточно негативное отношение граждан этих республик к НАТО [26].

Учитывая неоднородность уровня взаимоотношения НАТО с государствами ЦА, отличается и интенсивность региональных направлений его публичной дипломатии. Достаточно масштабной представляется профильная работа НАТО в *Казахстане*, который имеет наиболее продвинутый уровень кооперации с Североатлантическим альянсом. Обусловлено это не только относительной развитостью институтов гражданского общества в республике, но и наличием более солидных ресурсов в осуществлении декларируемой многовекторной внешней политики и уже существующего разнообразия форматов кооперации с Североатлантическим альянсом. РИЦ, функционирующий на

факультете международных отношений Университета имени Аль-Фараби, занимается реализацией научно-образовательного измерения натовской публичной дипломатии. Центр оказывает содействие в развитии не только вуза базирования, но и научно-экспертным институтам в исследованиях по европейской тематике; предоставляет информационные услуги по вопросам деятельности Североатлантического альянса и его институтов; распространяет и популяризирует опыт НАТО в организации международного сотрудничества и повышении квалификации персонала вузов региона [27. Р. 735–738]. РИЦ уделяет внимание работе с молодым поколением. Например, молодежный форум «Модель НАТО» предоставляет студентам возможность изучить роль, структуру и деятельность Североатлантического союза в современном мире, как и вопросы в области политики, безопасности и экономики, стоящие перед НАТО. Хотя следует отметить, что последний такой форум был проведен в 2014 г. с участием более 70 студентов из ведущих университетов и военных учебных заведений Казахстана [28]. Также необходимо заметить, что из 16 депозитарных библиотек НАТО две находятся в Казахстане – в Нурсултане и Алматы [29]. Задачи таких сетей депозитарных библиотек НАТО видит в обеспечении широкой общественности страны базирования доступом к документам и публикациям альянса, что позволяет лучше понять его и преследуемые им цели.

В отношениях между Казахстаном и НАТО приоритетным направлением, помимо военно-технического сотрудничества, определено взаимодействие между военными учебными институтами, консультациями со стороны альянса в области профессиональной подготовки и образования, консультации по реформированию системы военного образования с учетом стандартов стран НАТО, содействие в подготовке военных кадров [30]. Хотя НАТО не включает программы подготовки военных кадров для стран-партнеров в перечень публично-дипломатической работы, однако, на наш взгляд, стратегически именно это направление является одним из перспективных инструментов формирования лояльных кругов – партнеров организации в среде военной элиты. Данная мысль прослеживается в словах спецпредставителя НАТО по Центральной Азии и Кавказу Джеймса Аппатурай, еще в 2011 г. выражавшего уверенность в том, «обмены между курсантами военных училищ и слушателями военных академий, совместные учения и семинары, стажировки и поставки учебного оборудования превратятся в постоянный фактор отношений НАТО с государствами Кавказа и Центральной Азии, где взгляды на будущее могут начать меняться быстрее, чем это кажется возможным сегодня» [31. С. 35].

Отношения между *Кыргызстаном* и НАТО в последнее десятилетие не выделяются высокой интенсивностью, что можно связать с твердой позицией руководства республики на евразийскую интеграцию и сближение с Россией. Предлагаемый НАТО пакет кооперации формируется преимущественно публично-дипломатическими инициативами. Кыргызстан с 1993 г. участвует в программе SPS, которая, как считают в альянсе, имеет высокую публично-дипло-

матическую ценность. В рамках данного научного сегмента натовской публичной дипломатии с начала 2010-х гг. эксперты Североатлантического альянса (представленные Турцией) организовали для военных и гражданских специалистов в Кыргызстане несколько тренингов и семинаров по кибербезопасности, антитерроризму, особенностям вербовочной политики современных экстремистов; был реализован долгосрочный проект по оценке загрязнения трансграничных рек региона и оценена сейсмическая безопасность зоны расположения Токтогульской ГЭС [32].

Начиная с 2010 г. в Кыргызстане НАТО участвует в реализации программы по переподготовке уволенных силовиков, социальной адаптации военнослужащих после окончания службы в рядах вооруженных сил. С 2015 г. альянс в сотрудничестве с Американским университетом в Центральной Азии (АУЦА) запустил новый проект, в рамках которого проводится обучение действующих военнослужащих ВС Кыргызстана английскому языку. В апреле 2016 г. состоялся выпуск первой группы военнослужащих в рамках данного пилотного проекта. Такие мероприятия обычно освещает местная пресса, а официальная веб-страница НАТО приводит комментарии благодарных выпускников, в которых демонстрируется переосмысление имиджа НАТО. Например, один из уволенных с военной службы офицеров, который обучался на курсах по информационным технологиям, говорит, что «во время моей службы в советское время меня учили, что НАТО наш враг. Кто бы мог подумать, что однажды мне придется поблагодарить НАТО за помощь в возвращении к работе» [33].

Следует отметить, что НАТО считает АУЦА важным партнером в реализации своего образовательного измерения публичной дипломатии в Кыргызстане. В 2014 г. Управление публичной дипломатии НАТО открыло в названном вузе мультимедийный уголок НАТО [34], который призван содействовать повышению общественного интереса к деятельности альянса, обеспечивать ученых, студентов и других заинтересованных лиц актуальной литературой и материалами по глобальной безопасности и проблемам международных отношений.

Альянс сотрудничает и с Дипломатической академией Кыргызстана – депозитарием мультимедийной библиотеки НАТО, в задачи которой входит трансляция студентам точки зрения Североатлантического альянса по международной политике, региональной и глобальной безопасности. Следует уточнить, что на данный момент названная библиотека по техническим причинам не работает. НАТО финансирует не только локальные семинары и тренинги, проходящие в Дипломатической академии, но и крупные региональные конференции; выступления в стенах вуза видных официальных представителей альянса. К примеру, в октябре 2016 г. с лекцией о деятельности альянса в Центральной Азии перед студентами выступил спецпредставитель Генсека НАТО по странам Центральной Азии и Кавказа Дж. Аппатурай [35].

К проектам борьбы за *умы и сердца* перспективного молодого поколения региона в целом и Кыргызстана в частности можно причислить региональную

«Летнюю школу» для молодых дипломатов из стран Центральной Азии, Афганистана и Монголии, которую организывает Дипломатическая академия Кыргызстана. В 2015 и 2016 гг. данная «школа» была организована при поддержке Управления публичной дипломатии НАТО [36]. Важно уточнить, что участники данной программы обычно проходят конкурсный отбор, в котором участвуют претенденты с рангом ниже первого секретаря и опытом работы в области дипломатии, международных отношений, безопасности, экономики и права.

Кыргызско-натовские отношения в сфере «high politics», по справедливому замечанию некоторых российских экспертов, на данном этапе стагнируют [37. С. 78]. В этих условиях свое присутствие в Кыргызстане НАТО поддерживает в основном механизмами публичной дипломатии, особенно через программы научно-образовательного характера. Визит в начале 2019 г. группы офицеров Североатлантического альянса [38], которые посетили Военный институт Вооруженных сил Кыргызстана и предложили варианты сотрудничества института с профильными вузами государств НАТО, можно трактовать как одну из свежих попыток сохранения или активизации публично-дипломатической активности альянса в этой стране.

Таджикистан в период активной фазы афганской кампании международной коалиции в Афганистане был в фокусе регулярного внимания Североатлантического союза. Однако после 2014 г. интерес альянса к республике постепенно снижался, а практическое взаимодействие сконцентрировалось на публично-дипломатическом треке. Наименшая активность наблюдается в научно-образовательном и молодежном аспектах. В рамках первого организуются конференции, курсы и тренинги для военнослужащих, гражданских активистов и локальных НПО по вопросам безопасности, проблемам окружающей среды, использования водных ресурсов и т.д. Преимущественно данные мероприятия проходят под эгидой программы SPS [39]. Примером площадки для работы с молодым поколением служила региональная молодежная летняя академия НАТО в Таджикистане, в рамках которой дипломаты и эксперты из стран НАТО выступают перед студентами с лекциями по вопросам безопасности. Летняя академия НАТО проходила ежегодно с 2005 г., однако после последней встречи в 2014 г. дальнейшая судьба этого публично-дипломатического механизма остается под вопросом. Хотя официальные лица Североатлантического альянса называли данную инициативу уникальной площадкой, помогающей «будущим лидерам расширять знания в области международных отношений и одновременно строить долгосрочные отношения со своими коллегами из региона» [40].

Анализ динамики деятельности НАТО в Таджикистане в целом и в сфере публичной дипломатии в частности позволяет говорить о значительной «афганоцентричности» подхода альянса во взаимодействии с республикой. После вывода основных сил международной коалиции из соседнего с Таджикистаном Афганистана наблюдается объективное сокращение при-

существования НАТО в республике, хотя отдельные инициативы публично-дипломатического направления продолжают осуществляться. Рассуждения российских специалистов о том, что на данный момент мероприятия НАТО в Таджикистане выглядят скорее как «демонстрация флага» [37], в этом свете представляются достаточно убедительными.

Туркменское направление публичной дипломатии НАТО в регионе ЦА наименее активно, что связано со статусом Туркменистана как нейтральной государственности и достаточно изоляционистской политикой Ашхабада. После прихода к власти Гурбангулы Бердымухамедова в 2007 г. Туркменистан предпринял ряд демонстрационных шагов по активизации отношений с НАТО, однако значительного продвижения не последовало.

Публично-дипломатическая работа альянса в республике в основном ограничивается незначительными публичными мероприятиями, небольшими по масштабу тренировочными программами по борьбе с контрабандой наркотиков, преступностью и пр. В рамках SPS еще в начале 2000-х гг. академические учреждения и университеты Туркменистана были подключены к интернету, получили сетевое оборудование, средства для дистанционного обучения. Самым крупным публичным мероприятием, организованным НАТО в Туркменистане за последние годы, стала региональная конференция «Мир и стабильность в Центральной Азии и Афганистане: взгляд из нейтрального Туркменистана» [41]. Она состоялась в Ашхабаде в марте 2015 г. и была включена в официальную программу мероприятий, проводимых в Туркменистане в рамках празднования 20-летия принятия резолюции Генассамблеи ООН о признании нейтралитета республики.

В целом анализ публичной дипломатии НАТО в Туркменистане показывает, что реализованные профильные проекты и временами выдвигаемые инициативы со стороны Североатлантического альянса во многом носят имиджевый характер, призваны демонстрировать присутствие альянса в республике. Ашхабаду же это позволяет поддерживать прагматические рабочие отношения с НАТО.

Для *узбекистанского* направления натовской публичной дипломатии, как и для отношений между Ташкентом и альянсом в целом, всегда были характерны значительные колебания. После андижанских событий 2005 г. уровень взаимодействия сторон заметно понизился, западные эксперты призывали НАТО в отношениях с Ташкентом не жертвовать демократическими ценностями ради сохранения надежного коридора поставок необходимых грузов для афганской кампании [42]. Однако уже к 2013 г. наблюдалась позитивная динамика взаимодействия между сторонами. Коснулась это и публично-дипломатической работы НАТО. В 2014 г. упомянутый выше Дж. Аппатурай открыл Депозитарную библиотеку НАТО при Университете мировой экономики и дипломатии в Ташкенте. Начиная с 2013 г. Узбекистан участвует в работе Программы углубления военного образования (*Defence Education Enhancement Program – DEEP*) [43], направленной на упрочение контактов между военными вузами стран НАТО и

профильными учебными заведениями стран-партнеров. Ключевым партнером НАТО в этом направлении выступает Академия Вооруженных сил Республики Узбекистан. В Академии ВС в 2015 г. был открыт мультимедийный уголок НАТО, предоставляющий слушателям и преподавательскому составу доступ к актуальным научным материалам по международным отношениям, военной науке, региональной и международной безопасности. Кроме того, в данном центре можно получить книги по профильной тематике, официальные публикации альянса, оформить подписку на журналы и воспользоваться инструментами исследований Библиотеки НАТО «LibGuides».

Важную роль в продвижении публично-дипломатических инициатив НАТО в Узбекистане играл сотрудник НАТО по связи и взаимодействию со странами Центральной Азии, который базировался как раз в Ташкенте. Именно данный офис организовывал курсы изучения английского языка для офицеров ВС Республики Узбекистан. В 2016 и 2017 гг. сертификаты прохождения данных курсов получили 38 представителей среднего и старшего офицерского состава. К слову, вручение сертификатов в 2017 г. было последним мероприятием, которое провел Офис сотрудника НАТО по связи и взаимодействию со странами Центральной Азии. В 2017 г. данный пост был ликвидирован (официально из соображений экономии средств), и с тех пор никаких значительных мероприятий в сфере публичной дипломатии у НАТО в Узбекистане не было. Такая пассивность касается и экспертно-научного измерения. На данный момент в республике у НАТО нет «активных» проектов в рамках SPS. Динамика публично-дипломатической активности НАТО в Узбекистане, как представляется, логично вписывается в общерегиональный тренд сокращения профильной работы альянса. Однако позитивные внутривластные тенденции последних лет, активность Ташкента в урегулировании афганского кризиса оставляют «двери» открытыми для «возвращения» НАТО в Узбекистан.

Опираясь на анализ центральноазиатского направления публичной дипломатии НАТО, можно утверждать, что Североатлантический альянс в ЦА имеет значительный опыт в рассматриваемой сфере. В целом специфика центральноазиатского региона и сферы деятельности НАТО детерминируют преимущественно элитно-центристский характер натовской публичной дипломатии в регионе, хотя организация стремится к диверсификации своих публично-дипломатических инициатив, расширению объектного поля профильной работы за счет молодого поколения / студентов, научного сообщества и др.

Хотя на данном этапе наблюдается отчетливая тенденция к сокращению присутствия НАТО в ЦА, тем не менее, реализация проектов публично-дипломатической направленности продолжается (см.: [44]). Учитывая крайне негативный тренд в отношениях между Россией и НАТО в последние годы, альянс может реактивизировать свою политику в центральноазиатском направлении для ослабления там влияния Москвы. Поскольку страны региона связаны с Россией союзническими обязательствами, ограничивающими их военное сотрудниче-

ство с НАТО, то для последнего более удобным форматом проецирования влияния представляется именно публично-дипломатическое направление. Такой возможный сценарий актуализирует изучение слабых и сильных сторон публичной диплома-

тии НАТО, ее возможностей и ограничителей. В приведенной таблице авторы, используя – в достаточно симплифицированной форме – метод SWOT-анализа, обобщают характеристики потенциала публичной дипломатии НАТО в ЦА.

Т а б л и ц а

SWOT-анализ публичной дипломатии НАТО в Центральной Азии

	S	W	O	T
НАТО	– Институциональное присутствие в регионе (контакты посольства). – Локализация информационных ресурсов. – Востребованность проектов. – Работа с молодым поколением	– Отсутствие информационных инструментов на языках региона. – Элитоцентризм. – Финансовые ограничения	– Растущее число пользователей интернета в регионе. – Престиж английского языка и западного образования. – Востребованность научно-аналитических проектов	– Сильные позиции информационных инструментов РФ. – Негативные ассоциации и отрицательное отношение населения

Общие выводы

По итогам проведенного исследования можно сформулировать ряд общих выводов:

Во-первых, несмотря на то что публичная дипломатия рассматривается преимущественно как деятельность государственных акторов, к этому инструменту взаимодействия с внутренним и зарубежным обществами на сегодняшний день все чаще прибегают и международные организации. Этот момент, касающийся демократизации субъектного поля публичной дипломатии, еще не стал объектом регулярного научного анализа.

Во-вторых, использование ресурсов публичной дипломатии представляется наиболее актуальным для тех организаций, деятельность которых так или иначе связана с вопросами *high politics*. Для них публичная дипломатия является не только средством информирования международной общественности о своей политике и популяризации своих целей, но и способом конструирования «мягкого лица» и средством обоснования смысла своего существования. В первую очередь данное утверждение актуально в отношении НАТО в постбиполярный период. Соответственно, логичным кажется значительное внимание Североатлантического альянса развитию ресурсов публичной дипломатии – направление работы, институционализированное и достаточно хорошо адаптированное к требованиям современной виртуальной коммуникации.

В-третьих, НАТО с вариативной степенью активности использует форматы публичной дипломатии в Центральной Азии. Имеет значительный опыт в регионе в сфере научно-образовательной деятельности (особенно в области подготовки военных кадров), экспертной дипломатии, информационной работы. По степени интенсивности и многоаспектности профильной работы в Центральной Азии активность НАТО можно ранжировать от наибольшей в Казахстане до наименьшей в Туркменистане. На данный момент оценить эффективность профильной работы НАТО в регионе представляется затруднительным, хотя опросы общественного мнения в ЦА демонстрируют негативное отношение к альянсу. Для НАТО это является как вызовом, так и сигналом / стимулом для продвижения более активной публичной дипломатии.

И, в-четвертых, на фоне растущей детериорации взаимоотношений между Россией и НАТО, которая вряд ли останется без последствий для уровня и форматов кооперации Североатлантического альянса с центральноазиатскими государствами, публично-дипломатическая деятельность становится наиболее предпочтительным и наименее чувствительным аспектом присутствия НАТО в Центральной Азии. Системная и последовательная работа на данном направлении может создать благоприятную почву для «возвращения» НАТО в регион в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. Вып. № 2. С. 275–280.
2. Никитина Ю. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 112–127.
3. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94–109.
4. Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 42–53.
5. Melissen J. Beyond the New Public Diplomacy. Clingendael Papers. 2011. № 3. 28 p.
6. Антохова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 21–27.
7. Зонова Т. Публичная дипломатия Европейского Союза // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 70–88.
8. Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии : дис. ... канд. полит. наук. М. : МГИМО (У), 2011. 210 с.
9. Vinogradov S. Peacekeeping: we need serious Rethinking // UN Chronicle, 1998. Vol. 35, № 3. URL: <https://www.questia.com/library/p1200/un-chronicle/i2631040/vol-35-no-3-fall> (дата обращения: 01.02.2020).
10. Борищопец К. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов // Публичная дипломатия : Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 89–111.
11. Seib Ph. Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO // The Fletcher Forum of World Affairs. 2014. Vol. 38, is. 1. P. 95–100.

12. Schindler C. Proactively preserving the inward quiet: Public Diplomacy and NATO // *Defence Strategic Communications*. 2015. Vol 1, is. 1. P. 133–146.
13. Подробнее о программе НАТО «Наука ради мира и безопасности». URL: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2014_01/20140127_140127-Brochure_SPS_ru.pdf (дата обращения: 13.01.2020).
14. Бартош А. Публичная дипломатия в конфликтах современности // *Независимая газета*. 2017. 21 июля. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2017-07-21/11_957_diplomatia.html (дата обращения: 07.02.2020).
15. Корнев Е.С. Общественная дипломатия НАТО на постсоветском пространстве // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2013. № 1. С. 37–42.
16. Восприятие НАТО населением России. Аналитический отчет по результатам социологических исследований ВЦИОМ, 15.06.2006. URL: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).
17. Россияне о НАТО (Новгородская область) // Информационное бюро НАТО в Москве. 2013. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf
18. NATO Publics Have Negative View of Russia as Russian Ratings of West Plummet // *Pew Research Center*. 2015. June 8. URL: <https://www.pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid/russia-ukraine-report-39/> (дата обращения: 25.12.2019).
19. Schafer B. Ally or Adversary? Public Opinion of NATO in Post-Soviet Russia // *USC Center for Public Diplomacy*, 2016. 20 p. URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u31086/NATO-Russia%20Final%20Paper.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).
20. Бартош А.А. Эволюция общественной дипломатии НАТО // *Дипломатическая служба*. 2014. № 3. С. 6–11.
21. Белобров Ю. Что ищет НАТО в краю далеком? // *РСМД*, 25.06.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/chto-ishet-nato-v-krayu-dalekom/> (дата обращения: 11.02.2020).
22. NATO Backgrounder. Partners in Central Asia. NATO Public Diplomacy Division, 2014. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/stock_publications/20140505_140505-Backgrounder_CentralAsia_EN_lowres.pdf (дата обращения: 12.12.2019).
23. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии // *Международная аналитика*. 2018. № 1 (23). С. 31–39.
24. Allied Contact Point Embassies (01.01.2017–31.12.2018) // Сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170613_170613-cpe-2017-2018.pdf
25. Selected Projects funded by NATO within Science for Peace and Security Programme. URL: https://www.nato.int/science/studies_and_projects/nato_funded/index.htm#tbl
26. Smith M. Most NATO Members in Eastern Europe See It as Protection. Gallup. February 10. 2017. URL: <https://news.gallup.com/poll/203819/nato-members-eastern-europe-protection.aspx>
27. Karakulov Y., Baizakova K. Regional Security Issue: Central Asian Countries and NATO Cooperation (On the Example of Kazakhstan) // *International Scholarly and Scientific Research & Innovation*. 2013. Vol. 7 (3). P. 735–738.
28. NATO simulation game in Almaty, Kazakhstan // NATO web site. 2014. 27 Nov. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_115715.htm?selectedLocale=en
29. NATO depository libraries. URL: <http://www.natolibguides.info/library/depository>
30. О сотрудничестве Казахстана с НАТО. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/nato>
31. Акматалиева А.М. НАТО и государства центральноазиатского региона: перспективы сотрудничества // *Сравнительная политика*. 2012. № 4 (10). С. 32–35.
32. The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Kyrgyz Republic. URL: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Kyrgyz-Republic.pdf>
33. Kyrgyz officers graduate from NATO-supported courses // NATO's website, 27.04.2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_132113.htm?%20selectedLocale=ru (accessed: 17.01.2020).
34. Opening of the NATO Multimedia Corner at AUCA. AUCA's official web-page. 2014. October 22. URL: https://auca.kg/en/auca_news/1723/ (accessed: 17.01.2020).
35. Сообщение о встрече руководства Дипломатической академии МИД КР им. К. Дикамбаева со Специальным представителем Генерального секретаря НАТО по странам Центральной Азии и Кавказа Джеймсом Аппатураем // Официальная веб-страница Дипломатической академии МИД КР, 19.10. 2016. URL: <http://dipacademy.kg/?p=1759> (дата обращения: 05.12.2019).
36. NATO supports first regional summer school for junior diplomats from Central Asia and Afghanistan // NATO's official website. 2015. June. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120649.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.02.2020).
37. Петровская О.В., Шевченко А.М. и др. НАТО в политике постсоветских государств после воссоединения Крыма с Россией // *Проблемы национальной стратегии*. 2018. № 2 (47). С. 11–100.
38. Офицеры НАТО побывали в Кыргызстане. Зачем приезжали. Sputnik Кыргызстан, 01.02.2019. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20190201/1043134365/kyrgyzstan-gkdo-oficery-vizit.html> (дата обращения: 22.12.2019).
39. The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Tajikistan. URL: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Tajikistan.pdf> (дата обращения: 09.01.2020).
40. NATO-supported Summer Academy in Tajikistan focuses on development and cooperation. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_121793.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 11.01.2020).
41. Turkmenistan and NATO hold forum on regional peace and stability. NATO's official website, 09.03.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_117959.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 12.11.2019).
42. Horton S. Uzbekistan as a Values Challenge for NATO // *Harper's Magazine*, March 5. 2012. URL: <https://harpers.org/blog/2012/03/uzbekistan-as-a-values-challenge-for-nato/> (дата обращения: 21.02.2020).
43. Partnership for Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institute. 2013 Annual Report. 2014. March. URL: <http://www.pfp-consortium.org/index.php/publications/annual-reports/item/85-2013-annual-report> (дата обращения: 07.02.2020).
44. Mukhtorova U. Central Asia and NATO against a Backdrop of Changing Geopolitical Realities. Rome: NATO Defense College ("NDC Fellowship Monograph Series"). 2018. 40 p.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 августа 2020 г.

Soft Power of a Military Organization: NATO's Public Diplomacy in Central Asia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 90–100.

DOI: 10.17223/15617793/458/11

Bahri Kh. Bahriev, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Leili R. Rustamova, MGIMO University (Moscow, Russian Federation); Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Keywords: soft power, public diplomacy, NATO, Central Asia.

This article analyzes the features of NATO's public diplomacy in Central Asia. Based on the neoliberal concept of soft power, the authors expand public diplomacy's actorness domain, considering its manifestations in the activities of international organizations. The NATO case shows how international organizations can use resources of public diplomacy to legitimize their existence in the changing realities of world politics, to popularize their charter goals and their mission in the international arena, and to garner support for their policies. To this end, NATO not only brings into use a wide range of mechanisms of traditional public diplomacy (print production, scientific and educational exchanges, television), but also actively works in the virtual field (video hosting services, social networks). These areas of the Alliance's relevant work also cover the post-Soviet Central Asia, which is considered a strategically important region for Russia's interests. This moment determines the predominantly public-diplomatic nature of NATO's package of cooperation offered to the countries of the region. Firstly, the military-political relations of Russia with Central Asian states do not leave significant space for NATO's "hard-power" presence in the region. Secondly, existing opinion polls in some Central Asian countries show negative attitude towards NATO, which requires from the latter to boost its soft power activities. The authors highlight three areas of the Alliance's core work in the region: information work, scientific and educational work, and expert diplomacy. These mechanisms of public diplomacy not only work on such tactical tasks as raising awareness about the Organization and promoting narrative about the benefits of partnering with it, but also pursue strategic goals—forming loyal circles through interaction with civil society, public opinion leaders, and through training of military personnel, engaging with young generation in the countries of the region. A simplified SWOT analysis the authors conducted shows that despite the attractiveness of NATO's public diplomacy projects for segments of the region's population, a number of factors limit its activities. The authors found that, according to the degree of intensity and multidimensionality, NATO's public diplomacy in Central Asia varies from the most active in Kazakhstan to the least in Turkmenistan. The authors come to the conclusion that, in the face of current strained Russia–NATO relations, formats of public diplomatic work are becoming the most preferable and least sensitive aspect of maintaining the Alliance's presence in Central Asia.

REFERENCES

1. Dolinskiy, A.V. (2011) Evolution of Public Diplomacy Theoretical Grounds. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2. pp. 275–280. (In Russian).
2. Nikitina, Yu. (2017) Publichnaya diplomatiya v rabote mezhpripravitel'stvennykh organizatsiy: ODKB i ShOS [Public diplomacy in the work of intergovernmental organizations: the CSTO and the SCO]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow: Aspekt Press. pp. 112–127.
3. Nye, J. (2008) Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 616. pp. 94–109.
4. Pestsov, S.K. & Bobylo, A.M. (2015) Soft power in world politics: The typology of approaches to measurement and evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (31). pp. 42–53. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/31/5
5. Melissen, J. (2011) Beyond the New Public Diplomacy. *Clingendael Papers*. 3.
6. Antyukhova, E.A. (2016) NATO's public diplomacy in the epoch of globalization. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 3 (72). pp. 21–27. (In Russian).
7. Zonova, T. (2017) Publichnaya diplomatiya Evropeyskogo Soyuza [The EU public diplomacy]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow: Aspekt Press. pp. 70–88.
8. Dolinskiy, A.V. (2011) *Sovremennye mekhanizmy sotrudnichestva v ramkakh publichnoy diplomatii* [Modern mechanisms of cooperation in the framework of public diplomacy]. Political Science Cand. Diss. Moscow: MGIMO (U).
9. Vinogradov, S. (1998) Peacekeeping: We need serious Rethinking. *UN Chronicle*. 35 (3). [Online] Available from: <https://www.questia.com/library/p1200/un-chronicle/i2631040/vol-35-no-3-fall>. (Accessed: 01.02.2020).
10. Borishpolets, K. (2017) Vklad publichnoy diplomatii SNG v integratsionnoe sotrudnichestvo i predotvrashchenie konfliktov [Contribution of CIS public diplomacy to integration cooperation and conflict prevention]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow: Aspekt Press. pp. 89–111.
11. Seib, Ph. (2014) Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 38 (1). pp. 95–100.
12. Schindler, C. (2015) Proactively preserving the inward quiet: Public diplomacy and NATO. *Defence Strategic Communications*. 1 (1). pp. 133–146.
13. NATO. (2014) *Podrobnее o programme NATO "Nauka radi mira i bezopasnosti"* [Learn more about NATO's Science for Peace and Security Programme]. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2014_01/20140127_140127-Brochure_SPS_ru.pdf. (Accessed: 13.01.2020).
14. Bartosh, A. (2017) Publichnaya diplomatiya v konfliktakh sovremennosti [NATO's public diplomacy in the post-Soviet space]. *Nezavisimaya gazeta*. July 21. [Online] Available from: http://nvo.ng.ru/concepts/2017-07-21/11_957_diplomatia.html. (Accessed: 07.02.2020).
15. Korenev, E.S. (2013) NATO Public Diplomacy in the Post-Soviet Space. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy*. 1. pp. 37–42. (In Russian).
16. VCIOM. (2006) *Vospriyatie NATO naseleniem Rossii. Analiticheskiy otchet po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy VtsIOM* [Perception of NATO by the Russian population. Analytical report on the results of sociological research by VCIOM], June 15. [Online] Available from: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf>. (Accessed: 01.02.2020).
17. NATO Information Office in Moscow. (2013) *Rossiyanе о NATO (Novgorodskaya oblast')* [Russians about NATO (Novgorod Oblast)]. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf.
18. Pew Research Center. (2015) *NATO Publics Have Negative View of Russia as Russian Ratings of West Plummet*. June 8. [Online] Available from: <https://www.pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid/russia-ukraine-report-39/>. (Accessed: 25.12.2019).
19. Schafer, B. (2016) *Ally or Adversary? Public Opinion of NATO in Post-Soviet Russia*. USC Center for Public Diplomacy. [Online] Available from: <https://www.uscpubdiplomacy.org/sites/uscpubdiplomacy.org/files/useruploads/u31086/NATO-Russia%20Final%20Paper.pdf>. (Accessed: 07.02.2020).
20. Bartosh, A.A. (2014) Evolution of NATO's public diplomacy. *Diplomaticheskaya sluzhba – Diplomatic Service*. 3. pp. 6–11. (In Russian).
21. Belobrov, Yu. (2018) Chto ishchet NATO v krayu dalekom? [What is NATO looking for in a distant land?]. *RSMD*, 25 June. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/chto-ishchet-nato-v-krayu-dalekom/>. (Accessed: 11.02.2020).
22. NATO Public Diplomacy Division. (2014) *NATO Backgrounder. Partners in Central Asia*. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/stock_publications/20140505_140505-Backgrounder_CentralAsia_EN_lowres.pdf. (Accessed: 12.12.2019).
23. Bakhriev, B.Kh. (2018) Public Diplomacy as an Instrument for Obtaining Foreign Policy Goals of the USA in Central Asia. *Mezhdunarodnaya analitika – Journal of International Analytics*. 1 (23). pp. 31–39. (In Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-1-32-39

24. NATO. (2018) *Allied Contact Point Embassies (01.01.2017–31.12.2018)*. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170613_170613-cpe-2017-2018.pdf.
25. NATO. (2011) *Selected Projects funded by NATO within Science for Peace and Security Programme*. [Online] Available from: https://www.nato.int/science/studies_and_projects/nato_funded/index.htm#tbl.
26. Smith, M. (2017) Most NATO Members in Eastern Europe See It as Protection. *Gallup*. February 10. [Online] Available from: <https://news.gallup.com/poll/203819/nato-members-eastern-europe-protection.aspx>.
27. Karakulov, Y. & Baizakova, K. (2013) Regional Security Issue: Central Asian Countries and NATO Cooperation (On the Example of Kazakhstan). *International Scholarly and Scientific Research & Innovation*. 7 (3). pp. 735–738.
28. NATO. (2014) *NATO simulation game in Almaty, Kazakhstan*. November 27. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_115715.htm?selectedLocale=en.
29. *NATO depository libraries*. [Online] Available from: <http://www.natolibguides.info/library/depository>.
30. Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan. (n.d.) *O sotrudnichestve Kazakhstana s NATO* [On cooperation of Kazakhstan with NATO]. [Online] Available from: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/nato>.
31. Akmataliyeva, A.M. (2012) NATO and Central Asian states: The prospects of cooperation. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 4 (10). pp. 32–35. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-4(10)-32-35
32. NATO. (2018) *The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Kyrgyz Republic*. [Online] Available from: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Kyrgyz-Republic.pdf>.
33. NATO. (2016) *Kyrgyz officers graduate from NATO-supported courses*. April 27. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_132113.htm?%20selectedLocale=ru. (Accessed: 17.01.2020).
34. AUCA. (2014) *Opening of the NATO Multimedia Corner at AUCA*. October 22. [Online] Available from: https://auca.kg/en/auca_news/1723/. (Accessed: 17.01.2020).
35. Diplomatic Academy MFA KR. (2016) *Soobshchenie o vstreche rukovodstva Diplomaticheskoy akademii MID KR im. K. Dikambaeva so Spetsial'nym predstavitelem General'nogo sekretarya NATO po stranam Tsentral'noy Azii i Kavkaza Dzheymson Appaturaem* [Report on the meeting of the leadership of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambayev with James Appathurai, Special Representative of the NATO Secretary General for Central Asia and the Caucasus]. October 19. [Online] Available from: <http://dipacademy.kg/?p=1759>. (Accessed: 05.12.2019).
36. NATO. (2015) *NATO supports first regional summer school for junior diplomats from Central Asia and Afghanistan*. June. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120649.htm?selectedLocale=en. (Accessed: 07.02.2020).
37. Petrovskaya, O.V. et al. (2018) NATO v politike postsovetsskikh gosudarstv posle vossoedineniya Kryma s Rossiei [NATO in the policy of post-Soviet states after the reunification of Crimea with Russia]. *Problemy natsional'noy strategii – National Strategy Issues*. 2 (47). pp. 11–100.
38. Sputnik Kyrgyzstan. (2019) *Ofitsery NATO pobyyali v Kyrgyzstane. Zachem priezzhali* [NATO officers visited Kyrgyzstan. Why they came]. February 01. [Online] Available from: <https://ru.sputnik.kg/society/20190201/1043134365/kyrgyzstan-gkdo-oficery-vizit.html>. (Accessed: 22.12.2019).
39. NATO. (2020) *The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Tajikistan*. [Online] Available from: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Tajikistan.pdf>. (Accessed: 09.01.2020).
40. NATO. (2015) *NATO-supported Summer Academy in Tajikistan focuses on development and cooperation*. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_121793.htm?selectedLocale=en. (Accessed: 11.01.2020).
41. NATO. (2015) *Turkmenistan and NATO hold forum on regional peace and stability*. March 09. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_117959.htm?selectedLocale=ru. (Accessed: 12.11.2019).
42. Horton, S. (2012) Uzbekistan as a Values Challenge for NATO. *Harper's Magazine*. March 5. [Online] Available from: <https://harpers.org/blog/2012/03/uzbekistan-as-a-values-challenge-for-nato/>. (Accessed: 21.02.2020).
43. Defense Academies and Security Studies Institute. (2014) *Partnership for Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institute. 2013 Annual Report*. 2014. March. [Online] Available from: <http://www.pfp-consortium.org/index.php/publications/annual-reports/item/85-2013-annual-report>. (Accessed: 07.02.2020).
44. Mukhtorova, U. (2018) *Central Asia and NATO against a Backdrop of Changing Geopolitical Realities*. Rome: NATO Defense College.

Received: 10 August 2020

К.Н. Калашиникова

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОВОСИБИРСКА: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ

Цель исследования – выявить и описать виды объектов визуальной коммуникации и особенности их восприятия горожанами на примере города Новосибирска. Чтобы решить эту задачу, задействовано несколько источников информации: интервью с уличными художниками и горожанами, собранный архив фотографий. Для дифференциации были рассмотрены критерии – составляющие коммуникативного процесса. В результате были получены следующие виды: надписи и знаки, граффити, стрит-арт, паблик-арт, ЖКХ-арт, баффы.

Ключевые слова: визуальная коммуникация; городское пространство; стрит-арт; граффити.

Один из основоположников визуальной социологии П. Штомпка утверждал: «Общество становится все более “видимым”, поскольку оно все больше структурируется “образно”, разного рода картинками...» [1. С. 6]. В качестве характеристики городского пространства часто называют «визуальную насыщенность» [2], имея в виду, что визуальный ландшафт наполнен различными считываемыми образами. Город выступает как процесс, в котором визуальная коммуникация протекает постоянно и одни формы сообщений сменяются другими [3]. Исследователи обосновывают, почему город, который невообразим без многочисленных визуальных символов и стимулов коммерческого и некоммерческого характера, является средством коммуникации [4, 5]. Пространства города обеспечивают включение индивида в процессы коммуникативного взаимодействия, определяют его идентификацию и причастность к социальным группам [6]. Особую роль в этом процессе играют публичные пространства, значимые объекты и символы.

Городская среда неоднородна, в ней выделяются пространства, обладающие специфическими характеристиками. Публичные пространства отличаются общественным управлением, общим доступом и тем, что в рамках этих пространств люди устремлены к общественным целям [7]. Кроме того, публичные пространства определяются как противоположные приватным, отличаются возможностью для коммуникации и наличием коммуникации [7]. Транзитные пространства стремятся преодолеть расстояние. Сходное разделение предлагает М. Оже, говоря о «местах» и «не местах» [8]. В нашем понимании публичное пространство будет главным образом определяться через противопоставление приватному.

П. Бурдьё, отмечая связь физического и социального пространства, указывал, что захват воспринимаемого визуального пространства способен установить дистанцию от вещей и людей, и расценивается как вмешательство или даже агрессия [9. С. 58–59]. Особенно если захват имеет место в символически значимом публичном месте. Этим вмешательством могут быть многочисленные анонимные послания на стенах улиц города, выполненные в разных техниках и с разным уровнем мастерства. В качестве примера конфликта, разразившегося вокруг городской образности, можно привести случай фестиваля научного стрит-

арта «Графит науки» в новосибирском Академгородке¹.

Темы граффити, стрит-арта, паблик-арта обладают множеством точек, в которых обнаруживается проблемный потенциал с точки зрения разных социальных наук, поэтому исследователи рассматривали самые разные аспекты городской образности. В качестве примеров можно привести: взгляд исследователей города на то, как муралы (крупные изображения на стенах) выступают в качестве средства обеспечения устойчивости района и привлечения туристов [10]; маркетинговый взгляд на то, каким образом городское искусство влияет на оценку продукта [11]; культурологический взгляд на взаимосвязь граффити и видеоигр [12]; взгляд на граффити и стрит-арт как на демократическую практику [13], форму протеста [14]. Интересно также рассмотрение граффити и стрит-арта как действия с точки зрения права, как поиск грани, когда это преступление, а когда искусство; что требует уничтожения, а что защитить; насколько закон чувствителен к многообразию оттенков городского визуального языка [15].

По мнению исследователей города Н. Самутиной и О. Запорожец, «изучение и понимание городского визуального языка, чтение разговоров, ведущихся на нем, наблюдение за количеством и составом их участников могут многое сказать исследователю о конкретном городе» [16]. Визуальность вплетена в жизнь горожан. Город устраивает «бомбардировку» образами, которые порождаются различными социальными силами. Из этого аспекта вытекает проблема «видимости городской среды» [17. С. 318]. Часть визуальной насыщенности городской среды остается за рамками восприятия.

Обзор литературы, посвященной стрит-арту, граффити и другим явлениям, порождающим неформальные объекты визуальной коммуникации, позволяет сделать вывод, что среди исследователей нет согласия по поводу определения этих понятий, однозначных классификаций. Это все еще довольно дискуссионный вопрос, который вызывает бурное обсуждение в научных кругах [18]. Исследовательские взгляды можно условно разделить на «широкие», когда под термином «граффити» понимается множество практик творческой активности, и «узкие», когда исследователь оперирует разными категориями.

По мнению исследователя А. Алонсо, пространство граффити неоднородно [19]. Существуют некоторые виды, которые были выделены исследователем и описаны: экзистенциальный, «тэггинг», «куски», политический, бандитский. А. Алонсо фактически оперирует только одним понятием – «графффити» в широком его понимании. Похожим образом определяют предмет изучения и отечественные исследователи. Например, С.В. Киселев [20], А.Ю. Ларионова [21] или Е.В. Маисеева [22]. Среди зарубежных исследователей «графффити» используют в качестве всеобъемлющего понятия [23]. К «широким» трактовкам можно отнести также «стрит-арт», который включает в себя «графффити», как, например, у И. Маркеса и С. Тоска [12]. М.Г. Чистякова [24] также предлагает соотношение стрит-арта и граффити, согласно которому граффити – это часть стрит-арта, наравне с такими формами искусства, как трафареты, перформансы и т.д. Также исследователь утверждает, что «специфика граффити, как и всего стрит-арта в целом, заключается, прежде всего, в том, что оно обращается к неподготовленному зрителю» [24. С. 210]. Довольно спорное утверждение.

Существует группа авторов (например, О. Запорожец и Н. Самутина [25]), которые указывают на различие граффити и стрит-арта: граффити изначально обращались к относительно закрытым сообществам, в то время как стрит-арт с самого начала обращался к широким аудиториям. Однако есть и другие взгляды. Например, разделение граффити и стрит-арта в терминах гендерной идентичности и маскулинности. «В граффити женщины – скорее исключения в мужесцентричной сфере, в то время как в стрит-арте женщины формируют свое собственное пространство и избегают сексизма, представленного в граффити субкультуре» [26. Р. 491]. Интересный вариант предложен К. Баумгат и Дж. Викар, которые «разносят» граффити и стрит-арт на основе исторических корней, основной цели художника, преобладающих элементов дизайна и техник, связи с историей культуры, эффекта на аудиторию, демографических характеристик художников, самых известных представителей [11]. Популярна в академических кругах трактовка стрит-арта как ступени в развитии граффити – «пост-графффити» [3]. Популярный взгляд на разграничение граффити и стрит-арта представлен в книге А. Вацлавек «Граффити и стрит-арт» [27]. Стрит-арт более символический и фигуративный, шрифты, которые составляют основу граффити, заменяются на образы, интересные и запоминающиеся. Стрит-арт гораздо более открытый, его послания понятны и вызывают к спонтанной коммуникации. Общее у этих двух явлений – бескорыстность создателей и некий риск при создании творений, а также общая городская сцена. Таким образом, довольно часто встречается мнение, что стрит-арт – это «графффити для всех», сообщение, направленное на широкую аудиторию, а не только на узкое сообщество [11, 27, 28]. Но этот тезис подвергается критике наравне с тезисами об анонимности стрит-арта и его протестном потенциале [29].

Довольно редко встречаются в литературе попытки обособить на основе определенных критериев не

только граффити и стрит-арт, но и другие формы неформальной визуальной коммуникации. В качестве примера можно привести работу «Berlin the city of saturated walls», в которой представлен следующий перечень «wall imagery»: муралы, стрит-арт, граффити, разнообразные политические слоганы, рисунки, шутки, признания в любви [2]. Данная классификация примечательна тем, что в ней надписи вынесены за пределы понятия «графффити». У. Бланш приводит свою трактовку, которая включает в себя: стрит-арт, паблик-арт, граффити и городское искусство [18].

Таким образом, существует огромное количество трактовок и способов соотношения понятий, относящихся к неформальной визуальной коммуникации в городской среде. И надо отметить, что исследовательский взгляд при описании теоретических наработок предшественников в первую очередь был сосредоточен на тех видах, которые были запечатлены в априорных знаниях. Однако сбор материала в городской среде и интервью существенно расширили спектр изучаемых видов объектов визуальной коммуникации, так как не все обнаруженные объекты накладывались на сложившуюся в ходе анализа схему.

Стрит-арт, граффити, надписи и другие формы визуальности наполняют пространство города, переплетаясь, накладываются друг на друга. Поэтому всякий исследователь города испытывает потребность в объединяющих понятиях, которые бы помещали эти формы в более широкие системы. Некоторые исследователи концентрируются на коммуникативной составляющей и помещают граффити, стрит-арт, паблик-арт, надписи в категорию «коммуникативные практики» [30], другие же выбирают более метафоричные понятия, такие как «поэзия улиц» (street poetry) [13] или «образность стен» (wall imagery) [2]. Нами в качестве связующих характеристик были выбраны визуальность и коммуникативный потенциал, поэтому центральная категория анализа обозначена как объект визуальной коммуникации. Кроме того, исследовательский фокус был сосредоточен только на неформальных способах, в которых нет явного рекламного посыла. Объект визуальной коммуникации определяется в рамках исследования как целостная, чаще всего анонимная, композиционно оформленная с помощью различных средств материальная информационная единица неформального и не рекламного характера, доступная аудитории горожан в публичном пространстве города.

Конфликты вокруг объектов визуальной коммуникации – не редкость, зачастую они связаны не только с самим фактом порчи имущества краской², но и с характером изображенного (например, радикальные политические высказывания³), или с местом⁴, или даже с кражей авторских работ⁵. Для понимания позиций сторон таких конфликтов необходимо различать, в результате какого процесса появился определенный объект визуальной коммуникации. Не только исследователи, но и горожане зачастую называют эти объекты визуальной коммуникации «графффити», словом, имеющим в обыденном языке и негативную окраску, практически любое изображение или надпись на стене. Но этот массив неоднороден, в нем можно вы-

делить виды, которые отличаются различными техниками, посылами создателей и способами восприятия. То, в чем художник увидит оригинальный сложный шрифт, горожанин увидит вандализм. И наоборот, там, где горожанин увидит «очаровательное» творчество, художник увидит безвкусицу. Эти и многие другие точки разнотечий имеют конфликтный потенциал, поэтому была поставлена **цель**: выявить и описать виды объектов визуальной коммуникации и особенности их восприятия горожанами на примере города Новосибирска.

Помимо попытки внести свой вариант разделения объектов визуальной коммуникации в академическую дискуссию, достижение данной цели позволит на основе определенной аналитической схемы пояснить точки соприкосновения и, напротив, разнотечения в восприятии, способные стать причиной конфликтов.

Являясь продуктом обмена информацией, рассматриваемый объект появился в результате коммуникативного процесса. Именно поэтому в качестве дифференцирующих критериев нами были выбраны составляющие коммуникации, основанные на теории А. Бергера [31]. *Источник сообщения*, инициатор создания объекта, производящий информацию, закладываемую в объект. *Автор* – непосредственно создатель объекта визуальной коммуникации. *Сообщение* – информация, которая передается в объекте визуальной коммуникации. *Средство* – это то, с помощью каких кодов передается информация (буквы, символы, образ и т.д.). *Канал* – это визуальный поток отображений публичного пространства города. Для определенных видов объектов характерны особенности размещения в рамках этого пространства. Имеется в виду, что пространство тогда является каналом коммуникации, когда существуют горожане, воспринимающие его через зрение, и то, каким образом оно воспринимается, зависит от хореографии движения горожан и фокуса их зрения. *Аудитория* – те, на кого непосредственно направлено сообщение. Существует, однако, многослойность, ведь часто сообщение направлено на определенного человека или группу людей, но воспринимающими субъектами становятся все прохожие, осуществляющие повседневные практики вблизи объекта визуальной коммуникации. *Восприятие* – построение субъективного образа. В ходе этого процесса возможно также появление эффекта в виде действия, направленного на объект или же с ним связанного.

Информационная база исследования состояла из нескольких взаимосвязанных источников. Собранный *архив фотографий* объектов визуальной коммуникации различных районов Новосибирской агломерации составил всего 364 фотографии. Данный источник позволил частично охарактеризовать канал, по которым сообщения двигаются в городской среде, средства создания сообщений и тематики сообщений. Информация, полученная из *интервью с художниками*⁶, значительно обогатила классификацию, также данные информанты выступили в качестве специфичной категории воспринимающих индивидов. *Интервью с*

*горожанами*⁷ позволили определить особенности восприятия объектов визуальной коммуникации. Также были задействованы многочисленные дополнительные источники информации⁸.

Так как была выбрана качественная стратегия сбора и анализа данных, принято решение сконцентрироваться на выявлении спектра проявлений неформальной визуальной коммуникации без количественной оценки их присутствия в городской среде. Для построения классификации видов объектов визуальной коммуникации были рассмотрены следующие критерии, которые являются составляющими коммуникативного процесса: источник сообщения, автор, сообщение, средство, канал, аудитория, восприятие. Характеристика каждого полученного вида осуществляется по критериям, указанным выше⁹.

Надписи и знаки

Аудитория и источник сообщения. Разнообразные анонимные, никем не санкционированные сообщения наполняют среду города, они обращаются к конкретным людям или группам людей, но по факту ко всем прохожим, или же являются пустыми, являющимися собой чистое действие, акт, который воспринимается как символическая деструкция. Автор в данном случае и есть источник сообщения, его инициатор.

Средство и сообщение. Данный вид отличается использованием в качестве средств передачи информации букв и других знаков. Среди объектов, отнесенных к данному виду, можно выделить подвиды, которые отличаются передаваемой информацией: личностные послания, политические, юмористические, философские и т.д. Остановимся на первых двух.

Подвид: личностные сообщения. Молодой человек, использующий городскую поверхность для передачи признания в любви, рассчитывает на наличие публики, сторонних зрителей, которые выступают в качестве свидетелей, запечатлевших выражение чувств. Поэтому можно наблюдать столько разнообразных признаний как любовного характера, так и выражающих, напротив, негативное отношение.

Восприятие личностных сообщений. Как показало интервью с горожанами, надписи личностного характера попадают в осмысленную зону восприятия в нескольких случаях:

- Если они расположены в местах, которые процесс восприятия не относит к периферии.
- Если надпись сделана в необычной, привлекающей внимание технике.
- Если надпись направлена на воспринимающую персону или ее знакомого.

В целом техника, мастерство, наравне с конкретной поверхностью нанесения, во многом определяют отношение к наблюдаемому.

Подвид: политические сообщения. Другой достаточно большой блок сообщений касается политики во всех ее проявлениях: оппозиционных высказываний, пацифистских символов, лозунгов или мнений по поводу публичных персон и т.д.

Восприятие политических сообщений. Нами не исключается такой вариант, что горожане, как и художники, давали в интервью те ответы, которые считаются допустимыми в обществе. Тем не менее надпись «За Русь – за Домбас», выполненная черной автоэмалью на серой стене, вызвала негативную реакцию, причем еще до того, как респондент сумел прочитать слова.

В этом плане надпись на стене, похожая на лозунг и выражающая противостоящее доминирующей власти сообщение, проигрывает стрит-арту как коммуникативный посредник. Ведь она часто теряется в массе других сообщений, выполненных в подобной технике (например, реклама по типу «Займы под ПТС»), а стрит-арт удивляет и привлекает эстетикой.

Существует плавающая граница, отделяющая надписи-шалости от стрит-арта. Ведь даже нехудожник может сделать надпись, которая будет иметь глубокий смысл в глазах смотрящего. Мнение исследователя таково, что именно общий вид места и глаза смотрящего, устремленные под определенным углом, делают надпись вандализмом, не заслуживающим внимания, либо «концептуальным вандализмом» (художник, опыт 13 лет).

Граффити

В наше время, по мнению Ж. Бодрийяра, города – места исполнения знаков. Он рассматривает граффити как выступление против «тотальной взаимоподстановочности элементов в рамках функционального целого, где каждый элемент осмыслен в качестве переменной, подчиненной коду» [32. С. 159].

Как показали интервью с художниками, практически никто из них на осознанном уровне не размышляет о своей деятельности в духе Ж. Бодрийяра.

«Ну, просто нравится, и рисую, у меня нет никаких целей, ничего... мне просто нравится сам процесс рисования, именно аэрозолью, это очень приятно... Я просто рисую буквы» (художник, опыт 6 лет).

Средство и сообщение. Являясь, по сути, набором букв, который не обозначает ничего, граффити обладает силой, как акт, действие. Как материальное выражение существования, врывающееся в символическую среду города, это выражение, часто остающееся без внимания, но оплетающее город сетью «автографов». Это стилизованные буквы, шрифт, обозначающий «никнейм» человека или команды, понятный ограниченному кругу людей.

Уличные творцы, с которыми нам удалось поговорить, начинали с нелегального рисования на улице своих псевдоимен, и только один в настоящее время занимается «бомбингом»¹⁰. И следует признать, что о первоначальном периоде своего творчества нынешние востребованные художники вспоминали с неохотой. Существует разделение внутри граффити-сообщества: «бомберы» и «райтеры»¹¹. Дальнейшее изложение по некоторым критериям будет разделено для этих двух категорий авторов граффити.

Канал в «бомбинге». Как показали интервью, на первых порах начинающие художники далеко ходить не хотят, и заполняют отметками «свой район», места,

в декорациях которых протекает их повседневность. Чаще всего к написанию «тэгов» авторы подходят коллективно, компаниями.

Авторы «тэгов»¹², «throw-up»¹³ и «кусков»¹⁴ видят городское пространство как поле для игры, причем игры соревновательного характера, в которой существуют правила. Чем заметнее, но при этом недоступнее место, тем больший «ресpekt» получает «бомбер». Кроме того, важна реактивность, т.е. как часто производятся граффити-объекты и насколько большую территорию они охватывают.

Как показал анализ лично собранных визуальных данных, легконаносимые «тэги» можно встретить практически на любой поверхности в пространстве города. В интервью была затронута тема о нормах, согласно которым существует запрет на рисование на исторически значимых объектах или просто самодостаточных с точки зрения сообщества, но понимание может разниться, поэтому случаются и инциденты, затрагивающие интересы общественности. Но в целом граффити, как показал анализ и визуальных материалов, и интервью, чаще всего наносятся на городские поверхности по принципу «*Думаю, где порисовать, смотрю – здесь не стерли, ну значит, я тоже сделаю*» (художник, опыт 6 лет).

Автор в «райтинге». Если обратиться к «райтерам», к людям, наносящим «куски» сложные с технической точки зрения, то можно сказать, что дух соревнования и желание оставить следы в как можно большем количестве мест уступает желанию сделать стильный объект, пусть и в физическом пространстве он останется незамеченным.

Аудитория и восприятие. Фактическая аудитория граффити – это все прохожие, однако и «бомберы», и «райтеры» отдают себе отчет в том, что люди не принимают и не одобряют то, что им непонятно. Члены сообщества, лишь посмотрев на непонятные обычному горожанину завитки, могут сказать, кто сделал «тэг», «throw-up» или «кусок», оценят, насколько это было сложно, скажут, насколько опытен и искусен творец. А могут и воскликнуть «*О, да это мы!*» (художник, опыт 6 лет). Однако сказать, что понимание определяет отношение – неверно. Например, даже сам автор «тэгов» утверждал, что то, что он делает, – вандализм. Но в оценивании граффити художники были все же более лояльны, чем обычные горожане, так как осведомленность о тонкостях ремесла и творческие «корни» дают представление о смысле действия. Горожане при оценке граффити выражали положительное отношение только в одном случае – если они видели на фотографии не граффити, а, например, узнавали в замысловатых линиях схему или лабиринт.

Стрит-арт

Аудитория. Стрит-арт оперирует образами, концептуальными надписями, инсталляциями и уличными интервенциями, направленными на нахождение отклика в умах горожан, стремится сделать невидимое видимым, часто даже «не место» сделать «местом».

Сообщение. Автор стремится передать, например, шутку, свои мысли (рефлексию) касательно происходящего в глобальном или локальном масштабе, меняет среду города, обыгрывает ее особенности.

Источник сообщения и автор. У стрит-арта нет заказчика в лице государства, компаний и т.д. Сообщение, то, что передается, исходит непосредственно от автора. Возможен, на наш взгляд, полулегальный вариант, при котором владелец городской поверхности оплачивает краску, и художник волен творить то, что изначально задумал, или же вариант, при котором художник просто спрашивает разрешение. Изначально стрит-арт – искусство нелегальное, и, возможно, такое расширение сферы охвата термина «стрит-арт» покажется спорным, но с точки зрения коммуникативного процесса важен источник сообщения.

Канал. Выделенные выше особенности находят свое отражение и в канале, в котором проходит коммуникация. Пространство города неоднородно с точки зрения привлекательности мест для художественных практик. Так как цель – нахождение отклика, закономерно, что произведения стрит-арта стремятся оставить на обозримых местах с большой проходимостью, которые не подвергаются частому и безжалостному закрашиванию со стороны сил ЖКХ. Именно поэтому больше вероятность встретить произведения стрит-арта в центре города, причем на тех объектах среды, которые маркируются в сознании автора как «ничищи».

Другая ситуация выбора места, если предполагаемая аудитория находится не в реальном физическом пространстве, а в виртуальном. Тогда условие обозримости теряет свою силу, так же как и предполагаемый срок «жизни» произведения, главное – успеть сфотографировать и выложить в сеть. Именно поэтому можно встретить технически сложные работы, требующие долгого времени создания, в заброшенных местах, в городских закоулках.

Можно подытожить, что выбор конкретного места в пространстве во многом зависит от индивидуального стиля художника, от его предпочтений, от используемой техники, а главное от цели, с которой создается конкретное произведение.

Стрит-арт – это, пожалуй, самый нераспространенный вид объектов визуальной коммуникации в Новосибирске. Мало кто занимается им регулярно и производит объекты такого уровня, чтобы их воспринимали как искусство обычные горожане. Нелегальное творчество стоит на альтруизме, и регулярные и существенные безвозмездные затраты на материалы способны истощить бюджет и терпение художника. Поэтому если он полностью связал свою жизнь с творчеством, то коммерческие заказы становятся источником дохода.

Паблик-арт

Источник сообщения и средства. Как было сказано выше, художник стрит-арта может испытывать затруднения из-за ограниченного времени для создания произведения и финансовых трудностей. Это

ограничение полностью снимается в случае с паблик-артом. Основное отличие от стрит-арта в том, что смысл сообщения выбирается заказчиком [33]. Художник является исполнителем. В связи с этим смысл сообщения соответствует интересам частных лиц (например, привлечение клиентов через красивое оформление), государства (например, патриотические мотивы) и т.д. Сообщение передается, как правило, с помощью изображения, букв. В целом средства передачи сообщения схожи со средствами стрит-арта.

Можно сказать, что если вы заметили большое произведение, которое по внешним признакам можно оценить как сложное, и оно находится на обозримом месте с большой проходимостью, то, вероятнее всего, имеет место заказ. Второй вопрос, на который можно ответить, чтобы понять, заказано ли произведение: может ли данный рисунок принести кому-нибудь выгоду. Но для того чтобы окончательно определиться с назначением и особенностями создания произведения, требуется проводить индивидуальное расследование.

Сообщение. Паблик-арт часто транслирует некие общепринятые ценности, призван запечатлеть памятный день на городской поверхности.

Можно выделить несколько условных течений в данном виде объектов коммуникации:

- Косвенно коммерческий паблик-арт. Оформление, которое напрямую не выступает в качестве рекламы, но привлекает потенциальных клиентов своим ярким видом.

- Государственно-патриотический. Заказчик – муниципалитет, администрация или другие государственные структуры.

- Фестивальные работы. Художник имеет определенную степень свободы, но он, как правило, скован определенной тематикой, в рамках которой должна быть его работа.

Аудитория. Следует отметить, что паблик-арт, так же как и стрит-арт, способен менять хореографию движений горожан. Способен побуждать к коммуникации между зрителями, удивлять и делать «не место» «местом».

Таким образом, паблик-арт отличается наличием источника сообщения, который преследует свои цели и направляет работу художника в то русло, которое бы отвечало его интересам. Именно от источника сообщения зависит и информационное наполнение работы, и расположение в пространстве, и во многом технический уровень исполнения, ведь заказчик вправе выбрать художника.

ЖКХ-арт

Источник сообщения и автор. Часто в качестве и источника сообщения, и автора выступают инициативные жильцы дома (преимущественно пенсионеры). В роли катализатора процесса создания объектов ЖКХ-арта могут выступать конкурсы по типу «Лучший двор района», организаторы которых вправе задавать тематические рамки и, таким образом, являться отчасти источником сообщения.

Канал и сообщение. Свои усилия авторы направляют на облагораживание внутреннего пространства двора, границы которого определяются повседневными практиками жителей, которые, как правило, лично знают местного умельца. Для непосвященных же объекты являются анонимным проявлением творчества. Как объект коммуникации, ЖКХ-арт часто не несет сложное сообщение, но выступает с декоративной точки зрения.

Восприятие. Для интервью было выбрано фото композиции «грибочки» из пней и тазиков. У художников подобное выражение творчества вызывало в лучшем случае снисходительную улыбку, но в основном воспринимались подобные объекты как нечто стоящее в одном ряду с негативными аспектами повседневности.

«Да вообще, даже если тебе проплатят классный фасад 70 года, а вокруг ЖКХ-арт, убитый асфальт и куча канализационных люков с бомжами, то, как бы это ни было добро и позитивно, это все равно смотрится неуместно» (художник, опыт 9 лет).

Реакция горожан не была столь однозначной, причем, по априорным исследовательским представлениям, существует четкое разделение восприятия молодежью подобных объектов и старшим поколением. И действительно, старшее поколение – все оценили данный объект как нечто креативное, достойное однозначной поддержки и подражания.

«Очень нравится, я и у себя такое сделаю!» (горожанин, 57 лет)

Но в восприятии молодежи и среднего возраста существовали разные оценки:

– *«Тазики какие-то... Я бы их сожгла»* (горожанин, 19 лет)

– *«А почему бы и нет? Забавно»* (горожанин, 20 лет)

– *«Ну, если возле детской площадки, то почему бы и нет... это лучше, чем ничего»* (горожанин, 23 года).

Первая и последние две цитаты – это по сути два полюса, в пределах которых и варьировались оценки.

Гипотетически спектр восприятия зависит от определения категории «мусор», которое разнится у разных поколений, но подтверждение этого требует дополнительного исследования.

Баффы

Бафф (от англ. жаргонного buff – полирование) – это, наравне с ЖКХ-артом, открытие, которое изначально не предполагалось к рассмотрению. Белые, серые, коричневые, голубые квадраты скрывают за собой нечто, что было объектом коммуникации, – тэг, надпись или символ.

Сообщение и средство. Бафф – это реакция на «подрывные» действия бомберов. Это сигнал для авторов «тэгов», надписей и т.д., что действия «вандалов», коими их считают дворники или жильцы, не остаются без внимания и подвергаются уничтожению. Основываясь на увиденном, можно сказать, что технология закрашивания, средство – это почти всегда несовпадающий по цвету с окружением квадрат.

Избирательность закрашивания говорит нам о том, что считается непотребным, и что, наоборот, получает одобрение.

Восприятие. Говоря о восприятии баффов, стоит отметить, что художники, как чувствительные к подобным вещам субъекты, очень эмоционально отзывались по поводу техники закрашивания, которая, по их словам, и, судя по исследовательским наблюдениям, привлекает начинающих художников или же просто желающих «повандаить».

В случае с горожанами баффы, несмотря на свою контрастность, остаются подчас невидимыми, в периферии восприятия, ведь они, по сути, не выражают ничего. Только тот факт, что информантам пришлось принять участие в исследовании, обратил их внимание на то, что: *«Да, коряво, но что поделаешь... это наверняка лучше, чем то, что было»* (горожанин, 28 лет).

Заключение

Прделанная в ходе сбора и анализа информации работа позволила не только выполнить поставленную цель, но и породила множество новых вопросов. Представления о границах влияния, о нормах, о прекрасном и уродливом – все это выражается в дифференциации по элементам коммуникативного процесса. Визуальная среда города очень насыщена разного рода сообщениями, некоторые из них имеют конфликтный потенциал, так как можно наблюдать переплетение разнообразных интересов и представлений.

Все описанные сообщения существуют в публичном пространстве города, но скопление, наложение, избыток многих видов можно наблюдать в местах, которые маркируются как «ничьи». Если говорить о пространстве города как канале коммуникации, то оно им является, только если его наблюдают обитатели физического пространства, если же объект размещен в физическом пространстве, но остается незамеченным, то можно сказать, что его, скорее всего, создали исключительно для интернет-аудитории.

Несмотря на насыщенность визуальной среды и переплетение разнородных взглядов, нам удалось составить классификацию видов объектов визуальной коммуникации, основываясь на этапах коммуникативного процесса. Восприятие – это не оторванный от создания объекта процесс. Именно оно может отделять обычные надписи на заборах от стрит-арта, поскольку, даже судя по названию, основной критерий выделения надписей и знаков – это средство. Но некоторые надписи удивляют, цепляют внимание и меняют хореографию движений. И именно этот эффект и создает стрит-арт. Граффити выделяется специфичным средством – шрифтом и принципами расположения в пространстве. Паблик-арт отличается наличием заказчика, а средства схожи со средствами стрит-арта. ЖКХ-арт – специфичная категория, выделяющаяся прежде всего средством, каналом и автором. А баффы – неожиданное открытие, постулирующее двусторонний характер неформальной публичной коммуникации, характеризуется в первую очередь средством. Таким образом, одним из ключевых критериев для

выделения видов является средство, способ кодирования, он влияет во многом на восприятие.

Но, даже если по всем признакам объект можно отнести к тому или иному виду, это не определяет однозначное отношение к нему. Эстетика, место нанесения, смысл – вот основные характеристики объекта, на которых основывались респонденты-горожане в своих оценках. Личностные характеристики респондентов, безусловно, оказывали влия-

ние, но ярко это себя проявило только в случае с ЖКХ-артом. Среди исследователей нет соглашения по поводу того, как обозначать то или иное явление. Данная работа стала еще одним вариантом интерпретации, основанном на новосибирских реалиях. Невозможно отрицать, что жизнь гораздо сложнее любых концептуальных схем, а значит, этот вариант в любом случае требует дальнейшего апробирования и осмысления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Научные граффити поссорили общественников Академгородка. URL: <https://vn.ru/news-nauchnye-graffiti-possorili-obshchestvennikov-akademgorodka/> (дата обращения: 20.05.2020).
- ² Вандалы разрисовали часовню святого Николая Чудотворца на Красном проспекте. URL: <https://news.ngs.ru/more/66235378/> (дата обращения: 20.05.2020).
- ³ В Новосибирске вандалы разрисовали билборды с Лениным. URL: <https://online47.ru/2020/04/29/v-novosibirske-vandaly-razrisovali-bilbordys-leninym-94847> (дата обращения: 20.05.2020).
- ⁴ Вандалы изуродовали рисунок новосибирской художницы в центре Новосибирска. URL: <https://news.ngs.ru/more/66288646/> (дата обращения: 20.05.2020).
- ⁵ Работу Бэнкси украли в центре Парижа. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d6e605b9a79478587e5c955> (дата обращения: 20.05.2020).
- ⁶ Было проведено 6 интервью с использованием визуальных материалов с опытными уличными художниками, в тексте данные респонденты будут обозначены как «художники».
- ⁷ Было проведено 16 интервью с использованием визуальных материалов с людьми разных возрастов и профессий, проживающими в разных районах города Новосибирска. В тексте данные респонденты будут обозначены как «горожане».
- ⁸ Ссылки на дополнительные источники информации: [http://vk.com/typical_nsk, <http://vk.com/stenograffia>, <http://vk.com/partizaningorg>, <http://vk.com/anisvandal>, http://vk.com/android_new_game, <http://vk.com/club8626246>, http://vk.com/jkh_art, <https://vk.com/streetartlecture>, <http://streetartmuseum.ru/stanislav-skvortsov-kultura-graffiti-spetsifika-i-osobennosti-napravleniya/>, http://www.bbc.com/russian/russia/2013/04/130404_street_art_p183_interview, <http://vivacity.ru/nomerz-interview>, <https://ngs.ru/> и др.].
- ⁹ Объем статьи не позволяет представить полное описание каждого элемента коммуникативного процесса, поэтому каждый вид объектов описан по наиболее значимым, на наш взгляд, критериям.
- ¹⁰ Быстрое нелегальное нанесение граффити.
- ¹¹ Человек, практикующий «райтинг», художественное граффити более сложное с технической точки зрения, чем «бомбинг».
- ¹² Подпись, псевдоним автора.
- ¹³ Быстро нарисованный «кусочек» с заполнением штриховкой или без заполнения.
- ¹⁴ Технически сложная большая работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штомпка П. Введение в визуальную социологию // *INTER (интеракция, интервью, интерпретация)*. 2016. № 4. С. 6–12.
2. Samutina N. Berlin, the city of saturated walls / N. Samutina, O. Zaporozhets // *Laboratorium*. 2015. № 7 (2). P. 36–61.
3. Dickens L. Placing post-graffiti: the journey of the Peckham Placing post-graffiti: the journey of the Peckham Rock // *Cultural Geographies*. 2008. № 15 (4). P. 471–496.
4. Aiello G., Tosoni S. Going about the city: Methods and methodologies for urban communication research: Introduction // *International Journal of Communication*. 2016. № 10. P. 1252–1262.
5. Pauwels L. Visually researching and communicating the city: A systematic assessment of methods and resources // *International Journal of Communication*. 2016. № 10. P. 1309–1330.
6. Чернявская О.С. Город как коммуникативное пространство // *Город меняющийся: траектории развития и культурные пространства* / отв. ред. Ю.О. Папушина. Пермь : Пермский филиал НИУ ВШЭ, 2011. С. 24–35.
7. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html> (дата обращения: 29.05.2020).
8. Запорожец О., Лавринен Е. Хореография беспокойства в транзитных местах: к вопросу о новом понимании визуальности // *Визуальная антропология: городские карты памяти* / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009. С. 45–66.
9. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с. (Серия «Gallicinium»).
10. de-Miguel-Molina M. Visiting Dark Murals: An Ethnographic Approach to the Sustainability of Heritage // *Sustainability*. 2020. Т. 12, № 2. P. 1–16.
11. Baumgarth C., Wieker J.B. From the classical art to the urban art infusion effect: The effect of street art and graffiti on the consumer evaluation of products // *Creativity and Innovation Management*. 2020. С. 1–12.
12. Márquez I., Tosca S. Playing with the city: Street art and videogames // *Arte, Individuo y Sociedad*. 2017. Vol. 29, № 1. P. 105–120.
13. Klein R. Literary cities and creative public spaces: An analysis of street poetry in Latin America and Europe // *DEBATS Annual Review*. 2018. № 3. P. 225–235.
14. Tripp C. Art, Power and Knowledge: Claiming Public Space in Tunisia // *Middle East Law Gov*. 2016. Т. 8, № 2–3. P. 250–274.
15. Flessas T., Mulcahy L. Limiting Law: Art in the Street and Street in the Art // *Law, Cult. Humanit*. 2018. Т. 14, № 2. P. 219–241.
16. Самутина Н. Берлин, город насыщенных стен. Резюме. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/518/1358> (дата обращения: 25.05.2020).
17. Самутина Н. Пружинки Гамбурга: граффити-райтер Oz и невидимое сообщество видящих // *Микроурбанизм: город в деталях* / отв. ред. О. Бредникова, О. Запорожец. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 316–345.
18. Blanché U. Street Art and related terms – discussion and working definition Ulrich // *Street Art & Urban Creativity Scientific Journal*. 2015. Т. 1, № 1. P. 32–39.
19. Alonso A. Urban Graffiti on the City Landscape. URL: <http://www.asu.edu/courses/aph294/total-readings/alonso%20--%20urbangraffiti.pdf> (дата обращения: 25.05.2020).
20. Киселев О.В. Знаково-психологические мотивы граффити в молодежной субкультуре // *Социологические исследования*. 2005. № 9. С. 113–115.

21. Ларионова А.Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург : [б.и.], 2011. 41 с.
22. Маисеева Е.В. Граффити провинциального города (коммуникативный подход) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. 2013. Т. 13. С. 41–46.
23. Vanderveen G., Eijk G. van. Criminal but Beautiful: A Study on Graffiti and the Role of Value Judgments and Context in Perceiving Disorder // European Journal on Criminal Policy and Research. 2016. Т. 22, № 1. Р. 107–125.
24. Чистякова М.Г. Стрит-арт в контексте вызовов современности // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2–1. С. 210–213.
25. Самутина Н., Запорожец О. Стрит-арт и город // Laboratorium. 2015. № 7 (2). С. 11–17.
26. Fransberg M. Performing gendered distinctions: young women painting illicit street art and graffiti in Helsinki // Journal of Youth Studies. 2019. Vol. 22, № 4. Р. 489–504.
27. Wacławek A. Graffiti and Street Art. New York : Thames & Hudson, 2011. 208 p.
28. Кирсанова Е.А. Социально-философский анализ концепций стрит-арта: генезис и подходы к определению феномена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 121–129.
29. Кудряшов И.С. Стрит-арт как феномен современной культуры: проблема генезиса и семиотические особенности сообщения // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 220–233.
30. Corrêa L.G. Urban interventions in a global city: Dissensus, consensus and ambivalence in the streets of London // Media studies. 2018. Т. 9, № 17. С. 48–67.
31. Бергер А. Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию: пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд. дом «Вильямс», 2005. 288 с.
32. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
33. Сувалко А. Чем паблик-арт отличается от стрит-арта. URL: <https://thequestion.ru/questions/7552/chem-pablik-art-otlichaetsya-ot-strit-arta> (дата обращения: 25.05.2020).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 20 сентября 2020 г.

Visual Communication in the Urban Space of Novosibirsk: Differentiation and Perception

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 101–109.

DOI: 10.17223/15617793/458/12

Kseniia N. Kalashnikova, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Kalashnikova345@mail.ru

Keywords: visual communication; urban space; street art; graffiti.

This research focuses on the numerous manifestations of visual informal communication in the urban public space. Such manifestations are among the most important symptoms of modern development. The study of objects of visual communication can give knowledge that clarifies points of contact and, conversely, discrepancies in perception that can cause conflicts. The author's aim was to identify and describe the types of objects of visual communication and the peculiarities of their perception by residents on the example of Novosibirsk, Russia. To achieve this aim, the author used several sources of information: interviews with street artists and residents with the help of visual materials, and a large archive of the photos of the objects. To distinguish the types of objects, the author used Harold Lasswell's communication model as presented by Arthur Berger as a basis. She modified the model according to the features of informal visual communication and the criteria that differentiate objects. The criteria were: message source, author, message, medium, channel, audience, and perception. As a result, the author determined the following types of objects of visual communication: inscriptions and signs, graffiti, street art, public art, HCS (housing and communal services) art, buffis. Perception as a process is not detached from the creation of an object. It is perception that can separate ordinary inscriptions on fences from street art because, even judging by the name, the main criterion for the selection of inscriptions and signs is its means. But some inscriptions surprise, catch attention, and change the choreography of movements, and it is this effect that creates street art. Graffiti are distinguished by a specific means—the font—and by the principles of location in space. Public art is distinguished by the presence of a customer, and its means are almost similar to those of street art. HCS art is a specific category distinguished primarily by the means, the channel, and the author. Buffis are an unexpected discovery, postulating the bilateral nature of informal public communication, characterized primarily by the means. So, one of the key criteria for classifying the types of objects is the means, or the way of coding, which can influence human perception. Types of objects largely determine perception, but even if all the signs of the object can be attributed to one or another type, this does not determine perception. Aesthetics, location, meaning are the main characteristics of the object, which were decisive for respondents' perception. Respondents' personal characteristics certainly had an impact on perception, but this was clearly manifested only in the case of HCS art.

REFERENCES

1. Sztompka, P. (2016) Introduction to visual sociology. *INTER. Interaktsiya. Interv'yū. Interpretatsiya. – INTER. Interaction. Interview. Interpretation*. 4. pp. 6–12. (In Russian).
2. Samutina, N. & Zaporozhets, O. (2015) Berlin, the city of saturated walls. *Laboratorium*. 7 (2). pp. 36–61.
3. Dickens, L. (2008) Placing post-graffiti: the journey of the Peckham Rock. *Cultural Geographies*. 15 (4). pp. 471–496.
4. Aiello, G. & Tosoni, S. (2016) Going about the city: Methods and methodologies for urban communication research: Introduction. *International Journal of Communication*. 10. pp. 1252–1262.
5. Pauwels, L. (2016) Visually researching and communicating the city: A systematic assessment of methods and resources. *International Journal of Communication*. 10. pp. 1309–1330.
6. Chernyavskaya, O.S. (2011) Gorod kak kommunikativnoe prostranstvo [City as a communicative space]. In: Papushina, Yu.O. (ed.) *Gorod menyayushchiysya: traektorii razvitiya i kul'turnye prostranstva* [Changing City: Development trajectories and cultural spaces]. Perm: National Research University "Higher School Of Economics" – Perm Campus. pp. 24–35.
7. Pachenkov, O. (2012) Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i "zloupotreblenie publichnost'yu" [Public space of the city in the face of modern challenges: mobility and "abuse of publicity"]. *NLO*. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html>. (Accessed: 29.05.2020).
8. Zaporozhets, O. & Lavrinets, E. (2009) Khoreografiya bespokoystva v tranzitnykh mestakh: k voprosu o novom ponimani vizual'nosti [Choreography of anxiety in transit spaces: on the question of a new understanding of visuality]. In: Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (eds) *Vi-*

- zual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati [Visual Anthropology: Urban memory cards]. Moscow: OOO "Variant", Center for Social Policy and Gender Studies. pp. 45–66.
9. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya.
 10. Miguel-Molina, M. de (2020) Visiting Dark Murals: An Ethnographic Approach to the Sustainability of Heritage. *Sustainability*. 2 (12). pp. 1–16.
 11. Baumgarth, C. & Wiek, J.B. (2020) From the classical art to the urban art infusion effect: The effect of street art and graffiti on the consumer evaluation of products. *Creativity and Innovation Management*. pp. 1–12. DOI: 10.1111/caim.12362
 12. Márquez, I. & Tosca, S. (2017) Playing with the city: Street art and videogames. *Arte, Individuo y Sociedad*. 1 (29). pp. 105–120.
 13. Klein, R. (2018) Literary cities and creative public spaces: An analysis of street poetry in Latin America and Europe. *DEBATS Annual Review*. 3. pp. 225–235.
 14. Tripp, C. (2016) Art, Power and Knowledge: Claiming Public Space in Tunisia. *Middle East Law Governance*. 2–3 (8). pp. 250–274.
 15. Flessas, T. & Mulcahy, L. (2018) Limiting Law: Art in the Street and Street in the Art. *Law, Culture and the Humanities*. 2 (14). pp. 219–241.
 16. Samutina, N. & Zaporozhets, O. (2015) Berlin, the City of Saturated Walls. Abstract. *Laboratorium*. 7 (2). pp. 231–236. [Online] Available from: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/518/1358>. (Accessed: 25.05.2020). (In Russian).
 17. Samutina, N. (2014) Pruzhinki Gamburga: graffiti-rayter Oz i nevidimoe soobshchestvo vidyashchikh [Hamburg loops: graffiti writer Oz and the invisible community of the seers]. In: Brednikova, O. & Zaporozhets, O. (eds) *Mikrourbanizm: gorod v detalyakh* [Microurbanism: A city in details]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 316–345.
 18. Blanché, U. (2015) Street Art and related terms – discussion and working definition Ulrich. *Street Art & Urban Creativity Scientific Journal*. 1 (1). pp. 32–39.
 19. Alonso, A. (1998) Urban Graffiti on the City Landscape. *Arizona State University*. [Online] Available from: <http://www.asu.edu/courses/aph294/total-readings/alonso%20-%20urbangraffiti.pdf>. (Accessed: 25.05.2020).
 20. Kiselev, O.V. (2005) Symbolic and psychological motives of Graffiti in the youth sub-culture. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 113–115. (In Russian).
 21. Larionova, A.Yu. (2011) *Neformal'nyy studencheskiy diskurs: sotsiolingvisticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty (na materiale graffiti)* [Informal student discourse: sociolinguistic and linguistic-cultural aspects (on the graffiti material)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
 22. Maiseeva, E.V. (2013) Graffiti of provincial town (approach of communication). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya – Izvestia of Saratov University. New Series*. 13. pp. 41–46. (In Russian).
 23. Vanderveen, G. & Eijk, G. van. (2016) Criminal but Beautiful: A Study on Graffiti and the Role of Value Judgments and Context in Perceiving Disorder. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 1 (22). pp. 107–125.
 24. Chistyakova, M.G. (2011) Street-Art in the Context of the Challenges Posed by Modernity. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 2–1. pp. 210–213. (In Russian).
 25. Samutina, N. & Zaporozhets, O. (2015) Strit-art i gorod [Street art and the city]. *Laboratorium*. 7 (2). pp. 11–17. (In Russian).
 26. Fransberg, M. (2019) Performing gendered distinctions: young women painting illicit street art and graffiti in Helsinki. *Journal of Youth Studies*. 4 (22). pp. 489–504.
 27. Wacławek, A. (2011) *Graffiti and Street Art*. New York: Thames & Hudson.
 28. Kirsanova, E.A. (2017) Socially-philosophical analysis of concepts of street art: the approaches to the definition and origin of the phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 121–129. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863y/38/12
 29. Kudryashov, I.S. (2014) Street art as a phenomenon of contemporary culture: the problem of its genesis and semiotic features of message in street art. *Kritika i semiotika – Critique & Semiotics*. 2. pp. 220–233. (In Russian).
 30. Corrêa, L.G. (2018) Urban interventions in a global city: Dissensus, consensus and ambivalence in the streets of London. *Media studies*. 17 (9). pp. 48–67.
 31. Berger, A. (2005) *Videt' — znachit verit'*. *Vvedenie v zritel'nyu kommunikatsiyu* [Seeing is Believing. Introduction to Visual Communication]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skiy dom "Vil'yams".
 32. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: "Dobrosvet".
 33. The Question. (2015) *Chem publik-art otlichaetsya ot strit-art* [How public art differs from street art]. [Online] Available from: <https://thequestion.ru/questions/7552/chem-publik-art-otlichaetsya-ot-strit-art>. (Accessed: 25.05.2020).

Received: 20 September 2020

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ КАЧЕСТВОМ СВОЕЙ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Представлены результаты сравнительного исследования различий в субъективном восприятии разных показателей качества жизни и удовлетворенности сферами жизни людей по возрастным группам. Выявлены показатели качества жизни, по которым у представителей разных возрастных групп имеются существенные различия. В каждой возрастной группе определены сферы жизни, функционирование в которых является основой удовлетворенности, стабильности и успеха.

Ключевые слова: качество жизни; социальное самочувствие; субъективное благополучие; жизненные потребности; жизненные ресурсы; ощущение счастья; сферы жизнедеятельности человека; регионы России; удовлетворенность жизнью; условия жизни.

Анализ современных научных исследований показывает, что в последние годы внимание ученых различных областей науки привлекает проблема удовлетворенности современного российского человека качеством своей жизни.

Понятие «качество жизни» появилось в науке достаточно давно (в 1960-х гг.), но рассматривалось через показатели объективных условий жизни (доход, состояние здоровья, трудоустроенность, жилищные условия и др.). Однако после 1970-х гг. к этой категории стали подходить в том числе и с позиций субъективной оценки человеком своего индивидуального благополучия. В настоящее время для объективной оценки рассматриваемой категории стали использоваться такие субъективно воспринимаемые показатели, как удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, социальное самочувствие, ощущение счастья и др.

Сотрудники Всероссийского центра изучения уровня жизни С.А. Баженов и Н.С. Маликов определяют качество жизни как «уровень и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей» [1].

Специалисты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) характеризуют данное понятие как степень восприятия людьми того, как их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия возможности предоставляются [2].

Западными учеными также сделан вывод, что удовлетворенность качеством своей жизни связана с целым набором условий жизни. Так, Р. Венховен показал, что качество жизни не равно количеству материальных благ, а является метаконструкцией, охватывающей очень разные аспекты жизни человека [3].

Р. Фернандез-Баллестерос утверждал, что качество жизни воспринимается человеком как набор определенных внешних и внутренних условий жизни, включающий физическое самочувствие, психосоциальное благополучие, материальное положение и др. [4].

В настоящее время термин «качество жизни» достаточно активно и широко используется в различных научных и практических сферах в связи с возросшим интересом к данному феномену [5–16 и др.].

Н.Е. Тихонова повышенный интерес к данной проблеме в последние годы в России объясняет переосмыслением населением своего благосостояния, со-

циального самочувствия¹ и субъективного благополучия² в связи с изменением приоритетов социально-экономического развития страны. Также автор считает, что сыграл свою роль факт признания учеными необходимости введения субъективных критериев оценки качества жизни для объективизации изучения данного показателя, выявления закономерностей взаимодействия экономических и социально-психологических условий [17].

О том, что настало время измерять качество жизни населения через измерение воспринимаемого ими субъективного благополучия, пишет О.А. Кислицина [18].

На тесную взаимосвязь между положительной оценкой человеком качества своей жизни и удовлетворенностью разными ее сторонами обращают внимание многие западные и отечественные исследователи: М. Abrams, Е. Diener, R. Fernandez-Ballesteros, J. Fisher, D. Kahneman, R.L. Kahn, R. Easterlin, R. Veenhoven, A. Campbell, D.F. Cell, J.W. Rowe, A. White, С.А. Айвазян, А.М. Алмакаева, А.В. Баранова, И.А. Джидарьян, А.Л. Журавлёва, Г.М. Зараковский, Т.Н. Савченко, Е.О. Смолева, И.В. Полушкина, Е.А. Неретина, В.В. Новикова, Р.М. Шамионов и многие другие.

Повышение качества жизни населения является одной из первостепенных задач органов власти. Поэтому анализ оценки населением качества отдельных аспектов своей жизни важен для федеральных и местных органов власти для определения приоритетных направлений социальной политики, разработки стратегий и планов работы государственных учреждений различных ведомств и др.

Вероятно, руководству органов государственной и региональной власти отрадно узнавать, что население России сегодня скорее удовлетворено, чем не удовлетворено своей жизнью³. Об этом говорят результаты современных исследований. Так, в исследовании Н.Е. Тихоновой (2015) установлено, что показатели удовлетворенности жизнью в последние годы выросли. Автор приводит в своей статье данные ВЦИОМ 2014 г., показывающие, что в целом удовлетворены своей жизнью 78% россиян (во что, однако, со слов автора, верится с трудом). На основании данных собственного исследования автором показано, что по наиболее значимым показателям удовлетворенность достигает 50% [17]. К сожалению,

нию, исследованием в основном были охвачены жители крупных городов России. Какова же ситуация в данном вопросе в регионах? Результаты таких исследований представлены достаточно фрагментарно. Изучением общего индекса удовлетворенности жизнью жителей крупного регионального города Пермь занимался К.А. Петухов [19], показавший, что данный индекс находится на уровне 43,1%, а социальное самочувствие жителей находится на уровне выше среднего. Подобное исследование на изучение удовлетворенности основными аспектами жизни было проведено О.А. Лазаревой в одном из малых российских городов (г. Саратов). Исследование показало очень неоднозначную картину [20].

С целью получения актуальных, современных данных по уровню удовлетворенности качеством своей жизни жителями малых российских городов было проведено представленное ниже исследование.

Исследование проводилось в 2018–2019 гг. в городах Верхнекамья (Березники, Соликамск, Усолье, Чердынь, Красновишерск, Нытва). Объем выборки составил 600 человек. Респонденты – представители трех возрастных групп мужчины и женщины в равной пропорции. Групповое распределение проводилось на основании возрастной классификации, предложенной Институтом возрастной физиологии Академии педагогических наук СССР⁴: юношеский возраст, средний возраст, пожилой возраст. Группы были уравнены по количественному составу.

Критериями отбора респондентов для участия в исследовании были возрастные характеристики (согласно представленной возрастной классификации) и социально-экономические характеристики: 1) трудоустроенность (обучение в вузе / вузе, наличие работы, получение пенсионных выплат); 2) проживание в семье; 3) семейный статус – женат / замужем (кроме лиц юношеского возраста); 4) удовлетворительное состояние здоровья. Соответствие респондентов указанным критериям позволяет реализовать исследовательскую цель – выявить особенности субъективного восприятия и удовлетворенности людей разных возрастных групп основными сферами жизни: профессиональной жизнью, семейной и супружеской жизнью, социальной активностью, состоянием физического и психического здоровья. Данные основные сферы жизни предложены для субъективной оценки в используемых в исследовании авторских методиках: Н.В. Паниной «Индекс жизненной удовлетворенности» [21], И. Колера в адаптации Б.Д. Карвасарского с коллегами для изучения степени удовлетворенности своим функционированием в различных сферах [22], «MOS SF-36» для оценки качества жизни (русифицированная версия J.E. Ware) [2].

Исследование проводилось индивидуально. Обработка результатов осуществлялась с помощью метода сравнения средних показателей по t-критерию Стьюдента. Критический уровень значимости для исследования принимался равным 0,05.

Результаты и их интерпретация

В табл. 1 представлены результаты оценки респондентами общего уровня жизненной удовлетво-

ренности (методика Н.В. Паниной «Индекс жизненной удовлетворенности»).

Таблица 1

Возрастные особенности общей удовлетворенности жизнью, %

Критерий	Юношеский возраст <i>n</i> = 200	Средний возраст <i>n</i> = 200	Пожилой возраст <i>n</i> = 200
Общий уровень удовлетворенности жизнью ⁵	63	61	54

Анализ показывает:

- 1) общая удовлетворенность жизнью населения вне зависимости от возраста находится на среднем уровне, но у пожилых людей с тенденцией к низкому;
- 2) общая удовлетворенность жизнью с возрастом снижается.

С одной стороны, достаточно закономерно, что с возрастом снижаются различные жизненные ресурсы: здоровья, материального дохода, деловой активности и пр., и это влияет на снижение субъективной оценки удовлетворенности своей жизнью. Однако, с другой стороны, у некоторых социологов имеется аргументированная точка зрения о том, что представление о наибольшей уязвимости стариков сейчас достаточно мифологизировано. Так, С. Кувалдин считает, что данное мнение сложилось в условиях реформ 1990-х гг., когда пенсионеры оказались в числе наименее приспособленных. Однако, на взгляд автора, в настоящее время с точки зрения рисков бедности пожилые люди уже давно не относятся к наиболее уязвимой категории [23].

Результаты сравнительного анализа уровня удовлетворенности респондентов функционированием в основных сферах жизнедеятельности (методика И. Колера в адаптации Б.Д. Карвасарского [22]) представлены в табл. 2.

Группы попарно сравнивались между собой с целью выявления различий между возрастными категориями.

Сравнивая показатели групп и ориентируясь на максимальное значение по шкалам, можно заключить, что удовлетворенность функционированием в основных сферах жизни у населения на уровнях от среднего до высокого⁶ (значения средних показателей от 52 до 80% от максимального значения). Базовым источником удовлетворенности жизнью у людей разных возрастов являются разные сферы жизни. Так, люди пожилого возраста наиболее ресурсной сферой жизни, в которой они черпают силы для жизнедеятельности, считают супружескую жизнь (ср. зн. = 3,8; $p \leq 0,05$). Именно эта сфера является для них базой стабильности, успешности. На втором месте по значимости для них стоят взаимоотношения с родственниками (ср. зн. = 3,4), хотя удовлетворенность этой сферой не имеет достоверных различий с другими возрастными группами, т.е. для людей любого возраста удовлетворенность жизнью связана с хорошими взаимоотношениями в семье.

Возрастные особенности удовлетворенности функционированием в основных сферах жизни
(ср. значения по 5-балльной шкале)

Основные сферы жизнедеятельности	Юношеский возраст (1-я гр.)	Средний возраст (2-я гр.)	Пожилой возраст (3-я гр.)	Т-критерий Стьюдента		
				1-я и 2-я гр.	1-я и 3-я гр.	2-я и 3-я гр.
Супружеская жизнь	–	3,1	3,8	–	–	2,76*
Взаимоотношения с родственниками	3,0	3,5	3,4	0,57	0,24	0,36
Социальная сфера	4,1	3,9	3,1	1,95	2,98*	2,21*
Профессиональная сфера	2,6	4,0	2,9	2,01*	1,05	2,91*

Примечание. * Различия статистически достоверны на уровне $p \leq 0,05$.

У представителей среднего возраста сфера «Супружеская жизнь» более дефицитна в сравнении с оценкой пожилых людей (ср. зн. = 3,1; $p \leq 0,05$). У лиц данной возрастной группы первичной базой стабильности и успешности, а значит, и удовлетворенности, выступает «Профессиональная сфера» жизни (ср. зн. = 4,0; $p \leq 0,05$). На втором месте по вкладу в общую удовлетворенность жизнью стоит «Социальная сфера» (отношения с окружающими, социальная активность, образ жизни и др.), которая также вносит достоверно больший вклад в общую удовлетворенность жизнью, чем у пожилых людей (ср. зн. = 3,9; $p \leq 0,05$).

Для лиц юношеского возраста наиболее значимой сферой жизни, успешность в которой вносит самый весомый вклад в удовлетворенность жизнью, является социальная сфера (ср. зн. = 4,1). Необходи-

мо отметить, что хотя достоверных различий по значимости этой сферы и для лиц среднего возраста нет, но эти различия все же имеются на уровне тенденции ($p = 1,95$). Скорее всего, при большем объеме выборки эта тенденция проявит себя в достоверных различиях.

Ввиду того что лица юношеского возраста не состоят в браке, влияние этой сферы на удовлетворенность жизнью у них не проверялось.

В табл. 3 представлены результаты оценки респондентами основных показателей качества своей жизни (русифицированная версия методики J.E. Ware «MOS SF-36» для оценки качества жизни [2]).

Группы также сравнивались попеременно между собой с целью выявления различий между возрастными категориями.

Таблица 3

Возрастные особенности субъективной оценки основных показателей качества жизни
(ср. значения⁷)

Показатели качества жизни	Юношеский возраст (1-я гр.)	Средний возраст (2-я гр.)	Пожилой возраст (3-я гр.)	Т-критерий Стьюдента		
				1-я и 2-я гр.	1-я и 3-я гр.	2-я и 3-я гр.
Физическое функционирование	27,1	26,45	21,4	1,67	5,21*	4,86*
Социальное функционирование	8,4	7,95	6,34	1,86	2,32*	2,03*
Рольное функционирование	7,0	7,05	5,43	0,12	2,32*	2,32*
Жизненная активность	16,45	15,8	13,1	1,55	3,98*	2,01*
Общее состояние здоровья	16,4	15,67	11,15	0,87	4,98*	2,89*
Эмоциональное функционирование	5,45	5,7	5,0	1,42	1,71	0,87
Психическое здоровье	17,4	18,1	15,3	1,76	3,24*	3,76*

Примечание. * различия статистически достоверны на уровне $p \leq 0,05$.

Ориентируясь на оценочные показатели методики, можно заключить, что представители всех возрастных групп наиболее низко оценивают такие показатели, как «психическое здоровье», «общее состояние здоровья», «жизненная активность» (ощущение сил, энергии, полноты жизни).

Представители юношеского и среднего возраста наиболее высоко оценивают такие показатели, как «ролевое функционирование» и «социальное функционирование». Это подтверждает результаты, представленные в табл. 2, что именно эти сферы жизни являются для людей данных возрастных категорий базой стабильности, успешности, поэтому и оцениваются более высоко. Субъективная оценка качества своей жизни в юношеском и среднем возрасте напрямую зависит от успешности в профессиональной, семейной, других сферах жизни и эффективной социальной активности.

Представители пожилого возраста дали самую высокую оценку такому показателю, как «эмоциональное функционирование». Это говорит о значительном влиянии эмоционального состояния на их повседневную активность.

У людей юношеского и среднего возраста (1-я и 2-я группы) не выявлено достоверных различий в оценке основных показателей качества жизни.

А вот люди пожилого возраста (3-я группа) значительно ниже ($p \leq 0,05$) оценивают показатели качества своей жизни по всем шкалам в сравнении с двумя другими возрастными группами. Кроме уже указанных трех показателей (психическое здоровье, общее состояние здоровья и жизнеспособность), они значительно ниже, чем представители двух других групп, оценивают удовлетворенность своим «физическим функционированием» (влияние общего состояния здоровья на успешность выполнения какой-либо дея-

тельности), «социальным функционированием» (социальная активность, общение с другими людьми), «ролевым функционированием» (выполнение обязанностей в профессиональной или семейной сфере). Это дает основания говорить о том, что в пожилом возрасте влияние психоэмоционального и физического состояния на все другие сферы жизни особенно велико, место и роль пожилого человека в повседневной жизни обусловлена их субъективной оценкой данных состояний.

Единственный показатель, не имеющий статистически достоверных различий у представителей разных возрастных групп, – это «эмоциональное функционирование» (общее настроение, эмоциональный настрой на деятельность). По-видимому, в любом возрасте эмоциональное состояние одинаково влияет на выполнение повседневной деятельности, функционирование в разных сферах жизни.

Подводя итоги представленного исследования, можно заключить, что у жителей небольших региональных городов вне зависимости от возраста общий уровень удовлетворенности качеством жизни находится на среднем уровне, у пожилых людей – с тенденцией к низкому.

Удовлетворенность жизнью и показатели качества жизни с возрастом снижаются.

В каждой возрастной группе имеется определенная ресурсная сфера жизни, успешное функционирование в которой выступает базой удовлетворенности жизнью. Для лиц пожилого возраста – это семейные и супружеские отношения, для людей среднего возраста – профессиональная сфера, для юношества – социальная сфера.

В заключение необходимо подчеркнуть, что изучение удовлетворенности населения качеством своей жизни не самоцель. Полученные данные необходимы региональным и муниципальным органам власти для грамотного определения приоритетов социальной политики в регионах, для разработки социально ориентированных программ, корректировки принимаемых управленческих решений.

Ориентируясь на полученные данные, рекомендуем региональным и муниципальным органам власти продумать перспективы социального развития для всех возрастных групп граждан. Создавать и увеличивать количество рабочих мест для людей трудоспособного возраста (например, через поддержку малых предприятий; открытие бизнес-инкубаторов; обучение и переобучение населения через центры занятости, местные вузы и др.). Обеспечивать пожилым людям возможность участия в повседневной жизни города, возможность реализации потребностей в общении, социальном принятии и признании (например, через работу общественных объединений, клубов и пр.). Принять меры к снижению социальной изоляции пожилых людей, повысить доступность для них учреждений спортивного, оздоровительного, рекреационного назначения. Продумать варианты использования их трудового потенциала. Высокую заинтересованность в социальной активности у юных граждан также необходимо направить в нужное русло. Активнее использовать данный потенциал в работе волонтерских и общественных организаций. Учитывая низкий уровень удовлетворенности юношества своей трудовой активностью, продумать альтернативные варианты их трудовой занятости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социальное самочувствие – интегральная характеристика оценочно-эмоциональной сферы человека, которая выступает как самостоятельный субъективный фактор, отражающий удовлетворенность человека своей жизнью, своим положением, перспективами, уверенностью в завтрашнем дне отдельными сферами общества [10].

² Субъективное благополучие – эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, своей личности, взаимодействию с другими людьми и к процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативно-ценностных и смысловых представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде, выражающейся в удовлетворенности ею, ощущении счастья [13].

³ Удовлетворенность жизнью – интегральный показатель оценки внешней стороны жизни: удовлетворенность социальным, материальным положением, физическим самочувствием, социальными отношениями, другими факторами достижений [9].

⁴ Возрастная классификация Академии педагогических наук СССР (1965):

Подростковый возраст – от 13 до 16 лет (муж.); от 12 до 15 лет (жен.)

Юношеский возраст – от 17 до 21 года (муж.); от 16–20 лет (жен.)

Средний возраст – первый период: от 22 до 35 лет (муж); от 21 до 35 лет (жен.)

второй период – от 36 до 60 лет (муж.); от 36 до 55 лет (жен.)

Пожилый возраст – от 61 до 75 лет (муж.); от 56 до 75 лет (жен.)

Старческий возраст – от 76 до 90 лет

Долгожители – старше 90 лет

⁵ Низкий уровень – до 2,66. (до 52%), средний – 2,7–3,56. (53–70%), высокий – от 3,66. (от 72%).

⁶ То же

⁷ *Оценочные показатели методики:*

Показатели	Минимальное – максимальное значения
Физическое функционирование	10–30
Социальное функционирование	2–10
Ролевое функционирование	4–8
Жизненная активность	4–24
Общее состояние здоровья	5–25
Эмоциональное функционирование	3–6
Психическое здоровье	5–30

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженов С.А., Маликов Н.С. Качество жизни населения: теория и практика. М.: ЭКОС, 2002. 178 с.
2. Кабанов М.М., Бурковский Г.В., Коцюбинский А.П. Использование опросника «Качество жизни» (Версия ВОЗ) в психиатрической практике. Пособие для врачей и психологов. СПб., 1998. 55 с.
3. Veenhoven R. Apparent Quality of Life: How Long and Happy People Live // Social Indicators Research, 2005. Vol. 71. P. 61–86.

4. Fernandez-Ballesteros R. Quality of life: concept and assessment // *Advances in Psychological Science*. Vol. I: Social, Personal and Cultural Aspects / Ed. D. Belanger, K. Dion. New York : Psychological Press, 1998. 580 p.
5. Айвазян С.А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. М. : ЦЭМИ РАН, 2000. 118 с.
6. Алмакаева А.М. Субъективное качество жизни: основные проблемы исследования // *Вестник СамГУ*. 2006. № 5. С. 41–47.
7. Баранова А.В. Экономико-психологические детерминанты субъективного качества жизни : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 197 с.
8. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М. : Ин-т психологии РАН, 2013. 268 с.
9. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // *Общество и политика* / ред. В.Ю. Большаков. СПб. : СПб. ун-т, 2000. С. 476–510.
10. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6.1994. № 1. С. 49–60.
11. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 1996. 170 с.
12. Чой В.И., Оберемко О.А. Индикаторы качества жизни в региональных центрах России // *Социологические исследования*. 2017. № 6. С. 57–67.
13. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. 296 с.
14. Diener E. Measuring Quality Of Life: economic, social and subjective indicators // *Social Indicators Research*. 1997. № 40. P. 190–216.
15. Fisher J. Subjective Well-being as Welfare Measure: Concepts and Methodology. 2009. 42 p. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/16619>
16. Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the Measurement of Subjective Well-Being // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20, № 1. P. 3–24.
17. Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 19–33.
18. Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М. : Ин-т экономики РАН, 2016. 62 с.
19. Петухов К.А. Проблемы алкоголизации и социальное самочувствие в Пермском крае // *Современные исследования социальных проблем*. 2013. № 5 (25). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-alkogolizatsii-i-sotsialnoe-samochuvstvie-zhiteley-permskogo-kraia> (дата обращения: 05.07.2018).
20. Лазарева О.А. Удовлетворенность жизнью и ее основными аспектами у жителей г.Саратов // *Гуманитарные научные исследования*. 2013. № 8. URL: <http://human.snauka.ru/2013/08/3690> (дата обращения: 14.01.2017).
21. Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // *Life-Line и другие новые методы психологии жизненного пути* / сост. и общ. ред. А.А. Кроника. М. : Прогресс-Культура, 1993. С. 107–114.
22. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология : учебник. М., 2004. 553 с.
23. Кувалдин С. Старость – наше будущее, или уроки демографии // *Коммерсантъ Власть*. 2015. № 48. С. 9.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 29 апреля 2020 г.

The Satisfaction of Small Russian Cities' Residents with the Quality of Their Lives: A Case Study of Perm Krai

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 110–115.

DOI: 10.17223/15617793/458/13

Nataliya V. Kulagina, Solikamsk State Pedagogical University, Branch of Perm State University (Solikamsk, Russian Federation).

E-mail: natkulagina@inbox.ru

Keywords: quality of life; social well-being; spheres of human life; vital needs; vital resources; sense of happiness; age groups of people; region of Russia; life satisfaction; living conditions.

The problem of population satisfaction with the quality of life is considered. The subjective perception by a person of the quality of his life is an important internal factor that affects his social well-being, satisfaction with his position, prospects, and individual spheres of society. Improving the quality of life of the population is one of the primary tasks of the authorities. Therefore, the analysis of the population's assessment of the quality of certain aspects of their lives is important for federal and local authorities to determine priority areas of social policy, develop strategies and work plans of state institutions of various departments, etc. The article presents the results of a comparative study of differences in the subjective perception of various indicators of quality of life and satisfaction with various areas of life of people of different age groups. N.V. Panina's "Life Satisfaction Index", I. Karler's technique to study the degree of satisfaction with one's functioning in various fields, the Russified version of "MOS SF-36" for assessing the quality of life were used as research tools. The study was conducted in the cities of the Upper Kama region (the north of Perm Krai). The sample size was 600 people. Respondents are representatives of three age groups. Men and women are in equal proportions. Group distribution was carried out on the basis of the age classification proposed by the Institute of Age Physiology of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR: adolescence (17- to 21-year-olds); maturity (middle age (36- to 55-year-olds); elderly age (56- to 75-year-olds). Groups were equalized in quantitative composition. It has been revealed that among the residents of small regional cities, regardless of age, the general level of satisfaction with the quality of life is at an average level, among older people there is a tendency to a lower level. Life satisfaction and quality of life indicators decline with age. There are no statistically significant differences in the general life satisfaction index for people of different age groups. However, some indicators of quality of life revealed significant differences. In each age group, there is a certain resource sphere of life, the successful functioning of which is the basis of satisfaction, stability, and success. It is a marital relationship for the elderly, a professional sphere for middle-aged people, a social sphere for young people. The data obtained can help to define the priorities of social policy in regions, can be used in the development of socially-oriented technologies and programs aimed at improving of the living conditions of people.

REFERENCES

1. Bazhenov, S.A. & Malikov, N.S. (2002) *Kachestvo zhizni naseleniya: teoriya i praktika* [Quality of Life of the Population: Theory and practice]. Moscow: EKOS.
2. Kabanov, M.M., Burkovskiy, G.V. & Kotsyubinskiy, A.P. (1998) *Ispol'zovanie oprosnika "Kachestvo zhizni" (Versiya VOZ) v psikhiatricheskoj praktike* [Use of the Questionnaire "Quality of Life" (WHO Version) in Psychiatric Practice]. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Veenhoven, R. (2005) Apparent Quality of Life: How Long and Happy People Live. *Social Indicators Research*. 71. pp. 61–86.
4. Fernandez-Ballesteros, R. (1998) Quality of life: concept and assessment. In: Belanger, D. & Dion, K. (eds) *Advances in Psychological Science*. Vol. I. New York: Psychological Press.

5. Ayvazyan, S.A. (2000) *Integral'nye indikatory kachestva zhizni naseleniya: ikh postroenie i ispol'zovanie v sotsial'no-ekonomicheskom upravlenii i mezhregional'nykh sopostavleniyakh* [Integral Indicators of the Quality of Life of the Population: Their Construction and Use in Socio-Economic Management and Interregional Comparisons]. Moscow: Central Economic Mathematical Institute RAS.
6. Almakaeva, A.M. (2006) Subjective well-being: the main investigational problems. *Vestnik SamGU*. 5. pp. 41–47. (In Russian).
7. Baranova, A.V. (2005) *Ekonomiko-psikhologicheskie determinanty sub'ektivnogo kachestva zhizni* [Economic and psychological determinants of the subjective quality of life]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
8. Dzhidar'yan, I.A. (2013) *Psikhologiya schast'ya i optimizma* [The Psychology of Happiness and Optimism]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
9. Kulikov, L.V. (2000) Determinanty udovletvorennosti zhizn'yu [Determinants of life satisfaction]. In: Bol'shakov, V.Yu. (ed.) *Obshchestvo i politika* [Society and Politics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 476–510.
10. Rusalina, A.A. (1994) Sotsial'noe samochuvstvie cheloveka v sovremennom mire kak nauchnaya problema [Social well-being of a person in the modern world as a scientific problem]. *Vestnik SPbGU. Ser. 6 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*. 1. pp. 49–60.
11. Savchenko, T.N. & Golovina, G.M. (1996) *Sub'ektivnoe kachestvo zhizni: podkhody, metody otsenki, prikladnye issledovaniya* [Subjective Quality of Life: Approaches, assessment methods, applied research]. Moscow: Institute of psychology RAS.
12. Choy, V.I. & Oberemko, O.A. (2017) Indicators of quality of life in the capitals of the Russian Federation regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 57–67. (In Russian).
13. Shamionov, R.M. (2008) *Sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i factory* [Subjective Well-Being of the Individual: Psychological picture and factors]. Saratov: Saratov State University.
14. Diener, E. (1997) Measuring quality of life: economic, social and subjective indicators. *Social Indicators Research*. 40. pp. 190–216.
15. Fisher, J. (2009) *Subjective Well-being as Welfare Measure: Concepts and Methodology*. [Online] Available from: <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/16619>.
16. Kahneman, D. & Krueger, A.B. (2006) Developments in the Measurement of Subjective Well-Being. *Journal of Economic Perspectives*. 1 (20). pp. 3–24.
17. Tikhonova, N.E. (2015) Russians' life satisfaction: dynamics and factors. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 3. pp. 19–33. (In Russian).
18. Kisilitsyna, O.A. (2016) *Izmerenie kachestva zhizni / blagopoluchiya: mezhdunarodnyy opyt* [Measuring Quality of Life/Well-Being: International Experience]. Moscow: Institute of Economics RAS.
19. Petukhov, K.A. (2013) Alcohol abuse problems and social well-being in Perm region. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*. 5 (25). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-alkogolizatsii-i-sotsialnoe-samochuvstvie-zhiteley-permskogo-kрая>. (Accessed: 05.07.2018). (In Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-5-33
20. Lazareva, O.A. (2013) Satisfaction with life and its main aspects at inhabitants Saratov. Disclosure of the reasons of a dissatisfaction by some aspects. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya – Humanities Scientific Researches*. 8. [Online] Available from: <http://human.snauka.ru/2013/08/3690>. (Accessed: 14.01.2017).
21. Panina, N.V. (1993) Indeks zhiznennoy udovletvorennosti [Life satisfaction index]. In: Kronik, A.A. (ed.) *Life-Line i drugie novye metody psikhologii zhiznennogo puti* [Life-Line and Other New Methods of Life-Span Developmental Psychology]. Moscow: Progress-Kul'tura. pp. 107–114.
22. Karvasarskiy, B.D. (2004) *Klinicheskaya psikhologiya* [Clinical Psychology]. Saint Petersburg: Piter.
23. Kuvaldin, S. (2015) Starost' – nashe budushchee, ili uroki demografii [Old age is our future, or the lessons of demography]. *Kommersant Vlast'*. 48.

Received: 29 April 2020

Н.Г. Щербинина, А.В. Севостьянов

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА: СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛОВОГО И ВИЗУАЛЬНОГО АСПЕКТОВ БРЕНДА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России», № 20-011-31664.

Раскрывается соотношение смыслового и визуального аспектов в позиционировании бренда университетского города в контексте современной коммуникативной ситуации. Обосновывается приоритет смыслового значения бренда в качестве сконструированной особенности как доминирующей характеристики города. Подтверждается моделирующая роль позиционирования бренда в формировании / восприятии образа города. Подчеркивается идентификационный характер визуально репрезентированных смыслов бренда города, согласованных с его значимой «позицией» в маркетинговом пространстве имиджей городов.

Ключевые слова: позиционирование; бренд; университетский город; смысл; визуальная репрезентация.

Общее понятие позиционирования, как правило, используется в маркетинговых стратегиях. Если под «товаром» мы будем понимать город, то можно выделить две основные концепции позиционирования. Первая концепция [1] основывается на конструировании стереотипного образа города-товара, внедряемого в реальность восприятия с помощью рекламной коммуникации. Причем рекламное воздействие на сознание потребителя является однонаправленным посылом (без обратной связи) и агрессивно-массированной атакой по способу воздействия. В результате такого внедрения в сознание в нашем случае предполагается создание представления о городе, имеющем особое значение, например «университетский город». В случае успешной рекламной коммуникации, оформления и закрепления образа, должно произойти смысловое наполнение города-знака, без которого город сегодня не может просто присутствовать в условиях глобального и во многом виртуального общего мира.

Вторая концепция [2] сосредоточена на конструировании рынков-сегментов, т.е. конституировании особой реальности маркетинговой коммуникации. Каждый город обладает характеристиками города вообще, но есть и специфические его свойства, которые могут стать «товарными качествами». И здесь надо либо образовать отдельный рыночный сегмент и стать эксклюзивным продуктом на новом рынке, либо позиционироваться в каком-то уже бытующем сегменте. Университетские города, которых в мире множество, заведомо образуют один готовый сегмент, потому предстоит конкурентная борьба за рыночную долю в нем. Если вторая концепция предполагает создание главным образом вербально оформленного представления, дополнительно «отстраивающего» от конкурентов, то визуальный аспект позиционирования в семиотических практиках осуществляется преимущественно на основе первой концепции.

Э. Райс и Дж. Траут, как и Ф. Котлер, создавали свои концепции позиционирования для потребностей отправителя посланий, того, кто управляет коммуникацией. Если объединить их точки зрения по существу, то получится, что позиционирование – это отсылка четких посланий в разных коммуникативных формах

для «вбивания» в умы значимой характеристики товара и попутное сегментирование рынка для адресных посланий всем избранным сегментам. Но с другой стороны коммуникативной цепи потребители сообщений фильтруют полученную информацию, тем самым участвуют в создании собственного образа товара. В результате у них формируется и свой имидж города, который неизбежно отличается от имиджа, моделируемого командой. «Мы определяем имидж места как сумму убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места. Имидж – это упрощенное обобщение большого числа ассоциаций и кусков информации, связанных с данным местом» [3. С. 205]. В приведенном нами определении имиджа места подчеркивается активная коммуникативная роль воспринимающей стороны. Получается, что само восприятие информации, отвечающей имиджевой стратегии городских властей, автоматически не проводит в сознании потенциального покупателя операцию «позиционирование». В результате «имидж места», четкий как «позиция» в стратегии адресанта, в сознании адресата оказывается размытым и противоречивым. В лучшем случае воспринятый имидж окрашивается в положительные тона. Кроме того, политическая реклама (и реклама вообще) как форма транслирования имиджа, по сути, представляет собой информирование без обратной связи. А позиционирование, в свою очередь, часто совершается в рекламных формах, о чем писали еще Райс и Траут. Данная рекламно-ориентированная стратегия, описываемая линейной схемой коммуникации, более привлекательна для власти (в том числе и городской), поскольку создает формальную ситуацию управления. Но неформально реклама отнюдь не всегда эффективно воздействует на сознание. Вот почему сегодня в маркетинге превалирует социальная коммуникация, ведь она представляет собой обмен мнениями, а реклама инкорпорируется в сетевом общении. В данном формате обсуждение, к примеру, бренда позволяет позиционировать его в новых коммуникативных условиях.

Здесь надо сразу сказать о некоторых особенностях современной ситуации на рынке городов вообще и России в частности. Если в мире множество городов позиционируют себя как «университетские», то в Рос-

сии ряд городов по факту обладания университетом любого генезиса используют смысловой фрейм «университетский город» иногда в самоназвании, но чаще – в стратегии позиционирования в составе «портфеля брендов». Последнее обстоятельство создает проблему дальнейшей семиотической отстройки от многочисленных внешних и внутренних конкурентов и решается она исключительно в контексте успешной коммуникации. Под успешной коммуникацией здесь понимается обмен смыслами, когда знак-послание интерпретируется на стороне восприятия, согласно заложенному пониманию на стороне отправления. Это значит, что самоназвания как такового, без феномена интерпретации, недостаточно для возникновения процесса семиозиса. И в таком случае город-знак не функционирует в качестве знака, тем более если некоторые «бренды» создают семиотическую путаницу. Для складывания же ситуации семиозиса нужна коммуникация с обратной связью и акт репрезентации. Кроме того, «продвижение» места, в маркетинговом комплексе которого преобладает реклама, возможно, скорее, как символическое действие, поскольку город – весьма специфический товар. Город не продается на «физическом рынке», но зато он может символически вступить в коммуникацию. Поэтому маркетинг университетского города и акцентируется на управлении коммуникацией, а не на производстве «сбытовой» рекламы. Что же нужно, чтобы город обсуждали как цельный образ? Сегодня ответ однозначен – город должен стать брендом, а уже город-бренд необходимо визуализировать, сделать воображаемый и визуальный образ города желательной реальностью.

Неслучайно с 1990-х гг. и по сей день [4] делается акцент на позиционировании брендов. В таком случае «позиция», внедряемая в сознание потребителя, сворачивается до одной особой символической характеристики. Тогда бренд-менеджмент включается в дифференцирование городов-брендов в сфере восприятия, согласно их отличительным особенностям. Концепция особенностей брендов Капферера представляет собой некую идеальную модель, с помощью которой и город как товар может приспособиться к условиям конкретного рынка. Имеется в виду, что потребная отправителю «позиция» в сознании «покупателя» дает ракурс данного приспособления. Особенности бренда содействуют закреплению устойчивых интерпретаций, служащих ориентирами в коммуникации с брендом, чтобы на их основе можно было подобрать релевантное обозначение бренда, ассоциирующееся с заданным при конструировании бренда смысловым содержанием. Тем самым мы «понимаем» информационные послания адекватно навязанной позиции. Особенности бренда коррелируют и с ценностью бренда, а значит, поддерживают идентичность бренда.

Существует масса определений бренда, но при всей разнице трактовок можно выделить несколько общих моментов:

1) бренд связан с особенностями товара, которые зафиксированы в имидже товара и определяют его позицию на рынке;

2) бренд в отличие от имиджа наделяется какой-то сверхпотребительской ценностью;

3) бренд существует в сознании, в «реальности восприятия».

Однако некоторые исследователи маркетинговой сферы городов, напротив, подчеркивают, что в основе формирования бренда лежат объективные факторы. Например, И.С. Важенина такими первоосновами полагает природно-климатические и историко-культурные факторы, хотя в ее определении делается акцент на сугубо потребительских качествах бренда территории. «Бренд территории – это совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории» [5]. Точка зрения на изначальную самобытность места как на опору характерна и для других исследований по теме. «Стратегия позиционирования региона должна выстраиваться исходя из уникальных преимуществ данного региона в самых разных ракурсах: социально-политическом, экономическом, географическом, социокультурном, историческом (выдающиеся памятники истории и культуры, известные личности, уникальное производство, инвестиционная привлекательность, ландшафтные заповедники)» [6. С. 47]. На аналогичной, по сути, априорности бренда города настаивал и Д. Визгалов. В основе концепции бренда, полагал он, лежит «городская идентичность», выраженная символически. Потому бренд нельзя искусственно создать, но «можно только вырастить как дерево» [7. С. 38, 42]. При таком объективистском понимании истоков бренда города, усилия действия брендинга сводятся лишь к выявлению и поддержанию изначальной сути города. И получается, что естественно установленный бренд менять в принципе нецелесообразно. Данная точка зрения об исключительной натуральности бренда расходится с конструктивистской позицией, утверждающей его искусственную природу, выраженную в интерпретации. Например, выражение «Томск – университетский город» свидетельствует о том, что конкретный город превращен в «типизацию». Тем самым смысл «города» подведен под схему «университетский город». Смысл уже заранее проинтерпретирован и подается в коммуникации в готовом виде и символической форме для восприятия.

Итак, под брендом в маркетинговой коммуникации сегодня понимается не товарный знак, а представление о товаре, точнее его концепция или идея, кратко выраженная и сопровождающаяся положительной эмоциональной реакцией на восприятие бренда. Иными словами, бренд буквально существует в коммуникативном процессе, это послание, которое доходит до адресата и вызывает ответный посыл. На стороне отправителя посланий, выражающих концепцию бренда – конструкт, содержащий маркетинговую идею. На стороне восприятия данных посланий – конструкция сложившихся стереотипов, касающаяся особой ценности и уникальности товара, а также поддерживаемая эмоциональная привязанность к бренду. «Бренд – это впечатление о продукте или услуге, вос-

принятое клиентом. Бренд – это не только символ, который отделяет один продукт от других, но так же все атрибуты, которые приходят в голову потребителю, когда он или она думает о бренде. ...Бренд – это идентичность, которую чувствует клиент, касаясь продукта. Бренд – это обещание чего-то» [8. Р. 6]. Некоторые исследователи брендов полагают, что бренд и есть имя, «по сути, бренд – это *доброе* имя чего-либо, предлагаемого публике, не больше и не меньше» [9. С. 14]. Доброе имя, репутацию, конечно, надо упрочить, закрепить позитивное мнение, поддерживая положительное восприятие бренда. А брендинг – не только создание имени, но и управление представлением и впечатлением от товара, поддержание его идентичности, как и репутации самого бренда. Получается, что бренд все же зависит от субъективного фактора – восприятия, впечатления, мнения, эмоций и даже лояльности. Отношение к бренду, что подчеркивается маркетологами, очень напоминает восприятие личности.

При этом надо делать акцент на «брендинг», управлении брендом на всех фазах его существования. Перед нами воздействие на бренд, которое касается не только его создания с нуля, но и постоянно поддерживающее его положительный имидж. В случае же ослабления бренда обычно предлагается использовать «ребрендинг». В шаблонных советах для практического применения ребрендинг подается как комплекс маркетинговых и коммуникативных мероприятий по «изменению» бренда. Изменения касаются позиционирования, философии, презентации, фирменного стиля, навигации и сервиса [10]. То есть изменения, согласно «советам маркетолога», должны касаться не только ситуативных моментов (позиционирования и форм продвижения товара), но и довольно постоянных – философии и фирменного стиля. Философия определяет сущность бренда, а фирменный стиль способствует его идентификации, в том числе визуальной. При радикальном изменении идеи и фирменного стиля бренд может потеряться в коммуникации и остаться непонятым. Существует специальное понятие ребрендинга территории, но оно трактуется несколько по-другому. Так, А.П. Панкрухин писал, что «ребрендинг – это метод смены образа». Ребрендинг обычно применяется по отношению к компаниям, а не к товару и всего в трех конкретных ситуациях: слияния компаний, смены стратегии, изменения самой компании. И главное здесь – объединение двух имен [11. С. 202–203]. То есть, по Панкрухину, получается, что ребрендинг территории практически весьма редок, а ребрендинг города – фактически нецелесообразен. Противоположная позиция на принципиальную обоснованность ребрендинга территории имеется у авторов уже процитированной нами книги под редакцией И.А. Василенко. Ребрендинг регионов России, полагают они, это современный, инновационный и востребованный проект по маркетинговому продвижению в России и мире, который должен максимально широко использоваться региональными властями для достижения региональной идентичности [6. С. 10–11]. Другими словами, ребрендинг региона это стратегия, присущая региональ-

ной имиджевой политике как таковой, и потому все регионы нуждаются в ней. При этом получается, что изначальный бренд территории уже имеется по факту существования имени и наличия объективных отличительных параметров. Значит, город тоже должен проводить неизбежный ребрендинг, обладая аналогичным априорным брендом. Однако мы уже подчеркивали, что придерживаемся противоположной точки зрения на природу бренда: это искусственный конструкт, созданный и поддерживаемый с помощью брендинга, но эффективно управляемый бренд-менеджментом.

Вот почему Ж.-Н. Капферер уделяет особое внимание бренд-менеджменту, современному управлению брендом, в арсенале которого есть два средства: «отличительные особенности бренда» и «позиционирование». Позиционирование при этом отвечает за обеспечение конкурентных преимуществ товара в избранном сегменте рынка [4. С. 93]. Позиционирование бренда, таким образом, начинается с выделения отличительных особенностей, чтобы потребители могли выбрать товар по ассоциации с брендом, сравнивая его с другими брендами [4. С. 96–97]. Тем самым Ж.-Н. Капферер сочетает понятие *brand identity* с концепцией особенностей бренда. Если рассмотреть бренд с точки зрения коммуникации, то отличительные особенности конструируются отправителем сообщений. Термин же «имидж бренда» представляет собой совокупность посланий, которые должны быть расшифрованы, т.е. имидж бренда формируют получатели сообщений. «Цель позиционирования – идентифицировать и предоставить серьезную причину для покупки того или иного товара, что дает нам реальное или воспринимаемое преимущество. Это подразумевает желание захватить долгосрочную позицию и защитить ее» [4. С. 99]. Итак, имидж бренда может варьироваться у различных потребителей, но «позиция» должна воспроизводиться в их сознании на уровне стереотипа. Позиционирование и отстройка от конкурентов – основа брендинга вообще и городов в частности.

Другими словами, «позиция» представляет собой особо значимое качество бренда. «Правда заключалась в том, что эти бренды стали феноменально ценными не только благодаря своим новаторским характеристикам или выгодам, но и в силу того, что эти их качества были трансформированы в мощную силу смысловых значений» [12. С. 29]. Итак, ценность брендам придают их «значения», что делает коммуникацию брендов смыслоносущей. Возникает вопрос: как управлять значениями брендов? Ответ на него дает процитированная нами книга М. Марк и К. Пирсон. Для адекватного управления значениями брендов служит «архетипический брендинг», согласно которому «значения» (ценности, особенности бренда) должны отвечать и глубинной мотивации потребителей товара, нуждающихся в рассказывании «реklamной истории». Истории представляют собой типичные «тексты» на основании архетипов, которые можно применить и к городу [13. С. 152–159]. Архетипическая история о городе, который на манер героя отправляется в путь, понятна в коммуникативном плане,

поскольку она рассказывается во многих культурных текстах – мифах, сказках, фильмах, комиксах.

Целесообразнее создавать бренд города на основе одного архетипа, поэтому нами был выбран архетип Мудреца. Город-мудрец нацелен на учебу, поиск информации, развитие интеллекта и связан с поисками истины. «Именно Мудрец обладает релевантной информацией и готов ею поделиться в общении. Город-мудрец сегодня ценен тем, что он может дать новейшие знания и организовать условия для дальнейшего производства знаний. На этой основе возникает город-университет, владеющий исследовательской инновационной площадкой для создания потребного будущего. Потому ценность и особенность такого города-бренда – адекватное образование для “умного” будущего. Персонификантами Мудреца выступают не только символические фигуры Учителя и Ученого, но и фигура Эксперта, оракула постсовременности» [13. С. 153–154]. Сегодня такой город востребован студентами, учеными и первопроходцами во всех сферах, будь то политика, экономика, информационная сфера или культура.

Сам эффект восприятия и обсуждения бренда означает превращение города в конструкцию сознания. Данный конструкт может быть описан согласно его типичным характеристикам, отмеченным Д. Лиллекером. Так, считает он, «внутри» бренда находится идеологическое ядро. Вокруг ядра группируются разнообразные «тексты», указывающие на миссию и создающие внешнее выражение ядра. А на поверхностном уровне задействуется символическое название, вызывающее ассоциации с ценностями бренда [14. С. 61]. Аналогично и в нашем случае: город-бренд имеет в своем ядре идею города. Так, Томск, согласно тому, что он «университетский город», по примеру героя пошел в путь на поиски знаний и истины. Идея придает смысл всей коммуникации человека и города: обретенное знание дает Томску перспективу вхождения в новую эпоху и свободу рационального выбора. На основе данной идеи создаются конкретные текстовые сообщения, и они образуют имиджевые послания относительно миссии города, его особого призвания, что согласуется с идеей города. И, наконец, концентрированным выражением бренда является его символическая номинация (у нас – «Томск – университетский город»). Она в свернутом виде содержит концепцию города.

Квинтэссенцией всех рассуждений относительно позиционирующего мышления является соображение о том, что закрепление «позиции» в восприятии товара делает его конкурентноспособным, поскольку подчеркивает отличия товара. «Томск – первый в Сибири университетский город» – вот простейший пример позиционирования университетского города, использующего лидерскую характеристику. Но одного выделения товара недостаточно для «покупки», которая может скорее совершиться при восприятии бренда города. Бренд тоже включает в себя характеристику позиционирования, но при этом он, скорее всего, направлен на идентификацию продукта. Иными словами, согласно нашему примеру бренд проясняет сущность Томска как университетского города (сегодня в сибирских городах множество университетов, но «лучше» учиться в Томске). Важно подчеркнуть, что

бренд существует долговременно (Томск как университетский город – идеальный пример, поскольку его лидер ТГУ относится к разряду императорских университетов, которые и в советское время отличались от обычных институтов). А вот позиционироваться приходится в переменчивой конкретной ситуации, сегодня эту возможность Томску дает официальный ранг ТГУ – «исследовательский университет», университет нового типа, тогда как «классический университет» – это историческая основа для сегодняшнего университета, уверенно идущего в будущее.

Как же осуществляется моделирование образа города посредством позиционирования бренда? Под моделью в данном случае подразумевается представление об объекте в упрощенной форме. Такой упрощенной формой и выступает, по нашему мнению, бренд города. Тем самым схема бренда может выступать моделью, представляющей структуру образа города. Мы будем пользоваться «призмой отличительных особенностей» бренда, предложенной Ж.-Н. Капферером, и применим ее в качестве образца к городу-товару. Во-первых, бренд обладает «физическими особенностями и качествами». Это яркие объективные черты, которые характеризуют город и первыми приходят на ум. Во-вторых, у бренда должна быть «индивидуальность», и она проявляется в коммуникации бренда, в способе информирования о нем. Перед нами аналог человеческого характера (а город, как отмечают маркетологи, представляется личностью). В-третьих, «бренд – это культура». Город-товар всегда является воплощением какой-то культуры. Именно в культуре содержится источник привлекательности и силы бренда, культура также способствует коммуникации. В-четвертых, «бренд – это взаимоотношения». То есть бренды вообще и бренды городов оказываются в центре взаимодействий. В-пятых, «бренд – отражение потребителей». Бренд предназначен всегда для того, кто его воспринимает как свой. В-шестых, бренд проговаривает о самообразе, выявляет, чем является город для себя [4. С. 103–107].

Теперь постараемся воспроизвести на основе предложенной нами модели структуру образа Томска, который гипотетически позиционирует себя университетским городом. Во-первых, Томск – это сибирский региональный центр, город с шестью университетами, ведущим из которых является ТГУ, в официальном ранге «Национальный исследовательский» и входящий в ТОП-250 мировых университетов. Во-вторых, его «индивидуальность» выражается в сочетании традиций классического дореволюционного и советского образования и инновационных научных подходов. Это университет-лидер и город-университет. В-третьих, культура Томска сформировалась в особой интеллектуальной среде, где сказывается влияние науки и образования на все сферы жизни, отмечается высокий уровень образования населения и наличествует особая гордость за столь особенный сибирский город. Все это способствует узнаваемости города в коммуникации и делает его бренд сильным по сравнению с другими университетскими городами, претендующими на данную «позицию». В-четвертых, Томск выстраивает свои взаимодействия на основе университетского «базиса». Наиболее характерный пример – в Томске проходят Unovus и

Международный форум университетских городов. В пятых, Томск – это город студентов, с зарегистрированным брендом «студенческая столица», причем в этом плане он охватывает регионы от Урала и до Дальнего Востока. А по количеству иностранных студентов ТГУ входит в ТОП-100. В-шестых, самообраз Томска включает в себя сочетание старинной деревянной архитектуры, молодого, преимущественно студенческого, населения и инновационного потенциала.

Таким образом, конструирование бренда города посредством его моделирования связано в первую очередь с процессом придания смысла городу-знаку. Сам же семиозис, порождение знака и его смыслового значения, ситуативно зависит от коммуникации, когда он активно интерпретируется, т.е. обретает существование в качестве значимого образа и имиджа бренда. Изначальная коммуникация позиционируемого бренда инициируется как обсуждение сконструированной его особенности внутри города, а основной предпосылкой семиотизации города-знака выступает семиосфера города, его семиотическое пространство [15].

Семиосфера города отличается неоднородностью, поскольку заполняющие ее языки общения гетерогенны по природе. В силу неизбежной конкуренции кодов (в том числе и визуальных) некоторые тексты вообще не считываются, особенно это относится к сообщениям рекламного толка. В маркетинговом выражении семиосфера города достигает и культурной стадии самоописания, что проявляется в институционализации его брендинга. В этом случае бренд становится городской «нормой», и типичный горожанин его коммуникативно поддерживает, выражая посредством сохранения идентичности бренда чувство гордости за свой город. Тогда самоназывание «университетский город» говорит о том, что город «значит» для его жителей, и коммуникация становится смыслонесущей. С помощью же внешней управляемой коммуникации позиционируемый смысл внедряется в глобальную «семиотическую картину» особого мира городов. Выражение «университетский город» входит в словарный запас описания города и коммуникацию между городами как мирами значений. Город перестает быть лишь интенциональным объектом, но приобретает субъектность и индивидуальность. Только тогда означенный город становится «семиотически принятым», т.е. субъективно реальным. Так городская семиосфера включается в некую внешнюю семиосферу маркетинга городов. Метаязыком общения здесь выступает символический язык, кодирующий бренды городов.

Примечательно, что в «университетском городе» сам университет превращается в своеобразный культурный объект, помещенный в символическом центре семиотического пространства. Речь идет о ядерной структуре городской семиосферы, где творится самописание, но метаструктурные построения чаще всего относятся к феномену городской власти. В этом случае тексты, позиционирующие университет, обретают статус «правильных» с точки зрения самоописания города. К нормотворческим текстам относятся также имиджевые стратегии и прочие маркетинговые проекты, визуальный ряд которых сегодня прописывается в бренд-буках. Так создается некое един-

ство семиотического пространства в отношении номинации города. При этом используется и распространенный механизм оформления семиотической индивидуальности – формируется единство в отношении к «границе». К примеру, Томск – это «университетский город», отличающийся от других университетских и неуниверситетских городов. Перед нами предстает особый мир во всех смыслах. То есть язык, явленный в практике властного дискурса, в контексте бренд-менеджмента должен стать метаязыком, задающим нормы общения по поводу города, некие законы семиотики города. Выбранный язык общения (код), достигнутый в результате диалога, и составляет структуру или содержание бренда, который успешно семиотизировался. Но, к сожалению, на практике именно семиотизации и не происходит, выбранный для обозначения знак не становится знаковым явлением.

И конкретным примером незавершенной семиотизации служит не только смысловой, но и визуальный аспект бренда. Последний понимается как визуальный текст с особыми визуально репрезентированными смыслами и языками актуальной городской визуальной коммуникации. В данной связи становится очевидным, что в коммуникации города большую роль играет и визуальная идентификация его бренда, образующая некую наглядную систему идентификации или фирменный стиль. Визуальные знаки бренда (символ, слоган, цвета, шрифт и т.п.) должны способствовать релевантной идентификации товара, согласно корпоративному стилю, но бренд это не только и не столько товарный знак типа клейма. Конечно, визуальная коммуникация важна и востребована сама по себе. И многие территории, в основном страны, обзавелись визуальными знаками [16. С. 131–155]. Но попытки сделать графические символы некоторых региональных центров России, такие как идея логотипа Омска – так называемой брендолопы [17] или «звериный стиль», провозглашенный одним из брендов Перми [18], не принесли ожидаемого маркетингового эффекта. Оба визуальных знака были раскритикованы за неясность смысла бренда, а в случае когтистой омской медвежьей лапы подчеркивалась чрезмерная агрессивность визуального образа.

Итак, знаковая нечеткость и присущий негатив не позволяют сформировать адекватную эмоциональную «ауру» бренда, тогда как система визуальных образов должна соответствовать сконструированной смысловой части стратегии позиционирования бренда и зримо выделять его среди конкурентов в выбранном сегменте рынка. К основным наглядным идентификационным элементам «университетского города» относятся символ бренда (например, на сайте город может быть визуально представлен зданием университета) и логотип (формально последний должен включать название города и «значащую» картинку, связанную с университетом). В любом случае здесь подключается кодирование цветом и очень важен дизайн логотипа. Для выражения смысла «университетский город», таким образом, необходимо, чтобы изображение университета-лидера вошло в логотип, задав основное визуальное представление о бренде города.

Исследование процесса позиционирования Томска как университетского города продолжается разными

коллективами и в различных формах уже несколько лет. Так, в 2012 г. данная проблема рассматривалась под углом зрения необходимости формирования «визуальной политики» позиционирования университетского города с упоминанием Томска [19]. В статье А.И. Щербинина делался акцент на политическом аспекте управления позиционированием, что представлялось особо актуальным на тот момент, и на развитии различных видов маркетинга города.

В отношении визуальной представленности города уже тогда было предпринято исследование сайтов университетских городов. На его основе делался вывод: «Итак, на первом месте по употребимости стоят виды города, на втором – рисунки (от фрагментов картин художников, причастных к данному месту, до мультипликации и стилизации под детский рисунок), на третьем – гербы, что свидетельствует о признании символической составляющей презентации места, на четвертом – люди / сообщество, на пятом-шестом месте – панорамы городов и университеты, на последнем виды природы» [19. С. 53]. Получилось, что собственно феномен визуального использовался реже, чем называние города «университетский» (либо прямо, либо косвенно в слогане). Объяснение подобной практики нечеткого визуализирования опять же отсылает нас к специфике рекламирования города, особого товара, бренд которого не является в полной мере «брендом физического товара». Город для потребителя больше похож на «сервисную кампанию», потому его образ в сознании и не является образом какого-то одного предмета. «Изображение, созданное из места, не совпадает с изображением самого места. Изображение основано не только на объективной информации, но и на взглядах и ценностях людей и их последующих ожиданиях. Изображение места – основанное на отношении предприятие, включающее чувства и ценности, которое создается во взаимодействии с самооценкой человека, идентичностью группы и информацией о месте» [8. Р. 17]. Вот почему для идентификации города-бренда используется качество «особенности» бренда, некое вербализованное значение, ценностно релевантное семиосфере города.

Что же касается нашего конкретного примера, относительно томской бренд-практики, сразу следует оговориться, что до сих пор отсутствует не только согласованный бренд-менеджмент, но, собственно, у томской городской, областной и университетской властей нет единой бренд-стратегии. При этом город в неуправляемом семиотическом поле коммуникации все равно маркируется как университетский, поскольку другого значимого символа у него просто не существует. В таких условиях ведущая роль в позиционировании Томска как университетского города отходит университетам, которые включены в символическую рейтинговую игру по различным категориям оценки. И здесь применяется именно рекламная коммуникация, релевантная первой из названных нами – стратегии позиционирования [1]. Например, ТГУ использовал и использует до сих пор серию рекламных сообщений, сопровождая их девизом «ТГУ – это целый мир». Что касается содержания рекламных материалов, то все они информационно и вербально ориентированы на радио-

нальный тип рекламы. Рекламное же изображение главного корпуса университета сведено к стилизованному визуальному значку небольшого размера.

Здесь хочется сделать необходимое общее дополнение о характере позиционирующей рекламы со ссылкой на авторитеты. Рассуждая о семиологии визуальных сообщений, У. Эко писал, что рекламное сообщение ориентируется на то, что потребитель от него и ожидает. Потому рекламная коммуникация опирается на уже хорошо знакомое потребителю. Реклама не информирует в этом смысле, а лишь повторяет штампы [20. С. 201–202]. Говоря о позиционирующем эффекте рекламы, Э. Райс и Д. Траут подчеркивали, по сути, ту же мысль: сознание человека отвергает информацию, которая не соответствует «имеющимся знаниям или опыту» [1. С. 45]. То есть новая символика в рекламе должна соответствовать «старым» знаниям и знакомым «картинкам». Итак, специалисты по рекламе указывают на характер рекламного креатива: содержательно рекламное сообщение должно соответствовать тем знаниям, которые уже имеются у целевых аудиторий. Тогда реклама выполнит свое предназначение и привлечет внимание, т.е. будет адекватно понята.

В данном контексте очевидную и типичную проблему с раскодированием визуальных символов в качестве более или менее распространенных идентификационных элементов создает, по нашему мнению, новый фирменный знак ТГУ. В старом корпоративном стиле ТГУ фирменный знак представляла «говорящая» картинка, графически изображающая историческое здание главного корпуса, картинка была ясной и привычной. Университет символизировался «особым» через свою традиционность. ТГУ сегодня определяется как «Национальный исследовательский Томский государственный университет – первый университет в Азиатской части России, один из ведущих центров науки, образования и культуры страны». Такое определение было положено в основу ребрендинга, и для обновленного бренда создали новый логотип с идеологически наполненной визуальной символикой. Оформление окаймления визуального знака относится, согласно официальному описанию, к сфере «гербовой геральдики в современном прочтении». Это щит, форма которого объединяет европейские университеты (щит с острым основанием) и азиатские университеты (круг). Отсюда синтезированный гербовый рисунок окаймления символического знака официально символизирует «евразийскость ТГУ». Литера «U», сам визуальный символ, расположенный внутри гербового обрамления, манифестирует «универсальность» в силу того, что с данной литеры начинается слово «университет» на многих языках. Цвет по-прежнему – синий, но оттенок изменен на более яркий [21]. С названием же города Томска полный визуальный знак университета связывает два вербальных момента: «Национальный исследовательский Томский государственный университет» и «Томск 1878».

Уместно сразу оговориться относительно значения формы гербового щита, которая, согласно маркетинговой концепции ТГУ, будто бы служит основой для семиотизации знака с целью выражения неких ценностей корпорации. Однако в геральдике форма щита имела и имеет лишь второстепенное значение, но не

принципиальное, а сам щит, неременный атрибут герба, следовательно, нужен лишь в качестве фона для помещения гербовых фигур. То есть ценности (и смыслы) передает именно гербовая атрибутика, то, что изображено на щите. «Существует примерно 18 типов формы щита. Однако при описании герба в геральдике форма щита не принимается во внимание. Скорее форма являет собой эстетический аспект, отражая территориальную, национальную (иногда половую) принадлежность хозяина герба» [22].

Постулируемая в описательной части бренда ТГУ «евразийскость», очевидно, абстрактно-ценностное качество, существующее сугубо в идеологическом контексте, а не в географической или исторической реальностях. Конечно, новый визуальный знак ТГУ более соответствует понятию и изображению фирменного знака или товарного клейма. Но еще раз подчеркнем, что бренд несводим к товарному знаку и в условиях такого сугубого означивания идея визуального символа получилась, по сути, слишком абстрактной. В результате визуальный знак может быть «правильно» прочитан лишь после специального ознакомления с описанием концепции бренда ТГУ. Кроме того, «гербовая геральдика» в любом прочтении отсылает к геральдической символизации в пределах иной средневековой культур-

ной парадигмы. «Геральдической модели необходимы риторические директивы и предельная сакральность, которые не могут быть действенными в условиях современных визуальных коммуникаций, сформированных позитивизмом и функционализмом» [16. С. 106].

Гербовые визуальные знаки заведомо основаны на «застывших» вербально выраженных ценностях. Герб в Средневековье выступал «текстом», написанном на знакомом «читателю» языке (с определенными значениями цветов, фигур, расположения знаков), и потому мог быть понят так, как и задумывался носителем герба. А визуальная коммуникативная культура постсовременности, напротив, требует гибкой интерпретации и даже десакрализации любого знака. Визуальный знак с неочевидным символическим наполнением заведомо деконструируется, подвергается разрушению именно в «переводе» и заново интерпретируется. При этом знак теряет официально одобренную знаковость и становится бессмысленным. Такой визуальный знак больше не репрезентирует. Но сегодня с развитием глобальной и визуальной сетевой коммуникации город, номинирующий себя «университетским», должен придать и визуальную идентичность, и смысловую «позицию» формируемому бренду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб. : Питер, 2001. 256 с.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. М. : Прогресс, 1990. 736 с.
3. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с.
4. Капферер Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда М.; СПб. : Вершина, 2007. 448 с.
5. Важенина И.С. Имидж бренда и региона: сущность и особенности формирования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-i-brend-regiona-suschnost-i-osobennosti-formirovaniya/viewer> (дата обращения: 10.07.2020)
6. Имидж регионов России: инновационные технологии и стратегии ребрендинга / под ред. проф. И.А. Василенко. М. : Международные отношения, 2016. 288 с.
7. Визгалов Д. Брендинг города. М. : Ин-т экономики города, 2011. 160 с.
8. Moilanen T., Rainisto S. How to Brand Nations, Cities and Destinations. A Planning Book for Place Branding. Foreword Philip Kotler. London : Palgrave Macmillan, 2009. 202 p.
9. Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М. : Добрая книга, 2010. 232 с.
10. Записки маркетолога. Словарь. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_r/rebranding/ (дата обращения: 23.07.20).
11. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. 2-е изд., доп. СПб. : Питер, 2006. 416 с.
12. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб. : Питер, 2005. 336 с.
13. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г., Севостьянов А.В. Конструирование города-бренда. М. : Аспект Пресс, 2018. 240 с.
14. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков : Гуманитарный Центр, 2010. 300 с.
15. Лотман Ю.М. Семиосфера // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : «Искусство – СПб», 2001. 703 с.
16. Родькин П.Е. Визуальная политика. Фирменный стиль. М. : Совпадение, 2007. 159 с.
17. Медвежья лапа стала официальным логотипом Омской области. URL: https://superomsk.ru/news/4742-medvejya_lapa_stala_ofitsialnm_logotipom_omskoy_ob/ (дата обращения: 14.07.2020).
18. О Пермском крае. Основные «бренды» территории // Официальный туристический портал Пермского края. URL: <http://visitperm.ru/about/> (дата обращения: 14.07.2020).
19. Щербинин А.И. Визуальная политика позиционирования университетского города // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 46–58.
20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. 544 с.
21. Символика ТГУ. URL: <http://www.tsu.ru/help/symbolism.php> (дата обращения: 29. 08.2019).
22. Щит в геральдике. URL: http://sledvekov.ru/term_geraldika_shield (дата обращения: 30.08.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 31 августа 2020 г.

Positioning of a University City: The Correlation of the Semantic and Visual Aspects of the Brand
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 116–123.
 DOI: 10.17223/15617793/458/14

Nina G. Shcherbinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Alexey V. Sevostianov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 9410@mail.ru

Keywords: positioning; brand; university city; meaning; visual representation.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, Project No. 20-011-31664.

The article discusses the marketing positioning strategy used to ensure competitiveness in relation to the city brand. Since university cities inherently form a ready-made market segment, the need to detach from competitors is emphasized, and therefore the emphasis is on identity as a brand attribute. Through political construction (the leadership role of the authorities in creating and using a positioning strategy), the brand of the city is given a supervalue, which is projected into the reality of perception. The idea of the subjective nature of the foundations of branding is substantiated, although some researchers of the urban brand insist on its objective predestination and a priori nature. The subjectivity of the nature of a brand means its artificially constructed meaning and a deliberate interpretation of its positioned meaning. The positioning of the city's brand occurs in a new communicative situation when the authorities must rely on social communication with the brand, discuss its distinctive features and value. It is this format of communication that today allows identifying the brand of the city, comparing "positions", and making a choice. Therefore, in order to maintain the city's brand identity, it is better to focus on brand management rather than on rebranding. Brand management allows managing the brand value, which is more expedient to create on the basis of one archetype. For a university city brand, this is the Wiseman. As a concrete example of a university city, the Tomsk case is used; in particular, the modeling of the image of the city by positioning its brand is investigated. In terms of revealing the relationship of various aspects in brand positioning, it is argued that the construction of a city brand through its modeling is associated primarily with the process of giving meaning to the city-sign. And the main prerequisite for the semiotization of the city-sign is the city's semiosphere, its semiotic space. In marketing terms, the city's semiosphere reaches the cultural stage of self-description, which is manifested in the institutionalization of branding. In this case, the brand becomes an urban "norm", and a typical city dweller communicatively supports it, expressing the brand's identity. In general, the priority of the semantic value of the brand is substantiated as a constructed feature that is the dominant characteristic of the city. The important visual aspect of the city brand is seen as a common case of unfinished semiotics when some brand practices of cities show the problem of decoding visual symbols thus interfering with the understanding of significant meaning. As a general conclusion, it is emphasized that, in the context of global communication, a city nominating itself a "university" one should give a visual identity to its brand and correlate it with the dominant semantic "position" of the brand this city forms.

REFERENCES

1. Ries, A. & Trout, J. (2001) *Pozitsionirovanie: bitva za uznavaemost'* [Positioning: The battle for recognition]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
2. Kotler, P. (1990) *Osnovy marketinga* [Fundamentals of Marketing]. Translated from English. Moscow: Progress.
3. Kotler, P. et al. (2005) *Marketing mest. Privlechenie investitsiy, predpriyatiy, zhiteley i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy* [Place Branding. Attracting investments, enterprises, residents and tourists to cities, communes, regions and countries of Europe]. Translated from English. Saint Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge.
4. Kapferer, J.-N. (2007) *Brend navsegda: sozдание, razvitiye, podderzhka tselestnosti brenda* [Brand Forever: Creation, development, support of brand value]. Translated from English by E.V. Vinogradova. Moscow; Saint Petersburg: Vershina.
5. Vazhenina, I.S. (2008) Image and brand of region: essence and features of formation. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 1 (13) [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-i-brend-regiona-suschnost-i-osobennosti-formirovaniya/viewer>. (Accessed: 10.07.2020). (In Russian).
6. Vasilenko, I.A. (ed.) (2016) *Imidzh regionov Rossii: innovatsionnye tekhnologii i strategii rebrandinga* [Image of Russian Regions: Innovative Technologies and Rebranding Strategies]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
7. Vizgalov, D. (2011) *Brending goroda* [City Branding]. Moscow: Institut ekonomiki goroda.
8. Moilanen, T. & Rainisto, S. (2009) *How to Brand Nations, Cities and Destinations. A Planning Book for Place Branding*. London: Palgrave Macmillan.
9. Anholt, S. & Hildreth, J. (2010) *Brend Amerika: mat' vsekh brendov* [Brand America: The mother of all brands]. Translated from English by A. Dadykin. Moscow: OOO Izd-vo "Dobraya kniga".
10. Marketch.ru. (n.d.) *Rebranding* [Rebranding]. [Online] Available from: http://www/marketing_dictionary/marketing_terms_r/rebranding/. (Accessed: 23.07.2020).
11. Pankrukhin, A.P. (2006) *Marketing territoriy* [Territory Marketing]. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter.
12. Mark, M. & Pearson, C.S. (2005) *Geroy i buntar'. Sozдание brenda s pomoshch'yu arkhetyptov* [Hero and Rebel. Building a brand using archetypes]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
13. Shcherbinin, A.I., Shcherbinina, N.G. & Sevost'yanov, A.V. (2018) *Konstruirovaniye goroda-brenda* [City-Brand Construction]. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt Press".
14. Lilleker, D. (2010) *Politicheskaya kommunikatsiya. Klyuchevye kontsepty* [Political Communication. Key Concepts]. Translated from English by S.I. Ostnek. Kharkov: Izd-vo "Gumanitarnyy Tsentr".
15. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles. Research. Notes]. Saint Petersburg: "Iskusstvo – SPB".
16. Rod'kin, P.E. (2007) *Vizual'naya politika. Firmennyy stil'* [Visual Policy. Signature style]. Moscow: Sovpadenie.
17. Superomsk.ru. (n.d.) *Medvezh'ya lapa stala ofitsial'nym logotipom Omskoy oblasti* [Bear's paw became the official logo of Omsk Oblast]. [Online] Available from: https://superomsk.ru/news/4742-medvezhya_lapa_stala_ofitsialnm_logotipom_omskoy_ob/. (Accessed: 14.07.2020).
18. Official Tourist Portal of Perm Krai. (n.d.) *O Permskom krae. Osnovnye "brendy" territorii* [About Perm Krai. The main "brands" of the territory]. [Online] Available from: <http://visitperm.ru/about/>. (Accessed: 14.07.2020).
19. Shcherbinin, A.I. (2012) Visual policy of a university city positioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (19). pp. 46–58. (In Russian).
20. Eco, U. (1998) *Otsutstviyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Absent Structure. Introduction to Semiology]. Translated from Italian by V. Reznik & A. Pogonyaylo. Saint Petersburg: TOO TK "Petropolis".
21. Tomsk State University. (n.d.) *Simvolika TGU* [Symbols of TSU]. [Online] Available from: <http://www.tsu.ru/help/symbolism.php>. (Accessed: 29.08.2019).
22. Sledvekov.ru. (n.d.) *Shchit v geraldike* [Shield in Heraldry]. [Online] Available from: http://sledvekov.ru/term_geraldika_shield. (Accessed: 30.08.2019).

Received: 31 August 2020

ИСТОРИЯ

УДК 94: 329.71(470.5)''1907/1914''

А.Л. Афанасьев

ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ
И ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1907–1914 гг.

Исследуются сведения об обществах трезвости Екатеринбургского уезда. На 1 января 1911 г. автор выявил 17 обществ (1 682 члена), в том числе 16 церковно-приходских. Среди членов общества преобладали крестьяне и рабочие. Весной 1914 г. было уже около 40 обществ (более 5 тыс. членов). Основные виды их деятельности – беседы, принятие обетов трезвости, реже – взаимопомощь, приговоры о запрете шинкарства, закрытии винных и пивных лавок. В итоге происходило сокращение уличного пьянства, улучшение нравов, укрепление общин.

Ключевые слова: история России; история Урала; трезвенное движение; общества трезвости; церкви; крестьянство; рабочие.

Цель предлагаемой статьи – показать значение обществ трезвости в геополитически важном регионе России – Екатеринбургском уезде Пермской губернии в период их наибольшей активности между окончанием революции 1905–1907 гг. и началом Первой мировой войны. Задачи: выявить наиболее важные сведения о них, показать их влияние на общество. Сведения об обществах трезвости уезда приводились в справочной [1], научно-популярной [2–3], научной литературе [4. С. 147–149; 5–6], однако еще не создана обобщающая научная картина явления. Автором использована совокупность достоверных и репрезентативных источников: рапорт и записка секретаря Екатеринбургской духовной консистории П. Сребрянского в Канцелярию обер-прокурора Святейшего синода от 10 февраля 1911 г. о церковных обществах трезвости епархии с приложением уставов девяти из них [7. Л. 187–232];

двухнедельный журнал «Екатеринбургские епархиальные ведомости» [8–9]; материалы всероссийских трезвенных съездов и союзов [10–14]; справочные издания [15, 16].

Методика исследования. По специальной анкете (см.: [4. С. 53–59]) автором составлен список обществ трезвости уезда в 1894–1914 гг., проведен статистический анализ и обобщение полученных данных на 1 января 1911 г. В результате получены выводы, приводимые ниже. Движение было молодым. На 1 января 1911 г. средний возраст обществ составлял 2 года и 6 месяцев, т.е. они возникли в основном в середине 1907 г. Общества трезвости играли заметную роль в Екатеринбургском уезде Пермской губернии. В уезде с населением 520,5 тыс. жителей насчитывалось 17 трезвенных объединений с 1 682 членами или 3,6 общества на 100 тыс. жителей (см. таблицу).

Т а б л и ц а

Общества трезвости Екатеринбургского уезда Пермской губернии на 1 января 1911 г.

Показатель	Виды обществ					Итого
	В городских поселениях			В сельских поселениях		
	Городские гражданские	Городские церковные	Заводские церковные	Сельские гражданские	Сельские церковные	
Число обществ	1	1	5		10	17
Число членов в обществах (человек)	37	43	292		1310	1682
В среднем членов в одном обществе	37	43	58,4		131	98,4

Примечания. 1. Численность Екатеринбургского гражданского общества трезвости дана на 1908 г. 2. Высокая средняя численность сельских обществ объясняется тем, что в крупнейшее из них в селе Армильском (см. ниже список, № 7), как и во многие другие объединения, записывались также участники из иных населенных пунктов. 3. Отделения обществ, расположенные в иных населенных пунктах, чем само общество, учтены как отдельные общества.

Источники: [1. С. 179, 188, 190, 203, 218; 2; 7. Л. 187, 190–206; 8. 1910. № 41. С. 921–922; 10. Т. 1. С. 30. Т. 2. С. 922–924].

С начала 1911 до весны 1914 г. число и влияние трезвенных объединений значительно выросло: на март–апрель 1914 г. их было уже около 40 с более чем пятью тысячами человек (подсчитано по приводимому ниже списку). Успеху движения помимо объективных причин способствовало и то, что в 1910–1914 гг. его поддерживал новоназначенный молодой и

энергичный епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан (Афонский, 1861–1918).

Большинство из тех обществ, о которых имеются сведения на 1 января 1911, – 16 из 17-ти (94,1%) – были церковными, т.е. действовали при церковных приходах. Из 10 известных руководителей шестеро (60%) были священниками, двое (20%) – крестьянами,

один – рабочим (10%) и один – учителем (10%). Указания на социальный состав членов в источниках редки, но имеются сравнительно полные косвенные данные. Это социальная принадлежность прихожан тех приходов, где действовало 16 церковных обществ (см.: [15]). Мы полагаем, что состав обществ примерно совпадал с социальным составом прихожан. Из 16 церковных обществ в девяти сельских (56,2%) преобладали крестьяне, в шести в заводских поселках (37,5%) – рабочие, в одном (6,25%), в селе Коневском, – крестьяне и рабочие золотых приисков. Таким образом, по составу общества были преимущественно «крестьянско-рабочими».

Основные виды деятельности объединений на 1 января 1911 г. Десять из 17 обществ (58,8%) принимали обеты трезвости, т.е. торжественные обещания в храмах не пить ничего опьяняющего на избранный срок, от месяца до года или двух лет, редко – пожизненно. Большая часть принявших обеты их соблюдала (см., например: [8. 1912. № 46. С. 1104]). В десяти обществах (58,8%) проводились проповеди и беседы о вреде пьянства и пользе трезвости. Три объединения имели библиотеки духовной и трезвенной литературы, два – выписывали подобную литературу для распространения. Позднее, в 1911–1914 гг., работа стала более разнообразной: появляются сведения о том, что некоторые общества занимаются также взаимопомощью и благотворительностью; проводят публичные мероприятия: крестные ходы в населенных пунктах,

«праздники трезвости», трезвые свадьбы; по их почину принимались общественные приговоры против шинкарства и о закрытии казенных винных и частных пивных лавок.

В итоге охранительно-реформистская деятельность обществ трезвости в уезде, как и по всей России, приносила добрые плоды: немало людей становились на путь трезвой жизни, восстанавливали свое хозяйство, начинали регулярно посещать храмы; в семьях появлялись покой и достаток; в поселениях крепились церковные общины, сокращались бесчинства (см. список: № 25, 30, 41 и др.). Все это оздоравливало, укрепляло общество на местном и региональном уровне, увеличивало возможности его развития по мирному пути.

Ниже в списке приведены сведения об обществах трезвости уезда. В начале указаны общества в г. Екатеринбурге, затем – остальные по алфавиту названий населенных пунктов. Общества, относительно которых есть достоверные сведения, что они существовали одновременно (на январь 1911 г.), указаны без знака * (звёздочка). Дополнительные сведения об обществах, прекративших существование к январю 1911 г. или же возникших позднее этой даты, помечены знаком *. Время закрытия большинства объединений неизвестно. Большинство из них действовали до середины 1914 г. С началом Первой мировой войны часть обществ прекратила существование. Оставшиеся были закрыты в ходе революции начиная с марта 1917 г.

Список обществ трезвости Екатеринбургского уезда 1892–1914 гг.

1. Екатеринбург, город, центр уезда и епархии. Жителей 69 000 (в 1913 г.). Екатеринбургское общество трезвости. Гражданское (светское). Открыто в 1907 г. Членов в первый год – 56, в 1908 г. – 37. Издание литературы, библиотека, антиалкогольные и литературные чтения. Концерты, спектакли, народные развлечения. Товарищ председателя Александр Иванович Хрушов был членом (делегатом) Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (декабрь 1909 – январь 1910) [1. С. 190; 11. Т. 1. С. 30. Т. 2. С. 922–924].

2. *Екатеринбург. Общество трезвости при Александро-Невской церкви. Открыто 8 января 1914 г. [9. 1914. № 9. С. 85–86].

3. *Екатеринбург. Общество трезвости во имя Иоанна Предтечи при Вознесенской церкви. Прихожан 3 586. Основано 18 сентября 1911 г. Руководитель и председатель священник Василий Львович Топорков – член Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, Москва, 4–12 августа 1912 г. (далее – ВСПДБА). В списке членов съезда все участники из Екатеринбургской епархии записаны с пометкой «Пермь», что означало «из Пермской губернии» (см.: [11. Т. 1. С. 11–12]). Членов вначале – 14, через год – 107; в основном рабочие фабрики Ятес, железнодорожных мастерских, гранитной фабрики. Обеты. Чтения в Вознесенском начальном училище с туманными картинками, беспроцентные ссуды нуждающимся, церковный хор общества. Имелся устав [2; 3. С. 44–45; 8. 1912. № 2. С. 30–37. № 44. С. 1056–1062. 1913. № 17. С. 456–461].

4. *Екатеринбург. Крестовое общество трезвости при Крестовой церкви Архиерейского дома. Образовано 10 марта 1914 г. При открытии записалось 50 человек. Руководитель священник Михаил Суворов [8. 1914. № 13. С. 275. № 14. С. 290–292].

5. *Екатеринбург. Симеоновское общество трезвости при Симеоновской церкви-школе. Основано 11 февраля 1911 г. Председатель – настоятель священник Александр Иванович Лукин. Членов вначале – 40; к 1 марта 1912 г. – 323 человека (280 мужчин, 43 женщины); к 1 марта 1913 г. – 1 138 человек. До октября 1911 г. – обеты; устав; членские взносы. С октября 1911 г. – так же чтения, собрания, совместное церковное пение; хор 40 человек; библиотека; крестные ходы [2; 6. С. 112; 8. 1912. № 37. С. 879–882. 1913. № 22. С. 565–569].

6. Верх-Исетский завод, заводской поселок (часть Екатеринбургa). Прихожан 10 199; рабочие. Верх-Исетское Александро-Невское общество трезвости. Церковное. Открыто 17 октября 1910 г. Председатель комитета (рабочий?) Алексей Афанасьевич Мамаев, руководители священники Викторин Полухин, Иоанн Антонинов (последний – член ВСПДБА) (см.: [15. С. 12]). Членов к январю 1911 г. – 43, в июле 1911 г. – более 350, к концу 1911 г. – более 600; в октябре 1912 г. – 1 559 (1 352 мужчин и 207 женщин); в октябре 1913 г. – 4 274, в том числе из других населенных пунктов и уездов; к 1 апреля 1914 г. – более 5 000. В 1910 г. – беседы с «волшебным фонарем» (проектором), обеты трезвости. В 1911–1914 гг. так же: выписка трезвенных и религиозно-нравственных журналов и

брошюр, крестные ходы, чайная, библиотека. Устав. 26 января 1914 г. на сходе населения завода решено было закрыть все винные и пивные лавки [2; 3. С. 38–40; 5; 7. Л. 187, 192; 8. 1910. № 41. С. 921–922. 1911. № 31. С. 677–686. 1912. № 46. С. 1103–1114. 1914. № 6. С. 111–121. № 15. С. 309; 17. С. 70].

7. Арамилское, село. Прихожан 7 251; крестьяне, главным образом земледельцы; подсобный промысел – работа на золотых приисках и ближайших фабриках. Арамилское общество трезвости. Церковное. Открыто 14 марта 1906 г. Председатель священник Николай Михайлович Попов (член ВСПДБА) (см.: [11. С. 12]). Членов общества в первый год – 118, к январю 1911 г. – 582, к 15 июля 1912 г. – 648. Чтения с концертами, раздача трезвенных листов, крестные ходы; библиотека, собственный дом. Имело отделения (см. список: № 10, 16, 30) [2; 5. С. 61–62; 7. Л. 190–192; 8. 1911. № 23. С. 521. № 48. С. 1099–1105. № 50. С. 1153. 1912. № 51. С. 1237–1239].

8. Багаряк (Багарякское), село. Прихожан 5 097, в основном крестьяне-земледельцы. Багарякское общество трезвости. Церковное. Открыто 29 октября 1906 г. Без устава. Председатель священник Порфирий Иванович Архангельский. Членов в первый год 47, к январю 1911 г. – 18. Беседы. Обеты [1. С. 179; 7. Л. 187, 193–194]. Провело в селе праздник трезвости в рамках Всероссийского праздника трезвости 28–29 апреля 1913 г. [12. С. 14].

9. *Березовский завод, фабричное село. Прихожан 11 109, в основном рабочие золотых приисков, а также ремесленники. Березовское общество трезвости. Церковное. Образовано в 1911 г. Членов в 1911 г. – 14, к 15 июля 1912 г. – 35. Чтения, раздача литературы [2; 8. 1911. № 50. С. 1154. 1912. № 51. С. 1238].

10. *Бобровское, село. Бобровское отделение Арамилского общества трезвости (см. список: № 7). Открыто в 1911–1912 гг. Чтения, раздача листов, крестные ходы. К 15 июля 1912 г. 70 членов [8. 1912. № 51. С. 1237–1238].

11. Боевское, село. Прихожан 3 561; в основном хлебопашцы; подсобное занятие – работа на рудниках, доставка руды на заводы. Боевское общество трезвости. Церковное. Открыто 19 сентября 1910 г. Без устава. Членов 17. Беседы. Обеты [7. Л. 187, 193–194].

12. *Булзинское (Булзей), село. Прихожан 3 457; крестьяне-хлебопашцы. Общество трезвости. Церковное. Открыто 19 января 1914 г. Членов при открытии – 23. Руководитель священник Сергей Надпорожский. Беседы, обеты, чтения, раздача брошюр [2; 8. 1914. № 8. С. 164–165].

13. *Верхне-Тагильский завод, заводской поселок. Общество трезвости. Церковное. Открыто в конце ноября – начале декабря 1912 г. Руководитель священник Шатунов [8. 1912. № 50. С. 1217].

14. *Владимирская (Балтым), деревня. Прихожан более 210 (приход Вознесенской церкви Екатеринбурга, см. список: № 3); в основном работа на золотых приисках, рубка дров, ремесло. Димитриевское общество трезвости. Церковное. Открыто 19 февраля 1911 г. Председатель совета общества священник В.Л. Топорков. Проповеди, чтения, крестные ходы, чаепития. Хор трезвенников. Имело отделение (см. список: № 28) [2; 3. С. 43; 8. 1911. № 28. С. 626–629. 1913. № 17. С. 456–460]. «За два года... половина взрослого населения стало трезвенниками» [8. 1913. № 17. С. 460].

15. *Глинское, село. Прихожан 4 562; крестьяне-хлебопашцы; промыслы. Общество трезвости. Церковное. Открыто 2 февраля 1911 г. Членов при открытии 30, в начале 1912 г. – 70. Проповеди, обеты. В течение первого года около десяти бывших пьяниц придерживались трезвости. Праздники стали проходить заметно спокойнее [2; 4. 1912. № 8. С. 189–191].

16. Гилёва, деревня. Прихожан 551; крестьяне (?). Гилёвское отделение Арамилского церковного общества трезвости (см. список: № 7). Открыто в 1908 г. Председатель крестьянин Николай Андреевич Гилёв. Членов в первый год и к январю 1911 г. – 60 [13. Л. 187, 192].

17. *Горнощитское, село. Прихожан 2 870. В 1913 г. при Горнощитском одноклассном народном училище (68 учащихся) организован Круг христианской трезвой молодежи Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников [12. С. 18].

18. Губернское, село. Прихожан 9 436; крестьяне-земледельцы; некоторые работали на прииске. Общество трезвости. Церковное. Открыто 13 октября 1908 г. Членов в первый год – 20, к январю 1911 г. – 50, в феврале 1913 г. – 50–80. Руководитель священник Михаил Иванович Христолюбов. Беседы, проповеди, чтения. В начале марта 1913 г. из старших учеников местной школы (11–12 лет) создан «Союз малолетних трезвенников», до 200 членов [1. С. 188; 7. Л. 187; 8. 1913. № 11. С. 294–296]. Провело в селе праздник трезвости в рамках Всероссийского праздника трезвости 28–29 апреля 1913 г. [12. С. 14].

19. *Каслинский завод, заводской поселок. Комитет общества трезвости при Казанско-Богородицкой церкви Каслинского женского монастыря. Образован не позднее сентября 1912 г. [8. 1912. № 37. С. 901. № 48. С. 1157. 1913. № 37. С. 869–870].

20. *Каслинский завод, заводской поселок. Михаило-Архангельское общество трезвости при Вознесенской церкви. Открыто 2 сентября 1912 г. Руководитель священник Пётр Ларионов. Обеты трезвости к 7 августа 1912 г. дали 39, к 2 сентября 1913 г. – 230 человек [8. 1912. № 37. С. 901. № 48. С. 1157. 1913. № 37. С. 869–870]. Устроило праздник трезвости весной 1914 г. в рамках Всероссийского праздника трезвости [13. С. 25].

21. *Клеопина (Клеопова), деревня. Прихожан около 600 (Воскресенского прихода). Круг трезвости. Церковный. Образован в начале 1912 г., до 6 марта. Руководитель священник Александр Топорков. 11 членов. Чтения, выписка трезвенной литературы в церковную библиотеку [2; 8. 1912. № 18. С. 412–417].

22. Коневское, село. Прихожан 2 789; земледельцы и рабочие золотых приисков. Коневское общество трезвости при Георгиевской церкви (3-е благочиние). Открыто 7 января 1904 г. Без устава. Руководитель учитель Владимир Степанович Кокшарский. Членов в первый год – 136, к январю 1911 г. – 100. Библиотека [7. Л. 187].

23. *Косулинское, село фабричное. Прихожан 1 102. Извоз, работа на золотых приисках, торфяниках, железной дороге, в курнях от заводов. Общество трезвости. Церковное. Открыто в 1911 г., 6 членов. К 15 июля 1912 г. 18 членов [8. 1911. № 50. С. 1154. 1912. № 51. С. 1138].

24. Кунгурское, село фабричное. Прихожан 783; рабочие золотых приисков. Кунгурское общество трезвости. Церковное. Без устава. Открыто 22 ноября 1906 г. Членов в первый год – 10, к январю 1911 г. – семь. Беседы. Обеты [7. Л. 187, 193–194].

25. Ленёвское, село. Прихожан 4 283; крестьяне-хлебопашцы. Ленёвское общество трезвости. Церковное. Открыто 11 января 1910 г. Руководитель священник Иван Михайлович Рыболовлев (член ВСПДБА) (см.: [11. С. 12]). Членов в первый год – 118, к 26 июля 1912 г. – 300. В 1911–1914 гг. – беседы, обеты, библиотека, благотворительность. Отрезвление бывших пьяниц, повышение зажиточности их семей. В 1911 г. в трех селениях прихода составлены исполненные приговоры о трезвом проведении храмовых праздников; в селе проведено две трезвые свадьбы [2; 3. С. 40; 7. Л. 187, 193; 8. 1911. № 45. С. 1021. 1912. № 8. С. 189–190. № 39. С. 934–936].

26. Мало-Бруснянское, село. Прихожан 1 433; крестьяне-земледельцы (?). Мало-Бруснянское общество трезвости. Церковное. Без устава. Открыто 27 апреля 1910 г. Председатель крестьянин деревни Гусевой Михаил Дмитриевич Плотников. К январю 1911 г. – 47 членов. Выписка книг, листов, картин против пьянства [7. Л. 187].

27. *Маминское, село. Прихожан 3 198, в основном крестьяне-хлебопашцы. Земская школа, 126 учеников; школа грамоты, 45 учеников. В 1914–1915 гг. открыт «Кружок христианской трезвой молодежи» Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников [11. С. 46].

28. *Медный Прииск (Медный Рудник), приисковый поселок. Прихожан 868; рабочие прииска (?). Отделение Дмитриевского общества трезвости деревни Владимирской (см. список: № 14). Открыто 19 февраля 1913 г. 60 членов [2; 8. 1913. № 17. С. 456–458].

29. *Мостовской Прииск, приисковый поселок. Прихожан 1 024, рабочие. «Кружок ревнителей поддержания религии и поднятия нравственности среди местного юношества», одна из его задач – прекращение пьянства, утверждение трезвости. Образован 6 ноября 1913 г. Руководитель священник Иоанн Минин. Члены – юноши и девушки [8. 1913. № 51. С. 1245–1250].

30. Нижне-Исетский завод, заводской поселок. Прихожан 3 530; в основном рабочие завода; а также рабочие на фабриках, торфяниках; углежог, слесари-кустари. Нижне-Исетское отделение Арамилевского церковного общества трезвости (см. список: № 7). Открыто 1 марта 1909 г. Руководители священники Михаил Алексеевич Богородицкий, Василий Яковлевич Сабуров. Членов: к январю 1911 г. – 146 (в том числе пять женщин), из них до половины из Берёзовского, Верх-Исетского заводов, села Уктус; в июле 1911 г. – 332, к 15 июля 1912 г. – 500, в 1914 г. – 400 членов. Обеты. Устав. С 1911 г. – проповеди, беседы, крестные ходы, чтения с концертами, раздача трезвенных листов. 17 июля 1911 г. общество сыграло трезвую свадьбу своего члена, бывшего алкоголика, многодетного вдовца М.С. Ларионова. 25 июля 1912 г. сыграли 2-ю трезвую свадьбу, Н.И. Поленова [1. С. 203; 2; 7. Л. 187, 192; 8. 1911. № 48. С. 1099–1105. № 50. С. 1154–1157. 1912. № 51. С. 1237–1240].

31. *Нижне-Исетский завод, заводской поселок. Нижне-Исетское общество трезвости (Комитет общества трезвости при Народном доме), образовано в начале XX в., ранее апреля 1913 г. Светское. 28 июня 1913 г. преобразовано в Нижне-Исетский отдел Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников. Общество весной 1913 г. и отдел весной 1914 г. провели праздники трезвости в рамках всероссийских праздников трезвости [12. С. 14, 21; 13. С. 21, 45].

32. *Ново-Алексеевское, фабричное село. Прихожан 681; заготовители дров; углежог, старатели. Общество трезвости. Церковное. Открыто 2 января 1911 г. При открытии дали обет 40 человек; к августу 1911 г. 57 членов. Руководитель священник Григорий Иванович Лобанов, председатель начальник железнодорожной станции Хрустальной К.Д. Ощепков. Крестные ходы. Устав [3. С. 41–42; 8. 1911. № 11. С. 283–284].

33. Полдневское, фабричное село (на реке Полдней). Прихожан 3 058, углежог и приисковые старатели. Полдневское общество трезвости. Церковное. Без устава. Открыто 11 июля 1909 г. Членов в первый год – 130, к январю 1911 г. – 10. Беседы. Обеты [7. Л. 187, 193–194].

34. Полевский завод, заводской поселок. Прихожан 7 867; рабочие на заводе и рудниках, золотых приисках. Общество трезвости. Церковное. Без устава. Открыто 15 мая 1906 г. Членов в первый год – 85, к январю 1911 г. – 37. Беседы. Обеты [7. Л. 187, 193–194]. Вероятно, в 1911 г. прекратило существование. Вновь открылось как «Иверское общество трезвости при Вознесенской церкви» 2 февраля 1912 г. Руководитель священник Григорий Лобанов. К маю 1912 г. – 160 членов. Устав, обеты, чтения, беседы, литературные вечера, библиотека. 29 июня 1912 г. член общества Пётр Коростелёв сыграл трезвую свадьбу [2; 8. 1912. № 7. С. 173–174. № 22. С. 520–522. № 50. С. 1215–1217].

35. *Пышминский завод (Пышма), заводской поселок. Прихожан 2 280, в основном рабочие. Пышминское общество трезвости. Церковное. Открыто в 1911 г., 2 члена. К 15 июля 1912 г. – 18 членов [2; 8. 1911. № 50. С. 1154. 1912. № 51. С. 1238].

36. *Северский завод, заводской поселок. Прихожан 3 970; рабочие Северского завода и горнорабочие. Общество трезвости. Церковное. Открыто в 1911 г. [8. 1911. № 52. С. 1196–1197].

37. Седельниковское, село. Прихожан 1 603; крестьяне-земледельцы. Седельниковское общество трезвости. Церковное. Открыто 19 сентября 1906 г. Без устава. Членов в первый год – 12, к январю 1911 г. – шесть. Беседы. Обеты [7. Л. 187, 193–194].

38. Сысертский завод, заводской поселок. Прихожан 5 203; рабочие на заводах, рудниках, торфяниках. Общество трезвости. Церковное. Правила утверждены 21 мая 1905 г. Руководитель священник Евгений Львов. Членов в первый год – 226, к январю 1911 г. – 92. Беседы. Обеты [1. С. 218; 7. Л. 187, 193–194; 9. 1905. № 13. С. 298–302].

39. *Уктус (Уктусское), село фабричное. Прихожан 3 039; фабричные рабочие; огородничество, промыслы. Общество трезвости. Церковное. Образовано в 1911 г., 78 членов; к 15 июля 1912 г. – 177 членов. Чтения, раздача литературы [2; 8. 1911. № 50. С. 1154. 1912. № 51. С. 1238].

40. *Чердынцевское, село. Прихожан 2 689. Земледельцы; зимой – перевозка железа с заводов. Общество трезвости. Церковное. Открыто в 1911 г. Чтения, раздача литературы. К 15 июля 1912 г. 5 членов [8. 1911. № 50. С. 1154. 1912. № 51. С. 1238].

41. *Шайтанское, село. Прихожан 1 835, хлебопашцы. Шайтанское общество трезвости. Церковное. Открыто в 1911 г. В течение года в приходе «прекратилось пьянство причта, интеллигенции, волостного начальства» [8. 1912. № 8. С. 189, 191].

42. *Шуралинский завод, заводской поселок. Прихожан 4 530, рабочие. Шуралинское общество трезвости. [Церковное?]. Открыто 30 сентября 1892 г. [1. С. 226]. Пользовалось материальной поддержкой Иоанна Кронштадтского. Имело свое здание, библиотеку, чайную. В начале XX в. прекратило существование. Возобновило деятельность как церковное в начале 1911 г. [2; 8. 1910. № 47. С. 1074–1075. 1912. № 8. С. 189].

43. Щелкунское, село. Прихожан 4 595; в основном крестьяне-земледельцы. Щелкунское общество трезвости. Церковное. Без устава. Открыто 31 августа 1905 г. Членов в первый год – 98, к январю 1911 г. – 312, к 7 августа 1912 г. – 219. Беседы. Обеты. Выписка в церковную библиотеку журнала «Трезвые всходы» [7. Л. 187, 193–194; 8. 1912. № 47. С. 1130].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мордвинов И. Общество трезвости, жизнь и работа в нем. СПб. : Изд. Александро-Невского общества трезвости, 1911. 227 с.
2. Кудряшова И. Как создавались общества трезвости: из истории обществ трезвости в Екатеринбургской епархии // Просветительский центр. Екатеринбург [2005]. URL: https://prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=2&id_page=33&id_article=63 (дата обращения: 28.11.2019).
3. Бачинин И.В. Как организовать общество трезвости на приходе : практические рекомендации. 2-е изд. М. : Лепта-Книга, 2011. 208 с.
4. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития: 1907–1914 гг. Томск : Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2007. 196 с.
5. Нечаев М.Г. Церковь в борьбе с пьянством на Урале (конец XIX – начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 59–64.
6. Власова А.В. Деятельность уральских епархий и приходов Русской православной церкви по противодействию злоупотреблению алкоголем в дореволюционный период // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 37. 2009. № 38 (16). С. 110–113.
7. Российский государственный исторический архив. СПб. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 80. П отдел. 3 стол. Д. 141. Ч. 2. 1014 л.
8. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. Екатеринбург. 1905–1917.
9. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел официальный. Екатеринбург. 1905–1917.
10. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 1. 361 с.; т. 2. 1600 с.
11. Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшийся в Москве 6–12 августа 1912 г. Петроград : Тип. Александро-Невского об-ва трезвости, 1914–1916. Т. 1–3. 619 с.
12. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1913 год. СПб., 1914. 75 с.
13. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1914 год. Петроград, 1915. 69 с.
14. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1916 год. Петроград, 1917. 109 с.
15. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. 647 с.
16. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год. Екатеринбург : Тип. А.М. Жукова, 1909. 299 с.
17. Чельшов М.Д. Пошадите Россию! Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством. Самара : Изд. М.Д. Чельшова, 1911. 232 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 декабря 2019 г.

Temperance Societies in Yekaterinburg and Yekaterinburg Uyezd of Perm Governorate in 1907–1914

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 124–129.

DOI: 10.17223/15617793/458/15

Alexandr L. Afanasev, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: afal_2007@mail.ru

Keywords: history of Russia; history of Ural; temperance movement; temperance societies; church; peasantry; workers.

The aim of the article is to show the importance of temperance societies in Yekaterinburg Uyezd of Perm Governorate, a geopolitically significant region of Russia, during the peaceful period between the end of the revolution of 1905–1907 and the beginning of the First World War. The objectives of the study are to identify the significant characteristics of the temperance societies: (1) the time when they appeared; (2) their number, size, social composition, and ideological orientation; (3) their activities; (4) their significance. The author used a combination of authentic and representative sources: the notes of Yekaterinburg Ecclesiastical Consistory secretary to the Clerical Office of the Holy Synod Chief Procurator of 10 February 1911, about church temperance societies of the eparchy with the charters of nine of them; the biweekly journal *Ekaterinburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Yekaterinburg Eparchy Journal]; the materials and reports of all-Russian temperance congresses and unions; reference books. The methodology of the study included the compilation of a list of temperance societies on the basis of a dedicated questionnaire, the analysis and synthesis of the resulting data. The temperance movement was young; as of 01 January 1911, the average age of the society was two and a half years, which means they appeared somewhere in mid-1907. By 01 January 1911, 17 societies (1682 members), or 3.6 societies per 100,000 peo-

ple, were identified. Sixteen of them were Orthodox parochial, and one, in Yekaterinburg, was non-religious (secular). Out of ten known leaders of societies, six (60%) were priests, two (20%) peasants, one was a worker (10%), and one was a teacher (10%). As for the members of 16 church societies, nine rural societies (56.2%) had mostly peasants, six factory settlements (37.5%) had workers, one (6.25%), in Konevsky village, had mostly peasants and alluvial miners. Thus, most members of the societies were workers and peasants. The main activities of the societies in 1907–1910 were: anti-alcoholic talks, sermons, and the acceptance of temperance vows. In 1911–1914, some societies started to implement mutual help and charity activities, hold public events: sacred processions, temperance festivals, sober weddings; they inspired public censures against bootlegging (illegal wine sale), state-owned wine shops, and private beerhouses. During this period, the number of temperance societies and their membership grew, their influence increased. In the spring of 1914, there were as many as 40 societies with more than 5,000 members. Apart from external reasons, this was facilitated by the support of Mitrophan, the active governing Archbishop of Yekaterinburg and Verkhoturye (1910–1914). Thus, temperance societies in Yekaterinburg Uyezd, as well as in the whole Russia, had a protective and reforming character. They counteracted alcoholic and other (acts of violence, etc.) destruction of the community. As a result, the territories in which these societies were spread and active experienced the gradual physical and spiritual recovery of the community on the local and regional levels.

REFERENCES

1. Mordvinov, I. (1911) *Obshchestvo trezvosti, zhizn' i rabota v nem* [Society of Temperance, Life and Work in It]. Saint Petersburg: Izd. Aleksandro-Nevskogo obshchestva trezvosti.
2. Kudryashova, I. (2005) *Kak sozdavalis' obshchestva trezvosti: iz istorii obshchestv trezvosti v Ekaterinburgskoy eparkhii* [How the Temperance Societies Were Created: From the History of Temperance Societies in the Yekaterinburg Eparchy]. [Online] Available from: https://prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=2&id_page=33&id_article=63. (Accessed: 28.11.2019).
3. Bachinin, I.V. (2011) *Kak organizovat' obshchestvo trezvosti na prikhode: prakticheskie rekomendatsii* [How to Organize a Parish Temperance Society: Practical Recommendations]. 2nd ed. Moscow: Lepta-Kniga.
4. Afanas'ev, A.L. (2007) *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya: 1907–1914 gg.* [Temperance Movement in Russia During the Period of Peaceful Development: 1907–1914]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
5. Nechaev, M.G. (2008) Tserkov' v bor'be s p'yanstvom na Urale (konets XIX – nachalo XX vv.) [Church in the fight against drunkenness in the Urals (late 19th – early 20th centuries)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4 (21). pp. 59–64.
6. Vlasova, A.V. (2009) Deyatel'nost' ural'skikh eparkhiy i prikhodov Russkoy pravoslavnoy tserkvi po protivodeystviyu zloupotrebleniyu alkogolem v dorevolutsionnyy period [Activities of the Ural dioceses and parishes of the Russian Orthodox Church to combat alcohol abuse in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 37:38 (16). pp. 110–113.
7. Russian State Historical Archive. Fund 797. *Kantseliariya ober-prokurora Svyateyshego Sinoda* [Office of the Chief Procurator of the Holy Synod]. List 80. II Part. 3 Column. File 141. Pt. 2. 1014 p.
8. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905–1917) Unofficial Part. Yekaterinburg.
9. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905–1917) Official Part. Yekaterinburg.
10. First All-Russian Congress on the Struggle with Drunkenness. (1910) *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the Struggle with Drunkenness]. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
11. All-Russian Congress of Practical Workers on the Fight Against Alcoholism. (1914–1916) *Trudy Vserossiyskogo s'ezda prakticheskikh deyatelay po bor'be s alkogolizmom, sostoyavshiysya v Moskve 6–12 avgusta 1912 g.* [Proceedings of the All-Russian Congress of Practical Workers on the Fight Against Alcoholism, Held in Moscow on August 6–12, 1912]. Vols 1–3. Petrograd: Tip. Aleksandro-Nevskogo ob-va trezvosti.
12. All-Russian Labor Union of Teetotal Christians. (1914) *Otchet o deyatel'nosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1913 god* [Report on the Activities of the All-Russian Labor Union of Teetotal Christians for 1913]. Saint Petersburg: [s.n.].
13. All-Russian Labor Union of Teetotal Christians. (1915) *Otchet o deyatel'nosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1914 god* [Report on the Activities of the All-Russian Labor Union of Teetotal Christians for 1914]. Petrograd: [s.n.].
14. All-Russian Labor Union of Teetotal Christians. (1917) *Otchet o deyatel'nosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1916 god* [Report on the Activities of the All-Russian Labor Union of Teetotal Christians for 1916]. Petrograd: [s.n.].
15. Anon. (1902) *Prikhody i tserkvi Ekaterinburgskoy eparkhii* [Parishes and Churches of the Yekaterinburg Eparchy]. Yekaterinburg: [s.n.].
16. Srebryanskiy, P.P. (1909) *Spravochnaya knizhka Ekaterinburgskoy eparkhii na 1909 god* [Reference Book of the Yekaterinburg Eparchy for 1909]. Yekaterinburg: Tip. A.M. Zhukova.
17. Chelyshov, M.D. (1911) *Poshchadite Rossiyu! Pravda o kabake, vyskazannaya samim narodom po povodu zakona o merakh bor'by s p'yanstvom* [Spare Russia! The Truth About the Tavern Expressed by the People Themselves About the Law on Measures to Combat Drunkenness]. Samara: Izd. M.D. Chelyshova.

Received: 03 December 2019

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПЕЧАТНАЯ ПРОПАГАНДА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ЭРДЭМ БА ШАЖАН»)

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4 «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

Проанализирована антирелигиозная пропаганда в начале 20-х гг. прошлого столетия в Бурят-Монгольской республике на примере журнала «Наука и религия» (Эрдэм ба шажан), издававшегося на старописьменном монгольском языке. Показаны меры, предпринимаемые Областным союзом безбожников по внедрению антирелигиозного сознания. Выявлено, что большую часть журнала занимали статьи естественно-научного характера. Дана оценка роли печатной продукции в просвещении трудовых масс и разъяснении реакционной сущности религии.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда; Союз воинствующих безбожников; «Наука и религия»; «Эрдэм ба шажан»; Бурят-Монгольская республика.

В 20-х гг. прошлого столетия в Бурят-Монгольской республике постепенно менялся курс от лояльного отношения к религиозному наследию (например, к тибетской медицине) к полному осуждению и уничтожению религиозных институтов. На смену взглядам Б. Барадина и других общественных деятелей – «консерваторов», рассматривающих во взаимосвязи буддизм и традиционную культуру бурят, пришли более жесткие установки. Правительством был предпринят ряд антирелигиозных мер, как увеличение налоговой нагрузки на буддийских священнослужителей, запрет на принятие в хувараки молодых людей младше 18 лет, закрытие дацанов, изъятие имущества. Была усилена пропаганда атеизма и антирелигиозная борьба, направленная на уменьшение влияния роли церкви в жизни трудящихся.

2 декабря 1926 г. в Бурят-Монгольской республике был организован Областной союз безбожников, призванный консолидировать политику государства в антирелигиозной борьбе. «Союз финансировался ОК ВКП(б) и обходился республике примерно в 20 тысяч рублей в год» [1]. Антирелигиозная деятельность стала совмещаться с борьбой с культурной отсталостью, безграмотностью. К участию в «культурной революции» призывались члены союза безбожников, как и все просветители.

С учетом национальных особенностей региона были переняты антирелигиозные методы работы, распространенные в центральных районах России. В 1927 г. в Хоринском аймаке, в марте 1928 г. и феврале 1929 г. в Верхнеудинске прошли диспуты с ламами по темам «Буддизм и коммунизм» (доклад Тогмитова) и «Классовая сущность буддизма-ламаизма». Диспуты по вопросам происхождения и сущности религии нашли отражение на страницах периодических изданий. По итогам диспутов проводились партийные собрания и заседания членов союза, на которых были выработаны замечания и рекомендации для дальнейших мероприятий и антирелигиозной работы на местах.

На страницах «Бурят-Монгольской правды» неоднократно поднимался вопрос о недостаточной антирелигиозной работе, о нехватке кадров и методических руководств, предлагалось включение курса антирелигиозной пропаганды в партпросвещение. Так, в

статье «Усилить антирелигиозную пропаганду» отмечалось, что малочисленные кружки безбожников не имеют методических руководств. Автор предлагал начать с массовой работы: объяснений трудящимся декретов СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви, отношение соввласти и партии к религии; также следовало собирать материал о ламстве, выяснять мнения лам о душе, о наличии бога, о ряде физических явлений и пр. Отмечая позитивную роль диспутов, рекомендовал проводить диспуты на простом языке, без философских понятий [2. С. 4].

Активизация антирелигиозной пропаганды способствовала становлению новой идеологии, для чего требовался не только кадровый потенциал, но и учебно-методическая литература. Особенно остро сказывалось отсутствие литературы на бурятском языке. В начале 20-х гг. прошлого столетия на старописьменном монгольском языке издавался ряд периодических и серийных изданий общественно-политического характера: «Буряад-Монголой Үнэн» («Бурят-Монгольская правда»), «Тэмцэлэй чимэг» («Украшение / Знамя борьбы»), а также издания, имевших целевые аудитории, например серия «Библиотечка бурятки». В данных изданиях уделялось внимание вопросам антирелигиозного воспитания, но это было недостаточным для проведения широкой антирелигиозной пропаганды и для повышения уровня квалификации работников советов безбожников на местах.

Областной совет безбожников с 1928 г. предпринял издание журнала на бурятском языке «Эрдэм ба шажан» (Наука и религия) для освещения антирелигиозной пропаганды и разъяснения реакционной сущности религии, просвещения трудовых масс. Критика религиозных концепций, научно-материалистическое объяснение явлений природы, биологических процессов, популяризация естественно-научных знаний, норм санитарии – вот содержательная направленность журнала. Журнал призывал к активной деятельности в области просвещения, повышения культурного уровня населения, разъяснял вред религиозных представлений.

В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) хранится

несколько экземпляров журнала «Наука и религия». В коллекции М-IV монгольского фонда ЦВРК представлено 14 номеров за 1929–1932 гг. (1929 – № 1, 2, 5–6; 1930 – № 2, 3, 4, 5–6; 1931 – № 1, 2, 3, 6, 8; 1932 – № 2, 3–4). По сведениям А.В. Метель, журнал издавался вплоть до 1934 г., за это время «в 1928 г. вышло 3 номера журнала, в 1929 г. – 6 номеров, в 1930 и 1931 гг. – по 9 номеров, в 1932 г. – 5 номеров, в 1934 г. – 2 номера» [3. С. 154].

Изначально периодичность выхода – один раз в два месяца. С 1930 г. журнал стал ежемесячным. Данное издание полностью выходило на бурятском языке, главным образом в старописьменной монгольской графике, кроме титульной страницы, которая была переведена на русский язык и содержала следующие сведения: антирелигиозные лозунги, название журнала, издателя, периодичность, место издания, год издания, номер заказа, тираж.

На титульной странице печаталось два главных лозунга Союза воинствующих безбожников – «Религия – опиум для народа!» (*šasin anu arad-i tungqarayuluuči qara tamakin mön*) и «Борьба против религий – борьба за социализм!» (*šasin-luy-a temečekü inü neyigem jirum-i bayiyulqu temečel mön*). С № 5–6 за 1930 г. на передовице остался только второй лозунг.

Стоит отметить оригинальность оформления обложки журнала. На рисунке изображена змея, в которую вонзаются острые стрелы-молнии. Изображения «змеи» и «молнии» – это стилизованное написание бурятских слов «эрдэм» («наука, знание») и «шажан» («религия») на старописьменном монгольском языке, где «эрдэм» (*erdem*) написано в виде красной молнии. Острые стрелы разят змею, тело которой изогнуто в надпись «шажан» (*šasin*). Капельками крови обозначены диакритические знаки буквы «ж». В журнале отсутствует указание на автора – художника данной обложки, большинство иллюстративного материала не имеет авторской подписи. В личной коллекции Генин-Дармы Нацова в монгольской фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН имеется небольшой блокнот «Рисунки художника Цыренжапа Сампилова “Карикатуры на бурятских лам”». 1929 г. г. Улан-Удэ. Собрал Нацов», в котором среди прочих сатирических рисунков имеется вырезка обложки журнала «Наука и религия» [ЦВРК ИМБТ. Монгольский фонд. Коллекция Г.-Д. Нацова. Оп. 12. Д. 14]. В связи с чем можно утверждать, что автором обложки является известный бурятский художник Ц. Сампилов, который оформил и обложки к «Крестыанским календарям», издававшимся также на старописьменном монгольском языке в 1928–1931 гг. Цыренжап Сампилов тесно сотрудничал с журналом «Наука и религия», в ряде номеров он указан в числе выпускающих редакторов.

Неизменным членом редколлегии журнала и ответственным редактором большинства выпусков являлся Б. Тогмитов. Должность секретаря исполняли Очиров, Б.Ц. Лосолов, Д.Ц. Бумбеев. В разные годы над выпусками журнала трудились Д. Ардин, Д. Болондон, Д. Донгитов, Х. Намсараев, И. Дампилов, Ц. Дондубон, Г. Нацов, Б. Ванчиков, У. Цэдыпов и др.

Тираж журнала постепенно снижался, начиная с 3 тыс., в 1930 г. – он составил 2 тыс., а к 1932 г.

насчитывал 1,5 тыс. экземпляров. Объем журнала разнился от номера к номеру и мог включать от 6 до 16 различных статей. В зависимости от объема варьировалась стоимость – 15, 20, 25, 30, 45 копеек. Розничная цена была на пять копеек выше подписной. В 1931 г. подписная цена на год составляла 1 руб. 50 коп., полугодовая – 75 коп. Эти же подписные цены были и в 1929 г., когда журнал выходил два раза в месяц. В 1932 г. условия подписки изменились, годовая стоимость составила 2 руб., и 1 руб. за полгода. О необходимости оформить подписку на обороте обложки уведомляла следующая фраза: «Не должно быть членов партии и Союза безбожников, а также членов Совета Союза, которые не были бы подписаны на журнал “Наука и религия”. И если, все же, таковые имеются, то следует немедленно оформить подписку».

Начиная с № 6 за 1931 г. оборотная сторона обложки стала использоваться для размещения сведений об изданиях Бургосиздата. Предлагалась подписка на журналы «Леениний зам», «Эрдэм ба шажан», «Тэмцэлийн чимэг», «Буряад ороний байдал», ежедневную газету «Бурят-Монгольская правда». Также распространялись переводные издания с русского языка по вопросам сельского хозяйства, организации колхозов: Яковлев Я.А. О мероприятиях по колхозному строительству (Доклад на 6 съезде партии). 65 с. Цена 12 коп.; Иполитов. О нормированном кормлении дойных коров. 8 с. Цена 3 коп. и др.

В 1931 г. журнал поменял формат, стал больше в размерах, изменилось оформление титульной страницы и обложки: сведения о журнале теперь публиковались не на старомонгольском, а на бурятском языке в латинской графике и русском языке. На обороте обложки наряду с призывом о подписке ко всем членам сельских советов безбожников были очерчены цели и задачи издания: данный журнал является руководством в работе бурят-монгольских безбожников, где в первую очередь для районных советов размещаются руководства в борьбе с любыми религиями.

С 1932 г. появились технические характеристики печати: о техническом редакторе – М. Ширабон, сведения о сдаче в печать, число знаков, формат бумаги и прочие типографские обозначения.

Статьи естественно-научного характера (как правило, переводные) сопровождались богатым иллюстративным материалом, вероятно, перепечатанным с оригинальных статей, печатались портреты Ленина, фотоматериалы (например, фото ламы Буржигай Сандана). К сожалению, полиграфическая база журнала не позволяла воспроизводить качественные фотоиллюстрации. Большинство рисунков – это карикатуры на буддийских священнослужителей. Как правило, отсутствуют указания на авторство рисунков, за редким исключением. Так, стихотворное произведение Б. Базарова «Разговор двух лам о колокольчике и дамару» сопровождалось рисунком Л. Намсараева.

С журналом сотрудничали Х. Намсараев, И. Мада-сон, Г.-Д. Нацов, Ц. Дон, Ц. Номтоев и другие литераторы, ставшие известными бурятскими писателями, поэтами и публицистами. В журнале «Наука и религия» были опубликованы их произведения с ярким

антиламским, антифеодальным настроем, а также стихотворения, воспевающие новый уклад жизни.

Строгой тематической рубрикации в журнале не было. Структура журнала в целом выдерживала схему: агитационно-просветительские материалы, научно-популярные статьи, краткие новости, литературная жизнь.

В каждом номере неизменно присутствовали поэтические работы с критикой религиозного сознания, старого уклада жизни. В ряде выпусков были опубликованы сатирические пьесы, например Ц. Номтоев, Содномов Манидар «*Erke edlebei*» (Обрели права). Переводные материалы с русского языка, как правило, иллюстрировались и в основном имели просветительский характер. Большое внимание уделялось разъяснению явлений природы («Почему происходит затмение луны?») или объяснению генетических заболеваний, выраженных в физических недостатках у людей и животных. Публиковались переводы статей классиков марксизма-ленинизма (Ленин «Социализм и религия» и др.).

Журнал не ограничивался сугубо антирелигиозной направленностью, публиковались новости науки. Например, в № 5–6 за 1929 г. было опубликовано сообщение ученого секретаря Бурят-Монгольского ученого комитета Л.Ф. Ескевич «Новости Буручкома», в котором сообщалось о проходивших прошлым летом научных экспедициях по изучению родовой структуры и дацанского искусства; об изучении студентом Бурпедтехникума Рыгдылоном древней истории и культуры по реке Селенга; о планах по изданию трудов М. Забанова и Б. Барадина; о составе Буручкома по решению ЦИК Бурят-Монголии. Так, в состав Учкома вошли: председатель Хабаев, заместитель Б. Барадин, члены Искра, Д.М. Иванов, Л.Ф. Ескевич, заведующий государственной выставкой Чилагунов. Почетными членами Учкома числились от академии наук Н.И. Марков, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Фарсман, А.А. Жарилов, от комитета по изучению производительных сил ССР – профессор Чойжи и ректор Иркутского госуниверситета [4. С. 49–51].

Журнал «Наука и религия» отражает исторические реалии того времени, на его страницах можно проследить также и языковую политику, смену графической системы письма. С 1931 г. повсеместно стала внедряться новая графика на латинице. В журнале «Наука и религия», публиковавшемся на старописьменном монгольском языке, все больше размещалось материалов на латинице. В № 5–6 за 1929 г. была дана информация об обсуждении в секторе языка и литературы Бурят-Монгольского ученого комитета новой письменности на основе латиницы, составленной профессором Бадзаром Барадиным, и постепенно в журнале начали присутствовать сообщения на латинской графике. В номере № 1 за 1931 г. была добавлена лишь одна фраза на латинице «Давайте все вместе, словно один человек, реализуем решения второго съезда Бурят-Монгольского союза воинствующих безбожников». Следующий номер журнала содержал на латинице статью Ц. Дона «Новая письменность как острое оружие для воинствующих безбожников», расположенную в конце выпуска. В последующих номе-

рах на латинице стали публиковаться стихи, методические и просветительские статьи. Но основной графической системой продолжало оставаться вертикальное монгольское письмо.

В журнале освещалась внутриламская борьба, текущее положение дел борьбы с религией. Так, в статье Хоринского «О расколе среди лам» подробно изложены основные различия четырех групп лам (обновленцев; лам, поддерживающих новую власть; консерваторов; нирванистов) [5. С. 3–23]. Данный материал полностью отвечал положением «Резолюции по ламскому вопросу», в которой отмечалось, что «ламство все еще продолжает оставаться крупнейшей реакционной силой в нашей Республике». Потому следует обратить внимание «на раскол ламства, на внутреннюю ламскую борьбу, которая несомненно дезорганизует ряды ламства в целом». Но в то же время «внутриламская борьба... укрепляет связь ламства с населением, поскольку во внутриламскую борьбу втягивается это население. Поэтому особенно важно именно теперь развернуть антирелигиозную пропаганду, разъяснить сущность происходящей борьбы внутри ламаизма, чтобы не дать отдельным течениям вести за собой бедняцко-средняцкие массы» [6].

Помимо методических указаний о проведении антирелигиозной работы, публиковались новости и обзор проводимых мероприятий. В статье Б. Тогмитова освещены итоги диспута 1928 г., разъяснена ложность некоторых положений, выдвинутых сторонниками обновленческого движения, например, о близости идей К. Маркса и учения Будды. Так, во время диспута были высмеяны некоторые высказывания хамбо А. оржиева: о том, что сутра «Жадомба» была принесена из страны Шамбалы, что благодаря чтению маны могут вырасти зубы и появится утраченное зрение [7]. Ряд публикаций имел ярко выраженный антирелигиозный характер с передергиванием и искажением смысла религиозных постулатов.

Тем не менее некоторые статьи дополняют фактологию по истории буддийской церкви, хотя и печального характера. В № 2 за 1929 г. сообщалось о закрытии Аларского дацана, на котором 1 марта был снят ганджир и водружен красный флаг. Помещение дацана было отдано под нужды народного клуба физвоспитания.

Для подготовки статей обращались к официальным данным, например, при описании противоправных деяний лам были приведены статистические данные из Министерства юстиции. За полтора года, начиная с 1927 г., были осуждены за различные противозаконные дела ламы и хувараки по следующим статьям: 1) за неприятие революции и проявление деяний белогвардейского характера – осуждено 109 лам; 2) за распространение контрреволюционных слухов – 15 лам; 3) за незаконное пересечение границы и контрабанду – 30 лам; 4) за оказание медицинской помощи ради наживы, повлекшей смерть больного или тяжкие последствия для здоровья – 15 лам; 5) за нанесение побоев, поджоги и убийства лам-обновленцев было осуждено 15 лам-консерваторов; 6) за принятие в хувараки лиц, не достигших 18 лет, содержание их при себе в качестве прислуги, и за

другие нарушения законов привлечено к ответственности 66 священнослужителей; 7) за сокрытие от государственной регистрации дацанского имущества – 6 лам; 8) за сопротивление мероприятиям, направленным на уплату налогов – 17 лам; 9) за воровство и грабежи – 48 лам; 10) за мошенничество – 27 лам; 11) за оказание противодействия представителям советской власти – 10 лам; 12) за насилие в отношении женщин и хуvaraков – 39 лам; 13) по другим эпизодам осуждено 21 лама. Всего 418 человек [8].

Заслуживает внимание статья монгольского ученого, литератора Ц. Дамдинсурэна о положении лам в монгольской гоби [9]. Дамдинсурэн описывает свои наблюдения, сделанные в монастыре старого Зун бэйсэ хурэ. Данный монастырский комплекс состоял из четырех храмов, 150 домов для проживания лам и 310 поставленных в ограде юрт. Всего было около 400 лам старше 18 лет. По словам нирбы (казначея), этот монастырь стоял на прямом пути от Их Хурэ (Улан-Батора) до Лхасы, потому был посещаем всеми паломниками, направляющимися в Тибет. С момента основания на протяжении 120–130 лет в монастыре придерживались строгого монастырского уклада. Всего в монастыре насчитывалось 22 жиса – казны. Скот стоимостью более 120 тыс. тугриков находился на содержании у скотоводов, живущих вблизи. В Жибхуланту сомоне, где располагался описываемый монастырь, насчитывалось 9 844 человек, в том числе 918 лам. Что составляло 19% всего мужского населения и около 30–40% мужчин зрелого возраста. В статье приведена таблица, в которой наглядно показано количество скота (овец, КРС, коз, лошадей, верблюдов и ослов) у лам и аратов. Продемонстрировано преобладание скота у аратского населения на июль 1930 г. Автор осуждает эксплуатацию аратов, большое количество лам и святых перерожденцев, распространение ими ложных слухов, подчеркивает суровые условия проживания в гоби.

Закрытие и ликвидация дацанов, изъятие имущества, обмирщение большинства священнослужителей было малорезультативным в борьбе с религией. Перед безбожниками-агитаторами стояла задача по искоренению из сознания распространенных в среде мирян-буддистов религиозных понятий «хорошие (благие) дни», «чтение мани», «соблюдение поста», «проведение спасительных гурумов», «каждодневное чтение молитв», все то, что могло совершаться верующими дома, без посещения культовых мест. Особое внимание уделялось праздникам, таким как Цагалган.

Отдельные статьи рассматривали такие широко известные среди мирян буддийские идеи кармического воздаяния, как «десять белых благодетей и десять черных грехов», «деяние и последующий результат». В антирелигиозной пропаганде делался упор на угнетении трудовых масс, на отвлечении бедноты от проблем этой жизни путем обещаний благ в последующей при условии праведного поведения. Внимание уделялось высмеиванию неблагоприятных качеств служителей буддийской церкви, осуждению религиозных предрассудков.

Подробно освещались мероприятия, направленные на реализацию антирелигиозной пропаганды: «Как

проводить антирелигиозную работу в школах», «Краткий план по антирелигиозной работе в сельской местности», «Члены потребкооперации сражайтесь с религией!», «Коллективизация и цели безбожников», «Об улучшение работы союза безбожников» и др.

В журнале затрагивались вопросы медико-санитарной грамотности. Например, в статье «Почему ломаются кости?» были изложены правила оказания первой медицинской помощи при переломах. В конце статьи автор обращался к читателем со словами: «Легко поверить в то, что такое неожиданное несчастье неспроста, но не верьте обманщикам ламам» [10].

В июне 1929 г. состоялся II съезд Союза безбожников, который определил антирелигиозную борьбу как важнейший участок классовой борьбы, а сама организация была переименована в Союз воинствующих безбожников. Публикации о необходимости усилить борьбу с религиозными пережитками постепенно приобрели более жесткие положения. В первых публикациях часто использовались глагольные формы побудительного залога «давайте предпримем меры, будем исполнять» и т.д., а к 1931 г. чаще употреблялись утвердительные конструкции. Например, статья Б. Цыренова «Что сказано о просвещении на 6 съезде Совета?» завершается обращением к сельским членам Союза безбожников о необходимости ожесточенно бороться с проведением обо, молебствий и других религиозных праздников, так как «если не будет борьбы (т.е. проведение антирелигиозной работы на должном уровне), то это будет считаться за оказание Вами помощи классовым врагам» [11].

В «Кратких новостях» № 5–6 за 1930 г. сообщалось о планах по открытию Антирелигиозного музея в г. Верхнеудинске (Улан-Удэ), об утверждении плана расходов на его содержание, а также о принятии в дар различных религиозных предметов. Там же сообщалось, что 19 июня 1930 г. состоялся съезд Бурят-Монгольского областного совета Союза воинствующих безбожников, на котором был заслушан доклад руководителя Сибирского совета безбожников товарища Долотова об организационной структуре Областного союза безбожников. Предполагалось 4 основных отдела: 1) организационный отдел – руководитель Базар Ванчиков; 2) учебно-методический отдел, который возглавляет Батодалай Тогмитов; 3) отдел пропаганды учения среди населения – руководитель Б. Чимитов; 4) научно-исследовательский отдел – возглавляет Долотов. Во время съезда руководителем Бурят-Монгольского областного совета союза безбожников был утвержден Б. Тогмитов, его первым заместителем – Долотов, секретарем – товарищ Б. Ванчиков. Также были определены сроки проведения очередных заседаний: в восточных аймаках Бурят-Монголии собрания членов союза следовало организовывать до начала сенокоса, а второй областной совет провести в октябре месяце [12. С. 36–37]. Редколлегия обращалась к сельским членам союза безбожников с просьбой сообщать в редакцию новости о своей работе и других культурных достижениях.

О работе союза безбожников имеются и другие материалы. К осени 1930 г. центральным Советом воинствующих безбожников был изготовлен специ-

альный значок для членов союза безбожников двух видов: значок для молодых – по цене 25 копеек и значок для возрастных членов союза безбожников – 60 копеек [12. С. 38].

Согласно опубликованной статистической заметке «60 и 236 членов», на Монголрабфаке в октябре 1931 г. при организации ячейки воинствующих безбожников насчитывалось 60 членов, а спустя полгода уже 236 человек. Раз в 10 дней проводятся специальные занятия по антирелигиозной работе. Также для помощи организованного движения безбожников под названием «Он-гоца» было собрано 110 руб. 58 коп. [13. С. 17].

Нехватка квалифицированных кадров решалась путем проведения краткосрочных курсов подготовки антирелигиозных работников. Осенью 1929 г. был произведен первый набор слушателей. Как сообщает Б. Ванчиков, к первому сентября прибыло 27 человек из восточных аймаков республики. Из них: 24 мужчины и 3 женщины; 8 членов партии, 17 комсомольцев и два беспартийных. Все состояли членами Областного союза безбожников. По имущественному положению была следующая градация: 15 бедняков, 5 членов коммун и 7 середняков. В ходе проведения данных курсов выявлено много проблемных моментов, главным из которых отмечена недостаточность учебной литературы на родном языке [14. С. 53–54].

Подводя итоги, следует сказать, что в начале XX в. религиозность бурятского населения составляла практически 100%. Религиозное сознание и национальная культура были переплетены между собой,

особенно в восточных аймаках Буреспублики. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. были предприняты решительные меры по искоренению взаимосвязи буддизма и бурятской культуры, резкой критике подвергались любые проявления религиозного сознания, был сделан упор на создание новой социалистической культуры.

Союзом воинствующих безбожников были реализованы различные формы и методы атеистической пропаганды. Издание журнала «Наука и религия» оказало существенное влияние на развитие атеистического движения в республике, наряду с более доступными формами печатной пропаганды в виде плакатов, а также других зрелищных средств, таких как кино, театр [15. С. 183]. Недостаточность печатной антирелигиозной пропаганды для широкой аудитории была реализована по линиям Наркомпроса, Наркомздрава. На страницах периодической печати (главным образом, газета «Бурят-Монгольская правда») освещение социально-культурных, хозяйственных вопросов происходило в тесной связи с пропагандой нового образа жизни и антирелигиозным воспитанием. В целом журнал «Наука и религия» компенсировал проблему нехватки специализированной литературы на бурятском языке, являясь единственным методическим руководством для сети ячеек безбожников в сельской местности. В журнале освещались самые разнообразные стороны жизни бурятского населения с обязательным акцентом на научность и естественность событий и явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курас Л.В., Цыремпилова И. Религиозные конфессии в Бурят-Монгольской АССР в 20–30-е годы XX в. // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие. Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.). Иркутск : Оттиск, 2005. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/ (дата обращения: 27.06.2019).
2. Шаданов Ф.И. Усилить антирелигиозную пропаганду // Бурят-Монгольская правда. 1928. № 11 (14 янв.). С. 4.
3. Синицын Ф.Л. Антибуддийская деятельность Союза воинствующих безбожников (1925–1941) // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1 (10). С. 153–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antibuddiyskaya-deyatelnost-soyuza-voinstvuyuschih-bezbozhnikov-1925-1941> (дата обращения: 06.11.2018).
4. Yeskiiviči. Erdem soyul-un küriyeleng-ün sonin (Ескевич Л.Ф. Новости Буручкама) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1929. № 5–6. С. 49–51.
5. Qori-yin. Lama-yin šasin-u dumdaki ebderel tuqai (Хоринский. О расколе среди лам) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1929. № 1 (4). С. 3–23.
6. Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК). Ф. 28. Оп. 1. Д. 24. Л. 53.
7. Toymid-un Ba. Lamanar qamar-iyar čökiydabai (Тогмитов Б. Щелкнули ламам по носу) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1929. № 2 (5). С. 3–12.
8. Burqan sigemuni-yin šabinar-un ariyün yabudal-un temdeg-üd («Благие» дела последователей Будды Шакьямуни) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1929. № 5–6. С. 52–53.
9. Damdinsüren Č. Mongyol-un yobi-du lama-nar-un bayidal yamar bui (Дамдинсүрэн Ц. О положении лам в монгольской гоби) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1931. № 6. С. 4–7.
10. Yasu ebderegsen-i yaŋaŋiqi bui (Что делать при переломах?) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1930. № 5–6 (14–15). С. 35–36.
11. Cereenii B. Erdem gegeerel tukai z-bl-lyydiin 6 dugaar jike kural juu kelebe (Цыренев Б. Что сказано о просвещении на 6 съезде Совета?) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1931. № 6. С. 1–2.
12. Jijig sonin-ud (Краткие новости) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1930. № 5–6 (14–15). С. 36–38.
13. Dalantai, Nimbuu-yin Sh. 60 ba 236 gesigüd bolba // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1932. № 2. С. 17.
14. Vangčuy-un Ba. Burqanggüiyüdü-ün idenkiten-i beledkekü angqaduŋar tür surŋayüli (Ванчиков Б. Первая школа для подготовки актива безбожников) // Erdem ba šasin (Наука и религия). 1929. № 5–6 (8–9). С. 53–55.
15. Соболева А.Н. Формы и методы антирелигиозной работы в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. // Мир Центральной Азии – IV. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 181–186.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 декабря 2019 г.

Anti-Religious Printed Propaganda in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic: A Case Study of the *Erdem ba Shazhan* Magazine

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 130–135.

DOI: 10.17223/15617793/458/16

Marina V. Ayusheeva, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ayagma@yandex.ru

Keywords: anti-religious propaganda; Union of Militant Atheists; *Nauka i Religiya*; *Erdem ba Shazhan*; Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic.

The article analyzes anti-religious propaganda in the early 1920s in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic on the example of the magazine *Erdem ba Shazhan* [Science and Religion]. An important component of the state policy in the anti-religious struggle in the republic was the Regional Union of Atheists, created in Verkhneudinsk on December 2, 1926. The publication of *Erdem ba Shazhan* in the Mongolian script was aimed at covering the gap of specialized literature on anti-religious propaganda. While analyzing issues of the magazine stored in the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, research methods of historical science were used. The source study method has revealed the significance of the magazine as a source for studying atheistic propaganda and introducing a new socialist ideology in Buryat society. *Erdem ba Shazhan* was a methodological guide for a wide network of circles of the League of Militant Atheists. The magazine described the anti-religious events held in the republic, discredited false religious postulates, and propagandized the new Soviet style of life. For instance, the magazine published scientific disputes with lamas about the essence of religion. The analysis of the contents of *Erdem ba Shazhan* shows that educational issues were aimed at the broad promotion of the new life and eradication of religious remnants occupied more than a half of its volume. The magazine had no thematic sections, but it is possible to identify several main headings: propaganda and educational materials, popular scientific articles, short news, literary life. The “short news” part presented items on the activities of not only the Union of Atheists, but also of the first scientific organization—Buruchkom. The history of overcoming religiousness and inculcating the new ideology found reflection in the works of fiction the magazine published. Young writers, scientists, and educators (Kh. Namsaraev, Ts. Don, D. Madason) collaborated with *Erdem ba Shazhan*. The magazine also contained visual materials: photos, drawings, caricatures. It is worth noting the original design of the magazine cover made by Ts. Sampilov. Along with other publications in the Mongolian script, *Erdem ba Shazhan* promoted the development of atheistic education. The magazine illustrated the most diverse aspects of the life of the Buryat population with an emphasis on the scientific nature of events. Thus, the publication of the magazine *Erdem ba Shazhan* had a significant impact on the development of the atheistic movement in the republic, along with more accessible forms of printed propaganda in the form of posters and other visual means, such as cinema and theater. In general, this magazine compensated for the lack of specialized literature in the Buryat language, being the only methodological guide for a network of atheist cells in rural areas.

REFERENCES

1. Kuras, L.V. & Tsyrempilova, I. (2005) [Religious denominations in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s–1930s]. *Konfessii narodov Sibiri v XVII – nachale XX vv.: razvitie i vzaimodeystvie* [Confessions of the Peoples of Siberia in the 17th – Early 20th Centuries: Development and Interaction]. Proceedings of the All-Russian Conference. 3–4 February 2005. Irkutsk: Ottisk. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/. (Accessed: 27.06.2019). (In Russian).
2. Shadanov, F.I. (1928) Usilit' antireligioznuyu propagandu [To strengthen anti-religious propaganda]. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 11 (14 January). p. 4.
3. Sinitsyn, F.L. (2012) Anti-Buddhist activities of the Belligerent Atheists Union (1925–1941). *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*. 1 (10). pp. 153–157. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/antibuddistskaya-deyatelnost-soyuza-voinstvuyuschih-bezbozhnikov-1925-1941>. (Accessed: 06.11.2018) (In Russian).
4. Yeskiiviči. (1929) Erdem soyul-un küriyeleng-ün sonin [Buryat Scientific Committee news]. *Erdem ba šasin*. 5–6. pp. 49–51.
5. Qori-yin. (1929) Lama-yin šasin-u dumdaki ebderel tuqai [On the split among lamas]. *Erdem ba šasin*. 1 (4). pp. 3–23.
6. Center for Oriental Manuscripts and Xylographs (TsVRK). Fund 28. List 1. File 24. Page 53.
7. Toymid-un, Ba. (1929) Lamanar qamar-iyar čokiydabai [They gave the llamas a flick on the nose]. *Erdem ba šasin*. 2 (5). pp. 3–12.
8. *Erdem ba šasin*. (1929) Burqan sigemuni-yin šabinar-un ariyun yabudal-un temdeg-üd [“Good” deeds of the followers of Buddha Shakyamuni]. 5–6. pp. 52–53.
9. Damdinsüren, Č. (1931) Mongyol-un yobi-du lama-nar-un bayidal yamar bui [On the position of lamas in the Mongolian Gobi]. *Erdem ba šasin*. 6. pp. 4–7.
10. *Erdem ba šasin*. (1930) Yasu ebderegsen-i yayakiqu bui [What to do in case of crises?]. 5–6 (14–15). pp. 35–36.
11. Cereenii, B. (1931) Erdem gegeerel tukai z-bl-lyydiin 6 dugaar jike kural juu kelebe [What was said about enlightenment at the 6th Congress of the Council]. *Erdem ba šasin*. 6. pp. 1–2.
12. *Erdem ba šasin*. (1930) Jijig sonin-ud [Brief News]. 5–6 (14–15). pp. 36–38.
13. *Erdem ba šasin*. (1932) Dalantai, Nimbuu-yin Sh. 60 ba 236 gesigüd bolba. 2. p. 17. (In Buryat).
14. Vangčuy-un, Ba. (1929) Burqanggüiyiçüd-ün idenkiten-i beledkekü angqaduyar tür surayyuli [The first school for training atheist activists]. *Erdem ba šasin*. 5–6 (8–9). pp. 53–55.
15. Soboleva, A.N. (2017) Formy i metody antireligioznoy raboty v Buryat-Mongol'skoy ASSR v 1920–1930-e gg. [Forms and methods of anti-religious work in the Buryat-Mongol ASSR in the 1920s–1930s]. In: Dambuev, I.A., Varnavskiy, P.K. & Elaeva, I.E. (eds) *Mir Tsentral'noy Azii – IV* [World of Central Asia – IV]. Irkutsk: Ottisk. pp. 181–186.

Received: 15 December 2019

К ИСТОРИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО (АБАЛАКСКОГО) ПОГОСТА В XVII в.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках темы № 0408-2019-0008 Рег. № НИОКТР 116020510080 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».

С привлечением археологических источников рассматриваются подробности формирования и функционирования Преображенского (Абалакского) погоста в его ранний, допожарный, период (первая четверть XVII – конец XVII вв.). Погост расположен на территории действующего Абалакского Свято-Знаменского мужского монастыря. В статье проанализированы материалы раскопок 2010 г., показавшие, что западная граница погоста не соответствовала линии ограды монастыря 1803 г. Подтверждено, что старинный погост XVII–XVIII вв. располагается в современных границах монастыря.

Ключевые слова: Преображенский (Абалакский) погост; Тобольское Прииртышье; погребения; граница.

История села Абалак в период с первой четверти и до конца XVII в. скупо освещена письменными источниками. Одно из первых упоминаний о селе присутствует в грамотах, датированных 25 января 1622 г. и 20 сентября 1624 г. Они адресованы архиепископу Киприану от имени царя Михаила Фёдоровича. В грамотах приведена важная информация, связанная с передачей села в ведение Тобольского Софийского дома [1. С. 202, 209]. В Дозорной книге от 1623 г. село упоминается вместе с Преображенской церковью и одноименным с нею погостом [2. С. 117; 3. С. 19]. Следующими источниками по истории села стали Сибирские летописи. Несмотря на то что сведения в летописях о событиях 1636–1637 гг. (обретение иконы Абалакской Божией Матери) описываются однообразно, все-таки

они дают некоторое представление о ранней истории Преображенского погоста. Так, летопись сообщает, что в 1637 г. «...подле церковь Преображения господня на свое имя другую церковь воздвигнути честного и славного ея Знамения, иже в Великом Новеграде» [4. С. 381]. После событий 1630-х гг. в Головинской редакции описана гибель 17 мая 1680 г. деревянных храмов: Знаменской церкви, от которой загорелась старейшая Преображенская церковь и колокольня [4. С. 215]. Пожар расчистил место для будущего крупного каменного строительства и стал важной вехой в истории с. Абалак. На фоне скудности письменных данных XVII в. значительно богаче отражена история послепожарного Преображенского погоста, а в последующем и монастыря (обзор по: [5]).

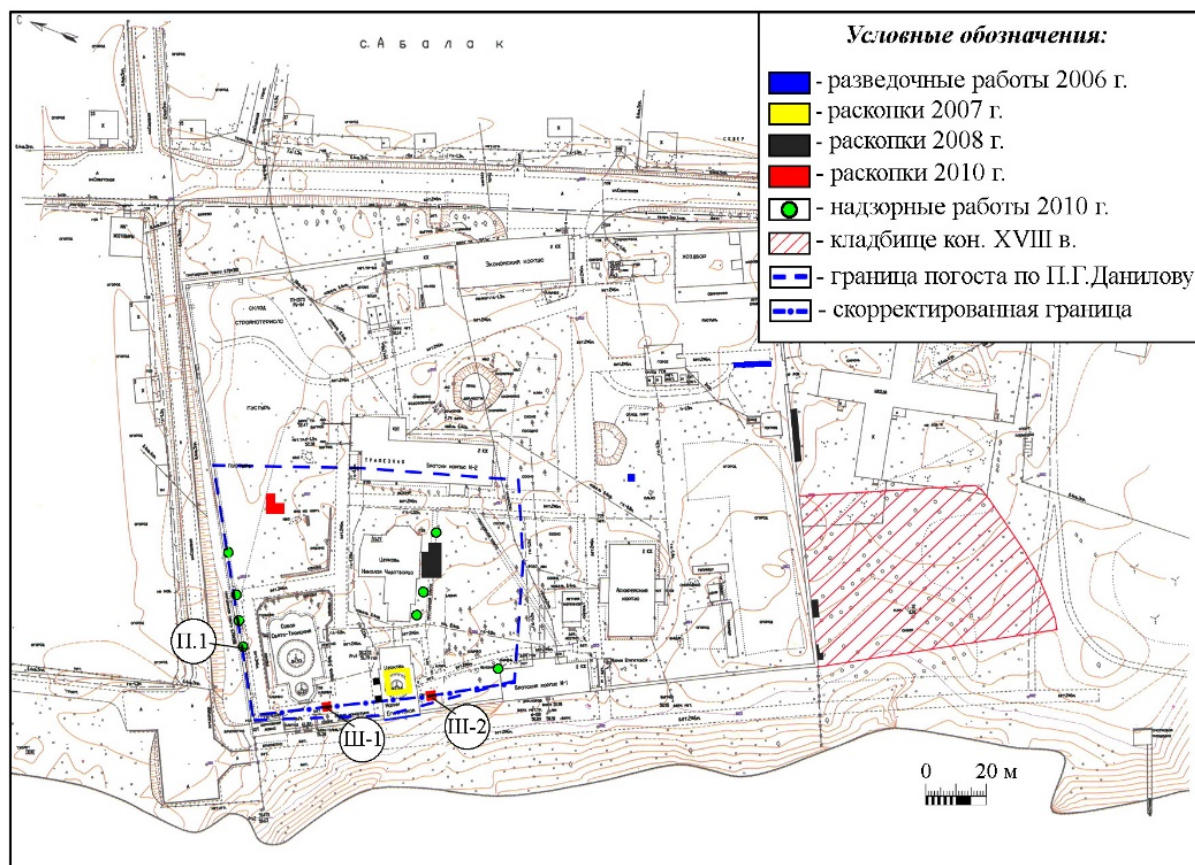

Рис. 1. План Абалакского Свято-Знаменского мужского монастыря с участками работ и реконструкцией границ Преображенского погоста (П. 1 – женское погребение, Ш-1, Ш-2 – шурфы)

Другим источником, дополняющим раннюю историю Преображенского погоста, стали материалы археологических исследований. Раскопки на территории Абалакского Свято-Знаменского мужского монастыря проходили с перерывами с 2006 по 2010 г. (рис. 1), по своему объему были достаточно скромными – всего в ходе работ вскрыто порядка 220 кв. м. По материалам раскопок этих лет П.Г. Даниловым была впервые выделена граница кладбища. При этом отмечена их условность и необходимость в уточнениях [6; 25]. Повторное обращение к материалам исследований прошлых лет позволило прояснить некоторые моменты, связанные с границами Преображенского погоста – одного из крупнейших изученных православных сельских кладбищ XVII–XVIII вв. Тобольского Прииртышья. Вкратце упомянем находки, определившие границы погоста.

Южную границу определяют находки погребений у церкви Николая Чудотворца в 2008 г. и церкви колокольни во имя преподобной Марии Египетской. Высокая плотность захоронений у этих церквей говорит о том, что кладбище простиралось дальше к югу. Небольшие разведочные работы 2006 г. еще южнее, у восточной стороны Архиерейского дома, показали

небольшую мощность культурного слоя и отсутствие захоронений. Поэтому согласимся с выводами П.Г. Данилова, согласно которым южная граница этой части погоста определяется приблизительно.

Северная граница погоста маркируется по материалам археологических наблюдений у северной ограды. При проведении земляных работ по усилению фундамента ограды было обнаружено женское погребение (рис. 2). Оно находилось на глубине 1,44 м от дневной поверхности, под стеной. Костяк, покрытый полотнищем бересты, располагался вытянуто, на спине. Гроб представлял собой прямоугольный ящик с тонкими стенками шириною 87 см и длиной более 1,3 м. Гроб скреплен без помощи металлических гвоздей или скоб, веревок. Примечательно, что в погребении сохранился волосяной покров – прическа. Коса обвивала верхнюю часть головы, образуя «венец» (рис. 2 – 2). По этнографическим сведениям женская прическа, оформленная подобным образом, была признаком замужней женщины [7. С. 128; 8. С. 386]. Изученное погребение показывает, что граница кладбища в XVII–XVIII вв. с северной стороны пересекала линию существующей каменной ограды (возведена в 1803 г.) [9. С. 11].

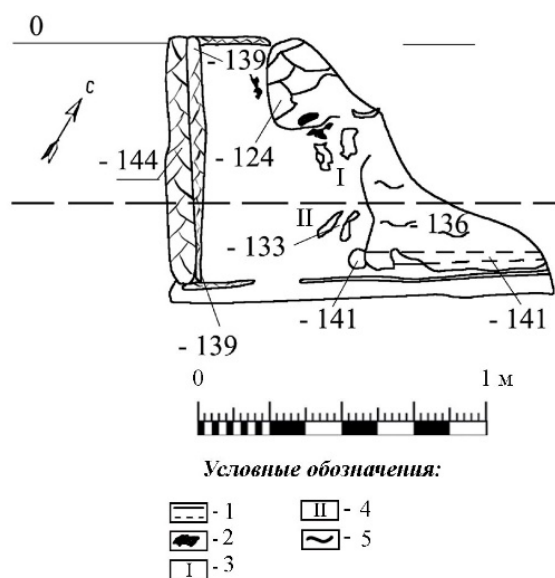

Рис. 2. Женское захоронение под северной оградой Абалакского Свято-Знаменского мужского монастыря: 1 – план погребения; 1 – линия стены, 2 – волосы, 3 – позвонки, 4 – лопатка и ключица, 5 – берестяное покрытие; 2 – череп с остатками волосяного покрова

Восточная граница определяется исходя из данных наблюдений 2008 г. и раскопок 2010 г. По вещевому материалу эта часть кладбища датируется XVII–XVIII вв. [6].

Значительно больше известно о **западной** границе кладбища. На этом участке монастыря получено достаточно данных, позволивших сделать необходимые уточнения. Первые разведочные работы 2006 г. показали, что с наружной западной стороны ограды монастыря, у церкви-колокольни во имя преподобной Марии Египетской следов захоронений не найдено. Рас-

копки следующего 2007 г. внутри этой церкви позволили изучить небольшой участок погоста. Исследования выявили высокую плотность захоронений. В центральной части храма раскопками изучено 15 погребений. Определить границу на этом участке кладбища не удалось [10].

В следующем году у северной стены этого же храма П.Г. Даниловым в двух шурфах изучено 3 захоронения, совершенных до ее строительства, но без следов ограждений. Лишь раскопками 2010 г., проходившими с южной стороны церкви-колокольни и с

западной стороны Знаменского собора, были найдены прямые указания на границу погоста в ранний период его существования. Здесь культурный слой изучен двумя разведочными шурфами.

Шурф 1 (рис. 1, 3). Размер: 3 × 3 м. Разбит в 11,5 м к западу от Знаменского собора и в 4 м от западной

ограды, на участке между западной стеной монастыря и храмом. На уровне материка выявлена столбовая яма № 1 подпрямоугольной формы 64 × 48 см с вертикальным столбом диаметром 18 см. Там же, на уровне материка, прослежены прямоугольные контуры могильных ям и ровика.

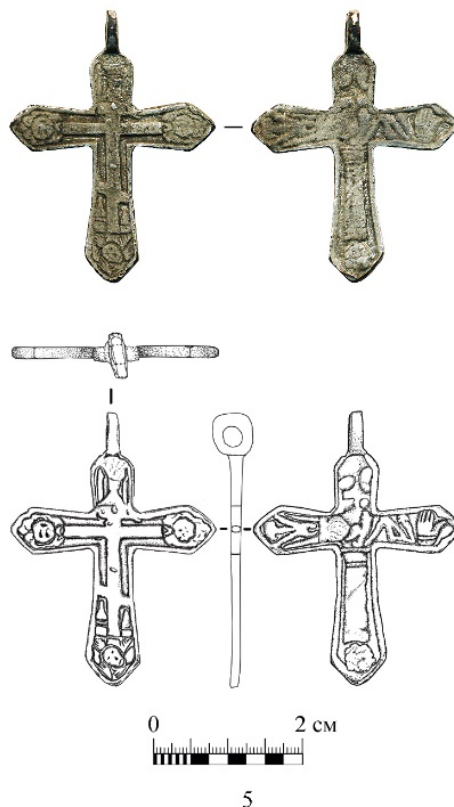
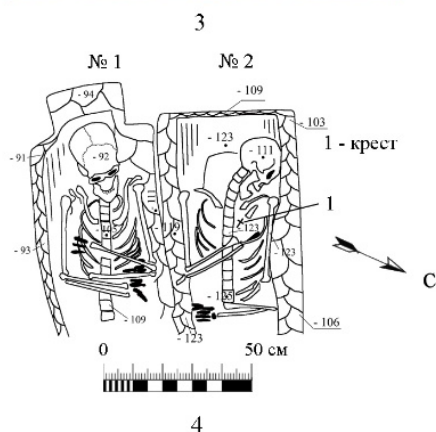
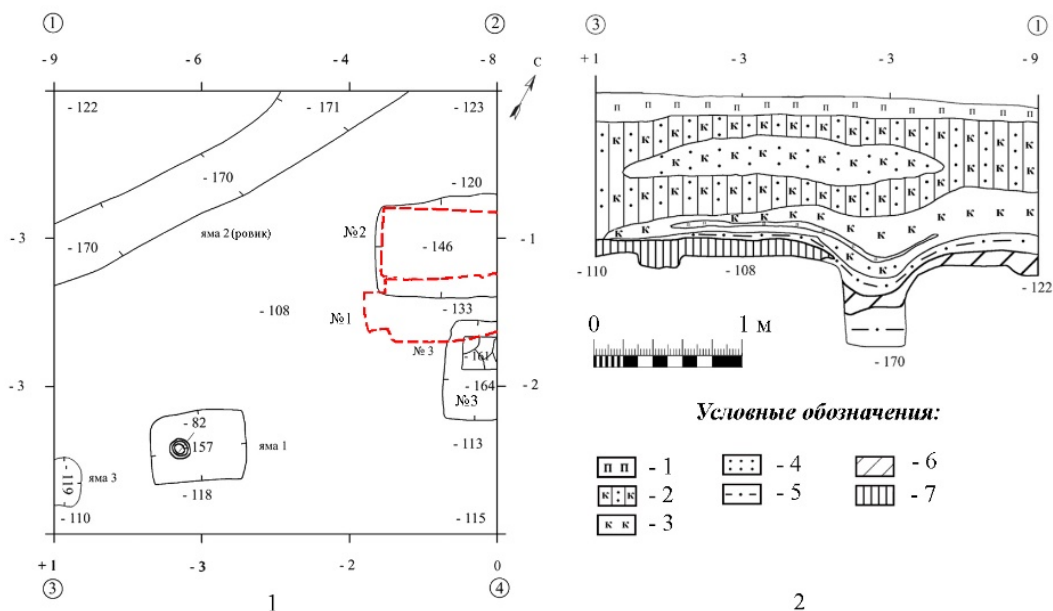

Рис. 3. Шурф 1: 1 – план шурфа; 2 – северный профиль (1 – песок, 2 – темно-серый суглинок с кирпичом, известью, 3 – кирпич, 4 – известь, 5 – желтый суглинок, 6 – перегной, 7 – черный суглинок); 3, 4 – погребения № 1 и 2 (фото, план); 5 – крест из погребения № 2

Ровик (яма № 2) (рис. 3 – 1, 3 – 2) перерезает материк от западной стенки шурфа к северной под углом 30–40°. Размер ямы: 2,5 × 0,38–0,46 × 0,48 м. Заполнение: пестроцвет, состоящий темно-серого суглинка, перегноя, редких включений битого кирпича. В яме находок не обнаружено. Судя по схожему заполнению со столбовой ямой № 1 и стратиграфической ситуации, она была выкопана с ней практически одновременно. Выше пестроцветное заполнение ямы № 2 перекрывает слой битого кирпича и извести. Нижнюю часть этого строительного мусора можно уверенно соотнести со временем начала возведения собора (1683 г.).

Небольшие размеры ровика по ширине, но достаточная глубина и ровное дно без уклона наводят на мысль о том, что он мог носить фортификационный характер (тыновая стена), либо это часть сооружения (также, возможно, оборонительного характера), имеющего ленточный свайно-столбчатый фундамент. Подобные находки, относящиеся к XVII–XVIII вв., известны и на территории Западной Сибири [11. С. 403; 12]. Ориентация траншеи по линии север–юг больше склоняет к версии о расположении здесь какого-то культового строения. В пользу этого может говорить тот факт, что оборонительные сооружения обычно повторяют конфигурацию кромки обрыва. Для культовых строений, наоборот, характерна ориентация по сторонам света (с относительными отклонениями). В подтверждении той или иной версии, конечно, необходимо расширение площади раскопок. Западнее выявленных ям изучены три погребения.

Погребение № 1 (рис. 3 – 1, 3 – 3–4). Взрослое. Ориентировано по линии – 3-В. Располагается у восточной стенки шурфа. Вошло в шурф частично. Захоронение совершено в антропоморфной колоде размером 87 × 43 см. Погребение вытянутое, на спине. Череп лежит на затылке, лицевой частью на восток. Кости предплечья покоятся на животе, поперек. Правое предплечье располагается ниже левого. Сопроводительного инвентаря нет.

Погребение № 2 (рис. 3 – 1, 3 – 3–4). Взрослое. Ориентировано по линии – 3-В. Располагается у восточной стенки шурфа. Вошло в шурф частично. Захоронение совершено в могильную яму шириной 95–100 см, длиной более 1 м, углубленной в материк на 26 см, в прямоугольный гроб размером 75 × 46 см. Погребение вытянутое, на спине. Череп лежит на левом боку. Левое предплечье поперек живота. Правое предплечье под углом на груди. Сопроводительный инвентарь – крест (на груди) (рис. 3 – 5).

Крест-тельник литой из белой бронзы, четырехконечный, двусторонний с килевидными окончаниями лопастей и поперечным ушком (с небольшим поворотом). Размер: 3,1 (без ушка) – 3,7 (с ушком) × 2,8 × 0,15 см. По краю креста тянется окантовка. Внутри окантовки изображен объемный восьмиконечный крест. В его верхней части изображена чаша. По обеим сторонам объемными вертикальными линиями обозначены копы и трость с губкой. По краям горизонтальных лопастей лепестковые розетки с кружком в центре. На левом в кружке читаются буквы «IC». Под нижней перекладиной креста изображены треугольники, по обе стороны креста, направленные остриями вверх. В нижней части нательного

креста, под чертой изображен череп. Поле креста в этой части заполнено мелкими элементами с рваными краями. На обратной стороне, в средокрестье, изображен петух, сидящий на столбе и обращенный вправо. Под столбом округлый элемент. По горизонтали на лопастях изображены орудия страстей Христовых. В верхней части креста 4 округлых элемента.

С.В. Гнутова относит начало широкого распространения изображений орудий страстей Христовых к концу XVII в. [13]. Наиболее близкие стилистические аналогии известны по крестам из Тобольского Прииртышья [14. С. 203, рис. 1 – 8] и Илимского острога [15. С. 196]. По археологическим материалам с территории Украины такой тип тельника датируется XVII–XVIII вв. [16. С. 125, рис. 8]. Подобные кресты известны в материалах некрополя Спасской церкви Иркутска, существовавшего с 1672 г. [17. С. 133] по конец 60-х – начало 70-х гг. XVIII в. [18. С. 165], Саянском остроге (с первой четверти по конец XVIII в.) [19. С. 241, рис. 1 – 6].

Захоронение № 3 (рис. 3 – 1). Детское. Ориентировано по линии – 3-В. Располагается у восточной стенки шурфа. Вошло в него частично. Совершено в подпрямоугольной яме шириной 54 см и глубиной 50 см. Ширина колоды около 20 см. Анализ расположения трех захоронений показывает, что детское захоронение было совершено первым. Затем рядом было совершено захоронение взрослого (№ 2) в отдельной яме. Последним было совершено подзахоронение взрослого № 1 в пространство между детским погребением № 3 и взрослым № 2. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что детское захоронение было совершено до начала строительства Знаменского собора в камне. Тогда как погребения № 1 и 2 совершены позже, после 1680-х, когда пространство вокруг храма было покрыто мусором, связанным с возведением храма. Еще один крупный эпизод строительных работ, связанный с накоплением мусора у церкви, приходится на 1751–1754 гг. [5. С. 29–30]. Верхней датой совершения захоронений № 1 и 2 следует считать дату не позже 1770–1780-х гг., когда начали внедряться новые правила организации кладбищ [20]. Несколько позже приход был переведен в ближайшее Покровское село из-за открытия в 1783 г. в Абалаке мужского монастыря.

Еще одна показательная находка, маркирующая западную границу погоста, обнаружена южнее, в шурфе 2, в 32 метрах, расположенном по одной линии от шурфа 1.

Шурф 2 (3 × 3 м) (рис. 1, 4). Разбит в трех метрах от южной стороны церкви-колокольни во имя преподобной Марии Египетской и в 3,5 м от западной ограды монастыря. На верхних горизонтах были выявлены остатки трех столбов. Однако наиболее значимой находкой стала столбовая яма № 1, выявленная на уровне 5-го горизонта. Яма № 1 подпрямоугольной формы. Размер 66 × 55 см. Углублена в материк на 40 см. Заполнение – однородный мешаный темно-серый с желтым суглинок, без находок. В яму вертикально вкопано бревно диаметром 24 см.

В шурфе изучено 33 погребения. Полный анализ захоронений в этой части погоста и погребального

инвентаря, конечно, дело отдельной публикации. Отметим находки, проясняющие датировку погоста.

Погребение № 18. Взрослое. Ориентировано по линии – 3-В. Располагается в юго-восточной части шурфа. Погребение вытянутое, на спине. Предплечье правой руки у плеча. Положение левого предплечья не определимо. Сопроводительный инвентарь: застежка, крест.

Застежка литая, из меди. Состоит из двух частей. Первая размером $1,6 \times 0,9 \times 0,3$ см. Имеет форму вогнутого диска с перемычкой, соединенной с подтреугольным основанием. В центре основания – отверстие для пришивания к одежде. По углам основания располагаются приподнятые округлые бугорки.

Вторая часть шире первой. Ее размер $1,9 \times 1,2 \times 0,2$ см. Состоит из диска, на котором по окружности расположен валик со шнуровидным рельефом. В центре диска – трапециевидная прорезь. С обратной стороны диск плоский. В шейке – отверстие для пришивания к одежде. Основание имеет форму трилистника с двумя выпуклостями по его краям. С обратной стороны основания три округлых вдавления.

В собранном состоянии длина застежки 2,5 см. Застежка скрепляла меховую одежду – на ней сохранился пучок темного меха. Данный тип застежек получает широкое распространение в ордынский период XIII–XIV вв. [21. С. 195, 196, рис. 6]. Схожий фрагмент застежки известен из раскопок Алазейского острога (Якутия) [22. С. 117, табл. 48 – 17]. Острог был основан в 1642 г. и просуществовал, по всей видимости, весь XVIII в. [22. С. 17, 50].

Крест-тельник литой, из меди. Четырехконечный, двусторонний с прямым окончанием лопастей, поперечным ушком. Размер: 3,6 (без ушка) – 4,2 (с ушком) $\times 2,5 \times 0,15$ см. Лицевая и оборотная сторона креста сильно потерты и разрушены окислами. В центре лицевой стороны восьмиконечный крест на Голгофе. Под ней две парные выпуклые изогнутые линии в виде букв «ss». По обеим сторонам креста копьё и трость с губкой. В верхней части креста читается надпись СІС. Выше еще одна надпись затерта. Под горизонтальной перекладиной креста ряд мелких букв (не читаются). Обратная сторона креста плоская, без рельефа.

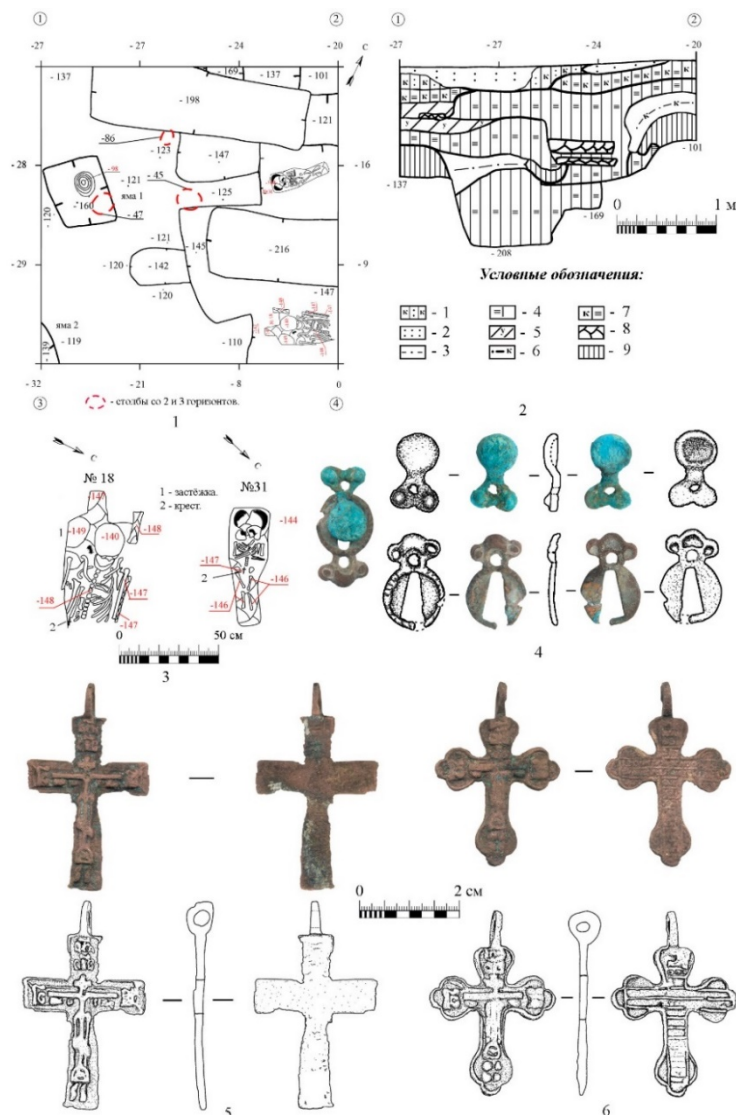

Рис. 4. Шурф 2: 1 – план шурфа; 2 – профиль (1 – темно-серый суглинок с кирпичом, известью, 2 – известь, 3 – желтый суглинок, 4 – мешаный желтый с черным суглинок, 5 – перегной с углем, 6 – кирпич с глиной, 7 – мешаный темный суглинок с глиной и кирпичом, 8 – дерево, 9 – черный суглинок); 3 – погребения № 18 и 31; 4 – застежка-замок; 5 – крест из погребения № 18; 6 – крест из погребения № 31

По археологическим материалам Украины такой тип тельника датируется XVII–XVIII вв. [16. С. 125, рис. 8]. Аналогичные кресты в Албазинском остроге датируются второй половиной XVII в. [23]; в Умревинском остроге – 40–90-ми гг. XVIII в. [24. С. 104, рис. 3 (гр. 2)]; с погоста Спасской церкви Иркутска – 1670-ми гг. [17. С. 133] – концом 60-х – началом 70-х гг. XVIII в. [18].

Погребение № 31. Детское. Ориентировано по линии З-В. Располагается в восточной части шурфа. Захоронение совершено в колоде. Размер колоды 61 × 22 см. Погребение вытянутое, на спине. Руки сложены на середине груди. Сопроводительный инвентарь – нательный крест.

Крест-тельник литой, из меди. Четырехконечный, двусторонний с окончанием лопастей в виде трилистника, поперечным ушком. Размер: 3 (без ушка) – 3,7 (с ушком) × 2,55 × 0,15 см. В центре лицевой стороны восьмиконечный крест на Голгофе. По обеим сторонам креста расплывшиеся очертания копья и трости с губкой. В верхней части креста затертая надпись с титулом. Слева надпись ИС. Справа надпись затерта. Под Голгофой четыре округлых выпуклых элемента. С обратной стороны креста имитация священного текста – строки по всему полю с неясными символами.

Подобные кресты известны по ставрографической коллекции Илимского острога [15. С. 76]. На территории Умревинского острога такой тип креста известен по захоронениям 80-х гг. XVIII в. – начала XIX в. [24. С. 105, рис. 3]. Распространен в Спасском некрополе Иркутска, его погребениях, датированных 1670-ми гг. – концом 60-х – началом 70-х гг. XVIII в. [18. С. 167, рис. 2 – 25]. Верхняя дата захоронений у южной стены церкви-колокольни во имя преподобной Марии Египетской также определяется находками изразцов, которые датируются второй половиной XVIII в. [24].

Заключение. Археологические исследования в Абалакском Свято-Знаменском мужском монастыре позволили восполнить некоторые пробелы, связанные с ранней историей Преображенского погоста, и дополнить достаточно скудные письменные источники XVII в. Показательными были раскопки 2010 г., в ходе которых изучены находки, относящиеся к периоду становления Преображенского (Абалакского) погоста (первая четверть – 80-е гг. XVII в.). Одной из таких находок стал ровик в шурфе у Знаменского собора (1683–1691 гг.), назначение которого пока остается открытым. Ровик был засыпан во время строительства собора. Рабочая гипотеза заключается в том, что это остатки фундаментов какого-то культового сооружения.

В ходе раскопок также удалось проследить западную границу погоста. Со стороны р. Иртыш в двух шурфах были найдены прямоугольные ямы с вкопанными в них столбами. Конструкция ранней ограды погоста, вероятнее всего, была жердевого типа. Обнаруженные при раскопках захоронения не прослеживались западнее этой ограды. Это обстоятельство позволяет уточнить границу западной части погоста, ранее отмеченную П.Г. Даниловым и Т.Н. Манониной по линии существующей ограды монастыря.

Судя по находкам нескольких вертикальных столбов в шурфе, с южной стороны церкви-колокольни деревянное ограждение существовало на этом же месте до начала XIX в., когда древний погост уже не функционировал¹. В 1803 г. монастырь был обнесен каменной оградой, которая отстояла от раннего деревянного забора на 3,5–4,5 м к западу, ближе к р. Иртыш. По остальным же сторонам света граница погоста определяется условно: северную границу маркирует находка женского захоронения; восточная и южная границы ранее были обозначены П.Г. Даниловым по материалам раскопок погребений и надзорных работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вероятно, что в конце XVIII в. было открыто и кладбище за пределами монастыря, за южной стеной (рис. 1) [26]. Н.А. Абрамов указывал, что это место упокоения монахов [9. С. 2]. Не исключено, что хоронили на нем и мирян. Время окончания функционирования этого кладбища не известно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск: Хронограф, 1994. Вып. IV. 294 с.
2. Сибирские летописи. Т. 36. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. М.: Наука, 1987. 384 с.
3. Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах: Т. 1: Заселение Сибири и быт первых ее насельников / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
4. Балюк Н.А. Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в.: сб. архивных источников. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. 184 с.
5. Манонина Т.Н. Свято-Знаменский монастырь в селе Абалак // Вестник ТГАСУ. 2008. № 2 (19). С. 26–38.
6. Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII веков в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 158–163.
7. Степанова Ю.В. Женские прически на Руси в XI–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 128–130.
8. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 475 с.
9. Абрамов Н.А. Абалакский Знаменский третьеклассный мужской монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1884. № 1. С. 1–24.
10. Загваздин Е.П. Первые исследования православного кладбища XVII–XVIII вв. в Абалакском Свято-Знаменском мужском монастыре (материалы раскопок 2007 года) // Археология Среднего Приоболыя и сопредельных территорий. Курган, 2016. С. 94–101.
11. Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Исследование объекта с частоколом и подземным ходом на территории Тобольского посада // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 115–127, 403.
12. Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск, 2009. 241 с.
13. Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков // Филевские чтения. М., 1994. С. 68–86.

14. Балонов И.В. Частная коллекция нательных крестов, собранная в городе Тобольске и его окрестностях // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург : Изд-во Магелан, 2014. Т. II. С. 200–203.
15. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : Инфолио, 2007. 248 с.
16. Уницкий В.А. Предметы художественной пластики из Белгорода-Днестровского // САИ. М., 1985. С. 124–126.
17. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 192 с.
18. Бердников И.М. Кресты-тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. 2012. Т. 11, вып. 7. Серия: История, филология. С. 164–178.
19. Скобелев С.Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев южной Сибири XVIII вв. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 235–260.
20. Балюнова Е.А., Балонов И.В. Из истории погребального обряда русского населения // Архивы Урала. 2008. № 12. С. 279–282.
21. Рябцева С.С., Дергачева Л.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности и датировке группы одежных застёжек с территории Пруто-Днестровского междуречья // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 190–207.
22. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.
23. Артемьев А.Г. Останки непогребённых защитников Албазинского острога // Российская археология. 1996. № 1. С. 185–196.
24. Горохов С.В., Бородавский А.П. Нательные кресты Умревинского острога // Вестник Новосибирского Государственного университета, Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 3. С. 98–107.
25. Заваздин Е.П. Изразцы из культурного слоя Абалакского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург : Изд-во Магелан, 2014. Т. II. С. 231–236.
26. План вновь распланированного с. Абалак (1876 г.) // ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 154, Оп. 21, Д. 199, Л. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 февраля 2020 г.

The History of the Transfiguration (Abalak) Churchyard in the 17th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 136–143.

DOI: 10.17223/15617793/458/17

Evgeny P. Zagvazdin, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: kulay_arx@mail.ru

Keywords: Transfiguration (Abalak) churchyard; Tobolsk Irtysh region; churchyard boundaries.

This study is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0408-2019-0008, Regional R&D No. 116020510080.

The archaeological research of the Transfiguration churchyard (the area of the Abalak Monastery of the Holy Sign) which was widely conducted in 2007 to 2010 allowed examining certain issues related to the history of the churchyard in more detail. The first generalizing work by P. Danilov covered a number of various aspects and became of great significance. Nevertheless, some aspects were pushed into the background, mainly due to the versatile nature of the work. The aim of this article is to shed some light onto certain aspects of the earlier history of the Transfiguration churchyard before the fire (early to late 17th century), taking into account the unpublished data and re-evaluated excavation records. Its relevance is based on the scarcity of written records of the mentioned period and the fact that they only describe the history of the Transfiguration churchyard in general, whereas archaeological data clarify certain moments of its history. Unfortunately, all the research combined since the beginning of excavation did not amount to much (approximately 220 sq.m), thus all available data were taken into consideration. The research conducted in 2010 is especially significant. The occupation layer next to the western monastery wall was examined through two exploratory shafts. The local area of the digging site totaled up to 18 sq.m. The exploratory shaft next to the Cathedral of the Holy Sign included a small pit and an earlier pit with a rod post from the cemetery fence, which dates back to an earlier period. The burials located to the east from the fence and dating back to the early 17th – late 18th centuries were explored. The other exploratory shaft, located 32 m south from the first one, offers a similar picture. The burials found through the second exploratory shaft date back to the same period. The finding of a female's burial under the northern monastery wall, which demonstrates the direction the cemetery developed in, was also examined. Overall, the data obtained due to the excavation in 2010 allowed creating a working hypothesis concerning the purpose of the small pit in the first exploratory shaft (a place of worship) and providing further proof of the location of some churchyard boundaries: the northern one (a female's burial) and the western one (the wooden fence remnants). The findings of posts in the upper horizons of the second exploratory shaft confirm that the boundaries of the cemetery (and later the monastery) did not undergo significant changes until the early 19th century. They were altered in the early 19th century with the construction of a stone fence approximately 3.5–4.5 m to the west from the former wooden fence.

REFERENCES

1. Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya E.K. (eds) (1994) *Tobol'skiy arkhieyskiy dom v XVII veke* [Tobolsk Bishop's House in the 17th Century]. IV. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
2. Okladnikov, A.P. & Rybakov, B.A. (eds) (1987) *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Vol. 36. Part 1. Moscow: Nauka.
3. Butskinskiy, P.N. (1999) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
4. Balyuk, N.A. (2001) *Zemledel'cheskoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri v XVII – nach. XVIII v.* [Agricultural Economy of Western Siberia in the 17th – Early 18th Centuries]. Tyumen: Tyumen State University.
5. Manonina, T.N. (2008) Monastery of the Icon of the Sign in Abalak village. *Vestnik TGASU – Vestnik of TSUAB*. 2 (19). pp. 26–38. (In Russian).
6. Danilov, P.G. (2012) Orthodox necropolis 17th–18th centuries in the Abalak village of Tobolsk district: results and prospects of research. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 7 (11). pp. 158–163. (In Russian).
7. Stepanova, Yu.V. (2013) Zhenskies pricheski na Rusi v XI–XVIII vv. [Women's hairstyles in Russia in the 11th–18th centuries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological and Ethnographic Research]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. pp. 128–130.
8. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
9. Abramov, N.A. (1884) Abalaskiy Znamenskiy tret'eklassnyy muzhskoy monastyr' [Abalak third-class male Monastery of the Icon of the Sign]. *Tobol'skie eparkhial'nye ведомosti*. 1. pp. 1–24.

10. Zagvazdin, E.P. (2016) Pervye issledovaniya pravoslavnogo kladbishcha XVII–XVIII vv. v Abalaskom Svyato-Znamenskom muzhskom monastyre (materialy raskopok 2007 goda) [The first studies of an Orthodox cemetery in the 17th–18th centuries in the Abalak Monastery of the Icon of the Sign (materials of the excavations in 2007)]. In: Maslyuzhenko, D.N. & Novikov, I.K. (eds) *Arkheologiya Srednego Pritobol'ya i sopredel'nykh territoriy* [Archeology of the Middle Tobol Region and Adjacent Territories]. Kurgan: Kurgan State University. pp. 94–101.
11. Matveev, A.V. et al. (2008) Issledovanie ob'ekta s chastokolom i podzemnym khodom na territorii Tobol'skogo posada [Study of an object with a palisade and an underground passage on the territory of the Tobolsk Posad]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 115–127, 403.
12. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2009) *Umrevinskiy ostrog. Arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.* [Umreva Ostrog. Archaeological Research 2002–2009]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS.
13. Gnutova, S.V. (1994) [Instruments of the Passion of Christ on Russian crosses of the 17th – 19th centuries]. *Filevskie chteniya* [Fili Readings]. Proceedings of the 3d International Conference on the problems of Russian Culture in the 17th – early 18th centuries. Moscow. 8–11 July 1993. Moscow: [s.n.]. pp. 68–86. (In Russian).
14. Balyunov, I.V. (2014) Chastnaya kolleksiya natel'nykh krestov, sobrannaya v gorode Tobol'ske i ego okrestnostyakh [Private collection of baptismal crosses collected in the city of Tobolsk and its environs]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in Archaeological Research]. Vol. II. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Izd-vo Magelan. pp. 200–203.
15. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Baptismal Crosses of the Ilimsky Ostrog]. Novosibirsk: Infolio.
16. Kunitskiy, V.A. (1985) *Predmety khudozhestvennoy plastiki iz Belgoroda-Dnestrovskogo* [Objects of Artistic Plastics from Belgorod-Dnestrovsky]. Moscow: Nauka. pp. 124–126.
17. Kochedamov, V.I. (1978) *Pervye russkie goroda Sibiri* [The First Russian Cities in Siberia]. Moscow: Stroyizdat.
18. Berdnikov, I.M. (2012) The pectoral crosses found during the excavation of the Church of Savior's necropolis in Irkutsk. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 7 (11). pp. 164–178. (In Russian).
19. Skobelev, S.G. (2005) Osobennosti otnosheniya k predmetam religioznogo kul'ta u russkikh pervopokhodtsev yuzhnoy Sibiri XVIII vv. (po materialam Sayanskogo ostroga) [Peculiarities of attitude to the objects of religious worship among the Russian pioneers of southern Siberia in the 18th century (based on materials from the Sayan ostrog)]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of the Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 235–260.
20. Balyunova, E.A. & Balyunov, I.V. (2008) Iz istorii pogrebal'nogo obryada russkogo naseleniya [From the history of the funeral rite of the Russian population]. *Arkhivy Urala*. 12. pp. 279–282.
21. Ryabtseva, S.S. & Dergacheva, L.V. (2017) Ethnic-cultural identity and dating of the clothing clasp group from the territory of Prut-Dniester interfluve. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 4 (22). pp. 190–207. (In Russian). DOI: 10.24852/pa2017.4.22.190.207
22. Alekseev, A.N. (1996) *Pervye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii* [The First Russian Settlements of the 17th – 18th Centuries in the North-East of Yakutia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
23. Artem'ev, A.G. (1996) Ostanki nepogrebennykh zashchitnikov Albazinskogo ostroga [Remains of the unburied defenders of Fort Albazin]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 1. pp. 185–196.
24. Gorokhov, S.V. & Borodovskiy, A.P. (2017) Cross pendants of Umrevinsky Ostrog. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 3 (16). pp. 98–107. (In Russian).
25. Zagvazdin, E.P. (2014) Izraztsy iz kul'turnogo sloya Abalaskogo monastyrya [Tiles from the cultural layer of the Abalak monastery]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Researches]. Vol. II. Omsk; Tyumen'; Yekaterinburg: Izdatel'stvo Magelan. pp. 231–236.
26. Public institution of the Tyumen region the State archive in Tobolsk (GUTO GAT). Fund 154. List 21. File 199. Item 1. *Plan vnov' rasplanirovannogo s. Abalak (1876 g.)* [Plan of the newly planned Abalak village (1876)].

Received: 03 February 2020

Н.В. Захарова

ГРАМОТНОСТЬ ВЗРОСЛЫХ В США, 1992–2014 гг.: РЕЗУЛЬТАТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕСТИРОВАНИЙ

Представлены краткая история и современное состояние системы образования взрослых в США и законодательная база по данному вопросу. Сравниваются результаты национальных и международных тестирований функциональной грамотности взрослых в 1992–2014 гг. Определены тенденции изменения уровня грамотности у представителей отдельных этнических групп. Выявлены факторы, влияющие на показатели функциональной грамотности в стране, устранены противоречия в интерпретации результатов тестирований.

Ключевые слова: грамотность взрослых; тестирование грамотности; функциональная грамотность; США.

Грамотность взрослых – важный показатель, отражающий компетентность и уровень знаний в обществе, учитывается для разработки и совершенствования внутренней политики. Грамотность влияет на социально-экономическую, политическую и духовную сферы жизни общества. Цель исследования – выявить динамику изменения функциональной грамотности взрослых в США и определить, какую роль в этом играют общие / структурные факторы (рост населения страны, система обучения взрослых, ее финансирование) и частные / индивидуальные особенности (возраст, этническая принадлежность). Материалом исследования послужили результаты национальных и международных тестирований уровня грамотности взрослых в США в 1992–2014 гг. Их комплексное изучение дает представление о компетентности рабочей силы и эффективности образовательной политики США, а также позволяет устранить противоречия в

национальных и международных оценках их трудового потенциала.

Для понимания особенности проблемы грамотности взрослых важно учитывать большое количество мигрантов, прибывающих на постоянное или временное жительство в США, – мигранты второго поколения (родившиеся на территории страны граждане) и мигранты первого поколения, доля последних ежегодно увеличивается. В 2013 г. страна заняла первое место в мире по этому показателю (20% общемирового объема) [1. С. 2]. Этнический и расовый состав населения в исследуемый период представлен на рис. 1 [2]. Как видно из табл. 1 и рис. 2, с 1990 по 2017 г. количество мигрантов первого поколения в США выросло более чем в два раза в основном за счет мигрантов из Азии и Латинской Америки, 79% из них в 2017 г. представляли взрослое трудоспособное население (18–64 лет) [3].

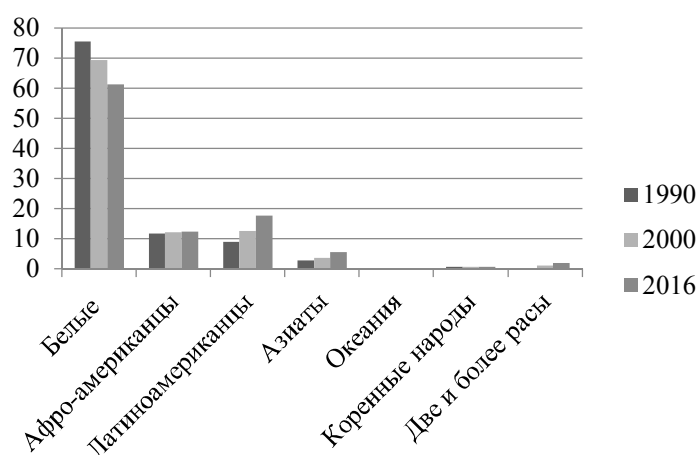

Рис. 1. Численность (% населения) этнических групп / рас в США, 1990–2016 гг.

Таблица 1

Количество мигрантов первого поколения в США, 1990–2017 гг.

Год	Количество мигрантов, млн чел.	Процент населения США, %
1990	20	7,9
2000	31	11,1
2017	44,5	13,7

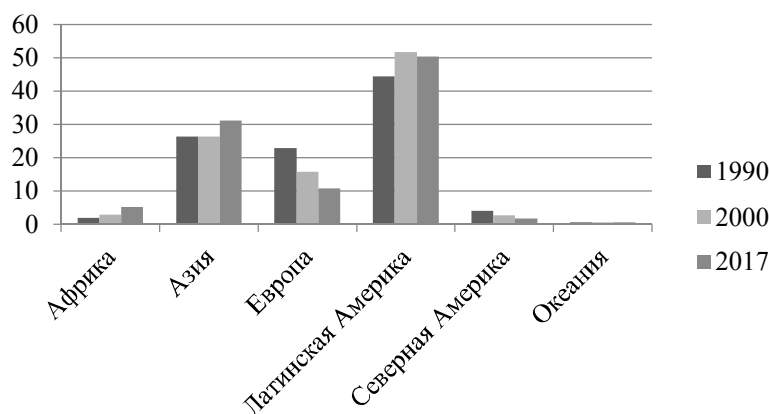

Рис. 2. Регионы происхождения мигрантов первого поколения в США (% от общего числа) в 1990–2017 гг.

При сравнении стран происхождения мигрантов и процента соответствующего населения видно, что рост численности азиатского и латиноамериканского населения происходил за счет миграции. Американцы африканского происхождения составляли небольшой процент миграционного потока, следовательно, большинство афроамериканцев в стране не являются мигрантами первого поколения.

В США впервые измерение грамотности как умения читать и писать было проведено в 1855 г. в Коннектикуте. Эти измерения были рестриктивной мерой для ограничения избирательного права неграмотных, позднее оценку грамотности стали применять для регулирования миграции в страну [4. Р. 239–240]. Следует отметить, что уровень базовой грамотности взрослых в США в XIX в. был высоким по сравнению со многими странами мира. В 1870 г. 80% населения считались грамотным. США достигли высшего уровня всеобщей грамотности в 99% населения к 1970 г. и удерживают этот показатель до сих пор [5].

В современной англоязычной литературе используется единый термин *literacy* для разных типов и уровней грамотности, однако сущность понятия эволюционировала одновременно с потребностями постиндустриального общества [6. С. 21]. Появились новые виды грамотности: финансовая, информационная, коммуникативная. Все, что выходит за рамки базовой грамотности, стали называть новой грамотностью или грамотностью для XXI в. Для взрослых наиболее важна как развитая функциональная грамотность, под которой понимают «совокупность знаний, умений, навыков, способов самостоятельной деятельности, связанной с процессом восприятия, преобразования информации, способностью решать типовые задачи в различных сферах жизнедеятельности...» [7. С. 37], так и комплекс компетенций, формирующийся в течение всей жизни, способствующий самореализации и выполняющий адаптивную и развивающую функции [7. С. 18].

Вопрос функциональной грамотности взрослых в США подробно изучался в американской науке. Шаран Мерриам выявила философские основы и этапы развития теории и практики образования для взрослых в США [8, 9]. Гарольд Бедер изучил причины низкой грамотности взрослых и низкой заинтересо-

ванности в обучении и предложил многоуровневую систему повышения образованности взрослых в США [10, 11]. Экономические преимущества повышения грамотности, заключил он, делятся на краткосрочные, служащие основанием для мотивации при обучении, и долгосрочные. К первым он отнес повышение доходов, самооценки, ко вторым – лучшее образование для детей, долголетие при вложении средств в оздоровление, конкурентоспособность при трудоустройстве, самоорганизацию рынка труда [12. Р. 77–79]. Эти цели повышения грамотности неизменно присутствуют во внутренней политике США.

Томас Стичт исследовал политику США по обучению взрослых, эффективность образовательных программ для различных сфер занятости и особенности тестирования грамотности взрослых [13, 14]. Он выделил факторы, оказавшие влияние на политику страны в отношении грамотности взрослых, которые актуальны и сегодня: 1) программы повышения грамотности – волонтерская помощь семьям, находящимся в сложном материальном положении; 2) обучение мигрантов языку и культуре США; 3) стремление к повышению грамотности в обществе как ресурсу развития человеческого капитала [15. Р. 6–7]. Большая доля зарубежных исследований датирована 1980–2019 гг. (М. Ноулз, Дж. Камингс, Дж. Бенземан, Дж. Мезироу, А. Левенсон, Дж. Брукс, Т. Горман, Дж. Харман, Д. Д’Амико, Л. Фитцпатрик), пик исследований пришелся на 1990-е и начало 2000-х гг.

Российская историография грамотности взрослых связана с развитием андрагогики и с исследованиями ученых Института образования взрослых Российской академии образования. В.И. Подобед, А.Е. Марон, Л.В. Резинкина рассматривают образование взрослых как ценность и инвестицию в человеческий капитал страны, описывают его особенности, преимущественно в отношении России [16–18]. С.Г. Вершовский изучает образование взрослых как систему постдипломного образования [19, 20]. Теорией образования для взрослых, его основами и управлением занимаются Е.И. Огарев, Е.П. Тонконогая, Г.С. Сухобская, Л.Г. Брылева, А.И. Жилина. Изучение образования и грамотности взрослых США ограничивается работами по социальной и экономической политике и истории страны, дающими общую картину по данной теме

(В.В. Согрин, В.И. Марцинкевич, В.Б. Супян) [21–23]. Ряд исследований посвящены рейтингам систем образования стран мира, включая США (М.Д. Берштадская, О.М. Карпенко, Ю.А. Вознесенская, В.С. Вахшайн) [24–26]. Непрерывное образование как система повышения грамотности взрослых в США описано Г.Д. Сорокоумовой [27]. Тем не менее сохраняется необходимость изучить современный уровень грамотности взрослых в США с учетом роста населения страны, изменения демографического состава и оценить эффективность образовательной политики в свете вызовов постиндустриального общества.

В данной статье для отбора и анализа статистических данных применялись метод кластерной (невероятностной) выборки, сравнительный и сопоставительный методы. При описании демографических характеристик США, законодательной базы, эволюции понятия «грамотность» и ее оценки использовались системный, исторический, сравнительно-исторический методы, для описания результатов тестирования – обобщение, анализ, индуктивный метод. При этом учитывались следующие черты американского общества. Во-первых, и для национальных, и для международных тестирований статистическая выборка участников была репрезентативной, полностью отражала демографические характеристики страны в соответствующий период, что дало возможность экстраполировать их результаты на население США. И наоборот, чтобы общенациональные показатели не привели к нивелированию прогресса в уровне грамотности отдельной группы тестируемых, анализировались результаты участников по этническому, расовому, возрастному, гендерному и другим критериям. Во-вторых, тестирование в США проводилось на английском языке, поэтому мигранты¹ могли столкнуться с трудностями при выполнении заданий вследствие низкого владения языком, а не отсутствия знаний по предмету тестирования. Это обстоятельство было выявлено Институтом по миграционной политике США, согласно которому 750 тыс. мигрантов были неграмотны на английском языке [28. Р. 6]. В ряде случаев использовались материалы для тестирования на испанском языке.

История американского образования взрослых с XVII в. характерна для большинства развитых стран: от вечерних и воскресных школ, лицейского движения XIX в. и курсов по элементарному освоению профессии до курсов с широкой образовательной программой, курсов, определяющихся экономическими потребностями местности или самих слушателей. По мнению Т. Стичт, для США особенности развития этой системы заключались в раннем появлении государственной финансовой поддержки и федеральном регулировании образования, что было вызвано необходимостью обучать солдат во время Войны за независимость. Кроме того, полиэтничность американского общества обусловила необходимость обучать (давать базовые знания) взрослых мигрантов для ускорения и облегчения их интеграции в американское общество, проводя так называемое американизированное обучение. Наряду с этим появилось значительное количество действующих

лиц в образовательном пространстве, обучающих взрослых в США, вследствие разницы сформулированных ими целей обучения взрослых. Великая депрессия и две мировые войны отодвинули на второй план проблему обучения взрослых как единую государственную политику. Возвращение к этому вопросу началось в 1960-е гг. в период построения «Великого общества» Л. Джонсона как компонент политики борьбы с бедностью [15. Р. 11–61].

По закону о грамотности взрослых № 89-698 (1966 г.) в каждом штате была создана система поддержки обучения взрослых, включавшая программы повышения грамотности и переподготовку преподавателей для них. В 1991 г. был принят закон о грамотности № 102-73, на основании которого для улучшения ситуации с грамотностью были созданы Национальный институт грамотности и Межведомственная комиссия по грамотности. Они разработали разветвленную систему обучения взрослых [29. Р. 650–655]. Грамотность взрослых как идея построения «нации студентов», когда взрослые продолжают обучение параллельно с трудовой деятельностью, была одной из целей национальной образовательной стратегии «Америка 2000», принятой в 1991 г. [30. Р. 19–20].

Амбициозной целью закона об образовании № 103-227 1994 г. стало достижение к началу XXI в. стопроцентной грамотности взрослых благодаря образовательным программам (государственным, частным, обучению на рабочем месте, профессиональной подготовке и подготовке технических кадров), организации деятельности библиотек, поддержке одаренных студентов и увеличению квот на поступление в вузы абитуриентов из числа этнических меньшинств [31]. В 1998 г. был принят закон № 105-220 об инвестициях в рабочую силу, вторая часть которого «Образование для взрослых и грамотность семьи» предполагала поддержку обучения взрослых с помощью мер, направленных на овладение английским языком, получение аттестата о среднем (полном) школьном образовании, приобретение навыков для трудоустройства (hard и soft skills), помощь детям в обучении [32]. Содержание программ 1991–1998 гг. было продиктовано новыми специальностями и навыками, необходимыми для развития в экономике страны инновационного сектора и роста сферы услуг.

Общими для названных законов были два аспекта: федеральное финансирование программ для взрослых (грантовый конкурс) и опора на местную инициативу. В системе получения грантов промежуточным звеном выступали органы образования штатов, которые передавали их для реализации программ организациям, «эффективно работающим» в сфере образования, – государственным или частным, коммерческим или некоммерческим [33]. Согласно отчету министерства образования, в 1996–2014 гг. размер федерального финансирования мер повышения грамотности взрослых удвоился (с 247 млн до 564 млн дол. в год). Однако данная сумма составила менее 10% средств, выделенных в тот же период на школьное образование, и менее 5% – на высшее, и активность штатов была различной. Максимальные суммы грантов на повышение грамотности взрослых получили Калифорния, Техас,

Нью-Йорк, Флорида, Иллинойс, Пенсильвания; минимальными воспользовались Вайоминг, Аляска, Монтана, Северная Дакота, Южная Дакота и Вермонт. Из неинкорпорированных организованных территорий США большая сумма грантовых средств была выделена Пуэрто-Рико [34]. Первая группа штатов с высокой плотностью населения и более высокими темпами притока мигрантов² наиболее остро ощущала проблему социально-экономической интеграции мигрантов, вследствие чего они реализовали больше программ обучения взрослых [35].

США известны своей любовью к тестам. Впервые они появились в системе образования страны в 1845 г. Несмотря на критику (искажение информации, затраты времени и финансов, проблемы сбора и интерпретации данных) современные тесты остаются популярным методом контроля уровня сформированности компетенций в США [36. Р. 5]. Тестирование с целью оценки уровня функциональной грамотности в США проводилось трижды. Такое тестирование, проведенное в 1985 г. только для молодежи в возрасте 21–25 лет, ознаменовало признание американским обществом высокой роли грамотности как характеристики человеческого капитала при переходе к экономике знаний. В данной статье его результаты не используются для анализа вследствие несовпадения методологии с более поздними национальными и международными тестированиями. Однако были приняты во внимание его выводы, представлявшие в тот период огромную ценность для образовательной политики США, которые, подтвердив отсутствие проблемы с уровнем базовой грамотности у молодежи, обострили вопрос функциональной неграмотности [37. Р. 4–5].

В 1992 и 2003 гг. были проведены еще два национальных тестирования функциональной грамотности взрослого населения страны в возрасте 16–

65 лет. Кроме того, страна участвовала в трех международных сравнительных тестированиях под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): в 1994–1998 гг. в исследовании грамотности взрослых IALS (International Adult Literacy Survey), в 2003–2008 гг. в исследовании грамотности и навыков самостоятельности взрослых ALL (Adult Literacy and Lifeskills Survey) и в 2012–2014 гг. в оценке компетенций взрослых PIAAC (Program for the International Assessment of Adult Competencies)³. Подтверждая тезис об изменении сущности новой грамотности, задания PIAAC имели целью определить уровень языковой и математической грамотности, развития навыков решения проблем, умений, необходимых для выполнения трудовой деятельности (работа с документами и использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)) [38]. Дальнейшее проведение национальных тестирований потеряло для США актуальность вследствие совпадения их методологии с международными и утверждения графика их регулярности.

По количеству участников национальные тестирования значительно превосходили международные. Дополнительно тестировали старшую возрастную группу 66–74 лет [39. Р. 1–6]. Оценочная шкала во всех тестах была от 0 до 500 баллов. Для классификации трудности заданий в тестах грамотности использовали уровневую систему компетенций. В национальных тестированиях грамотности выделяли четыре уровня: ниже элементарного уровня, низкий уровень, средний и продвинутый, в международных – 5 уровней [40]. Для компаративных целей принято объединять 4-й и 5-й уровни как самые высокие в один. Сравнение репрезентативности пяти тестирований представлено в табл. 2 [39. Р. 1; 41. Р. 111; 42. Р. 321; 43. Р. 10–11; 44. Р. 1].

Таблица 2

Количество участников тестирований грамотности в США в 1992–2014 гг.

Международные тестирования, гг.	Количество стран-участниц	Количество участников в США	Национальные тестирования (год)	Количество участников
1994–1998	22	3 053	1992	13 600
2003–2008	12	3 420		
2012–2014	33	5 010	2003	19 714

Интерпретация результатов национальных тестирований 1992 и 2003 гг. показала ряд общих и частных тенденций. Так, уровень математической грамотности взрослых в национальном масштабе вырос на 8 баллов, а показатели двух других видов грамотности не изменились (табл. 3). За 11 лет на 4% уменьшилось количество взрослых, которые могли справиться только с са-

мыми простыми заданиями по математике, и на 2% – количество взрослых, справившихся с наиболее простыми заданиями в работе с документами.

Также уменьшилось на 2% количество справившихся с заданиями самого высокого уровня в тестах языковой грамотности и в работе с документами [45. Р. 1–4].

Таблица 3

Результаты тестирования грамотности взрослых в США NALS и NAAL

Год тестирования / вид грамотности	Языковая грамотность	Математическая грамотность	Работа с документами
1992	276	275	271
2003	275	283	271

Данные Национального центра статистики в образовании Министерства образования США позволили

выявить важные различия в уровне грамотности взрослых разных этнических групп, которые оказа-

лись нивелированными при обобщении. Самым высоким уровнем грамотности как в 1992 г., так и в 2003 г. обладали белые американцы, их уровень языковой грамотности и умение работать с документами остались на высоком уровне, уровень математической грамотности повысился. Показатели азиатов существенно улучшились, они заняли второе место. На третьем месте располагались афроамериканцы со значительно более высокими показателями по трем видам грамотности в 2003 г., чем раньше, так как увеличилось количество тестируемых, которые справились с заданиями первого–третьего уровней. Однако только 2% афроамериканцев выполнили задания четвертого уровня в 2003 г., это количество намного ниже, чем у белых американцев и американцев азиатского происхождения (16,3% и 12,3% соответственно). Ниже всех оказалась грамотность взрослых латиноамериканского происхождения: 44% тестируемых выполнили только задания первого уровня в тесте языковой грамотности, 50% – в тесте математической грамотности, 36% – в работе с документами. Однако 4–5% латиноамериканцев выполнили задания самого высокого уровня, обойдя по этому показателю афроамериканцев [45. Р. 8–10]. Уровень грамотности взрослых мигрантов в 1992 г. был на 74 балла ниже (по сумме трех видов грамотности), чем у родившихся в США взрослых [46. Р. 11].

Чтобы установить, что имело большее влияние на уровень грамотности взрослых определенной этнической группы / расы, были сопоставлены стартовые позиции – образование мигрантов и граждан, родившихся в США. Количество взрослых, имеющих высшее образование в США, удвоилось и достигло 64% к 2014 г. [47], помимо прочего, благодаря иммиграционной политике США (закон об иммиграции 1990 г.), отдающей приоритет специалистам со способностями к науке (профессора), с образованием (степень магистра и бакалавра), с ценными навыками в бизнесе, спорте, искусстве [48. С. 5]. Доля мигрантов с высшим образованием выросла с 3,1 до 10,5 млн человек. Рост во многом был достигнут за счет мигрантов из Азии (46% имели степень), Европы и Северной Америки (28%). Только 17% мигрантов из Латинской Америки имели высшее образование. Кроме того, индикатор наличия высшего образо-

вания использовался, потому что тестирование для получения гражданства не может быть приравнено к тестированию грамотности, так как включает в себя краткое собеседование о биографии кандидата и выполнение теста на знание основных исторических событий и государственной системы страны и базового английского [49]. Образовательный уровень рожденных в США граждан кардинально отличался от уровня мигрантов: 85% белых, 8% афроамериканцев и 5% латиноамериканцев имели высшее образование. Поэтому, учитывая незначительную миграцию из Африки и Океании, можно сделать вывод, что низкий уровень грамотности латиноамериканцев и повышение уровня грамотности афроамериканцев зависели не столько от миграционных тенденций в американском социуме, сколько от уровня образованности представителей этих этнических групп, являющихся гражданами США по рождению.

Пять процентов взрослых не смогли пройти тестирование в 2003 г. [45. Р. 4], так как не владели языком тестирования. Экстраполяция этого количества взрослых на численность населения США в 2003 г. и вывод о том, что 11 млн американцев неграмотны (Кутцнер, Гринберг, Баер), представляются не вполне корректными, так как тестирование проходили только взрослые жители, число которых в 2003 г. составляло 66,5 млн чел., следовательно, 3,3 млн взрослых можно было считать неграмотными [50].

Результаты международных тестирований ОЭСР продемонстрировали ухудшение языковой и математической грамотности взрослых США в 1994–2014 гг. по сравнению со средним уровнем стран-участниц и более ранними собственными результатами (табл. 4). При этом средний уровень языковой грамотности в мире устойчиво рос, а показатели США упали. Даже при том, что уровень математической грамотности в мире за 20 лет снизился, в США падение было значительно более резким. Показатель умения решать задачи с помощью ИКТ измерялся только в тестировании PIAAC, но уровень США был значительно ниже среднего. Единственный увеличившийся показатель у взрослых в США – грамотность в работе с документами – пошел вразрез с международной тенденцией снижения умения работать с документами [41. Р. 135–136; 51. Р. 5–17].

Таблица 4

Результаты тестирования грамотности взрослых в США IALS, ALL и PIAAC и средний балл стран-участниц

Годы тестирования / вид грамотности	Языковая грамотность (ср. балл)	Математическая грамотность (ср. балл)	Работа с документами (ср. балл)	Решение задач с применением ИКТ (ср. балл)
1994–1998	274 (265)	275 (273)	268 (268)	–
2003–2008	269 (266)	261 (269)	270 (265)	–
2012–2014	271 (273)	257 (269)	–	274 (283)

Данные по грамотности этнических групп США доступны только по международному тестированию PIAAC 2012–2014 гг. для возрастной группы 16–34 лет (табл. 5). Высокие результаты белых американцев и азиатов компенсировали низкие показатели латино- и афроамериканцев [51. Р. 17].

Подводя итог, можно прийти к заключению, что законодательная база США по вопросу повышения грамотности взрослых развивалась с 1960-х гг., получив дополнительный импульс в 1990-е гг. вследствие увеличения темпов миграции в страну и изменения квалификационных требований рынка труда, выразившихся в формулировке нового понятия

грамотности. Проведение в 1985 г. национального тестирования грамотности молодежи страны под-

твердило низкий уровень ее функциональной грамотности.

Таблица 5

Результаты тестирования участников PIAAC (16–34 г.) по этническим группам⁴, %

Уровень сложность заданий	Белые американцы	Латиноамериканцы	Афроамериканцы	Другие	Общий средний балл
Ниже 1	1,5	9,5	8,5	3,5	4
1	9	25	29,5	7,5	15
2	31,5	38,5	40,5	32,5	34,5
3	40,5	23	18,5	36,5	33,5
4–5	17,5	4	2,5	15	12,5

Федеральное министерство образования разработало программы грантовой поддержки местных образовательных инициатив в данной сфере, увеличивая бюджет отрасли соразмерно потребностям штатов – реципиентов грантов. Эффективность данных мер измерялась посредством тестирований репрезентативной группы взрослых в 1992 и 2003 гг. Набирающие обороты международные тенденции в системе образования (гуманитаризация, унификация систем обучения и оценки, крупные международные проекты сотрудничества, образование в течение всей жизни, инновационные подходы) привели к появлению диагностических тестирований грамотности в странах мира под эгидой ОЭСР, их постоянным участником стали США.

Приняв участие в пяти тестированиях грамотности взрослых в 1992–2014 гг., США продемонстрировали довольно средние показатели грамотности по сравнению с другими странами мира и значительные различия в уровне грамотности взрослых внутри страны, несмотря на политическую заинтересованность, законодательную поддержку и финансирование. Более того, анализ результатов позволил выявить противоречия в информации об уровне грамотности в США, доступной широкой аудитории американцев. Согласно национальным данным уровень математической грамотности вырос, а по результатам международных исследований – значительно снизился. Международные тестирования подтвердили тенденцию ухудшения языковой грамотности взрослых, обнаруженную на национальных тестированиях. Но этот темп падения оказался значительно более резким, чем демонстрировали последние. Причины данного положения, как показало сопоставление результатов тестирования отдельных этнических групп, кроются в разном

уровне грамотности, владения английским языком, образования, полученного как в США, так и в другой стране. Самый высокий уровень всех видов грамотности (выше среднего по стране) продемонстрировали белые американцы, что вместе с растущим уровнем грамотности азиатов и афроамериканцев позволило США оставаться в середине списка стран ОЭСР. Изначально низкий уровень грамотности латиноамериканцев в начале 2000-х гг. среди национальных меньшинств США сдерживал рост показателей грамотности, продемонстрированный США в мировых рейтингах. «Грамотность в работе с документами» – единственный показатель, который остался стабильным на протяжении данного периода исследований национальных тестирований. По результатам международных тестирований он вырос по отношению к более ранним тестированиям и к постепенно снижающемуся среднему баллу стран-участниц.

Сказанное позволяет предположить, что для повышения грамотности взрослых в США как важного элемента совершенствования социально-экономической политики страны необходимо разрабатывать программы в соответствии с потребностями отдельных этнических групп и возрастов. Такие программы должны быть обязательными для реализации штатами и сообществами, имеющими их в своем составе. Для сферы образования взрослых возможно заимствование из среднего образования системы ответственности за качество реализации таких программ и выделение дополнительного финансирования штатам, испытывающим наибольшую нагрузку в связи с ростом их населения. Это позволит США в 2021–2022 гг. улучшить свои показатели грамотности взрослых на следующем международном тестировании PIAAC.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ненатурализованные мигранты проходили тестирование, так как являются частью демографического портрета страны.

² В 1990 г. в шт. Техас 9% населения – мигранты, в 2010 г. – 16%, в 1990 г. в шт. Монтана – 1,7% населения, в 2010 г. – 2%.

³ В США программа PIAAC называется Международное исследование навыков взрослых (International Survey of Adult Skills (ISAS)).

⁴ Этнические группы расположены в таблице в порядке уменьшения их численности в этом возрасте согласно статистике населения США. «Другие» – участники азиатского происхождения как третье по численности этническое меньшинство, иногда совместно с коренным населением США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировая миграция в цифрах. Совместный доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ) и ОЭСР, 2013. 7 с. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/RUSSIAN.pdf> (дата обращения: 23.08.2018).
2. Digest of Education Statistics. Table 101.20. Estimates of resident population, by race/ethnicity and age group: Selected years, 1980 through 2016. NCES. URL: https://nces.ed.gov/ipeds/data/digest/d16/tables/dt16_101.20.asp?referer=raceindicators (дата обращения: 08.07.2019).
3. Migration Policy Institute. United States. Demographics and Social. URL: <https://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/demographics/US> (дата обращения: 08.07.2019).

4. Lane S.R., Pritzker S. Political Social Work: Using Power to Create Social Change. Springer International Publishing, 2018. P. 239–240.
5. Literacy rates. Adult total. Compendium of statistics on illiteracy. URL: www.hbs.edu/businesshistory/Lists/.../31/literacy.xls (дата обращения: 11.07.2019).
6. Захарова Н.В. Национальные образовательные программы повышения грамотности в США, первая половина 1990-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. № 1. С. 17–28.
7. Фролова П.И. Формирование функциональной грамотности как основа развития учебно-познавательной компетентности студентов технического вуза в процессе изучения гуманитарных дисциплин. Омск : СибА-ДИ, 2012. 196 с.
8. Elias J.L., Merriam S.B. Philosophical Foundations of Adult Education. Krieger Pub Co, 2004. 286 p.
9. Merriam S.B., Bierema L.L. Adult Learning: Linking Theory and Practice. Jossey-Bass, 2013. 320 p.
10. Beder H. Reasons for Nonparticipation in Adult Basic Education // Adult Education Quarterly. 1990. № 40 (4). P. 207–218.
11. Beder H. The Infrastructure of Adult Literacy Education: Implications for Policy. USA: National Center on Adult Literacy, University of Pennsylvania, 1996. 20 p.
12. Beder H. The Outcomes and Impacts of Adult Literacy Education in the United States // National Center for the Study of Adult Learning and Literacy, Harvard Graduate School of Education. 1999. № 6. P. 77–79.
13. Sticht T.G. Adult Literacy Education // Review of Research in Education. 1988. Vol. 15. P. 59–96.
14. Sticht T.G. Adult Education for Social Justice & Workforce Development. 2017. 40 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/320110314_Adult_Education_for_Social_Justice_Workforce_Development (дата обращения: 20.05.2019.).
15. Sticht T. The Rise of the Adult Education and Literacy System in the United States: 1600–2000 // Review of Adult Learning and Literacy. 2002. Vol. 3. 87 p.
16. Подобед В.И., Горшкова В.В. Государственно-общественная ценность образования взрослых как социокультурного института // Человек и образование. 2010. № 1 (22). С. 45–50.
17. Современные адаптивные системы образования взрослых : сб. тр. / сост.: В.И. Подобед, А.Е. Марон, Н.В. Василенко. СПб. : ИОВ РАО, 2002. 152 с.
18. Марон А.Е., Резинкина Л.В. Взрослый в новом обществе и проблемы его саморазвития в условиях непрерывного продуктивного образования // Человек и образование. 2017. № 1 (50). С. 21–25.
19. Вершловский С.Г. Система образования взрослых как объект прогнозирования // Человек и образование. 2006. № 8–9. С. 54–59.
20. Вершловский С.Г. Постдипломное образование: вызовы времени // Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. 2012. № 1–2 (18–19). С. 25–30.
21. Согрин В.В. Исторический опыт США. М. : Наука, 2010. 581 с.
22. Марцинкевич В.И. Образование в США: экономическое значение и эффективность. М. : Наука, 1967. 198 с.
23. Супян В.Б. Наука и образование в США: главные приоритеты развития в «экономике знаний» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 6. С. 23–34.
24. Карпенко О.М., Бершадская М.Д. Высшее образование в странах мира: анализ данных образовательной статистики и глобальных рейтингов в сфере образования. М. : Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2009. 243 с.
25. Карпенко О.М., Бершадская М.Д., Вознесенская Ю.А. Показатели уровня образования населения в странах мира: анализ данных международной статистики // Социология образования. 2008. № 6. С. 4–20.
26. Вахштайн В.С. После модернизации. Кросс-национальный обзор систем высшего образования: особенности атлантической модели // Ученый совет. 2014. № 1. С. 56–68.
27. Сорокоумова Г.Д. Развитие системы непрерывного образования в США : дис. ... канд. пед. наук. М., 1993. 230 с.
28. McHugh M., Gelatt J., Fix M. Adult English Language Instruction in the United States: Determining Need and Investing Wisely // USA: Washington D.C., Migration Policy Institute. 2007. 24 p. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/adult-english-language-instruction-united-states-determining-need-and-investing-wisely> (дата обращения: 02.07.2018).
29. Snyder T.D., de Brey C., Dillow S.A. Digest of Education Statistics 2016. Washington D C: U.S. Department of Education, NCES 2017-094, 2018. 919 p.
30. America 2000: An Education Strategy. Washington, DC: Department of Education, 1991. 81 p.
31. Goals 2000: Educate America Act. URL: <https://www2.ed.gov/legislation/GOALS2000/TheAct/sec102.html> (дата обращения: 29.08.2018).
32. Workforce Investment Act. Public Law 105-220. 07.09.1998. P. 125-128. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-105publ220/pdf/PLAW-105publ220.pdf> (дата обращения: 27.08.2018).
33. Applicant Information. Adult Education – Basic Grants to States. Office of Career, Technical and Adult Education. URL: <https://www2.ed.gov/programs/adultbasic/applicant.html> (дата обращения: 11.01.2019).
34. Funding Status. Adult Education – Basic Grants to States. Office of Career, Technical and Adult Education. URL: <https://www2.ed.gov/programs/adultbasic/funding.html> (дата обращения: 27.08.2018).
35. Immigrant Population by State, 1990–Present. USA: Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-population-state-1990-present?width=1000&height=850&iframe=true> (дата обращения: 11.07.2019).
36. Hutt E., Schneider J. A History of Achievement Testing in the United States Or: Explaining the Persistence of Inadequacy // Teachers College Record. 32 p. URL: https://www.holycross.edu/sites/default/files/educ/a_history_of_achievement_testing.pdf (дата обращения: 15.07.2019).
37. Kirsch I., Jungeblut A. Literacy: Profiles of America's Young Adults. USA: Princeton, Educational Testing Service, 1986. 68 p. URL: https://www.ets.org/Media/Research/pdf/LITERACY_PROFILES.pdf (дата обращения: 11.07.2019).
38. The Survey of Adult Skills. URL: <http://www.oecd.org/skills/piaac/aboutpiaac.htm> (дата обращения: 12.07.2019).
39. Technical Report and Data File User's Manual for the 1992 National Adult Literacy Survey, NCES 2001–457 / I. Kirsch, K. Yamamoto, N. Norris [et al.]. Washington, DC : U.S. Department of Education. NCES, 2001. 386 p.
40. National Assessment of Adult Literacy. Demographics. Overall. URL: https://nces.ed.gov/naal/kf_demographics.asp (дата обращения: 12.07.2019).
41. Literacy in the Information Age. Final Report of the International Adult Literacy Survey / N. Darcovich, A. Hasan, S. Jones [et al.]. OECD : Paris, 2000. 185 p.
42. Learning a Living / Y. Clermont, R. Desjardins, U. Dhawan-Biswal [et al.]. OECD; Ottawa; Paris, 2005. 332 p.
43. Greenberg E., Jin Y. 2003 National Assessment of Adult Literacy: Public-Use Data File User's Guide (NCES 2007-464). U.S. Department of Education. Washington, DC : NCES, 2007. 16 p.
44. Country Note. Survey of Adult Skills First Results. OECD. 14 p. URL: <https://www.oecd.org/skills/piaac/Country%20note%20-%20United%20States.pdf> (дата обращения: 23.05.2019).
45. Kutzner M., Greenberg E., Baer J. A First Look at the Literacy of America's Adults in the 21st Century. Washington D C: U.S. Department of Education, Institute of Education Sciences, NCES. 2006–470, 2006. 28 p.
46. Sum A., Kirsh I., Yamamoto K. A Human Capital Concern: The Literacy Proficiency of U.S. Immigrants. Policy Information Report. USA: Policy Information Center, ETS, 2004. 60 p. URL: <https://www.ets.org/Media/Research/pdf/PICHUMAN.pdf> (дата обращения: 08.07.2019).
47. Zong J., Batalova J. College-Educated Immigrants in the United States. USA: Migration Policy Institute. 2016. February 3. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/college-educated-immigrants-united-states#English%20Proficiency%20and%20Education> (дата обращения: 10.07.2019).

48. Апанович М.Ю., Пареньков Д.А. Этноконфессиональный лоббизм в США на современном этапе (2000–2017 гг.): на примере влияния ирландско-католических групп интересов на миграционную политику. 8 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/2017/10/apanovich-parenkov.pdf> (дата обращения: 10.07.2019).
49. English and Civics Testing. US Citizenship and Immigration Services. URL: <https://www.uscis.gov/policy-manual/volume-12-part-e-chapter-2> (дата обращения: 10.07.2019).
50. Adult Population. USA. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.1564.TO.ZS?locations=US&view=chart> (дата обращения: 24.05.2019).
51. Skills of U.S. Unemployed, Young, and Older Adults in Sharper Focus: Results From the Program for the International Assessment of Adult Competencies (PIAAC) 2012/2014: First Look (NCES 2016–039rev) / B. Rampey, R. Finnegan, M. Goodman [et al.] Washington, DC: U.S. Department of Education, NCES, 2016. 25 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2020 г.

Adult Literacy in the USA, 1992–2014: Results of National and International Assessments

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 144–152.

DOI: 10.17223/15617793/458/18

Nataliya V. Zakharova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zakharova_n@mail.ru

Keywords: adult literacy; literacy assessment; adult competencies.

The article aims at revealing the change of adult (functional) literacy in the USA and defining the role played by general (country's population growth, the system of adult education, and its funding) and specific (age, ethnicity, and race) factors. The research is based on the results of national and international assessments of the level of adult literacy in 1992–2014. The following methods were applied for the research: generalization, system, deductive, inductive, and comparative, as well as the historical method and cluster selection for analyzing statistics. The author outlined the concept of functional literacy and described demographic features of the USA on the basis of migration statistics and the ethnic and racial portrait of the country's population. The author reviewed the American and Russian historiography of adult literacy. A brief history and the current state of the US system of adult education and the corresponding legislation were presented. The study provided data on how the system of adult education was financed and what the initial level of education of migrants and the US migrant policy and testing were. The results of national and international assessments of adult literacy in 1992–2014 were analyzed and compared by literacy types on the national scale and among ethnic groups/races in the USA. The author concluded that the USA had not met the challenge of modern literacy connected not only with rather average assessments of its level in comparison with other countries of the world, but also with significant differences in the level of adult literacy within the country, despite political interest in improving this socioeconomic index, the legislative support which was embodied in setting up the system of adult education based on regional demands, and its annually growing budget. Besides, contradictions in the information (the results of the international assessments were lower than those presented in analytical reports within the country) on adult literacy in the USA available to most Americans were revealed. Trends of the change of literacy levels shown by representatives of various ethnic groups were defined. White Americans demonstrated the highest level of all types of literacy (above the country's average). Together with the growing level of literacy of Asians and African-Americans, it allowed the USA to remain in the middle of the list of the tested countries of the OECD. The initially low indicators of literacy of Latin Americans and their having become the largest ethnic minority in the USA by the 2000s affected the growth of the country's literacy in the world rankings negatively. Document literacy was the only indicator which remained stable throughout this period by the results of national surveys. By the results of the international ones, it even rose both compared to the earlier assessments and to the gradually decreasing average world level.

REFERENCES

1. DESA & OECD. (2013) *Mirovaya migratsiya v tsifrakh. Sovmestnyy doklad Departamenta po ekonomicheskim i sotsial'nym voprosam OON (DESA) i OESR* [World Migration in Numbers. Joint Report of the United Nations Department of Economic and Social Affairs (DESA) and OECD]. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/els/mig/RUSSIAN.pdf>. (Accessed: 23.08.2018).
2. NCES. (2016) *Digest of Education Statistics. Table 101.20. Estimates of resident population, by race/ethnicity and age group: Selected years, 1980 through 2016*. [Online] Available from: https://nces.ed.gov/ipeds/data/digest/d16/tables/dt16_101.20.asp?referer=raceindicators. (Accessed: 08.07.2019).
3. Migration Policy Institute. (2019) *United States. Demographics & Social*. [Online] Available from: <https://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/demographics/US>. (Accessed: 08.07.2019).
4. Lane, S.R. & Pritzker, S. (2018) *Political Social Work: Using Power to Create Social Change*. Springer International Publishing. pp. 239–240.
5. HBS. (2010) *Literacy rates. Adult total. Compendium of statistics on illiteracy*. [Online] Available from: https://www.hbs.edu/businesshistory/courses/resources/historical-data-visualization/Pages/details.aspx?data_id=3. (Accessed: 11.07.2019).
6. Zakharova, N.V. (2018) US national programs to increase literacy in the early 1990s. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 1. pp. 17–28. (In Russian).
7. Frolova, P.I. (2012) *Formirovanie funktsional'noy gramotnosti kak osnova razvitiya uchebno-poznavatel'noy kompetentnosti studentov tekhnicheskogo vuza v protsesse izucheniya gumanitarnykh distsiplin* [Formation of Functional Literacy as the Basis for the Development of Educational and Cognitive Competence of Students of a Technical University in Studying the Humanities]. Omsk: SibA-DI.
8. Elias, J.L. & Merriam, S.B. (2004) *Philosophical Foundations of Adult Education*. Krieger Pub Co.
9. Merriam, S.B. & Bierema, L.L. (2013) *Adult Learning: Linking Theory and Practice*. Jossey-Bass.
10. Beder, H. (1990) Reasons for Nonparticipation in Adult Basic Education. *Adult Education Quarterly*. 40 (4). pp. 207–218.
11. Beder, H. (1996) *The Infrastructure of Adult Literacy Education: Implications for Policy*. USA: National Center on Adult Literacy, University of Pennsylvania.
12. Beder, H. (1999) The Outcomes and Impacts of Adult Literacy Education in the United States. *NCSALL Reports* #6. pp. 77–79.
13. Sticht, T.G. (1988) Adult Literacy Education. *Review of Research in Education*. 15. pp. 59–96.
14. Sticht, T.G. (2017) *Adult Education for Social Justice & Workforce Development*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/320110314_Adult_Education_for_Social_Justice_Workforce_Development. (Accessed: 20.05.2019).
15. Sticht, T. (2002) The Rise of the Adult Education and Literacy System in the United States: 1600–2000. *Review of Adult Learning and Literacy*. 3.
16. Podobed, V.I. & Gorshkova, V.V. (2010) Public values of adult education as a sociocultural institution. *Chelovek i obrazovanie – Man and Education*. 1 (22). pp. 45–50. (In Russian).

17. Podobed, V.I., Maron, A.E. & Vasilenko, N.V. (2002) *Sovremennye adaptivnye sistemy obrazovaniya vzroslykh* [Modern Adaptive Adult Education Systems]. Saint Petersburg: Institute of Adult Education of the Russian Academy of Education.
18. Maron, A.E. & Rezinkina, L.V. (2017) Adult in the new society and problems of his self-development in conditions of lifelong productive education. *Chelovek i obrazovanie – Man and Education*. 1 (50). pp. 21–25. (In Russian).
19. Vershlovskiy, S.G. (2006) The system of adult education as an object of forecasting. *Chelovek i obrazovanie – Man and Education*. 8–9. pp. 54–59. (In Russian).
20. Vershlovskiy, S.G. (2012) Postgraduate Education: Challenges of the Time. *Akademicheskii vestnik. Vestnik Sankt-Peterburgskoy akademii post-diplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 1–2 (18–19). pp. 25–30. (In Russian).
21. Sogrin, V.V. (2010) *Istoricheskiy opyt SshA* [Historical Experience of the USA]. Moscow: Nauka.
22. Martsinkevich, V.I. (1967) *Obrazovanie v SShA: ekonomicheskoe znachenie i effektivnost'* [Education in the USA: Economic Importance and Efficiency]. Moscow: Nauka.
23. Supyan, V.B. (2008) Nauka i obrazovanie v SShA: glavnye priority razvitiya v “ekonomike znaniy” [Science and education in the USA: The main development priorities in the “knowledge economy”]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 6. pp. 23–34.
24. Karpenko, O.M. & Bershadskaya, M.D. (2009) *Vysshee obrazovanie v stranakh mira: analiz dannykh obrazovatel'noy statistiki i global'nykh reytingov v sfere obrazovaniya* [Higher Education in the Countries of the World: Analysis of Educational Statistics and Global Rankings in the Field of Education]. Moscow: Izd-vo Sovremennogo gumanitarnogo un-ta.
25. Karpenko, O.M., Bershadskaya, M.D. & Voznesenskaya, Yu.A. (2008) Pokazateli urovnya obrazovaniya naseleniya v stranakh mira: analiz dannykh mezhnatsionalnoy statistiki [Indicators of the level of education of the population in the countries of the world: Analysis of international statistics]. *Sotsiologiya obrazovaniya*. 6. pp. 4–20.
26. Vakhshayn, V.S. (2014) Posle modernizatsii. Kross-natsional'nyy obzor sistem vysshego obrazovaniya: osobennosti atlanticheskoy modeli [After modernization. Cross-national review of higher education systems: Features of the Atlantic model]. *Uchenyy sovet – Academic Council*. 1. pp. 56–68.
27. Sorokoumova, G.D. (1993) *Razvitie sistemy nepreryvnogo obrazovaniya v SshA* [Development of the Continuous Education System in the United States]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
28. McHugh, M., Gelatt, J. & Fix, M. (2007) *Adult English Language Instruction in the United States: Determining Need and Investing Wisely*. USA: Washington D.C., Migration Policy Institute. [Online] Available from: <https://www.migrationpolicy.org/research/adult-english-language-instruction-united-states-determining-need-and-investing-wisely>. (Accessed: 02.07.2018).
29. Snyder, T.D., de Brey, C. & Dillow, S.A. (2018) *Digest of Education Statistics 2016*. Washington D C: U.S. Department of Education, NCES 2017-094.
30. US Department of Education. (1991) *America 2000: An Education Strategy*. Washington, DC: Department of Education.
31. US. (2000) *Goals 2000: Educate America Act*. [Online] Available from: <https://www2.ed.gov/legislation/GOALS2000/TheAct/sec102.html>. (Accessed: 29.08.2018).
32. US. (1998) *Workforce Investment Act. Public Law 105-220*. 07.09.1998. pp. 125–128. [Online] Available from: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-105publ220/pdf/PLAW-105publ220.pdf>. (Accessed: 27.08.2018).
33. Office of Career, Technical and Adult Education. (2019) *Applicant Information. Adult Education – Basic Grants to States*. [Online] Available from: <https://www2.ed.gov/programs/adultedbasic/applicant.html>. (Accessed: 11.01.2019).
34. Office of Career, Technical and Adult Education. (2018) *Funding Status. Adult Education – Basic Grants to States*. [Online] Available from: <https://www2.ed.gov/programs/adultedbasic/funding.html>. (Accessed: 27.08.2018).
35. Migration Policy Institute. (2019) *Immigrant Population by State, 1990–Present*. USA: Migration Policy Institute. [Online] Available from: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-population-state-1990-present?width=1000&height=850&iframe=true>. (Accessed: 11.07.2019).
36. Hutt, E. & Schneider, J. (2017) *A History of Achievement Testing in the United States Or: Explaining the Persistence of Inadequacy*. Teachers College Record. [Online] Available from: https://www.holycross.edu/sites/default/files/educ/a_history_of_achievement_testing.pdf. (Accessed: 15.07.2019).
37. Kirsch, I. & Jungeblut, A. (1986) *Literacy: Profiles of America's Young Adults*. USA: Princeton, Educational Testing Service. [Online] Available from: https://www.ets.org/Media/Research/pdf/LITERACY_PROFILES.pdf. (Accessed: 11.07.2019).
38. OECD. (2019) *The Survey of Adult Skills*. [Online] Available from: <http://www.oecd.org/skills/piaac/aboutpiaac.htm>. (Accessed: 12.07.2019).
39. Kirsch, I. et al. (2001) *Technical Report and Data File User's Manual for the 1992 National Adult Literacy Survey, NCES 2001-457*. Washington, DC: U.S. Department of Education. NCES.
40. NCES. (2019) *National Assessment of Adult Literacy. Demographics. Overall*. [Online] Available from: https://nces.ed.gov/naal/kf_demographics.asp. (Accessed: 12.07.2019).
41. Darovich, N. et al. (2000) *Literacy in the Information Age. Final Report of the International Adult Literacy Survey*. OECD: Paris.
42. Clermont, Y. et al. (2005) *Learning a Living*. OECD; Ottawa; Paris.
43. Greenberg, E. & Jin, Y. (2007) *2003 National Assessment of Adult Literacy: Public-Use Data File User's Guide (NCES 2007-464)*. U.S. Department of Education. Washington, DC: NCES.
44. OECD. (2019) *Country Note. Survey of Adult Skills First Results*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/skills/piaac/Country%20note%20-%20United%20States.pdf>. (Accessed: 23.05.2019).
45. Kutzner, M., Greenberg, E. & Baer, J. (2006) *A First Look at the Literacy of America's Adults in the 21st Century*. Washington D C: U.S. Department of Education, Institute of Education Sciences, NCES.
46. Sum, A., Kirsh, I. & Yamamoto, K. (2004) *A Human Capital Concern: The Literacy Proficiency of U.S. Immigrants. Policy Information Report*. USA: Policy Information Center, ETS. [Online] Available from: <https://www.ets.org/Media/Research/pdf/PICHUMAN.pdf>. (Accessed: 08.07.2019).
47. Zong, J. & Batalova, J. (2016) *College-Educated Immigrants in the United States*. USA: Migration Policy Institute. February 3. [Online] Available from: <https://www.migrationpolicy.org/article/college-educated-immigrants-united-states#English%20Proficiency%20and%20Education>. (Accessed: 10.07.2019).
48. Apanovich, M.Yu. & Paren'kov, D.A. (2017) *Etnokonfessional'nyy lobbizm v SShA na sovremennom etape (2000–2017 gg.): na primere vliyaniya irlandsko-katolicheskikh grupp interesov na migratsionnyu politiku* [Ethno-Confessional Lobbying in the US at the Present Stage (2000–2017): On the Example of the Influence of Irish-Catholic Interest Groups on Migration Policy]. [Online] Available from: <https://mgimo.ru/upload/2017/10/apanovich-parenkov.pdf>. (Accessed: 10.07.2019).
49. US Citizenship and Immigration Services. (2019) *English and Civics Testing*. [Online] Available from: <https://www.uscis.gov/policy-manual/volume-12-part-e-chapter-2>. (Accessed: 10.07.2019).
50. World Bank. (2019) *Adult Population. USA*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.1564.TO.ZS?locations=US&view=chart>. (Accessed: 24.05.2019).
51. Rampey, B. et al. (2016) *Skills of U.S. Unemployed, Young, and Older Adults in Sharper Focus: Results From the Program for the International Assessment of Adult Competencies (PIAAC) 2012/2014: First Look (NCES 2016-039rev)*. Washington, DC: U.S. Department of Education, NCES.

Received: 15 March 2020

С.А. Миронюк

КОНТРОЛЬ НАД ТРАНССИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ КАК МОТИВ УЧАСТИЯ БРИТАНИИ В СОЮЗНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В СИБИРИ В 1917–1919 гг. И ЕЕ РОЛЬ В ЭТОЙ ОПЕРАЦИИ (НА ОСНОВЕ МЕМОРАНДУМА ДЖ.Н. КЕРЗОНА «СИБИРЬ» ОТ 20 ДЕКАБРЯ 1919 г.)

Исследуется участие Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в контексте решения задачи обеспечения контроля над Транссибирской железной дорогой совместно с США и Японией. Рассматриваются мотивы и роль участия Британии в этой операции, включая их специфику. Работа написана на основе ранее неиспользовавшегося в отечественной историографии меморандума государственного секретаря по иностранным делам Дж.Н. Керзона «Сибирь» (20 декабря 1919 г.), краткое описание которого также дается в статье.

Ключевые слова: интервенция; Сибирь; Транссибирская железная дорога; Британия; Керзон; США; Япония.

Сущность, причины и формы военной интервенции стран Антанты и их союзников в Россию до настоящего времени не исследованы комплексно. Во многом это связано с тем, что каждая страна-участница, помимо общих декларированных целей, сводившихся к необходимости противостояния Германии в условиях войны, имела собственные мотивы для участия в интервенции. «Все страны Антанты и их союзники действовали исходя из собственных побуждений» [1. С. 8], их политика на территории бывшей Российской империи часто являлась конфликтной и требовала как предварительного, так и ситуативного согласования и до начала интервенции, и в ее процессе. Как отмечал командующий американского экспедиционного корпуса в Сибири У. Грейвс, сразу после прибытия на Дальний Восток он понял, что будет втянут в политические игры, поскольку «каждый шаг американских представителей, как гражданских, так и военных, на Дальнем Востоке подается так, чтобы получить политический выигрыш. Это было справедливо и в отношении русских, и в отношении практически всех союзников» [2. С. 49]. Однако несколько сильных игроков не могут одновременно получить выигрыш «на одном поле». Посредником и активным переговорщиком по согласованию политики и действий стран-участниц при подготовке и в ходе интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири стала Британия, хотя эти регионы изначально не входили в зону ее влияния [3]. Однако, используя свой политический статус и опыт, эта страна активно работала как с США, так и Японией, чтобы интервенция на данном направлении все же состоялась, и Британия, не привлекая значительного количества своих солдат, могла бы стать одним из ее бенефициаров.

Если заинтересованность Японии и США в интервенции на Дальний Восток и в Сибирь вполне объяснима, то в случае с Британией это не так очевидно, хотя она и «взяла на себя лидерство во вмешательстве Запада в российские дела» [4. С. 220]. Каковы же были мотивы активного участия британского правительства в интервенции на этом направлении и его роль в проведении этой операции?

Многие аспекты британской политики того периода в отношении России «трудно подтвердить документами без полного доступа к протоколам заседаний Кабинета министров и различных ведомственных и межведом-

ственных комитетов, которые касались России...» [5. Р. 83]. Действительно, все существенное, что касалось интервенции, включая ее подготовку, согласование интересов союзников, начало, ход и завершение в различных регионах России, последовательно и широко отражено в официальных документах, хранящихся в Национальном архиве Соединенного Королевства. Это сотни документов различного происхождения, формата и значимости. Привлечение их к исследованиям в рамках различных тем, связанных с интервенцией и другими смежными вопросами, требует большой работы по отбору многочисленных взаимодополняющих документов британских ведомств с учетом их репрезентативности для последующего обобщения и достоверного воссоздания событий. Исключение составляет незначительное количество документов (в основном меморандумы), в которых уже присутствуют анализ и обобщения по конкретным направлениям деятельности Военного кабинета министров и компетентных ведомств. Один из таких редких документов – меморандум «Сибирь» государственного секретаря по иностранным делам в период 1919–1924 гг. Дж.Н. Керзона, датированный 20 декабря 1919 г. (первый лист прилагается – рис. 1) [6]. В меморандуме, в частности, представлена точка зрения автора на мотивы участия и роль Британии в интервенции на этом направлении, прослеживается связь интервенции, геополитики и британских интересов, которые в процессе изложения логично связываются железнодорожными ветками и узлами. Для наглядности Керзон приводит в своей работе карту части территории России, на которой написано «Сибирь» и отмечена Транссибирская дорога (рис. 2).

Цель настоящей работы – обосновать в качестве мотива участия Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири ее стремление контролировать Транссибирскую железную дорогу, а также показать ее роль в интервенции на этом направлении. Эта цель достигается путем предварительного рассмотрения геополитических подходов Керзона к восточной политике Британии в целом; описания положений меморандума, касающихся значения Транссиба для союзной интервенции и восточной политики Британии; анализа содержащихся в документе фактических данных об участии Японии, США и Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири и роли Британии в ней.

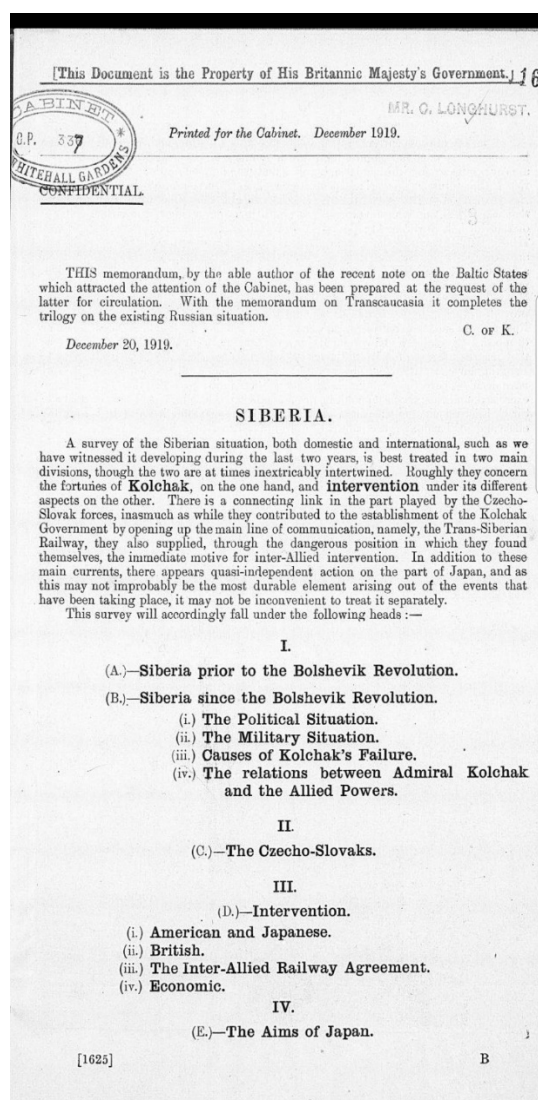

Рис. 1. Первый лист меморандума Сибирь

Существует обширная историография об интервенции в России, однако она значительно сужается в контексте темы о мотивах участия Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири и ее роли в этой операции. Среди исследований, затрагивающих в той или иной мере упомянутые вопросы, следует выделить работы П. Флеминга, Н.Е. Быстровой, Р. Ульмана, Ф.Д. Волкова и А.И. Уткина [1; 4–5; 7–8]. Вместе с тем данная проблематика рассматривалась упомянутыми авторами в рамках собственных тем, а не как самостоятельное направление исследований, что не позволило охватить ее подробно и комплексно. Источниковую базу настоящей статьи помимо меморандума Керзона составляют протоколы заседаний британского Военного кабинета министров [9–12], а также источники личного происхождения: воспоминания У. Грейвса, начальника британского экспедиционного отряда на востоке России Дж. Уорда, члена правительства А.В. Колчака Г.К. Гинса, генерал-квартирмейстера при Колчаке М.А. Иностранцева, дневники члена Уфимской дирекции В.Г. Болдырева и военного министра правительства Колчака А.П. Будберга [2; 13–17].

В работе использованы сравнительный и нарративный методы исследования. Первый — позволил сравнить меморандум «Сибирь» с другими документами из Национального архива и выявить его аналитический, обобщающий характер. Поскольку ряд привлеченных документов, включая меморандум Керзона «Сибирь», ранее не исследовались и не описаны, в статье широко использован нарративный метод.

Меморандум носит отпечаток высокой профессиональной квалификации автора как востоковеда и одновременно демонстрирует ограниченность его взгляда на политику в отношении России, в основном с точки зрения британских интересов. Еще до занятия поста государственного секретаря по иностранным делам Керзон был известной в британских властных кругах личностью со сложившимися взглядами на лидерство и доминирование Соединенного Королевства в мире, а также признанным специалистом в области восточной политики, к которой он в широком охвате относил и политику в отношении России. Этому способствовало путешествие Керзона в Закавказье и Среднюю Азию в 1888–1889 гг. Целью путешествия было изучение военного и иного значения Среднеази-

атской железной дороги, в том числе для обороны Индии [18. С. 110]. Под впечатлением этой поездки вышли в свет его книга «Россия в Средней Азии в 1889 году и англо-русский вопрос» (1889 г.) и статья «Индия меж двух огней» (1893 г.) [19. С. 121]. Он считал Россию сильным геополитическим соперником Британии. Ссылаясь на английского историка Дж. Гренвила, советский исследователь Н.А. Халфин отмечал, что Керзон отстаивал воинственную наступательную политику в Тибете, Персии и Афганистане именно потому, что были опасения «видеть эти государства попавшими в руки России...», и в этой связи требовал утвердить над ними британское господство [19. С. 125]. Закрепление и усиление этих убеждений произошло во время работы в должности вице-короля Индии в 1898–1905 гг. Предметом особой озабоченности для него были вопросы, связанные с железными дорогами: «Керзон с настороженностью упоминал о возможности прокладки путей от основной линии

Закаспийской железной дороги к иранской и афганской границам, целесообразность же для Англии соединения железнодорожных систем Индии и Азиатской России категорически отвергал...» [18. С. 114]. Он также опасался возможности строительства Россией железных дорог к Персидскому заливу. Как видно из приведенных примеров, глобальное развитие железнодорожного транспорта вызывало у Керзона очевидный интерес с точки зрения возможных приобретений или ущерба для Британии. В марте 1918 г. Керзон стал председателем Восточного комитета. С января фактически, а с октября 1919 г. официально возглавил внешнеполитическое ведомство. Страх экспансии России не оставлял его и в этот период. На посту государственного секретаря по иностранным делам, в частности, он активно поддерживал идею создания системы лимитрофных государств [20. С. 282]. Ему принадлежит авторство пресловутой «ноты Керзона» [7. С. 119].

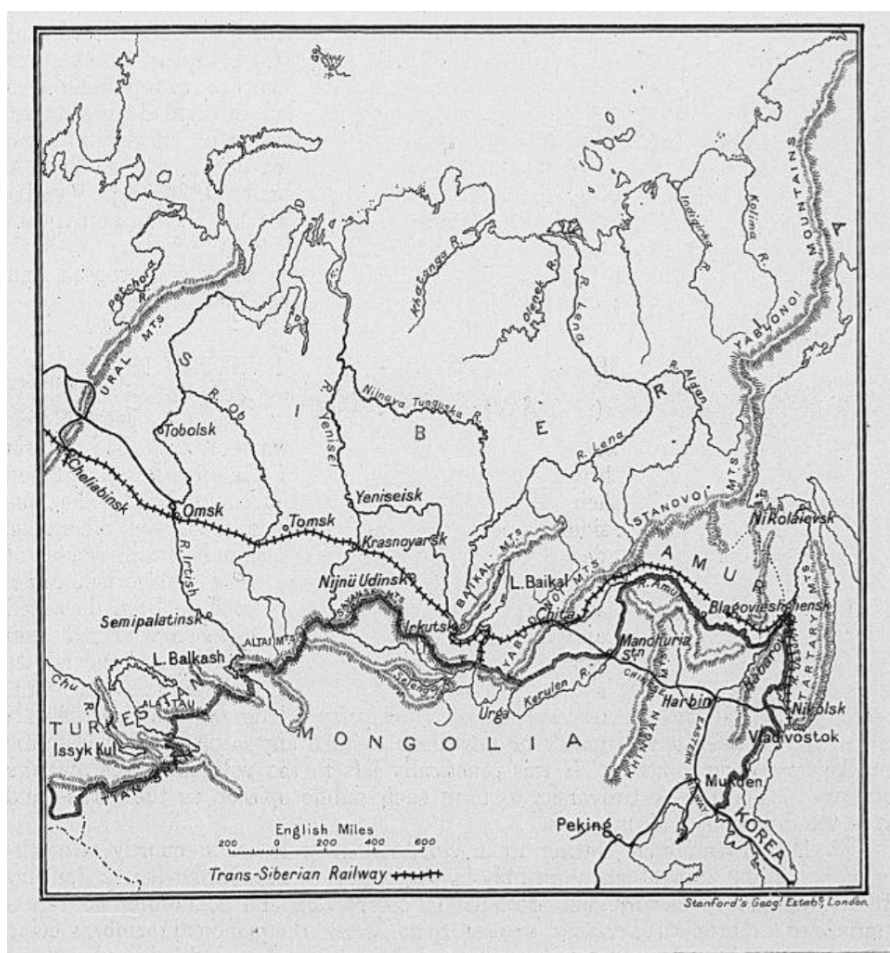

Рис. 2. Карта Сибири

Меморандум «Сибирь» был написан в период завершения союзной интервенции на фоне побед Красной Армии в Гражданской войне и приближающегося окончания Парижской мирной конференции. В этих условиях перед каждой из стран Антанты стояла задача формирования собственной публичной политики в отношении РСФСР на основе национальных приоритетов. Меморандум «Сибирь» был подготовлен по

поручению Кабинета министров и вместе с меморандумами по балтийским государствам и Закавказью является частью (заключительной) трилогии о текущей ситуации в России. По существу, документ представляет собой обзор ситуации в регионе на дату написания и сопровождается как ретроспективным, так и перспективным взглядами на нее, а в ряде случаев – анализом важных эпизодов ее развития.

Меморандум объемом 25 страниц машинописного текста состоит из четырех частей. Первая – ситуация в Сибири до большевистской революции; ситуация в Сибири после большевистской революции: политический и военный аспекты, причины провала Колчака, отношения между Колчаком и союзными державами. Вторая – чехословаки в регионе. Третья – интервенция: участие в ней американцев, японцев и британцев, Межсоюзническое железнодорожное соглашение, экономика. Четвертая – цели Японии.

Начало интервенции в меморандуме связывается с опасным положением, в котором оказался Чехословацкий корпус после того, как взял под контроль Транссибирскую железную дорогу, что и стало, по мнению Керзона, «непосредственным мотивом для межсоюзнической интервенции» [6. Р. 164]. Однако это утверждение неоднозначно. Структура и содержание документа свидетельствуют о том, что вопрос об интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири выходил далеко за пределы вопроса о помощи Чехословацкому корпусу и был намного шире и многограннее. Керзон отмечает, что в британском правительстве политику интервенции в Восточной Сибири с применением военной силы, особенно японской, начали обсуждать в декабре 1917 г. Первоначально ее причиной называлась необходимость защиты иностранцев и складов военного имущества во Владивостоке. Позже к этой аргументации добавились необходимость предотвратить захват Германией продовольствия из Сибири и Украины и, наконец, надежда на восстановление Восточного фронта против Германии, которая «...никогда не исчезала окончательно» [6. Р. 169–170].

Осуществление таких планов и надежд требовало установления и прочного удержания контроля над инфраструктурой региона. В протоколе заседания Военного кабинета министров от 6 декабря 1917 г. упомянут проект плана оккупации Владивостока и контроля над Сибирской железной дорогой, который было рекомендовано направить на рассмотрение в Имперский генеральный штаб [9. Р. 233]. На следующий день в ходе правительственного заседания начальник Имперского генерального штаба Г. Вильсон предложил: «Японцев и, возможно, американцев следует попросить направить войска во Владивосток <...> и позже при необходимости установить контроль над Транссибирской железной дорогой и сообщение с югом России» [10. Р. 236]. На заседании Кабинета 24 января 1918 г. приняты решения: сделать все возможное для открытия сообщения с юго-востоком России и Владивостоком посредством Транссибирской магистрали; призвать японцев взять ее под свой контроль от Челябинска до Владивостока; направить телеграммы в Вашингтон и Париж, подробно разъясняя причины принятия этого решения и побуждая американское и французское правительства поддержать эту политику [11. Р. 197]. В этом же меморандуме отмечается, что контроль над железнодорожными путями в Сибири был важным фактором политических и военных событий последних двух лет и «настолько жизненно необходимым для успеха интервенции союзников, что исследование ситуации было бы неполным без некоторого учета этого фактора» [6. Р. 172].

«Учету этого фактора» в меморандуме уделяется не некоторое, а повышенное внимание, особенно Межсоюзническому железнодорожному соглашению, включая острые противоречия при его заключении и исполнении между Японией, которая пыталась диктовать свои условия, считая себя главной силой, и США, которые были с этим не согласны. Хотя свою интервенцию Япония предваряла декларированием бескорыстия, уважения территориальной целостности России, заверений в дружеских чувствах к России и ее народу, тем не менее «...эгоистическая и обструкционистская позиция японцев сразу же стала очевидной» [6. Р. 175]. Первой акцией японских военных после прибытия во Владивосток и Хабаровск был незаконный захват многих дорогостоящих общественных и частных зданий без каких-либо согласований с местными властями, что, как отмечается в меморандуме, можно охарактеризовать «...как поведение народа, имеющего намерение аннексировать то, что они оккупировали» [6. Р. 175]. Тем не менее британцы были готовы согласиться, что японцы оккупируют «небольшую часть Восточной Сибири» [1. С. 49].

Американцы, однако, которые изначально были против участия Японии во вторжении на Дальний Восток и в Сибирь в любой форме [6. Р. 170], «...вовсе не желали континентального закрепления их тихоокеанского соперника. Президент Вильсон видел во всем этом откровенный дележ русского наследства» [8. С. 445]. В конце концов роль США в Сибири свелась в основном к контролю за действиями Японии. В результате «Америка и Япония расположились в шахматном порядке на территории дальневосточных линий, а все протяжение дороги от Омска до Байкала заняли чехи» [14. С. 277].

Хотя Чехословацкий корпус получал материальную помощь от Антанты, нельзя сказать, что интервенция внесла значительный вклад в успешный вывод легиона из Сибири. Транспортные корабли с последними частями Чехословацкого легиона отплыли из Владивостока только 30 ноября 1920 г., т.е. спустя более чем два года после того, как было решено «срочно» оказать им помощь [1. С. 243].

Позиция Британии также, как и позиции Японии и США, исходила не только из союзнических, но и собственных исключительных интересов. В контроле над Транссибом британцы видели, например, возможность «...перекрыть любое немецкое наступление в Туркестане, опасное для Индии» [6. Р. 170], поэтому и были согласны «компенсировать усилия Японии», которая «...вполне воспользовалась всеми промахами Америки в свою пользу; в результате она заставила смотреть на себя, как на самую значительную силу на Дальнем Востоке» [13. С. 222]. Не имея возможностей самостоятельно обеспечить контроль над инфраструктурой региона, Британия продолжала лавировать между интересами партнеров. На заседании Военного кабинета 6 сентября 1918 г. У. Черчилль подчеркивал: «...мы ни при каких обстоятельствах не должны допустить утраты союзниками контроля над Транссибирской железной дорогой» [12. Р. 100]. Его позиция вполне понятна с учетом того, какие огромные усилия были предприняты Британией, чтобы интервенция на

Дальнем Востоке и в Сибири состоялась, контроль над Транссибом, полученный чехами, был удержан, и Транссибирская магистраль прочно находилась бы под контролем (оккупацией) союзников и была бы для них постоянно доступна.

В чем же заключалась роль Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири? Сам Керзон однозначно констатирует, что Британия стала «основной политической движущей силой, приведшей к интервенции союзников в Сибирь» [6. Р. 171]. Это полностью подтверждается анализом других документов Национального архива Соединенного Королевства, из которых следует, что переговоры и переписка по организации и согласованию этой интервенции интенсивно проводились британцами с использованием возможностей Форин офиса, Имперского генерального штаба, разведки, а также Верховного военного совета Антанты одновременно по нескольким направлениям с различными странами, особенно Японией и США [21].

Однако на момент начала операции численность британских военных, задействованных на Дальнем Востоке и в Сибири, составляла всего 3,5 тыс., оставаясь в дальнейшем примерно на этом же уровне, и уступала численности военных США и Японии – 7 и 12,5 тыс. соответственно [6. Р. 171]. Именно по этой причине участие Британии в операции продолжало оставаться преимущественно политическим. В меморандуме отмечается, что значимость политического участия и роли Британии в операции были подчеркнуты назначением 21 августа 1918 г. Ч. Элиота британским Верховным комиссаром в Омске. Определенные полномочия имел и генерал А. Нокс, прибывший во Владивосток 5 сентября 1918 г. В его обязанности входило решение как политических, так и некоторых практических задач: налаживать взаимодействие между военным министерством и верховным командованием союзных экспедиционных сил; докладывать о военных операциях; оказывать помощь японскому верховному командованию; организовывать российские добровольческие силы; распределять снаряжение и припасы для российских войск, предоставленные британским правительством. В ведении Нокса находились также вопросы, связанные с военными поставками из-за рубежа для армии и унификацией союзной помощи в организации и обучении войск в тылу [6. Р. 171]. Красочное описание того, как проводилась эта работа, оставил генерал Будберг: «29 июля. Состоялось совместное заседание министров правительства и высоких союзных комиссаров по вопросу разверстки между союзниками оказываемой нам материальной помощи <...> мы сидели в очень жалком положении бедных родственников персидской категории, ожидающих решения своей участи» [17. С. 617]. На этом заседании Нокс высказался очень резко, что омскому правительству не стоит помогать, так как большая часть оказываемой материальной помощи становится достоянием красных.

Еще одним направлением деятельности британцев было открытие военных школ. Такая школа была открыта на о. Русский для подготовки русских офицеров. В ней обучалось 650 молодых офицеров и

850 унтер-офицеров [6. Р. 171]. Эта военная школа, «превосходно оборудованная технически и материально, имевшая свой клуб, отлично поставленный спорт, свои лавки, снабженные необходимыми предметами, и пр.», просуществовала почти пять лет и прекратила свое существование, не оказав никакого влияния на то дело, в интересах которого создавалась [16. С. 101]. Кроме того, обучение военных проводилось в Томске (400 офицеров) и Иркутске [6. Р. 171]. Томская военная школа также была прекрасным учебным заведением, «ничуть не уступавшим военным училищам мирного времени...» [15. С. 841].

В декабре 1918 г. британское правительство решило предоставить материальную помощь Колчаку: оборудование, одежду, основное артиллерийско-техническое имущество, а также другое оружие для использования сибирскими армиями. Однако в августе 1919 г. оно отменило это решение «отчасти ввиду критического положения Колчака, отчасти по соображениям экономии и невозможности взвалить на свои плечи все союзнические обязательства в России и решило полностью сосредоточиться на помощи Деникину» [6. Р. 172]. В правительстве Колчака такое развитие событий предчувствовали. Так, вернувшись с упоминавшегося заседания 29 июля 1919 г., Будберг заключил: «С нами все беседуют и нас шупают, а через полтора месяца зима, и у нас нет ничего суконого <...> и теперь близко к тому, чтобы очутиться в самом скверном положении» [17. С. 618]. Так и произошло. Поставки, ранее подготовленные для отгрузки в Сибирь, были перенаправлены А.И. Деникину. Однако это не означало утраты интереса к положению в регионе, и было решено, что представительство и функции британского Верховного комиссара следует сохранить без изменений [6. Р. 172].

Как следует из британских официальных документов, в том числе меморандума «Сибирь», обеспечение союзного контроля над Транссибирской железной дорогой и пути решения этой задачи были постоянно в центре внимания британского Военного кабинета министров, начиная с этапа планирования и заканчивая практическим осуществлением интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири.

Исследовав ранее неиспользованный в отечественной историографии меморандум Керзона «Сибирь» в контексте мотивов участия и роли Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917–1919 гг., можно заключить следующее. Политика интервенции, проводившаяся Британией на Дальнем Востоке и в Сибири, вписывалась как в схему решения задач противостояния Германии в военное время, как их декларировали союзники, так и схему обеспечения геополитических интересов восточной политики Британии, как их понимали британское правительство и сам Керзон. При этом важнейшим элементом этой политики была возможность контроля над глобально значимой инфраструктурой, к элементам которой относился и Транссиб.

Стремление обеспечить возможность контроля над этой дорогой стало весомым мотивом участия Британии в интервенции на востоке России. При этом роль Британии в ходе интервенции на этом направлении

носила преимущественно политический, а не непосредственно военный характер.

Меморандум «Сибирь» был подготовлен в преддверии окончания Парижской мирной конференции. Небезынтересно мнение Керзона по поводу будущей политики в отношении России: «Интервенция не имела успеха, на который надеялись; и когда страны альянса встретятся для обсуждения российской пробле-

мы, они будут находиться в растерянности: следует ли продолжить или отбросить политику интервенции» [6. Р. 164]. Как показало развитие событий, вопрос был решен победами Красной Армии и протестным движением в странах Антанты. В конечном итоге союзникам пришлось преодолеть «растерянность» (если она была), учесть эти факторы и вывести войска из России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М. : ЗАО Центрполиграф, 2006. 252 с.
2. Грейвс У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920. Воспоминания командующего экспедиционным корпусом / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М. : ЗАО Центрполиграф, 2018. 287 с.
3. Terms of the Convention agreed at Paris dated 23rd December, 1917 // The National Archives (NA). CAB 24/69. Original Reference GT 6201–6300, 1918 1 Aug – 15 Nov. P. 219.
4. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М. : Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитар. инициатив, 2016. 368 с.
5. Ullman R.H. Anglo-soviet relations. 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton; New Jersey : Princeton University Press, 1961. XII, 360 p.
6. С.Р. 337. Siberia. Memo by Lord Curzon // NA. CAB 24/95. Original Reference CP 301–400, 1919 10 Oct – 1920 15 Jan. P. 164–176.
7. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. : Мысль, 1980. 462 с.
8. Уткин А.И. Первая мировая война. М. : Культурная революция, 2013. 560 с.
9. War Cabinet, 293. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 232–234.
10. War Cabinet, 294. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 235–237.
11. War Cabinet, 330A. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB. 23/13. Original Reference WC 37A–360A, 1917 18 Jan – 1918 6 Mar. P. 192–197.
12. War Cabinet, 470. Minutes of a Meeting // NA. CAB 23/7. Original Reference WC 438–479, 1918 1 Jul – 27 Sep. P. 100–101.
13. Уорд Дж. Записки начальника английского экспедиционного отряда в Сибири 1918–1919 гг. М. : Вече, 2018. 256 с.
14. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : Айрис-пресс, 2013. 672 с.
15. Адмирал Колчак и его катастрофа. Воспоминания недавнего прошлого // Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина; сост., вступ. ст., коммент. А.В. Ганина. М. : Кучково поле; Изд. центр «Воевода», 2017. С. 707–870.
16. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенция. М. : Центрполиграф, 2017. 735 с.
17. Будберг А.П. Дневник. 1917–1919. М. : Захаров, 2016. 816 с.
18. Халфин Н.А. Дж.Н. Керзон в российской Средней Азии // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 106–115.
19. Халфин Н.А. Лорд Керзон – идеолог и политик британского империализма // Новая и новейшая история. 1983. № 1. С. 120–140.
20. Виноградов К.Б., Бузыкина Н.К. Лорд Керзон. Рекорды тщеславия // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века : сб. ст. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. С. 259–291.
21. Миронюк С.А. Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 52–62. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29289 (дата обращения: 28.06.2019).

Статья представлена научной редакцией «История» 10 июля 2019 г.

The Control Over the Trans-Siberian Railway as a Motive for Britain's Participation in an Allied Intervention in the Far East and Siberia in 1917–1919 and Its Role in the Operation (Based on the Memorandum “Siberia” by George Nathaniel Curzon (December 20, 1919))

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 153–159.

DOI: 10.17223/15617793/458/19

Sergei A. Mironyuk, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: privet-sergey95@mail.ru

Keywords: intervention; Siberia; Trans-Siberian Railway; Britain; Curzon; USA; Japan.

The article deals with the problem of control provision over the Trans-Siberian Railway as a motive for Britain's participation in an Allied intervention in the Far East and Siberia and evaluates its role in this operation. The work is based on the facts and judgments contained in the memorandum “Siberia” by George Nathaniel Curzon, the Secretary of State for Foreign Affairs, dated December 20, 1919. The memorandum has not been previously described and researched in the domestic historiography. Besides the text of the memorandum, the source base includes the minutes of the meetings of the British War Cabinet, the memories of W. Graves, the commander of the American expeditionary force, and of J. Ward, the chief of the British expeditionary detachment, and some other sources of personal origin. Works by N.E. Bystrova, F.D. Volkova, R. Ullman, A.I. Utkin, N.A. Halfin and other researchers were also used. The main research methods were comparative and narrative. The comparative method made it possible to compare the memorandum with some other documents from the National Archives of the United Kingdom, as well as with the sources of personal origin important for the research topic, and confirm its analytical, resumptive nature. Since some of the documents, including the memorandum “Siberia”, have not been previously investigated and described in the domestic historiography, the narrative method was widely used in the study. First, the author examines the main issues: Curzon's approaches to the Eastern policy of Britain; Russia's place in the British Eastern policy; control over globally important railways as an element of Britain's Eastern policy. Then the author reviews the provisions of the memorandum relating to the Trans-Siberian Railway and the motives for Britain's participation in the intervention in the Far East and Siberia, as well as the data on the participation of the United States, Japan, and Britain in the operation, and, on this basis, investigates the specificity, forms of participation and role of Britain in the interven-

tion in these regions. The author concludes that, in fact, Britain became the main political driving force that led to the Allied intervention in the Far East and Siberia. The active position of Britain regarding the intervention in the Far East and Siberia was based on the tasks to oppose Germany during the war and at the same time to form and maintain Britain's long-term Eastern policy under the new conditions. The control over the Trans-Siberian Railway could be an effective instrument to overcome these challenges. A possibility to participate in the allied control over the Trans-Siberian Railway was a weighty motive for Britain to intervene in Eastern Russia. Its role in the operation was political and pragmatic.

REFERENCES

1. Fleming, P. (2006) *Sud'ba admirala Kolchaka. 1917–1920* [The fate of Admiral Kolchak. 1917–1920]. Translated from English by L.A. Igorevskiy. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
2. Graves, W. (2018) *Amerikanskaya interventsia v Sibiri. 1918–1920. Vospominaniya komanduyushchego ekspeditsionnogo korpusa* [America's Siberian Adventure: 1918–1920]. Translated from English L.A. Igorevskogo. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
3. The National Archives (NA). CAB 24/69. Original Reference GT 6201–6300, 1918 1 Aug – 15 Nov. P. 219. *Terms of the Convention agreed at Paris dated 23rd December, 1917.*
4. Bystrova, N.E. (2016) *“Russkiy vopros” v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy* [“Russian question” in 1917 – Early 1920: Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow: Institute of Russian History, RAS; Tsentr gumanit. initsiativ.
5. Ullman, R.H. (1961) *Anglo-soviet relations. 1917–1921: in 3 vol.* Vol. 1. Princeton; New Jersey: Princeton University Press.
6. NA. CAB 24/95. Original Reference CP 301–400, 1919 10 Oct – 1920 15 Jan. P. 164–176. C.P. 337. *Siberia. Memo by Lord Curzon.*
7. Volkov, F.D. (1980) *Tayny Uaytkholla i Dauning-strit* [Secrets of Whitehall and Downing Street]. Moscow: Mysl'.
8. Utkin, A.I. (2013) *Pervaya mirovaya voyna* [World War I]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
9. NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 232–234. *War Cabinet, 293. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.*
10. NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 235–237. *War Cabinet, 294. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.*
11. NA. CAB. 23/13. Original Reference WC 37A–360A, 1917 18 Jan – 1918 6 Mar. P. 192–197. *War Cabinet, 330A. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.*
12. NA. CAB 23/7. Original Reference WC 438–479, 1918 1 Jul – 27 Sep. P. 100–101. *War Cabinet, 470. Minutes of a Meeting.*
13. Ward, J. (2018) *Zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada v Sibiri 1918–1919 gg.* [Notes of the Chief of the British Expeditionary Force in Siberia 1918–1919]. Moscow: Veche.
14. Gins, G.K. (2013) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920* [Siberia, Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: Ayriss-press.
15. Inostrantsev, M.A. (2017) Admiral Kolchak i ego katastrofa. Vospominaniya nedavnego proshlogo [Admiral Kolchak and his disaster. Memories of the recent past]. In: Ganin, A.V. (ed.) *Vospominaniya. Konets imperii, revolyutsiya i nachalo bol'shevizma* [Memories. The End of the Empire, Revolution and the Beginning of Bolshevism]. Moscow: Kuchkovo pole; Izd. tsentr “Voevoda”. pp. 707–870.
16. Boldyrev, V.G. (2017) *Direktoriya. Kolchak. Interventy* [Directory. Kolchak. Interventions]. Moscow: Tsentrpoligraf.
17. Budberg, A.P. (2016) *Dnevnik. 1917–1919* [A Diary. 1917–1919]. Moscow: Zakharov.
18. Khalfin, N.A. (1988) Dzh.N. Kerzon v rossiyskoy Sredney Azii [G.N. Curzon in Russian Central Asia]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 106–115.
19. Khalfin, N.A. (1983) Lord Kerzon – ideolog i politik britanskogo imperializma [Lord Curzon, the ideologist and politician of British imperialism]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 120–140.
20. Vinogradov, K.B. & Buzykina, N.K. (2002) Lord Kerzon. Rekordy tshcheslaviya [Lord Curzon. Vanity records]. In: Vinogradov, K.B. (ed.) *Monarkhi, ministry, diplomaty XIX – nachala XX veka* [Monarchs, Ministers, Diplomats of the 19th – Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 259–291.
21. Mironyuk, S.A. (2019) Rol' Voennogo Kabineta ministrov Britanii v organizatsii interventsii na Dal'niy Vostok i v Sibir': soglasovanie usloviy vtorzheniya s SSHA, Yaponiei i sovetским pravitel'stvom v dekabre 1917 – avguste 1918 gg. (po materialam Natsional'nogo arkhiva Soedinnogo Korolevstva) [The role of the British Cabinet of War in organizing the intervention in the Far East and Siberia: negotiating the terms of the invasion with the United States, Japan and the Soviet government in December 1917 – August 1918. (Based on materials from the National Archives of the United Kingdom)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 52–62. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29289. (Accessed: 28.06.2019). DOI: 10.25136/2409-868X.2019.2.29289

Received: 10 July 2019

Т.В. Сарычева

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЧАСТИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДЕ ТРУДЯЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1930-е гг.).

Приводятся сведения об организации физкультурной работы среди рабоче-крестьянской молодежи Западной Сибири в период индустриализации и коллективизации (1930-е гг.), материально-техническом и кадровом обеспечении сферы физической культуры. Характеризуется участие советов физической культуры, комсомола и профсоюзов в расширении физкультурного движения. Рассматривается организация физкультурно-массовых мероприятий и шефство городских физкультурных организаций над сельскими.

Ключевые слова: физическая культура; трудящаяся молодежь; индустриализация; коллективизация; Западная Сибирь.

Бурные экономические преобразования (индустриализация, пятилетнее планирование, коллективизация), активно проводимые в СССР в 1930-х гг., позволили превратить страну в крупную промышленную державу. Однако успехи государства были достигнуты за счет колоссального напряжения физических и моральных сил граждан. Форсированное наращивание промышленного потенциала требовало повышения уровня функциональных возможностей, здоровья и производительности труда населения. Привлечение рабочей молодежи к физкультуре в те годы имело утилитарное значение: «Физкультурник более здоров и вынослив, и перевыполняет производственный план» [1. Л. 29].

Для усиления государственного руководства и контроля за всей работой по физической культуре и спорту в стране в 1930 г. постановлением ЦИК СССР был учрежден Всесоюзный совет физической культуры (ВСФК). Увеличению массовости физкультурного движения способствовал переход от клубно-территориального построения физкультурных организаций к производственному. Взамен кружков стали создаваться трудовые физкультурные звенья, бригады, цеха, академические группы, курсы [2. С. 21].

Первичным звеном, осуществлявшим деятельность на производстве, являлась ячейка физической культуры, организованная при каждом цехе, мастерской, забое, шахте. Во главе ячейки до 10 человек находился групповой организатор, при численности более 10 человек – бюро. Перед ячейками физкультуры стояли конкретные задачи выполнения производственных планов и помощи социальному сектору деревни. Также в рамках их деятельности реализовывалась идейно-воспитательная работа, решались политические и общественные задачи. Физическая культура на производстве стала одним из средств приобщения рабочей молодежи к советской культуре и формирования личности советского трудящегося. Наиболее целесообразными формами физкультурной работы на производстве были признаны производственные зарядки и физкультурные минутки [3. С. 193].

Существенное влияние на расширение физкультурного движения трудящихся оказала активность профсоюзов и комсомола. В марте 1930 г. Всероссийский центральный совет профессиональных союзов провел месячник проверки участия физкультур-

ников в движении ударников. Комсомольские организации, по предложению ЦК ВЛКСМ, также участвовали в этом мероприятии, осуществляя не только проверку деятельности подведомственных физкультурных организаций, но и создание бригад физкультурников. На основе приобретенного опыта предполагалась перестройка деятельности всех физкультурных организаций. Физкультурная работа, которую планировалось направить на выполнение решений ЦК ВКП(б) (о роли и задачах советской физической культуры в деле социалистического строительства), была включена в социалистическое соревнование. Местные организации комсомола и профсоюзов должны были осуществлять свои мероприятия в тесном контакте. Освещение вопросов о роли и участии физкультурников в ударном движении возлагалось на комсомольскую печать [3. С. 193].

В Западной Сибири соцсоревнование между физкультурными организациями, ставшее средством повышения физкультурной активности и производительности труда, было введено с 1930 г. Подобным примером стал договор между физкультурными организациями Новосибирского и Омского округов [4. Л. 19].

Вопросы перестройки деятельности ведомств в области физической культуры в соответствии с конкретными экономическими задачами рассматривались на III пленуме Западно-Сибирского краевого совета физической культуры (ЗСКСФК) в декабре 1930 г. Отсталый аграрный Сибирский край, по мнению пленума, предполагалось превратить в индустриально-аграрный и культурный, а локомотивами этой работы должны были стать физкультурники. Особое значение в этот период для сибирских физкультурников из рабочей среды получило выполнение производственных показателей. Они активно включались в соцсоревнование, ударничество, субботники, бригадами направлялись на уборочные и хлебозаготовительные работы, участвовали в агитпоходах, рабочих спартакиадах, агитпробегах. При всех производствах, шахтах, учреждениях, колхозах планировалось создание сети физкультурных ячеек. Ближайшими задачами для физкультурников-сибиряков были: строительство Урало-Кузнецкого комбината, выполнение планов развития производственных сил других отраслей промышленности, в том числе сельского хозяйства. Между тем на

пленуме констатировалось, что физкультурное движение в Сибири еще не стало организованным, а охват физкультурой рабочих и трудящихся сельского хозяйства был крайне неудовлетворительным. Физкультурные организации медленно перестраивались на производственный принцип [5. С. 3].

Решения пленума были направлены на реализацию задач, стоявших перед сферой физической культуры того времени: экономических (быстрейшее выполнение задач социалистического строительства, повышение производительности труда); политических (организация физкультурных масс вокруг генеральной линии партии на борьбу с классовым врагом); культурных (борьба за всестороннее развитие трудящихся, особенно молодежи); военных (максимальное повышение и развитие навыков военной подготовки трудящихся) [5. С. 3].

Началось воплощение в жизнь лозунга «Каждый физкультурник – ударник, каждый ударник – физкультурник». Весной 1931 г. уральские трудящиеся призвали физкультурников СССР принять активное участие в строительстве Второй угольной базы на Востоке СССР (Урало-Кузбасского комбината). На предприятиях сформировались ударные бригады из числа физкультурников для строительства комбината; появились «физкультурные поезда». Они в рекордные сроки доставляли строительные материалы на Урало-Кузбасский комбинат [6. С. 73].

В Кузнецкстрое в 1931 г. коллектив физкультурников насчитывал 3,6 тыс. человек, из которых было создано 12 хозрасчетных бригад, регулярно выполнявших план на 100–140% [6. С. 73]. Ударные бригады Кузнецкстроя систематически перевыполняли нормы: ГРЭС – на 150%, прокатный цех – на 165%; по другим предприятиям Сибири отмечались аналогичные производственные показатели. Например, физкультурные бригады Анжерки перевыполнили план по добыче угля на 75%. К 1932 г. в Сибирском крае насчитывалось 306 ударных бригад, 45 тыс. ударников, 4 сквозных физкультурных цеха и один физкультурный пласт [3. С. 194].

Движение ударников росло быстрыми темпами. В 1932 г. в Западной Сибири насчитывалось уже 75 тыс. ударников, объединенных в 356 физкультурных хозрасчетных бригадах [1. Л. 29].

В 1935 г., по примеру рабочих – шахтера Алексея Стаханова, паровозного машиниста Петра Кривоноса, ткачих Евдокии и Марии Виноградовых, фрезеровщика Ивана Гудова, молодых колхозников Марии Демченко, Прасковьи Ангелиной и других, началось массовое движение, названное стахановским. Оно знаменовало новый этап в социалистическом соревновании. Участие в социалистическом соревновании предприятий Омской области в 1938 г. стало толчком к организации физкультурных бригад, перевыполнявших производственный план. Например, в обществе «Сельмаш» бригада слесарей-физкультурников инструментального цеха выполняла производственное задание на 320–400%, общество «Мукомол Востока» организовало три бригады, выполнявшие задание на 200% и более [3. С. 195].

Следует отметить, что соцсоревнование не ограничивалось только рамками выполнения и перевыполнения производственных показателей. Например, при реализации соцсоревнования, посвященного VIII Всесоюзному съезду Советов 1936 г., в Новосибирске осуществлялось оборудование спортивных сооружений (19 лыжных баз, 17 больших и малых катков; ремонт и строительство трамплинов и пр.) [3. С. 195].

Важное место в спортивной жизни страны занимали смотры-конкурсы на лучшую постановку физкультурной работы, что стимулировало деятельность физкультурных организаций. В период их проведения (1931–1933 гг.) усилилась работа по созданию новых коллективов физкультуры, повысилось качество учебно-методической и спортивной работы уже существовавших. Лучшие организации премировались, их опыт распространялся среди отстающих коллективов [5. С. 103].

Однако работа физкультурных ячеек на производстве в Сибири шла крайне нестабильно. Так, летом 1934 г. в г. Томске были организованы курсы физкультурного актива при стадионе городского совета профессиональных союзов, на которых проходила подготовка инструкторов и председателей бюро физической культуры предприятий. Данная мера должна была упорядочить физкультурную деятельность на производстве. Между тем томские коллективы физкультуры промышленного сектора в середине 1935 г. находились в стадии полной неорганизованности, соответствующая работа не проводилась [3. С. 195].

Расширению физкультурного движения на производстве была призвана способствовать подготовка инструкторов физкультуры для предприятий, прошедшая в начале 1937 г. в Новосибирском техникуме физической культуры. Однако численность обучавшихся на 4-месячных курсах составила 44 человека, в основной массе они были направлены на шахты Кузбасса. Индустриализация страны требовала к этому сегменту производства особенного внимания [7. Л. 17 об.]. Выделение средств на подготовку соответствующих физкультурных кадров в тот период времени свидетельствует о важности распространения физической культуры в рабочей среде.

Организация физкультурной работы в сельской местности была значительно сложнее. Данное направление деятельности краевой колхозной профорганизации в начале 1930-х гг. не было включено в общую систему работы, ассигнования на ее проведение отсутствовали, как и физкультурные работники. Запсибкрайком ВКП(б) в 1931 г. признал ее малоэффективной [8. Л. 8; 9].

Включение физического воспитания в процесс социализации сельской молодежи имело большую социальную и экономическую значимость, что отмечалось на кустовом совещании при краевом совете физической культуры (СФК) инструкторов физической культуры Западной и Восточной Сибири, Урала, Башкирии, состоявшемся 6 декабря 1932 г. Основной формой проведения досуга сельской молодежи являлось употребление спиртных напитков. По мнению участников совещания, привлечение кол-

хозных крестьян к физкультуре являлось жизненно необходимым для избавления от этого социального порока [1. Л. 23].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. деревня переживала тяжелейший этап. Первая пятилетка (1928–1932 гг.) в СССР проходила в сложнейших условиях принудительной коллективизации, хронической нехватки продовольствия и денежных средств [10]. Физическая культура должна была выполнять ряд стратегических задач: патриотического, идеологического и трудового воспитания, оздоровления.

В 1933 г. произошли существенные изменения в области физической культуры, способствовавшие ее распространению в сельской местности. Одним из важнейших стало постановление президиума ВСФК об организации физкультурной работы в МТС (машинно-тракторные станции) и совхозах. В постановлении отмечалось, что, несмотря на наличие отдельных физкультурных коллективов при совхозах и МТС, до 1933 г. планомерно-самостоятельное физкультурное движение в соцсекторе деревни отсутствовало. Была произведена некоторая реструктуризация управления. В системе аппарата ВСФК был создан сельскохозяйственный отдел, осуществлявший руководство и помощь в организации физкультурной деятельности в МТС, совхозах, колхозах, сформированы политотделы МТС и совхозов. Семь советов физической культуры страны (Московский, Уральский, Западно-Сибирский и др.) должны были выделить специального работника соцсектора деревни. Организационное оформление сектора и подбор работников производились до июля 1933 г. Решающие сельскохозяйственные районы республики были укреплены организационными кадрами (ответсекретарями). Были увеличены штаты ряда советов физической культуры: ВСФК РСФСР – на 2 единицы, ЗСКСФК – на одну, Казахстанский СФК – на одну и др. (всего 9). В мае в штатное расписание МТС и совхозов, по решению ВСФК РСФСР, вводились ставки физкультурных работников. Акцент в работе сельскохозяйственных коллективов физкультуры ставился на тех МТС и совхозах, где в 1933 г. комплектовались политотделы. План организации физкультурных коллективов включал создание в РСФСР: 600 коллективов физкультуры в совхозах, 1 700 коллективов – в МТС; в Западной Сибири: 108 – в совхозах, 185 – в МТС. Первоочередным мероприятием по развитию и закреплению физкультуры в совхозах считалось формирование физкультурной базы. МТС и совхозы должны были создавать и оборудовать спортплощадки [11. Л. 5, 8, 9].

Организация физического воспитания сельских жителей была и одной из первостепенных задач ЗСКСФК, который в апреле 1933 г. принял решение об организации коллективов физкультуры при рабочих комитетах (рабочком) МТС. Предполагалось в короткие сроки наладить связь с районным советом ФК, а администрации районов и профсоюзным организациям финансировать строительство и оборудование физкультурных площадок [11. Л. 1].

Для работы в совхозах и МТС Западно-Сибирский краевой совет физической культуры предложил подби-

рать лучших инструкторов физкультуры. Ответственность возлагалась на секретариат ЗСКСФК совместно с бюро физической культуры КСПС. На основании указаний ВСФК РСФСР и политсектора Наркомзема и Наркомсовхозов летом 1933 г. крайсоветом физической культуры были проведены 2-недельные курсы физкультурных организаторов совхозов, МТС, средства на которые выделили краевой совет физической культуры и союз МТС [11. Л. 1, 2, 4а].

В проекте постановления президиума ЗСКСФК по вопросу «Мероприятия по укреплению физкультурных звеньев в соцсекторе деревни», принятом 15 апреля 1933 г., указывалось о необходимости разработки положения о районном совете физической культуры (райСФК) и ответственном секретаре районного совета. На его представление и утверждение Запсибкрайисполкому отводился пятидневный срок [11. Л. 2].

Партийные структуры также были заинтересованы в расширении физкультурного движения в сельской местности. Решение о немедленном создании советов физической культуры при всех райисполкомах было вынесено крайкомом ВКП(б) 5 января 1935 г. ЗСКСФК направил на места положение о районных советах физической культуры. Ответственный секретарь райСФК утверждался на президиуме краевого СФК [12. Л. 51].

Создание районных советов способствовало некоторому улучшению организации физкультурных коллективов в сельской местности. Так, областной совет физической культуры Омской области констатировал в апреле 1935 г. факт наличия 36 сельских коллективов. Августовские сводки того же совета свидетельствуют о функционировании уже 117 сельских коллективов физической культуры. Очевиден их резкий прирост, притом что сведения от ряда районов отсутствовали [13. Л. 1, 51]. Можно предположить, что часть этих коллективов существовали формально, либо это были свойственные времени приписки.

В целом организовать физкультурную работу в Омской области было очень сложно, так как финансирование ее 67 районов в размере 300 тыс. руб. не могло обеспечить потребности физкультурников. Нехватка средств обусловила невыполнение решения крайкома ВКП(б) о повсеместном создании районных советов физической культуры. Отсутствие соответствующих ставок в районах объясняло невозможность принятия на работу ответственных секретарей [13. Л. 57].

Между тем существовали и другие факторы, препятствующие организации процесса физвоспитания. Например, в Новосибирской области в 1935 г. в ряде колхозов имелись физкультурные площадки, районы были укомплектованы уполномоченными комитетами по физической культуре и спорту (ФК и С), однако физкультурная работа в области ограничивалась проведением районных мероприятий, соревнований или спартакиад, а систематический учебно-тренировочный процесс не был организован. Одним из вероятных объяснений сложившейся ситуации может быть очень низкий квалификационный уровень работников, другим – масштаб деятельности, входящей

в компетенцию уполномоченных, с которым они физически не могли справиться. Один из ярких примеров условий труда сельских физкультурных работников описан в монографии И.А. Носова: «В Тогучине председателю совета физкультуры, товарищу Лебедеву, чтобы попасть в Новосибирск на совещание, пришлось пройти 90 км пешком, так как лошади ему никто не дал...». Комментарии в данном случае излишни [3. С. 198; 14. С. 103].

В декабре 1935 г. ЦК ВЛКСМ и Президиумом ВСФК при ЦИК СССР утвердили «Положение о кружке физкультуры в деревне». Целью их создания было массовое вовлечение трудящихся в занятия физкультурой и спортом для всестороннего физического развития и подготовки к труду и обороне. Кружки формировались при низовых комсомольских организациях колхозов, школ крестьянской молодежи, деревень, сел, станиц, кишлаков, аулов при наличии не менее 10 человек, желающих заниматься физкультурой. Членами кружка могли стать трудящиеся, достигшие 16 лет [15. Л. 10]. В 1935 г. ВСФК СССР на основании решений X пленума ЦК ВЛКСМ (1934 г.) организовал Всесоюзный конкурс райсоветов и кружков физкультуры на лучшую постановку работы, курировал который Деревенский отдел ВСФК. Однако конкурировать с центральной и западной частью страны сибиряки не могли. По итогам Всесоюзного конкурса, подведенным в январе 1936 г., Всесоюзный совет физической культуры присудил первое место Киевской области [3. С. 203].

В середине 1930-х гг. в стране были созданы организационные бюро ЦК Союзов, объединенных по производственному признаку совхозов (зерносовхозы, мясомолочные). Для улучшения всех показателей работы к середине 1936 г. в каждом зерносовхозе был создан физкультурный коллектив, увеличилась численность физкультурников и значкистов ГТО, улучшилась материально-техническая база. Например, в Омской области зимой 1935/36 г. действовали 9 оборудованных катков, 12 лыжных станций, 2 спортзала. К лету 1936 г. на центральной усадьбе каждого зерносовхоза были оборудованы спортплощадки, имелся необходимый спортивный инвентарь. В мясомолочных совхозах в 1936 г. коллективы физкультуры имелись в 40 совхозах, а в физкультурную работу было вовлечено 3 570 человек. Лучшим коллективом был признан Ново-Иртышский молмясовхоз № 46. Физвоспитание сельских жителей рассматривалось как составная часть деятельности совхозов. Основными недостатками в организации данного социально значимого вида работы на тот период являлось отсутствие зимних помещений для физкультурной работы и инвентаря, а также профильных кадров [16. Л. 92–94, 100, 102].

Сметы совхозов и МТС предусматривали средства на возведение объектов физкультурно-спортивного назначения. Так, в 1938 г. на строительство площадок МТС Омской области было отпущено 16 тыс. руб., в мясомолочных совхозах – 15 тыс. руб. В Борисовском зерносовхозе было выделено 50 тыс. руб. на строительство стадиона, но это единичные случаи. Подобная статья расходов в сметах колхозов

отсутствовала. К примеру, материально-техническая база колхозов (всего их было 4 651) Омской области в 1938 г. была представлена только 184 волейбольными площадками [17. Л. 2, 74, 79].

Еще одной важной составляющей функционирования сферы физической культуры является кадровое обеспечение. На X пленуме ЦК ВЛКСМ, состоявшемся 12–16 декабря 1934 г., было принято решение, поддержанное президиумом ВСФК, о подготовке специалистов по физической культуре для деревни. В регионах страны для колхозов, МТС и совхозов были организованы курсы по подготовке инструкторов (1,5-месячные и 2-недельные) и организаторов по физической культуре. Подобные курсы проходили и в Омской области [13. Л. 5, 62]. Уже в конце 1934 г. на 20-дневных курсах физкультурных организаторов для совхозов Западной Сибири прошли обучение 30 человек, 26 из которых являлись членами ВЛКСМ. Среди курсантов были 18 рабочих, 11 служащих и только один представитель крестьянства. Большинство курсантов программу усвоили и могли работать физорганами в совхозах, а некоторые – даже инструкторами физкультуры [18. Л. 1, 4]. Очевидно, что их численность не могла покрыть существовавший дефицит физкультурных кадров.

К середине 1935 г. в республиках, краях и областях была развернута сеть курсов по подготовке инструкторов и организаторов физкультурной работы в деревне [13. Л. 27а].

Однако дефицит кадров в сельской местности Западной Сибири не был изжит, о чем свидетельствует доклад представителя краевого совета физической культуры Оттыгишева на совещании по физической культуре в культпросветотделе Запсибкрайкома ВКП(б) в мае 1936 г. В регионе в тот период насчитывалось 500 кружков физкультуры. В значительной части крупных районов руководители райсоветов физической культуры отсутствовали: вакантными оставались должности 36 из 66 руководителей. Не было руководителей-инструкторов и в созданных оргбюро совхозов. Помимо этого, низкий квалификационный уровень части инструкторского состава не позволял им самостоятельно осуществлять работу [3. Л. 200].

К концу 1930-х гг. ситуация несколько улучшилась. Широкая программа обучения физкультурных кадров для деревни была проведена в 1938 г. в Омской области: кустовые мероприятия для физоргов колхозов и МТС (79 человек); месячные курсы (Омск – 22 человека, Ишим – 20 человек) и 15-дневные курсы (в трех населенных пунктах области); месячные курсы райуполномоченных для сельскохозяйственных районов (65 человек). В Алтайском крае в том же году была осуществлена месячная подготовка 70 физкультурных организаторов и уполномоченных совхозов и колхозов [17. Л. 52; 19. Л. 81, 82].

Райуполномоченные по делам ФК и С в основном осуществляли руководство колхозными физкультурными коллективами, принимали деятельное участие в агитационной работе, однако заполнить эту кадровую нишу было достаточно проблематично. Например, в 1938 г. они отсутствовали в 30 районах Алтайского края. Организационный комитет Президи-

ума Верховного Совета РСФСР по Алтайскому краю 17 июня 1938 г. вынес решение об утверждении внештатных уполномоченных по делам ФК и С при райисполкомах, но на местах данное решение не выполнялось. Для оказания практической помощи физкультурным организациям сельской местности Алтайский комитет физической культуры закрепил ДСО (добровольное спортивное общество) края за отдельными районами. Их представители систематически выезжали на места для организации работы [19. Л. 82, 83].

В Омской области на руководящую физкультурную работу выдвигались «лучшие товарищи из актива». В 1938 г. кадровый состав физкультурных работников сельской местности представляли 15 освобожденных работников при крупных совхозах и 30 уполномоченных и инструкторов физкультуры при райисполкомах. Однако уровень квалификации их большинства (1–2-месячные курсы) не позволял обеспечить организацию стабильной физкультурной работы в разноточенных населенных пунктах, которых на тот момент насчитывалось около 5 тыс. Работники со средним и высшим образованием в Омской области практически отсутствовали. Организационно-массовый отдел при Омском комитете физической культуры, призванный осуществлять связь с районами и оказывать конкретную помощь сельским коллективам, был укомплектован в январе 1938 г. лишь одним работником (инспектором). Между тем его полномочия были настолько широки, что исключалась возможность проведения даже систематического учета. По данным архивных отчетов, физкультура в сельской местности в Омской области находилась только в стадии организации коллективов, кружков. В некоторых районах, например в Абатском, Ишимском и других, физкультурная работа на тот период так и не была начата [17. Л. 1, 1 об., 79].

Связь с местами организационно-массовым отделом осуществлялась в основном через письма. Решить кадровые проблемы не могли и созданные в середине 1930-х гг. оргбюро ЦК Союзов, объединенных по производственному признаку совхозов. Так, три обкома союзов Омской области объединяли 83 совхоза, только при обкоме союза мясомолочных совхозов имелся освобожденный работник. При свиноводческом и зерновом обкомах данная штатная единица отсутствовала, а работу проводили профсоюзные работники по совместительству. Не было оплачиваемого работника при обкоме союза МТС, объединявшего 127 МТС. Аналогичная картина наблюдалась повсеместно [17. Л. 1 об.].

Численность физкультурников в 42 сельских районах Омской области летом 1938 г. составляла 3 884 человек (154 кружка). Учитывая, что в области насчитывалось 4 625 колхозов, в которых проживали 460–490 тыс. трудящихся, доля занимавшихся физической культурой составила лишь около 0,8%. В 86 совхозах Омской области насчитывалось 46 малочисленных физкультурных коллективов, а в 139 МТС – 14 физкультурных коллективов. Таким образом, участие сельских жителей в физкультур-

ном движении было ничтожным [17. Л. 1 об., 26, 74, 79].

В 1939 г. Омский областной комитет ФК и С для оказания практической помощи физкультурникам сельской местности направил бригаду из 28 человек, в ее составе были работники областного комитета и лучшие физкультурники города. Омский и Тюменский горкомы физической культуры стали инициаторами социалистического соревнования им. Третьей сталинской пятилетки, общества и районы заявили о своем участии в нем [20. Л. 16].

В сельской местности Новосибирской области в этот период наблюдалось практически полное отсутствие физкультурной работы [21].

Небольшой охват физкультурной работой сельчан в 1930-х гг. не давал возможности выполнить основные требования правительства по массовой сдаче нормативов ГТО. В 1932 г. в Западно-Сибирском крае были введены плановые показатели роста физкультурных организаций и охвата сдачей нормативов ГТО для сельской местности, что требовало усиления внимания к данному сегменту [9. Л. 1]. Уже зимой 1932/33 г. в Западной Сибири наблюдалось некоторое увеличение численности сдавших нормы ГТО по лыжному спорту – 72 тыс. человек (зимой 1931/32 г. – 24 тыс.) [22. Л. 49, 50].

Большую роль в физвоспитании сельских жителей были призваны играть шефские организации, представители которых имели более высокий образовательный уровень и опыт практической работы. Активное привлечение к шефской работе городских структур началось еще в 1933 г. Каждый городской коллектив был обязан взять шефство и организовать помощь в создании физкультурных ячеек, выполнении контрольных показателей по сдаче нормативов ГТО. Учебные заведения во время летних каникул были обязаны направлять в подшефные коллективы бригады из лучших комсомольцев-физкультурников для помощи в физкультурной работе. Так, Томским городским советом физической культуры был проведен конкурс между коллективами физкультуры на лучшую шефскую работу среди колхозов. В рамках конкурса были организованы выезды бригад в подшефные колхозы, строительство простейших спортивных сооружений, шла работа по созданию физкультурных ячеек при комсомольских организациях и подготовке физоргов для колхозов и МТС. Данный вопрос все время находился на контроле комсомольских организаций [3. С. 203].

В 1936 г. ЗСКСФК провел организационную работу по созданию физкультурных баз в деревне и курсов по подготовке физкультурного актива, сдаче колхозно-совхозной молодежи нормативов ГТО. Представители городских физкультурных организаций проводили разъяснительную работу о значении физкультуры среди деревенской молодежи, помогали создавать в селах кружки [3. С. 203, 204]. Шефские организации внесли значительный вклад в распространение физической культуры в сельской местности и расширение ее форм, а также в подготовку инструкторских кадров и создание материально-технической базы.

Однако существенного прироста сельских значков ГТО не наблюдалось и к концу 1930-х гг. Из

1 317 физкультурников совхозов Омской области на апрель 1938 г. сдали нормативы ГТО 1 – 598 человек, ГТО 2 – 0, БГТО – 421 человек. Особое порицание было вынесено комсомольским организациям (обкому и большинству райкомов ВЛКСМ), не оказавшим помощь в налаживании физкультурной работы в области [17. Л. 1 об.].

Подобные показатели численности значкистов ГТО в Омской области свидетельствуют о том, что данный экономически и политически значимый аспект социальной деятельности не получил должного развития на селе. Это было отмечено в докладной записке начальника Омского областного здравуправления Коновалова, направленной в областной комитет по делам ФК и С (1938 г.). Привлечение молодежи к физической культуре и сдаче нормативов ГТО, подготовке к труду и обороне, рассматривалось как важный фактор социализации деревенских жителей и интеграции их в общественную жизнь [17. Л. 11].

Краевой комитет ФК и С для оказания практической помощи направлял в отдельные районы (Троицк, Тальменку, Алейск, Змеиногорск и др.) своих представителей. Однако их деятельность ограничивалась проведением совещаний с уполномоченными и освещением специальных вопросов по нормативам ГТО на курсах физоргов [19. Л. 82]. Но краевой комитет не направлял физкультурных организаторов для подготовки и сдачи нормативов ГТО, а это могло бы стать действенной мерой, как и другие мероприятия [17. Л. 11].

Одним из способов увеличения численности сельского физкультурного движения в 1930-х гг. являлось проведение массовых мероприятий, ставших действенным средством вовлечения местного населения в физкультурные ячейки колхозов и совхозов. Например, в Ойротском и Каменском советах физической культуры Алтайского края в 1933 г. была проведена «эстафета урожая». Подобные эстафеты решали ряд задач: улучшение физкультурной работы, организация физкультурников на выполнение посевных планов и др. Таким образом, очевидна реализация нескольких функций физической культуры и ее прикладная направленность. Между тем в июне из 60 райСФК в эстафету включились лишь 28, работа была развернута слабо. Ряд организаций основной упор делали на физкультурный раздел, не уделяя должного внимания производственным задачам эстафеты [11. Л. 3].

С июля 1935 г. отдел по физкультурной работе в деревне ВСФК приступил к выявлению достижений физкультурников колхозов, совхозов и МТС в различных видах спорта для утверждения лучших результатов в качестве рекордов [13. Л. 35].

Во второй половине 1930-х гг. получили распространение спартакиады. Так, после проведения в 1935 г. первой областной спартакиады Союза зерносовхозов Омской области физкультурная работа была организована во всех совхозах. Уместно отметить, что до спартакиады она осуществлялась только в двух совхозах области. С этой же целью совхозы «Коммунар», «Ново-Заимский», «Лесной» провели лыжно-конные пробеги. В июле 1936 г. в Борисовском совхо-

зе была проведена 2-я областная спартакиада Союза зерносовхозов Омской области, на которую, в отличие от спартакиады 1935 г., все совхозы выставили хорошо подготовленные команды (первое место занял совхоз «Боевой») [16. Л. 93, 94].

В октябре 1935 г. Союз мясомолочных совхозов провел в Новосибирске центральную спартакиаду, участниками которой стали совхозы страны. По результатам всех соревнований первое место заняла команда Омской области, получив переходящее Красное знамя, 2 тыс. рублей и 15 индивидуальных премий и призов [16. Л. 101].

Большая шефская работа была проведена при подготовке спартакиады им. X съезда ВЛКСМ по лыжам зимой 1935/36 г. В начале 1936 г. состоялась Краевая зимняя колхозно-совхозная спартакиада, которой предшествовали низовые спартакиады в колхозах, совхозах и МТС районов. Для оказания помощи в их организации Крайсовет в январе 1936 г. командировал 11 человек (квалификация не указывалась) в 15 сельских районов. Шефскую помощь сельчанам оказали также 26 учащихся техникума физической культуры. Функции организаторов взяли на себя комитеты ВЛКСМ и советы физической культуры, а шефствующие коллективы предприятий и обществ направили в колхозы для оказания помощи своих представителей. В дни спартакиад лучшие физкультурники города выезжали в колхозы для участия в показательных соревнованиях и обучения технике сельских жителей. Так, для проведения низовых колхозных спартакиад в феврале 1936 г. томский городской СФК выделил 20 физкультурных бригад с преподавателями и инструкторами физической культуры вузов и техникумов. Снабдить спортивным инвентарем колхозы было предписано шефствовавшим над ними городским организациям [3. С. 204].

Победители краевых, районных колхозных и совхозных спартакиад стали участниками Всесоюзного соревнования по лыжам, прошедшего в Москве в начале 1936 г. (организовал ВСФК СССР). На краевом уровне первое общекомандное место среди групп колхозов Западной Сибири и переходящее Красное знамя имени крайисполкома завоевал коллектив колхозников Сталинска [3. С. 205].

Советы физической культуры активно взаимодействовали с комитетами комсомола и исполкомами при организации массовых физкультурно-спортивных мероприятий в сельской местности. Так, совместным решением Запсибкрайисполкома и крайкома ВЛКСМ в марте 1937 г. стало проведение краевой колхозной спартакиады. План работы на местах составлялся при участии райкомов комсомола, СФК и райисполкомов. Основным и решающим участием в подготовке к краевой спартакиаде стали низовые колхозные спартакиады, которые должны были проходить как массовые физкультурные праздники молодежи [23. Л. 7].

В Омской области в 1938 г. было проведено 43 внутрисовхозных соревнования по лыжам (520 участников), 8 районных соревнований, 3-я областная совхозно-колхозная спартакиада по лыжам и конькам, а также областная спартакиада по линии обкома Союза мясомолочных совхозов, в которой

приняли участие всего 36 участников из 6 совхозов. Наиболее массовыми видами спорта в Омской области были футбол и волейбол, в 1938 г. насчитывалось 172 команды по этим видам спорта [17. Л. 1 об., 79].

В 1938 г. состоялась 1-я спартакиада по линии ЦК Союза мясомолочных совхозов Сибири и Урала, где команда Омской области заняла 1-е место [17. Л. 2].

Активизации физкультурного движения способствовало усиление агитационно-пропагандистской работы. Так, в целях проработки положения о выборах в Верховный Совет РСФСР и проверки готовности к весеннему севу в 1938 г. были проведены два кольцевых лыжных пробега по совхозам Омской области (350 км), около 1,5 тыс. физкультурников-колхозников Алтайского края принимали участие в крупном мероприятии – агитационном велопробеге. Аналогичная работа проводилась повсеместно. Но краевых соревнований по каким-либо видам спорта на Алтае среди колхозных команд в 1938 г. не проводилось. За год сельские жители приняли участие в отдельных кустовых (межрайонных) соревнованиях по футболу, легкой атлетике и другим видам спорта [3. С. 205].

В 1939 г. агитационно-пропагандистская работа в регионах продолжилась. В целях популяризации лыжного спорта и сдачи нормативов ГТО Алтайский крайком ФК и С впервые провел лыжные соревнования колхозников. В июле были проведены первые краевые колхозно-совхозные соревнования, в которых участвовали 76 человек. Массовыми были мероприятия, посвященные Дню физкультурника и Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Успехи сельских физкультурников систематически освещались в местных публицистических источниках [3. С. 205–206].

В 1940 г. в стране насчитывалось более 16 тыс. колхозных коллективов физкультуры, в которых занимались свыше 900 тыс. физкультурников, из них более половины имели значок ГТО. Наиболее обеспеченные колхозы и совхозы начали строить стадионы, спортивные площадки, приобретать спортивное оборудование и инвентарь. Для сельской молодежи стали проводить спартакиады, соревнования по отдельным видам спорта и физкультурные праздники. Борясь за право участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, сельские физкультурные организации развернули социалистическое соревнование на лучшую постановку физкультурной работы и высокие показатели труда. Так, в 1939 г. на выставке демонстрировали свои успехи 152 сельских коллектива физкультуры и 133 передовика физкультурной работы в деревне [6. С. 139–140].

Таким образом, расширение физкультурного движения рабоче-крестьянской молодежи в Западной Сибири в 1930-х гг. имело большое значение в решении экономических (повышении уровня производительности труда и здоровья трудящихся), социальных (формирование советской культуры и образа жизни) и политических задач, что в числе других факторов способствовало проведению в короткие сроки индустриализации и коллективизации. Не последнюю роль в экономическом развитии страны сыграло движение физкультурников-ударников. Распространение физической культуры в сельскую местность, находившееся в конце десятилетия в стадии организации коллективов, создавало предпосылки не только к улучшению физических кондиций, но и к повышению социальной активности сельчан, их интеграции в общественную жизнь государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 12.
2. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 21.
3. Сарычева Т.В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск : Печатная мануфактура, 2019. 696 с.
4. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 534.
5. Решения III Пленума Западно-Сибирского краевого совета физической культуры (25–29 декабря 1930 г.). Новосибирск, 1931.
6. Физическая культура и спорт в СССР / под ред. Г.Б. Хотянова. М., 1967.
7. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 226.
8. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 8.
10. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История России. Электрон. дан. [Б.м., б.г.]. URL: <http://istoriarusi.ru/cccp/kollektivizacija-selskogo-hozjajstva-v-sssr-kratko.html> (дата обращения: 08.11.2016).
11. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 21.
12. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 62.
13. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 2161. Оп. 1. Д. 1.
14. Носов И.А. Физическая культура и спорт в Западной Сибири (XVII в. – по 1945 г.). Хроника. События. Люди. Новосибирск : Рекламно-издательская фирма «Новосибирск», 2012. Т. 1. 316 с.
15. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 77.
16. ИАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 261.
17. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 29.
18. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 36.
19. ГААК. Ф. Р-1031. Оп. 1. Д. 28.
20. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 42.
21. Ходор С. Крепить физическую культуру // Красное знамя. 1938. 27 окт.
22. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 24.
23. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 219.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 сентября 2019 г.

Physical Culture as Part of the Soviet Culture of the Working Youth in Western Siberia in the Period of Industrialization and Collectivization (1930s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 160–167.

DOI: 10.17223/15617793/458/20

Tatiana V. Sarycheva, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

Keywords: physical culture, industrialization, collectivization, working youth, Western Siberia.

The study analyzes the transformation of physical education in the 1930s, the involvement of the working youth in it, and the implementation of the social functions of physical education on the example of Western Siberia. The development of physical culture during the period of rapid economic transformations, which predetermined a multiple increase in the industrial capacity of the USSR, is considered on the basis of regional archival material and periodicals. The study showed that the years of industrialization and collectivization became a period of essential transformations in the field of physical culture, including: the creation of a normative basis for physical education and the All-Union Council of Physical Culture and Sports, the inclusion of physical education in socialist competition, the transition to the production principle of building physical education organizations, the creation of labor physical education links, etc. Exercises in the workplace and physical training breaks were recognized as the most appropriate forms of physical culture activities. In accordance with specific economic tasks, the restructuring of the departments activities in the field of physical culture in the region became the agenda of the III Plenary Session of the West Siberian Regional Council of Physical Culture in 1930. Physical training shock-brigades, overfulfilling production plans, were to become the main power to turn Siberian Krai into an industrial-agricultural and cultural territory. Trade unions and the Komsomol had an active position in this issue. In 1932, in Western Siberia, there were 75 thousand members of shock-brigades, combined in 356 self-supporting physical training brigades. Despite its great socioeconomic role, the organization and distribution of physical education in the agricultural sector were faced with significant difficulties. Some improvement in the situation of the region resulted from measures taken to increase the number of physical education movement members: restructuring of the management of physical education of peasant youth; creation of political departments, introduction of rates for physical education workers in the staffing of machine tractor stations and state farms; holding of mass events. However, the simplest sports facilities appeared only in very few economically strong collective and state farms, the staffing was minimal, and the physical culture movement at the end of the decade was in the process of organizing collectives. Thus, in the 1930s, serious transformations took place in the field of physical culture. They became the prerequisite for the formation of physical culture as part of the Soviet culture and lifestyle of workers, for the solution of economic, social, and political problems. The involvement of Siberian peasant workers in this sphere, increases in workers' labor productivity and health, among other factors, contributed to the industrialization and collectivization of the state in the short term.

REFERENCES

1. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 12.
2. Chudinov, I.G. (1959) *Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii po voprosam sovetskoy fizicheskoy kul'tury i sporta 1917–1957 gg.* [The Main Decrees, Orders and Instructions on the Issues of Soviet Physical Culture and Sports 1917–1957]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
3. Sarycheva, T.V. (2019) *Sovetskaya sistema fizicheskoy kul'tury kak sotsiokul'turnyy fenomen XX veka (na primere Zapadnoy Sibiri, 1920–1991 gg.)* [The Soviet System of Physical Culture as a Sociocultural Phenomenon of the 20th Century (On the Example of Western Siberia, 1920–1991)]. Tomsk: Pechatnaya manufaktura.
4. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 196. List 1. File 534.
5. West Siberian Regional Council of Physical Culture. (1931) *Resheniya III Plenuma Zapadno-Sibirskogo kraevogo soveta fizicheskoy kul'tury (25–29 dekabrya 1930 g.)* [Decisions of the III Plenum of the West Siberian Regional Council of Physical Culture (December 25–29, 1930)]. Novosibirsk: [s.n.].
6. Khotyanov, G.B. (ed.) (1967) *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR* [Physical Culture and Sports in the USSR]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 226.
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 4.
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 8.
10. History of Russia. (2016) *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v SSSR* [Collectivization of Agriculture in the USSR]. [Online] Available from: <http://istoriarusi.ru/cccp/kollektivizatsiya-selskogo-hozjajstva-v-sssr-kratko.html>. (Accessed: 08.11.2016).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 21.
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 62.
13. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 1.
14. Nosov, I.A. (2012) *Fizicheskaya kul'tura i sport v Zapadnoy Sibiri (XVII v. – po 1945 g.). Khronika. Sobytiya. Lyudi* [Physical Culture and Sports in Western Siberia (From 17th century until 1945). Chronicle. Developments. People]. Vol. 1. Novosibirsk: Reklamno-izdatel'skaya firma "Novosibirsk".
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 77.
16. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 4. List 1. File 261.
17. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 29.
18. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 36.
19. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-1031. List 1. File 28.
20. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 42.
21. Khodor, S. (1938) *Krepit' fizicheskuyu kul'turu* [Strengthen physical culture]. *Krasnoe znamya*. 27 October.
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 24.
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 219.

Received: 26 September 2019

Д.В. Хаминов, А.Н. Сорокин

РОЖДЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В ТИСКАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – проект 18-39-20008 «Университетское сообщество Западной Сибири как основа интеллектуального капитала территории и драйвер социокультурной и экономической модернизации страны в XIX–XX вв.»; гранта Президента РФ, проект МК-2449.2020.6 «Третья роль университетов Западной Сибири: историческая динамика, проблемы и ответы на вызовы современности».

Исследуется инициатива по развитию исторического знания, исторических институций, усилению «третьей роли» университетов и научных сообществ, считается, что она была взаимонаправленной – шла как «снизу», так и «сверху». «Интересантами» в этих отношениях становились как сами историки, так и публично-правовые образования, т.е. органы власти всех уровней и общественные структуры.

Ключевые слова: историческое образование; наука; историки; Революция; Гражданская война; Сибирь; Дальний Восток.

Сообщество историков являет собой специфическую категорию профессиональной корпорации в научно-образовательной среде любого общества. Их особая роль проявляется в наиболее кризисных, «бифуркационных» точках истории страны. Ярким примером такой особой роли историков стала их глубокая интегрированность в общественно-политические процессы советского периода – первая половина 1930-х гг. (восстановление исторического образования и реабилитация истории после забвения 1920-х гг.); значение исторического знания и исторического дискурса в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны; роль и место историков в период идеологических кампаний позднего сталинизма; роль исторических исследований (в том числе публицистики) в годы перестройки (см., например: [1–4]).

Интересным в данном контексте (но при этом практически не изученным сегодня) становится исследование моделей самоорганизации историков и включения их в общественно-политические процессы в периоды их наибольшей корпоративной самостоятельности. Прежде всего, это связано с периодом Гражданской войны на периферии – на территориях антибольшевистских правительств (Юг России (см., например: [5]), Сибирь, Дальний Восток и т.д.). Здесь эти процессы протекали двунаправленно. С одной стороны, инициатива самих историков подталкивала многие значимые процессы в жизни государства и общества, с другой, органы власти всех уровней старались вовлекать, а в некоторых случаях и использовать потенциал историков для решения своих текущих задач.

Сообщество периферийных историков в наиболее структурированном виде сложилось как раз на территории Азиатской России с ее уникальными политическими, научно-образовательными и культурными особенностями.

В дореволюционный период потенциал научно-образовательного комплекса Азиатской России был недостаточным для такой огромной и малоизученной территории. Он был представлен преимущественно четырьмя центрами – Томском, Омском, Иркутском и Владивостоком, где имелись высшие учебные заведе-

ния, частные высшие курсы и исследовательские организации (прежде всего, отделы Императорского русского географического общества), которые занимались в том числе и историческими исследованиями [6].

Все попытки организовать подготовку профессиональных историков на местах и институционализировать исторические исследования не могли иметь серьезных результатов, пока за Уралом не будут организованы профильные исторические структуры и исследовательские учреждения с систематической государственной поддержкой. А между тем необходимость в изучении прошлого этого обширного региона возрастала в силу хозяйственного освоения региона, а главное, культурной и социальной интеграции Сибири и Дальнего Востока в общероссийское пространство.

На протяжении дореволюционного периода провинциальной общественностью, органами власти и должностными лицами (как центральными, так и региональными) предпринимались попытки открытия в Томском университете недостающего историко-филологического факультета и учреждения в Иркутске второго сибирского университета. Так, вопрос об открытии недостающих факультетов в Томском университете обсуждался на правительственном уровне (при участии министров народного просвещения, попечителей западносибирского учебного округа и других лиц) и заседаниях Государственной думы III и IV созывов [7. Ст. 454–455].

В силу различных причин объективного (дороговизна открытия и содержания, революционные события 1905–1907 гг., Первая мировая война, предреволюционный период) и субъективного порядка (опасение, что расширение университетской сети за Уралом, тем более за счет гуманитариев, повлечет за собой возможную политическую дестабилизацию в неспокойном крае, наводненном политическими ссыльными) вопрос этот постоянно откладывался.

Только революционные события позволили решить эти вопросы. Равно как в июне 1917 г. Временное правительство приняло закон о введении земства по всей Сибири, пойдя на давно обещаемые уступки, так и в этих вопросах провинциальному со-

обществу были даны обещанные давно уже возможности по расширению научно-образовательной сети в Азии. Как в 1917 г., так и в последующие годы каждое новое правительство, приходя к власти в центре или на периферии (Временное правительство, Сибирское временное правительство, Российское правительство Колчака), стремилось исполнять обещания, которые не удавалось выполнить их предшественникам, стараясь извлечь из этого как политические дивиденды, так и конкретную, практическую пользу.

Постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. с нового 1917/18 учебного года в составе Томского университета учреждались историко-филологический и физико-математический факультеты [8]. Основная часть преподавателей нового факультета приехала из Петрограда, в их числе были двое профессоров-историков – по кафедре русской истории – П.Г. Любомиров и первая в России женщина-профессор по кафедре всеобщей истории С.И. Протасова (см. подробнее о них: [9. С. 154–156, 201–203]). Обстановку на факультете, специфику взаимоотношений в то время в своих воспоминаниях позже описал известный отечественный философ, педагог, профессор С.И. Гессен: «В Томске я провел четыре года [с 1917 по 1921 г.]. Это были годы революции и гражданской войны, эпидемии сыпного тифа и больших материальных лишений; несмотря на это, я вспоминаю эти годы с удовольствием. Факультет, в котором, я сначала замещал декана, напоминал семью, не знающую ни интриг, ни взаимных подсиживаний, что так часто характеризовало провинциальные университеты» [10. С. 422–423].

В течение 1918–1919 гг. в Томск, по мере отеснения из центра страны антибольшевистских сил на Восток, были эвакуированы профессора, преподаватели и студенты Казанского и Пермского университетов. Ректоры и деканы ходатайствовали перед Томским университетом о предоставлении сотрудникам возможности читать здесь свои курсы лекций и вести практические занятия. Так, в Томском университете стали преподавать известные в России историки – профессор Б.Л. Богаевский (специалист по античной истории и археологии), профессор Б.П. Денике (востоковед, историк искусства), профессор А.П. Дьяконов (специалист по истории античности, медиевистике и древнесирийской истории и литературе), профессор М.М. Хвостов (специалист по Древнему Востоку и теоретико-методологическим вопросам исторической науки) (см. подробнее о них: [11. С. 52–54, 127–129, 135–137, 461–463]). Благодаря появлению пермских и казанских профессоров и преподавателей, спектр исторических дисциплин существенно расширился. Правда, некоторые из иногородних профессоров получали в Томском университете лишь должности приват-доцентов ввиду переизбытка сотрудников [12. Л. 5]. По окончании Гражданской войны все они были откомандированы в свои университеты [12. Л. 132].

Историки сразу стали формировать профессиональное сообщество, чтобы закрепить свое особое положение. В начале 1918 г. при Томском университете было организовано Общество этнографии, исто-

рии и археологии, которое стало первым сибирским специализированным историческим объединением профессиональных историков. В его работу активно включились эвакуированные специалисты. Со временем в его работе стали принимать участие не только историки, но и другие гуманитарии, формируя тем самым условия для междисциплинарных подходов в исследованиях.

Общество провело большое количество заседаний по самому разнообразному кругу вопросов. Так, на одном из заседаний, состоявшемся 12 декабря 1918 г., речь шла о неудовлетворительном положении архивного дела в России в целом и в Сибири в частности, с привлечением всех заинтересованных в этом вопросе лиц [13. Л. 1]. Членами общества был остро поставлен вопрос о необходимости реформирования архивного дела и об устройстве самостоятельного Западно-Сибирского архива в Томске. Эта проблема особо актуализировалась в условиях Гражданской войны и дезинтеграции сибирских архивов – разрывом с центром. Предстояло самостоятельно выстраивать архивное дело на территории, не подконтрольной большевикам. Для решения этого вопроса была создана специальная комиссия, выработавшая несколько проектов сохранения архивного фонда в стране, которые были впоследствии предложены для обсуждения в Институте исследования Сибири.

Томские историки в этот период выполняли еще одну важную функцию по подготовке, вернее сказать, по аттестации специалистов. К началу 1919 г. за Уралом сконцентрировалось большое число беженцев из городов европейской части России. В их числе находились и те, кто получал высшее историко-филологическое образование в центральных российских университетах, но в условиях Гражданской войны и эвакуации не смог сдать экзамены и получить диплом. Министерство народного просвещения Всероссийского правительства Колчака разрешило Томскому университету (кроме него, в то время за Уралом был только открытый в августе 1918 г. Иркутский университет и работавший с октября 1918 г. частный историко-филологический факультет, открытый при поддержке Восточного института во Владивостоке) создать комиссию, которая могла бы принимать государственные экзамены и выдавать дипломы о высшем образовании [14. 29 марта]. Выбор министерства пал на Томский университет ввиду того, что по сравнению с Иркутским университетом (а уж тем более с Владивостоком) он имел достаточное количество экзаменаторов, обладавших квалификацией. Работа этой комиссии началась в апреле 1919 г. под председательством проф. М.М. Хвостова. Поскольку многие желающие не смогли сдать экзамены в весеннюю сессию 1919 г., Министерство разрешило дополнительно организовать экзамены в осеннюю сессию 1919 г. (зимой 1919–1920 гг.) [14. 4 декабря]. Однако установление в декабре 1919 г. в Томске советской власти, упразднение соответствующего министерства и введение новых нормативов работы вузов, помешали работе этой комиссии, которая была расформирована.

По результатам своих исследований некоторые профессора и преподаватели разрабатывали специ-

альные курсы лекций, являя тем самым пример взаимодействия науки и образовательного процесса. Особенно много исследований, которые затем объединились в комплексный учебный курс, стало проводиться по сибиреведческой проблематике. К 1919 г. был разработан, а в 1920 г., уже при большевиках, впервые реализован для студентов Томского университета учебный курс «Сибиреведение» (впервые Сибирь стала специальным предметом изучения и учебной дисциплиной), в рамках которого некоторые сотрудники историко-филологического и других факультетов прочитали циклы своих лекций [15. Л. 19]. Однако при большевиках этот курс и был свернут – как напоминание о таких неприятных для советской власти аспектах, как областничество и «белая Сибирь».

Помимо академической, т.е. научно-образовательной деятельности в рамках университета, томские историки принимали активное участие в работе различных культурно-просветительских и общественных образований, в большом количестве учрежденных в городе. Важное значение для культурно-просветительской жизни Томска имело открытие в начале 1917 г. Народного университета им. П.И. Макушина. Подобные народные университеты работали к этому времени уже во многих крупных городах России, обладавших значительным научным и культурным потенциалом. «Своей первой задачей, – писали газеты тех лет, – Народный университет как учреждение, исходящее из принципа широкой демократизации просвещения, должен ставить популяризацию научного общеобразовательного знания среди взрослого трудового населения страны» [16. 16 января]. Здесь свои лекции регулярно читали историки, и в условиях риторики Гражданской войны они зачастую использовали исторические сюжеты в контексте современных событий. Так, профессор П.Г. Любимов выступил с двумя лекциями «Смутное время на Руси» и «История русского освободительного движения» [17. 17 января]. Тематика его лекций была весьма актуальной и тесно переплеталась с событиями, происходившими в России, – революция, Гражданская война, иностранная интервенция.

Факультет, по замыслам тех, кто его открывал, по замыслам Сибирского временного правительства (а затем и правительства Колчака) должен был стать координирующим центром по проведению исторических исследований на территории Сибири и центром по подготовке квалифицированных специалистов (педагогов и исследователей) для региона. Однако недолгий период его работы так и не смог принести заметных результатов. Согласно общегосударственной политике большевиков в отношении гуманитарного знания [18], в 1921 г. он был закрыт и преобразован в этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук, которое в 1922 г. постигла та же участь.

Схожей оказалась судьба становления исторического образования, науки и сообщества профессиональных историков в Восточной Сибири в условиях Гражданской войны. Второй университет Азиатской части страны – Иркутский, – хотя и был открыт только в 1918 г., но также имел, подобно Томскому, про-

должительную по времени историю своего создания. Помимо наличия основательной материальной базы для будущего университета (имевшиеся денежные средства для нужд университета, заверения городских властей о всесторонней помощи будущему вузу и т.п.), сам Иркутск уже располагал многочисленной профессурой, прибывшей сюда в статусе беженцев из Москвы, Петрограда, Казани и других городов в течение 1918 г. [19. 16 августа].

13 августа 1918 г. на заседании Иркутской городской думы было официально объявлено об открытии университета, а министром народного просвещения Сибирского временного правительства профессором В.В. Сапожниковым было подписано Положение об учреждении Иркутского университета [19. 16 августа], после чего сразу же было объявлено о начале набора абитуриентов [20. Л. 311]. Торжественное открытие университета состоялось 27 октября 1918 г., он начал свою работу в составе двух факультетов – историко-филологического и юридического. Первый состоял из исторического отделения и славяно-русского (словесного) отделения, а в 1919 г. к ним добавилось третье – восточное отделение для «всестороннего изучения языка, быта и экономических отношений Сибири и Дальнего Востока» [20. Л. 23].

Приоритет открытия именно этих двух факультетов был обусловлен чисто прагматическими соображениями Министерства и Сибирского временного правительства, так как в силу специфики организации образовательного процесса они не требовали больших ассигнований для оборудования специализированных аудиторий и кабинетов. Вместе с тем мотивация учредителей университета могла заключать в себе и общественно-политический подтекст – использование правоведов и историков в идеологической борьбе нового государства и правительства с большевизмом (обоснования исторической преемственности новой власти в Сибири) и выстраивание новых общественно-политических отношений.

В Иркутском университете была организована кафедра русской истории, которую возглавил сибиревед профессор В.И. Огородников. На факультете начали свою работу и другие историки, которые уже имели к этому времени общероссийскую известность или снискали ее в последующем. Например, профессор, доктор философии Кенигсбергского университета, известный историк Древнего Востока, египтолог, гебраист, специалист по истории мифологии, религии и литературы Древнего Востока, семитолог И.Г. Франк-Каменецкий. Из Петрограда приехал известный отечественный археолог и этнограф, создатель иркутской (шире – восточно-сибирской) школы археологии и этнографии Б.Э. Петри; из Казанского университета прибыл профессор А.М. Селищев – один из крупнейших русских славистов XX в., специалист по балканистике, по славянской палеографии и топонимике; профессор Н.Н. Козьмин – выпускник Петербургского университета, востоковед, специалист по русской истории и истории Сибири, впоследствии он организовал и возглавил первую в России кафедру истории Сибири в Иркутском университете (см. подробнее о них: [21. С. 58–59, 64, 66–67, 69–70, 139–140]). В те-

чение 1919 г. в Иркутск прибыли эвакуированные профессор, преподаватели и студенты Пермского университета. Некоторые из них были прикомандированы к ИГУ, как, например, доцент кафедры всеобщей истории (создана в 1919 г.) А.И. Коссовский, специалист по истории славян [22. Л. 17].

Положение об учреждении Иркутского университета от 13 августа 1918 г. предусматривало наличие специального Восточного отделения в университете, но руководство вуза не смогло должным образом спланировать и обеспечить деятельность будущего отделения. Хотя была создана специальная комиссия, которая разработала подробный план организации и развития данного отделения, наметив в нем шесть кафедр, которые возглавляли соответствующие циклы – китаеведения, японоведения, манчжуроведения, монголоведения, турковедения и индианистики с тибетоведением. Временный план и штаты нового отделения были представлены для утверждения в министерство, которое поддержало и одобрило их. Отделение было открыто в 1919 г., правда, не в полном составе кафедр, как это намечалось изначально [22. Л. 4 об].

Наибольшее социокультурное значение, а вместе с тем внутри- и внешнеполитическое, имел монголоведческий цикл, поскольку отвечал потребностям подготовки кадров для внутренних нужд Азиатской части России (подготовка национальных кадров с высшим образованием для территорий компактного расселения бурят в Восточной Сибири) и для внешнеполитических – способствовал развитию отношений с Монголией (в которой происходили существенные политические и социальные сдвиги) – ближайшим соседом Восточной Сибири. Научная деятельность молодого факультета в Иркутске сразу же оказалась тесно связанной с работой Института исследования Сибири в тематическом и организационном плане [23. Л. 9–14 об].

Факультет в первые годы советской власти постигла та же участь. В 1921 г. он вместе с юрфаком был ликвидирован. На протяжении последующих лет историков готовили сначала на гуманитарном факультете, затем на факультете общественных наук, который также был закрыт в 1924 г.

В отличие от историков Томска, в большинстве своем историки Иркутского университета после ликвидации факультета не покинули Иркутск. Они оставались еще долгое время, на протяжении 1920–1930-х гг., либо в университетских стенах, продолжая заниматься исследованиями, которые были заложены ими еще в бытность исторических кафедр, либо работали в других учреждениях и организациях Восточной Сибири, Дальнего Востока и даже иностранных государств. Последнее обстоятельство в период политических репрессий стало для них дополнительной «черной меткой», как, например, для профессоров Н.Н. Козьмина¹ [24] и В.И. Огородникова² [25], сгинувших в 1937–1938 гг. из-за своей профессиональной деятельности.

Третьим городом Азиатской России, где благодаря открытому в октябре 1918 г. частному историко-филологическому факультету (первоначально даже планировалось создание института) сформировалась корпорация историков, стал Владивосток. Основу

педагогического состава сформировали беженцы из западных регионов страны, а к 1920 г. его корпус пополнился уже беженцами из Томска и Иркутска, по мере установления в этих городах советской власти. Этот факультет как бы продолжал сохранять преемственность классического гуманитарного образования, по мере продвижения советской власти на Восток. На факультете была открыта кафедра сибиреведения, остававшаяся единственной подобной кафедрой в России [26. С. 62–63]. В апреле 1920 г. (сразу после провозглашения Дальневосточной Республики) разрозненные вузы Владивостока (и частные, и государственные, и отраслевые) были объединены в единый Дальневосточный университет с историко-филологическим факультетом, который сохранял традиции классической школы. Последний просуществовал недолго, и с упразднением Дальневосточной Республики он подвергся «советизации» и последующему закрытию [26. С. 66].

Отрезанность Азиатской России в годы Гражданской войны от европейской части, находившейся под властью большевиков, дихотомическим образом сказывалась на положении исторической науки. С одной стороны, были прерваны и без того не слишком активные профессиональные контакты с научными и образовательными учреждениями Центральной России. С другой стороны, для сибирской исторической науки появились новые возможности для развития.

Прежде всего, речь идет об историках и иных гуманитариях, занимавшихся историческими исследованиями, которые были эвакуированы в Азиатскую Россию, чей научный и организационный потенциал служил развитию исторической науки азиатской периферии, окрепшей в кадровом отношении. Территории, свободные от власти большевиков, не испытывали на себе того прессинга, который оказывался советским правительством на интеллигенцию, прежде всего на гуманитариев. Историки были выведены из-под контроля партийно-государственных органов, что придавало более творческий и свободный характер их деятельности. В это время, хотя и короткий период, действовало уникальное научно-исследовательское учреждение – Институт исследования Сибири (см. подробнее: [27, 28]).

Создание Института исследования Сибири (ИИС) стало значимым событием научной жизни для всего Азиатского региона. Сама идея учредить ИИС была высказана на проходившем в октябре-ноябре 1917 г. в Иркутске первом Сибирском метеорологическом съезде. Тогда же состоялось и организационное собрание с целью его учреждения. Было разработано «Временное положение об Институте исследования Сибири», которым предусматривалось его учреждение в Иркутске «как географическом центре Сибири» [29. С. 18]. Создававшееся научное учреждение должно было заниматься «объединением исследования Сибири в научном и научно-практическом отношениях» [29. С. 18]. По инициативе министра народного просвещения профессора В.В. Сапожникова местом проведения съезда был избран Томск. 13 декабря 1918 г. Совет Министров разрешил провести съезд, и утвердил Положение о съезде [29. С. 1–2], а 15 января

1919 г. состоялось первое общее собрание по организации института, который начал свою работу с февраля 1919 г. [16. 17 февраля]. Начальник отдела высших учебных заведений Министерства народного просвещения Всероссийского правительства В.Ю. Ульяновский в своем приветствии назвал будущий институт «Сибирской академией наук» [29. С. 2]. Он стал рассматриваться сибирской общественностью именно как координационный центр всей сибирской научной жизни. Институт, по словам Б.П. Вейнберга (помощника директора ИИС), «принимал меры к возможной поддержке учреждений и начинаний Академии [наук] во время оторванности Сибири от Европейской России» [30. Л. 93 об.].

Институт включал в себя два территориальных отделения – Средне-Сибирское (в Иркутске) и Дальневосточное (во Владивостоке) и состоял из шести тематических отделов (в том числе историко-этнографического). Штат сотрудников института формировался в основном из профессоров и преподавателей высших учебных заведений Томска. Среди членов института были представители научных сил и из других городов (Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Владивосток). На заседании совета Общества «Институт исследования Сибири» 7 августа 1919 г. было принято постановление об «использовании для нужд исследования Сибири ученых сил из среды лиц, бежавших из эвакуированных городов Поволжья и Урала» [31. Л. 120]. Поэтому активное участие в работе института приняли профессора, преподаватели и научные сотрудники эвакуированных в Томск Казанского и Пермского университетов, а также беженцы из других городов европейской части России.

Институт просуществовал недолго, чуть более года, и летом 1920 г. был закрыт. Историко-этнографическому отделу, несмотря на кратковременный период своего существования и скудость финансирования, все же удалось достигнуть некоторых научных результатов и внести вклад в развитие сибирской исторической науки, организовав несколько экспедиций [31. Л. 43, 54, 57].

После восстановления в течение зимы 1919/20 г. советской власти в Томске и Иркутске, сразу же возникли серьезные затруднения с финансированием деятельности ИИС и его отделов. В условиях структурирования органов государственного управления на территории Сибири, которым занялся Сибревком, научное учреждение, каким являлся ИИС, да еще созданное в период «колчаковщины», было явно неудобным. Сказались и чрезвычайно трудные условия, в которых оказалась Сибирь: общая экономическая разруха, удаленность от центра и руководящих органов, отсутствие средств. С целью выхода из тяжелого положения руководство института неоднократно обращалось в различные инстанции с просьбой о выделении средств. В Омск, а затем в Ново-Николаевск, где располагался Сибирский революционный комитет (новый орган советской власти на территории Сибири), направлялись представители института, чтобы добиться открытия финансирования и утверждения нового положения об институте. Но попытки были безрезультатными.

Советская власть считала, что ИИС сделался центром интеллигентских сил, враждебно настроенных, поэтому 5 июля 1920 г. Сибревком принял постановление о закрытии института и учреждении научных секций при Томском университете и Томском технологическом институте [32. Л. 232]. В то же самое время было ликвидировано и Средне-Сибирское отделение ИИС в Иркутске. Многие проекты и научные разработки, которые были запланированы членами института и его отделов, так и не были претворены в жизнь. Очень много актуальных предложений по археологическому и этнографическому исследованию Сибири были преданы забвению.

Неотъемлемой составляющей истории России периода Гражданской войны являются отношения антибольшевистских правительств с государствами – союзниками по блоку «Антанта», а фактически – военная интервенция стран-участниц на окраины бывшей Российской империи, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток. Эта интервенция проходила не только военными и силовыми методами. Одним из направлений деятельности европейских держав на территории антибольшевистских правительств стала идеологическая работа в тылу и мягкое воздействие на интеллектуальную элиту. В частности, под видом выстраивания научно-образовательных контактов между сибирскими и дальневосточными городами и иностранными интеллектуальными центрами, на территорию Дальнего Востока и Сибири прибывали иностранные ученые, проводя при этом совершенно определенную политическую линию. В подобные мероприятия активно оказались вовлечены и сибирские историки.

В апреле-мае 1919 г. Азиатскую часть России посетил профессор-историк Бернард Пейерс (Bernard Pares). С 1914 г. и вплоть до марта 1917 г. он постоянно находился на фронте в действующей русской армии (работал корреспондентом «The Daily Telegraph» на русском фронте), после чего уехал в Великобританию. В начале 1919 г. он вновь вернулся в Россию, на этот раз в качестве директора Школы славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета, представителя правительства Великобритании при адмирале А.В. Колчаке.

Он совершал поездку по городам Дальнего Востока и Сибири Транссибом с целью чтения лекций и встречи с интеллигенцией. Первым городом, где им был прочитан цикл лекций, стал Владивосток, затем были другие города, в том числе Иркутск и Томск, а закончил он свой цикл лекций уже в Уфе – прифронтовом городе антибольшевистской России.

Профессор Пейерс, как сообщалось в прессе, приехал в Сибирь «с особой миссией для передачи нам отношения английского народа к России и для более тесного общения с нами, чтоб доложить о вынесенных им из поездки впечатлениях английскому народу и правительству» [14. 7 мая]. В частности, в Томске он встречался с научной интеллигенцией, в первую очередь гуманитарной (профессорами и преподавателями Томского университета и видными общественными деятелями) [14. 15 мая] и прочитал цикл лекций [14. 10 мая, 13 мая]. В своих лекциях он постоянно

акцентировал внимание слушателей на «пустых обещаниях» большевиков и призывал поддерживать их противников. Так, в своей лекции «Долг союзников перед Россией» он указал на роль большевиков в деле развала русской армии, на их агитаторскую деятельность на фронтах с целью разложить русские вооруженные силы. «Теперь вы понимаете, – ядовито заметил Пейерс, – почему немцы платили деньги большевикам» [14. 10 мая]. На одной из встреч профессоров и преподавателей историко-филологического факультета с профессором Б. Пейерсом основным лейтмотивом была тема «сближения Англии с Россией на культурной почве» [14. 15 мая].

После окончания в 1920 г. Гражданской войны и установления власти большевиков на всей территории Сибири, у эвакуированных из Центральной России научно-педагогических работников появилась возможность уехать из Сибири. Причем уезжали многие не только в западные регионы, но и на Дальний Восток (на эту территорию формально не распространялась власть большевиков), прежде всего в открытый в 1920 г. во Владивостоке Дальневосточный университет.

Сибирские университеты и научные учреждения столкнулись с колоссальной кадровой проблемой. Причем уезжать стали не только эвакуированные ранее ученые и педагоги, но и те, кто работал здесь изначально или приехал по доброй воле. Причины коренились и в крайне скудном материальном обеспечении профессуры и членов их семей, и низком культурном уровне жизни в сибирских городах, по сравнению с городами западной части страны, и много других обстоятельств. Не стоит исключать здесь и некоторые опасения многих за дальнейшую свою судьбу и судьбу членов своих семей, поскольку многие из них либо лояльно относились к антибольшевистским правительствам Сибири, либо открыто их поддерживали, а некоторые даже служили в белых правительствах, их органах и учреждениях. Не стоит забывать и о политической ангажированности дореволюционной университетской профессуры, которая носила либеральную, преимущественно эсеро-кадетскую ориентацию [33, 34].

В большей степени юристы и историки являли собой мощную политическую антибольшевистскую силу и пополняли лагерь противников большевиков (либеральное крыло русского общественно-политического движения). На материале Сибири можно назвать двух председателей Совета Министров во Всероссийском правительстве Колчака, последовательно сменявших друг друга, – П.В. Вологодского (юрист, присяжный поверенный) и П.Н. Пепеляева (окончил в Томском университете юридический факультет и сдал специальные экзамены при историко-филологическом факультете на право преподавания в

гимназиях); известного областника М.Б. Шатилова, выпускника юрфака Томского университета, входившего в состав Сибирского правительства П.Н. Вологодского (занимал в нем пост министра земельных дел); профессора Н.Н. Козьмина – историка и этнографа, общественно-политического деятеля, областника, профессора Иркутского университета, занимавшего пост товарища министра народного просвещения в кабинете Сибирского временного правительства и др.

Таким образом, в первые годы своего существования советская власть, реорганизуя гуманитарные факультеты (юридические и историко-филологические), как бы мстила гуманитарному образованию, науке и профессиональному сообществу – путем закрытия этих факультетов, прекращения подготовки гуманитариев и дальнейшими политическими преследованиями.

В завершение отметим, что открытие исторических подразделений в университетах и работа Института исследования Сибири не только положительным образом повлияли на развитие высшего исторического образования и науки в Азиатской части России (в том числе и вне рамок университетов), но и сформировали в Азиатской России профессиональное сообщество историков, которые активно включились в общественно-политические процессы жизни регионов в условиях Гражданской войны. Несомненна большая значимость сообщества историков в просвещении населения и реализации университетами и исследовательскими учреждениями своей «третьей роли».

За этот короткий, но крайне интересный и интенсивный период, к сожалению, не удалось реализовать то, что было заложено или намечено сибирскими историками в ходе своей профессиональной деятельности, – ни в образовательном, ни в культурно-просветительском, ни в научно-организационном аспектах. Единственное, что удалось, – это придать мощный импульс научному изучению Азиатского региона на последующие десятилетия вперед, что и определило научную повестку в советский период (прежде всего в археологии, этнографии, сибиреведении, краеведении).

Различные формы самоорганизации историков явились уникальным примером вариативных механизмов интеграции научного сообщества, власти, общественности в условиях социальных и политических кризисов Гражданской войны. Потенциал развития исторических институций и процессов, заложенных в период Гражданской войны, был, безусловно, велик. Сибирь и Дальний Восток много потеряли после этого. Повторно роль и значение истории было осознано только в начале 1930-х гг., когда предстояло заново восстанавливать всю систему исторического образования, научных исследований и формировать собственную корпорацию историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.Н. Козьмин в 1918–1919 гг. являлся членом Сибирского временного правительства, в 1919 г. эмигрировал в Маньчжурию, в 1920–1922 гг. был редактором и членом коллегий газет в Харбине, с 1922 г. работал в Бурятии консультантом по экономическим вопросам в Наркомземе и Госплане Бурят-Монгольской АССР, являлся директором Иркутского государственного музея. В 1937 г. арестован УНКВД Восточно-Сибирской области по обвинению в том, что якобы являлся японским шпионом и участником контрреволюционной белогвардей-

ской организации. В 1938 г. умер в больнице Иркутской тюрьмы, после чего дело в отношении Н.Н. Козьмина постановлением УНКВД по Иркутской области было прекращено в связи с его смертью.

² В.И. Огородников в марте 1920 г. был назначен ученым руководителем архивного дела Восточной Сибири, а в мае того же года утвержден заведующим Иркутского губернского управления архивного дела. В июне 1921 г. был откомандирован в Читу и назначен ректором Государственного института народного образования, с переводом института во Владивосток был ректором Дальневосточного государственного университета (1923–1925 гг.). С поста ректора вынужден был уйти под давлением со стороны партийных и государственных структур. Затем назначается заместителем директора Арктического института в городе Петропавловске-Камчатском. В мае 1933 г. был арестован по делу «Автономной Чукотки» и осужден на 10 лет лагерей (отбывал срок в «Дальлаге»). В 1938 г. был переведен в «Севжелдорлаг» Архангельской области, где и скончался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 9–13.
2. Гордон А.В. Восстановление исторического образования (1934–2004) // Философский век. Альманах. СПб., 2005. Вып. 29, т. 2. С. 271–278.
3. Сидорова Л.А. Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки. Историографический ежегодник. 2004. М.: Наука, 2005. С. 208–223.
4. Kimerling A. Political Campaigns of the Stalin Period: Their Content, Peculiarities and Structure (April 11, 2014). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 42/HUM/2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2423717> (дата обращения: 14.01.2020).
5. Урмаева К.А. Историки и власть на Юге России (1917–2000 гг.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 367 с.
6. Хаминев Д.В., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Институционализация исторического знания на территории Азиатской России в досоветский период // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 430–436.
7. Стенографические отчеты Государственной Думы Российской империи. Заседания 29–52 (с 22 января по 19 марта 1914 г.) / Гос. Дума, четвертый созыв, 1914 г., сессия вторая. СПб.: Гос. тип., 1914.
8. Постановление Временного правительства от 1 июля 1917 г. // Вестник Временного правительства. Петроград. 1917. Воскресенье, 23 июля (5 августа). № 112 (158). С. 1.
9. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
10. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
11. Профессора Томского университета: Биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Т. 2. 1917–1945. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 544 с.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 80.
13. Архив Музея истории ТГУ. Ф. «Общество этнографии, истории и археологии Томского университета». Оп. 1. Д. «Докладная записка Общества этнографии, истории и археологии Томского университета от 10 декабря 1918 г.».
14. Сибирская жизнь. Ежедневная газета (Томск). 1919.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 474.
16. Народная газета. Ежедневная газета (Томск). 1919.
17. Вестник Томской губернии. Ежедневная газета (Томск). 1919 г.
18. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов Общественных наук российских университетов» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 19. Ст. 117.
19. Дело. Ежедневная газета (Иркутск). 1918.
20. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1.
21. Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С.И. Кузнецов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 396 с.
22. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 69.
23. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 32.
24. Репрессированное востоковедение: востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы: ч. 1 / сост. Я.В. Васильков, А.М. Гришина, Ф.Ф. Перченко // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 113–125.
25. Петрушин Ю.А. Сибиревед В.И. Огородников // Четвертые Романовские чтения: материалы науч. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2008. С. 106–108.
26. Малявина Л.С. Роль ученых Урала и «белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3 (11). С. 57–71.
27. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 5–43.
28. Раскоlec В.В. Подготовка и проведение съезда по организации Института исследования Сибири: октябрь 1917 – январь 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 117–123.
29. Труды съезда по организации Института исследования Сибири / изд. под набл. председателя съезда профессора. Б.П. Вейнберга. Томск: Тип. Сибирского Товарищества печатного дела и Дома трудолюбия, 1919. 460 с.
30. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 23.
31. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 24.
32. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 14.
33. Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 54–71.
34. Некрылов С.А., Грибовский М.В. Сибирская профессура рубежа XIX–XX веков: Социальный и политический портрет // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 21–37.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 мая 2020 г.

Born by the Revolution: The Professional Community of Historians of Asian Russia in the Grip of the Civil War

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 168–176.

DOI: 10.17223/15617793/458/21

Dmitry V. Khaminov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khaminov@mail.ru

Alexander N. Sorokin, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: soranhist@yandex.ru

Keywords: historical education; science; historians; Revolution; Civil War; Siberia; Far East.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-39-20008, and the grant of the President of the Russian Federation, Project No. MK-2449.2020.6.

The history of higher education, science, and academia in the Asian part of Russia has been extensively covered in historiography. Historians have focused on various aspects of these phenomena in connection with social, cultural, economic, as well as political and ideological processes. In most cases, these processes have been approached from two different perspectives. The first one focuses on the center-periphery relations and entails a comparison of the provincial processes with what was happening in the center of Russia. The second concentrates on regional and local processes, including at the micro level. However, the period of the Revolution of 1917 and the Civil War (1918–1920) in the history of Asiatic Russia is of particular importance for the scientific and educational complex of the region in general and for its social sciences and humanities segment, in particular. The authors' focus is history. Historical research itself, education, science, and the corporation of historians in the paradigm of that period played the most important structure-forming roles. The political, ideological, and sociocultural implications of historical research (the formation of the historical consciousness, civic and political identity and culture, ideological attitudes, moral values, patriotism) are difficult to overestimate. In the period of uncertainty of the development of both the country as a whole and its Asiatic periphery (when the outcome of the armed confrontation was not obvious to anyone), the role of historians in different spheres of the state and society grows, they become important actors of key processes, epitomized by the so-called “third role of universities”. The study of these aspects of historians' activities, the mechanisms of their interaction, the influence on the system of social interactions and other aspects, foregrounds this new trend in historical research. The work is written on the basis of a wide range of historical sources: official documents and materials (laws and regulations on the organization of higher education and science); archival materials (most of them are first introduced into academic discourse) – organizational, administrative records that reflect daily activities of universities and research institutions; materials of regional and local periodicals; sources of personal origin; historiography of the Asiatic periphery. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the initiative to develop historical research, academic institutions, strengthen the “third role” of universities and scientific communities was generated both “bottom-up” and “top-down”. Both historians and public legal entities, that is authorities at all levels, benefited in these relations.

REFERENCES

1. Gordina, E.D. (2010) *Istoriya kak instrument patrioticheskogo vospitaniya v SSSR nakanune i v nachale Velikoy Otechestvennoy voyny* [History as an instrument of patriotic education in the USSR on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 3. pp. 9–13.
2. Gordon, A.V. (2005) *Vosstanovlenie istoricheskogo obrazovaniya (1934–2004)* [Restoration of historical education (1934–2004)]. In: Artem'eva, T.V. & Mikesheva, M.I. (eds) *Filosofskiy vek. Al'manakh* [Philosophical Age. Almanac]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey. 29 (2). pp. 271–278.
3. Sidorova, L.A. (2005) *Sovetskie istoriki poslevoennogo pokoleniya: sobiratel'nyy obraz i individualiziruyushchie cherty* [Soviet historians of the post-war generation: a collective image and individualizing features]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy ezhegodnik. 2004* [History and historians. Historiographic Yearbook. 2004]. Moscow: Nauka. pp. 208–223.
4. Kimerling, A. (2014) Political Campaigns of the Stalin Period: Their Content, Peculiarities and Structure. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 42/HUM/2014. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2423717>. (Accessed: 14.01.2020). DOI: 10.2139/ssrn.2423717
5. Ushmaeva, K.A. (2006) *Istoriki i vlast' na Yuge Rossii (1917–2000 gg.)* [Historians and Authorities in the South of Russia (1917–2000)]. Stavropol: Stavropol State University.
6. Khaminov, D.V., Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2014) Institutionalization of the Historic Knowledge within Asian Russia in Pre-Soviet Period. *Bylye gody*. 33 (3). pp. 430–436. (In Russian).
7. Fourth State Duma of the Russian Empire, Convocation 2. (1914) *Stenograficheskie otechety Gosudarstvennoy dumy Rossiyskoy imperii. Zasedaniya 29–52 (s 22 yanvarya po 19 marta 1914 g.)* [Verbatim records of the State Duma of the Russian Empire. Sessions 29–52 (22 January – 19 March 1914)]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
8. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917) *Postanovlenie Vremennogo pravitel'stva ot 1 iyulya 1917 g.* [Resolution of the Provisional Government of July 1, 1917]. 23 July. 112 (158).
9. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
10. Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: “Shkola-Press”.
11. Fominykh, S.F. (ed.) (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. 2. Tomsk: Tomsk State University.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 80.
13. Archive of Museum of History of Tomsk State University (AMITGU). Fund “Obshchestvo etnografii, istorii i arkhologii Tomskogo universiteta” [Tomsk University Society of Ethnography, History and Archeology]. List 1. File *Dokladnaya zapiska Obshchestva etnografii, istorii i arkhologii Tomskogo universiteta ot 10 dekabrya 1918 g.* [Memorandum of the Tomsk University Society of Ethnography, History and Archeology of 10 December 1918].
14. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) Tomsk Daily Newspaper. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 474.
16. *Narodnaya gazeta*. (1919) Tomsk Daily Newspaper. (In Russian).
17. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919) Tomsk Daily Newspaper. (In Russian).
18. RSFSR. (1921) Dekret SNK RSFSR ot 4 marta 1921 g. “O plane organizatsii fakul'tetov Obshchestvennykh Nauk Rossiyskikh universitetov” [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of March 4, 1921, “On the plan of organizing the faculties of Social Sciences of Russian universities”]. *Sobranie uzakonenykh RSFSR*. 19. Art. 117.
19. *Delo*. (1918) Irkutsk Daily Newspaper. (In Russian).
20. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-71. List 1. File 1.
21. Kuznetsov, S.I. (ed.) (1998) *Irkutskiy gosudarstvennyy universitet: rektory, dekany, professora (1918–1998)* [Irkutsk State University: Rectors, deans, professors (1918–1998)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
22. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-71. List 1. File 69.
23. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-71. List 1. File 32.
24. Vasil'kov, Ya.V., Grishina, A.M. & Perchenok, F.F. (1990) Repressirovannoe vostokovedenie: vostokovedy, podvergnushiesya repressiyam v 20–50-e gody: ch. 1 [Repressed oriental studies: orientalists who were repressed in the 1920s–1950s: part 1]. *Narody Azii i Afriki*. 4. pp. 113–125.
25. Petrushin, Yu.A. (2008) [Historian of Siberia V.I. Ogorodnikov]. *Romanovskie chteniya – IV* [Romanov Readings – IV]. Proceedings of the International Conference. Mogilev. 22–23 November 2007. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 106–108. (In Russian).

26. Malyavina, L.S. (2010) The role of Ural and “white” Siberia scientists in the development of higher school and science in the Far Eastern part of Russia (1918–1922). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (11). pp. 57–71. (In Russian).
27. Nekrylov, S.A. (2008) Iz istorii instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soвета Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the Council Meetings of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–43.
28. Raskolets, V.V. (2016) Preparation and holding of the congress on the foundation of the Research Institute of Siberia: October 1917 – January 1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 117–123. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/19
29. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Tipografiya Sibirskogo Tovarichestva pechatnogo dela i Doma trudolyubiya.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 23.
31. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 24.
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 14.
33. Gribovskiy, M.V. (2015) “Left” university professors’ political activity in Russia in the late 19th – early 20th centuries. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 2 (44). pp. 54–71. (In Russian).
34. Nekrylov, S.A. & Gribovskiy, M.V. (2018) The Siberian professoriate in the late 19th and early 20th centuries: a social and political profile. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 1 (55). pp. 21–37. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00002

Received: 08 May 2020

В.В. Шевцов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕДАКТОРА-ЦЕНЗОРА В «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» В 1907–1908 гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «“Секретно. Конфиденциально”»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)», № 19-012-00352А.

На основе уникальных подшивок «Томских губернских ведомостей за 1907 и 1908 гг., сохранившихся в Государственном архиве Томской области, проанализированы смысловые и лингвистические правки, выполненные редактором неофициальной части В.Э. Мейером в специальном типографском оттиске перед допуском номера в печать. Правки объединены в группы, показаны их конкретные примеры, высказаны предположения о причинах их выполнения, представлен общероссийский и местный историко-политический контекст в содержании неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в послереволюционный период.

Ключевые слова: история периодической печати; «Томские губернские ведомости»; редактор неофициальной части; цензура; корректура; В.Э. Мейер; революция 1905–1907.

В период нарастания Первой русской революции в стране и в городе «Томские губернские ведомости» стали выходить по расширенной программе неофициальной части, с целью усиления ее общественно-политического значения. Почти год, с № 43 от 23 ноября 1905 г. по № 67 от 6 сентября 1906 г., редактором неофициальной части был губернский инспектор по делам печати П.Т. Виноградов – статский советник, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Газета стала выходить два раза в неделю. Основные темы номеров того периода – значение Манифеста 17 октября 1905 г. в разрешении социальных конфликтов, деятельность и выборы в Государственную Думу, программные положения «Союза 17 октября» и деятельность его томского отделения. Наряду с авторскими статьями на местные темы, в газете широко использовались перепечатки из ведомостей других губерний, что подчеркивало общность происходивших событий в России и Сибири и отношение к ним правительства. Таким образом, облегчался и процесс «сборки» номера, поскольку опубликованные материалы уже были одобрены цензурой. Из томских газет для заимствований использовались кадетская «Сибирская жизнь», главным образом политически нейтральные сообщения, и октябристские «Сибирские известия» (откуда перепечатывались проблемные политические передовые). Оптимистический настрой публикаций об умиротворяющем характере будущего народного представительства сменился резкой критикой после начала его работы в апреле 1906 г. Вслед за правой столичной печатью неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» публикует упреки в революционном и антироссийском составе Государственной Думы, умалении депутатами значения самодержавной власти, разжигании ими «мятежа» и «смуты».

С № 68 от 10 сентября 1906 г. редактором неофициальной части стал подпоручик запаса, чиновник особых поручений при губернаторе И.Е. Бицюк, а с № 71 от 20 сентября – действительный статский советник, член томского управления по крестьянским

делам А.В. Дуров, принимавший участие в открытии «Русского народного общества за веру, царя и отечество» в сентябре 1906 г. С № 50 от 4 июля 1907 г. в должность редактора вступил Владимир Эдуардович Мейер – советник томского губернского управления, коллежский асессор, выпускник Санкт-Петербургского университета [1. С. 154]. Таким образом, губернская администрация непосредственно взяла в руки руководство местным правительственным органом. Выражаясь в категориях, принятых среди советских историков печати, «газета взяла реакционное направление». Действительно, в городе произошла консолидация правых монархических сил и их обособление от местного отделения партии октябристов. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» с осени 1906 г. стала заполняться перепечатками из консервативно-охранительных «Нового времени», «Киевлянина», «Харьковских губернских ведомостей», а также черносотенных «Русского знамени», «Русской земли», «Московских ведомостей».

В Государственном архиве Томской области сохранились подшивки «Томских губернских ведомостей» за 1907 и 1908 гг. с подписями В.Э. Мейера о допуске выпуска газеты и его правками (чернилами и синим карандашом) публикаций неофициальной части. Допуск размещался на титуле газеты («Печатать разрешается. Советник Мейер») и на страницах неофициальной части, если были внесены изменения в содержание и компоновку текста («По исправленному печатать разрешается. Советник В. Мейер», «Печатать разрешаю по исправлению и перемещении статей. В. Мейер»).

Отметим, что обычно читатель и исследователь периодики имеет дело с единственным растиражированным номером издания, вся работа по его подготовке, редактированию, корректуре и цензурированию остается «за кадром» и чаще всего навсегда. Сохранность таких предварительных типографских оттисков с рукописными правками – явление достаточно редкое в истории периодической печати, что делает подшивки «Томских губернских ведомостей» уникальным источником для изучения истории про-

винциальных правительственных изданий, конкретных форм и особенностей цензурного контроля над ними. Для этого необходимы расшифровка рукописных помет на полях и непосредственно в текстах публикаций, сравнение содержания двух вариантов одного и того же номера – предварительного варианта с правками и итогового печатного варианта, анализ наиболее значимых правок с точки зрения их смыслового и лингвистического характера, формулировка и обоснование предположений о причинах выполненных правок.

В отношении, казалось бы, несочетаемого конструкта «редактор–цензор» поясним, что, несмотря на освобождение губернских ведомостей в 1862 г. от общей цензуры [2. № 38040], а с 1881 г. и от предварительной [3. № 429], над ними сохранялся административный контроль губернских властей, и они выходили под их ответственность. В «Своде законов Российской империи» (по продолжению 1906 г.) содержится указание на то, что наблюдение за перепечатками из официальных изданий «политических известий» и «руководящих статей по предметам внешней политики и внутреннего управления» возложено на «ближайшее попечение вице-губернаторов» [4. Ст. 541. Прим. 2]. Редактор неофициальной части допускал выпуск газеты в печать, т.е. осуществлял цензорские функции. Но цензурировал он, конечно, не самого себя, а предоставляемый ему на просмотр и подпись уже подготовленный типографский оттиск (номера 1907 г. были напечатаны на более плотной чем у основного тиража бумаге, на которой было легче оставлять пометы перьевой ручкой или острым карандашом). Такой макет подготавливал начальник газетного стола, канцелярский служащий Николай Григорьевич Гусельников, занимавший эту должность на протяжении 31 года, с № 11 от 13 марта 1886 г. до выхода последнего номера «Томских губернских ведомостей» – № 10 от 5 марта 1917 г.

Первая правка В.Э. Мейера относилась к № 58 от 1 августа 1907 г. В заметке, критикующей «прогрессивную» кадетскую «Сибирскую жизнь» из-за статьи «На небо поглядывает, а на земле пошаривает» (о том, что отец Иоанн Кронштадтский начал разведку на подаренном ему золотом прииске), было вычеркнуто эмоциональное заключение: «Какая пошлость в чисто “освободительном” вкусе... Какая неприличная пошлость!» [5. 1907. № 58. 1 авг.].

Следующая правка была выполнена только через 10 номеров – в передовой статье «Томск, 12 сентября 1907 г.» с подзаголовком «Избавление Государя Императора от опасности» был исключен фрагмент из «Московских ведомостей», в котором высказывалась мысль о том, что столкновение с каменной грядой было запланированным терактом: «“А какой национальности был лоцман, ведший царскую яхту? Уж, конечно, не русский, а финляндец. И каким образом жизнь русского царя была вверена злейшему врагу России и русского народа! Да, – скажут нам, – ведь только финляндец мог знать фарватер в финских шхерах. Да, мы теперь видим, он *отлично* знал, куда вел императорскую яхту!” Все это совершенно верно и остается только пожелать, чтобы этот урок – ре-

зультат явной небрежности не прошел даром». От этого абзаца осталась только заключительная неопределенная часть: «Остается только пожелать, чтобы этот урок – результат явной небрежности не прошел даром» [5. 1907. № 69. 12 сент.].

В этом же номере в статье «“Разъяснения” или новый обман?», в которой говорилось о предвыборной кампании партии кадетов, были допущены откровенно бранные слова и предложения, не вошедшие в печатный номер: «Всем памятно, то ~~нечестное~~ [заменено на «чрезвычайно неприятное»] впечатление, которое произвело на общество поведение Второй Думы <...> И в добросовестном мозгу г. Кузьмина-Караваева ~~недая~~ измена пересилила сознание долга <...> Дума ~~из протеста~~ принимала заведомо ~~дурные~~ [заменено на «нелепые»] решения <...> ~~Хорошо-разъяснение~~ ~~нечестной деятельности думы!~~ ~~Можно же дойти до та-~~ ~~кого цинизма!~~» [5. 1907. № 69. 12 сент.].

Далее правки становятся относительно регулярными и следуют через несколько номеров. Так, в № 70 от 16 сентября, в разделе «Местная хроника», был расширен за счет других публикаций (о приезде томского архиепископа Макария, предстоящих выборах и добросовестном мастере-ювелире) некролог о скоропостижной кончине супруги томского вице-губернатора И.В. Штевена – С.А. Штевен. Текст дополнился новыми подробностями панихиды, описаниями глубины скорби мужа и окружающих, более возвышенной стала стилистика («цветущая здоровьем и жизнерадостностью», «роковой день» и т.д.), исключен возраст умершей (33 года), а причина смерти из менее благозвучного первоначального варианта – «уремия» – была заменена на нейтральный – «болезнь почек» [5. 1907. № 70. 16 сент.]. На сороковой день после кончины вице-губернатор И.В. Штевен извещал о заупокойной обедне и панихиде в память о кончине супруги. «Извещение» было размещено на первой странице газеты (путем вычеркивания ряда официальных объявлений) [5. 1907. № 79. 17 окт.].

В несколько запоздалом (в сентябрьском номере) обращении «Союза русского народа» о роспуске II Государственной Думы 3 июня 1907 г. были вычеркнуты инвективы в отношении ее депутатов – «эти негодяи» (заменено на «они»), «проклятые изменники» (оставлено только «изменники») [5. 1907. № 71. 19 сент.]. Зато совершенно нетронутой осталась в этом номере большая статья «Загадочный старец», в которой упоминалось о посещении могилы старца Федора Кузьмича наследником Николаем Александровичем (хотя этот факт спорный до настоящего времени), и приводилось содержание новейшего труда великого князя Николая Михайловича «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича» (1907). С одной стороны, удовлетворялась насущная потребность в поднятии пошатнувшегося авторитета монархии Романовых, с другой – приведенные в статье обстоятельства сходства двух личностей и невнятность итоговых выводов могли питать среди томищей кривотолки и мистические версии.

В передовой «Томск, 26 сентября», посвященной выборам в III Государственную Думу в Томске, текст

был избавлен от пространных и резких выражений, а также указаний на конкретных личностей: «~~Даже местный отдел Союза 17 октября, до наступления выборов обыкновенно почивающий безмятежным сном, неизменно грезящий о “конституции”, исполнился и выставил список своих кандидатов. Главный штаб м[М]естных[е] кадет[ы], размещающийся в редакции “Сибирской жизни”, проявляет [ют] еще более лихорадочную деятельность <...> Опубликованный нашими “кадетами” список кандидатов в выборщики, можно сказать, блестящий: три купца, целых четыре профессора, а остальные – тоже “умственные интеллигенты” <...> Очевидно, у этих купцов, на ~~эти~~ которых думают выехать поправевшие для виду кадеты, мало своей купеческой амбиции, а память у них несомненно коротка <...> Какой ~~с Божьей милостью~~ поворот! Что-нибудь одно из двух: или ~~гг. Максимов, Житков и Толкачев~~ [заменено на «эти купцы»] не сегодня-завтра откажутся от своих “капиталов” в пользу “трудящегося класса” и превратятся в настоящих “умственных интеллигентов”, или они играют роль ширмы, роль приманки, на которую наши кадеты рассчитывают словить голоса более умеренных элементов, а в члены Госуд. Думы проведут своих или более “прочных” кадетов, ~~как, например, г. Головачев и другие~~» [5. 1907. № 73. 26 сент.].~~

В этом же номере в рубрике «Русская печать» была сделана менее выраженной транслируемая черносотенной печатью ненависть к умеренным либеральным партиям, которые в подобных изданиях смешивались с радикальными революционными партиями: «Грабителей и убийц начинает ловить уже само население, и жестоко расправляется с ними. Газеты и кадеты ругаются и посылают в преисподнюю монархистов патриотов, вставших им поперек дороги и уничтожавших все их подлые замыслы. Это ведет к ~~хорошему и живо отобьет у товарищей “кровопийц” охоту заниматься их подлым ремеслом <...> В России идет чистка. Крамольных попов изгоняют. Конституционных командиров полков (!?) октябристов отрывают от должности. Скоро примутся за судей. Давно пора. Товарищи-социалисты почесывают носы~~ [заменено на «присмирели»]. Вампирам этим уже не так легко пить теперь народную кровь <...> Царь наделяет крестьян землей и отводит им под переселение лучшие земли, не дожидаясь 3-й Думы, ~~от которой опять кроме подвохов ничего не ждать, в ней по видимому будут кадеты и октябристы – этим все сказано~~» [5. 1907. № 73. 26 сент.].

С завершением революции и выборов в III Государственную Думу, ставшую правой по своему составу, В.Э. Мейер вносил правки, чтобы вернуть изданию привычный «старорежимный» облик. Так, сообщение о литургии и торжественном молебне в Троицком кафедральном соборе по случаю тезоименитства наследника престола было им расширено путем включения публикации о новом выпуске городских облигаций. В результате оно было выдержано в духе самодержавие–православие–народность: «По случаю дня тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого князя Алексея Николаевича 5 октября в Троицком кафедральном соборе высокопреосвященным Макарием архиепископом Томским и Барнаульским была совершена божественная литургия и отслужен благодарственный молебен. В храме присутствовали: управляющий губернией И.Б. Маршанг, начальники отдельных частей и учреждений всех ведомств, офицеры воинских частей, расположенных в городе Томске, и множество народа. После богослужения на Соборной площади состоялся парад войск местного гарнизона. Парад принимал генерал-майор Редько. В этот день город был украшен флагами, вечером зажжена иллюминация» [5. 1907. № 76. 7 окт.].

В то же время в подобных официальных «пресс-релизах» (клишированность которых наводит на мысль о том, что их можно было готовить без участия в самом мероприятии) редактору неофициальной части было присуще чувство меры. Так, в «Местной хронике», повествующей о праздновании в Томске дня коронации Николая II и Александры Федоровны, было вычеркнуто предложение: «Начальником губернии вновь была произнесена “здравница” государю императору» [5. 1908. № 32. 18 мая]. Судя по тексту, такая «здравница» была произнесена утром перед парадом войск и перед торжественным завтраком. Упоминание о такой повторной вечерней «здравнице», возможно, показалось чрезмерным в ряду привычных официальных канцеляризов – «храм был полон молящихся», «войска лихо прошли церемониальным маршом», «публика любовалась эффектной иллюминацией» и т.д. В условиях разворачивающегося в стране трезвенного движения могло выглядеть неуместным, что начальник губернии поднял за завтраком бокал в день рождения императрицы Александры Федоровны. В печать был отправлен более эвфемистичный вариант: «За завтраком начальником губернии был провозглашен тост за здоровье их императорских величеств» [5. 1908. № 35. 28 мая].

Редактором-цензором сглаживались ставшими привычными в период существования первых двух дум антиеврейские инвективы. Приведем только один из характеристических и наиболее развернутых примеров такой правки в статье «Агония еврейского социализма»: «Только еврею могла придти в голову такая ~~подлая~~ мысль, как отрицание отечества <...> И вот как долго люди шли на эту ~~жидовскую~~ удочку! Сколько кровавых переворотов совершилось уже в одной Европе ранее, чем христиане поняли, что их славят евреи только ради удовлетворения своей ~~ненасытной~~ жадности! <...> Ранее других очнулись от этого ~~жидовского~~ внушения рабочие наиболее просвещенных стран – Англии, Америки и Германии <...> На последнем съезде в Штутгарте выяснилось, что рабочие и Австралии, и Японии точно так же относятся к ~~жидовскому~~ социализму Маркса <...> А когда предатель своей родины, француз Эрва, заявил, что в случае нападения на Францию он поднимет бунт и встретит неприятеля с красными флагами, – ему пришлось услышать свистки и шиканье. ~~Только наши дуболомы, которые идут на помочах евреев и своими мозгами не научились еще шевелить, были сторонниками предателя~~ <...> Итак, национализм победил ~~жидовский~~ [еврейский] международный со-

циализм <...> Но наших отрезвляет уже общий национальный подъем, да между нашими рабочими и не много таких ~~идущих~~, которые охотно идут за евреями и за их ставленниками <...> Уже и теперь вполне выяснилось, что наши социал-демократы, особенно наиболее ~~тупые~~ [неразвитые] между ними – большевики, потеряли всякий авторитет в среде рабочих <...> В Штутгарте началась агония ~~жидовской~~ [еврейской] социал-демократии и обрисовались первые ростки *национального рабочего движения*. Этим росткам мы желаем полного развития...» [5. 1907. № 79. 17 окт.].

В Томске, как и во многих городах России, совершались экспроприаторские акты – 20 августа 1907 г. нападению подвергся бухгалтер Томского технологического института Д.Н. Соковнин [5. 1907. № 64. 22 авг.]. Ровно через два месяца, 20 октября, «экс» повторился. На этот раз Соковнину не удалось счастливо избежать опасности и он был смертельно ранен нападавшими [5. 1907. № 81. 28 окт.; № 82. 31 окт.]. При описании случившегося была исключена подача информации в виде слухов (это законодательно запрещалось в официальной губернской газете): «После этого экспроприаторы, ~~как говорят~~, произведя еще выстрел в Соковнина бросилась бежать > На другой день в институте был произведен обыск, ~~но говорят, что ничего предосудительного не найдено~~» [5. 1907. № 81. 28 окт.]. В следующем номере было полностью вычеркнуто сообщение «Местной хроники» о подробностях проведенных следственных мероприятий: «Из 100 человек посторонней публики арестованных 20 октября на сходке в технологическом институте, уже выпущено из под ареста около 90 человек». В еще одной заметке номера, чтобы, видимо, не гущать краски от частоты экспроприаторских актов в Томске, сообщение «Покушение на экспроприацию» было заменено на «Покушение на грабеж» [5. 1907. № 82. 31 окт.].

В одном из завершающих 1907 г. номеров В.Э. Мейером с помощью красного карандаша были переставлены по значимости события «Местной хроники» – «Посещение членами Думы начальника губернии» (профессором Некрасовым и крестьянином Мягким) было поставлено на первое место, второе место заняло «Заседание губернской санитарно-исполнительной комиссии». «Поездка начальника губернии» по ее уездам была вычеркнута (возможно, по соображениям безопасности). Далее следовали «Перемены в составе местной прокуратуры» (откуда вычеркнута начальная фраза «По слухам») и «Пойманные вымогатели» [5. 1907. № 83. 12 дек.]. Такие перестановки с заменой статей часто производились в 1908 г. Например, на неофициальной части № 10 от 13 февраля 1908 г. буквально не осталось живого места – все публикации были переставлены с места на место и выстроены по новому порядку цифрами от I до X, нанесенными красным карандашом. Приоритет был отдан визиту томского губернатора К.С. фон Нолькена в Петербург и его встречам с высокопоставленными лицами, включая П.А. Столыпина [5. 1908. № 10. 13 фев.].

С помощью синего карандаша и латинских цифр был полностью переставлен порядок публикаций № 9 от 6 февраля 1908 г. Было: «Чествование юби-

лея М.Г. Кривошлыка» [редактора «Ведомостей С.-Петербургского Градоначальства и столичной полиции], «Местная хроника», «Туман или действительность?», «Заслуженный солдат», «Убийство португальского короля Карлоса и его наследника престола» [5. 1908. № 9. 6 фев.]. Вышло в печать: «С.-Петербург, 4 февраля» [о служебной командировке томского губернатора К.С. фон Нолькена в С.-Петербург], «Местная хроника», «Убийство португальского короля Карлоса и его наследника престола», «Чествование юбилея М.Г. Кривошлыка», «Туман или действительность?», «Деятельность Союза Русского народа» (взято из предыдущего № 7, откуда было вычеркнуто и заменено более важным сообщением о служебной командировке губернатора [5. 1908. № 7. 27 янв.]). Таким образом, событийный ряд выстраивался от более уместных в губернской газете местных событий к международным и общероссийским. Перестановки в соответствии с тем, как Мейер понимал для себя значимость публикаций, были выполнены в № 30 от 11 мая 1908 г. и № 37 от 8 июня.

Наибольшим правкам была подвергнута статья «Туман или действительность», за авторством В.В. Ярмонкина из «Русского Знамени». Приведем большинство из них: ~~«Говорят, что в России наступило относительное спокойствие. Так ли это? Не есть ли это затишье перед бурей?»~~ Когда вдумываешься в историю революционных движений народов, то поражаешься прежде всего себялюбием и ~~тупым~~ индифферентизмом ~~направляющих~~ [высших] классов к текущей жизни <...> если бы были приняты те или иные меры, была бы проявлена энергия ~~направляющих классов~~ [некоторых лиц] в том или ином направлении, то не было бы потрясений государственного организма <...> У нас так привыкли играть словами, что даже ~~провокаторское разбойничье движение~~ [время], пережитое Россией за последние два года, именуют революцией <...> Целый ряд факторов <...> указывает на совершенно необъяснимый образ действий ~~власти (С.Ю. Витте, Святополк-Мирский и Лапухина~~ [некоторых лиц, облеченных властью] в ~~дни~~ [разгар] политического ~~их]~~ ~~распутства~~ [страстей] <...> Возможно ли была открытая поддержка всех убийств, грабежей, насилий и призыва к восстанию со стороны первых двух Дум, если бы наша интеллигенция не была заранее [уже] развращена? ~~до мозга и костей?~~ <...> Возможно ли ~~несистемная~~ [неблаговидная] политическая деятельность духовных лиц, если бы заранее кощунственно не разрушались ~~бы~~ основы христианства? <...> что сделала законодательная власть за это время, чтобы уничтожить вышеуказанную нами почву нравственного и экономического разложения России? – На это может быть только один ответ: ~~ничего~~ [очень мало]. ~~А если “ничего”, то о каком же успокоении может идти речь? При В.К. Плеве было гораздо более пока, а когда темная сила убила его, то что открылось? Покойный Плеве только не делает ее и П.А. Столыпин. В этом только и разница между данной минутой и временем истекших 2–3 лет, но почва остается все та же, и перемена правительственного персонала в сторону беспрерывно действующей и теперь темной~~

~~енилы вновь сразу открывает картину еще, может быть, гораздо больших ужасов, чем те, которые мы только что пережили»~~ [5. 1908. № 9. 6 фев.].

Неизвестно, какова могла быть реакция автора на эту стилистическую правку, в результате которой были исключены не только неудачные и резкие выражения и обороты, но и не был донесен до губернского читателя общий обвинительный пафос статьи по поводу политического бессилия конкретных и известных фигур, с заменой их на абстрактных «лиц, облеченных властью». Многообразие выполненных правок (здесь приведены далеко не все), видимо, привело к тому, что статья в итоге была сверху до низу перечеркнута жирной синей линией, однако все же она появилась в номере, вышедшем в печать.

Большое количество правок содержит № 8 от 30 января 1908 г. Публикация под нейтральной рубрикой «Обзор печати» получила отдельный заголовок – «Полицейская тактичность». Сравним изменения. «“Вы не тактично поступили”. Такими словами нередко ~~его порицает~~» [ыговаривает] ~~своего~~ [му] ~~подчиненного~~ [ому] высшее полицейское начальство <...> Тактичное обращение полицейских с обывателями, конечно, необходимо, ~~но можно ли его допустить в отношении какого-нибудь социал-негодяя ставящего ни во что чужую жизнь, пусть судит сам неостомысливший читатель~~ [внушать это чинам полиции и требовать от них “тактичности” начальство обязано со всею строгостью]. Жизнь, здоровье и будущее каждого полицейского, как охранителя порядка, несомненно должны служить предметом особой заботливости Правительства. Для этого, прежде всего, надо удвоить ничтожное жалование ~~нижним~~ [младшим] чинам полиции...» [5. 1908. № 8. 30 янв.]. В результате произведенных правок был изменен смысл публикации – поставленная автором проблема упреждающего применения полицейскими оружия ради самообороны полностью исчезала из текста, а возникшая лакуна заполнялась рефреном казенного и нейтрального призыва полицейских к тактичности.

В статье «Обход закона евреями» (в которой указывалось на то, что еврейские жители Белостока из-за приверженности революции вывешивают российский флаг красной полосой вверх) везде по тексту были произведены изменения привычных для черносотенной прессы наименований лиц иудейского вероисповедования: «молодой жид» – «молодой еврей», «жидовка-лавочница» – «еврейка-лавочница», «жидовских домах» – «еврейских домах», «попираем жидов» – «попираем его врагами» и т.п. Выпущено было и упоминание о возможных практических действиях автора статьи – «Проезжего» в защиту российского флага: «Я был крайне ошеломлен произнесением этой мерзости [дерзости], ~~и прежде чем решиться съездить жидов русским кулаком по окаянной его шее, жидов уже и след простыл~~» [5. 1908. № 8. 30 янв.].

Заключала номер статья «Гнезда разврата», в которой «возмущенный отец», после посещения спектаклей («вроде “Эпидемии любви”») потерял к ним всякое доверие и запретил своим детям бывать на них. Были вычеркнуты инициалы «артистки» – «Л.Н.» и исправлен заключительный абзац: «Вот, если бы эту

“артистку” привлекли к ответственности, да приговорили ее месяца на три ~~в кутузку~~ [под арест], то, вероятно, она навсегда бы забыла, как поется “Паренек”, да и другие “артистки”, того же пошиба поостереглись бы петь что не следует <...> В Америке [например] такие судьи попадаются очень часто, а у нас ~~про них что-то не слышать. Неурожай...~~ [они – редкость]» [5. 1908. № 8. 30 янв.].

Подшивка «Томских губернских ведомостей» за 1908 г. содержит приложение к неофициальной части № 10 от 13 февраля. Приложение это было посвящено борьбе с пьянством и связано с деятельностью в III Государственной думе депутата-октябриста от Самарской губернии М.Д. Челышева. В текст было внесено ряд уточняющих правок, не изменяющих их содержания. Например, заголовок статьи «Состояние опьянения с точки зрения юридической» был заменен на «Мнение профессора Бунге о вреде пьянства». К заметке «Комиссия о мерах по борьбе с пьянством» добавлено: «Деятельность Государственной думы в борьбе с пьянством» [5. 1908. № 10. 13 фев. Прил.]. В газетных фондах Научной библиотеки ТГУ, Новосибирской государственной областной научной библиотеки и Библиотеки Академии наук не сохранилось этого приложения (имеется только приложение аналогичного содержания к № 39 от 15 июня), и оно, по всей видимости, отложилось только в типографском оттиске с правками в фондах Государственного архива Томской области.

Одним из основных источников информации для «Томских губернских ведомостей» были перепечатки из официальных, официозных или частных консервативных изданий. В большинстве случаев указывались его название, авторский псевдоним или инициалы, иногда таких указаний не было, но из содержания публикации и так было ясно, что речь идет совсем не о томской общественной жизни. Случалось, В.Э. Мейер собственноручно добавлял «выходные данные». К статье «Добрые советы», содержащей рекомендации по избавлению от алкоголизма, красным карандашом был приписано «Б.», а в конце статьи «Вино и его роль в освободительном движении» добавлены инициалы «В.М.» [5. 1908. № 4. 16 янв. Прил.]. Авторство могло и скрываться – автор обращения «К пьющим и непьющим» – «Священник д. Буя[нрб]» был сокращен до «Б.». Могло уточняться место первоначальной публикации для известных авторов – в № 42 от 25 июня 1908 г. в конце статьи М.В. Мещерского «Устройство церковного быта сибирских переселенцев» добавлено «Московские ведомости», а в конце статьи Н. Шипова «Активное участие алкоголиков в революционных смутах» – «Русское Знамя» [5. 1908. № 42. 25 июня].

Интересные метаморфозы произошли со статьей «Распушенность молодежи», в которой была произведена следующая правка: «В [За] два последние “освободительные” года на улицах ~~наших городов~~ [почти всех больших городов] стали появляться двенадцатитринадцатилетние девочки-проститутки, чего раньше никогда не замечалось <...> В ~~нашем городе~~ [в каждом крупном центре за] последние ~~три~~ года[ы] страшно растет хулиганство среди молодежи, от ко-

торой положительно житья не стало <...> ~~В заключение нельзя не порадоваться, что наша~~ [В одном из губернских городов] городская дума, по предложению ~~уважаемого~~ городского головы, ~~г. Любомудрова~~, постановила просить местного епископа обратить свое особое внимание на нравственную сторону воспитания юношества в духе православной веры и церкви... ~~Московские ведомости~~] [1908. № 36. 4 июня]. В результате исключений фамилии городского головы (А.А. Любомудров был тульским городским головой [6. С. 105–109]) и источника заимствования, вольно или невольно, но для читателя создавалась имитация местной новости, ведь подобное могло относиться к любому губернскому городу, в том числе и к Томску.

Нередки в ведомостях были исключения упоминаний конкретных фамилий политических деятелей как общероссийского, так и местного масштаба. В передовой «Томск, 29 октября 1907 г.» о результатах выборов в III Государственную думу было вычеркнуто следующее предложение: «а направление деятельности кн. Васильчикова, г. Философова или г. Кауфмана потребует, вероятно, серьезных объяснений, которые могут оказаться недостаточно вразумительными» [5. 1907. № 81. 28 окт.]. Публикация о наложении штрафа в 1 тыс. руб. на редакторов-издателей «Сибирской жизни» профессоров И.А. Малиновского и М.Н. Соболева за публикацию статьи «Думские впечатления», «возбуждающей враждебное отношение к правительству», была полностью вычеркнута (заменена перепечаткой из «Земли» о покушении в Москве 21 ноября 1907 г. на генерал-губернатора С.К. Гершельмана) [5. 1907. № 91. 2 дек.]. В статье «Порнография и экзамены» был вычеркнут ее подзаголовок – «Беседа с товарищем министра народного просвещения Д.А. Георгиевским». Фамилия министра (зарекомендовавшего себя в качестве сторонника «твердой руки» в образовании) была вычеркнута везде по тексту, и его прямая речь, таким образом, приобрела характер безличной характеристики сложившейся ситуации и возможных путей ее исправления [5. 1908. № 34. 25 мая].

Если информация казалась сомнительной или излишне резкой, то она не пропусклась. Так, в № 27 от 27 апреля 1908 г. была вычеркнута перепечатка из «Русского Знамени» – «Замечательная семья думского „законодателя“», в которой говорилось о том, что дочери депутата III Государственной думы от Томской губернии В.К. Штильке были виновны в краже драгоценных вещей [5. 1908. № 27. 27 апр.]. Дело, вероятно, заключалось еще и в том, что 15 апреля Штильке скончался [7. С. 549].

Приходилось сглаживать и двусмысленности в отношении и непосредственного начальника В.Э. Мейера. Так, в статье «Евреи одолевают», в которой положительно оценивалось распоряжение томского губернатора о высылке из губернии всех евреев, не имевших в ней права на жительство, было синим карандашом подчеркнуто предложение и поставлен вопросительный знак: «Однако радость эта оказалось преждевременной, потому что с отъездом барона Нолькена в Петербург распоряжение это приводится в исполнение очень медленно» [5. 1908. № 25. 9 апр.]. В резуль-

тате в печать не попала не только эта весьма сомнительная причинно-следственная связь, но и большой фрагмент далее, где говорилось, что евреи продолжают пребывать в губернию, «с нас довольно и своих местных евреев, забравших в свои руки главную торговлю». Подпись «Томич» под статьей была заменена на «Русское Знамя».

Обращает на себя внимание № 44 от 13 июня 1908 г. – в типографском оттиске, предоставленном на правку, рубрика «Местная хроника» открывалась пустым пространством, которое, вероятно, было заранее отведено для оперативного сообщения о съезде уездных исправников Томской губернии 10–12 июля, «на котором обсуждались вопросы, как выдвинутые нормальным течением общественной жизни, так и исключительными условиями переживаемого времени» [5. 1908. № 46. 13 июля]. Сообщение заполнило пустое пространство в номере, вышедшем в печать.

Достаточно много в текстах газеты было исправленных опечаток, появившихся в результате небрежности или начальника газетного стола, или наборщиков губернской типографии. Такие опечатки были не только по тексту, но и в заголовках. Например, «Из проказа генерала Думбадзе» (вместо «приказа» [5. 1907. № 86. 14 нояб.]), «О высылке паспорта» (вместо «о высылке» [5. 1908. № 13. 27 фев.]), «О владивостокском пункте» (вместо «бунте» [5. 1907. № 88. 21 нояб.]) и т.д. Последнее исправление, выполненное красным карандашом, не было внесено в номер, который так и вышел с опечаткой. Корректировке подвергались и стилистически неудачные заголовки. Например, «Выставка вреда от алкоголя в Москве» была заменена на «Антиалкогольная выставка в Москве» [5. 1908. № 41. 22 июня]. Одна курьезная опечатка в духе «казнить нельзя помиловать» была отмечена на полях синей пометкой «??!», что подчеркивает скрупулезный характер проделываемой В.Э. Мейером работы: «...в присутствии начальника японской 16-й армии кавалерийской дивизии генерала Чичагова было проведено учение 1-му конному полку». Зачисленный в японскую армию русский генерал был «возвращен» на родину: «...в присутствии начальника японской 16-й армии кавалерийской дивизии, генералом Чичаговым было проведено учение 1-му конному полку» [5. 1907. № 78. 14 окт.]

Сохранившиеся правки В.Э. Мейра по подготовке номера к печати позволяют наделить его не только функций редактора и цензора, но и корректора. В статье Н. Богаевского «Армия и смута» (перепечатка из «Колокола»), занимавшей менее половины страницы, внесена 21 правка орфографического, пунктуационного и стилистического характера [5. 1908. № 12. 20 фев.]. Содержательные акценты статьи остались без изменений. В публикацию «Нарушения Устава о гербовом сборе по незнакомству населения с правилами взимания этого сбора» было внесено 25 орфографических и пунктуационных правок (главным образом, исправление окончаний), чтобы исправить очевидную небрежность в наборе данного текста [5. 1908. № 34. 25 мая]. Тщательный просмотр каждого номера подтверждает, например, что в обширной перепечатке из «Русского Знамени», в которой приво-

дилось пространное антисемитское высказывание Бисмарка, было распознано и вычеркнуто слово «жиды», с заменой на более корректное – «евреи» [5. 1908. № 31. 14 мая]. В большой статье «Взаимоотношения прокурорского надзора и тюремного начальства» В.Э. Мейер подчеркнул несколько фрагментов, на которые важно было сделать смысловой акцент. В печатном экземпляре они были выделены курсивом: «...начальнику отдельного места заключения, который является непосредственным хозяином и распорядителем в тюрьме», «...особенно высоко должен стоять авторитет начальника тюрьмы», «чины прокурорского надзора должны поэтому неуклонно воздерживаться от каких-либо непосредственных распоряжений в местах заключения...» [5. 1908. № 36. 4 июня].

Итак, подведем итоги. «Томские губернские ведомости», мобилизованные губернскими властями с конца 1905 г. на информационную войну с революцией, после ее окончания продолжали выполнять функции ретранслятора торжествующих и негодующих взглядов правой консервативной печати на недавние события «русской смуты» и освещать в таком же идеологическом ключе события местной жизни. В 1908 г. томские монархисты стали выпускать газету «Сибирская правда», и уже со второй половины 1908 г. публикации об их деятельности пропали со страниц «Томских губернских ведомостей», а с 1909 г. пропала и присущая этому политическому движению риторика.

Ведущий неофициальную часть В.А. Мейер выступал не в качестве пишущего редактора (со своей колонкой или передовыми статьями), а как администратор, с функционалом редактора, цензора и корректора текстов, подготавливаемого для него начальником газетного стола Н.Г. Гусельниковым специального типографского оттиска.

Публикации, в которые вносились правки, освещали общероссийские политические события, события политической жизни Томска и Томской губернии,

а также неapolитические события. Сами правки возможно объединить в следующие группы – вычеркивание отдельных «лишних» слов, словосочетаний, предложений, а также целых абзацев и полностью публикаций; вычеркивание отдельных слов, предложений и публикаций с их заменой; исправление форм слов и их окончаний; исправление опечаток; перестановка публикаций в ином порядке; указание или изменение источника заимствования или автора публикации. Правке редактора-цензора подвергались как статьи на местные темы (размещаемые, как правило, без указания автора), так и перепечатки из других газет (как правило, с указанием источника заимствования), хотя они уже были допущены к печати в этих изданиях.

Правки лингвистического характера были обусловлены стремлением улучшить читабельность и восприятие текста, избавить его от ошибок и опечаток. Смысловые правки в статьях неapolитического характера носили преимущественно, стилистический характер и имели целью повысить, насколько это было возможно и необходимо в провинциальной правительственной газете, художественный уровень текста.

При работе со статьями политического содержания В.Э. Мейер руководствовался не только правительственным и проправительственным направлениями в политической жизни страны, но и местными губернскими условиями. Вносимые им смысловые правки были призваны смягчить чрезмерно высокий градус и эмоциональный характер критики либеральных и революционных сил со стороны правой печати, исключить упоминание ряда конкретных лиц и обвинений в их адрес, направить освещение общероссийских и местных событий в более спокойное (скорее информационное, чем публицистическое) русло. В ряде случаев эти правки даже изменяли первоначальный смысл публикации, и можно говорить о создании на основе текста первоисточника его нового варианта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1865. Т. 37.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1.
4. Свод законов Российской империи. Все 16 томов, исправленные по Продолжениям 1906 и 1908 гг. и дополненные позднейшими узаконениями, в четырех книгах. М., 1910. Т. 2: Свод губернских учреждений.
5. Томские губернские ведомости.
6. Курлов М., Майорова Л. Андрей Андреевич Любомудров // Тульский краеведческий альманах. 2008. Вып. 6.
7. Шиловский М.В. Штильке Василий Константинович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 июня 2020 г.

Activities of the Censor-Editor in *Tomskie Gubernskie Vedomosti* in 1907–1908

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 177–184.

DOI: 10.17223/15617793/458/22

Vyacheslav V. Shevtsov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

Keywords: history of periodicals; *Tomskie Gubernskie Vedomosti*; editor of unofficial part; censorship; proofreading; V.E. Meyer; Revolution of 1905–1907.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00352A.

The article is devoted to the problem of studying the censorship of provincial pre-revolutionary periodicals (the official newspaper *Tomskie Gubernskie Vedomosti* [Tomsk Provincial Sheets] in particular). Usually, a reader or a researcher of periodicals deals with the issue of the newspaper that has been distributed, all the work on its preparation, editing, proofreading, and censorship re-

mains “behind the scenes”. In this case, a special typographic print intended for editing and admission for publication by the editor of the unofficial part of *Tomskie Gubernskie Vedomosti* that was preserved in the State Archive of Tomsk Oblast allows examining the specific forms and features of the work of the editor and the censor. A complex of textual methods was used to study the considered archival material, including semantic analysis of newspaper text, syntactic and contextual analysis, and also a historical reconstruction method. The synthesis of linguistic methods and historical analysis methods is due to the complexity of the material, which requires an integrated interdisciplinary approach. Like most documents related to the implementation of censorship in pre-revolutionary Russian journalism, this print as an object of study is at the intersection of textual criticism, archival research, history, and journalism. During the study, the handwritten notes in the margins and in the very texts of the publications were deciphered; the contents of two versions of the same issue (the preliminary version with corrections, and the final printed version) were compared; the most significant corrections were analyzed from the semantic and linguistic point of view; assumptions about the reasons for the edits were made and justified. The following conclusions were drawn as a result of the study. V.A. Meyer, responsible for the unofficial part, was not a writing editor (with his own column or editorials), but an administrator with the functions of an editor, censor, and proof-reader of the special typographic print, which N.G. Guselnikov, the head of the newspaper office, prepared for him. The edited publications covered all-Russian political events, political events in Tomsk and Tomsk Governorate, as well as non-political events. The edits can be grouped into the following categories: delenda (deletion of certain “extra” words, phrases, sentences, as well as whole paragraphs and entire publications); replacement certain words, sentences, and publications; correction of forms of words and their inflections; correction of typos; rearrangement of the order of publications; indication or change of the source of borrowing or the author of the publication. The censor-editor edited both articles on local topics and reprints from other newspapers despite the fact that the reprints had already been accepted for publication by other periodicals.

REFERENCES

1. Palin, A.V. (2004) *Tomskoe gubernskoe upravlenie (1895–1917 gg.): struktura, kompetentsiya, administratsiya* [Tomsk Provincial Administration (1895–1917): Structure, Competence, Administration]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
2. Russian Empire. (1865) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 37. Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
3. Russian Empire. (1885) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
4. Russian Empire. (1910) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Vse 16 tomov, ispravlennye po Prodolzheniyam 1906 i 1908 gg. i dopolnennye pozdneyshimi uzakoneniymi, v chetyrekh knigakh* [Code of Laws of the Russian Empire. 16 Volumes Corrected According to the Proceedings of 1906 and 1908 and Supplemented by Later Acts. In Four Books]. Vol. 2. Moscow: [s.n.].
5. *Tomskie gubernskie vedomosti*.
6. Kurlov, M. & Mayorova, L. (2008) Andrey Andreevich Lyubomudrov. *Tul'skiy kraevedcheskiy al'manakh*. 6. (In Russian).
7. Shilovskiy, M.V. (2009) Shtil'ke Vasily Konstantinovich [Vasily Shtilke]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri.

Received: 20 June 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 796.88

А.В. Большой, О.И. Загrevский

ВАРИАТИВНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАГРУЗКИ ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ УПРАЖНЕНИЙ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ МЕЗОЦИКЛЕ ТЯЖЕЛОАТЛЕТОВ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Приводятся результаты разработки и экспериментального применения программы тренировки квалифицированных тяжелоатлетов с использованием различных вариаций нагрузки по зонам интенсивности и основным группам упражнений в микроциклах соревновательного мезоцикла. Разработаны рекомендации относительно распределения нагрузки в соревновательном мезоцикле квалифицированных тяжелоатлетов.

Ключевые слова: тяжелая атлетика; тренировочная нагрузка; объем; интенсивность; мезоцикл; микроцикл; основные группы упражнений.

Введение

Актуальность. В тяжелой атлетике на протяжении всего ее существования ведется поиск оптимальных методик организации тренировочного процесса. Исследования в тяжелоатлетическом спорте проводились по всему спектру проблем, связанных с методикой тренировки, техникой выполнения упражнений, воспитанием специальных скоростно-силовых качеств, методами контроля состояния спортсмена, системой соревнований. В результате исследований накоплен огромный научный материал, который составил систему многолетней тренировки в тяжелой атлетике [1].

Тяжелая атлетика относится к тем видам спорта, где двигательные действия требуют прогрессирующего развития и максимального проявления ведущих физических качеств. Ведущими физическими качествами в тяжелой атлетике принято считать силовые качества, гибкость, скорость [2]. Физическая подготовка тяжелоатлетов имеет свои содержательные особенности. В многолетнем тренировочном процессе тяжелоатлеты применяют специфические средства и методы, которые составляют тренировочную нагрузку.

В своих работах исследователи подчеркивают важность распределения нагрузки в годичных периодах, мезоциклах и микроциклах. Особое внимание в исследованиях уделяется соревновательному периоду подготовки тяжелоатлетов. Данный период, по мнению ведущих специалистов, должен иметь продолжительность 4 недели, его принято называть соревновательным мезоциклом. На всем протяжении соревновательного мезоцикла для успешной подготовки наибольший объем нагрузки должен быть распределен между основными группами тяжелоатлетических упражнений [3–5].

Доказана необходимость применения тренировочных нагрузок высокой интенсивности в рывковых и толчковых упражнениях в соревновательном мезоцикле, с целью повышения соревновательного результата [2, 5, 6]. Многократное выполнение подъемов в режиме субмаксимальной интенсивности возможно только квалифицированными спортсменами, обладающими

высоким уровнем технического мастерства [6, 7].

Для прогнозируемой успешной соревновательной подготовки квалифицированных тяжелоатлетов важное значение имеет как общий уровень нагрузки в соревновательном мезоцикле, так и характер распределения тренировочной работы по объему и зонам интенсивности в микроциклах внутри этого мезоцикла.

В работах, посвященных критериям и параметрам тренировочной нагрузки в микро-, мезо-, макроциклах тренировки, имеются рекомендации для спортсменов различного уровня спортивного мастерства, в том числе и для спортсменов высшей квалификации [8–11]. Многие из этих рекомендаций носят противоречивый характер. Например, А.С. Медведев [8] рекомендует объем нагрузки в соревновательном периоде для квалифицированных тяжелоатлетов 685 ± 160 подъемов штанги в месяц независимо от весовой категории. Другой специалист – Р.А. Роман [9] считает, что при подготовке мастеров спорта к наиболее ответственным соревнованиям оптимальное количество подъемов штанги за месяц составляет 1 500. Предлагаемые учеными значения параметров объема и интенсивности тренировочной нагрузки для различных типов микроциклов и мезоциклов сильно разнятся. Одной из причин расхождения в параметрах, предлагаемых разными исследователями, является сложность учета количества подъемов штанги в различных упражнениях и отсутствие единого подхода к их учету. Также мнения авторов расходятся в вопросе оптимального распределения доли нагрузки между основными упражнениями при подготовке тяжелоатлетов к соревнованиям. Например, Э. Туркилери, И.П. Сивохин [11] рекомендуют полностью исключить из тренировочного процесса рывковые и толчковые тяги, тогда как А.С. Медведев [8] говорит о том, что нагрузка в тягах должна составлять около 30% от общей нагрузки квалифицированных тяжелоатлетов.

Таким образом, поиск эффективных средств и методов подготовки квалифицированных тяжелоатлетов к соревнованиям, направленный на совершенствование методики тренировочного процесса в соревновательном мезоцикле (составление рационального тренировочного плана и обеспечение наиболее благоприятных

ятного сочетания всех тренировочных нагрузок по основным группам тяжелоатлетических упражнений), является актуальной проблемой.

Цель исследования – совершенствование тренировочного процесса тяжелоатлетов высокой квалификации на основе применения различных вариаций нагрузки в зонах интенсивности по основным группам упражнений в микроциклах соревновательного мезоцикла.

Методика

Обобщив результаты научных исследований [2, 3, 5–11], мы пришли к выводам, что

- важнейшим фактором успешности подготовки квалифицированных тяжелоатлетов к соревнованиям является оптимальное сочетание параметров нагрузки в соревновательных упражнениях (рывковые упражнения – РУ и толчковые упражнения – ТУ) с параметрами нагрузки в специально-подготовительных упражнениях (тяги – Т и приседания – Пр);

- достижения спортсмена на соревнованиях в первую очередь зависят от определенной доли нагрузки в рывковых и толчковых упражнениях, которую спортсмен выполнил в соревновательном мезоцикле. Все другие упражнения (приседания, тяги рывковые и толчковые) должны иметь определенную субординацию к классическим упражнениям путем выполнения оптимальной по объему и интенсивности нагрузки;

- в соревновательном мезоцикле доля объема тренировочной нагрузки в соревновательных упражнениях увеличивается по отношению к подготовительному периоду и составляет 55–65% от суммарной величины нагрузки. Относительная интенсивность нагрузки, выраженная средним тренировочным весом штанги в процентах от максимального результата, в соревновательном мезоцикле квалифицированных тяжелоатлетов должна составлять > 70% в соревновательных упражнениях и > 90% в специально-подготовительных упражнениях;

- в соревновательном мезоцикле квалифицированных тяжелоатлетов параметры объема нагрузки, измеряемые количеством подъемов штанги (КПШ) за месяц, должны составлять 1238 ± 251 – 1634 ± 242 КПШ. Параметры объема уменьшаются с повышением весовой категории тяжелоатлетов. Объем нагрузки за месяц

в соревновательном периоде снижается по отношению к подготовительному периоду на 20–30% у атлетов всех весовых категорий;

- динамика изменения параметров нагрузки у квалифицированных тяжелоатлетов имеет зависимость от типа микроцикла и периода тренировок в годичном цикле подготовки. Наибольшее изменение величины нагрузки отмечается в ударном и соревновательном микроциклах.

Полученные данные стали основой для разработки двух программных вариантов тренировки тяжелоатлетов в 4-недельном соревновательном мезоцикле. При выборе средств тренировки в соревновательном мезоцикле за основу были приняты модели базового, восстановительного, ударного и соревновательного микроциклов [6, 12]. Данные модели микроциклов предусматривают 6-дневный двухразовый режим тренировок. Это влечет за собой существенное увеличение объема тренировочной нагрузки по сравнению с теми спортсменами, которые проводят одну тренировку в день.

Объем нагрузки в данных типах моделей следующий:

- базовый микроцикл – 100% (483 КПШ);
- ударный микроцикл – 125% (603 КПШ);
- восстановительный микроцикл – 70% (340 КПШ);
- соревновательный микроцикл – 38% (182 КПШ);

Распределение последовательности микроциклов в соревновательном мезоцикле проводилось с учетом следующих условий [12]:

- ударный микроцикл целесообразно применять в первой половине соревновательного мезоцикла;

- применение ударного микроцикла во второй половине соревновательного месяца может повлечь за собой негативные последствия для спортсмена при выступлении на соревнованиях;

- последовательное применение ударного и базового микроциклов способствует адаптации спортсменов к большей по объему величине нагрузке и может способствовать повышению соревновательного результата.

В итоге, для обоих программных вариантов подготовки тяжелоатлетов к соревнованиям была принята следующая последовательность микроциклов внутри соревновательного мезоцикла: **восстановительный** → **ударный** → **базовый** → **соревновательный** (рис. 1).

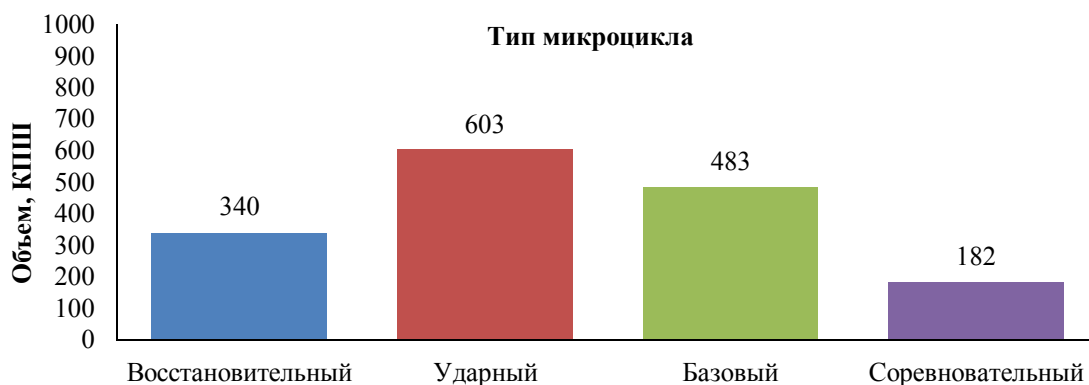

Рис. 1. Распределение объемов тренировочной нагрузки по микроциклам в экспериментальной программе тренировки соревновательного 4-недельного мезоцикла

Стоит подчеркнуть, что объем нагрузки и последовательность микроциклов в первом и втором вариантах программы не имеют различий.

Особенностью первого варианта экспериментальной программы подготовки является вариативное распределение доли нагрузки по основным группам тяжелоатлетических упражнений в ударном и восстановительном микроциклах относительно базового микроцикла.

Во втором варианте экспериментальной программы подготовки вариативности распределения доли нагрузки по основным группам упражнений с изменением типа микроцикла не наблюдается. Доля нагрузки в упражнениях, а также тягах и приседаниях сохраняется на уровне базового микроцикла (табл. 1).

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что доля объема нагрузки в классических упражнениях ударного и восстановительного микроцикла первого варианта экспериментальной программы тренировки повышается на 6–9% относительно базового, при этом на 6–9% наблюдается снижение доли нагрузки в специально-подготовительных упражнениях.

Второй вариант программы тренировки характеризуется отсутствием вариативности долей нагрузки по основным группам упражнений в различных типах микроциклов.

Разница в объемах тренировочной нагрузки в соревновательных и специально-подготовительных упражнениях в различных типах микроциклов двух экспериментальных вариантов тренировки соревновательного мезоцикла показана на рис. 2.

Таблица 1

Распределение нагрузки в основных группах тяжелоатлетических упражнений по типам микроциклов экспериментальной программы тренировки соревновательного 4-недельного мезоцикла

Вариант 1								
Средства	Тип микроцикла							
	Базовый		Ударный		Восстановительный		Соревновательный	
	КПШ	Доля	КПШ	Доля	КПШ	Доля	КПШ	Доля
Рывковые	120	25%	177	30%	96	28%	58	32%
Толчковые	144	30%	207	34%	111	33%	52	29%
Тяги	99	20%	99	16%	54	16%	30	16%
Приседания	120	25%	120	20%	79	23%	42	23%
Суммарно	483	100%	603	100%	340	100%	182	100%
Вариант 2								
Средства	Тип микроцикла							
	Базовый		Ударный		Восстановительный		Соревновательный	
	КПШ	Доля	КПШ	Доля	КПШ	Доля	КПШ	Доля
Рывковые	120	25%	150	25%	84	25%	58	32%
Толчковые	144	30%	180	30%	101	30%	52	29%
Тяги	99	20%	123	20%	70	20%	30	16%
Приседания	120	25%	150	25%	85	25%	42	23%
Суммарно	483	100%	603	100%	340	100%	182	100%

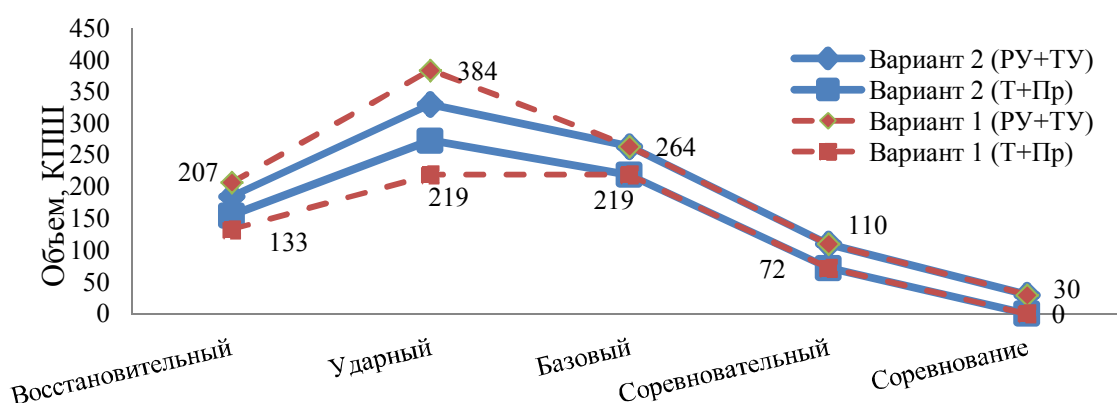

Рис. 2. Вариативность объемов тренировочной нагрузки соревновательных и специально-подготовительных упражнений в микроциклах экспериментальных вариантов тренировки соревновательного 4-недельного мезоцикла

Рис. 2 показывает, что структура нагрузки в ударном микроцикле первого и второго вариантов тренировки соревновательного 4-недельного мезоцикла различна. В первом варианте ударный микроцикл предусматривает выполнение 384 КПШ в классических упражнениях (РУ+ТУ) против 330 КПШ во втором варианте. Количество подъемов штанги в специально-подготовительных упражнениях (Т + Пр)

ударного микроцикла первого варианта снижено по отношению ко второму варианту программной тренировки с 273 КПШ до 219 КПШ. Отличия в долях нагрузки основных групп упражнений также наблюдаются в восстановительном микроцикле. Базовый и соревновательный типы микроциклов в двух исследуемых вариантах тренировки идентичны как по объему, так и по структуре нагрузки.

При планировании нагрузки тяжелоатлетов важнейшим параметром является ее относительная интенсивность, выраженная средним тренировочным весом штанги в процентах от максимального результата. При этом тренировочные веса штанги в рывковых упражнениях и рывковых тягах соотносятся к максимальному результату в рывке, а все остальные упражнения – к максимальному достижению в толчке [10].

В теории и практике тяжелой атлетики принято учитывать интенсивность нагрузки начиная с величины в интервале от 50 до 60% от максимума. Как правило, интенсивность распределяется по зонам с десятипроцентным интервалом:

– 1-я зона – от 50 до 60% (зона малой интенсивности);

– 2-я зона – от 61 до 70% (зона небольшой интенсивности);

– 3-я зона – от 71 до 80% (зона средней интенсивности);

– 4-я зона – от 81 до 90% (зона большой интенсивности);

– 5-я зона – от 91 до 100% (зона околосредней интенсивности);

– 6, 7, 8 и 9-я зоны с градуировкой через 10% от 101 до 140%.

Распределение нагрузки по зонам интенсивности в основных группах тяжелоатлетических упражнений для различных типов микроциклов экспериментальной программы тренировки соревновательного 4-недельного мезоцикла стоит рассмотреть отдельно (табл. 2).

Таблица 2

Распределение нагрузки по зонам интенсивности в основных группах тяжелоатлетических упражнений в микроциклах экспериментальной программы тренировки соревновательного мезоцикла

Средства		Тип микроцикла	КПШ по зонам интенсивности					Σ
			≤ 70%	71–80%	81–90%	91–100%	>100%	
Вариант № 1	Рывковые упражнения	Восстановительный	34	44	12	6	0	96
		Ударный	42	71	32	32	0	177
		Базовый	42	50	14	14	0	120
		Соревновательный	16	26	12	4	0	58
	Сумма за мезоцикл		134	191	70	56	0	451
	Толчковые упражнения	Восстановительный	36	54	15	6	0	111
		Ударный	48	89	42	28	0	207
		Базовый	48	66	18	12	0	144
		Соревновательный	16	22	10	4	0	52
	Сумма за мезоцикл		148	231	85	50	0	514
	Тяги	Восстановительный	0	8	14	24	8	54
		Ударный	0	12	23	49	15	99
		Базовый	0	12	23	49	15	99
		Соревновательный	0	6	8	12	4	30
	Сумма за мезоцикл		0	38	68	134	42	282
	Приседания	Восстановительный	0	9	18	40	12	79
		Ударный	0	6	20	70	24	120
		Базовый	0	6	20	70	24	120
		Соревновательный	0	8	14	14	6	42
	Сумма за мезоцикл		0	29	72	194	66	361
Вариант № 2	Рывковые упражнения	Восстановительный	28	36	10	10	0	84
		Ударный	52	62	18	18	0	150
		Базовый	42	50	14	14	0	120
		Соревновательный	22	28	6	2	0	58
	Сумма за мезоцикл		144	176	48	44	0	412
	Толчковые упражнения	Восстановительный	34	46	13	8	0	101
		Ударный	60	82	23	15	0	180
		Базовый	48	66	18	12	0	144
		Соревновательный	20	26	4	2	0	52
	Сумма за мезоцикл		162	220	58	37	0	477
	Тяги	Восстановительный	0	9	16	34	11	70
		Ударный	0	15	28	61	19	123
		Базовый	0	12	23	49	15	99
		Соревновательный	0	6	8	12	4	30
	Сумма за мезоцикл		0	42	75	156	49	322
	Приседания	Восстановительный	0	9	18	44	14	85
		Ударный	0	8	25	87	30	150
		Базовый	0	6	20	70	24	120
		Соревновательный	0	8	14	14	6	42
	Сумма за мезоцикл			31	77	215	74	397

Анализ табл. 2 показывает, что первый вариант экспериментальной программы характеризуется выполнением в соревновательном мезоцикле 451 КПШ в рывковых упражнениях и 514 КПШ в толчковых упражнениях, что больше, чем во втором варианте программы, на 39 КПШ и 37 КПШ соответственно. Стоит отметить, что

повышение нагрузки в классических упражнениях в первом варианте программы достигается в основном за счет увеличения количества подъемов штанги в зонах высокой и околосредней интенсивности. В зоне 81–90% наблюдается увеличение на 22 КПШ в рывковых упражнениях и на 27 КПШ в толчковых упражне-

ниях. В зоне 91–100% происходит увеличение на 12 КПШ и 13 КПШ соответственно. При этом нагрузка в тягах выше во втором варианте программы и составляет 322 КПШ за мезоцикл против 282 КПШ в первом варианте. Разница в 40 КПШ достигается за счет увеличения количества подъемов во всех исследуемых зонах интенсивности, однако наибольшее различие в 22 КПШ отмечается в зоне 91–100%. Нагрузка в приседаниях также выше во втором варианте экспериментальной программы и составляет 397 КПШ против 361 КПШ в первом варианте. Наибольшее различие в 21 КПШ отмечается, как и в тягах, в зоне интенсивности 91–100%. При этом стоит еще раз подчеркнуть, что подъемы штанги в зонах интенсивности 81–100%, выполняемые тяжелоатлетами на тренировках, оказывают максимальное влияние на их соревновательный результат.

Итак, два программных варианта тренировки в соревновательном мезоцикле имеют следующие основные отличия:

- вариант № 1 подразумевает выполнение большего тренировочного объема за месяц в классических упражнениях, чем вариант № 2 (на 76 подъемов);
- увеличение тренировочного объема в классических упражнениях в первом варианте происходит в зонах интенсивности 81–100%;
- вариант № 2 характеризуется большим, чем в варианте № 1, объемом тренировочной работы в тягах и приседаниях. Увеличение данного объема происходит во всех исследуемых зонах интенсивности;

Основной причиной вышеперечисленных отличий является то, что ударные микроциклы в первом

и втором вариантах экспериментальной программы имеют различные доли объема в основных группах тяжелоатлетических упражнений и существенно различаются между собой. В других типах микроциклов двух вариантов программы подготовки различия по долям объема нагрузки в основных группах упражнений либо отсутствуют, либо не столь существенны.

Несмотря на указанные различия, общий объем тренировочной нагрузки за месяц и последовательность микроциклов в обоих вариантах идентичны.

Объемы нагрузки и их распределение по зонам интенсивности в основных группах тяжелоатлетических упражнений, представленные в обоих вариантах экспериментальной программы тренировки в соревновательном мезоцикле, согласуются с рекомендациями ведущих ученых [3, 5, 8, 9].

Экспериментальная часть

Для достижения цели исследования был проведен педагогический эксперимент. В процессе проведения эксперимента были сформированы две равноценные экспериментальные группы по восемь человек в каждой из числа членов сборной команды Томской области по тяжелой атлетике, имеющих квалификацию мастер спорта России и мастер спорта России международного класса.

Перед экспериментом группы были протестированы для определения показателей общей и специальной физической подготовленности (ОФП и СФП). Данные тестирования приведены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели общей и специальной физической подготовленности тяжелоатлетов экспериментальных групп до проведения эксперимента

Тесты ОФП и СФП	Группа № 1, n = 8	Группа № 2, n = 8	t-критерий Стьюдента	p
	M ± m	M ± m		
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	68 ± 5,62	57 ± 7,32	1,19	p > 0,05
Поднимание туловища за 30 сек из положения лежа, кол-во раз	43 ± 4,04	39 ± 5,20	0,61	p > 0,05
Вис хватом сверху на перекладине на согнутых под углом 90° руках, с	41,0 ± 2,11	37,0 ± 2,15	1,33	p > 0,05
Прыжок в длину с места, см	285 ± 3,05	288 ± 4,10	0,59	p > 0,05
Приседания со штангой на плечах (1 подход, три повторения, кг)	202,5 ± 5,24	210 ± 4,60	1,07	p > 0,05
Тяга штанги толчковым хватом (1 подход, три повторения, кг)	210 ± 5,72	215 ± 7,00	0,55	p > 0,05
Швунг штанги жимовой от груди толчковым хватом (макс. вес, кг)	130 ± 2,56	132,5 ± 2,25	0,74	p > 0,05

Примечание: М – среднее значение, m – ошибка среднего значения.

Для тестирования были выбраны упражнения по ОФП, обязательные для тяжелоатлетов на этапе высшего спортивного мастерства согласно федеральному стандарту спортивной подготовки по тяжелой атлетике [13], а также основные специально-подготовительные упражнения, применяемые квалифицированными тяжелоатлетами в тренировочном процессе. Приседания и тяга направлены в первую очередь на развитие ног и спины, тогда как швунг штанги жимовой способствует развитию плечевого пояса тяжелоатлетов.

Полученные данные показали, что статистически значимых различий между группой № 1 и группой № 2 не выявлено, различия между показателями не достоверны (p > 0,05). Это показывает, что в начале эксперимента группы были однородны.

Анализ состава групп по возрастным и весовым показателям показал, что средний возраст спортсменов группы № 1 составил 25 лет и 6 месяцев, а средний собственный вес – 83,20 кг. Средний возраст

спортсменов группы № 2 составил 26 лет и 4 месяца, средний собственный вес – 90,70 кг. Средний возраст тяжелоатлетов практически равен, а их средний вес отличается несущественно. Все спортсмены экспериментальных групп – средневесы, так как их собственный вес находится в диапазоне от 75 до 98 кг. Стоит отметить, что методика подготовки спортсменов-средневесов (наиболее распространенной группы тяжелоатлетов) существенно отличается от методики подготовки спортсменов суперлегких и супертяжелых весовых категорий. Подготовка спортсменов, собственный вес которых менее 70 кг либо превышает 100 кг, имеет свои нюансы [8, 10].

Спортсмены экспериментальных групп тренировались согласно разработанным программным вариантам на протяжении четырех недель соревновательного мезоцикла. Группа № 1 тренировалась с применением вариативного распределения объема нагрузки в основных тяжелоатлетических упражнениях при изменении типа микроцикла. В группе № 2 доля нагрузки по основным упражнениям с изменением типа микроцикла сохранялась на уровне базового микроцикла.

Мы предположили, что при одинаковых общих объемах нагрузки и идентичной последовательности типов микроциклов в экспериментальных группах вариативное распределение нагрузки по зонам интенсивности и основным группам упражнений внутри отдельных микроциклов соревновательного мезоцикла позволит добиться прибавки на соревнованиях. При этом вариации нагрузки внутри микроциклов в первую очередь были связаны с нагрузками околопредельной интенсивности (91–100% от максимума)

как в классических, так и в специально-подготовительных упражнениях. Наше внимание было сосредоточено на нагрузках в зоне интенсивности 91–100% потому, что подъемы околопредельных и предельных весов, выполняемые тяжелоатлетами в соревновательном мезоцикле, оказывают максимальное влияние на успешность подготовки к стартам.

В процессе подготовки к соревнованиям основной задачей спортсменов экспериментальных групп № 1 и № 2 было ежедневное выполнение запланированных объемов работы с заданной интенсивностью. При проведении эксперимента стала очевидной необходимость корректировки объемов тренировочной работы для некоторых спортсменов (как в первой, так и во второй группе), учитывающей индивидуальные особенности спортсменов и микротравмы. Например, спортсмен А., проводивший подготовку в группе № 1, выполнил за мезоцикл 954 КПШ в классических упражнениях при запланированных 965 КПШ, тогда как спортсмену Б. понадобилось 986 КПШ в классических упражнениях для реализации своего тренировочного потенциала. Максимальное отклонение выполненных спортсменами тренировочных объемов от запланированных составило $\pm 16\%$ – в группе № 1 и $\pm 21\%$ в группе № 2. При проведении эксперимента спортсменам обеих групп удалось избежать серьезных травм, что позволило им провести полноценную подготовку к соревнованиям. Спортсмены первой и второй экспериментальных групп в достаточно полной мере освоили программные варианты тренировки. Результаты выполнения тренировочного плана, выраженные количеством подъемов штанги в различных зонах интенсивности, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Параметры объема нагрузки по зонам интенсивности в классических и специально-подготовительных упражнениях экспериментальных групп

Критерии нагрузки		Классические упражнения (РУ+ТУ)				Специально-подготовительные упражнения (Т+Пр)			
		Группа № 1	Группа № 2	t-критерий Стьюдента		Группа № 1	Группа № 2	t	P
КПШ по зонам интенсивности $M \pm m$	$\leq 70\%$	$280 \pm 1,58$	$304 \pm 4,23$	4,9	$p < 0,01$	–	–	–	–
	71–80%	$424 \pm 2,92$	$398 \pm 3,05$	6,2	$p < 0,01$	$67 \pm 1,34$	$73 \pm 2,12$	2,4	$p < 0,05$
	81–90%	$156 \pm 1,45$	$107 \pm 1,52$	12,1	$p < 0,01$	$139 \pm 1,85$	$150 \pm 1,90$	4,5	$p < 0,01$
	91–100%	$108 \pm 1,35$	$83 \pm 1,56$	25,8	$p < 0,01$	$324 \pm 2,26$	$371 \pm 2,92$	11,7	$p < 0,01$
$> 100\%$		–	–	–	–	$105 \pm 1,69$	$123 \pm 1,54$	6,6	$p < 0,01$
КПШ за микроцикл		$968 \pm 3,98$	$892 \pm 4,29$	13,0	$p < 0,01$	$635 \pm 2,62$	$717 \pm 3,12$	18,7	$p < 0,01$
Относительная интенсивность, %		$75,9 \pm 0,06$	$74,6 \pm 0,08$	30,9	$p < 0,01$	$92,4 \pm 0,06$	$92,6 \pm 0,09$	1,4	$p > 0,05$
Примечание. М – среднее значение, m – ошибка среднего значения, при n=8									

В табл. 4 приведены параметры объема нагрузки по зонам интенсивности в классических и специально-подготовительных упражнениях, выполненные спортсменами при проведении эксперимента. Объемы тренировочной работы в КПШ во всех исследуемых зонах интенсивности, выполненные спортсменами группы № 1 и спортсменами группы № 2, имеют достоверные различия ($p < 0,01$) между собой как в классических (РУ и ТУ), так и в специально-подготовительных упражнениях (Т и Пр). Спортсмены груп-

пы № 1 выполнили $968 \pm 3,98$ КПШ в рывковых и толчковых упражнениях (при запланированных 965 КПШ) и $635 \pm 2,62$ КПШ в тягах и приседаниях (при плане в 643 КПШ). Спортсмены группы № 2 выполнили $892 \pm 4,29$ КПШ в рывковых и толчковых упражнениях (при запланированных 889 КПШ) и $717 \pm 3,12$ КПШ в тягах и приседаниях (при плане в 719 КПШ). Общий объем нагрузки составил $1603 \pm 3,30$ КПШ в группе № 1, в группе № 2 – $1609 \pm 3,70$ КПШ, при запланированном выполнении 1608 КПШ для обеих групп. Общие объ-

емы работ в группе № 1 и группе № 2 не имеют достоверных различий между собой и достоверно не отличаются от запланированного объема ($p > 0,05$) по программе соревновательной подготовки. Относительная интенсивность нагрузки, выраженная средним тренировочным весом штанги в процентах от максимального результата, достоверно различается между двумя группами в соревновательных упражнениях, при этом ин-

тенсивность в специально-подготовительных упражнениях группы № 1 и группы № 2 не имеет достоверных различий.

Результаты и их обсуждение

Завершением эксперимента стало выступление спортсменов на всероссийских соревнованиях.

Таблица 5

Динамика соревновательных результатов в экспериментальных группах по окончании эксперимента

Показатели в двигательных действиях	Группа № 1	Группа № 2
Усредненный результат в рывке до эксперимента, кг	135,2	145
Усредненный результат в рывке на соревнованиях, кг	138,6	146,2
Разница в рывке, кг	3,4	1,2
Усредненный результат в толчке до эксперимента, кг	168	174,1
Усредненный результат в толчке на соревнованиях, кг	170,2	171
Разница в толчке, кг	2,2	-3,1
Усредненный результат в двоеборье до эксперимента, кг	303,2	319,1
Усредненный результат в двоеборье на соревнованиях, кг	308,8	317,2
Разница в двоеборье, кг	5,6	-1,9

Анализ табл. 5 показывает положительную динамику результатов группы № 1 на соревнованиях. Спортсмены данной группы применяли в соревновательном мезоцикле вариативное распределение нагрузки по зонам интенсивности и основным группам упражнений в ударном и восстановительном микроциклах. Из восьми спортсменов 1-й группы 7 человек улучшили свои результаты на соревнованиях в рывке и 6 человек показали прибавку в толчке. Прибавка в рывке для спортсменов группы № 1 составила от 3 кг. до 8 кг, прибавка в толчке находится в интервале от 1 кг до 5 кг. При этом средний результат в сумме двоеборья улучшился на 5,5 кг, что для спортсменов, находящихся на этапе высшего спортивного мастерства и имеющих достаточно стабильный соревновательный результат, можно считать существенной прибавкой.

В группе № 2 лишь три спортсмена из восьми смогли показать положительную динамику результатов в сумме двоеборья. Средний результат на соревнованиях в рывке у спортсменов 2-й группы снизился в среднем на 5,25 кг, результат в толчке остался без изменений, таким образом, результат в сумме двоеборья понизился на 5,25 кг.

Для спортсменов группы № 2 характерны отсутствие стабильности при реализации зачетных подходов в рывке и ошибки в толчке от груди на соревнованиях. У большинства спортсменов группы № 2 были отмечены признаки эмоционального и физического перенапряжения.

Для того чтобы разобраться в причинах не совсем успешного выступления спортсменов группы № 2 на соревнованиях, целесообразно проанализировать тренировку данной группы спортсменов в ударном микроцикле соревновательного мезоцикла, так как в этом микроцикле был выполнен максимальный объем тренировочной работы в соревновательном месяце. В ударном микроцикле соревновательного мезоцикла в группе № 2 при повышении объема нагрузки

на 120 КППШ по отношению к базовому микроциклу (с 483 КППШ до 603 КППШ) нагрузка в специально-подготовительных упражнениях увеличилась на 54 КППШ, 39 КППШ из которых пришлось на зону максимальной и субмаксимальной интенсивности (см. табл. 2). Объем нагрузки в соревновательных упражнениях в ударном микроцикле группы № 2 также повысился, однако повышение объема достигалось в основном за счет увеличения КППШ в зонах средней интенсивности (см. табл. 2). Таким образом, спортсмены группы № 2 в ударном микроцикле выполнили достаточно большой объем в тягах и приседаниях в зонах интенсивности 91–100% и > 100% с весами, которые существенно превышают соревновательные (максимальные) веса в рывковых и толчковых упражнениях.

Доказано, что на этапе высшего спортивного мастерства, где объемы тренировочной нагрузки близки к пределу, существенное повышение интенсивности нагрузки за счет выполнения подъемов в специально-подготовительных упражнениях в зонах максимальной и субмаксимальной интенсивности может вызвать негативные последствия для спортсмена, выраженные эмоциональным и физическим перенапряжением [5, 8, 10, 14].

Предложенные группе № 2 параметры объема и интенсивности нагрузки в основных группах тяжелоатлетических упражнений ударного микроцикла не актуальны для схемы распределения нагрузки по микроциклам внутри соревновательного мезоцикла: восстановительный → ударный → базовый → соревновательный. В данном случае целесообразно последовательное, вслед за ударным типом микроцикла, включение восстановительного типа микроцикла в тренировочный процесс. Таким образом, для группы № 2, тренировочный процесс которой в соревновательном мезоцикле характеризует отсутствие вариативности нагрузки по основным группам упражнений и зонам интенсивности с изменением типа микроцикла, актуальна следующая схема распределения

нагрузки по микроциклам: ударный → восстановительный → базовый → соревновательный.

Выводы

1. Разработанная экспериментальная программа тренировки с применением вариативного распределения нагрузки по основным группам упражнений и зонам интенсивности в микроциклах соревновательного мезоцикла показала свою эффективность при подготовке тяжелоатлетов высокой квалификации к соревнованиям.

2. Увеличение КППШ в классических упражнениях на 8,5% за месяц (соревновательный мезоцикл) при аналогичном снижении нагрузки в специально-подготовительных упражнениях позволяет повысить соревновательный результат квалифицированных тя-

желоатлетов (без увеличения суммарного объема нагрузки) при соблюдении следующих условий:

- нагрузка в рывковых и толчковых упражнениях в зонах околопредельной и предельной интенсивности должна увеличиться на 40% за месяц;

- снижение нагрузки в тягах и приседаниях должно распределяться относительно равномерно по всем применяемым зонам интенсивности в соревновательном мезоцикле;

- распределение нагрузки по микроциклам внутри соревновательного мезоцикла должно осуществляться по схеме: восстановительный → ударный → базовый → соревновательный;

- наибольшие вариации нагрузки в классических и специально-подготовительных упражнениях должны применяться в ударном микроцикле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой А.В., Загrevский О.И. Тенденции тренировочного процесса тяжелоатлетов высокой квалификации // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 30.
2. Ахметов Р.С., Витютнев Е.Е. Динамика тренировочных нагрузок и скоростно-силовой подготовленности тяжелоатлетов высокой квалификации на этапе предсоревновательной подготовки // Ученые записки университета им П.Ф. Лесгафта. 2018. № 12 (166). С. 11–15.
3. Абдулмеджидов М.М., Скотников В.Ф., Соловьев В.Б. Объем нагрузки в рывковых и толчковых упражнениях у женщин-тяжелоатлетов Китая и России в зависимости от массы тела // Теория и практика физической культуры. 2012. № 5. С. 66–68.
4. Дворкин Л.С. Тяжелая атлетика : в 2 т. : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018. 273 с.
5. Сулейманов Н.Л. Методические возможности управления тренировочной нагрузкой квалифицированных тяжелоатлетов в соревновательном периоде подготовки // Ученые записки университета им П.Ф. Лесгафта. 2015. № 3 (121). С. 136–142.
6. Сивохин И.П., Федоров А.И., Тапсир М. Алактатная тренировка как фактор повышения эффективности подготовки элитных тяжелоатлетов // Человек. Спорт. Медицина. 2016. Т. 16, № 4. С. 75–86.
7. Мишустин В.Н. Дифференцирование тренировочных нагрузок квалифицированных тяжелоатлетов на различных стадиях их подготовки // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2012. № 2 (4). С. 17–25.
8. Медведев А.С. Система многолетней тренировки в тяжелой атлетике. М. : Физкультура и спорт, 1986. 272 с.
9. Роман Р.А. Тренировка тяжелоатлета. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Физкультура и спорт, 1986. 175 с.
10. Соловьев В.Б. Параметры тренировочной нагрузки тяжелоатлетов высшей квалификации при переходе из юниоров в сеньоры : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 147с.
11. Туркилери Э., Сивохин И.П., Ни А.Г., Дон Л.Н. Программа многолетней подготовки тяжелоатлетов. Костанай : КГПИ, 2005. 56 с.
12. Большой А.В., Загrevский О.И. Тренировка тяжелоатлетов высокой квалификации в соревновательном мезоцикле // Ученые записки университета им П.Ф. Лесгафта. 2020. № 1 (179). С. 34–40.
13. Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта тяжелая атлетика (утв. приказом Мин. спорта РФ от 20 авг. 2019 г. № 672). М., 2019. 25 с.
14. Виноградов Г.П., Томилов В.В., Томилов В.Н. К проблеме повышения устойчивости движений в тяжелой атлетике // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 6 (160). С. 33–37.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 19 июня 2020 г.

Variable Load Distribution for the Main Groups of Exercises in the Competitive Mesocycle of Highly Qualified Weightlifters
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 185–193.
DOI: 10.17223/15617793/458/23

Alexander V. Bolshoy, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troofta@mail.ru
Oleg I. Zagrevsky, University of Tyumen (Tyumen Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: O.Zagrevsky@yandex.ru

Keywords: weightlifting; training load; volume; intensity; mesocycle; microcycle; main groups of exercises.

In weightlifting, throughout its existence, the search for optimal methods of organizing the training process is underway. In their works, researchers emphasize the importance of load distribution in annual periods, mesocycles, and microcycles. The aim of this study was to improve the training process of highly qualified weightlifters based on the application of diverse variations of load in intensity zones for the main groups of exercises in the microcycles of the competitive mesocycle. Working on the article, the authors analyzed scientific and methodological literature on the topic. The obtained data became the basis for the development of two options of a program for training weightlifters in a 4-week competitive mesocycle. The developed program was tested experimentally. In the course of the experiment, two equal experimental groups of eight people in each were formed from weightlifters with the qualification of master of sports of Russia. During the experiment, athletes of both groups performed the same amount of training load: 1608 NBL (number of barbell lifts). The load distribution for microcycles within the competition mesocycle was also the same for all athletes. The sequence of microcycles was as follows: recovery microcycle (340 NBL) → shock microcycle (603 NBL); → basic microcycle (483 NBL) → competitive microcycle (182 NBL). The authors assumed that with the same total load volumes and the identical sequence of types of microcycles in experimental groups, the variable distribution of load by intensity zones and main groups of exercises within individual microcycles of the competition mesocycle would allow achieving an increase in the result at competitions. The end of the experiment was the performance of athletes at all-Russian competitions. Athletes of Group 1 were able to improve the result in the total of the double event by 5.6 kg. Athletes of Group 2 showed a negative dynamics of results in the double event by 1.9 kg. The results of the study show that the increase in NBL in classical exercises by 8.5 % per month (competitive meso-

cycle) with a similar reduction in the load in special training exercises allows improving weightlifters' competitive result without increasing the total amount of load under the following conditions: load in the snatch and jerk exercises in the intensity zones of 81–100% should increase by 40% per month; load reduction in pull exercises and barbell squats should be distributed relatively evenly across all applied intensity zones; load distribution by microcycles inside the competition mesocycle should follow the scheme: recovery → shock → basic → competitive; the greatest variations of load in classical and special preparatory exercises should be applied in the shock microcycle.

REFERENCES

1. Bol'shoy, A.V. & Zagrevskiy, O.I. (2019) Trends in training process of weightlifters high qualification. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 3. (In Russian). DOI: 10.17513/spno.28822
2. Akhmetov, R.S. & Vityutnev, E.E. (2018) Dynamics of training loads and speed-power training for elite weightlifters at the stage of pre-competitive preparation. *Uchenye zapiski universiteta im P.F. Lesgafta*. 12 (166). pp. 11–15. (In Russian).
3. Abdulmedzhidov, M.M., Skotnikov, V.F. & Solov'ev, V.B. (2012) Load volume in jerk and pushing exercises in Chinese and Russian female weightlifters in view of bodyweight. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 66–68. (In Russian).
4. Dvorkin, L.S. (2018) *Tyazhelaya atletika* [Weightlifting]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
5. Suleymanov, N.L. (2015) Methodical capabilities for qualified weightlifters' training load control in the competitive preparatory period. *Uchenye zapiski universiteta im P.F. Lesgafta*. 3 (121). pp. 136–142. (In Russian).
6. Sivokhin, I.P., Fedorov, A.I. & Tapsir, M. (2016) Alactic training as efficiency-improvement factor in elite weightlifters' training. *Chelovek. Sport. Meditsina – Human. Sport. Medicine*. 4 (16). pp. 75–86. (In Russian). DOI: 10.14529/hsm160408
7. Mishustin, V.N. (2012) Differentiation of qualified weightlifters' training loads at different stages of training. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka – Physical Education and Sports Training*. 2 (4). pp. 17–25. (In Russian).
8. Medvedev, A.S. (1986) *Sistema mnogoletney trenirovki v tyazheloy atletike* [Long-term Training System in Weightlifting]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
9. Roman, R.A. (1986) *Trenirovka tyazheloatleta* [Weightlifter Training]. 2nd ed. Moscow: Fizkul'tura i sport.
10. Solov'ev, V.B. (2007) *Parametry trenirovochnoy nagruzki tyazheloatletov vysshey kvalifikatsii pri perekhode iz yuniorov v sen'ory* [Parameters of the Training Load of Highly Qualified Weightlifters during the Transition from Juniors to Seniors]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
11. Turkileri, E. et al. (2005) *Programma mnogoletney podgotovki tyazheloatletov* [Long-term Training Program for Weightlifters]. Kostanay: KGPI.
12. Bol'shoy, A.V. & Zagrevskiy, O.I. (2020) Training of highly qualified weightlifters in the competitive mesocycle. *Uchenye zapiski universiteta im P.F. Lesgafta*. 1 (179). pp. 34–40. (In Russian). DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.1.p34-40
13. Ministry of Sport of the Russian Federation. (2019) *Federal'nyy standart sportivnoy podgotovki po vidu sporta tyazhelaya atletika (utv. prikazom Ministerstva sporta RF ot 20 avgusta 2019 g. №672)* [Federal standard of sports training in weightlifting (approved by order of the Ministry of Sport of the Russian Federation of August 20, 2019 No. 672)].
14. Vinogradov, G.P., Tomilov, V.V. & Tomilov, V.N. (2018) To improve the sustainability of movements in weightlifting. *Uchenye zapiski universiteta im P.F. Lesgafta*. 6 (160). pp. 33–37. (In Russian).

Received: 19 June 2020

А.Б. Маховиков, Е.Г. Вахнина, И.В. Курта

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В СВЯЗИ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ОБУЧЕНИЕМ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

Анализируются закономерности межличностного восприятия студентов первого курса и преподавателей и обсуждаются факторы удовлетворенности студентов обучением по дисциплине. Обнаружено, что низкие оценки студенческой группы со стороны преподавателя связаны с неудовлетворительными, по оценкам студентов, взаимоотношениями с преподавателем. Также было выявлено, что отсутствие прироста знаний по дисциплине приводит к низкой оценке удовлетворенности студентов взаимодействием с преподавателем.

Ключевые слова: удовлетворенность обучением; студенты; преподаватели; межличностное восприятие; межличностные отношения; эффективность обучения; уровень знаний; взаимная оценка.

Введение

Удовлетворенность учебным процессом является одним из факторов успешного обучения студентов в университете. В свою очередь, удовлетворенность зависит от целого ряда факторов, среди которых можно выделить совпадение ожиданий о выбранном вузе и будущей специальности, социальный статус студента [1], успешную социально-психологическую адаптацию [2], квалификацию преподавателей, комфортные межличностные отношения, развитость международной деятельности университета, перспективы дальнейшего трудоустройства, имидж университета, информационную и методическую поддержку учебного процесса, уровень развития инфраструктуры университета [3–5]. Однако открытым остается вопрос, что оказывает наибольшее влияние на степень удовлетворенности студентов образовательным процессом. При этом интересно выяснить, на что может повлиять преподаватель в рамках учебного процесса, чтобы повысить не только удовлетворенность студентов обучением, но и эффективность их обучения в целом.

Было обнаружено, что квалифицированность профессорско-преподавательского состава, способность преподавателей сформировать интерес к предмету и науке у студентов является, по мнению некоторых исследователей, одним из самых значимых факторов удовлетворенности студентов обучением в вузе [6–7]. Интерес к науке можно развить через увлеченность учебой с помощью новых концепций преподавания или инновационных методов обучения или курсов [8–13]. Еще одним способом повышения удовлетворенности обучением является формирование у студентов уверенности в своих силах, способности справляться с негативными эмоциями, тревогой, стрессом, сомнениями, фрустрацией и беспомощностью [14–16].

Достигнуть этого можно через благоприятные отношения между студентами и преподавателями [17], на которые влияет то, как воспринимаются партнеры по общению. В контексте образовательного процесса образ преподавателя может зависеть от преподаваемой дисциплины, от того, насколько легко и интересно построен процесс обучения [18]. При анкетировании может иметь место эффект ореола, когда общее

впечатление о преподавателе переносится на его отдельные характеристики. Так, обнаружено, что если студент в целом положительно (или отрицательно) воспринимает преподавателя, то по всем вопросам анкеты он поставит одинаково высокие (или низкие) оценки. Кроме того, влияние может оказать курс обучения и вид занятий. Студенты первого курса дают более низкие оценки, чем студенты старших курсов, что может быть обусловлено как периодом адаптации первокурсников, так и спецификой преподавания на старших курсах. На старших курсах у студентов повышается осознанность целей обучения и появляется понимание важности качественного овладения специальностью. На результаты анкетирования может повлиять количество опрошенных студентов: увеличение количества опрашиваемых на 100 человек снижает общую оценку на 0,2 балла. Помимо этого, если анкета содержит большое количество вопросов, то это может утомлять студентов, и они выставят одинаковые оценки по всем пунктам [19].

Тем не менее можно выделить ряд профессионально значимых качеств преподавателя, которые оказываются важными для студентов: доброжелательность, эмпатия, чувство юмора, стимуляция познавательной активности и практического применения полученных знаний [17, 20]. Однако все эти качества приобретают особую значимость при условии, что у студентов повышается уровень знаний и умений при изучении дисциплины.

Стоит отметить, что не всегда студенты ставят перед собой цель в дальнейшем работать по специальности. Мотивы выбора вуза также оказываются связанными с удовлетворенностью обучением. Удовлетворенных обучением студентов характеризует преобладание таких мотивов выбора вуза, как возможность получения нужной профессии и качественного образования, в то время как неудовлетворенных обучением студентов – рекомендации родственников или друзей, высокий рейтинг и престиж университета. Иными словами, удовлетворенные обучением студенты имеют цель обучения, в то время как неудовлетворенные опираются на внешние факторы [2, 16, 21].

Таким образом, исследователи уделяют большое внимание роли восприятия студентами различных аспектов учебного процесса, однако то, как воспри-

нимают студентов преподаватели, и как это может влиять на эффективность обучения, остается малоизученным. Исходя из этого, представляется интересным выявить взаимосвязь удовлетворенности студентов изучением дисциплины, включающей в себя оценку прироста их знаний, и взаимодействия с преподавателем, включающего особенности взаимного восприятия. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- провести анкетный опрос студентов, выявляющий их удовлетворенность взаимодействием с преподавателем в рамках учебной дисциплины, уровнем знаний по предмету до изучения дисциплины, степенью прироста знаний после изучения дисциплины и соответствие полученной оценки на экзамене субъективному уровню знаний студентов;

- провести анкетный опрос преподавателей, выявляющий их удовлетворенность взаимодействием со студенческими группами, в которых они ведут занятия;

- сопоставить результаты взаимных оценок студентов и преподавателей.

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

- 1) существует положительная взаимосвязь между взаимными оценками студентов и преподавателей;

- 2) отсутствие прироста знаний по дисциплине взаимосвязано с низкой оценкой удовлетворенности студентов взаимодействием с преподавателем;

- 3) наличие проблемы в отношениях между преподавателем и отдельными студенческими группами может быть выявлено на основе анализа разброса оценок.

Методы исследования

Для достижения цели исследования и проверки гипотез использовался метод анкетирования.

Анкета для студентов содержала следующие вопросы, ответам на которые присваивались указанные числовые значения:

1. Ваша учебная группа.

2. Выберите из списка преподавателя, проводившего лекции, и охарактеризуйте его (варианты ответов: полностью не согласен – 1; скорее не согласен – 2; отчасти согласен, отчасти нет – 3; скорее согласен – 4; полностью согласен – 5):

- А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать.

- Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты.

- В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен.

- Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды.

- Д. От студентов требует понимания пройденного материала.

3. Выберите из списка преподавателя, проводившего лабораторные занятия, и охарактеризуйте его (варианты ответов: полностью не согласен – 1; скорее не согласен – 2; отчасти согласен, отчасти нет – 3; скорее согласен – 4; полностью согласен – 5):

- А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать.

- Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты.

- В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен.

- Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды.

- Д. От студентов требует понимания пройденного материала.

4. Как Вы оцениваете уровень своих знаний до изучения дисциплины? (варианты ответов: низкий – 1; средний – 2; высокий – 3; очень высокий – 4).

5. Как Вы оцениваете изменения своего уровня знаний после изучения дисциплины? (варианты ответов: не изменился – 1; незначительно повысился – 2; существенно повысился – 3).

6. Соответствуют ли полученные Вами оценки Вашим знаниям? (варианты ответов: нет – 1; скорее нет – 2; скорее да – 3; да – 4).

Анкета для преподавателей содержала следующие вопросы, ответам на которые также присваивались указанные числовые значения:

1. ФИО преподавателя.

2. Список учебных групп, в которых преподаватель ведет занятия.

3. Характеристики каждой учебной группы (варианты ответов: полностью не согласен – 1; скорее не согласен – 2; отчасти согласен, отчасти нет – 3; скорее согласен – 4; полностью согласен – 5):

- А. Студенты интересуются учебным материалом.

- Б. Со студентами приятно общаться.

- В. Студенты дисциплинированы.

- Г. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине (варианты ответов: низким – 1; средним – 2; высоким – 3; очень высоким – 4).

4. Охарактеризуйте студенческую группу своими словами.

Таким образом, вопросы в обеих анкетах были согласованы и позволили изучить одинаковые аспекты взаимного восприятия студентов и преподавателей и его влияние на удовлетворенность обучением.

В анкетном опросе приняли участие 643 студента 1-го курса (представители 76 учебных групп, разделенных на 131 подгруппу) и 20 преподавателей, проводивших в предыдущем семестре занятия у этих студентов по одной и той же общепрофессиональной дисциплине. Для анализа результатов исследовались следующие эмпирические группы:

1. Студенческие подгруппы, в которых лекции и лабораторные занятия вел один и тот же преподаватель. Количество таких студенческих подгрупп – 58.

2. Студенческие подгруппы, в которых лекции и лабораторные занятия вели разные преподаватели. Для лекций таких подгрупп было 55, для лабораторных занятий – 73.

Важно обратить внимание, что в случае проведения лекционных и лабораторных занятий разными преподавателями количество подгрупп разное. Это обусловлено тем, что на лабораторных занятиях одна учебная группа может делиться на 2, а иногда даже и на 3 подгруппы, поскольку максимальное число студентов на лаборатор-

ных занятиях – 16 человек. По расписанию в студенческих подгруппах занятия проходят одновременно, поэтому лабораторные занятия параллельно ведут соответственно 2 или 3 преподавателя. При этом в таких подгруппах лекции ведет один и тот же преподаватель, в результате чего количество подгрупп сокращается.

Кроме того, в тех случаях, когда анализировались оценки студентов без привязки к лекционным и лабораторным занятиям, анализировались оценки всех 643 студентов.

Что касается преподавателей, то 16 из них вели и лекции, и лабораторные занятия, а 4 – только лабораторные. Всего от преподавателей было получено 147 оценок: 58 от преподавателей, ведущих и лекции, и лабораторные занятия в одной и той же студенческой подгруппе; 73 от преподавателей, ведущих в соответствующих подгруппах только лабораторные занятия; 16 от преподавателей, ведущих в соответствующих подгруппах только лекции (из 55 таких случаев 39 не учитывались, поскольку оценки этих подгрупп вошли в число оценок от преподавателей, ведущих в соответствующей подгруппе и лекции, и лабораторные).

Были использованы следующие методы статистической обработки данных: анализ первичных статистик, корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена, сравнительный анализ с применением U-критерия Манна–Уитни для независимых выборок и ранговый дисперсионный анализ с использованием H-критерия Краскела–Уоллиса. Статистическая обработка проводилась в программе Statistica.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате опроса студентов (N = 643) было обнаружено, что в целом студенты довольны взаимодействием с преподавателями в процессе обучения. Наиболее часто встречающиеся оценки – 5 (полностью согласен) и 4 (скорее согласен) (табл. 1), при этом в распределении оценок наблюдаются значимые отклонения от нормального распределения, что обусловило выбор для дальнейшего анализа непараметрических методов статистической обработки данных.

Таблица 1

Студенческие оценки удовлетворенности взаимодействием с преподавателями в процессе обучения

Переменные	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Отчасти согласен, отчасти нет	Скорее согласен	Полностью согласен
Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	18 чел. 2,80%	15 чел. 2,33%	52 чел. 8,09%	153 чел. 23,79%	405 чел. 62,99%
Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	13 чел. 2,02%	15 чел. 2,33%	48 чел. 7,47%	145 чел. 22,55%	422 чел. 65,63%
Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	11 чел. 1,71%	10 чел. 1,56%	32 чел. 4,98%	88 чел. 13,69%	502 чел. 78,07%
На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	7 чел. 1,09%	3 чел. 0,47%	32 чел. 4,98%	131 чел. 20,37%	470 чел. 73,09%
От студентов требует понимания пройденного материала	11 чел. 1,71%	11 чел. 1,71%	33 чел. 5,13%	134 чел. 20,84%	454 чел. 70,61%

Преподаватели также в целом положительно оценили свое взаимодействие с учебными группами (N = 147), а уровень знаний студентов

по дисциплине по оценкам преподавателей оказался в основном средним, чуть реже – высоким (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Преподавательские оценки удовлетворенности взаимодействием со студентами в процессе обучения

Переменные	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Отчасти согласен, отчасти нет	Скорее согласен	Полностью согласен
Студенты интересуются учебным материалом	1 0,68%	5 3,40%	26 17,69%	72 48,98%	43 29,25%
Со студентами приятно общаться	0 0,00%	1 0,68%	4 2,72%	29 19,73%	113 76,87%
Студенты дисциплинированы	2 1,36%	4 2,72%	12 8,16%	78 53,06%	51 34,69%

Таблица 3

Преподавательские оценки уровня знаний студентов

Переменная	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий
Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине	8 5,44%	90 61,22%	46 31,29%	3 2,04%

Для изучения закономерностей взаимного восприятия студентов и преподавателей в процессе обучения были отдельно проанализированы оценки преподавателей, которые вели лекции, и преподавателей, которые вели лабораторные работы. В некоторых группах лектор и ведущий лабораторные занятия совпадали (291 случай, 58 студенческих групп, N = 58), но в большинстве случаев – нет (352 случая, N лекции = 55, N лабораторные работы = 73).

В результате корреляционного анализа (табл. 4 и 5) было обнаружено, что между оценками преподавателей существуют сильные взаимосвязи. Так, если преподаватель высоко оценивает студенческую группу по какому-либо параметру, то, скорее всего,

по другим параметрам он также оценит ее высоко. Это характерно и для преподавателей, ведущих лекции (N = 55), и для преподавателей, ведущих лабораторные работы (N = 73). При этом существует только одна пара параметров, не имеющих или имеющих практически незначительную взаимосвязь: «со студентами приятно общаться» и «студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине». Это означает, что комфортные межличностные отношения между преподавателями и студентами не связаны с уровнем знаний студентов. На них могут оказывать влияние как личностные особенности, так и профессионализм преподавателя, мотивация студентов и многое другое.

Таблица 4

Взаимосвязи оценок студенческих групп, данных преподавателями, ведущими лекции

Параметры	1. Студенты интересуются учебным материалом	2. Со студентами приятно общаться	3. Студенты дисциплинированы	4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине
1. Студенты интересуются учебным материалом	1,00	0,39**	0,70***	0,52***
2. Со студентами приятно общаться	0,39**	1,00	0,20	0,04
3. Студенты дисциплинированы	0,70***	0,20	1,00	0,41**
4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине	0,52***	0,04	0,41**	1,00

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Таблица 5

Взаимосвязи оценок студенческих групп преподавателями, ведущими лабораторные работы

Параметры	1. Студенты интересуются учебным материалом	2. Со студентами приятно общаться	3. Студенты дисциплинированы	4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине
1. Студенты интересуются учебным материалом	1,00	0,33**	0,58***	0,51***
2. Со студентами приятно общаться	0,33**	1,00	0,40***	0,13
3. Студенты дисциплинированы	0,58***	0,40***	1,00	0,36**
4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине	0,51***	0,13	0,36**	1,00

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Интересным представляется проанализировать взаимосвязь оценок одной и той же студенческой группы разными преподавателями (в случае, если лекции и лабораторные работы вели разные преподаватели). Как видно из табл. 6, эти взаимосвязи существуют, однако они не настолько сильны, как

можно было ожидать. Наиболее часто в оценке одной и той же студенческой группы преподаватели сходятся во мнении относительно степени заинтересованности студентов учебным материалом, в то время как менее часто – в оценке уровня знаний студентов.

Таблица 6

Взаимосвязи оценок студенческих групп преподавателями, ведущими лекции и лабораторные работы

Студенты глазами преподавателя	Ведущего лекции				
	Параметры	1. Студенты интересуются учебным материалом	2. Со студентами приятно общаться	3. Студенты дисциплинированы	4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине
Ведущего лабораторные работы	1. Студенты интересуются учебным материалом	0,30**	0,05	0,25*	0,21
	2. Со студентами приятно общаться	0,07	0,23*	0,00	−0,11
	3. Студенты дисциплинированы	0,33**	0,26*	0,15	0,04
	4. Студенты обладают ... уровнем знаний по дисциплине	0,24*	0,07	0,22	−0,01

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Далее рассмотрим особенности взаимного межличностного восприятия студентов и преподавателей с помощью корреляционного анализа. Из табл. 7 видно, что между оценками преподавателей, ведущих лекции, и студентов ($N = 55$) существует всего 3 взаимосвязи: чем выше преподаватель оценивает заинтересованность сту-

дентов, тем выше они оценивают способности преподавателя заинтересовать предметом; чем выше преподаватель оценивает уровень знаний студентов, тем меньше, с точки зрения студентов, он следит за дисциплиной на занятиях и тем чаще оценка по дисциплине соответствует ожиданиям студентов.

Таблица 7

Взаимосвязи оценок студентов и преподавателей, ведущих лекции

Оценки студентов	Оценки преподавателей, ведущих лекции			
	1. Студенты интересуются учебным материалом	2. Со студентами приятно общаться	3. Студенты дисциплинированы	4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине
А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать.	0,32*	0,01	0,19	0,08
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	0,23	0,18	0,13	0,18
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	0,00	0,22	-0,07	0,16
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	-0,16	-0,17	-0,11	-0,41**
Д. От студентов требует понимания пройденного материала	-0,06	-0,11	0,02	-0,18
4. Как Вы оцениваете уровень своих знаний до изучения дисциплины?	-0,02	-0,08	-0,04	-0,08
5. Как Вы оцениваете изменения своего уровня знаний после изучения дисциплины?	0,08	-0,02	0,01	-0,00
6. Соответствуют ли полученные Вами оценки Вашим знаниям?	0,05	-0,08	0,13	0,30*

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Между оценками преподавателей, ведущими лабораторные занятия, и студентов ($N = 73$) статистически значимых взаимосвязей не обнаружено. Отсутствие взаимосвязей побудило к исследованию возможных причин такого явления, поскольку предполагается, что на лабораторных работах преподаватель более тесно контактирует со студентами, в результате чего межличностные отношения должны иметь тенденцию к взаимности. Для изучения рассогласованности взаимного восприятия преподаватели, ведущие лабораторные работы, были разделены на 2 группы: менее опытные (ассистенты) и более опытные (доценты). В итоге взаимных оценок в группе менее опытных преподавателей было 49, а в группе более опытных – 21. В группе менее опытных преподавателей значимых корреляций также не было обнаружено, а в группе более опытных появилась прямая взаимосвязь

между тем, как студенты оценивают изменение уровня своих знаний после изучения дисциплины и как оценивают преподаватели их уровень знаний ($r = 0,78$; $p \leq 0,001$) и дисциплинированности ($r = 0,53$; $p \leq 0,05$). Разделение преподавателей и студентов по другому признаку, а именно по тому, как они оценили друг друга (высоко или низко в сумме по всем параметрам), также не поспособствовало выявлению взаимосвязей во взаимных оценках.

Как видно из табл. 8, между взаимными оценками студентов и преподавателей, ведущих лекции и лабораторные работы ($N = 58$), существует больше всего взаимосвязей. Это может объясняться тем, что на лекциях и лабораторных работах у студентов и преподавателя появляется больше возможностей для формирования более точного межличностного восприятия.

Таблица 8

Взаимосвязи оценок студентов и преподавателей, ведущих лекции и лабораторные работы

Параметры	1. Студенты интересуются учебным материалом	2. Со студентами приятно общаться	3. Студенты дисциплинированы	4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине
1	2	3	4	5
Лекции.				
А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	0,25	0,20	0,13	0,14
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	0,38**	0,36**	0,25	0,23
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	0,19	0,35**	0,10	0,30*

1	2	3	4	5
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	0,16	0,10	0,05	–0,03
Д. От студентов требует понимания пройденного материала	0,16	0,20	0,14	0,07
Лабораторные работы. А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	0,21	0,26	0,18	0,11
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	0,25	0,41**	0,15	0,24
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	0,23	0,45***	0,12	0,33*
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	0,05	0,08	0,08	0,08
Д. От студентов требует понимания пройденного материала	0,10	0,24	0,14	0,06
4. Как Вы оцениваете уровень своих знаний до изучения дисциплины?	0,05	–0,05	–0,04	0,29*
5. Как Вы оцениваете изменения своего уровня знаний после изучения дисциплины?	–0,03	0,22	–0,04	0,02
6. Соответствуют ли полученные Вами оценки Вашим знаниям?	0,04	0,25	0,01	0,22

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Таким образом, межличностное восприятие студентов и преподавателей далеко не всегда можно считать взаимосвязанным. Взаимность в оценках наблюдается в том случае, если преподаватель может оценить студенческую группу комплексно: с учетом успеваемости на лабораторных работах и лекциях. Таким образом, первая гипотеза исследования подтверждается только в случае более частого и разно-стороннего межличностного взаимодействия.

Отметим, что у некоторых преподавателей по некоторым пунктам анкеты получился большой разброс оценок (значительно чаще встречались низкие оценки), что сильно отличалось от остальных. Это обусловило необходимость детального разбора данных случаев.

В итоге было обнаружено, что увеличение разброса оценок преподавателя связано с особенностями его взаимодействия с конкретной учебной группой. Получилось выделить несколько причин этого явления. Во-первых, низкие оценки оказались связаны с отсутствием прироста знаний после изучения дисциплины,

во-вторых, – с особенностями восприятия учебной группы преподавателем. Рассмотрим все причины последовательно.

Проанализируем одну из возможных причин низких оценок с помощью Н-критерия Краскела–Уоллиса. Студенты, указавшие, что в результате изучения дисциплины их уровень знаний существенно ($N = 426$) или хотя бы незначительно ($N = 196$) повысился, высоко оценили преподавателя по следующим пунктам: излагает учебный материал интересно и доступно, его занятия хочется посещать; требует от студентов понимания пройденного материала; консультирует по пройденному материалу, подробно разъясняет непонятные моменты; общается корректно, доброжелателен, тактичен и уравновешен. Студенты, указавшие, что их уровень знаний не изменился ($N = 21$), по упомянутым выше пунктам оценили преподавателя низко (табл. 9), что подтверждает вторую гипотезу исследования.

Таблица 9

Взаимосвязь прироста знаний и удовлетворенности взаимодействием с преподавателем в процессе обучения

Переменные	Уровень знаний			Н, $p \leq 0,001$
	Не изменился	Незначительно повысился	Существенно повысился	
1	2	3	4	5
Лекции: А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	2,61	3,95	4,46	80,38
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	2,61	4,20	4,52	58,44
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	3,43	4,35	4,66	59,37
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	4,04	4,52	4,72	47,23
Д. От студентов требует понимания пройденного материала.	3,35	4,35	4,67	60,93
Лабораторные: А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	2,87	4,15	4,61	73,22

1	2	3	4	5
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	3,17	4,26	4,62	53,89
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	3,57	4,52	4,76	53,34
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	4,17	4,50	4,72	32,87
Д. От студентов требует понимания пройденного материала	3,48	4,39	4,70	59,33

Поддержание дисциплины на занятиях оказалось практически не связанным с оценкой студентов прироста их знаний. Утверждать однозначно, что перечисленные выше качества преподавателя способствуют повышению уровня знаний у студентов, нельзя, поскольку на это могут оказывать влияние и другие факторы, такие как индивидуально-психологические особенности студентов, их заинтересованность в работе по специальности после окончания университета [16].

Теперь рассмотрим следующую возможную причину большого разброса оценок. Было обнаружено, что те преподаватели, у которых наблюдался большой разброс в оценках от студентов (стоит еще раз отметить, что для большинства преподавателей распределение оценок в основном было сильно смещенным в положительную сторону), вызванный тем, что первые-вторые группы оценили преподавателя низко (в то время как остальные – высоко), оценили эти «проблемные» группы либо так же низко, либо высоко.

Для уточнения возможных причин увеличения разброса оценок за счет появления большого числа низких оценок с преподавателями, которые получили такие оценки, была проведена беседа, в ходе которой было выявлено два случая, представленных ниже.

Важно отметить, что преподавателям предложили оценить каждого студента из «проблемных» групп по отдельности по тем же параметрам. В результате было обнаружено, что вычисленные средние значения совпадают с оценкой группы в целом. Различия наблюдаются в том случае, если в группе есть незначительный процент студентов, сильно отличающихся от остальных, который не влияет на общее

впечатление преподавателя о группе (8,33%). Таким образом, можно сказать, что преподаватель на занятиях воспринимает студенческую группу в целом, тогда как студенты преподавателя – каждый по-своему. Особенно сильно это проявляется на лекционных занятиях. Учитывая данные обстоятельства, можно сказать, что при анализе взаимного восприятия студентов и преподавателей целесообразно рассматривать именно оценку группы в целом, а не студентов по отдельности.

Возвращаясь к случаям проблемного взаимодействия студентов и преподавателей, отметим, что в первом случае восприятие студентов и преподавателя оказалось взаимно негативным: преподаватель низко оценил способности студентов, при этом требуя от них на занятиях высоких результатов, которых они не могли продемонстрировать. В результате преподаватель получил низкие оценки от студентов (учиться им было сложно и некомфортно, хотя свой уровень знаний они и повысили). Кроме того, как видно из табл. 10 и 11, преподавательские оценки студентов более тесно взаимосвязаны между собой ($N = 23$), чем студенческие оценки преподавателя ($N = 35$). Это может быть объяснено эффектом ореола со стороны преподавателя: студенческая группа оценивается в целом, а не дифференцировано по различным критериям, возможно, имеет место стигматизация некоторых групп как «слабых» и «сильных». Такое отношение и может быть причиной недовольства студентов, при условии, что преподаватель ставит перед ними высокие требования, зачастую кажущиеся недостижимыми.

Таблица 10

Взаимосвязь оценок преподавателя в проблемных группах (первый случай)

Переменные	Коэффициенты корреляции			
	1	2	3	4
1. Студенты интересуются учебным материалом	1,00	0,70***	0,84***	0,83***
2. Со студентами приятно общаться	0,70***	1,00	0,84***	0,69***
3. Студенты дисциплинированы	0,84***	0,84***	1,00	0,68***
4. Студенты обладают... уровнем знаний по дисциплине	0,83***	0,69***	0,68***	1,00***

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Таблица 11

Взаимосвязь оценок студентов в проблемных группах (первый случай)

Переменные	Коэффициенты корреляции				
	А	Б	В	Г	Д
А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	1,00	0,59***	0,43**	0,01	0,13
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	0,59***	1,00	0,60***	0,11	0,09
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	0,43**	0,60***	1,00	0,09	0,15
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	0,01	0,11	0,09	1,00	0,42*
Д. От студентов требует понимания пройденного материала	0,13	0,09	0,15	0,42*	1,00

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Во втором случае преподаватель оценил студенческую группу как самую сильную из всех, в которых ведет занятия, однако не ориентировался на их высокий уровень и запрос от группы изучать материал, не входящий в стандартную программу, и

преподавал как для студентов со средними способностями и мотивацией. В результате также получил низкие оценки и как лектор ($N1 = 16$; $N2 = 31$), и как ведущий лабораторные работы ($N1 = 5$; $N2 = 23$) (табл. 12).

Таблица 12

Взаимосвязь взаимных оценок студентов и преподавателя (второй случай)

Переменные	Оценка студентами преподавателя		U
	Считающего, что у них высокий уровень знаний (N1)	Считающего, что у них средний уровень знаний (N2)	
Лекции.			
А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	3,31	4,03	163,50*
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	3,56	4,32	200,00
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	4,31	4,90	146,50*
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	4,56	4,61	231,50
Д. От студентов требует понимания пройденного материала	3,75	4,74	131,50**
Как Вы оцениваете изменения своего уровня знаний после изучения дисциплины?	2,31	2,74	173,5*
Лабораторные работы.			
А. Учебный материал излагает интересно и доступно. Занятия хочется посещать	3,80	4,30	40,50
Б. Консультирует по пройденному материалу. Подробно разъясняет непонятные моменты	4,20	4,39	44,50
В. Общается корректно. Доброжелателен, тактичен и уравновешен	4,80	4,87	53,50
Г. На занятиях поддерживает дисциплину. Контролирует соблюдение формы одежды	4,00	4,65	35,50
Д. От студентов требует понимания пройденного материала	3,80	4,83	27,50*
Как Вы оцениваете изменение своего уровня знаний после изучения дисциплины?	2,00	2,74	32,00

* $p \leq 0,05$. ** $p \leq 0,01$. *** $p \leq 0,001$.

Как видно из табл. 12, студенты из группы, чей уровень знаний по дисциплине преподаватель оценил высоко, считают, что преподаватель далеко не всегда требует от студентов понимания пройденного материала, и оценивают прирост знаний по дисциплине несколько ниже, чем остальные, что и послужило причиной их неудовлетворительных оценок взаимоотношений с преподавателем. Это подтверждает вторую гипотезу исследования.

Анализ этих двух случаев позволил подтвердить третью гипотезу исследования, поскольку, во-первых, увеличение разброса оценок обусловлено появлением большого количества низких оценок, во-вторых, проведенная беседа позволила подробнее изучить ситуацию. В результате этого было выявлено, что между группами, низко оценившими преподавателей, и преподавателями, ведущими в этих группах занятия, существуют конфликтные ситуации, известные преподавателям.

Таким образом, эмпирическое исследование полностью подтвердило вторую и третью гипотезы исследования и частично первую. Его результаты могут быть полезны в разработке методов повышения качества образования и совершенствования педагогического мастерства преподавателей.

Что касается анализа приведенных выше частных случаев низкой оценки преподавателей студентами,

то он представляет скорее практическую, нежели теоретическую ценность, поскольку может быть полезным для повышения качества преподавания учебной дисциплины конкретными преподавателями. Для того чтобы говорить о теоретических тенденциях, следует собрать большее количество случаев низкой оценки преподавателей студентами для последующего анализа возможных причин.

Ограничения результатов исследования также могут быть связаны с тем, что крайне сложно получить оценку преподавателем каждого студента. Преподаватель, проводящий только лекционные занятия, часто даже не знаком со студентами и не может оценить каждого по отдельности. Кроме того, часто на одного преподавателя приходится порядка нескольких сотен студентов в семестр, что особенно характерно для общеобразовательных кафедр, и он не может дать конкретную характеристику каждому. Однако такие данные было бы интересно проанализировать.

Помимо этого, изучалось взаимное восприятие студентов и преподавателей только в рамках одной учебной дисциплины, кроме того, опрашивались только студенты первого курса (что обусловлено учебным планом). В дальнейшем представляется интересным исследовать взаимные оценки в рамках других дисциплин и с привлечением студентов других курсов обучения.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Низкие оценки студенческой группы со стороны преподавателя связаны с неудовлетворительными оценками взаимоотношений с преподавателем со стороны студентов. При этом тенденция будет сильнее, если преподаватель не будет корректировать методы подачи учебного материала с учетом способностей и возможностей студентов.

2. Отсутствие прироста знаний по дисциплине приводит к низкой оценке удовлетворенности студентов взаимодействием с преподавателем.

3. Увеличение разброса оценок за счет появления большего количества низких оценок может свидетельствовать о наличии проблемных взаимоотноше-

ний между преподавателем и студентами одной или нескольких учебных групп.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что преподавателям важно подходить к формам подачи учебного материала в зависимости от индивидуальных способностей студентов, при этом формируя у них уверенность в своих силах, интерес к предмету и обучению в целом, что в конечном итоге поможет сформироваться студентам как специалистам.

Таким образом, оценка студентами преподавателя является важным инструментом, способствующим повышению качества образования, но при анализе полученных результатов крайне важно правильно интерпретировать полученные данные, учитывая все факторы, которые явно или косвенно могут оказывать на нее влияние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриенко А.В. Удовлетворенность первокурсников процессом обучения в вузе // *Современные научные исследования*. 2011. № 3 (3). С. 17.
2. Шарок В.В. Особенности социально-психологической адаптации студентов разных курсов обучения // *Актуальные проблемы психологического знания*. 2015. № 3 (36). С. 84–95.
3. Mizintseva M.F., Komarova T.V., Sardarian A.R., Yakubova T.N. Key Aspects of Managing the Students' Satisfaction with the Learning Environment at the International University // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol. 9 (36). Available from: <http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/view/102030>. [Accessed: 01 May 2019]. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i36/102030.
4. Sharok V.V., Vakhnina E.G., Yakovleva Y.A. Health resource of national physical education and sport system: northern dimension // *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 2019. Vol. 2019, № 3. P. 45–46.
5. Vakhnin N.A., Sharok V.V., Makhovikov A.B. Rating students' satisfaction with academic service quality on the whole and physical education and sport service in particular // *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 2019. Vol. 2019, № 4. P. 28–30.
6. Solinas G., Masia M., Maida G., Muresu E. What Really Affects Student Satisfaction? An Assessment of Quality through a University-Wide Student Survey // *Creative Education*. 2012. № 3: P. 37–40. DOI: 10.4236/ce.2012.31006.
7. Берестнева О.Г., Козлова Н.В. Оценка профессиональных характеристик преподавателей высшей профессиональной школы // *Сибирский психологический журнал*. 2003. № 18. С. 132–135.
8. Катунцов Е.В., Култан Я., Маховиков А.Б. Применение средств электронного обучения при подготовке специалистов в области информационных технологий для предприятий минерально-сырьевого комплекса // *Записки Горного института*. 2017. Т. 226 (4). С. 503–508. DOI: 10.25515/pmi.2017.4.503.
9. Вахнин Н.А. Человек, природа, общество: синергетическое измерение // *Записки Горного института*. 2016. Т. 221 (5). С. 761–765. DOI: 10.18454/pmi.2016.5.761.
10. Петрова В.Н. Возможности применения технологии проблемно-ориентированного обучения (PBL) в практике высшего образования (на примере ТГУ) // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 65. С. 112–124. DOI: 10.17223/17267080/65/9.
11. Подойнищина М.А. Психолого-образовательное сопровождение актуализации и развития рефлексивных способностей молодых людей, обучающихся в вузе // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 63. С. 75–88. DOI: 10.17223/17267080/63/6.
12. Сайтбагина Л.А. Реализация интегративно-развивающего подхода в процессе развития исследовательской деятельности студентов магистратуры // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 442. С. 180–188. DOI: 10.17223/15617793/442/22.
13. Saveliev D.S., Sidorenko S.A. Effects of competitive martial arts on first-year students' psychophysiological potential // *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury*. 2017. Vol. 2017, № 5. P. 43–45.
14. Rautopuro J., Vaisanen P. Keep the customer satisfied, a longitudinal study of students' emotions, experiences and achievements at the University of Joensuu, paper presented at the European Conference of Educational Research, Edinburgh, 20–23 September 2000. 2000.
15. Sharok V.V. Role of socio-psychological factors of satisfaction with education in the quality assessment of university // *International Journal for Quality Research*. 2018. № 12 (2). P. 281–296. DOI: 10.18421/IJQR12.02-01.
16. Шарок В.В. Эмоционально-мотивационные факторы удовлетворенности обучением в вузе // *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 69. С. 33–45. DOI: 10.17223/17267080/69/2.
17. Sharok V. Communicative factors of socio-psychological adaptation of students and workers in the Arctic // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. Vol. 51. P. 1776–1786. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.02.189.
18. Беляев В.В., Шарок В.В. Выявление факторов, определяющих уровень удовлетворенности межличностными отношениями «студент – преподаватель» // *Современное образование: содержание, технологии, качество*. 2015. № 1. С. 89–90.
19. Беляев В.В., Шарок В.В. Анализ результатов анкетирования студентов «Преподаватель глазами студента» // *Современные аспекты экономики*. 2014. № 12 (208). С. 132–135.
20. Беляев В.В., Шарок В.В. Выбор факторов для анкетирования студентов «Преподаватель глазами студента» // *Современные аспекты экономики*. 2015. № 3 (211). С. 111–113.
21. Sharok V., Iakovleva Iu. Personal peculiarities as a factor of Arctic workers' socio-psychological well-being // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Т. 312. P. 401–404. DOI: 10.2991/tpshd-18.2019.75.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 февраля 2020 г.

Aleksei B. Makhovikov, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: amakhovikov@spmi.ru
Ekaterina G. Vakhnina, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vakhnina_eg@pers.spmi.ru

Ivan V. Kurta, Ukhta State Technical University, Vorkuta Branch (Vorkuta, Russian Federation). E-mail: ikurta@ugtu.net

Keywords: satisfaction with education; students; university teachers; interpersonal perception; interpersonal relationships; learning effectiveness; knowledge level; mutual evaluation.

The aim of the research was to identify the relationship of students' satisfaction with the study of the discipline and interaction with the university teacher, including the features of mutual perception. The following objectives were formulated: to conduct a questionnaire survey of students identifying their satisfaction with interaction with the teacher in the framework of the academic discipline, the level of knowledge on the subject before studying the discipline, the growth of knowledge after studying the discipline, and the correspondence of the mark obtained in the exam to the subjective level of students' knowledge; to conduct a questionnaire survey of university teachers identifying their satisfaction with the interaction with student groups in which they conduct classes; to compare the results of mutual evaluations of students and teachers. The following research hypotheses were proposed: (1) there is a positive relationship between mutual evaluations of students and teachers; (2) lack of knowledge growth in the discipline is interconnected with a low evaluation of students' satisfaction with interaction with the teacher; (3) presence of a problem in the relationship between the teacher and the student group can be identified based on the analysis of the evaluation spread. Students and teachers were offered questionnaires with numerical values assigned to answers. Questions in both questionnaires were comparable and allowed studying the same aspects of mutual perception of students and teachers and its impact on satisfaction with education. The respondents were 643 first-year students (representatives of 76 study groups divided into 131 subgroups) and 20 teachers who conducted the same general professional discipline in the previous semester for these students. The following methods of statistical data processing were used: analysis of primary statistics, Spearman's rank-order correlation, the Mann-Whitney U test, and the Kruskal-Wallis H test. Data processing was done using Statistica software. The following conclusions can be made from the empirical study. In general, students and teachers are satisfied with the interaction with each other in the educational process, and their mutual evaluations are interconnected. The low teachers' evaluation of the student group is interconnected with the unsatisfactory students' evaluation of the relationship with the teacher. The trend will be stronger if the teacher does not adjust the methods of presenting educational material taking into account students' abilities. The lack of knowledge growth in the discipline leads to a low evaluation of students' satisfaction with interaction with the teacher. Summarizing the above, it is important for university teachers to have a flexible approach to the presentation of educational material depending on the initial abilities of students while forming their self-reliance, interest in the subject, and training in general, which ultimately helps students to develop as specialists.

REFERENCES

- Andrienko, A.V. (2011) Udovletvorennost' pervokursnikov protsessom obucheniya v vuze [Freshmen's satisfaction with the learning process at the university]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya*. 3 (3). pp. 17.
- Sharok, V.V. (2015) Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii studentov raznykh kursov obucheniya [Features of social and psychological adaptation of students of different years of study]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*. 3 (36). pp. 84–95.
- Mizintseva, M.F., Komarova, T.V., Sardarian, A.R. & Yakubova, T.N. (2016) Key Aspects of Managing the Students' Satisfaction with the Learning Environment at the International University. *Indian Journal of Science and Technology*. 9 (36). Available from: <http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/view/102030>. (Accessed: 01.05.2019). DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i36/102030
- Sharok, V.V., Vakhnina, E.G. & Yakovleva, Y.A. (2019) Health resource of national physical education and sport system: northern dimension. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 2019 (3). pp. 45–46.
- Vakhnin, N.A., Sharok, V.V. & Makhovikov, A.B. (2019) Rating students' satisfaction with academic service quality on the whole and physical education and sport service in particular. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 2019 (4). pp. 28–30.
- Solinas, G., Masia, M., Maida, G. & Muresu, E. (2012) What Really Affects Student Satisfaction? An Assessment of Quality through a University-Wide Student Survey. *Creative Education*. 3. pp. 37–40. DOI: 10.4236/ce.2012.31006
- Berestneva, O.G. & Kozlova, N.V. (2003) Evaluation of teachers' professional characteristics of high professional school. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 18. pp. 132–135.
- Katuntsov, E.V., Kultun, Ya. & Makhovikov, A.B. (2017) Application of electronic learning tools for training of specialists in the field of information technologies for enterprises of mineral resources sector. *Zapiski Gornogo instituta – Journal of Mining Institute*. 226 (4). pp. 503–508. (In Russian). DOI: 10.25515/pmi.2017.4.503
- Vakhnin, N.A. (2016) Human, nature, society: Synergetic dimension. *Zapiski Gornogo instituta – Journal of Mining Institute*. 221 (5). pp. 761–765. (In Russian). DOI: 10.18454/pmi.2016.5.761
- Petrova, V.N. (2017) Potential of problem based learning technology in high school practice. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 65. pp. 112–124. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/65/9
- Podoymitsina, M.A. (2017) Psychological and educational support for the actualization and the development of reflective abilities among young people studying at the university level. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 63. pp. 75–88. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/63/6
- Saytbagina, L.A. (2019) Implementation of an Integrative Developmental Approach in the Development of Research Activities of Master's Students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 442. pp. 180–188. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/442/22
- Saveliev, D.S. & Sidorenko, S.A. (2017) Effects of competitive martial arts on first-year students' psychophysiological potential. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 2017 (5). pp. 43–45.
- Rautopuro, J. & Vaisanen, P. (2000) *Keep the customer satisfied, a longitudinal study of students' emotions, experiences and achievements at the University of Joensuu*. Paper presented at the European Conference of Educational Research, Edinburgh, 20–23 September 2000.
- Sharok, V.V. (2018) Role of socio-psychological factors of satisfaction with education in the quality assessment of university. *International Journal for Quality Research*. 12 (2). pp. 281–296. DOI: 10.18421/IJQR12.02-01
- Sharok, V.V. (2018) Emotional and motivational factors of satisfaction with university education. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 69. pp. 33–45. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/69/2

17. Sharok, V. (2018) Communicative factors of socio-psychological adaptation of students and workers in the Arctic. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 51. pp. 1776–1786. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.02.189
18. Belyaev, V.V. & Sharok, V.V. (2015) Vyyavlenie faktorov, opredelyayushchikh uroven' udovletvorennosti mezhluchnostnymi otnosheniyami "student – prepodavatel'" [Identification of factors that determine the level of satisfaction with interpersonal relations "student–teacher"]. *Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo*. 1. pp. 89–90.
19. Belyaev, V.V. & Sharok, V.V. (2014) Analiz rezul'tatov anketirovaniya studentov "Prepodavatel' glazami studenta" [Analysis of the results of the questioning of students "Teacher through the eyes of a student"]. *Sovremennye aspekty ekonomiki*. 12 (208). pp. 132–135.
20. Belyaev, V.V. & Sharok, V.V. (2015) Vybory faktorov dlya anketirovaniya studentov "Prepodavatel' glazami studenta" [The choice of factors for questioning students "Teacher through the eyes of a student"]. *Sovremennye aspekty ekonomiki*. 3 (211). pp. 111–113.
21. Sharok, V. & Iakovleva, Iu. (2019) Personal peculiarities as a factor of Arctic workers' socio-psychological well-being. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 312. pp. 401–404. DOI: 10.2991/tphd-18.2019.75

Received: 14 February 2020

А.О. Миронов, К.Д. Ларкина, З.И. Петрина

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТИ К РАВНОВЕСИЯМ У ЮНЫХ ГИМНАСТОК

Целью исследования явилось обоснование эффективности программы подготовки юных гимнасток на начальном этапе спортивной подготовки (1-й год обучения), основанной на методике развития способности к равновесиям. Результаты контрольных тестов показали, что в экспериментальной группе средний прирост показателя способности к равновесиям ($\Delta\alpha = 30,8\%$) оказался существенно выше, чем в контрольной ($\Delta\kappa = 8,3\%$).

Ключевые слова: развитие координационных способностей спортсменов; методика подготовки юных гимнасток; равновесие в художественной гимнастике; партерная гимнастика; способность к равновесию.

Введение. В Стратегии развития физической культуры и спорта на период до 2020 г. отмечается, что существует проблема «отсутствия эффективной системы детско-юношеского спорта, отбора и подготовки спортивного резерва для спортивных сборных команд страны, которая усиливается постоянно возрастающей конкуренцией в спорте высших достижений» [1].

Л.А. Лопатин и др. отмечают, что «многие победители молодежных чемпионатов не выходят на уровень сборных команд страны и заканчивают заниматься спортом еще в юном возрасте, так и не начав выступления во взрослых командах. Объясняются эти невосполнимые потери способных спортсменов рядом причин, но самой главной из них является неправильно проведенная подготовка на начальном этапе» [2. С. 71].

Гимнастика – сложнокоординационный вид спорта. Основными элементами в соответствии с правилами 2017–2020 гг. являются прыжки, повороты и равновесия [3]. Р.Н. Терехина и др. подчеркивают, что «рекордные достижения в художественной гимнастике – это высочайшая координационная сложность» [4. С. 66].

И.А. Винер и другие подчеркивают, что «качественное освоение равновесий является условием для дальнейшего освоения и совершенствования техники более сложных по структуре и координации элементов, отчего, в свою очередь, зависит техническая ценность композиций и успешность выступлений гимнасток на соревнованиях в перспективе» [5. С. 16].

М.П. Мухина и другие, в частности, пишут, что «следствием форсированной узкой специализации в процессе занятий спортом является первоначальный быстрый прирост спортивных результатов, что в

условиях несформировавшихся функциональных систем детей дошкольного возраста в будущем приводит к спортивным травмам, раннему уходу из спорта» [6. С. 34]. В продолжение темы авторы указывают на необходимость пересмотра «подходов в организации занятий физкультурно-спортивной направленности с дошкольниками на основе учета возрастных особенностей развития основных движений и физических качеств, исключая форсированное освоение сложных технических элементов» [7. С. 37].

Ключевой задачей этой статьи стало обоснование методики развития способности к равновесиям юных гимнасток, предложенной авторами.

Методы и организация исследования. Педагогический эксперимент включал в себя три этапа:

1. Констатирующий.
2. Формирующий.
3. Контрольный.

На констатирующем этапе:

1. Были определены участники исследования. Ими стали гимнастки ГБУ «Спортивная школа олимпийского резерва № 42» (г. Москва), набранные в группу начальной подготовки первого года обучения в сентябре 2017 г. (30 человек). Контингент испытуемых однороден по возрасту, что обеспечивает качественную однородность выборки. Произвольно были сформированы две группы участников эксперимента: экспериментальная и контрольная.

2. Затем были подобраны контрольные тесты для определения уровня развития способности к равновесию у гимнасток 6–7 лет в экспериментальной и контрольной группах. Перечень тестов приведен в табл. 1.

Таблица 1

Контрольные тесты для определения уровня развития способности к равновесиям

№ п/п	Название контрольного норматива	Нормативы (сек)		
		Удовлетворительно	Хорошо	Отлично
1	Равновесие «в пассе»	2	4	6
2	Равновесие «в кольцо»	1	2	3
3	Равновесие вперед (нога на 90 градусов)	2	3	4
4	Боковое равновесие (нога поднята в сторону на 90 градусов)	2	3	4
5	Равновесие «арабеск» (нога поднята назад на 90 градусов)	2	4	6
6	Равновесие «казак»	2	4	6

Данные равновесия, с одной стороны, считаются в художественной гимнастике самыми простыми, с другой – именно они включаются в соревновательную программу юных спортсменок.

3. Была оценена способность к равновесиям спортсменок контрольной и экспериментальной групп.

Для наглядности результатов составлена таблица количества средних оценок в обеих группах. Данные оценки получены путем вычисления среднего арифметического из шести оценок для каждой гимнастки (табл. 2).

Таблица 2

Средние оценки гимнасток за выполнение тестов

Средняя оценка гимнастки за тесты	Количество оценок в контрольной группе	Количество оценок в экспериментальной группе
Отлично	0	1
Хорошо	9	8
Удовлетворительно	6	6

Полученные результаты являются подтверждением качественной однородности контингента.

На формирующем этапе эксперимента была разработана и апробирована формирующая методика развития способности к равновесию у юных гимнасток.

Основные положения разработанной методики:

1. Проведение тренировок, направленных на развитие определенных физических качеств.

Принцип заключается в необходимости разделения тренировок. Каждая тренировка направлена на развитие отдельных физических качеств, связанных со способностью выполнять отдельные группы трудностей тела:

- прыжки – скоростно-силовые качества;
- равновесия и вращения – координационные качества (способность сохранять баланс);
- волны и танцевальные связки – ловкость, координация частей тела.

2. График тренировочного процесса.

На этапе начальной спортивной подготовки тренировки проходят 3 раза в неделю. Традиционно проводятся тренировки комплексной направленности. Одна-

ко, как показывает практика, начинающим гимнасткам трудно переключаться между упражнениями, направленными на развитие разных физических качеств. С нашей точки зрения, на данном этапе целесообразно 1 раз в неделю тренировать равновесия и повороты, 1 раз в неделю заниматься прыжковой подготовкой и 1 раз в неделю учить детей выполнять волны и танцевальные связки. Соответственно, комплекс упражнений для развития способности к равновесию следует выполнять 1 раз в неделю (табл. 3). Разделение тренировок по направленности развития физических качеств в соответствии с планом-графиком (табл. 3) является **отличительной особенностью** разработанной нами методики.

Таблица 3

План-график занятий

День недели	Вид деятельности
Понедельник	Тренировка (волны и танцевальная подготовка)
Вторник	Отдых
Среда	Тренировка (прыжки)
Четверг	Отдых
Пятница	Тренировка (равновесия и повороты)
Суббота	Активный отдых (прогулки, велосипед, коньки, роликовые коньки, самокат)
Воскресенье	

3. Определенная структура и содержание макроцикла тренировочного процесса.

Макроцикл гимнасток групп начальной спортивной подготовки длится с октября по май, иногда июнь. Мы рассматриваем часть макроцикла с октября по март (табл. 4), что соответствует периоду проведения эксперимента. Так как соревнования у юных гимнасток в мае, весь рассматриваемый период является подготовительным. Период состоит из трех мезоцилов: втягивающего и двух базовых.

Таблица 4

Структура и содержание макроцикла тренировки

Применяемые средства	Мезоцикл	Втягивающий																Базовый															
		октябрь				ноябрь				декабрь				январь				февраль				март											
		Тренировочная неделя																															
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4								
Партерная гимнастика	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+									
Волны и танцевальная подготовка		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+									
Прыжковая подготовка				+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+									
Равновесия и повороты:				+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+									
1. Маленькие позы.				+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+									
2. Большие позы.								+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+									
3. Формы основных равновесий.												+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+									
4. Усложненные равновесия																	+	+	+	+	+	+	+	+									
5. Повороты.																	+	+	+	+	+	+	+	+									

4. Использование упражнений партнерной гимнастики в качестве разминки.

Партнерная гимнастика – упражнения на полу в разных позах, сидя, лежа на животе и спине, направленные не только на формирование здоровой спины ученика, но и на растяжку всех мышц тела, их укрепление, на развитие гибкости в суставах. Это наиболее важные упражнения для детей на первом году обучения.

Партнерную гимнастику необходимо давать детям уже с первого занятия и включать в разминку на **каждой** тренировке. Эти упражнения крайне важны, так как формируют мышечный корсет юной гимнастки.

И.В. Гинкевич, главный хореограф Москомспорта, советник руководителя департамента Москомспорта по вопросам хореографии, изучает равновесие с точки зрения балета и хореографии. Основными условиями для овладения устойчивостью И.В. Гинкевич называет правильное распределение тяжести подтянутого корпуса на двух и на одной ноге, ровные бедра и особенно подтянутое и выворотное бедро работающей ноги [7. С. 11].

При выполнении упражнений партнерной гимнастики необходимо учитывать следующие рекомендации:

1. Упражнения для коррекции осанки надо чередовать с упражнениями, направленными на укрепление всех групп мышц, на растяжку связок, подвижность и гибкость суставов.

2. При занятиях партнерной гимнастикой обязательно учет возрастных особенностей детей.

3. Любое движение должно быть компенсировано контрдвижением. Мышцы, находящиеся в напряжении, нужно регулярно укреплять с помощью растягивания и расслабления. Каждое упражнение должно быть основано на чередовании напряжения и расслабления мышц.

4. Позвоночник необходимо растягивать по различным направлениям, чтобы сковывать движения.

5. Не нужно делать несколько упражнений подряд на одни и те же или сходные группы мышц.

6. Комплекс упражнений выполнять под четкую музыку в полном соответствии ей или под счет.

7. Партнерная гимнастика проводится 20–25 минут.

5. Строго определенная последовательность в освоении элементов.

Освоение равновесий складывается из овладения маленькими позами, большими позами классического танца, формами основных равновесий:

а) маленькие позы, заключающие упражнения.

К изучению поз, даже маленьких, не стоит приступать сразу. Прежде необходимо научить детей держать тело в правильном ровном положении, иначе они физически не смогут встать в верную позу. Маленькие позы отличаются от основных (больших) тем, что рабочая нога не поднята, а открыта в батман тан-дью (натянутым носком касается пола);

б) большие позы классического танца.

Большие позы классического танца – это позы с подъемом ноги на 90 градусов и выше в зависимости от физических возможностей занимающегося. Для правильного усвоения их начинают изучать на сере-

дине зала, так их выразительность и построение будут более точными, чем у станка. Соответственно, перед их освоением занимающимся необходимо научиться достаточно долго стоять на одной ноге, а затем балансировать на ней, выполняя движения руками, а позже другой ногой;

с) формы основных равновесий изучают перед зеркалом, сначала на полной стопе и с дополнительной опорой, позже на середине, затем с полупальцем. Отработка равновесий осуществляется путем их постоянного повторения. Достаточно овладев этими равновесиями, гимнастка может соединять их с вращательными движениями или различными волнами для того, чтобы увеличить стоимость этих элементов в своей программе;

д) усложненные равновесия. Усложненные способы выполнения равновесий позволяют гимнастке более качественно овладеть данной группой элементов.

При выполнении равновесий гимнастки используют зрительные ориентиры (глаза должны смотреть в точку прямо перед собой). Соответственно, выполнение равновесий с закрытыми глазами – усложненный способ. Теряется зрительный ориентир, гимнастке приходится удерживать равновесие только благодаря высокой координации работы мышц и внутреннему ощущению пространства.

Еще один вариант усложнения равновесий – упражнения с уменьшенной площадью опоры или / и с приподнятой на некоторую высоту опорой. Возможно использование балансиров (BOSU).

В художественной гимнастике для усложнения выполнения элементов с высокой формой ноги принято использовать жгуты (резину) и утяжелители. В разрабатываемой методике данные средства не применяются, так как опорно-двигательный аппарат юных гимнасток не готов к таким силовым нагрузкам. Использование жгутов и утяжелителей при работе с начинающими гимнастками может привести к травмам и нарушению осанки занимающихся.

На первом году обучения детей учат выполнять равновесия «пассе», «казачок», равновесие вперед, «арабеск», «аттитюд», «в кольцо», «крокодил», «свечка», боковое равновесие;

е) повороты.

После обучения основной форме равновесия приступают к обучению вращению (повороту) в той же форме. Крайне важно не переходить к выполнению поворотов до того, как ребенок научится хорошо стоять в равновесии на полупальце. В таком случае вращение будет выполнено неправильно. Это может привести к закреплению ошибочной техники выполнения, а также к травмам.

На контрольном этапе мы провели повторные тесты для того, чтобы определить уровень развития данной способности у гимнасток в экспериментальной и контрольной группах.

Анализ материала. Результаты исследования и их обсуждение. На контрольном этапе мы провели повторные тесты для того, чтобы определить уровень развития данной способности в экспериментальной и контрольной группах.

Результаты развития способности к равновесиям у гимнасток экспериментальной и контрольной групп

№	Контрольный тест	Показатели экспериментальной группы		$\Delta \varepsilon$, %	Показатели контрольной группы		$\Delta \kappa$, %
		До эксперимента	После эксперимента		До эксперимента	После эксперимента	
1	Равновесие «пассе»	3,93	4,73	20	3,87	3,87	0
2	Равновесие «в кольцо»	3,27	4,73	44,6	3,47	4	15
3	Равновесие вперед	3,27	4,6	40	3,3	3,67	11
4	Равновесие в сторону	3,8	5	31,6	3,6	3,87	7,5
5	Равновесие назад	3,73	5	34	3,6	3,93	9
6	Равновесие «казак»	3,4	4,47	31,5	3,67	4	9
	Средняя оценка	3,64	4,76	30,8	3,59	3,89	8,3

Полученные результаты свидетельствуют, что в экспериментальной группе средний прирост показателя способности к равновесиям ($\Delta \varepsilon = 30,8\%$) оказался существенно выше, чем в контрольной ($\Delta \kappa = 8,3\%$).

Основными элементами в гимнастике в соответствии с правилами 2017–2020 гг. являются прыжки, повороты и равновесия [3]. Очевидно, что упражнения на баланс тела составляют большую часть композиции.

Анализ научно-методической литературы показывает, что среди специалистов нет единого мнения о возможности, необходимости и эффективности тренировки вестибулярных функций, которые являются основой развития способности к равновесиям.

В.И. Лях [8–10], И.И. Розен [11], В.С. Фарфель [13] и другие полагают, что вестибулярная устойчивость регулируется физиологически. Механизмы обусловлены наследственными факторами и мало изменяются вследствие тренировки.

Другие исследователи (Н.О. Андреева [13], В.Н. Болобан и авторы [14], В.Г. Стрелец и А.А. Горелов [15], И.В. Цепелевич [16] и др.) придерживаются противоположной точки зрения, считая, что данные возможности можно и нужно совершенствовать с помощью применения специализированных нагрузок.

В основе качественного освоения основных элементов в художественной гимнастике должен лежать своевременный контроль эффективности управления движениями. Критериями такой эффективности И.А. Винер-Усманова считает координационное отношение электрической активности мышц в системе «агонист–антагонист», пространственную точность движений, показатели устойчивости равновесия [5].

При всем этом гибкость считается основополагающим качеством в рассматриваемом виде спорта, именно это определяет и систему отбора, и систему подготовки в спортивных школах.

Основными положениями разработанной нами методики развития способности к равновесиям являются:

1. Необходимость разделения тренировок по направленности (каждая тренировка направлена на развитие определенного физического качества, связанного со способностью выполнять отдельные группы трудностей тела: прыжки, равновесия + вращения, волны + танцевальные связки).

2. Использование упражнений партерной гимнастики в качестве разминки.

3. Строго определенная последовательность в освоении элементов (маленькие позы, заключающие упражнения – большие позы классического танца – формы основных равновесий – усложненные равновесия – повороты).

Практическое применение разработанной нами методики заключается в том, что мы предлагаем использовать ее в организации тренировочного процесса юных гимнасток на этапе начальной спортивной подготовки (1-й год обучения). В настоящее время при подготовке начинающих спортсменок акцент делается на развитии такого физического качества, как гибкость.

В процессе исследования мы сочли необходимым ответить на вопрос: не оказывает ли разработанная методика отрицательного влияния на развитие гибкости. С этой целью был проведен анализ тестов по определению гибкости гимнасток, использованных при их отборе. Результаты приведены в табл. 6.

Таблица 6

Результаты тестов для контроля влияния разработанной методики на развитие гибкости

№	Контрольный тест	Показатели экспериментальной группы		$\Delta \varepsilon$, %	Показатели контрольной группы		$\Delta \kappa$, %
		до эксперимента	после эксперимента		до эксперимента	после эксперимента	
1	Складочка	4	5	25	4	5	25
2	Рыбка	3,47	4,47	28,82	3,53	4,4	24,65
3	Отведение рук	4,4	5,07	15,23	4,4	4,8	9,09

Результаты, представленные в таблице, демонстрируют, что качество изменения в обеих группах сопоставимо. Следовательно, можно сделать вывод о том, что разработанная методика не препятствует развитию гибкости.

Результаты данного исследования послужат нам отправной точкой для проведения дальнейших научных изысканий по проблеме содержания тренировочного процесса юных гимнасток на этапе начальной спортивной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия развития физической культуры и спорта на период до 2020 года. URL: <http://www.minsport.gov.ru/2015/doc/RPRusF1101ot070809.rtf> (дата обращения: 06.03.2019).
2. Лопатин Л.А., Шайхиев Р.Р., Петрова В.К., Мартынов О.П. Особенности развития двигательных навыков юных гимнасток 6–7 лет на этапе начальной подготовки // Казанская наука. 2017. № 1. С. 71–73.
3. Правила 2017–2020 по художественной гимнастике. URL: <http://www.fig-gymnastics.com> (дата обращения: 06.03.2019).
4. Терехина Р.Н., Винер-Усманова И.А., Крючек Е.С., Медведева Е.Н., Цаллагова Р.Б. Объективизация технической ценности элементов художественной гимнастики как фактор успешности многолетней подготовки спортсменок // Теория и практика физической культуры. 2016. № 10. С. 66–67.
5. Винер И.А., Медведева Е.Н., Супрун А.А., Розыченкова Ю.В., Пирожкова Е.А. Факторы, предопределяющие успешность освоения и выполнения равновесий в художественной гимнастике // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2012. № 6 (88). С. 16–21.
6. Мухина М.П., Мельникова Ю.А., Мельников К.В. Особенности развития основных движений и физических качеств детей старшего дошкольного возраста, занимающихся и не занимающихся в спортивных секциях // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2014. № 2. С. 34–37.
7. Гинкевич И.В. Методика проведения занятий на середине зала с усложненными элементами по формированию «школы движений» в сложно-координационных видах спорта на всех этапах подготовки. Ч. 4. М.: Национальный книжный центр, 2016. 304 с.
8. Лях В.И., Соколкина В.А. К вопросу о природе межиндивидуальной вариативности некоторых координационных способностей детей 7–9 лет // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1997. № 2. С. 2–7.
9. Лях В.И. Координационные способности школьников // Физическая культура в школе. 2000. № 4. С. 6–10.
10. Лях В.И. Координационные способности школьников // Физическая культура в школе. 2000. № 5. С. 13–13.
11. Розен И.И. Экспериментальное обоснование методов совершенствования устойчивости гимнасток при выполнении упражнений на бревне: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1971. 29 с.
12. Фарфель В.С. Управление движениями в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1975. 208 с.
13. Андреева В.Е. Сопрежонное развитие гибкости и скоростно-силовых качеств на этапе базовой подготовки в художественной гимнастике: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 170 с.
14. Болобан В.Н., Андреева Н.О., Жирнов А.В. Показатели развития сенсомоторной координации занимающихся художественной гимнастикой на этапах предварительной базовой и специализированной базовой подготовки // Физическое воспитание студентов. 2011. № 4. С. 6–15.
15. Стрелец В.Г., Горелов А.А. Теория и практика управления вестибуломоторикой человека в спорте и профессиональной деятельности // Теория и практика физической культуры. 1996. № 5. С. 13–16.
16. Цепелевич И.В. Влияние степени развития физических способностей на исполнительское мастерство гимнасток на этапе углубленной подготовки в художественной гимнастике // Ученые записки университета П.Ф. Лесгафта. 2007. № 2 (24). С. 99–101.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 13 января 2020 г.

Methods of Developing the Ability to Balance in Young Gymnasts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 205–210.

DOI: 10.17223/15617793/458/25

Andrey O. Mironov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service (Moscow, Russian Federation). E-mail: miron1964@yandex.ru

Ksenia D. Larkina, Sports School of the Olympic Reserve No. 42 (Moscow, Russian Federation). E-mail: lareok@mail.ru

Zoya I. Petrina, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: zoia-petrina@yandex.ru

Keywords: development of coordination abilities of athletes; methods of training of young gymnasts; balance in rhythmic gymnastics; parterre gymnastics; ability to balance.

Balances in rhythmic gymnastics constitute one of the basic groups of elements. When performing any elements of the program, it is extremely important for a gymnast to maintain the balance of the body and its parts in relation to each other. At the same time, flexibility is considered a fundamental quality in the sport in question, for it determines both selection and training in sports schools. The aim of the study was to substantiate the effectiveness of the training program for young gymnasts at the initial stage of sports training (1st year of training) based on the methodology of developing the ability to balance. The study was conducted from September 2017 to March 2018 on the basis of Sports School of the Olympic Reserve No. 42 (Moscow). The participants were of the same age, which ensures the qualitative homogeneity of the sample. Two groups of participants – experimental and control – were randomly formed. In the experimental group, the training of young gymnasts was conducted according to the methodology, the main provisions of which are: the division of training in the direction of the development of physical qualities in accordance with the schedule; the use of parterre gymnastics exercises as a warm-up; a strictly determined sequence in the development of elements (small poses, concluding exercises, large poses of classical dance, forms of basic equilibria, complicated equilibria, turns). The results of the control tests showed that, in the experimental group, the average increase in the index of ability to equilibria ($\Delta e = 30.8\%$) was significantly higher than in the control group ($\Delta c = 8.3\%$). The practical application of the proposed technique is that it can be used in the organization of the training process of young gymnasts at the stage of initial sports training (1st year of training). Currently, when training novice athletes, the emphasis is on the development of the physical quality of flexibility. In the course of the study, the authors found it necessary to answer the question of whether the developed technique had a negative impact on the development of flexibility. They analyzed the flexibility tests used in the selection of gymnasts and saw that the quality of change in both groups was comparable. Therefore, it can be concluded that the developed methodology does not prevent the development of flexibility. The results of this study will serve as a starting point for further research on the problem of the content of the training process of young gymnasts at the stage of initial sports training.

REFERENCES

1. Ministry of Sport of the Russian Federation. (2015) *Strategiya razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta na period do 2020 goda* [Strategy for the development of physical culture and sport for the period to 2020]. [Online] Available from: <http://www.minsport.gov.ru/2015/doc/RPRusF1101ot070809.rtf>. (Accessed: 06.03.2019).

2. Lopatin, L.A. et al. (2017) Osobennosti razvitiya dvigatel'nykh navykov yunikh gimnastok 6–7 let na etape nachal'noy podgotovki [Features of the development of motor skills of young gymnasts 6–7 years old at the stage of initial training]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 1. pp. 71–73.
3. Fédération Internationale de Gymnastique (FIG). (2019) *Pravila 2017–2020 po khudozhestvennoy gimnastike* [Rules in rhythmic gymnastics for 2017–2020]. [Online] Available from: <http://www.fig-gymnastics.com>. (Accessed: 06.03.2019).
4. Terekhina, R.N. et al. (2016) Objective metrics in technical execution quality scoring for benefit of long-term training process in rhythmic gymnastics. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 10. pp. 66–67. (In Russian).
5. Viner, I.A. et al. (2012) Factors That Predetermine the Successful Mastering and Performing of Balances in Rhythmic Gymnastics. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 6 (88). pp. 16–21. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2012.06.88.p16-21
6. Mukhina, M.P., Mel'nikova, Yu.A. & Mel'nikov, K.V. (2014) Features of development of the main movements and physical qualities of children of the late preschool age which are engaged and not engaged in sports sections. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika – Physical Culture, Sport – Science and Practice*. 2. pp. 34–37. (In Russian).
7. Ginkevich, I.V. (2016) *Metodika provedeniya zanyatiy na seredine zala s uslozhnennymi elementami po formirovaniyu "shkoly dvizheniy" v slozhno-koordinatsionnykh vidakh sporta na vseh etapakh podgotovki* [The Methodology of Conducting Classes in the Middle of the Hall With Complicated Elements for the Formation of a "School of Movements" in Complex Coordination Sports at All Stages of Preparation]. 4. Moscow: OOO "Natsional'nyy knizhnyy tsentr".
8. Lyakh, V.I. & Sokolkina, V.A. (1997) K voprosu o prirode mezhdindividual'noy variativnosti nekotorykh koordinatsionnykh sposobnostey detey 7–9 let [On the question of the nature of interindividual variability of some coordination abilities of 7–9 years old children]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka – Theory and Practice of Physical Culture: Sport, Science, Methodology*. 2. pp. 2–7.
9. Lyakh, V.I. (2000a) Koordinatsionnye sposobnosti shkol'nikov [Coordination abilities of schoolchildren]. *Fizicheskaya kul'tura v shkole*. 4. pp. 6–10.
10. Lyakh, V.I. (2000b) Koordinatsionnye sposobnosti shkol'nikov [Coordination abilities of schoolchildren]. *Fizicheskaya kul'tura v shkole*. 5. pp. 3–13.
11. Rozen, I.I. (1971) *Eksperimental'noe obosnovanie metodov sovershenstvovaniya ustoychivosti gimnastok pri vypolnenii uprazhneniy na brevne* [Experimental Substantiation of Methods for Improving the Stability of Gymnasts When Performing Exercises on a Balance Beam]. Abstract of Pedagogy Cand Diss. Moscow.
12. Farfel', V.S. (1975) *Upravlenie dvizheniyami v sporte* [Motion Control in Sports]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
13. Andreeva, V.E. (2010) *Sopryazhennoe razvitie gibkosti i skorostno-silovykh kachestv na etape bazovoy podgotovki v khudozhestvennoy gimnastike* [Conjugate development of flexibility and speed-strength qualities at the stage of basic training in rhythmic gymnastics]. Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
14. Boloban, V.N., Andreeva, N.O. & Zhirnov, A.V. (2011) Pokazateli razvitiya sensomotornoy koordinatsii zanimayushchikhsya khudozhestvennoy gimnastikoy na etapakh predvaritel'noy bazovoy i spetsializirovannoy bazovoy podgotovki [Indicators of the development of sensorimotor coordination in rhythmic gymnastics at the stages of preliminary basic and specialized basic training]. *Fizicheskoe vospitanie studentov – Physical Education of Students*. 4. pp. 6–15.
15. Strelets, V.G. & Gorelov, A.A. (1996) *Teoriya i praktika upravleniya vestibulomotorikoy cheloveka v sporte i professional'noy deyatel'nosti* [Theory and practice of human vestibulomotor control in sports and professional activity]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 13–16.
16. Tsepelevich, I.V. (2007) Effect of the degree of physical ability in the performing skills of female gymnasts at the stage of in-depth training in rhythmic gymnastics. *Uchenye zapiski universiteta P.F. Lesgafta*. 2 (24). pp. 99–101.

Received: 13 January 2020

Г.В. Можяева, Д.А. Маслова, Т.В. Кабанова, К.И. Яковлева

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МОДЕЛЕЙ СОПРОВОЖДЕНИЯ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета», проект «Исследование эффективности различных моделей и инструментов поддержки слушателей массовых открытых онлайн-курсов (МООК), используемых для удержания в обучении и повышения уровня вовлеченности обучающихся в образовательный процесс».

Представлены результаты исследования эффективности различных моделей сопровождения обучающихся массовых открытых онлайн-курсов с точки зрения их влияния на повышение уровня вовлеченности слушателей в процесс обучения. Выявлены и апробированы 3 модели сопровождения слушателей МООК. В результате исследования подтверждена гипотеза о том, что использование внешних, внеплатформенных инструментов поддержки слушателей МООК в дополнение к платформенным решениям позволяет увеличить уровень вовлеченности слушателей в онлайн-обучение.

Ключевые слова: онлайн-обучение; МООК; мотивация к обучению; вовлеченность в обучение; модели сопровождения онлайн-обучения; поддержка слушателей МООК; цифровые инструменты педагогической коммуникации; виртуальный помощник в обучении; образовательные результаты; паттерны поведения.

Введение

Стремительное развитие онлайн-обучения сопровождается ростом популярности и распространения массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Число слушателей онлайн-курсов в конце 2019 г., по данным агрегатора Class Central, достигало более 110 млн человек [1]. Пандемия существенно увеличила это число. Так, по данным Class Central, только на онлайн-платформе Coursera в период с середины марта до середины мая 2020 г. зарегистрировались более 10 млн новых пользователей [2]. Онлайн-курсы стали активно включаться в вузовские программы, играя значительную роль в развитии моделей смешанного обучения и занимая все более важное место в системе университетского образования. Этому способствовало полное открытие МООК в условиях пандемии мировыми и национальными платформами, прежде всего Coursera (проект «Coursera for Campus»), и стремительный переход вузов многих стран мира на онлайн-технологии, в том числе частичный перевод студентов на онлайн-курсы вместо традиционных аудиторных занятий.

Вместе с тем сложившаяся ситуация с МООК в мире указывает на противоречие – с одной стороны, значительно увеличилось количество университетов, использующих в учебном процессе МООК, с другой стороны, исследования указывают, что МООК имеют ряд существенных недостатков, влияющих на результаты обучения. Оппоненты МООК отмечают крайне низкий процент слушателей, завершающих обучение на онлайн-курсах. По оценкам специалистов, завершаемость в среднем составляет около 3–5% [3], исключение составляет только групповое обучение студентов университетов, направленных вузами на обучение на МООК с последующим перезачетом результатов. Проведенный нами анализ позволил зафиксировать, что в этом случае включается административный ресурс, принуждающий студентов завершить обучение на онлайн-курсе, но и он не всегда работает, поскольку лишь около 50% студентов, для которых

обучение на МООК становится обязательным элементом программы, успешно завершают обучение. Специалисты многих университетов мира [3] пытаются ответить на вопрос, почему столь низок процент завершивших обучение, и решить задачу – как его повысить.

В 2014 г. ученые Ханан Халил из университета Мансура (Египет) и Мартин Эбнер из Технологического университета Граца (Австрия) провели исследование, целью которого было выявить причины, по которым слушатели МООК прекращают прохождение курсов, не завершив обучение, а также определить стратегии улучшения показателя завершаемости [4]. В рамках этого исследования проведен опрос слушателей 42 онлайн-курсов, размещенных на четырех платформах (Coursera, EdX, Moodle, Udacity), в результате которого было выявлено, что самыми частыми причинами незавершения курсов являются нехватка времени, недостаточная мотивация, чувство изолированности слушателей, а также недостаточная интерактивность курсов. Установлено, что самыми распространенными стратегиями повышения завершаемости были: подстройка графика обучения под потребности слушателей (переход на режим «по-требованию» вместо сессионных запусков), запуск постоянной системы мотивации слушателей для завершения курсов (в том числе через поддержку слушателей), а также усиление коммуникации типа «студент–студент» и «студент–команда поддержки курса» [4]. Проведенный анализ показал, что поддержка слушателей играет важную роль при решении задачи повышения уровня вовлеченности и удержания слушателей на онлайн-курсе.

Ведущие университеты мира [3] разрабатывают различные модели поддержки слушателей, обучающихся на МООК, в зависимости от прогнозируемых результатов обучения и других факторов, влияющих на уровень вовлеченности в образовательный процесс. При этом не менее важным фактором является поведение слушателей на МООК, которое фиксируется на онлайн-платформах в формате данных об актив-

ных действиях слушателей при взаимодействии с образовательным контентом. В 2014 г. ученые Стенфордского и Корнельского университетов А. Андерсон, Дж. Лесковиц, Д. Хаттенлочер и Дж. Кляйнберг предложили классифицировать поведение обучающихся на MOOK согласно следующим паттернам: «универсалы», «зрители», «решатели», «коллекционеры» и «зеваки» [5]. Данные паттерны представлены в последовательности от максимальной до нулевой вовлеченности слушателей курсов во взаимодействие с образовательным контентом, основываясь на данных о просмотре видеолекций и решении заданий слушателями. Ученые в своем исследовании [5] отметили рост уровня вовлеченности слушателей всех паттернов при получении знаков отличия за достижения на курсе (просмотр лекций, выполнение заданий, оставление комментариев в форуме), а также выявили возможности повышения уровня вовлеченности в обучение путем внешней мотивации.

Исследовательский интерес к поиску возможных механизмов повышения уровня вовлеченности и завершаемости MOOK остается устойчивым и по сей день. Так, ученые из университета Цинь Хуа Вэнчжэнг Фэн, Тье Танг и Трэиси Сяо Лью в своей статье «Осмысление незавершаемости MOOK» [3], опубликованной в 2019 г., указывают на то, что завершаемость онлайн-курсов зависит от множества факторов, среди которых демографические характеристики и мотивы обучения слушателей, тематика курсов, педагогический дизайн курсов, а также организация поддержки слушателей. Более того, отмечается, что, зная портрет слушателя, возможно настроить различные параметры обучения и поддержки таким образом, чтобы вовлеченность и завершаемость приблизились к максимальным [3].

Решение вопросов, связанных с повышением уровня вовлеченности слушателей в онлайн-обучение, становится все более важным и для российских университетов – лидеров национальной системы онлайн-образования. Специалисты Томского государственного университета (ТГУ), Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), Высшей школы экономики (ВШЭ) и других ведущих российских университетов проводят исследования, нацеленные на повышение эффективности MOOK в части успешного их завершения студентами [6–8]. Можно выделить несколько перспективных направлений в исследованиях. ТГУ активно работает в направлении повышения мотивации слушателей MOOK на своих онлайн-курсах на ведущих мировых и национальных онлайн-платформах, Финуниверситет занимается поиском эффективных моделей интеграции онлайн-курсов в основные образовательные программы и баланса между ожидаемыми образовательными результатами и моделями онлайн-обучения, ВШЭ активно работает в области психометрики, используя ее результаты на повышение качества и эффективности MOOK [6–8].

Большинством российских и зарубежных специалистов в своих исследованиях указывают, что организация поддержки слушателей является одним из основных факторов, влияющих на уровень их вовлечен-

ности в обучение на MOOK [3, 7]. В связи с тем что онлайн-обучение находится в контексте постоянно развивающихся информационно-коммуникационных технологий, поддержка слушателей также приобретает новые черты, будучи реализованной через регулярно обновляемые существующие или абсолютно новые инструменты.

В исследованиях [6–8] установлено, что онлайн-обучение находится в зависимости от постоянно развивающихся информационно-коммуникационных технологий, следовательно, поддержка слушателей также приобретает новые черты, будучи реализованной через регулярно обновляемые существующие или абсолютно новые инструменты. Целью данной работы стали выявление, апробация и оценка эффективности актуальных моделей поддержки слушателей онлайн-курсов, основанных на анализе онлайн-курсов на ведущих платформах и определении актуальных инструментов поддержки, которые либо встроены в платформы онлайн-обучения, либо находятся вне платформы (внеплатформенные).

Гипотеза исследования представлена допущением о возможности повысить вовлеченность слушателей в онлайн-обучение, используя данные платформ, которые распределяют поведение слушателей на MOOK и различные инструменты их поддержки в соответствии с установленными паттернами: «универсалы», «зрители», «решатели», «коллекционеры» и «зеваки».

Методы исследования

Исследование проводилось в 4 этапа.

В ходе полевого исследования (первый этап) были проанализированы инструменты, используемые для сопровождения слушателей более 130 онлайн-курсов на 9 онлайн-платформах (Coursera, Лекториум, Stepik, Национальная платформа открытого образования, платформа Университета Чарльза Стёрта (Австралия), частные онлайн-платформы Skillbox и Нетология, онлайн-платформа ТГУ и Онлайн-академия Финуниверситета). Данные были получены из открытых источников посредством записи на открытые курсы на данных платформах и фиксации используемых инструментов сопровождения, в том числе на онлайн-платформах, аффилированных авторами университетов. Была составлена матрица соответствия курсов и используемых инструментов поддержки, определена частотность и выявлены наиболее распространенные инструменты поддержки слушателей на MOOK.

На втором этапе были проявлены представления и ожидания слушателей, касающиеся инструментов сопровождения на онлайн-курсах. В рамках исследования в сентябре-октябре 2019 г. был проведен опрос 189 слушателей MOOK ТГУ в форме анкетирования и выявлены наиболее востребованные обучающимися инструменты для сопровождения слушателей MOOK.

На третьем этапе на основе анализа наиболее часто используемых на платформах и наиболее востребованных слушателями инструментов поддержки онлайн-обучения разработаны 3 модели сопровождения слушателей MOOK, включающие платформенные и внеплатформенные инструменты, которые слушатели

отметили как востребованные: платформенная, вне-платформенная и смешанная.

Четвертым этапом стал педагогический эксперимент по апробации трех разработанных моделей сопровождения, в рамках которого методом кластерного анализа были выявлены паттерны поведения слушателей до применения сформированных моделей сопровождения (контрольная группа) и во время применения этих моделей (экспериментальная группа). Полученные результаты были обработаны, проведен сравнительный анализ.

Опытно-экспериментальная деятельность включала опрос в форме анкетирования, анализ данных, описательную статистику, кластерный анализ, визуализацию и сравнительный анализ.

Ход и результаты исследования

На первом этапе исследования были проанализированы инструменты, используемые для сопровождения слушателей онлайн-курсов на таких MOOK-платформах, как Coursera, Лекториум, Stepik, Национальная платформа открытого образования, платформа Университета Чарльза Стёрта (Австралия), частные онлайн-платформы Skillbox и Нетология, онлайн-платформа ТГУ и Онлайн-академия Финуниверситета. Данные были получены из открытых источников посредством записи на открытые курсы на данных платформах и фиксации используемых инструментов сопровождения.

В результате обработки полученной информации с целью определения частотности использования инструментов поддержки была составлена матрица соответствия курсов и используемых инструментов поддержки, позволившая составить перечень наиболее распространенных инструментов поддержки слушателей в онлайн-обучении в порядке убывания:

- Почтовая рассылка – автоматизированная отправка писем по электронной почте определенной группе адресатов.

- Форум в курсе – специальный сайт или раздел на сайте, который организован для общения слушателей между собой, с преподавателем или командой поддержки. Форум может быть двух видов: встроенный в платформу или внешний.

- Чат в мессенджере – мобильное приложение или веб-сервис, предполагающий мгновенный обмен сообщениями между пользователями. Может включать применение чат-бота.

- Форма обратной связи – веб-страница или сервис, в которых размещается анкета. Например, SurveyMonkey, Typeform, Google forms.

- Вебинар – форма организации взаимодействия участников образовательного процесса с использованием видеосвязи в режиме онлайн. Например, вебинары проводят через Zoom, Adobe Connect или встроенные в платформы элементы.

- Группа в социальной сети – сообщество, пользователи которого объединены общими интересами, являющимися темой сообщества.

Анализ современных исследовательских работ позволил также выявить новый инструмент поддерж-

ки онлайн-обучения, который только начинает внедряться на онлайн-платформах и не получил массового распространения, – виртуальный ассистент [9].

На втором этапе были выявлены представления и ожидания слушателей, касающиеся инструментов сопровождения на онлайн-курсах. В рамках исследования в период с 23.09.2019 г. по 07.10.2019 г. было проведено анкетирование слушателей массовых открытых онлайн-курсов ТГУ. В анкетировании на различных платформах приняли участие слушатели трех курсов: «Русский язык как инструмент успешной коммуникации» (курс представлен на Национальной платформе открытого образования, платформах Лекториум и Coursera на русском языке), «Психодиагностика» (курс представлен на платформе Coursera на русском и на английском языках), «Гениальность. Одарённость. Посредственность» (курс представлен на платформе Coursera на английском языке и на платформе Лекториума на русском языке). Генеральная совокупность (общее количество слушателей на данных курсах на указанных платформах с момента запуска до 07.10.2019 г.) составила 76 366 человек, количество опрошенных слушателей курсов составило 189 респондентов (из них: 152 – слушатели из России, 37 – зарубежные слушатели). Доверительная вероятность составляет 97%, доверительный интервал – 8%. Респондентам анкеты было предложено ответить на вопросы, связанные с инструментами поддержки в онлайн-курсе. При этом в анкете были выделены 2 основных блока вопросов, касающиеся: 1) инструментов, с помощью которых слушатели получали поддержку в процессе обучения на MOOK, 2) инструментов, с помощью которых они хотели бы получить поддержку в дальнейшем. Слушателям был предложен выбор из семи инструментов поддержки онлайн-обучения, выявленных на первом этапе исследования: электронная почта (почтовая рассылка), форум в курсе, чат в мессенджере, форма обратной связи, вебинар, группа в социальной сети, виртуальный ассистент. При ответе на каждый вопрос слушатели могли отметить сразу несколько инструментов, указать свой вариант либо отметить, что поддержка по данному вопросу не осуществлялась.

Результаты анкетирования показали следующую оценку слушателями действий по поддержке со стороны платформ:

- Инструктирование слушателей по обучению. 66% респондентов ответили, что инструкция по обучению была получена через электронную почту, 31% респондентов – через информационный блок на странице курса, 13% – через вебинар, встроенный в платформу, 12% – через форум. 39% опрошенных хотели бы получать инструкции на электронную почту, 21% опрошенных – через информационный блок на странице курса, 11% – через чат в мессенджере.

- Знакомство с командой курса. 28% слушателей познакомились с командой онлайн-курса через электронную почту, 18% слушателей – через диалог в социальной сети. Хотели бы знакомиться с помощью электронной почты – 20% опрошенных, через группу / диалог в социальных сетях – 18% опрошенных,

чат в мессенджере – 13% опрошенных, форум – 13% опрошенных.

– Решение содержательных вопросов. Заккрытие вопросов, связанных с темами онлайн-курса, происходило с помощью электронной почты у 31% респондентов, через форум у 29% респондентов. Хотели бы решать содержательные вопросы с помощью электронной почты 30% респондентов, через форум – 30% респондентов, через чат в мессенджере – 14% респондентов.

– Решение технических вопросов. Заккрытие вопросов, связанных с технической составляющей обучения на образовательной онлайн-платформе, происходило с помощью электронной почты у 36% респондентов, с помощью форума у 24% респондентов. Хотели бы такие вопросы решать через электронную почту 35% респондентов, через форум – 27% респондентов, через чат в мессенджере – 16% респондентов.

– Информирование о новостях курса. 76% респондентов получали информацию с новостями через электронную почту, также 55% опрошенных хотели бы продолжать ее получать с помощью названного инструмента. Остальные респонденты воздержались от выбора инструментов в данном виде коммуникации.

– Мотивация слушателей через сообщения. 52% респондентов получали сообщения через электронную почту, также 49% опрошенных хотели бы продолжать данную коммуникацию с помощью названного ин-

струмента. Остальные респонденты воздержались от выбора инструментов в данном виде коммуникации.

– Информирование об успеваемости на онлайн-курсе. 51% респондентов получали персональную информацию о прогрессе в обучении через электронную почту, также 53% опрошенных хотели бы продолжать получать эту информацию с помощью названного инструмента. Остальные респонденты воздержались от выбора инструментов в данном виде коммуникации.

– Обратная связь от команды курса. 39% респондентов получали обратную связь через электронную почту, 13% – через форум. Хотели бы получать ответы на свои вопросы, комментарии с помощью электронной почты 53% опрошенных, чата в мессенджере – 15% опрошенных и форума курса – 15% опрошенных.

– Коммуникация с преподавателем на онлайн-курсе. 27% респондентов общались с преподавателем курса через электронную почту, 12% – через форум. Хотели бы общаться с преподавателем через электронную почту 40% респондентов, через чат в мессенджере 23% респондентов, через форум курса 22% респондентов.

Был произведен подсчет упоминаний каждого из представленных выше инструментов поддержки в качестве действующего (фактическое использование) и в качестве предпочтительного на будущее (пожелания) для слушателей (рис. 1, 2).

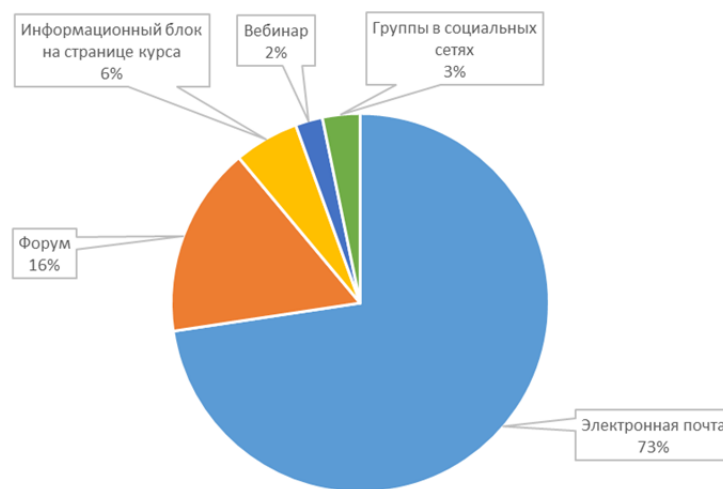

Рис. 1. Фактическое использование слушателями инструментов поддержки MOOK

Лидирующую позицию среди инструментов по распространенности занимает электронная почта (73%), на втором месте – форум (16%), в 6% случаев слушатели отметили саму страницу курса как источник получения информации, группы в социальных сетях и вебинары были указаны в 3% и 2% случаев соответственно. Что касается предпочтительных инструментов поддержки, то электронная почта по-прежнему осталась самым востребованным инструментом, но ее доля в общем числе сократилась с 73% до 61%. При этом у слушателей появились ожидания относительно такого инструмента, как «чат в мессенджере» (15%), который не был отмечен слушателями как действующий инструмент поддержки

на момент участия в опросе. Востребованность форума увеличилась незначительно с 16 до 18%. Количество желающих получать поддержку в обучении через саму страницу курса сократилось с 6 до 3%. Число тех, кому необходима поддержка через группы в социальных сетях, соответствует текущему положению (3%) и полностью удовлетворяет запрос слушателей. Таким образом, мы делаем вывод о том, что внеплатформенные инструменты поддержки являются востребованными среди слушателей, более того, наблюдается спрос на применение новых инструментов, которые позволяют сделать коммуникацию более оперативной, а поддержку более индивидуализированной.

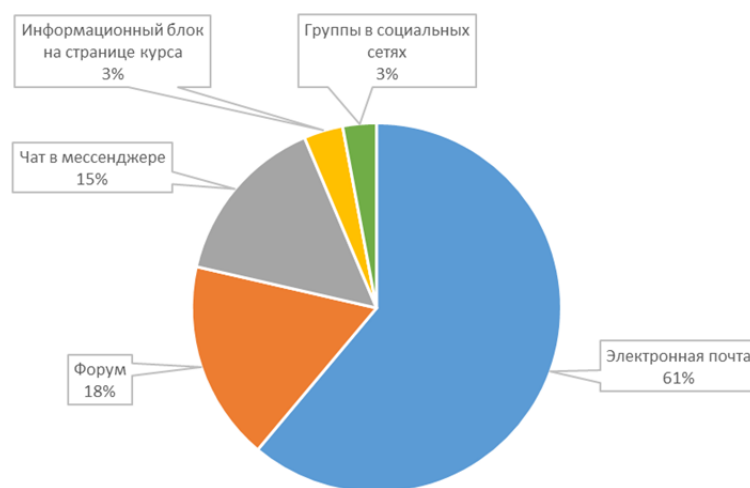

Рис. 2. Пожелания слушателей по использованию инструментов поддержки MOOK

Третий этап связан с поиском оптимальных инструментов поддержки слушателей на MOOK. Были разработаны 3 модели сопровождения слушателей MOOK, включающие платформенные и внеплатформенные инструменты, выявленные по результатам исследования на первом этапе и отмеченные слушателями как наиболее востребованные на втором этапе исследования.

За основу конструирования моделей сопровождения взята модель электронного модерирования Дж. Салмона, которая состоит из следующих шагов: «коммуникация до начала обучения», «знакомство», «коммуникация в течение обучения», «обратная связь», «коучинг» [10]. На этой основе нами предложены три модели сопровождения слушателей MOOK, основанные на использовании платформенных и внеплатформенных инструментов:

1) платформенная модель сопровождения основана на использовании для коммуникации со слушателями набора инструментов, который встроен в образовательную онлайн-платформу и применяется для поддержки обучающихся в процессе обучения. На этапе коммуникации до начала обучения в структуру курса встраивается pdf-файл или скринкаст с инструкцией по обучению на онлайн-платформе. Знакомство, коммуникация, обратная связь и коучинг происходят на форуме курса, также представленном на онлайн-платформе, на которой размещен курс;

2) внеплатформенная модель, в рамках которой для поддержки обучающихся применяется набор внешних по отношению к онлайн-платформе инструментов. Такими инструментами могут выступать внешние форумы, мессенджеры, приложения, расширения для браузера, и прочие технологические решения. В рамках исследования в качестве таких решений были апробированы следующие внешние сервисы: виртуальный ассистент «do useful» [9], представляющий собой расширение к браузеру (этапы: знакомство, коммуникация), напоминающий обучающемуся в виде всплывающих окон про продолжение обучения на курсе; мессенджер Slack (этапы: знакомство, коммуникация, обратная связь); электронная почта для поддержки слу-

шателей MOOK (этапы: знакомство, коммуникация, обратная связь); анкеты обратной связи Google forms (этапы: знакомство, обратная связь, коучинг); вебинары в Adobe Connect (коучинг);

3) смешанная модель сопровождения, которая сочетает набор платформенных и внеплатформенных инструментов, применяемых для поддержки обучающихся в процессе обучения. В данной модели до начала обучения в курс встраивается виртуальный ассистент «do useful» и применяется на протяжении всего курса. Знакомство, коммуникация осуществляются на форуме и / или в Slack, обратная связь собирается с помощью анкет Google forms, коучинг организуется через вебинары в Adobe Connect и / или через ответы на вопросы, заданные преподавателю в анкетах Google forms или на форуме.

Заключительным этапом стал педагогический эксперимент, целью которого было оценить возможность применения сформированных моделей поддержки слушателей массовых открытых онлайн-курсов в образовательном процессе и изучить их влияние на уровень вовлеченности обучающихся. Участники педагогического эксперимента: 5 342 слушателя шести указанных массовых открытых онлайн-курсов ТГУ, обучавшиеся в период с сентября по декабрь 2018 и 2019 гг. на платформе Coursera и с сентября по декабрь 2016 и 2019 гг. на российской платформе Лекториума. В рамках эксперимента методом кластерного анализа были выявлены 4 паттерна поведения слушателей до применения сформированных моделей поддержки (контрольная группа) и во время применения таких моделей (экспериментальная группа). Полученные результаты были обработаны; проведен сравнительный анализ.

В рамках педагогического эксперимента были подтверждены следующие паттерны поведения слушателей шести MOOK ТГУ, согласно классификации А. Андерсона, Дж. Лесковица, Д. Хаттенлочера и Дж. Кляйнберга [5]:

1. «Универсалы» (выполняют большинство заданий, просматривают все видеолекции);
2. «Зрители» (просматривают все видеолекции, но почти не выполняют заданий);

3. «Решатели» (выполняют задания и практически не смотрят лекции);

4. «Коллекционеры» (просматривают несколько лекций и частично выполняют либо совсем не выполняют заданий).

Паттерн «Зеваки» (записываются на курс, но совсем не обращаются к видеолекциям и не выполняют заданий) выявлен не был, поскольку представители этого паттерна не участвуют в учебном процессе и не оставляют цифровых следов, на основе которых и проводился анализ паттернов поведения слушателей онлайн-курсов. Они составляют большинство записавшихся на онлайн-курсы (в среднем около 85% по курсам в эксперименте), но слушателями фактически не становятся, покидают курсы, так и не начав обучение.

При определении паттернов в контрольной группе было выявлено, что на Coursera поведенческие модели распределились следующим образом: 78% коллекционеров, 9% зрителей, 7% решателей и 6% универсалов. На Лекториуме поведенческие модели представлены следующим образом: 51% коллекционеров, 26% универсалов, 19% зрителей, 4% решателей. Распределение по кластерам слушателей шести онлайн-курсов, участвующих в эксперименте, представлено на рис. 3–14.

Далее паттерны поведения слушателей каждого курса были рассмотрены в контексте одной из трех тестируемых моделей поддержки. При этом, в соот-

ветствии с приведенной выше классификацией паттернов поведения, акцент сделан на поведение слушателей по выполнению заданий и по просмотру видеолекций как ключевых характеристиках учебной деятельности слушателей онлайн-курсов. Сравнительный анализ паттернов поведения контрольной и экспериментальной групп показал следующее.

1. MOOK «Genius. Golden. Mediocrity». Внеплановая модель. Паттерны по данному курсу были сформированы по 885 обучающимся онлайн-курса на Coursera и распределились следующим образом: 73% коллекционеров, 17% зрителей, 7% универсалов и 3% решателей.

Проведен кластерный анализ методом k-средних. Анализ данных относительно выполнения заданий представлен на рис. 1. Выделяется класс слушателей, практически не выполняющих задания (Cluster 1), выполнивших только первое задание (Cluster 2), выполнивших несколько первых заданий (Cluster 3) и дошедших до конца (или почти до конца) курса (Cluster 4). Анализ данных относительно просмотра видеолекций представлен на рис. 2. Выделяется класс слушателей, практически не просматривающих видеолекции (Cluster 1), просматривающих несколько первых видеолекций (Cluster 2), просматривающих выборочно видеолекции (Cluster 3) и просматривающих все или большинство видео (Cluster 4).

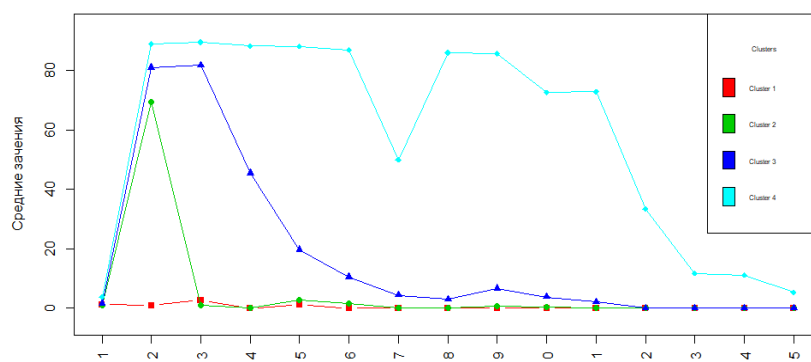

Рис. 3. Кластеры по выполнению заданий в онлайн-курсе «Genius. Golden. Mediocrity»

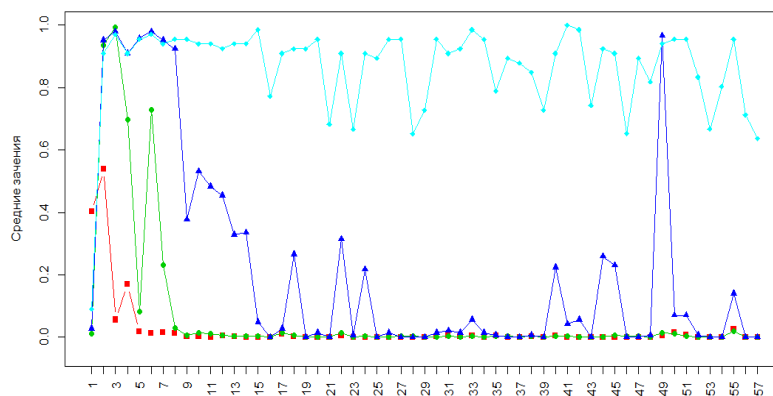

Рис. 4. Кластеры по просмотру видеолекций в онлайн-курсе «Genius. Golden. Mediocrity»

В ходе эксперимента использовалась модель с внеплатформенными инструментами: опросы в Google forms, напоминания через виртуальный помощник do useful, рассылки на почту. В процессе эксперимента пришлось заменить внешний канал коммуникации (мессенджер Slack) на внутренний (форум), так как первый не использовался обучающимися на онлайн-курсе. Данная модель повлияла на поведение решателей, которых в новой когорте стало больше на 4,5% (в контрольной группе – 2,3%, в экспериментальной группе – 6,8%). При использовании данной модели увеличилась вовлеченность в прохождение слушателями заданий на 2%, при этом вовлеченность в просмотр видеолекций осталась на одном уровне по сравнению с экспериментальной группой. На результативности обучающихся экспериментальной группы эксперимент отразился следующим образом: завершаемость увеличилась на 3% (контрольная группа – 1,6%, экспериментальная группа – 4,5%). Однако, анализ процесса обучения показал, что слушатели активно использовали и платформенные инструменты поддержки. Таким образом, фактически

сопровождение этого курса было организовано по смешанной модели и дало позитивный результат.

2. МООК «Русский язык как инструмент успешной коммуникации». Внеплатформенная модель. Из 574 обучающихся на данном курсе на платформе Лекториума паттерны поведения распределились следующим образом: 80% коллекционеров, 9% зрителей, 6% универсалов и 5% решателей.

Проведен кластерный анализ методом k-средних. Анализ данных относительно выполнения заданий представлен на рис. 3. Выделяется класс слушателей, выполнявших несколько первых заданий (Cluster 1), выполнявших большинство заданий в курсе (Cluster 2) и все задания курса, кроме одного (Cluster 3). Анализ данных относительно просмотра видеолекций представлен на рис. 4. Выделяется класс слушателей, практически не просматривающих видеолекции (Cluster 1), просматривающих несколько первых видеолекций (Cluster 2), просматривающих выборочно видеолекции (Cluster 3) и просматривающих все или большинство видео (Cluster 4).

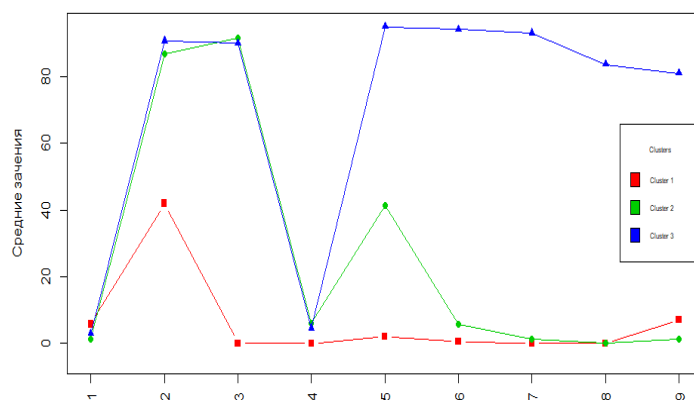

Рис. 5. Кластеры по выполнению заданий в онлайн-курсе «Русский язык как инструмент успешной коммуникации»

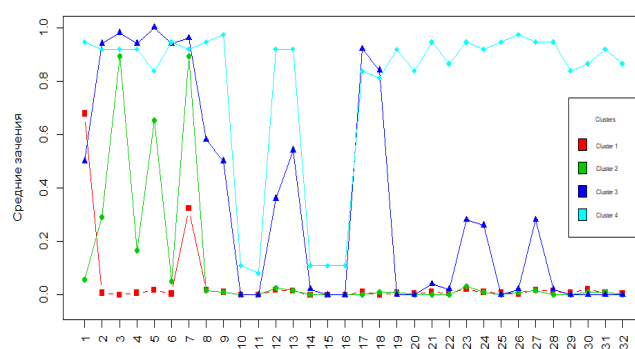

Рис. 6. Кластеры по просмотру видео в онлайн-курсе «Русский язык как инструмент успешной коммуникации»

В ходе эксперимента использовалась модель с внеплатформенными инструментами: опросы в Google forms, мессенджер Slack, вебинар в Adobe Connect Pro. В процессе эксперимента пришлось открыть форум, так как во внешнем канале коммуникации (мессенджер Slack) не было содержательных и организационных вопросов, которые обычно посту-

пают от слушателей курсов. Данная модель повлияла на поведение обучающихся в экспериментальной группе. Вовлеченность в прохождение слушателями заданий и просмотр видеолекций стала меньше в сравнении с контрольной группой. На результативности обучающихся экспериментальной группы эта модель не отразилась.

3. МООК «Психодиагностика». Смешанная модель. Из 448 обучающихся на онлайн-курсе «Психодиагностика» на платформе Coursera паттерны поведения распределились следующим образом: 90% коллекционеров, 6% зрителей, 3% универсалов и 1% решателей.

Проведен кластерный анализ методом k-средних. Анализ данных относительно выполнения заданий

представлен на рис. 5. Выделяется класс слушателей, практически не выполняющих задания (Cluster 1), выполнивших все задания (Cluster 2). Анализ данных относительно просмотра видеолекций представлен на рис. 6. Выделяется класс слушателей, практически не просматривающих видеолекции (Cluster 1), просматривающих выборочно видеолекции (Cluster 2) и просматривающих все или большинство видео (Cluster 3).

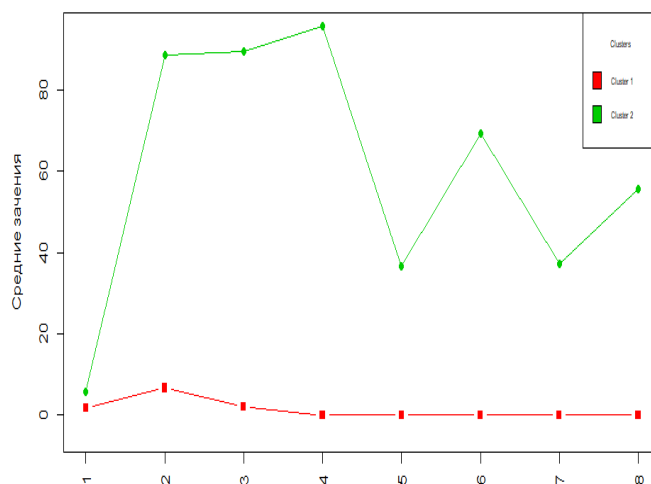

Рис. 7. Кластеры по выполнению заданий в онлайн-курсе «Психодиагностика»

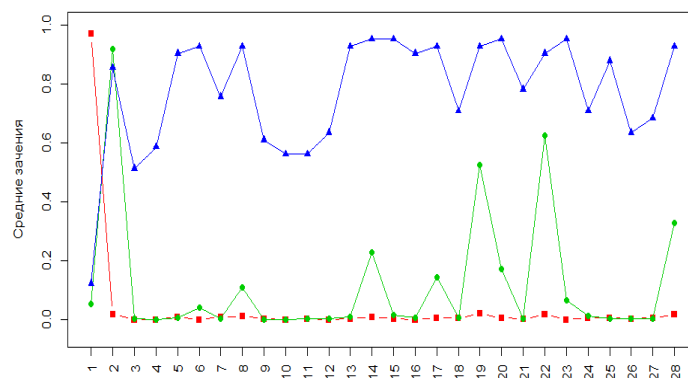

Рис. 8. Кластеры по просмотру видео в онлайн-курсе «Психодиагностика»

В ходе эксперимента использовалась модель со смешанными инструментами: инструкции по обучению на платформе, встроенные в структуру курса; опросы в Google forms; мессенджер Slack; рассылки по почте; форум. Данная модель повлияла на поведение решателей. Их в экспериментальной группе стало больше на 3,46% (в контрольной группе – 0,24%, в экспериментальной группе – 3,70%). Вовлеченность в прохождение слушателями заданий стала больше на 2% в сравнении с контрольной группой. На результативность обучающихся экспериментальной группы данная модель повлияла незначительно, повысившись на 0,4%.

4. МООК «Psychodiagnostics and Psychological Assessment». Смешанная модель. Из 748 обучающихся на онлайн-курсе «Psychodiagnostics and Psychologi-

cal Assessment» на платформе Coursera, которые были в контрольной и экспериментальной группе, паттерны поведения распределились следующим образом: 74% коллекционеров, 19% решателей, 6% универсалов и 1% решателей.

Проведен кластерный анализ методом k-средних. Анализ данных относительно выполнения заданий представлен на рис. 7. Выделяется класс слушателей, не выполнявших задания (Cluster 1), выполнивших часть заданий (Cluster 2) и все задания (Cluster 3). Анализ данных относительно просмотра видеолекций представлен на рис. 8. Выделяется класс слушателей, практически не просматривающих видеолекции (Cluster 1), просматривающих выборочно часть видеолекций (Cluster 2) и просматривающих все или большинство видео (Cluster 3).

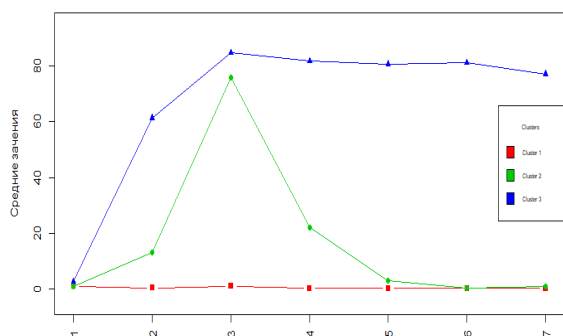

Рис. 9. Кластеры по выполнению заданий в онлайн-курсе «Psychodiagnostics and Psychological Assessment»

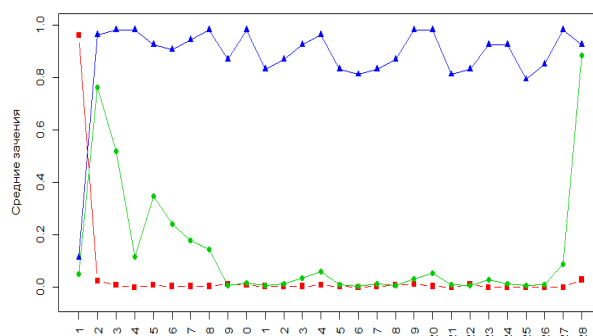

Рис. 10. Кластеры по просмотру видео в онлайн-курсе «Psychodiagnostics and Psychological Assessment»

В ходе эксперимента использовалась модель со смешанными инструментами: опросы в Google forms, виртуальный помощник do useful, рассылки по почте, форум. Данная модель повлияла на поведение зрителей и решателей. Решателей в новой когорте стало больше на 7,58% (в экспериментальной группе – 22,73%, в контрольной группе – 15,15%), а зрителей стало больше на незначительный процент – 0,19% (в экспериментальной группе – 1,42%, в контрольной группе – 1,26%). Модель повлияла на вовлеченность в прохождение заданий на 2% (экспериментальная группа – 22%, контрольная группа – 20%), на вовлеченность в просмотр видео на 2% (экспериментальная группа – 41%, контрольная группа – 39%). На результативность обучающихся экспериментальной группы эта модель не повлияла.

5. МООК «Гениальность. Одаренность. Посредственность». Платформенная модель. Из обучающихся на онлайн-курсе «Гениальность. Одаренность. Посредственность» на платформе Лекториум в контрольной и экспериментальной группе (всего 1 341 слушатель) паттерны поведения распределились следующим образом: 56% коллекционеров, 23% зрителей, 19% универсалов и 2% решателей.

Проведен кластерный анализ методом k-средних. Анализ данных относительно выполнения заданий представлен на рис. 9. Выделяется класс слушателей, не выполнявших задания (Cluster 1), выполнявших только первое задание (Cluster 2), часть заданий (Cluster 3) и все задания (Cluster 4). Анализ данных относительно просмотра видеолекций представлен на рис. 10.

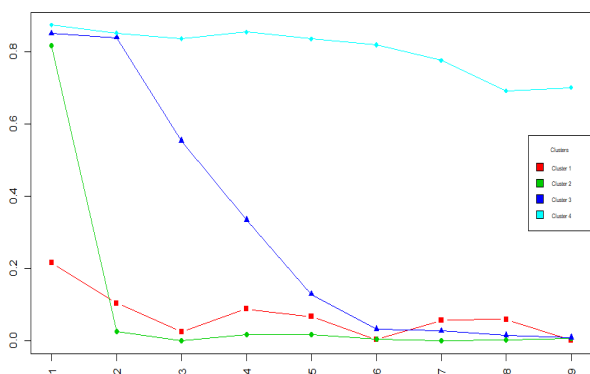

Рис. 11. Кластеры по выполнению заданий в онлайн-курсе «Гениальность. Одаренность. Посредственность»

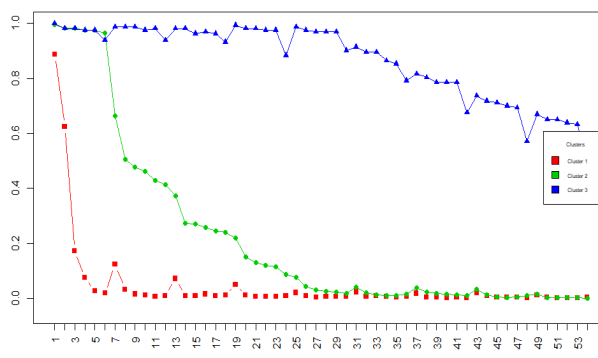

Рис. 12. Кластеры по просмотру видео в онлайн-курсе «Гениальность. Одаренность. Посредственность»

Выделяется класс слушателей, практически не просматривающих видеолекции (Cluster 1), просматривающих половину видеолекций (Cluster 2) и просматривающих все видео (Cluster 3).

В ходе эксперимента использовалась модель с платформенными инструментами: инструкция по обучению на платформе, опросы на главной странице онлайн-курса, форум. Данная модель не повлияла на поведение слушателей онлайн-курса, как не повлияла на вовлеченность и результативность обучающихся экспериментальной группы.

6. МООК «Русский язык как инструмент успешной коммуникации на платформе». Платформенная модель. Из 1 346 обучающихся на онлайн-курсе «Русский язык как инструмент успешной коммуникации» на платформе Coursera паттерны поведения распределились следующим образом: 45% коллекционеров, 34% универсалов, 15% зрителей, 6% решателей.

Проведен кластерный анализ методом k-средних. Анализ данных относительно выполнения заданий представлен на рис. 11. Выделяется класс слушателей, выполнявших только первое задание (Cluster 1), выпол-

нявших часть заданий (Cluster 2), все задания (Cluster 3). Анализ данных относительно просмотра видеолекций представлен на рис. 12. Выделяется класс слушателей,

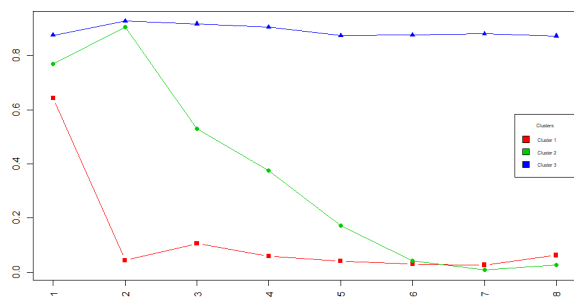

Рис. 13. Кластеры по выполнению заданий в онлайн-курсе «Русский язык как инструмент успешной коммуникации»

В ходе эксперимента использовалась модель с платформенными инструментами: инструкция по обучению на платформе, форум. Данная модель не повлияла на поведение слушателей онлайн-курса, как и на вовлеченность слушателей онлайн-курса и результативность обучающихся экспериментальной группы.

Заключение

На основе проведенного исследования определены три модели поддержки и измерена эффективность данных моделей в решении задачи вовлечения в образовательный процесс слушателей МООК.

На обеих платформах (Coursera и Лекториум) на исследованных курсах ТГУ доминировал паттерн «коллекционеры», а минимально был представлен паттерн «решатели». Данные по паттернам «универсалы» и «зрители» существенно отличались на Coursera и Лекториуме, но на результаты исследования они не повлияли. Исследование показало, что большинство слушателей онлайн-курсов, которые изначально приходят на онлайн-платформы за контентом, а не за сертификатами, представляют паттерны «коллекционеры» и «зрители». Об этом говорит их учебное поведение. В нашем эксперименте представители указанных паттернов составили 87% на Coursera и 70% на Лекториуме, что существенно объясняет не только низкий процент завершаемости курсов, но и незначительность влияния на результативность обучения инструментов и моделей сопровождения. Представители паттернов «универсалы» и «решатели», напротив, ориентированы на результат обучения, на выполнение максимального числа заданий и получение сертификатов. При этом в нашем эксперименте они составили совокупно 13% на Coursera и 30% на Лекториуме соответственно. Именно эта часть слушателей онлайн-курсов максимально заинтересована в сопровождении обучения, но и она не проявляет особой активности в коммуникациях с авторами и командой поддержки курса. Апробация моделей сопровождения показала, что наиболее эффективной является смешанная модель, которая оказывает максимальное влияние на представителей паттерна «ре-

просматривающих первые задания (Cluster 1), просматривающих больше половины видеолекций (Cluster 2) и просматривающих все видео (Cluster 3).

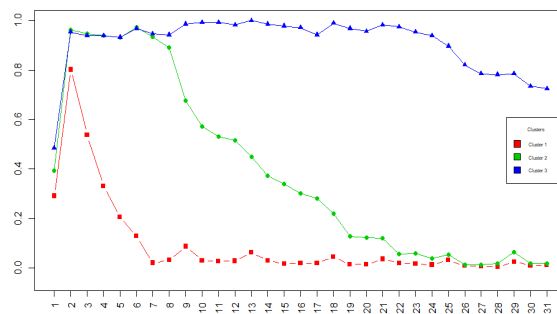

Рис. 14. Кластеры по просмотру видео в онлайн-курсе «Русский язык как инструмент успешной коммуникации»

шатели», число которых минимально на всех исследованных курсах на Coursera и Лекториуме (7% и 4% в среднем соответственно). При этом кластерный анализ показал рост вовлеченности слушателей именно этого паттерна при реализации смешанной модели.

Апробация трех моделей сопровождения показала, что максимальная эффективность достигается при смешанной модели сопровождения, которая может быть вариативной, в зависимости от используемых инструментов сопровождения и объема их использования. Модель с платформенными инструментами, тестируемая на двух онлайн-курсах, не повлияла на поведение слушателей, характеризующееся вовлеченностью и результативностью. Модель с внеплатформенными инструментами в одном онлайн-курсе не повлияла на поведение, вовлеченность и результативность слушателей онлайн-курса, а в другом, наоборот, — исследуемые показатели повысились: вовлеченность — на 2%, результативность — на 3%. Модель со смешанными инструментами в двух онлайн-курсах повлияла на поведение слушателей: вовлеченность повысилась на 2%, результативность возросла незначительно — на 0,4%.

Проведенный на шести МООК эксперимент показал, что при использовании внешних инструментов в рамках смешанной модели сопровождения возрастает вовлеченность слушателей, что проявляется в количестве слушателей, выполнивших более 10% заданий и / или завершивших обучение. Рост составил в среднем более 2%.

В процессе эксперимента слушатели не смогли отказаться от встроенных инструментов сопровождения на платформах и перейти полностью на внешние инструменты. Форум, который критикуют многие слушатели и разработчики МООК как несовременный и неудобный инструмент коммуникации, оказался наиболее востребован с точки зрения оперативности и удобства использования. Эксперимент с использованием внеплатформенной модели сопровождения показал неэффективность этой модели, в рамках которой у слушателей возникла необходимость использовать и внутриплатформенные инструменты. Таким образом, применение исключительно внешних инструментов невозможно при сопровождении МООК,

необходимо выстраивать сопровождение на смешанной основе, объединяя ресурсы сопровождения как самой онлайн-платформы, так и экосистемных агентов, которые могут быть интегрированы в онлайн-платформы. При этом наиболее эффективной с точки зрения изменения в паттернах поведения слушателей

является модель, основанная на использовании смешанных инструментов, а использование внеплатформенных инструментов поддержки слушателей массовых открытых онлайн-курсов является способом повышения вовлеченности слушателей в онлайн-обучение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shah D. By The Numbers: Moocs In 2019. 2020. Class Central. URL: <https://www.classcentral.com/report/mooc-stats-2019> (Accessed: 06.06.2020).
2. Shah D. Moocs Are Back — Even Though They Never Left. Class Central. 2020. URL: <https://www.classcentral.com/report/apparently-moocs-are-back/> (Accessed: 06.06.2020).
3. Feng W., Tang J., Xiao Liu T. Understanding Dropouts in MOOCs. 2019. URL: <http://keg.cs.tsinghua.edu.cn/jietang/publications/AAAI19-Feng-dropout-moocs.pdf> (Accessed: 01.06.2020).
4. Khalil H., Ebner M. MOOCs completion rates and possible methods to improve retention – A literature review. World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications. 2014. 1305–1313
5. Anderson A., Huttenlocher D., Kleinberg J., Leskovec J. Engaging with Massive Online Courses. 2014. URL: <https://cs.stanford.edu/people/jure/pubs/mooc-www14.pdf> (access date: 01.09.2019).
6. Mozhaeva G., Maslova D., Yakovleva K. Correlation of MOOC Students' Behavior Patterns and Their Satisfaction with the Quality of the Course. «New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development» (NSRBCPED 2019). Atlantis Press, 2020. P. 623–629. URL: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.116>
7. Mozhaeva G., Kameneva E., Maslova D. 5 Reasons, Which Push Russian Universities to Produce Massive Open Online Courses // INTED2020 Proceedings, 2020. P. 5948–5957.
8. Kulik E., Kidimova K.A. Integrating MOOCs in University Curriculum: HSE University Experience // Proceedings of Work in Progress Papers of the Experience and Research Tracks and Position Papers of the Policy Track at EMOCs 2017. CEUR Workshop Proceedings, 2017. P. 118–127.
9. Pogorskiy E., Beckmann J., Joksimovic S., Kovanovic V., West R. Utilising a Virtual Learning Assistant as a Measurement and Intervention Tool for Self-Regulation in Learning – 2018. DOI: 10.1109/TALE.2018.8615130.
10. Salmon G. E-moderating. The key to teaching and learning online. Routledge Falmer, 2000. URL: <https://itlc.science.ku.dk/english/papers/model/> (Accessed: 02.06.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 18 августа 2020 г.

A Study of the Effectiveness of Massive Open Online Courses Support Models

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 211–222.

DOI: 10.17223/15617793/458/26

Galina V. Mozhaeva, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gvmozhaeva@fa.ru

Daria A. Maslova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: da_maslova@ido.tsu.ru

Tatiana V. Kabanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tvk@bk.ru

Kristina I. Yakovleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kiyakovleva@ido.tsu.ru

Keywords: online learning; MOOC; motivation for learning; engagement rate; models for supporting online learning; MOOC students support; digital tools of pedagogical communication; virtual learning assistant; educational results; behavior patterns.

The study is supported by the D.I. Mendelev Scientific Foundation of Tomsk State University.

The study aims to identify, test, and evaluate the effectiveness of current learner support models of online courses based on the analysis of online courses from the leading platforms, and to identify relevant support tools both built into online learning platforms and outside platforms. The study is based on the hypothesis that it is possible to increase students' engagement rate in online learning using the platform data, the patterns of student behavior on MOOCs, and various user support tools. The study employed the following methods: questionnaire survey, data analysis, descriptive statistics, cluster analysis, visualization, and comparative analysis. The study was carried out in four stages. At the first stage, the authors of the article subscribed to MOOCs on 9 platforms and observed the tools used to support listeners. Using the collected data, they constructed a matrix of correspondence of courses and used support tools and made a list of the most common listener support tools in MOOCs. At the second stage, the authors conducted a survey to identify students' perceptions of and expectations from various support tools in the MOOC on the Coursera and Lectorium platforms. The confidence level was 97%, the confidence interval was 8%. The authors learned that there was a request from learners for new tools that would make communication more efficient and support more individualized. At the third stage, the authors used the principles of electronic moderation by Gilly Salmon and the result of the analysis of the most frequently used and most demanded support tools on platforms with a view to design three models of MOOC listener support. The platform, off-platform and mixed models were developed. At the fourth stage, the authors conducted a pedagogical experiment to test the developed support models. The cluster analysis method revealed patterns of listeners' behavior before using the three support models (control group) and during the application of these models (experimental group). The behavior patterns of students of each of the six MOOCs were considered in the context of one of the support models. The emphasis was on the behavior of students in completing assignments and in viewing video lectures as key characteristics of the educational activities of students of online courses. The experiment showed the non-viability of the off-platform tracking model, the low efficiency of the platform model. A comparative analysis of the behavior patterns of the control and experimental groups showed that maximum efficiency was achieved with a mixed support model: the engagement rate of students increased, which is manifested in the number of students who completed more than 10% of the tasks and/or completed the course. The increase averaged over 2%. It is necessary to build learner support on a mixed basis, combining the resources of online platforms and ecosystem agents that can be integrated into online platforms.

REFERENCES

1. Shah, D. (2020) *By The Numbers: Moocs In 2019*. [Online] Available from: <https://www.classcentral.com/report/mooc-stats-2019>. (Accessed: 06.06.2020).
2. Shah, D. (2020) *Moocs Are Back — Even Though They Never Left*. [Online] Available from: <https://www.classcentral.com/report/apparently-moocs-are-back/>. (Accessed: 06.06.2020).
3. Feng, W., Tang, J. & Xiao Liu, T. (2019) *Understanding Dropouts in MOOCs*. [Online] Available from: <http://keg.cs.tsinghua.edu.cn/jietang/publications/AAAI19-Feng-dropout-moocs.pdf>. (Accessed: 01.06.2020).
4. Khalil, H. & Ebner, M. (2014) MOOCs completion rates and possible methods to improve retention – A literature review. *World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications*. Chesapeake, VA: AACE. pp. 1305–1313.
5. Anderson, A. et al. (2014) *Engaging with Massive Online Courses*. [Online] Available from: <https://cs.stanford.edu/people/jure/pubs/mooc-www14.pdf>. (Accessed: 01.09.2019).
6. Mozhaeva, G., Maslova, D. & Yakovleva, K. (2020) Correlation of MOOC Students' Behavior Patterns and Their Satisfaction with the Quality of the Course. *New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development (NSRBCPED 2019)*. Atlantis Press. pp. 623–629. DOI: 10.2991/aebmr.k.200324.116
7. Mozhaeva, G., Kameneva, E. & Maslova, D. (2020) 5 Reasons, Which Push Russian Universities to Produce Massive Open Online Courses. *INTED2020 Proceedings*. Valencia, Spain. pp. 5948–5957.
8. Kulik, E. & Kidimova, K.A. (2017) Integrating MOOCs in University Curriculum: HSE University Experience. *Proceedings of Work in Progress Papers of the Experience and Research Tracks and Position Papers of the Policy Track at EMOOCs 2017*. CEUR Workshop Proceedings. pp. 118–127.
9. Pogorskiy, E. et al. (2018) Utilising a Virtual Learning Assistant as a Measurement and Intervention Tool for Self-Regulation in Learning – 2018. *IEEE International Conference on Teaching, Assessment, and Learning for Engineering (TALE) 2018*. DOI: 10.1109/TALE.2018.8615130
10. Salmon, G. (2000) *E-Moderating. The Key to Teaching and Learning Online*. Routledge Falmer.

Received: 18 August 2020

О.А. Обдалова, З.Н. Левашкина

НАРРАТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И ОСОБЕННОСТЕЙ

Рассматриваются понятие и сущность новой интегративной технологии обучения устной иноязычной речи студентов в вузе, а именно нарративно-коммуникативной технологии. Подчеркивается необходимость создания эффективной технологии обучения устной иноязычной речи. Определена научно-методологическая основа указанной технологии и выявлены ее содержательные и процессуальные особенности при сравнении с известными методами обучения Storyline и Storytelling.

Ключевые слова: образовательная технология; иноязычная устная коммуникация; межкультурная коммуникация; нарративно-коммуникативная технология; НКТ; педагогическая технология.

Введение

В современном мире образование превращается в сложную специализированную систему и происходит его универсализация, индивидуализация и интенсификация, вызванные потребностями личности в постоянном обновлении знаний в условиях возрастающего динамизма общественной жизни [1–4]. Образовательная система ставит цель воспитать мыслящего, ориентированного на решение проблем человека, готового к сотрудничеству и эффективному взаимодействию с другими людьми, обладающего в достаточной мере знаниями, толерантного и социально ответственного [5]. Эффективность решения поставленных вопросов зависит от использования в обучении современных методов и образовательных технологий, в том числе в преподавании иностранного языка. В этой связи исследователи выделяют новые направления разворачивания педагогического знания и педагогических практик, имеющих интегративный характер [6, 7].

Отметим, что успешность взаимодействия индивида с окружающими людьми в любой сфере общения зависит от его способности правильно понять информацию в исходном сообщении. Это становится более сложной задачей, когда общение происходит на иностранном языке, в условиях межкультурной иноязычной коммуникации [8]. В связи с этим учебное содержание наполняется лингвистическими, социокультурными фактами и феноменами для вовлечения обучающихся в активную деятельность по изучению особенностей коммуникативного поведения носителей разных культур и овладению опытом межкультурной коммуникации. В современных исследованиях (Н.И. Алмазова, Н.Д. Гальскова, Е.Р. Поршнева, В.В. Сафонова и др.) большое внимание уделяется межкультурной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей личности использовать имеющиеся знания, умения и навыки в условиях определенного культурного контекста. Указанные работы вносят большой вклад в разработку современной теории обучения иноязычному общению, однако отсутствуют научно обоснованные методические разработки для обучения устной иноязычной речи с учетом конкретных образовательных условий и достижения целей обучения, заключающихся в овладении студентами достаточного уровня коммуникативной компетенции для решения задач межличностного и межкультурного взаимо-

действия. В данной статье мы рассмотрим новую интегративную технологию, разрабатываемую под конкретный педагогический замысел, выстраивающую процесс обучения устной иноязычной речи с учетом контекста профессиональной деятельности, целевыми установками, планируемыми результатами и личностным развитием обучающихся.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют фундаментальные научные положения социально-философской концепции деятельности, общепедагогические подходы (личностно-ориентированный, компетентностный), частно-методические подходы (межкультурный, коммуникативный, нарративно-коммуникативный), труды в области лингвистики и психолингвистики, освещающие вопросы практики обучения иностранным языкам. Авторы исследования опираются на личностно-ориентированный (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев) и личностно-деятельностный подходы (И.А. Зимняя), согласно которым личность развивается в процессе выполнения продуктивной иноязычной речевой деятельности; коммуникативный подход (И.Л. Бим, Е.И. Пассов); когнитивно-коммуникативный подход (А. Щепилова), делающий акцент на формирование коммуникативной компетенции и когнитивном развитии обучающихся; межкультурный подход (Н.Д. Гальскова), где целью обучения является развитие языковой личности, способной к межкультурному общению.

Теоретической основой исследования послужили работы по теории коммуникативной компетенции (Н.И. Алмазова, М.А. Ариян, И.В. Леушина, В.В. Сафонова и др.), исследования в области теории и методики обучения иноязычному общению (Н.В. Барышников, К.Э. Безукладников, И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, С.К. Гураль, Г.А. Китайгородская, Т.С. Серова, Е.Н. Соловова и др.), работы по теории образовательных технологий обучения (А.А. Вербицкий, М.А. Видулина, С.С. Куклина, Р.П. Мильруд, О.А. Обдалова, П.В. Сысоев и др.), основные положения по теории и методике обучения иноязычному устному общению (Е.И. Пассов, Е.М. Верещагин, Н.А. Качалов, О.А. Обдалова и др.) и работы, раскрывающие сущность использования нарративов в методике обучения (А.О. Бухаров, В.П. Федорова, Е.Я. Кочелаева и др.).

В ходе исследования применялись такие теоретические и эмпирические методы, как сравнительный анализ, обобщение и интерпретация результатов анализа, методическое моделирование исследуемой деятельности, обобщение педагогического опыта.

Психология дает два главных теоретических подхода к учению в XX в. – бихевиоризм и конструктивизм. Бихевиоризм изучает то, что люди делают. Он призывает к полупринудительной мотивации учения, основанной на отметке. Конструктивизм рассматривает учение как активный познавательный процесс, как самостоятельный процесс открытий и структурирования фактов и знаний [1]. В данном исследовании мы следуем положениям теории конструктивизма. Основной идеей конструктивизма является создание собственного знания, которое конструируется с помощью мыслительной деятельности обучающегося на основе ранее приобретенного опыта, ранее усвоенных знаний. На обучающегося возлагается активная роль и личная ответственность за усвоение знания в процессе педагогического сотрудничества с преподавателем и сотоварищами.

Существует множество технологий и методик обучения иностранным языкам, что обусловлено сложностью самого процесса обучения и объективной невозможностью применения универсальных методик, которые бы подходили для конкретного обучающегося или группы обучающихся в контексте решения определенной задачи, в зависимости от этапа обучения, с учетом многих факторов [1]. Одной из задач нашего исследования является проведение сравнительного анализа близких по названию, но разных по методической сущности методов обучения устной речи – Storytelling и Storyline с тем, чтобы выявить их положительные стороны и определенные особенности в использовании в процессе обучения устной иноязычной речи и описать метод Storyline как опорный метод. Под термином «опорный» мы понимаем такой метод, который является исходным, базовым основанием для построения новой стратегии обучения.

Storyline как опорный метод в обучении языку

В данной части статьи мы рассмотрим два метода обучения устной речи, которые возникли в XX в. и успешно применяются в практике обучения языку в настоящее время. Сравнительный анализ будет построен на выделенных нами ключевых элементах учебного процесса, строящегося с применением данных методов: идея, действующее лицо, демонстрационный результат деятельности студентов и структура.

Начнем рассмотрение метода Storyline. Метод Storyline был разработан в 1960-х гг. в Шотландии как метод обучения детей начальных школ всем предметам на родном языке. При этом фокус делался на изучении окружающей среды, которое не являлось отдельным предметом, а сочетало в себе несколько предметов, включая историю, географию и науки об окружающем мире (химия, физика, биология). Повествовательная форма рассматривается авторами

метода как более подходящая для потребностей данного контингента обучающихся, чем другие формы работы. Упор делается на создание соответствующих условий для занятий в классах, на которых обучающиеся изучают конкретные концепции, формируют навыки использования изученных понятий в своей речи. Помимо этого, важным аспектом образовательной деятельности является создание положительного отношения к обучению. Метод Storyline обеспечивает структуру для планирования учебного материала, которая дает учителю уверенность в том, какие знания и навыки приобретут ученики. В нем также содержатся стратегии осуществления практической деятельности, которые доказали свою эффективность при работе всего класса, отдельных групп и в индивидуальной работе. Выбранный метод обучения создает последовательное движение, обеспечивает прогрессию при освоении выбранной темы и ее содержания.

Важно отметить, что метод Storyline основывается на теории о том, что знание является комплексным и многоуровневым; обучение строится на имеющихся знаниях и опыте; обучающиеся конструируют новые смыслы посредством деятельности и опыта [9]. Таким образом, данный метод базируется на идеях конструктивизма.

Заметим, что обучающиеся выполняют главную роль в Storyline. Данный метод позволяет учащимся извлекать огромную пользу в процессе обучения. Ниже приведем список преимуществ данного метода для обучающихся [10]:

- опора на собственный опыт в процессе обучения;
- возможность использовать знания, полученные при изучении других дисциплин;
- познание реального мира при помощи историй и персонажей;
- неподверженность стрессу;
- активное развитие своего воображения;
- развитие эмоциональное и социальное;
- активное вовлечение каждого учащегося в процесс обучения;
- возможность самовыражения каждого участника;
- обучение коммуникации (учатся договариваться и находить выходы из спорных ситуаций; работать в команде, в группах; слушать и слышать друг друга; быть ответственными за свою работу; представлять свою работу аудитории и обосновывать свою позицию).

«Истории» используются для придания значимого контекста обучению. Одним из определяющих аспектов метода Storyline является придание особой важности чувствам и восприятию персонажей. С. Харкнесс, одна из создателей данного метода, определяет это как «очеловеченный элемент» [11]. Обучающиеся погружаются в тему «через» персонажей, что позволяет им рассматривать учебный материал в психологически безопасной, комфортной обстановке. В сочетании с простыми, понятными рамками Storyline, ключевыми вопросами и деятельностью обучающихся, метод Storyline является «гибким» в том смысле, что его легко применять (но с тщательной подготов-

кой со стороны учителя, преподавателя) и адаптировать под определенные учебные цели и задачи.

Главными элементами Storyline являются обстановка (контекст), персонажи, сюжет и ключевые вопросы [12]. «История» начинается с ключевых вопросов. Каждая «история» предполагает наличие ключевых эпизодов. Коллаж создается обучающимися для того, чтобы воплотить «историю» в жизнь. Каждый обучающийся создает своими руками персонаж, используя декоративно-прикладные материалы, и пишет его биографию. В ходе разворачивания «истории» происходят инциденты или проблемные ситуации, с которыми справляются персонажи, а также в ходе групповой работы (в командах) создается коллаж. «История» заканчивается празднованием.

Storyline стал использоваться в преподавании иностранных языков с 2000-х гг. [13]. Кроме того, его стали применять при обучении не только школьников, как это было изначально задумано создателями метода (Steve Bell, Sally Harkness), но и при обучении студентов. В России данный метод стал известен благодаря работам преподавателей Томского государственного университета, которые после методического семинара с авторами данного метода стали использовать его в обучении иностранному языку студентов различных направлений подготовки [9, 14, 15].

По мнению Ш. Алквист, метод Storyline эффективен при обучении иностранному языку по ряду причин [13]. Во-первых, он имеет много общего с методом коммуникативных заданий, который подчеркивает важность целенаправленного использования языка в коммуникативном контексте, что моделирует реальные условия общения. Главное отличие Storyline – нарративность, в рамках которой задания (ключевые вопросы) «управляют» историей. Задания могут быть направлены либо на консолидацию уже имеющихся знаний, либо на изучение нового лексико-грамматического материала. Во-вторых, существует теоретическое обоснование для использования Storyline. Исследователи отмечают, что Storyline способствует целостному восприятию языка. История, драма, воображение, тематическая направленность работы, включение практической и декоративно-прикладной работы – важные составляющие Storyline [14].

Метод Storyline обладает рядом положительных аспектов, к ним относятся:

- осуществление поисково-исследовательской деятельности: у обучающихся происходит заинтересованный поиск информации, возникает желание углубить, уточнить свои знания, найти ответы на интересующие вопросы;
- комбинация индивидуальной и групповой работы;
- черты социально ориентированной игры: разыгрываются ситуации, которые могут произойти с человеком в повседневной жизни;
- создание образа деятельно и вербально, таким образом происходит визуализация образа (персонажа);
- способ генерирования идей, стимуляция мозговой мыслительной деятельности посредством создания персонажа, включая воображение и используя свой личностный опыт;
- обучение языку интегративно, включаются все виды деятельности (разыгрывание ситуации, презентации, общение в рамках предложенной темы);
- преподаватель – модератор, организатор деятельности обучающихся;
- активное участие самих обучающихся.

Представляется необходимым развести понятия Storyline и Storytelling, так как они не являются равнозначными, хотя и имеют ряд общих характеристик. Для этого сравним элементы, представляющие ключевые структурные части методов.

Под термином «сторителлинг» (от англ. Storytelling) в образовании подразумевается современный педагогический метод, построенный на обсуждении или создании истории с определенной структурой и героем, направленный на развитие коммуникативных навыков и умений, активизацию познавательной деятельности учащихся, повышение мотивации к изучаемому предмету [16]. Storytelling – это синтез систематизированной и словесной ролевой игры [17].

Из табл. 1 видно, что главными существенными отличиями Storyline являются: во-первых, *создание* персонажа «руками» и его важнейшая роль; во-вторых, создание коллажа как иллюстрации «истории»; в-третьих, драматизация в виде инцидента и празднования с непосредственным участием персонажей (обучающихся).

Таблица 1

Сравнение элементов в методах Storytelling и Storyline

Storytelling	Storyline
Идея	Тема (сюжет)
Рассказчик	Рассказ от лица персонажа, созданный каждым обучающимся как главным участником
Герой как движущая сила истории, конкретные личности	Персонаж, может быть реальным или вымышленным
–	Коллаж (рукотворный образ персонажа и его окружения)
Структура – сюжет, завязка, описание, кульминация и развязка	Структура – обстановка (контекст), тема (сюжет), ключевые вопросы, кульминация (инцидент) и развязка (празднование)

Метод Storyline основывается на комбинации запланированных учебных смыслов. Получая от преподавателя ключевые вопросы, студенты создают свою

историю. При использовании данного метода текстовые учебники не выступают основным средством обучения, при этом обучение опирается на творческое

планирование, выдвижение гипотезы, систематизацию и презентацию. В спроектированной истории содержатся такие элементы, как драма и ролевая игра. Преподаватель определяет границы действия и отдельные эпизоды. Студенты сами формулируют и отвечают на вопросы [18].

Экспериментальное исследование метода Storyline

Начиная с 2012 г. группа преподавателей Томского государственного университета, работающих на факультете иностранных языков, стали модернизировать метод Storyline и применять его для обучения английскому языку разных категорий взрослых обучающихся, как студентов в рамках их практических курсов «Иностранный язык» и «Практика устной и письменной речи», так и преподавателей по программе повышения квалификации по иностранному языку. Обучение военных переводчиков, организованное П.Дж. Митчеллом, показало, что при использовании метода Storyline студенты демонстрируют удовлетворенность учебным процессом обучения, достигнутым языковым прогрессом, а также отмечают рост мотивации [19].

Ряд других попыток выстроить учебный процесс на основе метода Storyline показали, что требуется большая перестройка как временных форм организации обучения, так и его дидактического обеспечения. Всего в пилотном проекте апробировано шесть кейсов проведения занятий на основе указанного метода.

Необходимо подчеркнуть, что в «голом» виде этот метод нельзя применить в традиционных образовательных условиях университета, где иноязычная программа строится в соответствии с требованиями ФГОС ВО и направлена на обучение иностранному языку с целевой установкой на формирование иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. способность эффективно участвовать в иноязычном общении в условиях межкультурной коммуникации в научно-профессиональной и общекультурной сферах [20]. Наш анализ показывает, что необходима существенная реструктуризация и адаптация данного метода к условиям вуза и его образовательной среде.

К ограничениям данного метода относится длительность и интенсивность его реализации. Согласно авторам методики, проведение уроков по данному методу может занимать от нескольких учебных дней, недель до четверти [13]. В условиях ограниченности временного ресурса, отведенного в вузе на дисциплину «иностранный язык», возникает необходимость интенсификации учебного процесса и уменьшения сроков его реализации. Другим слабым местом является отсутствие средств контроля и оценки качества обучения иностранному языку в методической системе Storyline.

Таким образом, мы пришли к выводу, что данный метод в его оригинальном виде нельзя применить в учебном процессе вуза, но он послужил опорным методом при разработке нарративно-коммуникативной

технологии обучения устной иноязычной речи студентов.

Сущность нарративно-коммуникативной технологии

Уход от традиционного урока через использование в процессе обучения педагогических технологий позволяет устранить однообразие образовательной среды и монотонность учебного процесса и создать условия для смены видов деятельности обучающихся. Технологизация процесса обучения иностранным языкам является инновационным инструментом деятельности преподавателя. Она может реализовываться не только посредством внедрения в учебный процесс известных эффективных технологий, но и при помощи создания новых технологий [21].

Термин «технология» пришел в педагогику из производственной сферы и становится все более правомерным. Определение этого понятия многообразно, в зависимости от понимания авторами структуры образовательно-технологического процесса и его составляющих элементов [22]. Под «технологией» в образовании понимается управление учебным процессом. Обучающие технологии преобразовывают дидактические законы и принципы в эффективные стратегии преподавания [1]. Главными преимуществами технологии обучения являются высокая результативность (каждый обучающийся достигает поставленной цели), четкие временные рамки, рациональная организация учебной деятельности, комфортный эмоциональный микроклимат, высокая мотивированность в изучении предмета [23. С. 313–314]. Помимо этого, технология предполагает определенную логику, *последовательность* педагогических методов и приемов, которые составляют технологическую цепочку действий, выполнение которых гарантирует получение запланированных результатов за отведенный срок работы в определенном формате [24].

Отметим, что современные образовательные технологии являются синтезом достижений педагогических и методических научно-практических разработок и сочетают в себе элементы традиционного прошлого опыта и новые наработки, созданные в результате общественного и технического прогресса [25].

Авторами разработана технология обучения иноязычному общению, заключающаяся в создании и презентации обучающимися вуза нарратива на основе аутентичных ситуаций, обусловленных тематикой учебной программы, при помощи ответов на ключевые вопросы, создания персонажей и коллажей, презентации полученных результатов, разыгрывания инцидентов. Мы именуем данную технологию нарративно-коммуникативной технологией (НКТ). Нарративный компонент включает в себя порождение и восприятие в ситуациях межкультурного общения особых устных дискурсов-рассказываний о событиях, произошедших с самим рассказчиком или с кем-либо из его знакомых [26]. Истории (нарративы) – естественное средство обучения, так как они окружают людей повсеместно. Изучение иностранного языка

включает в себя знакомство с новыми межкультурными нарративами и способность воспроизвести свой нарратив, репрезентируя свою идентичность [27]. Коммуникация подразумевает под собой сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [28. С. 240].

Цель данной технологии – создать комфортные условия для устной речевой деятельности и роста положительной учебной мотивации обучающихся при обучении иностранному языку. Разработанная технология вовлекает обучающихся в ситуативный контекст и развивает рецептивные навыки и умения восприятия иноязычной информации. Это дает возможность преподавателю моделировать особые условия обучения, направленные на активизацию и оптимизацию когнитивных процессов и иноязычной речевой деятельности обучающихся, на развитие дискурсивных аспектов данной деятельности и достижение результата – понимание иноязычной речи с учетом контекстных и ситуационных факторов ее использования [21]. Пилотная апробация показала, что разработанная нарративно-коммуникативная технология является новым организационно-методическим инструментом образовательного процесса.

Особенности нарративно-коммуникативной технологии

Остановимся на характеристике методологических основ разработанной технологии.

Положения интегрированного когнитивного, нарративного и коммуникативно-деятельностного подходов служат концептуальной основой методики обучения студентов бакалавриата иноязычному устному общению на основе нарративно-коммуникативной технологии.

Нарративно-коммуникативная технология характеризуется *интегативностью*, так как включает в себя черты разных эффективных методов и технологий обучения. К ним относятся:

- проектный метод: обучающийся активно участвует в познавательном процессе и в получении знаний, выражает свое мнение, включен в реальную деятельность, учится критически осмысливать полученную информацию, делать выводы, аргументировать их, решать возникшие проблемы [29];

- технология проблемного обучения: под руководством педагога происходит самостоятельная поисковая деятельность обучающихся по решению учебных проблем, в ходе которых у них формируются новые знания, умения и навыки, навыки решения проблем, развивается любознательность, творческое мышление и другие личностно значимые качества, происходит развитие мыслительных процессов [30];

- игровая технология: в ходе обучающих игр происходит моделирование ситуаций реальной жизни, развивающих личностные качества, отношения с

окружающими, воображение; участники игры получают положительные эмоции, новые знания и умения [31];

- кейс-технология: учебный материал подается студентам в виде проблем (кейсов), знания приобретаются в результате активной и творческой работы (а именно: самостоятельного осуществления целеполагания, сбора необходимой информации, ее анализа с разных точек зрения, выдвижения гипотезы, выводов, заключения, самоконтроля процесса получения знаний и его результатов); данная технология помогает не только повысить знания студентов, но и развить творческие способности, креативное и профессиональное мышление [32];

- технология педагогической мастерской: безопасная творческая деятельность учащихся [33], комбинация метода проектов и метода погружения, при которой обучающийся находится в творческом поиске, в открытии новых знаний и нового в себе, а педагог выступает в роли «дирижера оркестром разнообразных умов» [34];

- метод Сторителлинга, о котором речь шла ранее;

- метод Storyline, который лег в основу НКТ; речь о нем шла выше.

Нарративно-коммуникативная технология характеризуется *дискурсивностью*, что предполагает использование обучающимися языковых умений и навыков в иноязычной речевой деятельности, корректность и правильность говорения и письма на иностранном языке, логичность и информационную насыщенность высказываний, уважение и понимание иностранной культуры.

Рассматриваемая технология характеризуется *контекстностью*. Контекст, по А.А. Вербицкому, – это система внутренних и внешних условий поведения и деятельности человека, которая влияет на восприятие, понимание и преобразование субъектом конкретной ситуации, придавая смысл и значение в этой ситуации как целому, так и ее компонентам [35]. Речевая деятельность вплетена в разнообразные контексты, формирующие смысл высказывания. Предлагаемая технология помогает обучающимся формировать навык выстраивания стратегии иноязычного речевого поведения в различных ситуациях общения и контекстах [36].

В ходе использования данной технологии создаются условия для реализации *межкультурной направленности* образовательной деятельности: обучающиеся раскрывают для себя феномен языка во всей его необходимой полноте и глубине [21].

Нарративно-коммуникативная технология включает в себя элементы *коммуникативной ситуации*. Создаваемые на занятиях коммуникативные ситуации помогают обучающимся погрузиться в естественное общение, учат адекватному иноязычному речевому поведению в различных жизненных и профессиональных ситуациях, стимулируют *речемыслительную деятельность* [37]. Развитие иноязычной речемыслительной деятельности у студентов представляет собой целенаправленный, мотивированный процесс познания языковых реалий иностранного языка речевыми средствами.

Социокультурная обусловленность предлагаемой технологии заключается в развитии у обучающихся способности ориентироваться в социокультурных аспектах жизнедеятельности людей в стране изучаемого языка, в знании культурных особенностей и норм поведения, характерных для своей страны и стран изучаемого языка, развитии навыков подходящего выбора правильной линии поведения с учетом особенностей менталитета носителей иностранного языка [38].

Нарративно-коммуникативная технология характеризуется *интерактивностью* и *активностью*: организация совместной деятельности преподавателя и обучающихся строится таким образом, что преподаватель является организатором процесса, а студенты заинтересованными и активными участниками учебного процесса. Обучение происходит посредством обмена информацией, обсуждения, поиска и открытия, разрешения проблем, постоянного усовершенствования как преподавателя, так и обучающихся [39].

Все выделенные нами характеристики нарративно-коммуникативной технологии создают условия для комплексного развития иноязычной речевой и познавательной деятельности обучающихся с привлечением аутентичного иноязычного дискурса и межкультурного контекста коммуникации.

Построение эффективной системы обучения любому виду речевой деятельности невозможно без четкого определения его характеристик и особенностей как в дидактическом, так и в лингвистическом и психологическом аспектах в связи с тем, что эти факторы обуславливают структуру, содержательную и процессуальную стороны методов и технологий, входящих в разрабатываемую систему обучения. Поэтому разработка технологии обучения устной речи предполагает предварительное определение специфики этого вида речевой деятельности [40].

Говорение – продуктивный вид речевой деятельности, посредством которого совместно с аудированием осуществляется устно-речевое общение. Целью обучения говорению является развитие у обучающихся способности в соответствии с их реальными потребностями и интересами осуществлять устное иноязычное речевое общение в разнообразных, социально детерминированных ситуациях [41].

Иноязычное говорение как сложное интегрированное умение отличается мотивированностью, активностью и самостоятельностью говорящего, целенаправленностью, связью с мышлением, ситуативной обусловленностью, эвристичностью.

Мотивированное говорение на занятии иностранного языка возможно, если создается речевая ситуация, выбирается актуальная для обучающихся тема / проблема общения, выполняется посильная коммуникативно-познавательная задача, проявляются взаимное уважение и понимание среди студентов, демонстрируется активное внимание к содержанию реплик обучающихся, студенты владеют стратегиями продуктивного речевого взаимодействия, преподаватель толерантно относится к лексико-грамматическим неточностям в учебной речи участников общения [42].

Таким образом, нарративно-коммуникативная технология имеет ряд особенностей, которые ее отличают от опорного метода Storyline. К ним относятся: интегративность методов и технологий обучения, дискурсивность, контекстность, межкультурная направленность, социокультурная обусловленность, интенсификация учебного процесса, адаптивность к вузовским условиям.

Характеристика нарративно-коммуникативной технологии

Разработанная авторами данного исследования технология способствует развитию когнитивных, межкультурных и коммуникативных аспектов иноязычной речевой деятельности и овладению обучающимися релевантными знаниями, речевыми умениями и навыками [21].

В качестве основных компонентов нарративно-коммуникативной технологии следует выделить следующие: целевая установка, содержательный компонент, собственно технологический (организационный) компонент, оценочный компонент.

Содержательная часть определяет конкретные цели обучения и содержание учебного материала в период применения данной технологии [3].

Процессуальная часть описывает собственно технологический процесс обучения с заданной целью, основывающийся на комплексе методов и форм учебной и обучающей деятельности, способов управления учебным процессом, направленных на достижение планируемых результатов. Этому процессу присуща своя специфика на уровне психолого-педагогических, лингводидактических и организационно-методических условий, создаваемых данной технологией.

Основными участниками реализации технологии являются субъекты учебного процесса – студент, для которого создается образовательная лингводидактическая среда, и преподаватель, выступающий организатором процесса по реализации предлагаемых организационно-методических условий – технологии обучения.

Конечным результатом учебной деятельности в условиях предлагаемой технологии является понимание смысла аутентичной иноязычной устной речи, что достигается при помощи выстраивания процесса «погружения» в контекст иноязычного дискурса при помощи создания нарратива с учетом этапности разворачивания учебного процесса, актуализирующих видов речевой деятельности и речемыслительных действий обучающихся [3].

Для наглядности сведем все характеристики нарративно-коммуникативной технологии в табл. 2.

Таким образом, наличие цели, элементов (участников), набора разнообразных современных приемов, средств обучения, а также управляемость, воспроизводимость, системность, гарантированность достижения цели позволяют отнести нашу разработку условий образовательного процесса к разряду технологии. Предлагаемую технологию можно отнести к инновационным технологиям, так как она характеризуется личностно-ориентированной направленностью, интерактивностью и осознанностью учебно-познавательной деятельности и проводится в необычном формате.

Технологичность НКТ

№	Характеристика технологичности	Нарративно-коммуникативная технология
1	Цель	Создать комфортные условия для устной иноязычной деятельности, роста положительной учебной мотивации обучающихся, поддержания устойчивого интереса к процессу обучения
2	Наличие элементов (участников) технологического процесса	Организатор / модератор (преподаватель), обучающиеся
3	Возможность планирования аудиторной и внеаудиторной организации процесса обучения	Использование разнообразных приемов: дискуссия, игра (ролевая, деловая), мозговой штурм, обсуждение проблемных ситуаций и др.; внеаудиторная работа обучающихся: поисково-исследовательская деятельность, подготовка презентации и др.
4	Набор разнообразных современных средств, приемов обучения	Образовательные веб-сайты, проекты, презентации, драматизация и другие средства, имеющие творческую основу и способствующие достижению поставленных целей
5	Управляемость (наличие диагностических средств коррекции достигнутых результатов)	Адекватные критерии, определяющие знания, навыки, умения, способность и готовность обучающихся к осуществлению иноязычного общения
6	Воспроизводимость	Использование НКТ в школе, университете или учреждении профессиональной подготовки, в учебной среде для отдельных групп; возможность использования другими преподавателями
7	Системность	Взаимосвязь, логичность и последовательность использования приемов и средств
8	Гарантированность достижения цели	Обеспечивается педагогическими условиями, творческим подходом к разработке сценария, подготовке материалов, соблюдением всех компонентов технологии учебного процесса

Заклучение

Предложенная авторская технология обучения выступает способом реконструирования реальности, в которой обучающиеся развивают коммуникативные и когнитивные навыки, способствующие улучшению понимания межкультурного контекста коммуникации, а преподаватель выполняет иные роли, становясь организатором, модератором образовательного процесса. С ее помощью активизируются иноязычная речевая и

познавательная деятельности, решается проблема аутентичного обучения иноязычной устной речи в условиях межкультурного взаимодействия, происходит рост учебной мотивации студентов. Данная технология развивает творческое мышление, воображение, любознательность; обучающиеся приобретают навыки решения проблемных ситуаций и проведения поисково-исследовательской деятельности, учатся адекватному иноязычному речевому поведению в различных жизненных и профессиональных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

- Бударина А.О. Социально-культурные предпосылки обоснования профессиональной универсальности лингвиста // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnye-predposylki-obosnovaniya-professionalnoy-universalnosti-lingvista> (дата обращения: 01.03.2020).
- Обдалова О.А. Иноязычное образование в 21 веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2014. 180 с.
- Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная система обучения иноязычной межкультурной коммуникации студентов естественнонаучных направлений : дис. ... д-ра пед. наук. Нижний Новгород, 2017. 426 с. URL: http://www.lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/dis_sov/02/obdalova/dissertaciya_obdalovoy_oa.pdf
- Соболева А.В. Методика развития иноязычных умений межкультурного общения с учетом когнитивно-стилевого подхода: английский язык, неязыковой вуз : дис. канд. пед. наук. Томск, 2014.
- Пояганова Е.И. Конструктивизм и сознательно-коммуникативный метод обучения иностранным языкам // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота. 2007. № 3, ч. 3. С. 185–188.
- Таталова Л.Н. Современная философия образования: в поисках объективного результата или позиция сознания? URL: <http://www.bimbad.ru/docs/tatalova.pdf>
- Гревцева Г.Я., Циулина М.В., Болодурин Э.А., Банников М.И. Интегративный подход в учебном процессе вуза // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26857> (дата обращения: 29.02.2020).
- Kecskes I., Obdalova O., Minakova L., Soboleva A. A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English // System. 2018. Vol. 76. P. 219–232. DOI: 10.1016/j.system.2018.06.002
- Creswell J. Creating worlds, constructing meaning. The Scottish Storyline method. Portsmouth, NH : Heinemann, 1997.
- Brezinova J. Storyline in teaching English to young learners. Bachelor thesis. Masaryk university in Brno. Brno, 2007. 60 p.
- Harkness S. Continuing Professional Development in Storyline // Storyline Past, Present and Future. Section 1. Glasgow : Enterprising Careers, 2007. P. 19–26.
- Будлова Т.Ю., Левашкина З.Н., Митчелл П.Дж. Метод Storyline в обучении студентов-лингвистов иностранному языку // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. С. 151–161.
- Ahlquist S. 'Storyline': a task-based approach for the young learner classroom // ELT Journal. 2013. Vol. 67, is. 1. P. 41–51. URL: <https://doi.org/10.1093/elt/ccs052>
- Mitchell P.J., Mitchell L.A., Gural S.K. Storyline and learner motivation in the university foreign language classroom // Storyline: A Creative Approach to Learning and Teaching / ed. by Peter J. Mitchell and Marie Jeanne McNaughton. Cambridge Scholars Publishing. Newcastle upon Tyne, 2016. P. 179–186.
- Bell S., Harkness S., White G. Storyline: past, present and future. University of Strathclyde, 2007.

16. Ермолаева Ж.Е., Лапухова О.В., Герасимова И.Н., Смирнова В.А. Сторителлинг как педагогическая техника передачи явного и неявного знания в вузе // Образовательные технологии. 2017. № 1. С. 73–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-pedagogicheskaya-tehnika-konstruirovaniya-uchebnyh-zadach-v-vuze> (дата обращения: 01.02.2020).
17. Кондина А.С. Анализ нарративной структуры фоновых текстов в формате сторителлинга как технологическая основа обучения иностранному языку. Лингвистический подход // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-narrativnoy-struktury-fonovyh-tekstov-v-formate-storitellinga-kak-tehnologicheskaya-osnova-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 01.02.2020).
18. Анисимова В.С. Внедрение инновационных методов обучения иностранному языку // Электронное периодическое издание «НоваяИнфо». 2017. № 58-6. URL: <https://novainfo.ru/article/10907> (дата обращения: 24.02.2020).
19. Mitchell P. The Impact of the Storyline Method on the Foreign Language Classroom: An Action Research Case Study with Military Linguist Cadets. Doctor of Education, University of Derby. 2016. URL: <http://hdl.handle.net/10545/609884>
20. О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования: приказ Минобрнауки России от 09.09.2015 г. № 999. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4>
21. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305. DOI: 10.17223/19996195/44/18
22. Костромина Н.В. Педагогические технологии обучения: сущность, их характеристики и эффективность // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-tehnologii-obucheniya-suschnost-ih-harakteristiki-i-effektivnost> (дата обращения: 06.02.2020).
23. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009.
24. Гладкая В.В. Технология и методика: сущность, структура и особенности описания // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. URL: <https://nsportal.ru/blog/nachalnaya-shkola/all/2012/03/25/tehnologiya-i-metodika-sushchnost-struktura-k-voprosu-o>
25. Викулина М.А., Обдалова О.А. Технологии как способ реализации целей иноязычного образования в высшей школе // Язык и культура. 2017. № 38. С. 171–189. DOI: 10.17223/19996195/38/12
26. Федорова В.П. Формирование нарративной компетенции как способа моделирования вторичного языкового сознания: английский язык, языковой вуз : дис. ... канд. пед. наук // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-narrativnoi-kompetentsii-kak-sposoba-modelirovaniya-vtorichnogo-yazykovogo-soznaniya>
27. Kiernan P. Narrative tasks in communicative language learning // JALT AT SHIZUOKA. Conference proceeding. 2003. P. 229–306. URL: <http://jalt-publications.org/archive/proceedings/2003/E027.pdf>
28. Психологический словарь / под ред. В.А. Петровского. М.: Политиздат, 1987.
29. Багрова А.Я. Проектный метод в обучении иностранным языкам // Вестник Московской международной академии. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnyy-metod-v-obuchanii-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 01.02.2020).
30. Пахомова Н.Ю. Технология проблемного обучения на уроках английского языка // Концепт. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-problemnogo-obucheniya-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 01.02.2020).
31. Филимонова Ю.В. Игровые технологии на занятиях по иностранному языку // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovyie-tehnologii-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 01.02.2020).
32. Смирнова Ж.В., Ваганова О.И., Чихутова А.Д., Карпова М.А. Технология кейс-обучения в развитии творческих способностей обучающихся // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 7 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-keys-obucheniya-v-razvitiitvorcheskikh-sposobnostey-obuchayushchisya> (дата обращения: 01.02.2020).
33. Современные педагогические технологии // Межшкольный учебный центр Краснопереконского района. 2017. Электр. ресурс. URL: https://kp-mukl.edu.yar.ru/metodicheskie_rekomendatsii/sovremennie_pedagogicheskie_tehnologii.html
34. Спатарь-Козаченко Т.И. Технология педагогической мастерской построения знаний на уроке испанского языка // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-pedagogicheskoy-masterskoy-postroeniya-znaniy-na-uroke-ispanskogo-yazyka> (дата обращения: 01.02.2020).
35. Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999.
36. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Исследование роли контекста в адекватности репрезентации иноязычной речи в непрямой коммуникации // Язык и культура. 2017. № 40. С. 93–106. DOI: 10.17223/19996195/40/7
37. Статник О.Г. Коммуникативная ситуация в обучении иноязычному общению будущих педагогов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2–1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-situatsiya-v-obuchanii-inoazychnomu-obscheniyu-buduschih-pedagogov> (дата обращения: 29.02.2020).
38. Буянова А.Г. Социокультурная направленность преподавания иностранного языка как средства общения // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-napravlennost-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka-kak-sredstva-obsheniya> (дата обращения: 29.02.2020).
39. Обсков А.В. К проблеме организации интерактивного обучения иностранному языку в вузе // Вестник ТГПУ. 2012. № 11 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-organizatsii-interaktivnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-vuze> (дата обращения: 29.02.2020).
40. Назарова Г.И. Дидактические и психолого-лингвистические факторы построения системы обучения письменной речи // Филология и культура. 2003. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-i-psiologo-lingvisticheskie-factory-postroeniya-sistemy-obucheniya-pismennoy-rechi> (дата обращения: 02.02.2020).
41. Методика обучения иностранным языкам (учеб. пособие для студ. Института математики и механики им. Н.И. Лобачевского по направлению «педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)»). Казань: КФУ, 2016.
42. Мильруд Р.П. Приемы и технологии обучения устной речи // Язык и культура. 2015. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-i-tehnologii-obucheniya-ustnoy-rechi> (дата обращения: 02.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 апреля 2020 г.

The Narrative-Communicative Technology of Foreign Language Teaching: Definition and Peculiarities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 223–232.

DOI: 10.17223/15617793/458/27

Olga A. Obdalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru

Zoya N. Levashkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zoyagulik@mail.ru

Keywords: educational technology; foreign language oral communication; intercultural communication; narrative-communicative technology; NCT; pedagogical technology.

This article reveals the current situation in education, which is characterized by individualization and intensification of educational process. It becomes important for students not just to acquire communicative speaking skills in a foreign language, but to de-

velop their ability to interact with representatives of the international community using a foreign language as a means of communication. The need of adjusting the organization of teaching oral foreign language communication at university and developing new effective educational technologies is emphasized. A comparative analysis of the methods of teaching oral speech (Storytelling and Storyline) is carried out. The analysis is based on the key elements of the educational process the authors identify within these methods: idea, character, demonstration result of students' activities, and structure. The main differences of these methods are revealed. They are the creation of a character in the form of a paper model, making a collage as an illustration of a story, and drama (incidents and celebration). Special attention is paid to the description of the Storyline method, which is basic in the development of a narrative-communicative technology. It is impossible to use this method in its original form in the educational process of the university. The main part of the article is devoted to the description of the authorial narrative-communicative educational technology and its didactic potential in teaching a foreign language as a means of intercultural communication. Features of the technology are described, including integrativeness, discursiveness, contextuality, intercultural orientation, elements of communicative situation, sociocultural conditioning, interactivity, and activity. The characteristics of the technology are also considered. The methodology of teaching based on the narrative-communicative technology includes a set of steps that is consistent with the step-by-step realization of students' cognitive and narrative-communicative activities, which stimulates gradual "immersion" in the foreign-language context by creating and reproducing the narrative. The educational technology the authors developed appears to be an innovative tool of the teacher's transformative activity that creates favorable conditions for students' involvement in dynamic communicative activity, a comfortable educational atmosphere, and an increase in students' motivation. This technology is a way to reconstruct reality, in which students develop their communication and cognitive skills.

REFERENCES

1. Budarina, A.O. (2011) Sotsial'no-kul'turnye predposylki obosnovaniya professional'noy universal'nosti lingvista [Socio-cultural preconditions for substantiating the professional universality of a linguist]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya – Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, and Psychology*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnye-predposylki-obosnovaniya-professionalnoy-universalnosti-lingvista>. (Accessed: 01.03.2020).
2. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v 21 veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Sociocultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Obdalova, O.A. (2017) *Kognitivno-diskursivnaya sistema obucheniya inoyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii studentov estestvennonauchnykh napravleniy* [Cognitive-discursive system of teaching foreign language intercultural communication of students of natural sciences]. Pedagogy Dr. Diss. Nizhniy Novgorod. [Online] Available from: http://www.lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/dis_sov/02/obdalova/dissertaciya_obdalovoy_oa.pdf.
4. Soboleva, A.V. (2014) *Metodika razvitiya inoyazychnykh umeniy mezhkul'turnogo obshcheniya s uchetom kognitivno-stilevogo podkhoda (angliyskiy yazyk, neyazykovoy vuz)* [Methodology for the development of foreign language skills of intercultural communication, taking into account the cognitive-style approach (English language, non-linguistic university)]. Pedagogy Cand. Diss. Tomsk.
5. Poyaganova, E.I. (2007) Konstruktivizm i soznatel'no-kommunikativnyy metod obucheniya inostrannym yazykam [Constructivism and a conscious and communicative method of teaching foreign languages]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 3 (3). Part III. pp. 185–188.
6. Tatalova, L.N. (2003) Contemporary philosophy of education: in search of ultimate outcomes or state of cognition? *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. [Online] Available from: <http://www.bim-bad.ru/docs/tatalova.pdf>. (In Russian).
7. Grevtseva, G.Ya. et al. (2017) The integrative approach in the teaching and learning process of the higher education institution. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26857>. (Accessed: 29.02.2020). (In Russian).
8. Kecskes, I. et al. (2018) A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English. *System*. 76. pp. 219–232. DOI: 10.1016/j.system.2018.06.002
9. Creswell, J. (1997) *Creating worlds, constructing meaning. The Scottish Storyline method*. Portsmouth, NH: Heinemann.
10. Brezina, J. (2007) *Storyline in teaching English to young learners*. Bachelor thesis. Brno.
11. Harkness, S. (2007) Continuing Professional Development in Storyline. In: Bell, S., Harkness, S. & White, G. (eds) *Storyline Past, Present and Future*. Section 1. Glasgow: Enterprising Careers. pp. 19–26.
12. Budlova, T.Yu., Levashkina, Z.N. & Mitchell, P.J. (2018) The storyline method in teaching foreign languages to language students. *Vestnik PNPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 3. pp. 151–161. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9389/2018.3.13
13. Ahlquist, S. (2013) 'Storyline': a task-based approach for the young learner classroom. *ELT Journal*. 1 (67). pp. 41–51. DOI: 10.1093/elt/ccs052
14. Mitchell, P.J., Mitchell, L.A. & Gural, S.K. (2016) Storyline and learner motivation in the university foreign language classroom. In: Mitchell, P.J. & McNaughton, M.J. (eds) *Storyline: A Creative Approach to Learning and Teaching*. Cambridge Scholars Publishing. Newcastle upon Tyne. pp. 179–186.
15. Bell, S., Harkness, S. & White, G. (2007) *Storyline: past, present and future*. University of Strathclyde.
16. Ermolaeva, Zh.E. et al. (2017) Storitelling kak pedagogicheskaya tekhnika peredachi yavnogo i neyavnogo znaniya v vuzе [Storytelling as a pedagogical technique of transferring explicit and implicit knowledge in the university]. *Obrazovatel'nye tekhnologii*. 1. pp. 73–90. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-pedagogicheskaya-tehnika-konstruirovaniya-uchebnyh-zadach-v-vuze>. (Accessed: 01.02.2020).
17. Kondina, A.S. (2019) Analysis of the narrative structure of background texts in the storytelling format as a technological basis for teaching a foreign language. Linguistic approach. *Elektronnyy nauchno-metodicheskiy zhurnal Omskogo GAU – Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*. 1 (16). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-narrativnoy-struktury-fonovyh-tekstov-v-formate-storitellinga-kak-tehnologicheskaya-osnova-obucheniya-inostrannomu-yazyku>. (Accessed: 01.02.2020). (In Russian).
18. Anisimova, V.S. (2017) Vvedenie innovatsionnykh metodov obucheniya inostrannomu yazyku [The introduction of innovative methods of teaching a foreign language]. *NovaInfo*. 58–6. [Online] Available from: <https://novaInfo.ru/article/10907>. (Accessed: 24.02.2020).
19. Mitchell, P. (2016) *The Impact of the Storyline Method on the Foreign Language Classroom: An Action Research Case Study with Military Linguist Cadets*. Education Dr. Diss. Derby. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10545/609884>.
20. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2015) Prikaz Minobrnauki Rossii ot 09.09.2015 g. № 999 "O vnesenii izmeneniy v federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego obrazovaniya" [Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 09.09.2015 No. 999 "On the Amendments to Federal State Educational Standards of Higher Education"]. [Online] Available from: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4>.
21. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/18

22. Kostromina, N.V. (2007) Pedagogicheskie tekhnologii obucheniya: sushchnost', ikh kharakteristiki i effektivnost' [Pedagogical learning technologies: essence, their characteristics and efficiency]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 12. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-tehnologii-obucheniya-suschnost-ih-harakteristiki-i-effektivnost>. (Accessed: 06.02.2020).
23. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and practice of teaching languages)]. Moscow: Izdatel'stvo IKAR.
24. Gladkaya, V.V. (2012) Tekhnologiya i metodika: sushchnost', struktura i osobennosti opisaniya [Technology and methodology: essence, structure and features of the description]. *Nsportal.ru*. [Online] Available from: <https://nsportal.ru/blog/nachalnaya-shkola/all/2012/03/25/tekhnologiya-i-metodika-suschnost-struktura-k-voprosu-o>.
25. Vikulina, M.A. & Obdalova, O.A. (2017) Technologies as powerful means for realizing foreign language educational objectives at the university level. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 38. pp. 171–189. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/38/12
26. Fedorova, V.P. *Formirovanie narrativnoy kompetentsii kak sposoba modelirovaniya vtorichnogo yazykovogo soznaniya: angliyskiy yazyk, yazykovoy vuz* [Formation of narrative competence as a way of modeling secondary linguistic consciousness: English, language university]. Pedagogy Cand. Diss. [Online] Available from: <http://www.disscat.com/content/formirovanie-narrativnoi-kompetentsii-kak-sposoba-modelirovaniya-vtorichnogo-yazykovogo-soznaniya-ixzz5ToSbCcS5>.
27. Kiernan, P. (2003) Narrative tasks in communicative language learning. *JALT at Shizuoka*. pp. 229–306. [Online] Available from: <http://jalt-publications.org/archive/proceedings/2003/E027.pdf>.
28. Petrovskiy, V.A. (ed.) (1987) *Psikhologicheskiy slovar'* [Psychological Dictionary]. Moscow: Politizdat.
29. Bagrova, A.Ya. (2015) The method of projects in training in foreign languages. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnyy-metod-v-obuchanii-inostrannym-yazykam>. (Accessed: 01.02.2020). (In Russian).
30. Pakhomova, N.Yu. (2017) Problem-based learning at English lessons. *Kontsept*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-problemnogo-obucheniya-na-urokah-angliyskogo-yazyka>. (Accessed: 01.02.2020). (In Russian).
31. Filimonova, Yu.V. (2006) Igrovye tekhnologii na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [Game technologies in foreign language classes]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovye-tehnologii-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku>. (Accessed: 01.02.2020).
32. Smirnova, Zh.V. et al. (2018) Technology case-study in the development of creative abilities of students. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 7 (33). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-keys-obucheniya-v-razvitiitvorcheskikh-sposobnostey-obuchayuschihsya>. (Accessed: 01.02.2020). (In Russian).
33. Interschool Training Center of Krasnoperekopsky District. (2017) *Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii* [Modern pedagogical technologies]. [Online] Available from: https://kp-mukl.edu.yar.ru/metodicheskie_rekomendatsii/sovremennye_pedagogicheskie_tehnologii.html.
34. Spatar'-Kozachenko, T.I. (2016) Technology of pedagogical workshop of building knowledge in the lesson of Spanish. *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa – Universities for Tourism and Service Association Bulletin*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-pedagogicheskoy-masterskoy-postroeniya-znaniya-na-uroke-ispanskogo-yazyka>. (Accessed: 01.02.2020). (In Russian). DOI: 10.1273717741
35. Verbitskiy, A.A. (1999) *Novaya obrazovatel'naya paradigma i kontekstnoe obuchenie* [New Educational Paradigm and Contextual Learning]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov.
36. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2017) A study of the role of the context in the adequacy of the representation of foreign speech in indirect communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 40. pp. 93–106. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/40/7
37. Statnik, O.G. (2017) Communicative situation in teaching foreign language communication to future teachers. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 2–1 (68). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-situatsiya-v-obuchanii-inostrannomu-obscheniyu-buduschih-pedagogov>. (Accessed: 29.02.2020).
38. Buyanova, A.G. (2010) Sotsiokul'turnaya napravlennost' prepodavaniya inostrannogo yazyka kak sredstva obshcheniya [Socio-cultural orientation of teaching a foreign language as a means of communication]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-napravlennost-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka-kak-sredstva-obshcheniya>. (Accessed: 29.02.2020).
39. Obskov, A.V. (2012) The problem of interactive study of teaching foreign language at higher school. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11 (126). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-organizatsii-interaktivnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-vuze>. (Accessed: 29.02.2020). (In Russian).
40. Nazarova, G.I. (2003) Didakticheskie i psikhologo-lingvisticheskie faktory postroeniya sistemy obucheniya pis'mennoy rechi [Didactic and psychological and linguistic factors of constructing a system of teaching writing]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-i-psikhologo-lingvisticheskie-faktory-postroeniya-sistemy-obucheniya-pismennoy-rechi>. (Accessed: 02.02.2020).
41. Sakaeva, L.R. & Baranova, A.R. (2016) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Methodology of Teaching Foreign Languages]. Kazan: Kazan Federal University.
42. Mil'rud, R.P. (2015) Techniques and technologies of teaching oral communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (29). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-i-tehnologii-obucheniya-ustnoy-rechi>. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/29/12

Received: 10 April 2020

ПРАВО

УДК 349.6

М.П. Имекова

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научно-исследовательского проекта № 18-011-00612.*

Рассматриваются условия и перспективы развития экологического саморегулирования субъектов предпринимательской деятельности в России. Установлено, что в нашей стране экологическое саморегулирование недостаточно развито: субъекты предпринимательской деятельности не заинтересованы в создании саморегулируемых организаций (СРО) в сфере охраны окружающей среды. Требуется разработка единой государственной политики, направленной на стимулирование данных субъектов по созданию и вступлению в такие СРО.

Ключевые слова: экологическое саморегулирование; саморегулируемые организации; субъекты предпринимательской деятельности; охрана окружающей среды.

Общеизвестно, что государственное экологическое регулирование не успевает за развитием общественных отношений. Одним из очевидных следствий этого является то, что за ними не успевает и регулятор, который и сам руководствуется в своей деятельности устаревающим регулированием. По этой причине особенно важно включить в процесс регулирования и субъекты предпринимательской деятельности, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду. Это создаст условия для введения правил, учитывающих не только требования закона, но и отраслевую специфику деятельности таких субъектов.

Таким образом, экологическое саморегулирование может выступать в некоторых случаях в качестве альтернативы государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды. В то же время названные виды саморегулирования не следует противопоставлять друг другу. Как справедливо отмечает И.В. Ершова, «сущность саморегулирования заключается в том, что государство передает отдельные функции по государственному регулированию предпринимательской и профессиональной деятельности саморегулируемым организациям» [1. С. 44]. В этой связи «государственное регулирование и саморегулирование – это два звена единой цепи воздействия на хозяйствующих субъектов. Не противопоставление, а баланс указанных способов регулирования бизнеса, их сочетание и корректное применение на практике – в этом заключается цель введения в законодательство института саморегулирования» [2. С. 2144].

Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2015 № 2776-р утверждена «Концепция совершенствования механизмов саморегулирования» (далее – Концепция совершенствования механизмов саморегулирования), в которой отмечается, что государство призвано создавать наиболее благоприятные условия для развития рыночной экономики как путем непосредственного регулирующего воздействия, так и путем создания стимулов самоорганизации производителей товаров (работ, услуг) в целях обеспечения более ответственного поведения указанных произво-

дителей в отношениях с потребителями, формирования профессиональных сообществ, основанных на принципах саморегулирования, самоограничения и самоорганизации и обеспечивающих выработку стандартов, отвечающих профессиональным и публичным интересам, а также путем применения механизмов контроля за соблюдением установленных ими требований. Основным недостатком указанной Концепции является то, что в ней не упоминается необходимость развития саморегулирования в сфере охраны окружающей среды.

Если проанализировать документы стратегического планирования в сфере охраны окружающей среды («Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утв. Президентом РФ 30.04.2012, Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» и др.), экологическое саморегулирование также остается без должного внимания. Как представляется, это можно объяснить тем, что в настоящее время проводится реформирование государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды, предполагающее переход на новую разрешительную систему [3. С. 77–78]. В то же время сложившуюся тенденцию «неуделения» внимания экологическому саморегулированию нельзя признать положительной, поскольку она не предполагает создания условий его дальнейшего развития.

Более того, не все субъекты предпринимательской деятельности заинтересованы в развитии такого саморегулирования. Так, 8 июня 2017 г. в Госдуме при обсуждении перспектив применения саморегулирования в сфере природопользования лишь некоторые участники настаивали на том, что саморегулирование может стать неким центром силы аккумуляции полномочий и механизмов регулирования. В свою очередь, многие эксперты и представители отраслевых профессиональных союзов высказали свое мнение о том, что идею саморегулирования свел на нет механизм саморегулирования в строительстве и в об-

ласти обращения твердых бытовых отходов. В этой связи участники обсуждения предложили лицензируемые виды деятельности оставить за государством, а под саморегулирование отдать индивидуальных предпринимателей, малый и средний бизнес. Кроме этого, они настаивали на том, что нужно дорабатывать действующий ФЗ «О саморегулируемых организациях» и отраслевые законодательные акты, закрепляющие единые требования к саморегулируемым организациям [4].

Таким образом, в настоящее время, в условиях реформирования государственного регулирования в сфере окружающей среды, экологическому саморегулированию не уделяется надлежащего внимания. Однако осознается необходимость стимулирования его развития и дальнейшего совершенствования. В рамках настоящей статьи предлагается определить условия и перспективы развития экологического саморегулирования субъектов предпринимательской деятельности в России.

В нормах действующего российского законодательства нет такого легального понятия, как «экологическое саморегулирование», однако закреплено понятие «саморегулирование». В соответствии с ФЗ от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности¹ и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил. При этом, исходя из системного толкования названного Закона, следует, что единственной формой реализации саморегулирования является саморегулируемая организация (далее – СРО).

В то же время в юридической науке высказывается мысль о том, что саморегулирование может осуществляться некоммерческими организациями, не являющимися СРО с позиции ФЗ «О саморегулируемых организациях», но которые созданы и действуют в соответствии с ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Анализ их деятельности, по мнению ученых, позволяет говорить о саморегулировании в широком и узком смысле этого слова. Создание СРО, подчиненных требованиям ФЗ «О саморегулируемых организациях», является саморегулированием в узком значении [2. С. 2144].

В ФЗ «О саморегулируемых организациях» СРО определяются как некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных данным законом и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

К СРО Закон предъявляет следующие требования: 1) объединение в составе СРО в качестве ее членов не менее двадцати пяти субъектов предпринимательской деятельности, если федеральными законами в отно-

шении СРО, объединяющих субъектов предпринимательской деятельности, не установлено иное; 2) наличие стандартов и правил предпринимательской деятельности, обязательных для выполнения всеми членами СРО; 3) обеспечение СРО дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами.

В научных исследованиях признается особый статус СРО. В частности, по мнению Е.И. Ершовой, СРО обладают двойственной природой и публично-правовым статусом [1. С. 45]. Аналогичной точки зрения придерживается Конституционный суд РФ. Как полагает Суд, «СРО... с одной стороны, это некоммерческие организации, которые регистрируются в порядке, предусмотренном ст. 3 ФЗ “О некоммерческих организациях”, с другой стороны – с даты включения в единый государственный реестр... СРО приобретают особый публично-правовой статус» [5].

Перечисленные обстоятельства в совокупности позволили Е.И. Ершовой сделать обоснованный вывод о том, что саморегулирование в объективном смысле представляет собой «комплексный правовой институт... включающий в себя нормы, регулирующие как частные, так и публичные отношения. Правовое обеспечение саморегулирования, – как полагает ученый, – в дальнейшем должно строиться на сочетании императивных и диспозитивных начал с использованием как частноправовых, так и публично-правовых средств воздействия на поведение хозяйствующих субъектов. Такая концепция позволит достичь целей рассматриваемого правового института, устранив избыточное государственное регулирование, при этом обеспечив интересы как предпринимателей, так и потребителей» [1. С. 47].

В соответствии «Концепцией совершенствования механизмов саморегулирования», ФЗ «О саморегулируемых организациях» СРО подразделяются на два вида: с обязательным и добровольным членством. Следовательно, выделяются две формы саморегулирования: обязательное и добровольное. При обязательном саморегулировании осуществление предпринимательской деятельности связано с обязательным членством в СРО. Причем основные функции СРО императивно регламентированы законом. Добровольное саморегулирование осуществляется в тех областях и сферах предпринимательской деятельности, в которых отсутствуют императивные требования закона о необходимости осуществления этой деятельности только в СРО [6].

К функциям СРО принято относить: регулирующую (нормотворческую), контрольную, обеспечительную, информационную, представительскую функции, функцию организации повышения профессионального уровня и процедур разрешения споров (урегулирования конфликтов) [2. С. 2144; 7. С. 19, 37].

Анализ действующих в России СРО позволяет сделать вывод о том, что в нашей стране преимущественно создаются СРО с обязательным членством. При этом охрана окружающей среды в таких организациях не выступает, как правило, в качестве основной цели деятельности. Исключение составляют СРО

в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства и содержание их деятельности. В ч. 1 ст. 55.1 Градостроительного кодекса РФ в качестве отдельной цели деятельности перечисленных организаций выделяется предупреждение причинения вреда окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений. Эта цель достигается через разработку, принятие, реализацию и контроль за исполнением стандартов СРО, которые должны соответствовать как законодательству, так и стандартам, утвержденным соответствующим Национальным объединением СРО (ч. 9 ст. 55.5 ГрК РФ) [8. С. 42].

Можно также встретить и другие СРО с обязательным членством, которые создаются с целью охраны окружающей среды, когда это прямо не предусмотрено законом, регламентирующим их деятельность. В частности, речь идет о СРО «Некоммерческое партнерство “Экологическое Международное Аудиторское Сообщество”», г. Москва. В соответствии со ст. 17 ФЗ от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» СРО аудиторов создаются в целях обеспечения условий осуществления аудиторской деятельности. Согласно Уставу названного выше СРО его целью является осуществление деятельности в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, в том числе экологического аудита, на принципах саморегулирования. Причем под деятельностью, направленной на охрану окружающей среды и экологической безопасности, понимается: выполнение работ и оказание услуг, связанных с саморегулированием в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности, в том числе экологического аудита, экологических работ и услуг; развитием, совершенствованием и выполнением экологической аудиторской деятельности, экологического страхования, добровольной и обязательной сертификации, общественной экологической экспертизы на территории РФ, стран СНГ и других стран мира на основе российских и международных стандартов; участием в проведении мониторинга окружающей среды; осуществлением независимой экологической, в том числе международной экспертизы; внедрением экологического менеджмента в предпринимательскую деятельность; разработкой и внедрением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию новых прогрессивных и экологически чистых технологий, в том числе в области обращения с отходами; развитием общественного самосознания, экологического воспитания, экологического просвещения и пр.

Что касается СРО с добровольным членством, то таковых в сфере охраны окружающей среды очень мало, и в основном они создаются в сфере обращения с отходами. К их числу, например, относятся: Национальный союз СРО операторов по обращению с отходами, г. Санкт-Петербург; СРО Некоммерческое партнерство «1-ое Товарищество по охране окружающей среды», г. Санкт-Петербург; СРО Некоммерческое партнерство «Межрегиональный экологический совет операторов по обращению с отходами», г. Санкт-Петербург; СРО Некоммерческое партнер-

ство «Союз экологов Северо-Запада», г. Санкт-Петербург; СРО Некоммерческое партнерство «Союз операторов по обращению с отходами Урала», г. Екатеринбург; СРО Некоммерческое партнерство «Поволжский экологический союз операторов по обращению с отходами», г. Самара; СРО Некоммерческое партнерство «Объединение предпринимателей по рециклингу отходов», г. Уфа и др. Создание перечисленных организаций было основано на поручении Председателя Правительства РФ Путина В.В. от 4 августа 2010 г. во исполнение поручений Президента РФ по итогам заседания президиума Государственного совета (от 6 июня 2010 г.), посвященного реформированию системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды. Кроме этого, в одном из законопроектов по внесению изменений в ФЗ от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» предлагалось ввести понятие СРО операторов по обращению с отходами, а также дополнить закон статьей «Саморегулируемые организации операторов по обращению с отходами потребления (предполагалось определить правовой статус СРО, размер вноса в компенсационный фонд, документы, необходимые для приобретения статуса СРО, и т.д.) [9. С. 76]. Однако в окончательный вариант законопроекта данная статья не вошла.

Особый интерес из числа перечисленных СРО представляет СРО Некоммерческое партнерство «Объединение предпринимателей по рециклингу отходов». Согласно Уставу, «Объединение предпринимателей по рециклингу отходов» призвано выполнять широкий перечень функций, не сводящихся исключительно к разработке стандартов и правил и контролю за их соблюдением. К таким функциям, например, относятся: разработка и утверждение ежегодных и долгосрочных программ СРО по развитию рынка работ и услуг в сфере обращения с отходами производства и потребления, привлечение бюджетных и иных средств на их реализацию; проведение маркетинга и мониторинга рынка работ и услуг в сфере обращения с отходами производства и потребления; проведение общественной экологической экспертизы и иных видов экспертиз предлагаемых технологий в сфере обращения с отходами производства и потребления; организация проведения общественного экологического контроля в сфере обращения с отходами производства и потребления; участие в разработке планов и программ по развитию рынка работ и услуг в сфере обращения с отходами и др.

Таким образом, исходя из анализа отечественного законодательства в сфере саморегулирования и действующих в России СРО, следует сделать вывод о том, что в нашей стране созданы условия для развития СРО с обязательным членством. При этом охрана окружающей среды в таких СРО, как правило, не является основной целью их деятельности. Что касается добровольного саморегулирования, то в законодательстве РФ отсутствуют условия, направленные на формирование такого саморегулирования.

Немногочисленность СРО с добровольным членством можно объяснить нежеланием субъектов предпринимательской деятельности брать на себя допол-

нительные обязанности (в частности, по соблюдению стандартов СРО, формированию компенсационного фонда, контролю за деятельностью членов СРО и др.). Основная цель деятельности таких субъектов заключается в получении прибыли, в этой связи они охотнее вступают в некоммерческие организации в целях взаимной поддержки, защиты прав и охраняемых законом интересов (ассоциации, союзы), нежели в СРО.

Кроме этого, материалы правоохранительной практики в сфере охраны окружающей среды свидетельствуют, что основными правонарушителями являются сами субъекты предпринимательской деятельности. Конечно, это не может не выступать в качестве одной из причин нежелания вступления данных субъектов в СРО.

Как справедливо отмечает О.А. Романова, «к факторам, существенно сдерживающим развитие саморегулирования в сфере природопользования, несомненно, следует отнести также весьма невысокий уровень эколого-правового сознания как всего российского общества, так и субъектов предпринимательских отношений в частности» [10. С. 72–84].

Оценивая в целом модель развития СРО в сфере охраны окружающей среды России, ее можно определить как модель делегированного саморегулирования. Это модель, при которой происходит делегирование СРО властных полномочий государства – функций по контролю и надзору за определенным видом деятельности [11. С. 35–37]. При этом законодательство не ограничивает, но и не создает условия для развития добровольного саморегулирования, но определяет сферы деятельности, где членство в СРО является обязательным.

Учитывая сказанное, представляет особый интерес история развития саморегулирования в зарубежных странах, таких как США и Канада, из анализа которого можно подчерпнуть положительный опыт создания СРО в сфере охраны окружающей среды.

В США инициатива создания СРО исходила от самих хозяйствующих субъектов. Основным мотивом создания и вступления данных субъектов в СРО являлось и является получение дополнительных конкурентных преимуществ в процессе деятельности в отличие от субъектов, которые не являются членами СРО. Так, в 1989 г. представители химической промышленности запустили программу «Ответственная забота» (Responsible Care Program), целью которой являлись улучшение и повышение уровня технической безопасности, охрана труда и экологии, а также совершенствование продукции и процессов производства. Причиной разработки такой программы стала необходимость повышения уровня доверия потребителей к продукции отрасли после серии крупных техногенных аварий на предприятиях отрасли. В рамках реализации программы создана отраслевая Ассоциация производителей химической отрасли (The Chemical Manufacturers Association (CMA)). Ассоциация преследовала двоякую цель: продемонстрировать усиление мер безопасности и природоохранных мер среди компаний – участников Ассоциации и тем самым вернуть лояльность потребителей [12. С. 77–78].

Таким образом, основной «движущей силой» создания экологического саморегулирования в США стала сама рыночная экономика. Только этим можно объяснить феномен развития добровольного экологического саморегулирования в данной стране.

В США активно развивается также государственное регулирование в сфере охраны окружающей среды. Оно направлено на разработку и принятие нормативных актов, обязательных для исполнения субъектами, ведущими хозяйственную деятельность на отраслевых рынках, а также на контроль за исполнением этих актов в границах ответственности конкретного государственного органа. В то время как экологическое саморегулирование сводится к разработке стандартов поведения и их реализацию применительно к профессиональной деятельности хозяйствующих субъектов без прямого государственного вмешательства [13. С. 62].

Механизм саморегулирования в Канаде является одним из наиболее эффективных и результативных в мире, поскольку здесь наиболее благоприятная законодательная база, регулирующая создание, функционирование и развитие СРО. Правительство Канады целенаправленно формирует наиболее благоприятные условия для формирования отраслевых СРО, учитывая их территориальное расположение, что позволяет достичь значительных конкурентных преимуществ для хозяйствующих субъектов отраслевых рынков, а именно: стимулирование интереса к самоорганизационным процессам и их регулированию на отраслевых рынках посредством предоставления консультаций, проведения аналитических исследований, формирования доступной информационной базы; обеспечение переговоров, связанных с профессиональной деятельностью на отраслевых рынках, проведение конференций по вопросам функционирования и развития механизма саморегулирования на отраслевых рынках; участие всех заинтересованных сторон в создании различных кодексов и правил поведения на отраслевом рынке; предъявление особых требований к работникам определенных профессий и к предпринимателям, занимающимся определенными видами профессиональной деятельности; получение выгодных заказов и заключение перспективных договоров, обеспечивающих получение наибольшего эффекта по результатам профессиональной деятельности; участие членов СРО в разработке образовательных и профессиональных стандартов, соответствующих современным требованиям уровню квалификации специалистов в определенной отрасли [13. С. 62–63].

Итак, исходя из опыта развития экологического саморегулирования в США и Канаде, можно сделать вывод о том, что там, где добровольное экологическое саморегулирование не возникло по собственной инициативе субъектов предпринимательской деятельности, оно возникало по инициативе государства. При этом государственное регулирование развивалось с добровольным одновременно.

Более того, по мнению некоторых зарубежных исследователей, экологическое саморегулирование без государственного регулирования в принципе не может обеспечить эффективную защиту окружающей среды.

Ни один из субъектов государственного управления, будь то частный или государственный, не обладает независимостью, опытом или необходимыми возможностями для эффективного экологического регулирования. По этой причине необходимо сотрудничество между государственным и частным секторами [14].

Как полагает Sally Eden, законодательство остается наиболее сильной движущей силой природоохранной деятельности на предприятиях, несмотря на почти десятилетия развития «зеленого бизнеса» и попытки убедить компании удвоить силы для его развития. Поэтому правительствам было бы неразумно полагаться на саморегулирование как на средство инициирования и осуществления экологической политики. Только при поддержке сильной нормативно-правовой базы экологическая реформа может быть эффективной [15. Р. 240].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в целях стимулирования развития экологического саморегулирования (прежде всего, добровольного) в России требуется проведение единой государственной политики в данной сфере. И начать нужно с совершенствования законодательного регулирования, а именно с разработки государственных программ, включающих в себя комплекс мер правового, экономического, организационного и информационного характера, способствующих созданию условий развития экологического саморегулирования в России.

В первую очередь представляется весьма важным экономически стимулировать субъектов предпринима-

тельской деятельности вступать в добровольные СРО в сфере охраны окружающей среды. В идеале вступление данных субъектов в такие СРО должно рассматриваться как гарантия их экономической эффективности в будущем. В настоящее время такой подход успешно реализуется лишь предпринимателями-экспортерами, для которых поиск новых рынков за рубежом – серьезный стимул для вступления в СРО либо для разработки собственной экологической политики (экологического менеджмента, экологического аудита) [12. С. 84]. В этой связи в законодательстве РФ необходимо закрепить меры, направленные на стимулирование субъектов предпринимательской деятельности к вступлению в добровольные СРО в сфере охраны окружающей среды, такие как разработка механизма формирования государственного заказа на развитие эколого-ориентированных процессов производства и на эколого-ориентированную продукцию; формирование и проведение кратко- и среднесрочной государственной поддержки отечественных товаропроизводителей конкурентоспособной эколого-ориентированной продукции и развивающих эколого-ориентированных производственных процессов [16. С. 4–7]. Не следует забывать также о таких инструментах, как добровольная сертификация и стандартизация.

Кроме этого, инструментами стимулирования развития экологического саморегулирования в России должны стать общественный экологический контроль, экологическое образование и пропаганда экологической культуры.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ По мнению В.В. Кваниной, «категория «профессиональная деятельность» не несет распознаваемую смысловую нагрузку. Она представляется излишней, в том значении, в котором использует ее действующее законодательство» (см. подробнее: Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. 2011. № 2. С. 33). В этой связи в рамках настоящей статьи основное внимание будет уделено субъектам предпринимательской деятельности в понимании ст. 2 Гражданского кодекса РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской деятельности: исходные положения // Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности : сб. материалов круглого стола / отв. ред. И.В. Ершова. М. : Издательский дом Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015.
2. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2142–2150.
3. Имекова М.П. Разрешительная система в сфере охраны окружающей среды России и Великобритании // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 77–80.
4. В Госдуме обсудили перспективы применения саморегулирования в сфере природопользования. URL: <http://duma.gov.ru/news/13821/> (дата обращения: 28.01.2020).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.
6. Егорова М.А. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования: pro et contra. М. : Юстицинформ, 2017. 180 с.
7. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 60 с.
8. Болтанова Е.С. Правовое обеспечение экологических инноваций (на примере строительной отрасли) // Экологическое право. 2018. № 4. С. 39–45.
9. Севастьянова А.Р. Саморегулирование в сфере обращения с отходами: гражданско-правовой аспект // Бизнес. Менеджмент. Право. 2015. № 1 (31). С. 74–79.
10. Романова О.А. О развитии саморегулирования в сфере природопользования как одного из факторов устойчивого развития территорий в Российской Федерации // Lex russica. 2018. № 5. С. 72–84.
11. Журина И.Г. Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 35–37.
12. Баулина А.А. Экономическая привлекательность участия бизнеса в экологическом саморегулировании // Научные исследования экономического факультета. 2010. Т. 2, № 2. С. 72–94.
13. Логинова Н.А. Международный опыт саморегулирования на отраслевых рынках // Российское предпринимательство. 2014. № 18 (264). С. 58–71.
14. Kostas Iatridis. Corporate environmental impact – why self regulation isn't enough. URL: <https://blogs.bath.ac.uk/business-and-society/2017/09/18/self-regulation-corporate-environment-impact/> (дата обращения: 28.01.2020).
15. Sally Eden Regulation. Self-Regulation and Environmental Consensus: Lessons From The Uk Packaging Waste Experience1 // Business Strategy And The Environment. 1997. Vol. 6. P. 240.

16. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. Совершенствование экономического механизма стимулирования хозяйствующих субъектов к снижению техногенной нагрузки на окружающую среду в условиях инновационного развития // Мир науки. 2014. № 3. С. 1–12.

Статья представлена научной редакцией «Право» 9 февраля 2020 г.

Environmental Self-Regulation of Business Entities in Russia: The Statement of the Problem

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 233–238.

DOI: 10.17223/15617793/458/28

Maria P. Imekova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: imekova_maria@mail.ru

Keywords: environmental self-regulation; self-regulatory organizations; business entities; environmental protection.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00612.

It is well known that state environmental regulation does not keep pace with the development of public relations. One of the obvious consequences of this is that the regulator, guided in its activities by outdated regulation, also lags behind. For this reason, it is especially important to include business entities that have a negative impact on the environment in the regulatory process. This will create conditions for the introduction of rules that take into account not only the requirements of the law, but also the industry-specific activities of such entities. In Russia, due to the reform of state regulation in the field of the environment, environmental self-regulation is not given due attention. At the same time, the need to stimulate its development and further improvement is recognized. Within the framework of the article, the conditions and prospects for the development of environmental self-regulation of Russian business entities are determined. The study employed both general (dialectical method, deduction and induction) and specific (formal legal, comparative legal, and legal forecasting methods) scientific research methods. The study shows that conditions have been created in Russia for the development of self-regulatory organizations with mandatory membership. As a rule, environmental protection in such organizations is not the main purpose of their activities. As for voluntary self-regulation, there are no conditions in domestic legislation aimed at stimulating its development. Active support from the state is required in this field. First of all, it is the development of state programs, which include legal, economic, organizational, and informational measures that contribute to the creation of conditions for the development of environmental self-regulation. These should primarily be economic incentive measures, such as: development of a modern mechanism for the formation of the state order for the development of environmentally-oriented production processes and environmentally-oriented products; formation and implementation of short- and medium-term state support for domestic producers, etc. In addition, public environmental control, environmental education, and the promotion of environmental culture should also become tools for stimulating the development of environmental self-regulation in Russia. Thus, only when the state creates conditions for the development of environmental self-regulation can it be successfully formed in our country.

REFERENCES

1. Ershova, I.V. (2015) Samoregulirovanie predprinimatel'skoy deyatel'nosti: iskhodnye polozeniya [Self-regulation of entrepreneurial activity: initial provisions]. In: Ershova, I.V. (ed.) *Samoregulirovanie predprinimatel'skoy i professional'noy deyatel'nosti* [Self-Regulation of Entrepreneurial and Professional Activity]. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
2. Ershova, I.V. (2014) Self-regulation of business and professional activities: issues of theory and legislation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 10 (47). pp. 2142–2150. (In Russian).
3. Imekova, M.P. (2019) Environmental permitting system in Russia and the UK. “Chernye dyry” v rossiyskom zakonodatel'stve – *Black Holes in Russian Legislation*. 4. pp. 77–80. (In Russian).
4. The State Duma. The Federal Assembly of the Russian Federation. (2017) *V Gosdume obsudili perspektivy primeneniya samoregulirovaniya v sfere prirodopol'zovaniya* [The State Duma discussed the prospects for the application of self-regulation in the field of environmental management]. [Online] Available from: <http://duma.gov.ru/news/13821/>. (Accessed: 28.01.2020).
5. Russian Federation. (2006) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 December 2005 no 12-P on the verification of the constitutionality of Paragraph 8 of Item 1 of Article 20 of the Federal Law “On insolvency (bankruptcy)” in connection with the complaint of citizen A.G. Mezhtentsev. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 3. Art. 335. (In Russian).
6. Egorova, M.A. (2017) *Kontseptsiya sovershenstvovaniya mekhanizmov samoregulirovaniya: pro et contra* [The Concept of Improving Self-Regulation Mechanisms: Pro et contra]. Moscow: Yustitsinform.
7. Leskova, Yu.G. (2013) *Samoregulirovanie kak pravovoy sposob organizatsii predprinimatel'skikh otnosheniy: problemy teorii i praktiki* [Self-regulation as a legal way of organizing entrepreneurial relations: problems of theory and practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
8. Boltanova, E.S. (2018) The legal support of environmental innovations (on the example of the construction sector). *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 4. pp. 39–45. (In Russian).
9. Sevast'yanova, A.R. (2015) Self-regulation in the sphere of waste management: civil-law aspect. *Biznes. Menedzhment. Pravo – Business, Management and Law*. 1 (31). pp. 74–79. (In Russian).
10. Romanova, O.A. (2018) On Development of Self-Regulation in Environmental Management as a Factor of Sustainable Development of Territories in the Russian Federation. *Lex russica*. 5. pp. 72–84. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.072-084
11. Zhurina, I.G. (2009) *Grazhdansko-pravovoy status samoreguliruemyykh organizatsiy v Rossiyskoy Federatsii* [Civil law status of self-regulatory organizations in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow. pp. 35–37.
12. Baulina, A.A. (2010) Environmental self-regulation in Russia: overview of attractiveness for business. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta – Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2 (2). pp. 72–94. (In Russian).
13. Loginova, N.A. (2014) International experience of self-regulation at sectoral markets. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 18 (264). pp. 58–71. (In Russian).
14. Iatridis, K. (2017) Corporate environmental impact – why self regulation isn't enough. *Bath Business and Society*. [Online] Available from: <https://blogs.bath.ac.uk/business-and-society/2017/09/18/self-regulation-corporate-environment-impact/>. (Accessed: 28.01.2020).
15. Eden, S. (1997) Regulation. Self-Regulation and Environmental Consensus: Lessons From The UK Packaging Waste Experience. *Business Strategy And The Environment*. 4 (6). pp. 232–241. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0836(199709)6:4<232::AID-BSE114>3.0.CO;2-4
16. Vishnyakov, Ya.D. & Kiseleva, S.P. (2014) Improvement of the economic mechanism of stimulation of business managing to decrease in technogenic load of environment in the conditions of innovative development. *Mir nauki – World of Science*. 3. pp. 1–12. (In Russian).

Received: 09 February 2020

ПРАВО НА РЕЛИГИОЗНУЮ АВТОНОМИЮ И ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрено понятие права религиозной автономии и выделены два его аспекта – внутреннее управление и доктринальная автономия. Исходя из практики Европейского суда по правам человека и институтов Европейского союза сделан вывод о том, что рассматриваемое право не является абсолютным, не получает должной и последовательной защиты. Ввиду ограничительного определения веры и оценки законности религиозных убеждений правоприменительными органами, религиозные меньшинства не могут пользоваться в полном объеме своими правами.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; религиозная автономия; Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод.

Абрис исследования

В современных европейских государствах обычно представлено широкое разнообразие различных организаций, основанных на той или иной вере или системе убеждений. В таких условиях гарантия и защита свободы совести и свободы религии, как в отношении большинства, так и меньшинства, способствует религиозной гармонии и обеспечивает устойчивость политической системы. В этом контексте свобода совести представляет собой ценное достояние для верующих и неверующих, всех, кто находится на территории данной страны. Как закреплено в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская конвенция, ЕКПЧ), свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» в значении, принятом Конвенцией. Плюрализм, неотделимый от демократического общества и который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем [1, 2]. И хотя свобода совести – дело личного выбора человека, относится к его частной жизни, она также включает в себя свободу исповедовать свою религию как индивидуально, так и сообщая с другими, что закреплено в ст. 28 Конституции РФ. Поэтому свобода совести подразумевает возможность создания религиозных объединений¹, устанавливающих свои собственные правила религиозной жизни. Исходя из этого многие ученые приходят к выводу о том, что религиозные организации должны пользоваться автономией, которая означает право религиозных объединений (иерархических и конгрегационных) принимать решения и управлять своими внутренними религиозными делами без вмешательства со стороны государственных институтов [3. С. 387–452].

Если обратиться к общеевропейским документам, то можно отметить, что они косвенно предусматривают право на религиозную автономию. Как известно, ст. 9 Европейской конвенции и ст. 10 Хартии основных прав Европейского союза (далее – Хартия) [3] предусматривают защиту свободы религии в ее двух основных измерениях – внутренняя (*forum internum*) и внешняя (*forum externum*) составляющие. Первое является абсолютным по своему характеру защиты, второе – относительным. В ч. 2 ст. 9 Европейской конвенции указано, что свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям,

которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Как было определено Европейским судом по правам человека (далее – Европейский суд, ЕСПЧ), свобода религии, включающая в себя право проявлять свои убеждения коллективно, предполагает, что верующие могут свободно собираться, без произвольного вмешательства государства. Действительно, автономия религиозных общин является неотъемлемой частью плюрализма в демократическом обществе и, следовательно, выступает центральной для защиты, предоставляемой ст. 9 Европейской конвенции [4].

Таким образом, религиозная автономия защищается правом свободы совести в свете ст. 11 ЕКПЧ, которая защищает свободу собраний и объединений от необоснованного вмешательства со стороны государства. Это подразумевает, что религиозная автономия является не абсолютной, поскольку проявления свободы совести или убеждений могут быть подвержены ограничениям, которые предписаны законом и необходимы в демократическом обществе для достижения законных целей. Другими словами, внутренние дела религиозных организаций не могут быть полностью защищены от вмешательства государства.

Внутренние дела религиозных организаций касаются аспектов, связанных с управлением соответствующими организациями, таких аспектов, как выбор религиозных лидеров, организационная структура и взаимоотношения со священнослужителями. Более того, они охватывают доктринальную сторону деятельности организаций в таких областях, как определение религии или убеждений, формы отправления культа и т.д. Поэтому представляется целесообразным выделять автономию управления религиозными объединениями и доктринальную автономию, которые, в свою очередь, включают вопросы, самостоятельно определяемые религиозными объединениями, и на которые распространяется их автономность.

Однако в последнее время внимание исследователей было сосредоточено главным образом на автономии управления религиозными объединениями [5. С. 81–10], а второму аспекту – доктринальной автономии уделялось относительно меньше внимания. В настоящей работе предпринята попытка восполнить

этот пробел, так как исследуются обе указанные стороны религиозной автономии.

Автономия внутреннего управления религиозными объединениями

Религиозные объединения способны сами управлять своими собственными внутренними религиозными делами только в том случае, если они могут определять и применять правила, регулирующие их функционирование. Этот аспект религиозной автономии можно назвать автономией внутреннего управления.

Автономия внутреннего управления религиозными объединениями имеет множество аспектов, некоторые из которых были рассмотрены в практике деятельности европейских институтов. Например, Европейский суд обеспечил защиту права религиозных объединений действовать автономно от государства, постановив, что, когда для нормальной деятельности религиозного объединения ему необходимо юридическое признание, отказ его предоставить представляет собой вмешательство в свободу исповедания религии, а его пропорциональность должна оцениваться с учетом ее серьезности и мотивов государства [4]. Кроме того, суд защищал возможность объединений выбирать свое руководство, подтверждая, что государства могут вмешиваться в выдвижение религиозного лидера только в том случае, если такое вмешательство отвечает насущным социальным потребностям [6]. Европейский суд рассмотрел и автономию религиозных объединений в вопросе учреждения мест отправления культа, указав, что отказ в предоставлении разрешения на учреждение места отправления культа представляет собой вмешательство в религиозную автономию и не может быть оправдан, когда он используется для навязывания жестких условий на практике религиозных объединений [7].

Несмотря на вышесказанное, следует подчеркнуть, что этот аспект религиозной автономии не получает абсолютной защиты. Суд никогда априори не исключал возможность ограничения автономии внутреннего управления религиозными организациями. Относительный характер этой защиты был подтвержден последующей правоприменительной практикой, касающейся трудовых отношений с религиозными организациями, которая ввела «сбалансированный подход» с целью уравновесить религиозную автономию с правами других лиц. Однако можно констатировать, что его применимость к делам по вопросам об автономии внутреннего управления религиозных объединений не остается неизменной.

Значение «сбалансированного подхода» для защиты автономии внутреннего управления религиозными объединениями. Европейская комиссия по правам человека первоначально рассматривала связь между религиозной автономией и трудоустройством в 1989 г., в деле *«Роммельфангер против Германии»*, в связи с конфликтом между религиозной автономией и свободой выражения мнений [8]. Комиссия пришла к выводу, что Европейская конвенция допускает установление договорных обязательств, согласно которым сторона отказывается от свободы выражения в опре-

деленной степени, поскольку работодатель, чья деятельность основана на тех или иных убеждениях, не сможет эффективно осуществлять свои собственные свободы, не налагая на своих сотрудников определенных обязанностей лояльности. Поскольку член духовенства официально признаваемой церкви должен выполнять не только религиозные, но и мирские обязанности, он не может жаловаться, что последнее противоречит его религиозным убеждениям, так как его право оставить свой пост будет максимальной гарантией его права на свободу совести.

Правовая позиция Европейского суда, выраженная в деле *«Роммельфангер против Германии»*, была обновлена, введя баланс между религиозной автономией внутреннего управления и правам отдельных лиц. В деле *«Ломбарди Валлаури против Италии»* [9] Европейский суд постановил, что автономия религиозных организаций не может ущемлять саму суть процессуальной защиты, предоставляемой правом на свободу выражения мнений. Выводы, сформулированные в деле *«Ломбарди Валлаури против Италии»*, стали основой для трех последующих судебных решений: *«Обст против Германии»* [10], *«Шют против Германии»* [11] и *«Зибенхаар против Германии»* [12]. В этих случаях заявители понесли наказание за свое непрофессиональное поведение, которое работодатели сочли несовместимым с занимаемыми должностями в религиозных организациях и системой действующих там правил и норм, основанных на том или ином вероучении. Немецкие судьи в вышеуказанных делах отказались отменить решения религиозных организаций, а Европейский суд постановил, что Германия вмешалась в права заявителей. Такое вмешательство суд счел пропорциональным в делах *«Обст против Германии»* и *«Зибенхаар против Германии»*, так как немецкими судами был установлен баланс между религиозной автономией и правами работников. Суд отметил, что увольнение заявителей основано на личном решении признаться и должно рассматриваться как необходимая мера, направленная на сохранение доверия к церкви, поскольку заявители понимали значимость своих поступков как важного условия трудового договора и неприемлемость такого поведения в свете тех обязанностей, которые влекла за собой занимаемая должность: в первом случае – европейского директора по связям с общественностью мормонской церкви, во втором – воспитателя детского сада для протестантской церкви.

Напротив, вмешательство не было признано пропорциональным в деле *«Шют против Германии»*, потому что немецкий судья не установил надлежащего баланса между интересами церкви как работодателя и правом заявителя на уважение его частной и семейной жизни. В частности, не оценена «религиозная» значимость деятельности заявителя в организации – органиста и хормейстера прихода Римско-католической церкви. Более того, национальные суды признали, что занимаемая заявителем должность была не столь значимой, чтобы этот серьезный проступок послужил поводом для однозначного прекращения трудовых отношений (как, например, это было бы правомерно в отношении работников, занимающихся

наставничеством или религиозным обучением). Европейским судом по правам человека также были учтены последствия принятого организацией решения для профессиональной жизни заявителя, шансы которого найти новое место работы незначительны.

Таким образом, Европейский суд разработал «сбалансированный подход», чтобы согласовать автономию управления религиозными объединениями с правами отдельных лиц. Это подтверждает, что, хотя религиозная автономия защищена Европейской конвенцией, она не является абсолютным правом и может быть ограничена для защиты прав других лиц.

На первый взгляд может показаться, что в рамках Европейского сообщества автономия управления религиозными объединениями воспринимается по-другому, как абсолютная ценность. Например, Директива Совета 93/104/ЕС [13], касающаяся определенных аспектов организации рабочего времени, предусматривает общие принципы защиты безопасности и здоровья работников. Однако государства – члены Европейского союза могут принять решение не применять те же правила к «работникам, исполняющим обязанности на религиозных церемониях в церквях и религиозных общинах» (ст. 17 (1)). Можно утверждать, что в данном случае норма не предусматривает какого-либо баланса прав, но она просто допускает ограничение права трудящихся в целях обеспечения автономии управления религиозными организациями.

Аналогичный подход воплощен в Директиве 2000/78/ЕС о равном обращении в сфере труда и занятий [14]. В соответствии со ст. 4 (2) Директивы 2000/78/ЕС в отношении профессиональной деятельности в религиозных организациях государства-члены могут допускать различия в обращении, основанные на религии или убеждениях человека. Таким образом, права работников религиозных организаций, по-видимому, ограничены в пользу прав работодателей – религиозных объединений. Однако в той же норме указывается, что религиозные организации могут вводить дискриминационные требования к работникам только в тех случаях, когда по причине характера деятельности работника или обстановки, в которой она осуществляется, религия или убеждения такого лица представляют собой «подлинное, законное и обоснованное профессиональное требование, принимаемое во внимание дух организации» [14]. Чтобы проверить наличие такого требования, государственные органы должны определять, в частности, релевантность деятельности работодателя в рамках организации. Следовательно, ст. 4 (2) Директивы 2000/78/ЕС может интерпретироваться в соответствии с подходом балансирования, разработанным Европейским судом. Однако следует подчеркнуть, что рассматриваемая Директива не требует от государств-членов учитывать последствия решений организаций для профессиональной жизни их сотрудников, как было указано в решении Европейского суда по делу «Шют против Германии».

Практика Европейского суда того периода по вопросам занятости в религиозных организациях подтверждает, что автономия управления религиозными организациями не является абсолютной, но она долж-

на быть сбалансирована с правами отдельных лиц и других групп. Хотя в этом отношении нормы Европейского союза прямо не закрепляют императивных норм, представляется, что они все же не исключают уравнивания прав религиозных организаций и прав их работников.

Однако «сбалансированный подход», изложенный выше, был подвергнут сомнению в делах «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» [15] и «Фернандес Мартинес против Испании» [16].

В деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» тридцать пять священнослужителей и прихожан Румынской православной церкви решили создать профсоюз. Компетентный ведомственный трибунал отклонил требование, утверждая, что создание такого профсоюза помешало бы автономии румынской церкви. Европейский суд подтвердил, что Румыния вмешивалась в свободу ассоциации заявителей таким образом, который был «необходим в демократическом обществе». Уважение к автономии религиозных общин, признанных государством, подразумевает, в частности, что государство должно принять право таких общин реагировать на любые движения диссидентов, возникающие в них, которые могут представлять угрозу их сплоченности, имиджу или единству, в соответствии со своими собственными правилами и интересами. Поэтому национальные власти не должны выступать в качестве арбитра между религиозными общинами и различными диссидентскими группировками, которые существуют или могут возникнуть внутри них [15].

Аргументация в деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» может показаться несовместимой с той, что изложена в деле «Шют против Германии», так как в последнем случае Европейский суд истолковывал религиозную автономию как следствие проявления веры, позже, в деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии», он толковал автономию как часть государственной политики. Эта эволюция может быть подвергнута критике, поскольку она не принимает во внимание строгую связь между религиозной автономией и проявлением веры. Однако отход от «сбалансированного подхода» на самом деле не столь явный. В деле «Союз „Добрый пастырь“ против Румынии» Европейский суд признал релевантность прав церкви и упомянул ограниченную угрозу, которую представляет профсоюз для свободы исповедовать религию. Поэтому можно заключить, что суд мог косвенно сбалансировать права церкви с правами заявителя.

Позже рассматривалось дело «Фернандес Мартинес против Испании», которое было инициировано заявителем, уволенным с должности учителя религии и морали государственной средней школы, по требованию католической церкви. Церковь мотивировала такое увольнение, утверждая, что заявитель вызвал «скандал», поскольку он заявил о себе как о женатом священнике публично и открыто. Как было установлено, он участвовал в собрании «Движение за необязательное безбрачие» прогрессивной католической группы, известной своей критикой церковной иерархии, а фотография его и его семьи была опубликована в местной газете.

Европейский суд разрешил дело, не прибегая к балансированию права заявителя на частную жизнь с правом католической церкви на свободу религии и ее автономии. По мнению Европейского суда, это дело отличалось от ранее рассмотренных случаев, поскольку заявитель был священником, а, следовательно, его статус требовал повышенной лояльности с его стороны [16]. Это отличие позволило суду прийти к заключению, что национальный судья не обязан балансировать права заявителя с религиозной автономией церкви, но что этот вопрос может быть решен на основе долга лояльности, как это было установлено в деле *«Роммель-фангер против Германии»*.

Поэтому может показаться, что Европейский суд считает, что сбалансированный подход не применим к делам, касающимся священнослужителей религиозных объединений. Однако религиозная автономия не является абсолютной, поэтому она может быть ограничена в целях защиты прав других лиц, в том числе самих священнослужителей. Противоположное было бы возможно только в том случае, если бы последние, в отличие от других лиц, могли отказаться от самой сути своих прав. Альтернативная позиция, изложенная в деле *«Фернандес Мартинес против Испании»*, может рассматриваться как прагматичное решение сложной политической проблемы. Как было предложено судьей Саизом Арнаизом в его особом мнении, баланс прав заявителя и Церкви привел бы Европейский суд к оценке того, может ли увольнение заявителя быть оправданным на основании церковной свободы исповедовать религию. Такая оценка поставила бы Европейский суд в неудобное положение. Ситуация заявителя была известна католической церкви и местной общественности до начала спора. Принимая во внимание, что заявитель ранее считался способным вести преподавательскую деятельность, может показаться, что его внезапное увольнение не могло быть мотивировано необходимостью защищать доктрину католической церкви. Наоборот, может показаться, что католическая церковь действовала для защиты политических интересов: ситуация, которую церковь сочла допустимой на местном уровне, стала «скандальной», когда была доведена до сведения широкой общественности. Возможно, суду было бы трудно подтвердить или опровергнуть, что такой политический интерес является частью свободы Церкви исповедовать религию. Приняв стратегию, отличную от «сбалансированного подхода», суд просто обошел эту проблему.

Таким образом, на сегодняшний день неясно, будет ли Европейский суд пересматривать «сбалансированный подход», на основании которого выносились дела *«Обст против Германии»*, *«Шют против Германии»* и *«Зибенхаар против Германии»*. Можно утверждать, что неопределенности, возникшие в результате недавней практики, и особенно в деле *«Фернандес Мартинес против Испании»*, должны быть исправлены в будущем, чтобы обеспечить сбалансированную защиту прав работодателей и работников.

Возможность для религиозных объединений принимать решения по вопросам своих внутренних религиозных дел и управлять ими, очевидно, находится в тесной связи с их возможностью самостоятельно определять содержание своих доктрин и убеждений, а также оценкой их легитимности. Этот аспект может быть назван «доктринальной автономией». Практика европейских институтов выявляет три проблемные области в этой сфере: определение «религиозного» характера убеждений объединений, определение способов выражения последних и оценка их законности. Рассмотрим каждую из обозначенных областей подробнее.

Определение «религиозного» характера убеждений объединения. Как известно, нет общепринятого определения религии. Это спорное понятие и высказываются разные точки зрения относительно его содержания [17. С. 43–46]. Согласно Руководству по законодательному обзору законов, затрагивающих религию или убеждения [18], этот термин не может быть определен в юридическом смысле из-за присущей ему неоднозначности концепции религии.

Европейские институты могут дать полную автономию религиозным организациям в этой области, предоставив им возможность самостоятельно идентифицировать свои доктрины как «религиозные». В противном случае такие организации не смогут сами принимать решения и управлять своими собственными внутренними делами просто потому, что их нельзя будет считать «религиозными» по своей природе и они не смогут получить защиту, предлагаемую европейскими инструментами.

Ни Европейская комиссия по правам человека, ни Европейский суд даже не нуждались в определении понятия «религия», поскольку Европейская конвенция защищает как религию, так и убеждения, а указанные органы рассматривали только последнюю концепцию, которая охватывает первую. Европейская комиссия определила убеждения как «последовательный взгляд на фундаментальные проблемы» [19].

Европейский суд применил аналогичный подход, назвав в деле *«Кэмпбелл и Косанс против Соединенного Королевства»* убеждения точкой зрения, которая достигает «определенного уровня убедительности, серьезности, сплоченности и важности» [20].

Определения религии, принятые европейскими органами, позволили им сделать ст. 9 Европейской конвенции применимой к традиционным конфессиям, а также к новым религиозным движениям и философским убеждениям. Например, к друидизму [20] и сентологии [21].

Однако нельзя исключать, что в суд обратится организация, которая, как будет установлено, не достигла того уровня убедительности, чтобы отнести ее к религиозной. Таким образом, Европейский суд может пренебречь автономией этой организации. Такой дефект не будет устранен, если использовать подход, изложенный в деле *«Кимля и другие против России»* [22], когда суд заявил, что, поскольку взгляды на «ре-

лигию» являются предметом споров между государствами-членами, суд опирался на позицию национальных властей в этом вопросе. Этот подход не только не защищает автономию организаций, которые не признаны в качестве религиозных государствами, в которых они действуют, но и не заменяет подход, изложенный в деле *«Кэмпбелл и Косанс против Соединенного Королевства»* [20].

Очевидно, что, хотя наиболее распространенные и давно известные религии, скорее всего, будут расценены как убеждения, подпадающие под действие ст. 9 Европейской конвенции, организации религиозных меньшинств могут столкнуться с проблемами в определении содержания их деятельности и не квалифицироваться как придерживающиеся какой-либо религии или системы убеждений.

Определение веры, выраженное Европейским судом, должно применяться также в области законодательства Европейского союза, поскольку значение и объем права, содержащегося в ст. 10 Устава, совпадают со значением и объемом свободы религии согласно ст. 9 Европейской конвенции. Законодательство Европейского союза может предусматривать стандарт защиты, который превышает минимальный уровень, требуемый Европейской конвенцией. В целях обеспечения такой защиты акты Европейского союза могут предусматривать различные определения религии и убеждений.

В целом, когда Союз определяет религию или убеждения, он закрепляет широкое определение. Например, для целей Директивы 2011/95 о квалификации граждан третьих стран для международной защиты религия включает в себя теистические, нетеистические и атеистические убеждения [23].

Тем не менее Директива 2000/78/ЕС ссылается на «религию или убеждения», но не предусматривает их определения [14]. Теоретически отсутствие такого определения не является существенной проблемой, поскольку указанную Директиву следует читать в соответствии с судебной практикой Европейского суда. На практике отсутствие определения может привести к тому, что правоприменитель будет ошибочно определять религию и убеждения ограничительным образом, предположительно в ущерб религиозным меньшинствам.

Можно сделать вывод, что Европейский суд и институты Европейского союза обычно принимают объективные и широкие определения убеждений, которые, видимо, соответствуют цели религиозной свободы, закрепленной в европейском праве. Однако неоднозначное определение веры, принятое Европейским судом, может потенциально ограничить религиозную автономию некоторых меньшинств.

Определение способов выражения религиозных убеждений. Хотя свобода религии прежде всего вопрос личной совести, она также подразумевает свободу исповедания. Следовательно, доктринальная автономия должна не только охватывать определение убеждений, как изложено выше, но и относиться к способам их выражения во вне.

Ни Европейский суд, ни Хартия не предусматривают определение «выражение религии или убежде-

ний». В решении по делу *«Эрроусмит против Великобритании»* Комиссия Европейского суда постановила, что только те действия лиц, которые выражают их убеждения, могут рассматриваться как проявление этих убеждений и защищаться ст. 9 Европейской конвенции [24]. Следовательно, в соответствии с этой судебной практикой, чтобы определить, защищен ли конкретный способ выражения религиозных убеждений ст. 9 Европейской конвенции, правоприменитель должен оценить, воплощает ли конкретная практика дух убеждения, на котором она построена.

Определение соответствия между способами выражения свободы религии и самой религией также не является неизвестным в рамках законодательства Европейского союза. Например, Директива 2000/78 о равном обращении в сфере занятости допускает отступления от ее положений о недискриминации в тех случаях, когда по причине характера деятельности, осуществляемой лицом, его или ее религия или убеждения представляют собой существенное профессиональное требование, законное и оправданное с точки зрения организации (ст. 4) [14]. Директива 2011/95/EU довольно четко воспроизводит позицию, изложенную в деле *«Эрроусмит против Великобритании»*, поскольку подтверждает, что этот акт защищает формы индивидуального или коллективного поведения, основанные на любых религиозных убеждениях или предписанные ими. Аналогичным образом Директива 93/119/ЕС о защите животных во время убоя или умерщвления [25] ссылается на методы убоя, требуемые определенными религиозными обрядами. К ним не применяются общие требования, применяемые к бойням.

Такое определение соответствия между убеждением и его внешним выражением представляется эффективным, поскольку оно позволяет государственным органам не защищать инициативы, не связанные с религией или убеждениями. Тем не менее это неоднозначное определение самих выражений религии или убеждений может приблизить Европейский суд к решению о том, требует ли религия какой-либо конкретной практики, т.е., по сути, к религиозно-доктринальному вопросу. Поэтому суд может ограничить доктринальную автономию религиозных организаций, ставя под сомнение толкование их религиозных практик. Очевидно, что такое вмешательство, вероятно, прежде всего, затронет религиозные меньшинства, поскольку практика основных религий хорошо известна.

Этот ограничительный подход к определению способов выражения религии или убеждений, по-видимому, был частично отвергнут Европейским судом в деле *«Лейла Сахин против Турции»* [26]. В нем суд неявно принял точку зрения заявителя относительно религиозного характера практики. В другом деле – *«Эвейда и другие против Соединенного Королевства»* [27] – суд должен был определить, вмешивалось ли государство-ответчик в свободу религии заявителей, запрещая им носить заметное распятие. То есть необходимо было уточнить, является ли видимое ношение креста проявлением религии или убеждений. Европейский суд прямо указал, что считает решение заявителем носить крест и

цепь на работе проявлением их религиозных убеждений и что отказ со стороны работодателей разрешить им оставаться на своих должностях, нося при этом крест, является вмешательством в их свободу исповедовать свою религию [27].

В этом деле суд уклонился от признания доктринальной автономии религиозных организаций, но не исключил из анализа вопрос о том, кто устанавливает соответствие между способом выражения религии и убеждением, определяется ли оно религиозными организациями или их последователями. В решении прямо говорится, что «настаивание госпожой Эвейда на ношении креста видимым образом на работе было мотивировано *ее желанием* (выделено мной. – А.И.) доказывать свою принадлежность к христианской вере... Суд считает, что поведение госпожи Эвейда представляло собой выражение *ее религиозных убеждений* (выделено мной. – А.И.) в форме поклонения, выполнения религиозных и ритуальных обрядов и подлежит защите согласно ст. 9». Более того, государство-ответчик ставило этот вопрос, а Национальные трибуналы прямо следовали подходу, согласно которому способ выражения религии устанавливается соответствующей религиозной организацией. Поэтому они пришли к выводу, что, поскольку видимое ношение креста не является частью доктрины какой-либо христианской церкви, оно не является проявлением религии или убеждений [27]. Несмотря на его достоинства, подход, которого придерживались национальные юрисдикционные органы, представляется дискуссионным. Он не нашел поддержки в Европейском суде и не подтверждается содержанием ст. 9 Европейской конвенции, которая гарантирует свободу религии или убеждений каждому и не подчиняет их проявление предписаниям какой-либо организации. Европейский суд смог продолжить разработку подхода, который он наметил в деле «*Лейла Сахин против Турции*», полностью признавая актуальность личных взглядов в этой области, даже если это подразумевает относительное игнорирование взглядов религиозных организаций и их автономии.

Оценка законности способов выражения религиозных убеждений. Последний проблемный аспект доктринальной автономии, рассматриваемый в настоящей работе, касается оценки легитимности религиозных доктрин. Способность религиозных организаций принимать решения и управлять своими внутренними религиозными делами будет затруднена, если органы государственной власти будут ставить под сомнение религиозную доктрину, регулирующую их управление. В соответствии с этой точкой зрения Европейский суд определил, что государственные органы не могут по своему усмотрению определять, являются ли религиозные убеждения или средства, используемые для выражения таких убеждений, законными [6].

Тем не менее Европейский суд позволил себе оценивать легитимность религиозных убеждений в отдельных делах, касающихся ислама и новых религиозных движений. В решении «*Рефах партиси (Партия благоденствия) и другие против Турции*» [28] суд подтвердил, что роспуск турецкой партии, выступающей за применение шариата, а в конечном итоге за

использование силы, был совместим с Европейской конвенцией, поскольку цели партии не могут быть согласованы с «фундаментальными принципами демократии» [28]. Это суждение подверглось критике, поскольку оно подразумевает, что шариат как таковой противоречит принципам секуляризма и равенства. Однако в этом случае оценку убеждений заявителя имеет смысл проводить исходя из действий руководителей заявителя и его суждений [29. С. 431–465].

В других решениях Европейский суд даже не пытался реконструировать убеждения заявителей. В своей прецедентной практике по вопросу о возможности носить в публичных местах исламский платок ЕСПЧ постановил, что одним из аргументов в пользу необходимости запрета на этот символ является невозможность примирения его с основными европейскими ценностями, такими как терпимость и недискриминация [26]. Суд не только подтвердил, что экстремистские убеждения несовместимы с демократией, но и предположил, что религиозные обряды, такие как ношение исламского платка, воплощают соответствующие убеждения.

Подобные предположения характеризуют юриспруденцию новых религиозных движений. В деле «*Лилы Фёрдеркрейс Э.В. Леела Фердеркрейс и другие против Германии*» [30] Европейский суд признал, что государствам-членам запрещено изображать религиозную группу клеветническим образом. Однако государство может назвать религию «сектой», даже если это определение содержит уничижительную ноту, когда оно стремится предоставить информацию, способную внести вклад в дебаты в демократическом обществе, и привлечь внимание к опасностям, исходящим от групп, которые обычно упоминаются как секты. Но ни государство-ответчик, ни Европейский суд не уточнили, какие опасности представляла организация заявителя.

Аналогичное суждение Европейский суд высказал и в другом недавнем деле «*Швейцарское движение разлитов против Швейцарии*», касающемся нового религиозного движения [31]. Как секция, так и Большая палата утверждали, что государство-ответчик может ограничить свободу выражения мнения заявителя, поскольку его убеждения вызывали обеспокоенность властей. Веб-сайт, ссылка на который находилась на запрещенных плакатах, содержал материал о поощрении клонирования человека, отстаивании «гениократии». Более того, национальные власти высказывали мнение о том, что литература и идеи движения разлитов могут привести к сексуальному насилию над детьми со стороны некоторых его членов. Эти причины, взятые по отдельности, не могли оправдать оспариваемый отказ, но в совокупности и с учетом всех обстоятельств дела ЕСПЧ счел допустимым запрет компании разлитов в целях защиты здоровья и нравственности, прав других лиц и предотвращения преступности. Примечательно, что суд предположил существование таких взглядов со стороны заявителя, приняв во внимание в этом отношении утверждения государства-ответчика.

Очевидно, что, предполагая существование недемократических взглядов со стороны верующих, суд косвенно обеспечивает оценку законности их религи-

озных убеждений. Эта оценка негативно влияет на способность религиозных организаций решать наиболее важный аспект их внутренних дел, т.е. их верование.

Таким образом, Европейский суд иногда допускает оценки легитимности религиозных убеждений. Возможно, это вмешательство в доктринальную сторону религиозной автономии особенно критично, когда характер таких убеждений четко не определен.

Оценка легитимности религиозных убеждений присутствует и в правовом поле Европейского союза, поскольку он одобряет или осуждает убеждения религиозных организаций, с которыми он взаимодействует.

Согласно ст. 17 (3) Договора о функционировании Европейского союза, Европейский союз должен поддерживать «открытый, прозрачный и регулярный диалог» с церквями и организациями [32]. Эта норма может показаться воплощением квинтэссенции религиозного плюрализма и перекликается со ст. 11 (2) этого акта о диалоге с (остальным) гражданским обществом, но ее реализация может повлечь за собой значительное вмешательство в доктринальную автономию религиозных организаций.

Положения ст. 17 (3) Договора о функционировании Европейского союза реализуется тремя способами. Во-первых, Европейская комиссия проводит неофициальные двусторонние встречи с религиозными и неконфессиональными организациями по запросу последних. Во-вторых, представители религий и неконфессиональных организаций осуществляют «семинары по диалогу» с лидерами и должностными лицами Европейского союза по отдельным темам. В-третьих, лидеры религиозных и неконфессиональных организаций участвуют во встречах на высоком уровне с президентами Европейской комиссии, Европейского совета и Европейского парламента.

Такая практика высоко оценивается отдельными религиозными организациями, хотя у нее и есть отдельные недостатки. Можно утверждать, что диалог, проводимый Европейской комиссией, не является полностью «прозрачным», как того требует ст. 17 (3) Договора о функционировании Европейского союза. Эта практика также не является полностью открытой, так как Европейская комиссия поддерживает отношения с религиозными или неконфессиональными организациями, которые «придерживаются европейских ценностей». Например, 7 ноября 2017 г. первый вице-президент Франс Тиммерманс провел ежегодную встречу высокого уровня с религиозными лидерами. Более того, Европейская комиссия не принимает автоматически предложения о семинарах-диалогах, которые она получает, и до сих пор она приглашала только представителей основных пяти мировых религий на заседания высокого уровня.

На практике Европейский союз сталкивается с проблемой. С одной стороны, он не может ни взаимодействовать с группами меньшинств, но так как это подразумевает поддержку их убеждений или игнорирование, то такое взаимодействие будет означать оценку законности их мнений и посягательство на их доктринальную автономию. Это означает, что Евро-

пейская комиссия может подвергнуться критике со стороны групп, которые, по ее мнению, не «придерживаются европейских ценностей», а также противников спорных групп, которые допущены к диалогу. Однако на практике такая критика носит довольно ограниченный характер. Возможно, это связано с тем, что Европейская комиссия, хоть и ведет диалог с некоторыми организациями, но не публикует их список.

Можно сделать вывод, что институты Европейского союза и Европейский суд при определенных обстоятельствах оценивают или допускают оценку религиозных убеждений. Такая оценка особенно проблематична в случае организаций, которые явно не поддерживают антидемократические взгляды. Некоторые религиозные движения подвергаются стигматизации в обществе из-за своих убеждений и практики, и если бы европейские институты присоединились к ним, автономия подобных групп была бы серьезно подорвана.

Некоторые выводы, применимые в России

Религиозная автономия в двух ее возможных проявлениях – внутреннего управления и доктринальная – непосредственно связана со свободой совести. Оба они защищены европейским законодательством, даже если эта защита не может рассматриваться как абсолютная. С одной стороны, религиозная автономия является неотъемлемой частью внешней формы проявления религиозных убеждений, а с другой – ее всеместная защита поставит под угрозу защиту прав других лиц. Но все же в условиях, когда практика европейских государств носит ограниченный характер, а правоприменительная деятельность Европейского суда не совсем последовательна, представляется, что европейские институты осознают важность религиозной автономии. Поэтому проблемы, связанные с ее реализацией, решаются органами власти прагматично, пытаясь сбалансировать ее с другими правами и законными интересами. Тем не менее уже сегодня на себя обращают внимание две проблемы. Во-первых, судебная практика Европейского суда по вопросу об автономии внутреннего управления религиозными организациями не является до конца последовательной и однозначной. Во-вторых, доктринальная автономия религиозных меньшинств недостаточно защищена. Определение веры и ее проявления, принятое европейских странах, может лишить отдельные группы меньшинств защиты. Кроме того, оценка легитимности религиозных убеждений, проводимая европейскими институтами, может делегитимизировать небольшие по количеству последователей и территориальному охвату деятельности вероучения, в отношении которых сложилось противоречивое общественное мнение, что будет препятствовать их доктринальной автономии.

Результаты проведенного исследования с выделением двух проявлений религиозной автономии применимы и к России. В нашей стране согласно ст. 15 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О свободе совести и о религиозных объ-

единениях» религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противостоят законодательству РФ, и обладают правоспособностью, предусмотримой в их уставах. Более того, государство уважает такие внутренние установления религиозных организаций. Юридическое значение термина «уважает» российским законом не определено. В практике Европейского суда этот термин означает нечто большее, чем признавать или принимать во внимание; в дополнение к первоначальному отрицательному значению оно также включает некоторое позитивное обязательство со стороны государства [20].

Более того, законом не определено понятие самих внутренних установлений религиозной организации. Доктрина и судебная практика обычно рассматривают в качестве таковых нормы религиозного права, положения локальных актов религиозной организации, обычаи, традиции. Но законодательно не содержится требований к форме внутренних установлений и перечню источников. Отсутствие четко закрепленных термина «внутренние установления» и правовых последствий категории «уважения» может создать трудности для контрагентов по гражданско-правовым сделкам с религиозными организациями [33], а для правоприменителя при разрешении конкретной ситуации требует нормативного уточнения.

Обращаясь к двум аспектам автономии религиозных объединений в России, можно отметить, что, как и в европейских странах, в нашей стране рассматривались дела о применении внутренних установлений в трудовых спорах. Подход отечественных судов носит явно более формализованный характер, учитывающий доводы истца и не исключающий изложенный выше сбалансированный подход. Например, отказывая гражданину К. в восстановлении на работе в должности певчего хора, суд Ленинского района г. Тамбова указал, что режим рабочего времени лиц, работающих в религиозных организациях, определяется исходя из режима осуществления религиозных обрядов. График богослужений в Псковском соборе является и графиком рабочего времени для лиц, от-

ветственных за исправное богослужение, в том числе и для певчих хора. Он составляется и вывешивается в соборе заблаговременно. Певчий хора подчиняется непосредственно регенту (руководителю) хора. В случае необходимости любой певчий имел полное право обратиться к регенту и испросить разрешение не присутствовать на службе [34].

Рассматривая доктринальную автономию религиозных объединений в России, можно отметить, что, как и в большинстве зарубежных стран, в России нет легального определения религии. Но в своей правоприменительной практике судебные органы оценивают религиозный характер организаций. Так, например, в Определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29.06.2016 № 5-АПГ16-30, которым была оставлена без удовлетворения апелляционная жалоба религиозного объединения «Саентологическая церковь Москвы» на решение о ее ликвидации, указано, что суд города Москвы согласился с выводами экспертизы, отметив в решении, что объединение фактически религиозную деятельность не осуществляет, а его деятельность носит не религиозный, а социальный характер, и не соответствует в полном объеме формам и методам, сведениям об основах вероучения.

Таким образом, религиозная автономия в России соблюдается как на уровне законодательства, так и на практике, но ее защита носит не абсолютный характер, а сбалансирована с другими правами человека и религиозных объединений. Пределы сопряжения внутренней религиозной автономии и внешнего государственного управляющего воздействия в России, формировавшиеся на протяжении длительного времени под воздействием ряда факторов (строительство идентификационной модели государственно-церковных отношений, сбалансированная судебная практика, учитывающая права и интересы человека и религиозных организаций, и высокая степень резистентности религиозной сферы в нашей достаточно воцерковленной стране [35]), проходят по линии благосостояния, благополучия и безопасности общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В силу того, что в правовых системах государств мира применительно к организационным формам отправления культа используются различные термины (англ. *religious association, religious organization, religious society* и пр.), в данной работе такие понятия, как религиозные организации, общества, объединения, сообщества и т.д., употребляются в том смысле, как они указываются в законодательстве соответствующих стран, если специально не оговорено иное. Понятие «религиозные объединения» используется как обобщающее для всех организационных форм отправления культа, если специально не оговорено иное.

ЛИТЕРАТУРА

1. European Court of Human Rights. Judgment of 25 May 1993. *Kokkinakis v. Greece*, Application no. 14307/88. Para. 31. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827> (дата обращения: 01.02.2020).
2. Mark E. Chopko, Moses Michael F. Freedom to be a Church: Confronting Challenges to the Right of Church Autonomy // *Georgetown Journal of Law & Public Policy*. 2005. Vol. 3, is. 2.
3. Charter of Fundamental Rights of the European Union 18.12.2000. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (дата обращения: 01.02.2020).
4. The European Court of Human Rights. Judgment of 13 December 2001. *Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*, Application no. 45701/99. Para. 46. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59985> (дата обращения: 01.02.2020).
5. Evans C.M., Hood A. Religious Autonomy and Labour Law: A Comparison of the Jurisprudence of the United States and the European Court of Human Rights // *Oxford journal of law and religion*. 2012. Vol. 1, is. 1.
6. The European Court of Human Rights. Judgment of 26 October 2000. *Hasan and Chaush v. Bulgaria*, Application no. 30985/96. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58921> (дата обращения: 01.02.2020).

7. The European Court of Human Rights. Judgment of 26 September 1996. Manoussakis and Others v. Greece, Application no. 18748/91. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58071> (дата обращения: 01.02.2020).
8. The European Commission of Human Rights. Judgment of 6 September 1989. Rommelfanger v. The Federal Republic of Germany, Application no. 12241/86. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-1010> (дата обращения: 01.02.2020).
9. The European Court of Human Rights. Judgment of 20 October 2009. Lombardi Vallauri v. Italy, Application no. 39128/05. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-95247> (дата обращения: 01.02.2020).
10. The European Court of Human Rights. Judgment of 23 September 2010. Obst v. Germany, Application no. 425/03. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100464> (дата обращения: 01.02.2020).
11. The European Court of Human Rights. Judgment of 20 September 2010. Schüth v. Germany, Application no. 1620/03. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100469> (дата обращения: 01.02.2020).
12. The European Court of Human Rights. Judgment of 3 February 2011. Siebenhaar v. Germany, Application no. 18136/02. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103249> (дата обращения: 01.02.2020).
13. Council Directive 93/104/EC of 23 November 1993 concerning certain aspects of the organization of working time. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31993L0104> (дата обращения: 01.02.2020).
14. Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/78/oj> (дата обращения: 01.02.2020).
15. The European Court of Human Rights. Judgment of 9 July 2013. Sindicatul «Păstorul cel Bun» v. Romania, Application no. 2330/09. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122763> (дата обращения: 01.02.2020).
16. The European Court of Human Rights. Judgment of 12 June 2014. Fernández Martínez v. Spain, Application no. 56030/07. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145068> (дата обращения: 01.02.2020).
17. Федотова Ю.Е. К вопросу об определении понятия «религия» и сопутствующих ему в российском законодательстве понятий // Язык. Право. Общество : сб. ст. IV Междунар. научн.-практ. конф. (г. Пенза, ПГУ, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, А.К. Дятловой, Н.А. Павловой. Пенза : Изд-во ПГУ Пенза, 2016.
18. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), Guidelines for legislative reviews of laws affecting religion or belief, CDL-AD(2004)028, 19 July 2004. URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282004%29028-e> (дата обращения: 01.02.2020).
19. The European Commission of Human Rights. Judgment of 10 March 1981. X. v. Germany, Application no. 8741/79. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73753> (дата обращения: 01.02.2020).
20. The European Court of Human Rights. Judgment of 22 March 1983. Campbell and Cosans v. United Kingdom, Application nos. 7511/76, 7743/76. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57454> (дата обращения: 01.02.2020).
21. The European Commission of Human Rights. Judgment of 14 July 1987. Chappell v. the United Kingdom, Application no. 12587/86. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-481> (дата обращения: 01.02.2020).
22. The European Commission of Human Rights. Judgment of 5 May 1979. X and Church of Scientology v. Sweden, Application no. 7805/77. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73995> (дата обращения: 01.02.2020).
23. Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32011L0095> (дата обращения: 01.02.2020).
24. European Commission of Human Rights. Judgment of 16 May 1977. Arrowsmith v. United Kingdom, Application no. 7050/75. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104188> (дата обращения: 01.02.2020).
25. Council Directive 93/119/EC of 22 December 1993. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31993L0119:EN:HTML> (дата обращения: 01.02.2020).
26. European Court of Human Rights. Judgment of 10 November 2005. Leyla Şahin v. Turkey, Application no. 44774/98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956> (дата обращения: 01.02.2020).
27. European Court of Human Rights. Judgment of 15 January 2013. Eweida and others v. the United Kingdom, Application nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10, 36516/10. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115881> (дата обращения: 01.02.2020).
28. The European Court of Human Rights. Judgment of 31 February 2003. Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey, Application nos. 41340/98, 41342/98, 41343/98 and 41344/98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936> (дата обращения: 01.02.2020).
29. Meerschaut K., Gutwirth S. Legal pluralism and Islam in the scales of the European Court of Human Rights: The limits of categorical balancing // Brems E. Conflicts between fundamental rights. Intersentia, 2008.
30. European Court of Human Rights. Judgment of 6 November 2008. Leela Förderkreis E.V. and Others v. Germany, Application no. 58911/00. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89420> (дата обращения: 01.02.2020).
31. European Court of Human Rights. Judgment of 13 July 2012. Mouvement raëlien suisse v. Switzerland, Application no. 16354/06. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112165> (дата обращения: 01.02.2020).
32. Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 01.02.2020).
33. Сергеев П.В. Правовое значение внутренних установлений религиозных организаций в регулировании коммерческих отношений // Право и экономика. 2016. № 9. С. 21–26.
34. Шахов М.О., Пчелинцев А.В., Загребина И.В. Внутренние установления религиозных объединений. М., 2017. С. 53–54.
35. Православная вера и таинство крещения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> (дата обращения: 01.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 марта 2020 г.

The Right to Religious Autonomy and the Case-Law of the European Court of Human Rights

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 239–249.

DOI: 10.17223/15617793/458/29

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: freedom of conscience; freedom of religion; religious autonomy; European Court of Human Rights; European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

In this study, the author addresses the problem of the definition and structure of the right to religious autonomy. The object of the study was the content of the two manifestations of this right that the author identified: internal governance and doctrinal autonomy in the practice of the European Court of Human Rights. The aim of this article is to determine the main areas of protection of the right to religious autonomy of religious associations and the positive experience applicable in the Russian Federation. The author describes the role of the right to religious autonomy, which is an integral part of pluralism in a democratic society and, therefore, acts as a center for protection provided by freedom of conscience. The study is based on the theoretical material of the works of both Russian

(P.V. Sergeev, Yu.E. Fedotova, M.O. Shakhov) and foreign (M.E. Chopko, M.F. Moses) researchers. The extensive law enforcement practice of the European Court of Human Rights and the regulations of the European Union are also used. The methodological basis of the study is dialectical, comparative legal, formal legal, and other methods. In particular, the use of the dialectical method helped to determine the content of the concept of the right to religious autonomy, to study the dynamics of the legal positions of the European Court of Human Rights regarding a “balanced approach” to protect the autonomy of the internal management of religious associations. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify correlations between the case-law of the European Court of Human Rights and acts adopted within the European Union. The use of the functional method made it possible to investigate the place and role of European institutions and the nature of their governing influence on the provision and protection of the right to religious autonomy to various religious associations, including those representing a religious minority. As a result, the author comes to the conclusion that religious autonomy in its two possible manifestations—internal governance and doctrinal autonomy—directly follows from the content of the powers of freedom of conscience. Both of the manifestations are protected by European regulations although such protection cannot be considered as absolute. On the one hand, the right to religious autonomy is an integral part of the external manifestation of religious beliefs; on the other, its universal protection will jeopardize the protection of the rights of others. Nevertheless, in a situation in which the governing influence of European states is limited and the enforcement practice of the European Court of Human Rights is not entirely consistent, it seems that European institutions are aware of the importance of the right to religious autonomy. Therefore, the authorities resolve problems associated with its implementation pragmatically, trying to balance it with other rights and legitimate interests.

REFERENCES

1. European Court of Human Rights. (1993) *Judgment of 25 May 1993. Kokkinakis v. Greece, Application no. 14307/88. Para. 31.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827>. (Accessed: 01.02.2020).
2. Chopko, M.E. Moses, M.F. (2005) Freedom to be a Church: Confronting Challenges to the Right of Church Autonomy. *Georgetown Journal of Law & Public Policy*. 3 (2).
3. EU. (2000) *Charter of Fundamental Rights of the European Union 18.12.2000.* [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf. (Accessed: 01.02.2020).
4. European Court of Human Rights. (2001) *Judgment of 13 December 2001. Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, Application no. 45701/99. Para. 46.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59985>. (Accessed: 01.02.2020).
5. Evans, C.M. & Hood, A. (2012) Religious Autonomy and Labour Law: A Comparison of the Jurisprudence of the United States and the European Court of Human Rights. *Oxford Journal of Law and Religion*. 1 (1).
6. European Court of Human Rights. (2000) *Judgment of 26 October 2000. Hasan and Chaush v. Bulgaria, Application no. 30985/96.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58921>. (Accessed: 01.02.2020).
7. European Court of Human Rights. (1996) *Judgment of 26 September 1996. Manoussakis and Others v. Greece, Application no. 18748/91.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58071>. (Accessed: 01.02.2020).
8. European Commission of Human Rights. (1989) *Judgment of 6 September 1989. Rommelfanger v. The Federal Republic of Germany, Application no. 12241/86.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-1010>. (Accessed: 01.02.2020).
9. European Court of Human Rights. (2009) *Judgment of 20 October 2009. Lombardi Vallauri v. Italy, Application no. 39128/05.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-95247>. (Accessed: 01.02.2020).
10. European Court of Human Rights. (2010) *Judgment of 23 September 2010. Obst v. Germany, Application no. 425/03.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100464>. (Accessed: 01.02.2020).
11. European Court of Human Rights. (2010) *Judgment of 20 September 2010. Schüth v. Germany, Application no. 1620/03.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100469>. (Accessed: 01.02.2020).
12. European Court of Human Rights. (2011) *Judgment of 3 February 2011. Siebenhaar v. Germany, Application no. 18136/02.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103249>. (Accessed: 01.02.2020).
13. EC. (1993) *Council Directive 93/104/EC of 23 November 1993 concerning certain aspects of the organization of working time.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31993L0104>. (Accessed: 01.02.2020).
14. EC. (2000) *Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/78/oj>. (Accessed: 01.02.2020).
15. European Court of Human Rights. (2013) *Judgment of 9 July 2013. Sindicatul “Păstorul cel Bun” v. Romania, Application no. 2330/09.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122763>. (Accessed: 01.02.2020).
16. European Court of Human Rights. (2014) *Judgment of 12 June 2014. Fernández Martínez v. Spain, Application no. 56030/07.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145068>. (Accessed: 01.02.2020).
17. Fedotova, Yu.E. (2016) [On defining the concept “religion” and related concepts in Russian legislation]. *Yazyk. Pravo. Obshchestvo* [Language. Law. Society]. Proceedings of the International Conference. Penza. 11–13 October 2016. Penza: Penza State University. (In Russian).
18. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). (2004) *Guidelines for legislative reviews of laws affecting religion or belief, CDL-AD(2004)028.* 19 July 2004. [Online] Available from: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282004%29028-e>. (Accessed: 01.02.2020).
19. European Commission of Human Rights. (1981) *Judgment of 10 March 1981. X. v. Germany, Application no. 8741/79.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73753>. (Accessed: 01.02.2020).
20. European Court of Human Rights. (1983) *Judgment of 22 March 1983. Campbell and Cosans v. United Kingdom, Application nos. 7511/76, 7743/76.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57454>. (Accessed: 01.02.2020).
21. European Commission of Human Rights. (1987) *Judgment of 14 July 1987. Chappell v. the United Kingdom, Application no. 12587/86.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-481>. (Accessed: 01.02.2020).
22. European Commission of Human Rights. (1979) *Judgment of 5 May 1979. X and Church of Scientology v. Sweden, Application no. 7805/77.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73995>. (Accessed: 01.02.2020).
23. EU. (2011) *Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32011L0095>. (Accessed: 01.02.2020).
24. European Commission of Human Rights. (1977) *Judgment of 16 May 1977. Arrowsmith v. United Kingdom, Application no. 7050/75.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104188>. (Accessed: 01.02.2020).
25. EC. (1993) *Council Directive 93/119/EC of 22 December 1993.* [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31993L0119:EN:HTML>. (Accessed: 01.02.2020).
26. European Court of Human Rights. (2005) *Judgment of 10 November 2005. Leyla Şahin v. Turkey, Application no. 44774/98.* [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956>. (Accessed: 01.02.2020).

27. European Court of Human Rights. (2013) *Judgment of 15 January 2013. Eweida and others v. the United Kingdom, Application nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10, 36516/10*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115881>. (Accessed: 01.02.2020).
28. European Court of Human Rights. (2003) *Judgment of 31 February 2003. Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey, Application nos. 41340/98, 41342/98, 41343/98 and 41344/98*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936>. (Accessed: 01.02.2020).
29. Meerschaut, K. & Gutwirth, S. (2008) Legal pluralism and Islam in the scales of the European Court of Human Rights: The limits of categorical balancing. In: Brems, E. (ed.) *Conflicts Between Fundamental Rights*. Antwerpen: Intersentia.
30. European Court of Human Rights. (2008) *Judgment of 6 November 2008. Leela Förderkreis E.V. and Others v. Germany, Application no. 58911/00*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89420>. (Accessed: 01.02.2020).
31. European Court of Human Rights. (2012) *Judgment of 13 July 2012. Mouvement raëlien suisse v. Switzerland, Application no. 16354/06*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112165>. (Accessed: 01.02.2020).
32. EU. (2012) *The Treaty on the Functioning of the European Union*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT>. (Accessed: 01.02.2020).
33. Sergeev, P.V. (2016) Legal significance of internal statutes of religious organizations in regulation of commercial relations. *Pravo i ekonomika*. 9. pp. 21–26. (In Russian).
34. Shakhov, M.O., Pchelintsev, A.V. & Zagrebina, I.V. (2017) *Vnutrennie ustanovleniya religioznykh ob"edineniy* [Internal Regulations of Religious Associations]. Moscow: Religioznaya organizatsiya Obrazovatel'naya organizatsiya vysshego obrazovaniya; Moskovskiy teologicheskii institut khristian very evangel'skoy. pp. 53–54.
35. VCIOM. (2019) *Pravoslavnaya vera i tainstvo kreshcheniya* [Orthodox Faith and the Sacrament of Baptism: Survey Results]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847>. (Accessed: 01.02.2020).

Received: 12 March 2020

И.В. Михеева, А.С. Логинова, Н.В. Пронина

РЕЖИМ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЕАЭС

Представлен сравнительный анализ законодательства стран – членов Евразийского экономического союза, определяющего режим перемещения культурных ценностей как разновидность таможенного режима. Делается вывод о несогласованности обеспечивающих реализацию данного режима норм национального законодательства стран – членов ЕАЭС между собой. Высказывается суждение о преждевременности внесения в российское таможенное законодательство положения о приоритетности норм права ЕАЭС, регламентирующих перемещение представляющих культурную ценность предметов.

Ключевые слова: культурные ценности; Евразийский экономический союз; перемещение культурных ценностей; таможенный режим; таможенные процедуры; разрешительные процедуры.

Культурные ценности и культурное достояние: значимость в интеграционном объединении

Вопрос о культурном достоянии как собственности Российского государства и общества требует особого внимания. Отсутствие в настоящее время объективной оценки стоимости культурно-исторического достояния (в отличие от национального богатства, которое составляется из основного капитала, материальных активов, домашнего имущества, леса, минерально-сырьевой и топливно-энергетической базы, интеллектуального потенциала) и непоследовательность правотворческой и правоприменительной практики создают трудности в обретении адекватной оценки достояния государства, с одной стороны, и в упорядочении оборота его предметов, с другой. К тому же включение объектов, составляющих культурное достояние России, в процессы экономического характера создает необходимость четкого законодательного обозначения регулятивных режимов ограничения оборота этих ценностей. Следует заметить, что развитие международного культурного сотрудничества, расширение туристических программ, увеличение миграционных потоков граждан в связи со сменой места жительства предопределяют активное перемещение культурных ценностей через таможенные границы государств и государственных объединений. Не всегда такой оборот арт-объектов, антиквариата, других предметов культурного достояния носит законный характер. Отмечается, что незаконный оборот культурных ценностей по доходности сегодня находится практически на одном уровне с незаконным оборотом оружия [1. С. 5]. Это подтверждает особую значимость таможенного контроля за перемещением культурных ценностей для сохранения и охраны последних.

К тому же в национальных нормативных актах о культуре, вывозе и ввозе культурных ценностей, о таможенном регулировании и т.п. речь идет в том числе о таких целях регулирования таможенной сферы, как предотвращение / препятствие незаконному вывозу и ввозу культурных ценностей (Россия, Армения, Казахстан), защита культурных ценностей и культурного наследия (Белоруссия, Киргизия). В то же время формирование единого порядка ввоза и вывоза культурных ценностей через таможенную границу связано с рядом проблем, наиболее серьезной из

которых является законодательная неопределенность устанавливаемых для культурных ценностей правовых режимов [2. С. 32]. В этой связи организация перемещения культурных ценностей через таможенную границу стран – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) (формирование комплекса требований и ограничений, обеспечение их реализации) с учетом последних изменений в таможенном законодательстве ЕАЭС и российском законодательстве требует как обобщения практической правоприменительной деятельности, так и теоретических исследований нормативной регламентации этой сферы.

Заметим, что в национальных актах стран – членов ЕАЭС, регулирующих таможенные отношения, используются термины «таможенный контроль», «таможенная процедура» (таможенные процедуры), «запреты и ограничения». В литературе рассматривается режим культурных ценностей. Правда, особенности правового режима культурных ценностей иногда неоправданно сужают до «отсутствия единого подхода к определению понятия культурных ценностей» [3]. Все же, думается, любой правовой режим, в том числе и культурных ценностей, не может отождествляться с терминологическим наполнением используемых в его рамках категорий (несмотря на безусловную важность этой технико-юридической компоненты). Теоретиками права и учеными-отраслевиками на этот счет высказаны аргументированные позиции, даны содержательные характеристики и определения правового режима как комплексного института права еще в 1990-е гг. Его рассматривают как «наличие известных ограничений или льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности» (С.С. Алексеев) [4. С. 186], как «особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий конкретную степень благоприятности либо не благоприятности для субъектов права» (А.В. Малько, Н.И. Матузов) [5. С. 14], как «институциональный и познавательный механизм установления нормативно-юридических правил поведения (деятельности), обязательных или рекомендательных, их обеспечения и реализации» (Ю.А. Тихомиров) [6. С. 380–381] и т.д. В любом случае установление правового режима связано с нормативным закреплением определенных правил, нормативов, запретов и ограничений, возможных льгот, условий взаимодействия участников

регулируемых правоотношений, а также инструментов, в определенной степени гарантирующих их исполнение возможностью применения мер принуждения и привлечения к ответственности нарушителя. Реализуемые в таможенной сфере режимы обеспечиваются средствами, которые включают таможенный контроль, помещение товара под ту или иную таможенную процедуру и т.д. В этом смысле мы можем говорить о режиме перемещения культурных ценностей (вывоза и ввоза их) как разновидности устанавливаемого таможенным законодательством надгосударственного и государственного уровня правового режима, как совокупности определенных правил, требований к поведению участников таможенных отношений, а также правовых средств, обеспечивающих их соблюдение.

Режим вывоза и ввоза культурных ценностей устанавливается актами законодательства разного уровня. Это акты каждой страны – члена ЕАЭС, международные договоры и заключенные в рамках интеграционного сообщества межправительственные соглашения. При этом в Приложении № 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе, подписанному в г. Астана 29.05.2014 г. (далее – Договор), в п. 38 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран и в п. 77 Протокола о единых правилах предоставления промышленных субсидий допускается возможность введения национальных ограничительных мер (требований) режима культурных ценностей. С одной стороны, это способствует защите имеющих ценность для национальной истории и культуры движимых предметов. С другой стороны, вносит некоторую терминологическую разрозненность и содержательную неоднозначность в режим их перемещения.

Неоднозначным является, например, толкование некоторых положений межгосударственных актов. В Консультативном заключении Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2017 № СЕ-2-2/2-17-БК «По заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» указывается на различие в подходах государств – членов Союза при толковании и применении пп. 1 и 3 ст. 29 Договора, обеспечивающих введение ограничительных мер во взаимной торговле товарами, к которым относятся и культурные ценности. В соответствии с этой нормой в ходе осуществления взаимной торговли при определенных условиях и в случае необходимости на национальном уровне могут быть введены ограничительные меры для охраны ряда позиций, включающих и культурные ценности (п. 1). Таким образом, допускается ограничение оборота некоторых категорий товаров (п. 3). Вопрос в том, кто может определять данные ограничения. Если при толковании п. 1 государства – члены ЕАЭС рассматриваются по отдельности, то в п. 3 подразумеваются меры, принимаемые государствами – членами Союза совместно.

Используя анализ европейского правового регулирования и практику Суда Европейского союза, Евразийская экономическая комиссия обратила внимание на необходимость ограничительного толкования рассматриваемой ст. 29 Договора о ЕАЭС исходя из

принципа свободного движения товаров. Была отмечена самостоятельность нормативных положений пп. 1 и 3 ст. 29 Договора о ЕАЭС, не предусматривающих прямого последовательного применения. Дискреция же государств – членов Союза в рамках применения п. 1 ст. 29 Договора во взаимной торговле товарами не признана безусловной, поскольку введение ограничений связано с обязательным наличием обозначенных в норме условий. Такого рода несоответствие национальных позиций, возникающее при толковании норм межгосударственных актов, требует тщательности национального регулирования в контексте соответствия его наднациональным правовым актам.

Важным представляется вопрос соотносимости международного и национального права. Поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 г. проясняют дискуссию о соотношении и приоритете норм Конституции и действия международных договоров на территории российского государства лишь при условии, что последние не противоречат Конституции России и не нарушают права и свободы российских граждан. В этом контексте изменения в законодательстве Российской Федерации о культуре и культурных ценностях, связанном с приоритетом права ЕАЭС при перемещении этих ценностей за рамки национальных границ на территории Евразийского экономического сообщества, требуют дополнительного анализа и правовой аргументации. К тому же условием успеха любого интеграционного объединения служит гармоничность законодательства, в том числе в сфере охраны и сохранения культурного достояния как совокупности культурных ценностей, что наблюдается, к сожалению, не всегда.

Говоря о режиме перемещения культурных ценностей, важно понимать, что он предполагает требования и условия, необходимые для соблюдения в ходе пересечения таможенной границы. При этом национальное и наднациональное (надгосударственное, на уровне ЕАЭС) регулирование таможенных отношений предполагают единство задач вводимого таможенного режима на территории Евразийского экономического сообщества при определенной специфике, различиях средств реализации его в рамках национальных территорий и национальной нормативной регламентации. Последняя имеет свои особенности по уровню (законодательный и подзаконный) установления обязательных требований и условий, содержанию их (по вывозу и ввозу, оформлению, оплате и пр.), наконец, по терминологической наполняемости нормативных актов (например, определение и критерии отнесения к культурным ценностям предметов различны). При таком разнообразии важным на сегодня представляется ряд моментов. Прежде всего, речь о приоритетах в правовом регулировании культурной сферы через призму таможенного законодательства.

Режим перемещения культурных ценностей в таможенном пространстве ЕАЭС: о приоритетах надгосударственного регулирования

Режим регулирования таможенной сферы (далее – таможенный режим) имеет двойственную природу. Прежде всего, он направлен на обеспечение экономи-

ческих интересов и безопасность конкретного государства. В то же время он предполагает создание наиболее оптимальных условий для перемещения через государственные границы товаров (предметов), в рамках экономических сообществ оптимизирует экономическое взаимодействие. Такая двойственность предопределяет особенности таможенных режимов, средств их реализации, наконец, формулируемые задачи их организационного и правового обеспечения. Более того, обращает на себя внимание и объемное содержание режима правового регулирования таможенных отношений. Сюда относят режим пограничной зоны, режим наибольшего благоприятствования, наконец, режим перемещения культурных ценностей и др. Такая содержательная множественность предполагает необходимость понятного для обывателя и специалиста технико-юридического терминологического оформления таможенного режима как такового. Динамика же его законодательной фиксации между тем такого единообразия не дает. В настоящее время термин «таможенный режим» не используется в действующем законодательстве надгосударственного уровня (Таможенный кодекс Евразийского экономического союза) и почти не используется на национальном уровне. Прежде всего, это объясняется принятием и действием с 1 января 2018 г. Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, в соответствии с нормами которого было приведено таможенное законодательство стран – членов ЕАЭС. И если ранее в Таможенном кодексе РФ (2003 г.) таможенные режимы выступали в качестве одного из элементов структурного блока о таможенных процедурах, то действующий сегодня Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (2010 г.), практически утратив силу, упоминания о подобного рода режимах не имеет.

Между тем это не отменяет существования таможенного режима как «особого порядка правового регулирования в таможенной сфере» [7. С. 305]. Более того, анализ действовавшего ранее таможенного законодательства, современного Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) и актуальных актов о таможенном регулировании стран – членов ЕАЭС позволяет отождествлять таможенный режим и таможенные процедуры даже при некоторых расхождениях в определении базовых законодательных категорий.

Так, если в доктрине правовой режим предполагает закрепленные в правовых нормах ограничения и запреты и т.д., то в ТК ЕАЭС таможенная процедура как раз определяется как совокупность норм, устанавливающих условия и порядок использования товаров на таможенной территории Союза или за ее пределами. Дается перечень таможенных процедур (ст. 127 ТК ЕАЭС) и форм таможенного контроля для обеспечения актов таможенного регулирования (ст. 322 ТК ЕАЭС). Последние предоставляют инструментарий обеспечения реализации таможенных процедур как таможенного режима. И на государственном уровне – если Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» фактически утратил свою силу с 1 января 2020 г., то в государствах – чле-

нах ЕАЭС подобного рода национальные акты еще сохраняются.

Закон Киргизской Республики «О таможенном регулировании» от 24 апреля 2019 г. № 52 не дает определения ни таможенного режима, ни таможенных процедур, ни таможенного контроля. Упомянется лишь о «правовом режиме зон таможенного контроля» (ст. 125), «режиме контроля доступа физических лиц» и «контрольно-пропускном режиме на территории свободного склада (ст. 226). Термины «таможенные процедуры», «таможенный контроль» употребляются без дублирования определения этих понятий, данных уже в ТК ЕАЭС. В то же время в законе «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» (Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2017 г. № 123-VI ЗРК с изм. от 10.01.2020) таможенная процедура, таможенный контроль и таможенные операции определяются, правда, аналогично ТК ЕАЭС, что также вполне оправдано. Сам же термин «режим» употребляется в контексте контрольно-пропускного режима свободной экономической зоны (ст. 283), правового режима временной зоны таможенного контроля (ст. 404), режима контроля доступа физических лиц на территорию свободного склада (ст. 516), таможенного режима выпуска товаров для свободного обращения в Республике Казахстан (ст. 554), таможенного режима выпуска товаров для свободного обращения или таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления (ст. 563).

То же можно сказать и о Законе «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10 января 2014 г. № 129-З (в ред. Закона от 19.06.2017 г. № 32-З). Базовые понятия, сформулированные в надгосударственном законодательстве, не дублируются здесь при очевидном отождествлении смысла употребления этих понятий в национальном акте. Есть статьи о формах и порядке осуществления таможенного контроля (раздел III), о таможенных операциях (разделы IV и V) и таможенных процедурах (раздел VI). О режиме речь идет лишь в рамках толкования термина «сооружение», где упоминается «режим контроля доступа физических лиц» (ст. 7). По такому же пути идет и законодатель Армении при регулировании таможенной сферы (Закон Республики Армения «О таможенном регулировании» от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 (в ред. Закона от 30.03.2018 г. № ЗР-264).

Таким образом, анализ использования в наднациональном и национальном законодательстве стран – членов ЕАЭС категорий «таможенный режим» и «таможенные процедуры» позволяет говорить об отождествлении их рассмотрения как совокупности правовых норм, устанавливающих обязательные требования и условия перемещения товаров на таможенной территории. Сами же таможенные процедуры выступают в качестве правового режима таможенной сферы (таможенного режима) и характеризуются наличием системы правовых средств, обеспечивающих создание и реализацию специфических таможенных правоотношений. Ограничения, запреты, льготы, обязательные требования и т.п. являются условиями помещения товаров, в том числе культурных ценностей, под определенную таможенную процедуру. Так, в

соответствии с Решением Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 (ред. 08.10.2019) культурные ценности помещаются под таможенные процедуры экспорта, временного вывоза, а также переработки вне таможенной территории в целях их ремонта (реставрации), реэкспорта и таможенного транзита. Особо оговаривается, что не допускается помещение культурных ценностей под таможенные процедуры свободной таможенной зоны, свободного склада и беспошлинной торговли.

На саммите Евразийского экономического союза в декабре 2019 г. обращалось внимание на существование подлежащих решению вопросов, связанных с различного рода ограничениями и изъятиями, характерными для любых экономических интеграционных объединений. Они приобретают особую актуальность на фоне непреходящей унификации законодательных ограничений странами ЕАЭС на национальном и на наднациональном уровне. Это относится к режиму перемещения культурных ценностей через границы стран – членов Евразийского экономического союза. Видим, что динамика национального таможенного законодательства может находиться в тесной связи с принятием межправительственных актов ЕАЭС. Это касается и «культурного» законодательства, регламентирующего особенности перемещения культурных ценностей через таможенную границу.

Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК) было принято Решение от 21 апреля 2015 г. № 30 (ред. от 08.10.2019 г.). Им было утверждено Положение, нормы которого регламентировали особенности вывоза культурных ценностей с таможенной территории ЕАЭС. Предполагалась возможность вывоза таковых за некоторым исключением на основании лицензии (для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) или заключения (для физических лиц). Заметим, что ряд зафиксированных в Положении моментов предполагает определенную дискрецию национального законодателя, например, право самостоятельно определять согласующим органам каждой страны (имеются ввиду государства – члены ЕАЭС) в рамках их полномочий сроков временного вывоза культурных ценностей.

На фоне принятого Решения ЕЭК № 30 усилилась динамика национального законодательства. В ноябре 2017 г. Парламент Республики Армения принял поправки к закону о перемещении культурных ценностей, заменив термин «свидетельство» на «заключение» (что соответствует виду документа, выдаваемого для вывоза культурных ценностей, обозначенного в Решении Коллегии Евразийской экономической комиссии № 30), сохранив без изменения процедуру его выдачи. В это же время в Армении был изменен порядок применения общих унифицированных кодов при ограничении вывоза культурных ценностей. Нескольким уточнено право соискателя получить документ от уполномоченных органов для предоставления при пресечении государственной границы при неограниченном перемещении культурных ценностей.

Существенные изменения в декабре 2017 г. были внесены и в российское законодательство. Это касается Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценно-

стей» от 15.04.1993 № 4804-1. Вступившими в силу 30 марта 2018 г. поправками упрощен порядок вывоза струнных музыкальных инструментов; введена процедура аттестации экспертов по культурным ценностям; обозначена возможность (по желанию заявителя) проведения экспертизы ввозимых предметов на предмет отнесения их к культурным ценностям и пр. Наиболее остро общественностью было воспринято положение о приоритетности права ЕАЭС в регулировании порядка перемещения культурных ценностей между государствами – членами Евразийского экономического союза и определения перечня ценностей, в отношении которых установлен разрешительный порядок вывоза.

Дело в том, что в соответствии с принятыми Государственной Думой РФ поправками в Закон о вывозе и ввозе культурных ценностей закреплён приоритет права ЕАЭС в регулировании порядка перемещения культурных ценностей между государствами – членами Евразийского экономического союза и перечня ценностей, в отношении которых установлен разрешительный порядок вывоза. В соответствии с п. 4 ст. 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сферах вывоза и ввоза культурных ценностей и архивного дела» от 28.12.2017 г. № 435-ФЗ разрешительный режим перемещения культурных ценностей регламентируется национальными правовыми нормами до принятия и вступления в силу межправительственного соглашения, которым предполагается урегулировать порядок ввоза и вывоза культурных ценностей через таможенную границу государств ЕАЭС (в том числе между этими государствами). Кроме того, в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса ЕАЭС Пленум Верховного Суда РФ дал некоторые разъяснения в своем Постановлении от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза». Речь идет о том, что положения Таможенного кодекса имеют приоритет перед иными регулирующими таможенные отношения международными договорами, входящими в право Союза, за исключением Договора. Между тем на соотношение уровней регулирования непосредственно вопросов перемещения культурных ценностей Постановление не указало.

В то же время законодательство других стран – членов ЕАЭС о культуре, включая и перемещение культурных ценностей, такого рода новелл, во всяком случае пока, не содержит. Так, в ст. 2 Закона Республики Казахстан «О культуре» от 15 декабря 2006 г. № 207-III, где дается представление о регулирующих данную сферу актов, речь идет лишь о Конституции Республики Казахстан и иных национальных нормативных правовых актах. Делается поправка еще на ратифицированные Республикой Казахстан международные договоры, правила которых применяются в случае, если ими устанавливаются иные правила, чем те, которые содержатся в национальном Законе. О том же говорит и анализ «Положения о порядке ввоза на территорию Киргизской Республики и вывоза за ее

пределы объектов культурных ценностей» (утв. Постановлением Правительства Киргизской Республики от 28 января 2003 г. № 36). Не исключением является и Белоруссия.

Возникает вопрос о своевременности введения в российское «культурное» законодательство новелл о приоритетности права ЕАЭС, когда речь идет о перемещении культурных ценностей через границы государств – членов ЕАЭС при отсутствии согласованности норм национального права стран – членов ЕАЭС как между собой, так и с правом ЕАЭС, действующим в этой сфере. Это сомнение усугубляется и правоприменительными коллизиями, которые тесно связаны с обширностью законодательной базы перемещения предметов, представляющих культурную ценность [8. С. 52]. Так, в аэропорту «Домодедово» сотрудники таможни задержали гражданина РФ, который при временном въезде в Россию на три дня не внес в декларацию оказавшуюся раритетом скрипку. При выезде из России у музыканта инструмент изъяли. Изъятая скрипка принадлежала швейцарскому фонду Maggini Stiftung. Сам музыкант ссылаясь на нормы российского права, регламентирующие перемещение музыкальных инструментов, в то время как должностные лица таможенных органов руководствовались правилами перемещения культурных ценностей в соответствии с правом ЕАЭС. Данная ситуация активно обсуждалась в СМИ и стала поводом для совещания Комитета Государственной думы по культуре в мае 2019 г.

Отметим, что Таможенный кодекс Евразийского экономического союза не содержит правил временного ввоза или вывоза культурных ценностей. Лишь ст. 260 ТК ЕАЭС говорит о необходимости обязательного декларирования культурных ценностей при перемещении их для личного пользования физическими лицами. В «Положении о вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов» (Приложение 8 к Решению ЕЭК № 30) отмечается, что при ввозе гражданин обязан заполнить декларацию и указать идентификационные признаки инструмента, а потом предъявить ее при вывозе. Исходя из норм права ЕАЭС, получается, что граждане РФ, которые де-факто временно ввозят на территорию страны культурные ценности, де-юре должны оформлять на таможне «постоянный ввоз», а при выезде из страны (даже если пребывание в России было весьма непродолжительным) пройти затратную по времени процедуру оформления вывоза культурных ценностей. Случаи, когда гражданин РФ въезжает / выезжает и при этом возит с собой иностранный музыкальный инструмент, вообще не урегулированы. Возникшая ситуация указывает на некоторую несогласованность норм российского «культурного» законодательства и права ЕАЭС, затрагивающих перемещение культурных ценностей, и требует более тщательного отношения законодателя к приоритетам надгосударственного регулирования. Думается, это становится актуальным и в связи с озвученной в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ

15 января 2020 г. позицией, которая нашла отражение в принимаемых поправках Конституции РФ о том, что требования международных норм могут действовать на территории России, если они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречат нашей Конституции.

Следует заметить, что, несмотря на оптимальную унификацию таможенного законодательства ЕАЭС и государств – его членов, позволяющего предположить единообразное понимание правового режима, устанавливаемого в таможенной сфере экономического сотрудничества, специальный режим перемещения культурных ценностей как разновидность таможенного режима пока подобной унификации не поддается. Существует очевидная разница национальных режимов перемещений культурных ценностей, обозначение которой важно для последующего приведения к единой системе средств правовых режимов, действующих в таможенной сфере на территории как отдельных государств, так и всего Таможенного союза Евразийского экономического союза (далее – ТС ЕАЭС). Любой правовой режим, в том числе и действующий в таможенной сфере, предполагает систему нормативно закрепленных обязательных требований. И если создавать единый таможенный режим перемещения культурных ценностей на территории ТС ЕАЭС, то важно понимать, что едины должны быть не только задачи, цели его установления, но и содержательные характеристики (временные, финансовые, терминологические и пр.).

Правовой режим в таможенной сфере и культурные ценности: неустойчивость регулирующего и реализации

Образование ЕАЭС было направлено на унификацию взаимоотношений, в первую очередь в сфере экономики. Между тем правовое регулирование ввоза и вывоза культурных ценностей значимо как для торговой, так и неторговой коллаборации стран – членов ЕАЭС, поскольку непосредственно затрагивает национальные интересы (и национальное богатство) каждой из стран. Факт консолидации нескольких государств в единое торгово-экономическое пространство подразумевает под собой идентичное регулирование большого круга вопросов и требует согласованности действий таможенных служб всех союзных государств ЕАЭС. Однако анализ правовых норм межгосударственных актов и актов государств – членов ЕАЭС говорит о разных подходах к нормативному закреплению режима перемещения культурных ценностей. Это касается как технико-юридических аспектов – различия в определении понятия «культурные ценности» [9. С. 69–74] и степени детализации режимных характеристик, так и формально-юридических – уровней правового регулирования и содержания нормативно закрепленных процедурных требований.

Законодательство о культуре и культурных ценностях (далее – культурное законодательство) стран – членов ЕАЭС представлено законами и детализирующими общие законодательные положения подзаконными актами. Правовые основы регулирования

культурной сферы в России и Республике Армения составляют соответственно «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и «Об основах культурного законодательства». В Республике Беларусь – это «Кодекс о культуре», а Республике Казахстан и Киргизстан – законы «О культуре». Специальные нормы содержатся в законах «Об охране и использовании историко-культурного наследия» в России, Казахстане и Киргизии.

При этом в разных актах, затрагивающих в ходе своего регулирующего воздействия перемещение культурных ценностей, присутствует некоторый «разнобой» регулирующих норм, который касается множественных элементов правового режима перемещения культурных ценностей через границы государств – членов ЕАЭС. Это затрагивает темпоральные аспекты режима (срок получения лицензии на вывоз ранжирется от нескольких дней до нескольких месяцев; различаются предельные сроки временного вывоза и проведения экспертизы), процедурные требования (предоставление культурных ценностей для осмотра – где всегда обязательно, где только при определенных условиях), материально-финансовое обеспечение (плата за проведение необходимых при вывозе культурных ценностей процедур – экспертизу и т.д.) и пр.

То же можно сказать и о наличии в каждой стране – члене ЕАЭС реестра предметов, подлежащих вывозу и представляющих культурно-историческую ценность; права оспаривать решения о выдаче разрешения и заключения экспертов и т.д. [10. С. 70–74]. Более того, сами обстоятельства вывоза и ввоза товара также могут получить разную правовую оценку, квалифицироваться, например, как недекларирование товаров, подлежащих таможенному декларированию, по установленной форме. За это предусмотрена административная ответственность. В то же время возможна и другая квалификация – как преступление (контрабанда), что соответственно влечет уголовную ответственность. Это в большой степени связано с отнесением / неотнесением товара к категории культурных ценностей, т.е. с проведением экспертизы культурных ценностей как части и условия действия разрешительного режима их перемещения.

Интересен в судебной практике и факт принадлежности одного предмета к холодному оружию и к культурным ценностям одновременно. По мнению лица, которое было привлечено к ответственности, обозначенный в решении таможенного органа «антикварный предмет, конструктивно сходный со шпалгой», не относится к категории культурных ценностей, и оценка предмета завышена. Оспаривались, таким образом, результаты проведенных таможенными экспертами экспертиз по определению вида оружия и товароведческой экспертизы. При этом в ходе обжалования судебного решения о привлечении гражданина РФ к ответственности по ст. 16.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) ставилась под сомнение компетенция таможенных экспертов по определению культурной ценности антикварных предметов и по определению вида оружия. В жалобе указывалось, что первая относится исключительно к полномочиям специалистов,

уполномоченных Министерством культуры РФ, а вторая – к компетенции органов внутренних дел [11].

Действительно, выявление в рамках таможенного контроля культурных ценностей, вывозимых без разрешительных документов, является основанием для назначения обязательной экспертизы приглашенным из Министерства культуры экспертом. Это связано с необходимостью оценить подлинность и стоимость культурной ценности, проверить разрешительные документы [12. С. 26]. В этом смысле важна последовательность действий должностных лиц таможенных органов. Между тем нарушение таможенными органами процедурных требований в ходе перемещения культурных ценностей также нередко фигурирует в судебных решениях. Например, несоблюдение требований, которые предъявляются к оборудованию системы двойного коридора в местах прибытия и убытия товаров на таможенную территорию ТС ЕАЭС, исключило возможность использовать результаты таможенного контроля в качестве доказательств совершения правонарушения и привели к отмене принятого постановления и прекращению производства по делу [13]. Эти Правила приняты Решением комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 259 и обязательны для исполнения (п. 17 Методических рекомендаций Федеральной таможенной службы России по организации и проведению таможенного досмотра (осмотра) до выпуска товаров от 04 февраля 2016 г. № 01-11/04772).

Приведенные примеры в первую очередь говорят о неустойчивости самой категории «культурные ценности», используемой в национальном и супранациональном регулировании. Иногда во вводной и мотивировочной частях судебного решения могут использоваться термины «предметы, представляющие культурную и историческую ценность», «предметы, обладающие культурной и исторической ценностью», а в резолютивной части просто «предметы административного правонарушения» [14]. В другом случае предметом административного правонарушения (по КоАП РФ) стал «кофейник металлический производства Товарищества Кольчугина», который в мотивировочной части судебного решения представлен как «имеющий культурно-историческую ценность... памятник материальной культуры России конца XIX века» и «редкий исторический артефакт» (это, кстати, продублировано и в резолютивной части) [15]. Кроме того, в судебных решениях, в некоторых случаях при указании на «критерии отнесения товаров, перемещаемых через таможенную границу, к товарам для личного пользования...», критерии отнесения к культурной ценности усечены (например, лишь временем создания) [16]. Нередко возникают и проблемы квалификации совершенного противоправного деяния. Таможенные органы согласно заключению экспертов могут усматривать в совершенном противоправном деянии уголовное преступление, а суд может вынести постановление о назначении административного наказания. Например, в одном из случаев на таможенном посту в рамках проведения таможенных операций было выявлено восемнадцать предметов, первоначально отнесенных к категории культурных

ценностей, но затем лишь восемь подтвердили свой статус [17].

В этой связи в странах ЕАЭС составляется перечень предметов, подлежащих запрету или ограничению к вывозу за национальные границы. В России и Казахстане есть государственные реестры, которые ведутся уполномоченными государственными органами исполнительной власти. В законодательстве Армении это – охранный список культурных ценностей, то же и в Киргизии. В Белоруссии есть список, где перечислены все ограниченные к вывозу за ее границы категории культурных ценностей. Исследователи предлагают унифицировать подобного рода перечни предметов, представляющих культурную ценность, и сосредоточить в специально созданной электронной базе. Это могло бы не только улучшить правовую информированность граждан для понимания алгоритма своего правомерного поведения, но и усовершенствовать информационное взаимодействие в полном соответствии с государственным курсом на цифровизацию государственного управления, повысив качество правоприменительной деятельности таможенных органов стран ЕАЭС [18. С. 326–327].

Определение содержания базового компонента режима – понятия культурных ценностей – можно отчасти объяснить традициями формирования этой категории с учетом исторических национальных особенностей каждой страны – члена ЕАЭС [4]. Остальные же требования, составляющие в комплексе режим перемещения культурных ценностей, делают запрос на единство нормативного регулирования и максимального единообразия в применении устанавливаемых запретов. Это связано с тем, что порядок вывоза представляющих культурную ценность предметов, в отношении которых правом Евразийского экономического союза установлен разрешительный порядок вывоза, дублируется в национальном законодательстве, но по-разному.

Разрешительный режим перемещения культурных ценностей в странах ЕАЭС: содержательная разрозненность

Культурные ценности подпадают под разрешительные административно-правовые процедуры, подлежат таможенному контролю и использованию всех режимных средств, применяемым к данной категории товаров. Если исходить из отождествления таможенных процедур с таможенными режимами и того, что в ходе перемещения культурные ценности помещаются под определенные таможенные процедуры, думается, можно вести речь о правовом режиме перемещения культурных ценностей как о таможенном режиме, который носит разрешительный характер. В этом случае разрешительные процедуры, обозначенные в национальных нормативных актах, должны быть единообразными, что пока практикой законодательства не подтверждается.

В соответствии с Законом РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804-1 вывоз физическими лицами предметов, представляющих культурную ценность, для личного пользования воз-

можен на основании заключения (выдается Министерством культуры РФ), а индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами – на основании лицензии (выдается Министерством промышленности и торговли РФ). Физические лица также обязаны подать при вывозе пассажирскую таможенную декларацию, в которой перечислить идентификационные признаки перемещаемой культурной ценности. Заметим, что российское законодательство не уточняет – собственник это должен быть или нет. Заключение и лицензия на вывоз культурных ценностей выдаются в каждом случае вывоза культурных ценностей. В обязательном порядке к заявлению прилагаются копия документа, удостоверяющего личность физического лица; оформленное должным образом экспертное заключение. Последнее должно содержать вывод о том, что представленный на экспертизу предмет относится к культурным ценностям, подпадающим под разрешительный порядок вывоза, установленный правом Евразийского экономического союза. Здесь же должен присутствовать список культурных ценностей в двух экземплярах с описанием; цветные фотографии в двух экземплярах; другие предусмотренные законом документы. Экспертиза культурных ценностей, таким образом, является основанием для выдачи разрешения на вывоз.

Обязательность предоставления разрешительных документов подтверждается практикой высших судебных инстанций. Так, Постановлением Верховного Суда РФ от 21.11.2019 г. № 39-АД 19-5 были оставлены без изменения судебные решения нескольких инстанций. Речь шла о привлечении к административной ответственности гражданки Российской Федерации по ст. 16.3 КоАП РФ за несоблюдение запретов и ограничений на вывоз товаров с таможенной территории ЕАЭС. Из материалов дела видно, что в ходе таможенных операций и таможенного контроля при передвижении товаров с таможенной территории ЕАЭС по международной товарно-транспортной накладной (CMR, от 27.09.2017 № 001), отправителем которых являлась гражданка К., была обнаружена издательская продукция религиозного назначения в количестве трех печатных изданий и одна икона с окладом. Из заключения таможенных экспертов следовало, что представленные предметы относились к категории культурных ценностей, для вывоза которых как товаров для личного пользования физическими лицами наличие заключения обязательно (Решение ЕЭК № 30). Гражданкой К. необходимых разрешительных документов на вывоз данных предметов с таможенной территории ЕАЭС представлено не было. Несоблюдение ею требований права ЕАЭС послужило основанием для привлечения ее к административной ответственности по законодательству РФ [19].

В настоящее время особенности перемещения культурных ценностей между самими странами – членами ЕАЭС являются очевидными и требуют некоторой согласованности на фоне неприятия пока соглашения о единых правилах. Формы разрешительных документов устанавливаются правом ЕАЭС, а вот сроки выдачи разрешения на вывоз культурных ценностей за пределы национальных границ стран ЕАЭС

варьируются от 2-х дней с момента обращения (Армения), 10 дней (Казахстан), двух недель (Киргизия) до 20 дней (Россия).

Определенное представление о различиях в национальных режимах вывоза культурных ценностей дают виды решений уполномоченного органа. Так, в Армении предмет – культурная ценность, не считающийся государственной собственностью, может: не подлежать вывозу; подлежать вывозу при условии регистрации в охранном списке культурных ценностей; подлежать вывозу на основании свидетельства на право вывоза; подлежать вывозу без свидетельства на право вывоза. Здесь же возможен «упрощенный» порядок вывоза и ввоза культурных ценностей – без свидетельства и фотографии (ст. 9 Закона Республики Армения «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 29 декабря 2004 г. № ЗР-176). При этом предусмотрено два режима временного вывоза культурных ценностей – не считающихся государственной собственностью (осуществляется по заявке с приложением экспертного заключения) и считающихся государственной собственностью (предусмотрен более широкий пакет документов).

Различны требования ко временным характеристикам режима перемещения культурных ценностей через границы стран – членов ЕАЭС. К примеру, кроме обозначенных сроков выдачи разрешений на вывоз различаются сроки проведения экспертизы предметов на принадлежность их к культурным ценностям. Поскольку экспертиза выступает ключевым элементом разрешительного режима перемещения культурных ценностей, то в каждой стране нормативно закрепляются процедуры ее осуществления. Осуществляют ее специальные эксперты, аттестацию которых в России, например, проводит Министерство культуры РФ (Постановление Правительства РФ от 28.02.2019 № 198 «Об утверждении Правил аттестации экспертов по культурным ценностям»). Как правило, это работники музеев, реставрационных организаций, архивов и т.п. По итогам проведенной экспертизы соискателю выдается либо справка о том, что предмет не является культурной ценностью, либо свидетельство, подтверждающее статус предмета как культурной ценности. Сроки проведения экспертиз, как правило, зависят от уровня сложности экспертных работ, а также объема материалов, представляемых для экспертного исследования. В России они не превышают 30 дней (Федеральный закон от 28.12.2017 № 435-ФЗ).

В Республике Беларусь такая экспертиза совмещается с процедурой оформления свидетельства на вывоз. Предельный срок ее проведения – 10 дней, в случае необходимости дополнительных документов – до одного месяца, достигая срока, определяемого для проведения экспертизы в России. В Казахстане первичная экспертиза культурных ценностей проводится по заявлению, которое направляется в экспертную комиссию, создаваемую местным исполнительным органом области (города республиканского значения, столицы). Осуществляется эта экспертиза в срок – 5 рабочих дней со дня регистрации заявления (Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2012 г. № 1474 «Правила проведения экс-

пертизы культурных ценностей, вывозимых и ввозимых в Республику Казахстан»). В Российской Федерации такое заявление о проведении экспертизы культурных ценностей физическим или юридическим лицом (это, кстати, может быть и властный орган: уполномоченный в этой сфере таможенный или иной правоохранительный в соответствии с п. 2 ст. 11.2 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей») направляется в Министерство культуры или его территориальный орган. Обязательно проведение экспертизы в Киргизии и Армении. В Армении действует специальный Центр экспертизы культурных ценностей при Министерстве образования, науки, культуры и спорта Республики Армения.

В ходе перемещения через национальные границы все представляющие культурную ценность предметы проходят процедуру таможенного декларирования. Физические лица заполняют таможенную декларацию с отметкой о наличии у них культурной ценности. Индивидуальные предприниматели и юридические лица представляют декларацию на товары и разрешительную документацию. Как правило, на национальной границе проводится осмотр культурных ценностей, а в случае необходимости может быть назначена таможенная экспертиза.

Таможенные органы Российской Федерации, как и в других странах ЕАЭС, уполномочены проводить экспертизу перемещаемых культурных ценностей. В структуре таможенных органов России есть специальный орган – Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление (далее – ЦЭКТУ), в филиалах которого и проводится экспертиза культурных ценностей, изделий религиозного назначения и предметов коллекционирования. Заметим, что статус данного органа неоднозначен. Так, участники внешнеэкономической деятельности в судебных заседаниях часто указывают на то, что организационная встроенность ЦЭКТУ в систему таможенных органов может создавать риски необъективного проведения экспертизы. Что касается непосредственно порядка проведения экспертных действий, то если в России эта экспертиза осуществляется при обязательном визуальном осмотре предмета (только по фотографии не допускается), то в Армении она проводится по фотографии.

Свои особенности имеет порядок подобной экспертизы в Киргизии и Казахстане. В Киргизской Республике на государственной границе обязательно предоставление справки об осмотре искусствоведом – экспертом, а в Республике Казахстан экспертиза производится экспертной комиссией. Это Комиссия по вывозу и ввозу культурных ценностей при местном исполнительном органе. Несколько отличается порядок осмотра предмета (культурной ценности) в Белоруссии, где к заявлению о перемещении культурных ценностей нужно приложить два экземпляра фотографии определенного размера. Может возникнуть и необходимость представить сам вывозимый предмет.

В России проведение экспертизы и оформление справки специально уполномоченным экспертом осуществляется в день обращения заявителя (за ис-

ключением случаев вывоза большого количества предметов) (Постановление Правительства РФ от 27.04.2001 № 322 «Об утверждении Положения о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей»). В Армении такое свидетельство (на право временного ввоза или вывоза) уполномоченный орган выдает в течение 2-х дней после обращения с заявлением. В Киргизии – это срок выдачи заявителю разрешения не может превышать три дня (Положение «О порядке ввоза на территорию Киргизской Республики и вывоза за ее пределы объектов культурных ценностей»). В Белоруссии и Казахстане этот срок составляет 10 дней и соответственно 10 «рабочих» дней со дня подачи заявления. При этом в Республике Беларусь в некоторых случаях предусмотрено увеличение этого срока до одного месяца.

К временным характеристикам режима перемещения культурных ценностей относится и предельный срок временного вывоза культурных ценностей. В России он устанавливается с его учетом и составляет пять лет. Аналогичный российскому Закон Республики Армения «О таможенном регулировании» от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 в специальной главе, посвященной временному вывозу, предполагает оформление такого вывоза по требованию декларанта, но не более чем на 1 год (ст. 220). Сходные сроки временного вывоза культурных ценностей за пределы страны в Казахстане и Киргизии – 6 месяцев.

Заметим, что несколько отличается и нормативная регламентация финансовой составляющей процесса проведения экспертизы культурных ценности для их перемещения. В России, Киргизии и Белоруссии обозначена платная основа проведения экспертизы культурных ценностей. Размер платы за нее в Российской Федерации для каждого заказчика экспертизы рассчитывается отдельно. На проведение экспертизы культурных ценностей в каждом случае составляется индивидуальная калькуляция затрат. В Республике Беларусь определен размер платы физическими и юридическими лицами за оформление и выдачу свидетельства о подлинности культурных ценностей в бюджет государства в зависимости от количества предметов. В Армении и Казахстане на законодательном уровне обязательность оплаты за проведение экспертизы вообще не фиксируется. Возможно, стоимость определяют экспертные организации. Услуги по проведению экспертизы и оформлению разрешения на право вывоза (пересылки) культурных ценностей оплачиваются и в Киргизии, где тарифы нормативно закрепляются в Постановлении Правительства Республики Киргизии по представлению Государственной комиссии при Правительстве по развитию культуры, и в Киргизской Республике, где согласуются с Министерством экономического развития, промышленности и торговли. В России, Армении, Белоруссии взимается еще и государственная пошлина за выдачу свидетельства на право вывоза или временного вывоза культурных ценностей.

Такое регулятивное разнообразие не соответствует необходимой комплексности правового режима перемещения культурных ценностей, которая предполагает схожесть режимных ограничений в разных странах единого таможенного пространства, терминологиче-

скую соотносимость и содержательную корреляцию нормативно-правового регулирования (по срокам, процедурам и пр.).

Заключение

Итак, ЕАЭС – организационная структура, где интеграционные процессы в рамках экономического, социального, культурного взаимодействия должны быть естественными для балансировки интересов стран, объединенных в одном экономическом сообществе, для гармонизации правового обеспечения этого взаимодействия, в том числе и сфере перемещения культурных ценностей как оптимального режима сохранения их. Сравнительный анализ законодательства Евразийского экономического союза и стран – его членов (1) позволяет рассматривать режим перемещения культурных ценностей в таможенном пространстве ЕАЭС как разновидность таможенного режима, который, в свою очередь, законодателем отождествляется с таможенными процедурами; (2) делает очевидной несогласованность обеспечивающих реализацию данного режима норм национального законодательства стран – членов ЕАЭС между собой. В этой связи, думается, логика модернизации законодательства о культуре, включая и культурные ценности в контексте правового режима их перемещения в таможенном пространстве экономического сообщества ЕАЭС, все же должна идти от частного к общему, а не наоборот.

Опережающее национальное регулирование общественных отношений, связанных с перемещением культурных ценностей каждой из стран – членов ЕАЭС и имеющих тенденцию к приобретению наднациональной природы в ожидании межправительственного соглашения о правилах такого перемещения, представляется несколько противоречащим общим тенденциям развития правового национального и наднационального регулирования. Во всяком случае для начала, возможно, требуется обобщение существующих различий в страновых режимах перемещения культурных ценностей, выявление их особенностей, точек совпадения или несовпадения, отграничения того, что можно и нужно унифицировать, и того, что необходимо оставить на усмотрение национального регулирования. Затем обобщенные факторы можно выстраивать в совместном наднациональном акте, обозначив векторы реформирования национального законодательства в регулируемой соглашением сфере. На последнем этапе возможны изменения в национальном правовом пространстве, не засоряя его «временными» актами, действующими в ожидании обремененной в нормативную форму межправительственной договоренности. Это позволило бы минимизировать присутствующую пока регулятивную неоднородность правовых режимов перемещения культурных ценностей в таможенном пространстве ЕАЭС и придать устойчивость интеграционным процессам внутри Евразийского экономического союза, предметом которых являются в том числе и культурные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устюжанина Л.В. Перемещение культурных ценностей через таможенную границу Евразийского экономического союза : учеб. пособие. М. : Русайнс, 2018. 136 с.
2. Ипатко Л.И. Актуальные вопросы перемещения культурных ценностей и антиквариата // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 2 (27). С. 27–32.
3. Бушманова А.В. Особенности правового режима культурных ценностей в РФ // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. С. 89–94.
4. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.
5. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы : понятие и виды // Право и политика: современные проблемы соотношения и развития // Правовая наука и реформа юридического образования: Право и политика: современные проблемы соотношения и развития : сб. науч. тр. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. Вып. 4. С. 12–21.
6. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998. 798 с.
7. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и практика. М., 2017. 528 с.
8. Корабельникова Д.Ю. Контрольные процедуры при перемещении культурных ценностей через таможенную границу Российской Федерации: идентификация возможных проблем // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 3. С. 50–56.
9. Михеева И.В., Логина А.С. Вариативность нормативного закрепления понятия «культурные ценности» в законодательстве ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 69–74.
10. Кадрин Д.К. Правовое регулирование перемещения культурных ценностей: вопросы унификации и гармонизации законодательства ЕАЭС // Сибирский научный вестник. 2016. № 2 (24). С. 70–74.
11. Решение № 7А-13/2018 от 18 января 2018 г. по делу № 7А-13/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9IH8TCWXw7Yq/> (дата обращения: 02.01.2020).
12. Брагин А.П. Выявление правонарушений путем перемещения культурных ценностей, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС при применении искусствоведческой и криминалистической экспертиз // Бюллетень инновационных технологий. 2018. Т. 2, № 4 (8). С. 25–28.
13. Решение № 7-42/2018 от 6 февраля 2018 г. по делу № 7-42/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V1KyZdXfXMHW/> (дата обращения: 20.11.2019).
14. Постановление № 5-377/2016 от 13 сентября 2016 г. по делу № 5-377/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. Суды общей юрисдикции. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/695phewHgmbl/> (дата обращения: 11.12.2019).
15. Постановление № 5-57/2015 от 17 августа 2015 г. по делу № 5-57/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. Суды общей юрисдикции. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TSMIQRksyYHR/> (дата обращения: 11.12.2019).
16. Постановление № 5-333/2017 от 1 июня 2017 г. по делу № 5-333/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GSVK8WIqyRQ/> (дата обращения: 11.12.2019).
17. Постановление № 5-798/2017 от 26 декабря 2017 г. по делу № 5-798/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. Суды общей юрисдикции. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VDGzFgJDUAUm/> (дата обращения: 11.12.2019).
18. Ларина Р.Н., Ся Х. Государственный контроль над оборотом культурных ценностей: недостатки и способы их устранения // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики : сб. науч. тр. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. 2019. Т. 1. С. 325–328.
19. Постановление Верховного Суда РФ от 21.11.2019 № 39-АД19-5. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21112019-n-39-ad19-5/> (дата обращения: 08.01.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 февраля 2020 г.

Regime for the Movement of Cultural Property in the EAEU

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 250–260.

DOI: 10.17223/15617793/458/30

Irina V. Mikheeva, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: imikheeva@hse.ru

Anastasia S. Loginova, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: aloginova@hse.ru

Natalya V. Pronina, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Yuridicheskoye Soprovozhdeniye & Audit Co. (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: n.pronina@ursa-lawyer.ru

Keywords: cultural values; Eurasian Economic Union; movement of cultural values; customs regime; customs procedures; licensing procedures.

The article discusses the peculiarities of moving cultural values across customs borders of the Eurasian Economic Union (EAEU). The introduction of restrictive regimes for the export and import of cultural values is determined, on the one hand, by the desire of states to activate integration processes for the development of economic, social, and cultural interaction, and, on the other hand, by the aim to preserve their cultural heritage. The aim of the study is to identify comparative characteristics of national regimes of moving cultural property and determine their correlation with similar supranational rules. The article includes an analysis of the EAEU member states' "cultural" legislation (Russia, Belarus, Kyrgyzstan, Armenia, and Kazakhstan) and the EAEU intergovernmental acts such as the Treaty on the Eurasian Economic Union with Annexes. The authors also review the judicial practice of Russian courts, the advisory opinion of the Court of the Eurasian Economic Union and decisions of the Eurasian Economic Commission. The methodological basis of the article consists of genetic and structural-functional approaches; analysis and synthesis; special formal legal and comparative legal methods. The analysis of supranational regulation of moving cultural values allows drawing attention to the ambiguity of the EAEU law connected with the subjects that introduce the restrictions of moving certain goods, including cultural values, in the territory of the Union. It is against this background that the increasing importance of the systemic correlation of national restrictive norms is shown. Meanwhile, there are differences in the temporal aspects of the regimes (the period for obtaining an export license is from several days to several months; there are different deadlines for temporary export and examination), in procedural requirements (provision of cultural values for inspection could be obligatory or necessary only under certain conditions), in financial support (payment for carrying out the necessary procedures for the export of cultural values such as examination, for example), etc. The authors note that the content of the permissive regimes for moving cultural values across national borders is disjointed. In the context of the ambiguity of supranational legislation, it is expedient to make a judgment about the prematurity of introducing rules on the priority of the EAEU law regarding the procedure for the export and import of cultural values across the Russian state border into the legislation of the Russian Federation. This judgment is supported by amendments to the Constitution of the Russian

Federation on the conditions for the application of international standards in the territory of Russia. In this regard, an algorithm for minimizing regulatory diversity in the movement of cultural values within the EAEU is proposed.

REFERENCES

1. Ustyuzhanina, L.V. (2018) *Peremeshchenie kul'turnykh tsennostey cherez tamozhennuyu granitsu Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Moving Cultural Values across the Customs Border of the Eurasian Economic Union]. Moscow: Rusayns.
2. Ipatko, L.I. (2017) Current issues of cross-border movement of cultural property and antiques. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii – Academic Bulletin of the Russian Customs Academy, Rostov Branch*. 2 (27). pp. 27–32. (In Russian).
3. Bushmanova, A.V. (2008) Peculiarities of the legal regime of cultural values in the Russian Federation. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 74–1. pp. 89–94. (In Russian).
4. Alekseev, S.S. (1989) *Obshchie dovoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (1996) *Pravovye rezhimy: ponyatie i vidy* [Legal regimes: concept and types]. In: *Pravo i politika: sovremennyye problemy sootnosheniya i razvitiya* [Law and Politics: Modern problems of correlation and development]. 4. Voronezh: Voronezh State University. pp. 12–21.
6. Tikhomirov, Yu.A. (1998) *Kurs administrativnogo prava i protsess* [Course in Administrative Law and Process]. Moscow: Yurinformsentr.
7. Boltanova, E.S., Zdorovtseva, A.A. & Zolotova, O.A. (2017) *Administrativno-pravovyye rezhimy v gosudarstvennom upravlenii v Rossiyskoy Federatsii: teoriya i sovremennaya praktika* [Administrative and Legal Regimes in Public Administration in the Russian Federation: Theory and Modern Practice]. Moscow: Kontrakt; Infra-M.
8. Korabel'nikova, D.Yu. (2016) Control procedures of cultural property transfer across the customs border of the Russian Federation. *Upravlenie investitsiyami i innovatsiyami*. 3. pp. 50–56. (In Russian). DOI: 10.14529/iimj160308
9. Mikheeva, I.V. & Loginova, A.S. (2019) Regulatory fixation variability in the concept of “cultural values” in the EEU legislation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 1. pp. 69–74. (In Russian).
10. Kadriya, D.K. (2016) Legal regulation of cultural values movement: the problem of unification and harmonization of EEU legislation. *Sibirskiy nauchnyy vestnik – Simbirsk Scientific Journal Vestnik*. 2 (24). pp. 70–74. (In Russian).
11. Sudact.ru. (2018) Decision no. 7A-13/2018 of 18 January 2018 in Case no. 7A-13/2018. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/9IH8TCWxw7Yq/>. (Accessed: 02.01.2020). (In Russian).
12. Bragin, A.P. (2018) Identification of offenses by crossing the cultural values moved through the customs border of the Eurasian economic union by using artistic and criminalistic expertises. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologiy – Bulletin of Innovative Technologies*. 4:2 (8). pp. 25–28. (In Russian).
13. Sudact.ru. (2018) Decision no. 7-42/2018 of 6 February 2018 in Case no. 7-42/2018. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/V1KyZdXfXMHw/>. (Accessed: 20.11.2019). (In Russian).
14. Sudact.ru. (2016) Resolution no. 5-377/2016 of 13 September 2016 in Case no. 5-377/2016. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/695phcWHgmb/>. (Accessed: 11.12.2019).
15. Sudact.ru. (2015) Resolution no. 5-57/2015 of 17 August 2015 in Case no. 5-57/2015. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/TSMIQRksyYHR/>. (Accessed: 11.12.2019).
16. Sudact.ru. (2015) Resolution no. 5-333/2017 of 1 June 2017 in Case no. 5-333/2017. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/GSVK8WIqyRQ/>. (Accessed: 11.12.2019).
17. Sudact.ru. (2017) Resolution no. 5-798/2017 of 26 December 2017 in Case no. 5-798/2017. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/VDGzFgJDUAUm/>. (Accessed: 11.12.2019).
18. Larina, R.N. & Xia, H. (2019) [State control over the circulation of cultural values: shortcomings and ways to eliminate them]. *Klasternye initsiativy v formirovaniye progressivnoy struktury natsional'noy ekonomiki* [Cluster Initiatives in the Formation of a Progressive Structure of the National Economy]. Proceedings of the 5th International Conference. Vol. 1. Kursk. 17–18 March 2016. Kursk: ZAO “Universitetskaya kniga”. pp. 325–328. (In Russian).
19. Legalacts.ru. (2019) Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 21 November 2019 no. 39-AD19-5. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21112019-n-39-ad19-5/>. (Accessed: 08.01.2020).

Received: 19 February 2020

Т.Ф. Яцук

ОТ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА СССР: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУКИ И УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В 1917–1940-е гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00523).

Показаны преемственность и новации, наблюдаемые в процессе трансформации науки и учебной дисциплины «История русского права» в «Историю государства и права СССР» в период 1917–1940-х гг. После отрицания традиции изучения русского права с середины 1930-х гг. началось ее восстановление. Издание в 1940 г. и 1948 г. двух частей учебника «История государства и права СССР», утвердивших новую концепцию, содержание и методологию, оценено как завершение формирования отрасли научного знания и учебной дисциплины.

Ключевые слова: история русского права; история государства и права; история науки; советское государство; юридическая наука; юридическое образование.

Историко-правовой компонент занимает важное место в юридической науке, представляя, с одной стороны, самостоятельную предметную область, а с другой – ретроспективно отражая эволюцию правовых норм, институтов и отраслей. Современная наука и учебная дисциплина «История государства и права России» аккумулирует часть такого научного знания, ограниченного хронологическими и территориальными рамками. Нынешнее наименование она получила совсем недавно, пройдя до этого несколько периодов в своем развитии. Выделение самобытной доктрины новой науки, за которой закрепилось название истории русского права, состоялось, по оценке М.Ф. Владимирского-Буданова, достаточно поздно. В XVIII и начале XIX в. она входила в общий состав курсов русской истории. Татищев, Шлецер, Щербатов, Карамзин и другие ученые «занимались изданием памятников древнерусского законодательства, большей частью относясь к ним как к курьезам, достойным любопытства» [1. С. 34]. Институционализация науки истории русского права, обогащение предмета, формирование исследовательских направлений продолжалось до революционных событий 1917 г., с наступлением которых закончился ее первый период. В рамках следующего – советского периода возможно выделение нескольких самостоятельных этапов. Первый этап связан с трансформацией всех гуманитарных и социальных наук, их адаптацией к новым политическим реалиям. Завершенность этого процесса, выраженной в формализованных и качественных показателях, позволяет установить верхнюю границу этапа, которая может несущественно отличаться применительно к отдельным отраслям, в нашем случае она отграничена концом 1940-х гг., чему будет дано соответствующее обоснование.

Парадоксально, но ученые, занимающиеся проблемами истории государств и права, недостаточно сделали для изучения истории своей науки. При отсутствии работ обобщающего содержания имеются публикации, посвященные генезису отдельных научных школ, творчеству видных ученых. Неоднократно переиздавались ставшие классическими труды по истории русского права: М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.В. Тарановского, С.В. Юшкова. Научная и методи-

ческая деятельность специализированных кафедр, академических подразделений, профессоров и научных сотрудников отражена в трудах по истории отдельных университетов, юридических факультетов и научных институтов правового профиля.

Вместе с тем специально не изучался процесс замещения науки и учебной дисциплины, изначально имевшей название «История русского права», другими дисциплинами, продолжавшийся в течение 1917–1940-х гг. Целью работы является всестороннее рассмотрение данного процесса, заключающееся в установлении институциональных форм, в рамках которых могла развиваться историко-правовая доктрина; в выделении его отдельных этапов и обосновании завершенности; анализе трансформации предмета и методологии науки и учебной дисциплины, за которой в итоге закрепилось новое название – «История государства и права СССР».

Исследование основано на научных работах по истории государства и права, опубликованных документах, архивных материалах. При анализе источников, формулировании положений и обосновании выводов использовались нарративный, сравнительно-правовой и институциональный методы.

Институциональные основы трансформации истории русского права в историю государства и права СССР

В отечественной традиции организации научной деятельности и профессиональной подготовки высокого уровня постепенно сложились две институциональные формы: Академия наук и университет. Их создание относится к XVIII в. В 1724 г. в Петербурге образована Академия наук, в ее состав входил университет, который проработал с 1726 по 1767 г. Академический университет насчитывал небольшое число слушателей, не имел четкой административной структуры и других атрибутов, присущих европейским университетам [2. С. 635]. В российских условиях именно университеты надолго стали центрами юридической науки и образования. Учрежденные по типу европейских, а в большей степени – немецких университетов, они воспроизводили гумбольдтовскую идеологию

скую и теоретическую модель, сохранившую значение вплоть до настоящего времени [3. С. 594].

Со второй четверти XIX в. на университетских кафедрах различного профиля формируется и развивается историческое направление изучения права. В сентябре 1829 г. в Берлин на обучение к профессору Ф.К. Савиньи была отправлена группа способных молодых ученых. Методология исторической школы права нашла в русском обществе благоприятную почву для распространения. «Сам характер действовавшего законодательства толкал русских правоведов в направлении расширения историко-правовых исследований в рамках отраслевых юридических дисциплин» [4. С. 318]. Начинается преподавание курсов, непосредственно посвященных формам права и истории русского законодательства.

Общий Университетский устав 1863 г., принятый в период либеральных реформ, существенно расширил – с 7 до 13 – перечень кафедр юридических факультетов. Среди них значилась и кафедра истории русского права. Ее создание вписывалось в общий контекст расширения теоретико-правовой и историко-правовой направленности юридического образования, дифференциации и специализации научных исследований в рамках профильных кафедр: истории философии права; истории важнейших иностранных законодательств, древних и новых; истории славянских законодательств. Преподавание истории русского права в разных университетах продолжалось в течение двух-четырех семестров при еженедельной нагрузке по предмету до четырех часов в неделю. Содержание курса концентрировалось вокруг изучения источников права «для каждого отдельного периода исследуемой истории права» [5. С. 2].

Кроме того, в виде самостоятельных дисциплин изучались не только такие, чьи названия совпадали с наименованиями указанных кафедр, но и, например, история римского права, византийское право. Впоследствии уже в советский период этот опыт был оценен как позитивный и предлагался как заслуживающий применения для восстановления должного значения историко-правовой подготовки.

После революционных событий 1917 г. институциональные структуры организации юридической науки и образования формально сохранились, но претерпели количественные и качественные изменения.

Социальные и гуманитарные науки были выведены из Академии наук и сконцентрированы в Социалистической академии (создана в 1918 г.), а после ее переименования в 1924 г. – в Коммунистической академии наук. В 1925 г. в ее составе учреждается Институт советского строительства, которому передается вся юридическая проблематика. Для ускоренной подготовки ученых и преподавателей, поддерживающих революционные изменения, в 1921 г. был открыт Институт красной профессуры (ИКП). Сходные задачи возлагались на Институт советского права (учрежден 19 ноября 1920 г.), который первоначально базировался в МГУ, а в 1924 г. передан в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Ни Институт советского права, ни Институт красной профессуры практически не вели

исследований в области истории права, не готовили по этой специальности аспирантов. Так, Институт советского права принимал аспирантов по трем секциям: государственно-административного, уголовного и хозяйственно-трудового права [6. С. 162]. Аналогичные программы предлагало правовое отделение ИКП, открытие которого состоялось только в 1927 г. [7. С. 157]. Большинство его слушателей выбирало в качестве специализации государственное право.

По замыслу организаторов именно в Институте советского строительства должна была формироваться основанная на новых марксистских методологических принципах история права. Однако даже перечень наименований подразделений академии свидетельствует, что историко-правовая проблематика как самостоятельное направление научных исследований не обозначалась. Если для самодержавия концептуальные принципы исторической школы права и обоснование существующих государственно-правовых ценностей посредством обращения к историческому прошлому входили в актуальный идеологический арсенал, то советская политическая доктрина отрицала практическую значимость исторического правового опыта. Нивелировалась ценность изучения истории права, поскольку само право интерпретировалось как регулятор общественных отношений, присущий эксплуататорским обществам. Поэтому для проведения историко-правовых исследований не создавалось обособленного структурного подразделения ни в Институте советского строительства, ни в Институте советского права.

Наиболее близкой тематикой занималась секция права и государств, входившая в состав Института советского строительства. Именно на ее заседании 20 декабря 1927 г. был заслушан доклад С.В. Юшкова «К вопросу о методологии истории права» с подзаголовком «История права и марксизм».

В начале 1930-х гг. в условиях декларируемого «реконструктивного» периода изменилась государственная политика в области науки и высшего образования. Усиливается централизация государственного управления наукой, проводится оптимизация бюджетных расходов по ее финансированию. Несмотря на возражения научной общественности, в мае 1930 г. было проведено объединение институтов юридической профессии. Вновь созданное учреждение получило название Институт советского строительства и права ЦИК и ВЦИК при Коммунистической Академии (ИССП). Отдельной секции, связанной с историко-правовой проблематикой, в его составе не выделялось.

Истории права не нашлось места не только в академическом учреждении, но и в университетах. Вскоре после революции было принято решение о закрытии юридических факультетов. Вместо них с 1919 г. в некоторых университетах открываются факультеты общественных наук (ФОНы). В 1921 г. упраздняются исторические и филологические факультеты. Обучение по этим направлениям также передается на ФОНы, которые в итоге объединяют все гуманитарное образование. Обучение на ФОНах продолжалось всего три года, причем половину этого срока занимало изучение дисциплин, общих для всех студентов факультета. В

итоге резко сократилась профессиональная подготовка в области права. Закрылись многие кафедры, среди них и кафедры истории русского права, прекратилось преподавание аналогичной дисциплины.

Отсутствовал не только организационный, но и личностный транзит науки из дореволюционного периода в советский, который наблюдался, например, в римском праве или уголовном праве и криминологии, где остались старые профессора и преподаватели. Если ранее выпускник юридического факультета университета имел все условия, чтобы хорошо освоить историю русского права, студенты советских вузов долгое время такой возможности были лишены. Юриспруденция рассматривалась как часть обществоведения. Поэтому главное внимание уделялось предметам, имеющим определенную идеологическую направленность.

Учебный план на 1920/21 учебный год, по которому должны были заниматься юристы в Томском университете, ввиду отдаленности региона, основывался на прежних образовательных практиках. В качестве основных курсов здесь значилась общая теория и история права, история Рима, спецкурс по истории Сибири и практические занятия по истории Византии. В блоке специальных дисциплин указывались: история русского права, история русской философии, история права новых (европейских) народов, история германского права, история социально-политических учений [8. С. 67–68].

Очередная реорганизация высших учебных заведений, проведенная в условиях новой экономической политики, оказала двойственное воздействие на юридическое образование. Позитивный результат состоял в том, что эклектичные по наполнению учебными дисциплинами ФОНы упразднялись, на их основе в структуре университетов создавались самостоятельные факультеты, в том числе и факультеты советского права. Это значительно улучшило организационные условия проведения научных исследований в области юриспруденции. Негативные последствия заключались в еще большем сокращении сети вузов, осуществляющих юридическую подготовку. Факультеты советского права остались только в Московском и Ленинградском университетах. ФОН старейшего в Сибири Томского университета был закрыт, но в Иркутском университете, как более молодом и, соответственно, более подходящем по замыслу организаторов вузе [9. С. 175], был образован факультет права и местного хозяйства. Аналогичный факультет создавался в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского. В учебных планах, утвержденных уполномоченным органом – Государственным ученым советом – для факультетов советского права МГУ и ЛГУ, факультета права и местного хозяйства Иркутского университета и факультета права и хозяйства Саратовского университета, историко-правовые дисциплины присутствовали. Так, в МГУ с 1926 г. читались два таких курса – «История классовой борьбы на Западе» и «История классовой борьбы в России», которые были общими для всех студентов факультета. Кроме того, в зависимости от отделений (так называлась специализация) предлагалось еще

несколько курсов. Например, будущим международникам (это был цикл в рамках государственно-административного отделения) предлагалась «История внешних сношений». На хозяйственно-правовом отделении изучалась «История институтов частного права», а на судебном – «История институтов публичного права». Преподавание истории политических и правовых учений осталось только на государственно-административном отделении. В ЛГУ распределение студентов по отделениям отодвигалось на последний – четвертый курс. Немного отличались и названия дисциплин: «История классовой борьбы XIX и XX вв.»; «История правовых институтов». Вопросы теории государства и права входили в дисциплину, которая в МГУ называлась «Основы Советской Конституции в связи с марксистским учением о праве и государстве», а в ЛГУ – «Общая теория права в связи с основами Советской Конституции» [10. С. 436–438]. Схожие учебные курсы присутствовали в образовательных программах подготовки юристов Иркутского и Саратовского университетов. Впоследствии, в 1940 г., Б.И. Сыромятников, проанализировав учебные планы 1926–1930 гг., назвал такие дисциплины, включавшие хоть какую-нибудь историческую компоненту, «суррогатами» [11], не упомянув при этом, что к их преподаванию вузы перешли вынуждено.

Очевидно, что по сравнению с дореволюционным периодом произошло существенное «обеднение» исторической подготовки будущих юристов. Они могли получить только некоторое представление по истории общественного развития и отдельных правовых институтов. Учитывая кадровый состав преподавателей, отсутствие учебников и основательных учебно-методических разработок по предлагаемым дисциплинам, говорить о системном обучении истории прав не приходится.

В изменившейся в начале 1930-х гг. государственной политике в сфере высшего образования стали доминировать утилитарные цели, задаваемые определенными ведомствами. Так, факультеты советского права выводились из структуры университетов, преобразовывались в специализированные вузы, подчиненные наркомату юстиции. Состоявшаяся реорганизация не способствовала повышению интереса к изучению истории права. Напротив, она сопровождалась заявлениями быстрее отойти от немецкой университетской традиции, имевшей целью формирование юридического мировоззрения, к новой модели, настроенной на освоение марксистско-ленинской методологии и приобретение практических приемов разрешения правовых вопросов [12]. Фактическая реализация мероприятий по оптимизации юридического образования привела к его почти полному упадку. В 1933–1935 гг. ежегодный выпуск дипломированных юристов составлял 300–400 человек [13. С. 39], сопоставимый показатель 1917 г. был выше более чем в 10 раз.

В середине 1930-х гг. принимается ряд важных партийных и правительственных решений, которые завершили процесс встраивания науки и образования в систему советского государства. На официальном уровне формулировались задачи для отдельных отраслей, выделялись ресурсы для их реализации, обеспечивался государственный патернализм.

На изменение отношения к истории права непосредственно повлияло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Не относясь непосредственно к историко-правовому знанию, оно задавало параметры предметной области дисциплин исторического содержания. Публично был оценен не только идеологический (что понималось и ранее), но и фундаментальный методологический и культурологический потенциал историко-правовых наук, а также их важная роль в профессиональной подготовке юристов. Обозначен переход от «обществоведческого» уклона, который был неизбежен при рассмотрении истории классовой борьбы или правовых институтов, к наполнению истории права конкретными событиями, фактами, реконструируемыми, в том числе, на основе источников права.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» впервые четко регламентировало и унифицировало правила приема в вузы, организацию учебного процесса, пределы и механизм государственного управления вузами.

Перестраивалась система академических научных учреждений. В середине 1930-х преодолен организационный дуализм, когда одновременно действовала и Коммунистическая академия, и Академия наук СССР. В 1935 г. был принят новый Устав Академии наук СССР, а в 1936 г. ей переданы научно-исследовательские институты, входившие ранее в Коммунистическую академию. Институт советского строительства и права после ряда реорганизаций и переименований получил название Института права АН СССР. Формой организации научных отраслей становились отделения. Среди первых восьми отделений, образованных в январе 1938 г., было отделение экономики и права. Учеными отмечается, что «после ряда социальных экспериментов» к концу 1930-х гг. была в основном сформирована новая модель организации науки и ее кадрового воспроизводства, сохранившая свои существенные черты вплоть до настоящего времени [14. С. 154].

Выдвижение новых политических задач, формирование актуального научного и образовательного тренда привели к важным организационным изменениям, благоприятствующим развитию историко-правовых наук. Так, 13 сентября 1936 г. в составе Свердловского юридического института была учреждена кафедра истории государства и права. Первым заведующим был назначен С.В. Юшков. Позднее, уже после возвращения юридического образования в стены университетов, аналогичная кафедра была создана в МГУ.

В 1938 г. Управление учебных заведений НКЮ (Наркомюст, руководящий ведомственный орган) разработало новый учебный план. Хотя его внедрение в связи с начавшейся войной удалось осуществить не в полной мере, документ отражает представление о желательной дидактике юридического образования. План включал следующие дисциплины теоретико-правового и историко-правового блока: «Теория государства и права» и «История государства и права зарубежных стран» (они были введены несколько раньше), две новые – «История государства и права

народов СССР» и «История политических учений». Итак, после длительного перерыва курсы историко-правового содержания вновь возвращались в программы подготовки юристов. Первоначально запроектированное наименование «Истории государства и права народов СССР» в дальнейшем неоднократно подвергалось корректировке, но сама дисциплина, отражающая возникновение и развитие государственно-правовых процессов, отношений, институтов и норм в границах советского, а затем российского государства, которое признает правопреемство с историческими предшественниками, сохраняется в современных образовательных программах.

Формирование предмета и метода науки и учебной дисциплины

В начале советского периода произвольный набор небольших по объему дисциплин, касающихся отдельных сюжетов истории государства и права, не позволял системно ставить и разрешать вопросы, связанные с их предметом и методами. Однако уже в 1927 г. С.В. Юшков в докладе «К вопросу о методологии истории права. (История права и марксизм)» и опубликованных на его основании тезисах эти вопросы по меньшей мере обозначил и в какой-то степени наметил варианты их рассмотрения.

С.В. Юшков писал: «Вопрос о характере, объеме и содержании истории права как самостоятельной науки, является совершенно неразработанным в юриспруденции». Избегая строгого определения предмета науки, он полагал, что нужно изучать и отношения, и нормы, и историю правовых учений. Марксистская история права должна была следовать за марксистской теорией права, которая давала необходимые понятия, и марксистской социологией права, которая изучала правовые явления. В совокупности теория права и социология права, примененные в марксистской интерпретации, создавали базис для формирования истории права.

Обращаясь к вопросам методологии будущей науки, С.В. Юшков утверждал, что соединение метода диалектического материализма с марксистской теорией права «влечет за собой необходимость установления не только эмпирической, но и причинной связи между правовыми нормами и производственными отношениями: то есть история права из описательно-догматической дисциплины превращается в науку казуальную» [15]. Предполагалось, что такой прием существенно расширит предмет истории права, не будет ограничиваться изучением законодательных памятников, чем преимущественно занималась дореволюционная наука, а станет выявлять и анализировать реально складывающиеся правовые отношения, исследовать их эволюцию под влиянием экономических и социальных факторов. В итоге изменится объем, содержание и хронологический охват существовавшей до сих пор истории права.

Метод диалектического материализма как основа историко-правового изучения, по мнению С.В. Юшкова, расширял возможности сравнительно-исторического метода, что в итоге позволяло сопоставлять

правовые нормы, институты в рамках различных правовых систем или в хронологическом разрезе.

Отдельно докладчик остановился по связи истории права с другими науками, подчеркнув сближение со смежными историческими дисциплинами, в особенности с так называемой всеобщей историей. Но в истории права производственные и социально-экономические отношения изучаются только как предпосылки для возникновения правовых институтов, т.е. они выступают как средство, а не самостоятельная цель исследования [15]. Положения, сформулированные в тезисах, были развернуты и обоснованы в других работах С.В. Юшкова.

Во второй половине 1930-х гг. активизируется институционализация науки и учебной дисциплины, призванной заменить историю русского права. Современными исследователями выбор ее наименования относится к «одним из первых по актуальности и масштабности вопросов» [16. С. 4]. От его разрешения зависит и определение предмета, и его содержательное наполнение.

Если тезисы С.В. Юшкова 1927 г. еще воспроизводят понятие «история права», то учебный план для юридических институтов 1938 г. вводит новое обозначение – «История государства и права народов СССР». Смена терминологии была симптоматична, она отражала новые идеологические запросы не столько к наименованию, сколько к содержанию дисциплины. Появление конструкции «государство и право», именно в такой очередности расположения слов, а не наоборот – «право и государство», означало этатизацию дисциплины, приоритетное рассмотрение тем, касающихся государственного аппарата, при одновременном сведении права к законодательству и обозначении его как производного от деятельности государства. В процессе состоявшихся впоследствии обсуждений данная часть формулировки, а именно «история государства и права», не вызвала возражений и сохранилась до сих пор, по меньшей мере для обозначения учебной дисциплины.

Вторая часть формулировки, указывающая, история какого государства и права подлежит изучению, воспринималась не столь однозначно, хотя для ее появления имелся ряд обстоятельств. Во-первых, указание на «народы СССР» подчеркивало федеративную, многонациональную природу советского государства. Во-вторых, уже получило апробацию в так называемой гражданской истории. Например, программы для поступающих в Институт красной профессуры по истории, советскому строительству и праву на 1930 / 31 учебный год включали раздел «Программа и литература по истории народов СССР и истории ВКП(б)» [17. С. 152].

Название дисциплины являлось не единственной проблемой. Потенциальным авторам будущего курса предстояло разрешить несколько принципиальных, взаимосвязанных методологических вопросов, а именно: определить предмет науки и учебной дисциплины; уточнить хронологические и территориальные рамки курса; выбрать методы исследования; систематизировать и структурировать по единым критериям историко-правовой материал. Осложняющим обстоя-

тельством в советский период являлось отсутствие серьезных разработок по истории государства и права как концептуального, так и доктринального характера, малочисленность и фрагментарность публикаций, прекращение выпуска учебной и методической литературы, хотя бы в виде переиздания классических трудов и сборников законодательства.

Первое обсуждение этих проблем в рамках академического сообщества состоялось 26 июня 1940 г. в Институте государств и права АН. Со вступительным словом выступил Б.И. Сыромятников, один из ведущих специалистов в области истории права. В 1938 г. по совокупности опубликованных трудов ему была присвоена степень доктора юридических наук. Используя общепринятую лексику, он заявил, что «на нашем правовом фронте не все еще обстоит благополучно. Особенно это относится к историко-правовым дисциплинам» [18]. В качестве подтверждающих аргументов Б.И. Сыромятников указал на ряд фактов: после революции не проводились конференции по историко-правовой тематике; у преподавателей и студентов университетов отсутствовал интерес к изучению права; низким качеством характеризовались учебные программы, которые к тому же постоянно переделывались; в советский период не было написано ни одного учебника, поэтому «студенты чувствуют себя весьма беспомощно и принуждаемы даже по указанию преподавателей пользоваться старыми учебниками» [18]. Недостатки научного и методического содержания предмета усугублялись острым дефицитом квалифицированных кадров, поэтому нередко историко-правовые курсы читались не специалистами.

Очевидно, что Б.И. Сыромятников и другие участники не могли прямо и откровенно озвучить причины, по которым историко-правовая наука оказалась в таком тяжелом положении. Однако, даже проявляя максимальную осторожность, выступавшие проговаривались о добровольном уходе или изгнании из университетов старой профессуры, занимавшейся историей русского права, об объединении гуманитарных и социальных наук в некий симбиоз обществоведения. Предлагалось впредь учитывать дореволюционную традицию, и особенно положительный опыт организации изучения и преподавания истории права после принятия Университетского устава 1863 г., как время, «наивысшего расцвета постановки исторических дисциплин» [18].

Основная цель заседания 26 июня 1940 г. заключалась в обсуждении программы курса «История государства и права народов СССР», которую составил С.В. Юшков. Сохранившаяся стенограмма отразила длительную и острую дискуссию. С.В. Юшков стремился построить свой курс, опираясь на категории классовой сущности государства, соотношения базиса и надстройки. Программа подверглась критике со стороны многих участников. С развернутыми возражениями выступил С.А. Покровский, после чего прозвучали взаимные упреки в недостаточном овладении марксистской методологией. В качестве аргументов стороны пытались обратиться к первоисточникам, упоминая такие известные работы, как письмо К. Маркса И. Вендемейеру от 5 марта 1852 г., в кото-

ром затрагивалась тема диктатуры пролетариата, и письмо Ф. Энгельса К. Шмидту, где говорилось о соотношении базиса и надстройки.

Дискуссия показала, что все выступавшие, поддерживали необходимость интеграции в историю права понятий о классовой природе государства и права; о предопределенности права экономическими отношениями; о закономерностях развития права как элемента надстройки; о возможности и степени влияния надстройки на базис. Однако в сами понятия могли вкладывать разное содержание. Несогласие вызвала и предложенная С.В. Юшковым периодизация. Автор резонно возразил, что и сам не считает ее безупречной, но высказался против огульной критики, верно заметив, что «нужно приводить конкретные указания о том, как желательно улучшить эту периодизацию» [18].

Принципы и методика построения курса «Истории государства и права народов СССР» рассматривались на заседании редакционной коллегии журнала «Советское государство и право», созданном 2 декабря 1940 г. Вел его И.Т. Голяков, председатель Верховного Суда СССР, совмещавший этот ответственный пост с научной работой во Всесоюзном институте юридических наук. Предметом обсуждения стал опубликованный С.В. Юшковым конспект лекций, который был подготовлен на основе текста учебника. Конспект был оперативно напечатан по просьбе дирекции Правовой академии, поскольку студенты, особенно заочники, вообще не имели подходящих учебных материалов для изучения дисциплины. Поэтому, как считал С.В. Юшков, к изданию нельзя предъявлять больших претензий, к тому же оно изначально должно было иметь пояснение, что выпускается на правах рукописи [20]. Рецензентом как опубликованного конспекта, так и исходной более подробной рукописи выступил С.А. Покровский. Он отметил противоречивость и ошибочность некоторых утверждений, допущение некритических заимствований у буржуазных авторов, упомянув, в частности, труды В.Н. Латкина. С.В. Юшков, отстаивая значимость своего труда, напомнил, что учебники по истории права не издавались с 1918 г., а учебника по истории государства и права народов СССР не было совсем [20].

Несмотря на сохранявшиеся среди ученых разногласия, официально была поддержана целесообразность выпуска учебника. В итоге в 1940 г. с авторством С.В. Юшкова был издан первый учебник по истории государства и права СССР. Соответственно названию определялся предмет науки и учебной дисциплины, закреплялся отход от его ограничения историей русского права. Заслуженно отмечается и признается огромный вклад С.В. Юшкова в создание теоретических основ историко-правовой науки [19. С. 122].

До начала Великой Отечественной войны продолжалась концептуальная разработка курса, который теперь предлагался под двумя названиями: «История государства и права народов СССР» и «История государства и права СССР». Анализ учебных программ вузов, где преподавались эти дисциплины в 1939/40 и 1940/41 учебных годах, проведенный Б.И. Сыромятниковым и А.А. Берковым, был представлен для обсуждения в Институте права АН 8 апреля 1941 г. По-

скольку подходящая для сопоставления более ранняя советская практика отсутствовала, новые программы сравнивались с программами Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов, что, как заявил выступивший с первым докладом А.А. Берков, «чрезвычайно любопытно» [20]. Он отметил описательность дореволюционных программ, отсутствие привязки материала к датам и памятникам права, рассмотрение каждой отрасли права отдельно от другой. Советские программы, в его оценке, тоже имеют существенные недостатки: игнорируется принятая марксистской наукой периодизация развития человеческого общества на территории СССР; как и в дореволюционных программах, отсутствует взаимосвязь отдельных элементов; «история братских народов нашего Советского Союза по этой программе входит в виде какого-то принудительного ассортимента, какого-то привеска» [20]. Собственно последнее обстоятельство – необходимость интегрировать в единый курс хронологически несовпадающие государственно-правовые процессы, происходящие на территории СССР, вызвало наибольшее расхождение мнений. Однако изучение содержания дискуссии, приводимых аргументов, позволяет сделать однозначный вывод – формирующаяся учебная дисциплина будет изучать историю государственно-правового развития многонационального советского народа. Нижняя хронологическая граница курса сместится ко времени возникновения рабовладельческих государств Закавказья и Средней Азии. Сам курс и, соответственно, программу предлагалось начать с темы «Основы периодизации истории государства и права народов СССР». Второй теме – «Основные виды исторических источников» тоже рекомендовалось придать теоретическое значение [20].

Необходимо отметить, что обсуждаемые программы готовились Управлением учебных заведений наркомата юстиции, т.е. достаточно узким кругом лиц. А.А. Берков считал, что программа должна быть результатом коллективного творчества. Возможно, такая работа с привлечением юридической общественности и была бы организована, но этому помешала война.

Начало серьезным преобразованиям в юридическом образовании положило постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». В отличие от предыдущих официальных актов, которые относились в целом к науке и высшему образованию, это было первое политическое решение, посвященное исключительно юридической сфере. В концептуальном плане оно развивало и конкретизировало применительно к одной отрасли набор мероприятий, призванных завершить формирование советской модели организации науки и высшего образования, а также, что особенно важно, обращало внимание на качественное наполнение уже созданных институций. Постановление подтвердило перспективность начавшегося еще в период Великой Отечественной войны восстановления юридических факультетов, поэтому в дальнейшем расширение юридической подготовки намечалось осуществлять исключительно путем учреждения юридических факультетов в действующих и вновь открываемых университетах. Высшее

юридическое образование вновь стало пониматься как фундаментальное, университетское, что соответствовало отечественной образовательной традиции. В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. отмечался недостаток квалифицированных преподавателей по юриспруденции и, как следствие, низкий уровень обучения. Говорилось также о запущенности научно-исследовательской деятельности, отсутствии серьезных трудов и учебников по ряду дисциплин, в том числе и по истории государства и права СССР.

Восстановление юридических факультетов в университетах актуализировало необходимость полноценного преподавания историко-правовых дисциплин. Юридические факультеты, как ранее в университетах Российской империи, должны были закладывать основы юридического мировоззрения.

С 1947/48 учебного года для юридических факультетов университетов и юридических вузов вводился новый учебный план, направленный на подготовку юристов широкого профиля и специализацию там, где это представлялось возможным. В плане закреплялся перечень обязательных к изучению дисциплин, среди которых значилась «История государства и права СССР», такое название оставалось за ней до конца советского периода.

Учебник С.В. Юшкова выдержал четыре издания (четвертое уже посмертно вышло в 1961 г.). Однако он охватывал только дореволюционный период. Вторая часть, посвященная истории советского государства и права, под редакцией А.И. Денисова вышла в 1948 г. К его написанию были привлечены научные сотрудники Всесоюзного института юридических наук, подготовившие разделы по отдельным отраслям права. Учебник отличается высокой информативностью даже в сравнении со многими современными изданиями. Например, подробно, понятно и объективно изложены такие вопросы, как первые судебные преобразования советской власти; проведение национализации; административно-территориальные и хозяйственные реформы середины 1920-х гг., реализуемые в формате районирования, а также другие темы.

Учебники, особенно первая часть, демонстрировали существенную преемственность с курсами по истории русского права. При этом произошло изменение предмета, что прослеживается по следующим позициям. Во-первых, исходя из названия, потребовалось расширение территориальных и хронологических рамок за счет рассмотрения генезиса государства и права у народов, вошедших в состав Российской империи и (или) СССР. Во-вторых, несмотря на признание равнозначности изучения государства и права, истории государства отводилось больше места. В-третьих, хотя в целом сохранилась традиция изучения права на основании его источников, зачастую они сводились только к законодательству, которое, в свою очередь, трактовалось расширительно, что позволяло включать в него любые нормативные акты, исходящие от государственных властных органов. В-четвертых, вводилась единая периодизация возникновения и развития государства и права. Вопрос о принципах периодизации оставался в числе наименее разработанных, но выделяемые периоды старались совместить со сменой истори-

ческих типов государства и права, соответствующих определенным общественно-экономическим формациям. Применительно к советскому времени, где выделялось несколько хронологически непродолжительных периодов, их содержание соотносилось с изменениями в государственной политике. В-пятых, декларировалась приверженность марксизму, методам диалектического и исторического материализма, при этом в реальном наборе исследовательских приемов активно использовался позитивизм.

Самостоятельную тему представляла взаимосвязь учебных дисциплин историко-правового содержания. Инициативу вновь проявил С.В. Юшков. В 1949 г. он опубликовал тезисы «Об основных принципах построения курсов по истории государства и права». Ученый подготовил их, будучи сотрудником Всесоюзного института юридических наук, а сами тезисы были утверждены заместителем директора Института Н.Г. Александровым для последующего обсуждения на ученом совете. Предлагалась следующая структура курсов: глава о предмете, задачах и методах дисциплины, включая историографию и общесторический обзор; источники познания права; общественное устройство; политический строй; государственное устройство; высшие и местные органы власти; военное, финансовое устройство; суд; история права (вещного, обязательственного, семейного, наследственного, уголовного, судебного) [21. С. 1–7]. Сформулированные С.В. Юшковым предложения не получили практической реализации, не стали основой для написания учебников в новых форматах. Можно высказать гипотезу, что на такой результат не рассчитывал и сам автор, скорее ему было важно заявить о значимости историко-правовой проблематики для Всесоюзного института юридических наук, научным сотрудником которого он стал. Тезисы не содержали принципиально новых идей, во многом повторяли положения, уже известные по предыдущим работам.

Ключевое значение имело издание обеих частей учебника по истории государства и права СССР. Их публикацию можно оценивать как завершающий факт в институционализации науки и учебной дисциплины. Ее дальнейшее развитие зависело от ряда факторов, в числе которых было и формирование круга ученых, специализирующихся на изучении историко-правовых проблем. Прекращение преподавания в университетах истории русского права, отсутствие в академических структурах профильного подразделения существенно сократили научное сообщество историков права. Наиболее продуктивно работали ученые «старой» дореволюционной школы, как, например, С.В. Юшков и Б.Н. Сыромятников, которым степени докторов наук были присвоены уже в советское время без публичных защит диссертаций. Новые научно-педагогические кадры высшей квалификации готовились очень медленно. О.И. Чистяков, более 50 лет преподававший историю государства и права в МГУ, вспоминал, что в начале 1950-х гг., перед защитой кандидатской диссертации, он не мог подобрать в качестве официального оппонента доктора юридических наук – специалиста по данной отрасли. Показателен и другой факт: за 1948–1950 гг. преподавателями юри-

дических вузов было опубликовано всего 45 крупных работ, среди которых не было ни одной, посвященной истории государства и права СССР [22. С. 97].

Политическая обстановка не благоприятствовала продуктивной научной деятельности. От нападков и обвинений идеологического характера не были застрахованы даже известные ученые. На собрании юридического факультета МГУ пытались обвинить в космополитизме С.В. Юшкова. «Серафим Владимирович не стал оправдываться по существу, он просто вышел на трибуну, ударил себя в грудь и громко заявил: “Какой же я космополит, я же сын попа”. Сейчас не каждый читатель поймет логику этих слов, а в то время все сразу уразумели, и аудитория ответила громким смехом. Дело в том, что под космополитами в то время понимали обычно евреев, а уж в этом Серафима Владимировича заподозрить было трудно: такое убийственное сообщение со ссылкой на папашу, который, как священник, не мог быть евреем или, по крайней мере, иудеем, сразу отменяло все обвинения» [23. С. V].

Заключение

Таким образом, после революции 1917 г. и до конца 1940-х гг. шел процесс трансформации истории русского права в историю государства и права СССР, который соотносился с общим направлением государственной политики в сфере науки и высшего образования. Сохраняя в целом институциональные основы

их организации, государство определило в качестве приоритетных вновь создаваемые формы в виде Коммунистической академии и Института красной профессуры. Университеты как центры историко-правовой науки утратили свои ведущие позиции вследствие закрытия юридических факультетов, упразднения профильных кафедр. История русского права или сопоставимая с ней по содержанию учебная дисциплина не преподавались. В середине 1930-х гг. на официальном уровне получили поддержку продемонстрировавшие свою устойчивость институции в виде университетов и академических структур. Рецепция дореволюционных практик наблюдалась во многих сферах (в качестве показательного примера можно привести восстановление ученых степеней). Вновь разрабатываемая дисциплина «История государства и права СССР» сохранила существенную предметную преемственность с историей русского права. Наиболее заметные различия заключались в изменении хронологических и территориальных рамок, этатизации предмета, постоянно декларируемых новых методологических подходах в интерпретации возникновения и развития государства и права.

Издание двух частей учебника «История государства и права СССР», в которых закреплялся предмет науки и отражалось ее содержание, означало завершение процесса формирования науки и учебной дисциплины, сохранившейся в таком варианте до конца советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов на Дону : Феникс, 2005. 640 с.
2. Смагина Г.И. Академия наук и развитие образования в России в XVIII веке // Вестник Российской Академии наук. 2000. Т. 70, № 7. С. 635–644.
3. Кларк У. Академическая харизма и истоки исследовательского университета. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 752 с.
4. Захаров В.В. Эволюция содержания русского юридического образования во второй половине XVIII – начале XX века // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2007. Т. 2. С. 314–347.
5. Тарановский Ф.В. История русского права. М. : Зерцало, 2004. 238 с.
6. Отчет Института советского права РАНИОН за 1925–26 г. // Советское право. 1927. № 2. С. 162–170.
7. Дзенен О.П. О правовом отделении Института красной профессуры // Революция права. 1929. № 2. С. 157–160.
8. Юридическое образование в Томском государственном университете: Очерк истории (1898–1998 гг.) / под ред. В.Ф. Воловича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 248 с.
9. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Трансформация корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 172–181.
10. Юридический календарь. М. : Юридическое изд-во, 1929. 448 с.
11. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 1934. Оп. 1. Д. 186.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 3.
13. Пашуканис Е.Б. К вопросу о подготовке кадров советского строительства и права // Советское государство. 1934. № 2. С. 35–41.
14. Сорокин А.Н., Латышев А.С., Грибовский М.В. К истории развития и перспективам эффективной кадровой политики современного конкурентоспособного университета в России // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 150–159.
15. АРАН. Ф. 360. Оп. 4. Д. 42.
16. Баженова Т.М., Зипунникова Н.И., Смыкалин А.С. История государства и права в подготовке юристов: некоторые проблемы и перспективы // История государства и права. 2014. № 19. С. 3–6.
17. Сборник положений, программ и литературы институтов красной профессуры на 1930/31 учебный год. М.; Л. : Огиз, 1931. 208 с.
18. АРАН. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 214.
19. Лафитский В.И., Залоило М.В. С.В. Юшков и историко-правовая школа // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 121–131.
20. АРАН. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 242.
21. Тезисы к докладу профессора С.В. Юшкова «Об основных принципах построения курсов по истории государства и права». М. : Всесоюзный юрид. науч. ин-т, 1949. 7 с.
22. Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР / под ред. В.М. Курицына, А.Ф. Шебанова. М. : Наука, 1976. 238 с.
23. Клеандрова В.М., Чистяков О.И. Серафим Владимирович Юшков и его «Русская правда» // Юшков С.В. Русская правда / под ред. О.И. Чистякова. М. : Зерцало-М, 2002. 378 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 апреля 2020 г.

From the History of Russian Law to the History of State and Law of the USSR: The Transformation of the Science and the Academic Discipline in 1917–1940s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 261–269.

DOI: 10.17223/15617793/458/31

Tatiana F. Yashchuk, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia Federation). E-mail yashukomsu@mail.ru
Keywords: history of Russian law; history of state and law; history of science; Soviet state; legal science; legal education.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00523.

The article aims to show the transformation of the science and the academic discipline “History of Russian Law” over the period from 1917 to the 1940s, to establish the degree of continuity and innovations that manifested in the transformation. The study is based on research works on the history of state and law, published historical sources, archival materials. Narrative, comparative legal, and institutional methods were used. Two institutional forms of legal science development were identified: universities and departments of the Academy of Sciences. In the 19th century, an independent area of scientific knowledge was established; its object was historical forms of law. Educational courses on the history of Russian law were based on the study of legislative acts and other sources of law. According to the University Charter of 1863, departments of the history of Russian law were created, scientific research was actively conducted, and works on the history of law were published. After the 1917 revolution, the political and ideological trends in legal science and education changed dramatically. Universities and academic structures as institutional forms survived, but underwent major changes. Law faculties were abolished at universities, specialized departments were closed. The history of Russian law or a comparable discipline in content was not taught. To prepare new academic personnel and conduct research in social sciences and the humanities, including legal science, the Socialist, subsequently Communist Academy and the Institute of Red Professors were opened. These institutions did not create separate units specializing in the study of the history of state and law. The circle of researchers studying such problems decreased sharply. In the 1930s, the Soviet model of the organization of science and higher education, which included many elements that had developed in the Russian Empire, was approved. Interest in historical sciences was restored. Curricula for training lawyers included a discipline that was first called “History of the State and Law of the Peoples of the USSR”, and later “History of State and Law of the USSR”. The leading role in the development of its content, object, and method belonged to S.V. Yushkov. The continuity with the history of Russian law was preserved. The most significant differences were the change in the chronological and territorial framework, the etatization of the object, and the use of the Marxist methodology. New approaches were reflected in the textbook *History of State and Law of the USSR*. The first part of the textbook, prepared by S.V. Yushkov, was published in 1940. It covered only the pre-revolutionary period. The second part described the history of the Soviet state and law. It was edited by A.I. Denisov and published in 1948. Thus, by the end of the 1940s, the new branch of scientific knowledge and academic discipline was established.

REFERENCES

1. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (2005) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Smagina, G.I. (2000) Akademiya nauk i razvitiye obrazovaniya v Rossii v XVIII veke [Academy of Sciences and the development of education in Russia in the 18th century]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. 70 (7). pp. 635–644.
3. Clark, W. (2017) *Akademicheskaya kharizma i istoki issledovatel'skogo universiteta* [Academic Charisma and the Origins of the Research University]. Translated from English. Moscow: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
4. Zakharov, V.V. (2007) Evolyutsiya soderzhaniya russkogo yuridicheskogo obrazovaniya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka [Evolution of the content of Russian legal education in the second half of the 18th – early 20th centuries]. In: *Ezhegodnik rossiyskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva* [Yearbook of Russian Legislation on Education]. 2. pp. 314–347.
5. Taranovskiy, F.V. (2004) *Istoriya russkogo prava* [History of Russian Law]. Moscow: Zertsalo.
6. *Sovetskoe pravo*. (1927) Otchet Instituta sovetskogo prava RANION za 1925–26 g. [Report of the Institute of Soviet Law RANION for 1925–1926]. 2. pp. 162–170.
7. Dzenis, O.P. (1929) O pravovom otdelenii Instituta krasnoy professury [On the legal separation of the Institute of Red Professors]. *Revolutsiya prava*. 2. pp. 157–160.
8. Volovich, V.F. (ed.) (1998) *Yuridicheskoe obrazovanie v Tomskom gosudarstvennom universitete: Ocherk istorii (1898–1998 gg.)* [Legal Education at Tomsk State University: An Essay on History (1898–1998)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) Transformation of the corporate identity and image of Tomsk University in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 172–181. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/21
10. Alimov, P.G. (ed.) (1929) *Yuridicheskii kalendar'* [Legal Calendar]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo.
11. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1934. List 1. File 186.
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 1. File 3.
13. Pashukanis, E.B. (1934) K voprosu o podgotovke kadrov sovetskogo stroitel'stva i prava [On training personnel for Soviet construction and law]. *Sovetskoe gosudarstvo*. 2. pp. 35–41.
14. Sorokin, A.N., Latyshev, A.S. & Gribovskiy, M.V. (2019) The history of the development and the prospects of an effective personnel policy of a modern competitive university in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 150–159. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/19
15. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 360. List 4. File 42.
16. Bazhenova, T.M., Zipunnikova, N.I. & Smykalin, A.S. (2014) History of state and law in training of lawyers: some problems and perspectives. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 19. pp. 3–6. (In Russian).
17. Ogiz. (1931) *Sbornik polozheniy, programm i literatury institutov krasnoy professury na 1930/31 uchebnyy god* [Collection of Provisions, Programs and Literature of the Institutes of Red Professors for the 1930/31 Academic Year]. Moscow; Leningrad: Ogiz.
18. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1934. List 1. File 214.
19. Lafitskiy, V.I. & Zaloilo, M.V. (2015) S.V. Yushkov and Historical and Law School. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 121–131. (In Russian). DOI: 10.12737/13044
20. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1934. List 1. File 242.
21. Yushkov, S.V. (1949) *Tezisy k dokladu professora S.V. Yushkova “Ob osnovnykh printsipakh postroeniya kursov po istorii gosudarstva i prava”* [Theses to the Report of Professor S.V. Yushkov “On the Basic Principles of Building Courses on the History of State and Law”]. Moscow: Military Law Academy.
22. Kuritsyn, V.M. & Shebanov, A.F. (eds) (1976) *Ocherki po istorii yuridicheskikh nauchnykh uchrezhdeniy v SSSR* [Essays on the History of Legal Research Institutions in the USSR]. Moscow: Nauka.
23. Kleandrova, V.M. & Chistyakov, O.I. (2002) Serafim Vladimirovich Yushkov i ego “Russkaya pravda” [Serafim Vladimirovich Yushkov and his “Russian Truth”]. In: Yushkov, S.V. *Russkaya pravda* [Russian Truth]. Moscow: Zertsalo-M.

Received: 21 April 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АФАНАСЬЕВ Александр Лукьянович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: afal_2007@mail.ru

АЮШЕЕВА Марина Васильевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: ayagma@yandex.ru

БАЙБАТЫРОВА Айгуль Амангельдиновна – ст. преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан). E-mail: baibatyrova2017@gmail.com / baibatyrova.a@yandex.kz

БАХРИЕВ Бахри Хуршедович – канд. полит. наук, научный сотрудник кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

БОЛЬШОЙ Александр Владимирович – начальник спортивного клуба Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: troofta@mail.ru

БУРМИСТРОВ Сергей Леонидович – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: SLBurmistrov@yandex.ru

ВАХНИНА Екатерина Георгиевна – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского горного университета. E-mail: vakhnina_eg@pers.spmi.ru

ЖЕЛНИН Антон Игоревич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: antonzhelnin@gmail.com

ЖИРОНКИНА Евгения Сергеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: PastorJoseph@yandex.ru

ЗАГВАЗДИН Евгений Петрович – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: kulay_arx@mail.ru

ЗАГРЕВСКИЙ Олег Иннокентьевич – д-р пед. наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета; профессор кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета. E-mail: o.zagrevsky@yandex.ru

ЗАХАРОВА Наталия Владимировна – ст. преподаватель кафедры международной деловой коммуникации Томского государственного университета. E-mail: zakharova_n@mail.ru

ИМЕКОВА Мария Павловна – канд. юрид. наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Томского государственного университета. E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

ИСАЕВА Анастасия Александровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета. E-mail: tess@mail2000.ru

КАБАНОВА Татьяна Валерьевна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры теории вероятностей и математической статистики Томского государственного университета. E-mail: tvk@bk.ru

КАЛАШНИКОВА Ксения Николаевна – младший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); ассистент кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета. E-mail: Kalashnikova345@mail.ru

КОЛМОГорова Анастасия Владимировна – д-р филол. наук, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: nastiakol@mail.ru

КОНЯЕВА Юлия Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: j.konyaeva@spbu.ru

КРАВИНСКАЯ Юлия Юрьевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: rozajulia@mail.ru

КУЛАГИНА Наталия Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Соликамского государственного педагогического института (филиал) Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: natkulagina@inbox.ru

КУРТА Иван Валентинович – канд. техн. наук, директор Воркутинского филиала Ухтинского государственного технического университета. E-mail: ikurta@ugtu.net

ЛАРКИНА Ксения Дмитриевна – тренер Спортивной школы олимпийского резерва № 42 Москомспорта (г. Москва). E-mail: lareok@mail.ru

ЛЕВАШКИНА Зоя Николаевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: zoyagulik@mail.ru

ЛОГИНОВА Анастасия Сергеевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород). E-mail: aloginova@hse.ru

МАСЛОВА Дарья Александровна – директор Центра разработки и сопровождения онлайн-курсов Института дистанционного образования Томского государственного университета. E-mail: da_maslova@ido.tsu.ru

МАХОВИКОВ Алексей Борисович – канд. техн. наук, декан факультета фундаментальных и гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского горного университета. E-mail: amakhovikov@spmi.ru

МИРОНОВ Андрей Олегович – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и здоровья Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва). E-mail: miron1964@yandex.ru

МИРОНЮК Сергей Алексеевич – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: privetsergey95@mail.ru

МИХЕЕВА Ирина Вячеславовна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород). E-mail: imikheeva@hse.ru

МОЖАЕВА Галина Васильевна – канд. ист. наук, директор Института онлайн-образования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); директор по развитию Института дистанционного образования Томского государственного университета. E-mail: gvmozhaeva@fa.ru

ОБДАЛОВА Ольга Андреевна – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: o.obdalova@mail.ru

ПАХОМОВА Александра Сергеевна – докторант отделения русской и славянской филологии Тартуского университета (г. Тарту, Эстония). E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com / alexandrit_94@mail.ru

ПЕТРИНА Зоя Ивановна – доцент кафедры спортивных дисциплин и методики их преподавания Московского педагогического государственного университета. E-mail: zoya-petrina@yandex.ru

ПОЛХОВСКАЯ Елена Васильевна – канд. филол. наук, зав. кафедрой английской филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: helenpolkhovskaya@gmail.com

ПРОКОФЬЕВА Наталья Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: n.prokofieva@spbu.ru

ПРОНИНА Наталья Владимировна – ст. преподаватель кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород); директор ООО «Юридическое сопровождение и аудит». E-mail: n-pronina2301@yandex.ru

РУСТАМОВА Лейли Рустамовна – канд. полит. наук, ст. преподаватель кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (г. Москва). E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

САВИН Алексей Эдуардович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва); профессор Института общественных стратегий Московской школы управления «Сколково» (г. Москва). E-mail: savinae2018@gmail.com

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна – д-р ист. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

СЕВОСТЬЯНОВ Алексей Владимирович – ст. преподаватель кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: 9410@mail.ru

СОРОКИН Александр Николаевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

ХАМИНОВ Дмитрий Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; зав. кафедрой теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: khaminov@mail.ru

ЦЕЛИЩЕВ Виталий Валентинович – д-р филос. наук, научный руководитель Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); профессор кафедры истории философии Новосибирского государственного университета. E-mail: leitval@gmail.com

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: toleben@yandex.ru

ЩЕГЛОВА Екатерина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e.scheglova@bk.ru

ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна – д-р полит. наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: sapfir.19@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Кристина Игоревна – профконсультант Института дистанционного образования Томского государственного университета. E-mail: kiyakovleva@ido.tsu.ru

ЯЩУК Татьяна Федоровна – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: yashukomsu@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 458. Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.09.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,2. Усл. печ. л. 31,8. Тираж 50 экз.
Заказ № ... Цена свободная.

Дата выхода в свет ... ноября 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru